

МАКСІМ
БАГДАНОВІЧ

АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ
ІНСТЫТУТ ЛІТАРАТУРЫ
ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ

МАКСІМ БАГДАНОВІЧ

ПОЎНЫ ЗБОР ТВОРАЎ
У ТРОХ ТАМАХ

МІНСК
«НАВУКА І ТЭХНІКА»
1993

МАКСІМ БАГДАНОВІЧ

ПОЎНЫ ЗБОР ТВОРАЎ

•
ТОМ II

МАСТАЦКАЯ ПРОЗА
ПЕРАКЛАДЫ, ЛІТАРАТУРНЫЯ АРТЫКУЛЫ
РЭЦЭНЗІІ І НАТАТКІ
ЧАРНАВЫЯ НАКІДЫ

МІНСК
«НАВУКА І ТЭХНІКА»

1993

ББК 84Бел1

Б14

Во второй том включены прозаические произведения М. Богдановича: рассказы, переводы, литературно-критические статьи, рецензии, заметки.

Рэдакцыйная калегія:

В. В. Зуёнак, В. А. Каваленка, А. А. Лойка,
М. І. Мушыньскі, А. Т. Хадкевіч

Рэдактар тома М. І. Мушыньскі

Падрыхтоўка тэкстаў і каментарыі

С. В. Забродскай, Л. М. Мазанік, К. В. Піліповіч, А. І. Шамякінай,
Т. Р. Строевай, С. А. Белай

Пасляслоўе М. І. Мушыньскага

Багдановіч М.

Б14 Поўны збор твораў. У 3 т. Т. 2. Маст. проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды.— Мн.: Навука і тэхніка, 1993.— 600 с., [4] л. іл.

ISBN 5-343-00958-1.

Богданович М. Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. Худож. проза, переводы, литературные статьи, рецензии и заметки, черновые наброски.

У другі том уключаны праязічныя творы М. Багдановіча: апавяданні, пераклады, літаратурна-крытычныя артыкулы, рэцэнзіі, нататкі.

Б $\frac{4702120102-135}{М316(03)-93}$ 119—92

ББК 84Бел1

ISBN 5-343-00958-1 (т. 2)

ISBN 5-343-00956-5

© Калектыў складальнікаў, 1993
© Афармленне. Р. М. Карачан, 1993

МАСТАЦКАЯ
ПРОЗА

МУЗЫКА

Жыў на свеце музыка. Многа хадзіў ён па зямлі ды ўсё граў на скрыпцы. І плакала ў яго руках скрыпка. І такая была ў яго гранні нуда, што аж за сэрца хапала...

Плача скрыпка, льюць людзі слёзы, а музыка стаіць і выводзіць яшчэ жаласней, яшчэ нудней. І балела сэрца, і падступалі к вачам слёзы: так і ўдарыўся б грудзю аб зямлю ды ўсё слухаў бы музыку, усё плакаў бы па сваёй долі...

А бывала яшчэ й так, што музыка быццам вырастаў у вачах людзей і тады граў моцна, гучна: гудзяць струны, дзваніць рымка, бас, як гром, гудзіць і грозна будзіць ад сну і завець ён народ. І людзі падымалі апушчаныя голавы, і гневам вялікім блішчалі іх вочы.

Тады бляднелі і трасліся, як у ліхаманцы, і хаваліся ад страху, як тыя гадзюкі, усе крыўдзіцелі народу. Многа іх хацела купіць у музыкі скрыпку яго, але ён не прадаў яе нікому. І хадзіў ён далей меж бедным людям і граннем сваім будзіў ад цяжкага сну.

Але прыйшоў час, і музыкі не стала: злыя і сільныя людзі кінулі яго ў турму, і там скончылася жыццё яго... І тыя, што загубілі музыку, узялі яго скрыпку і пачалі самі граць на ёй народу.

Толькі іхняе гранне нічога людзям не сказала. «Добра граеце,— гаварылі ім,— ды ўсё не тое!» І ніхто не мог рас-

тлумачыць, чаму ад грання музыкі так моцна білася сэрца бедакоў. Ніхто не ведаў, што музыка ўсю душу сваю клаў у ігру. Душа яго знала ўсё тое гора, што бачыў ён па людзях; гэта гора грала на скрыпцы, гэта яно вадзіла смыкам па струнах; і ніводзін сыты не мог так граць, як грала народнае гора.

Прайшло шмат гадоў з таго часу. Скрыпка разбілася. Але памяць аб музыку не згінула з ім разам. І з-памеж таго народу, катораму ён калісь граў, выйдуць дзесяткі новых музыкаў і граннем сваім будуць будзіць людзей к свету, праўдзе, брацтву і свабодзе...

[1907]

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

— Ба-ам... Ба-а-м...

— Второй звонок, госпо-о-да! Остановка три минуты. Кто-о не получал билеты, извольте получать...— глухо, сиповато выкрикивает бородатый сторож полустанка, бегом скользя взглядом по суетящейся толпе пассажиров.

— Дрррры риррии...— резко, пронзительно отзывается ему кондуктор. И вдруг страшный, оглушительный рев локомотива, на мгновение наполнив полустанок, сердца суетящихся пассажиров и дальнюю окрестность, одним сплошным, ревущим, колеблющим что-то внутри железным воем, покрывает собой все.

Некоторые из пассажиров, растерянно присев к земле и крепко зажав уши, болезненно морщатся. Кто-то ругается:

— Ну, и чорт, право...

— Орет дьявол, словно взбесился...

— Дьявол, право ну...

Кто-то хихикает. А «дьявол», страшный, мощный и тяжелый, тяжело пытая и отдуваясь, гневно выбрасывает целый сноп искр с зловеще багровым дымом и тяжело-гневно вздрагивает на рельсах.

— Трет-тий звонок, господа-а...— также сипло-басовито провозглашает бородатый сторож, дергая три раза веревку звонка,— и толпа пассажиров шарахается к вагонам. Начинается давка.

Резко, пронзительно свистит кондуктор, грознопотрясающе рывкнул локомотив, и грязные неуклюжие вагоны,

резко позвякивая буферами и тяжело покачиваясь из стороны в сторону, медленно поползли за локомотивом.

Савелий Волчков, давно уже нетерпеливо и жадно выглядывающий из-за одного из штабелей длинных бревен, в большом количестве сложенных неподалеку от полустанка — за линией дороги, торопливо выскакивает на линию, пугливо озираясь по сторонам, и быстро, неуверенно семенил разбитыми ногами вслед удаляющимся вагонам. Болтающаяся сзади, грязная, низко подвязанная его сумка, раскачиваясь из стороны в сторону от бега, ударяясь об его ноги, сбоку и сзади залетает вперед и, путаясь в ногах, мешая Савелию бежать... А поезд удаляется.

Чтобы попасть на поезд, Савелию надо обогнать по крайней мере три — четыре вагона; а тут — разбитые долгой ходьбой и без того слабые ноги, дряблая, бессильная немощь во всем теле от постоянного недоедания за многие недели скитания в поисках работы, и эта мешающая ему сумка... Савелий порывисто подхватывает сумку, с отчаянием напрягает последние усилия и, не обращая внимания на кричащего ему что-то навстречу кондуктора с заднего вагона, смешно и неуклюже разбрасывая ноги, бешено мчится за поездом. Первый... второй... третий вагон... Савелий, мелко посеменив ногами на одном месте, хватается дрожащей рукой за железную скобку третьего от края вагона и, застывши от ужаса, с сознанием опасности и риска собственного намерения, падает грудью на площадку... Упрямый мешок не прошел в узкую дверь площадки — зацепился за скобку, и, дернувшись обратно, Савелий с безумно вытаращенными глазами ползет со ступенек... Ноги бессильно, конвульсивно вздрагивая и чертя по песку линии, будто притягиваемые магнитом, коварно подворачиваются под рельсы. В голове Савелия мутится, в сердце холодеет... и, бессильно в ужасе всхлипывая, он слабо царапает стенку площадки, не доставая до скобки. Один момент отчаянного усилия. Рука дотягивается до скобки, порывисто хватая ее, сгибаясь в локте, забирается выше,

и длинное, тощее тело Савелия подымается вверх... Наконец цель достигнута — Савелий на площадке. Радостный и безумный от этой невыразимой своей радости, Савелий, раза два болезненно сморщив свое острое, худое лицо, как-то странно всхлипывает; ухватившись крепко обеими руками за ручку двери вагона и немного подавшись вперед, безумными глазами смотрит вниз на мелькающую перед ним линию, где только что тащилось его слабое, тощее тело, — и затем, оглядевшись кругом и почувствовав себя уже в полной безопасности, начинает радостно, дико и странно хихикать. А поезд шумно и весело, как бы в дикой, бешеной пляске, грохоча и лязгая, несется вперед. Мелькнет лес, кустарники, холмы; мелькнет притаившаяся и вынырнувшая вдруг из-за перелеска убогая жалкая деревушка... Опять лес, холмы, кустарники. И опять какая-нибудь забытая богом и людьми, заброшенная в лесную, глухую трущобу убогая деревушка. Глядишь — и кажется, конца не будет узорной ленте живого, пляшущего перед глазами калейдоскопа. Не будет конца дикой, безумной погони за кем-то этого страшного железного чудовища.

Савелий глядит в разбитое стекло двери, и эта живая мелькающая пляска окрестности перед его глазами настраивает его на меланхолично-задумчивый лад. Он что-то думает. Но мимо, с еще не зажженным фонарем в руке, проходит краснощекий, присадистый обер, подозрительно оглядывая Савелия. И Савелий начинает волноваться. С уходом обера мысли Савелия принимают совершенно уже другой оборот. — Куда же спрятаться? — соображает он: — станция, должно, не за горами... — И как бы в ответ ему на его мысли — глухо, отдаленно проревел локомотив. Поезд замедляет ход. Савелий волнуется уже не на шутку и безнадежно растерянным взглядом беспокойно шныряющих повсюду глаз бегло ощупывает площадку. Глядит на пол, на тормоз, на стенки площадки, глядит на дверь вагона, но утешительного ничего нет. Спрятаться некуда. Саве-

лию делается жутко. И у него мелькает уже мысль броситься вниз на мелькавшую все еще перед глазами линию — и хоть расшибиться, но лишь бы только избегнуть нагло назойливых, зло насмехающихся приставаний кондукторов и жандармов, когда его приведут на станцию, и выговоров и нотаций самого начальника станции — но вдруг, просунув голову в разбитое окно и несколько мгновений с вывернутой шеей поглядев вверх, на косяк крыши вагона, Савелий несколько успокаивается и с решительной поспешностью начинает свертывать мешок. Когда из длинного, тощего мешка получился небольшой, туго стянутый веревкой комок, Савелий быстро накидывает его себе на шею и, распахнув дверь площадки и встав ногами на то место, где было выбито стекло, перекрестившись, карабкается на крышу... Острое, худое лицо Савелия в этот миг нового его риска и опасности — безнадежно и жалко. Руки дрожат... Но с страшными усилиями Савелий упорно карабкается. Поезд в это время идет совсем уже тихо, и под-сказанная Савелию сознанием мысль, что и сорвавшись он все же не разобьется насмерть, подбадривает Савелия, и он, обрываясь и скользя дрожащими руками по косяку крыши, все карабкается и карабкается...

Вот его длинные, сухие ноги, закинувшись высоко-высоко над головой, метнулись в воздухе... опустились снова... снова метнулись и, сделавшись вдруг короче, совсем исчезли. Савелий на крыше. Осторожно, но уверенно, уже подползши по крыше к одной из вентиляций вагона, Савелий снимает с шеи веревку, развязывает мешок и, как бы собираясь остаться надолго пассажиром дарового проезда, расправляет его в виде подушки, кладет около вентиляции, придерживаясь за нее руками, ложится на спину. Лежать неудобно. Вагон качает из стороны в сторону, и ноги Савелия ерзают по крыше то в одну, то в другую сторону. Но Савелий не унывает: вытянувшись во весь рост, он достает ногами другую, такую же вентиляцию и, обхватив ее ногами, приобретает более удобное положение. Теперь он

кажется совершенно уже спокойным и, глядя в темнеющую постепенно синеватую глубину неба, начинает мечтать. Мечты Савелия несложны, далеко в них Савелий не заходит и многого никогда не желает. Но мечтает Савелий все же о будущем.

«Вот он едет... и благополучно добирается до какого-либо, по его профессии, завода... Савелий принят. Савелий уже работает... работает месяц-другой — и ему дают денег, чтобы послать за женой... Детей у Савелия нет. Приезжает жена... И ровная, однообразная, мирная жизнь его течет по-прежнему: ровно, однообразно, и хотя вяло и скучно, но тихо и безмятежно»...

В теле Савелия от этого сладкого предвкушения будущего начинает разливаться какая-то сладкосонливая истома. Много ночей сряду Савелий не досыпал — ему страшно хочется спать, — и веки Савелия начинают слипаться. Он не прочь, пожалуй, уже и уснуть, но вдруг новый, неожиданный, режущий ухо рев локомотива гневно проносится над Савелием, и, вздрогнув и хлопая отяжелевшими веками, он начинает прислушиваться.

— Станция,— весело заявляет кто-то на площадке вагона и гулко спрыгивает на землю.

— А не знаете ли, сколько стоянки... — слышится уже другой голос.

— Не знаю,— глухо и мрачно обрывает кто-то, и тяжелые, медвежьи шаги, шурша, ползут по ступенькам.

— Пятнадцать минут стоянки, господа!... — зычно выкрикивает, по-видимому, кондуктор и, гоня перед собой по земле тусклый луч от фонаря, быстро и бодро направляется к станции.

— Станция Бологое... Пятнадцать минут, господа...

— Стой! Куда прешь, окаянный... — ревет уже злобный, негодующий голос.

— У—у.— Дьявол... Леший... Прешь,— визгливо передразнивает его кто-то.— Знамо, мужик. Никакого образования. Прешь...

Слышится смех и подзадоривание. На площадке дав-ка. Савелий, протянувшись стрункой по крыше вагона — лежа на спине — слышит все это; — и все это вызывает в нем острое любопытство. Савелию страшно хочется приподняться и, выглянув вниз, полюбоваться на суетящуюся, оживленно и смешно переругивающуюся публику, но боязнь быть открытым охлаждает его жгучее любопытство, и, превозмогая его, он лежит, не шевелясь, и, глядя в небо, терпеливо ждет. Несколько минут пауза.

— Первый звон-нок, господа-а,— раздаётся вдруг мягкий задушевный голос станционного сторожа, и в тон ему мягко и задушевно вторит-поет серебряный звон небольшого колокола. Снуют пассажиры, оживленно переговариваясь. Савелий лежит и слушает.

— Второ-ой звонок, господа-а,— тянет тот же мягкий задушевный голос.

Звонок вторит ему, подхватывает дребезжащий, резкий свисток — и страшный оглушительный рев локомотива покрывает собой все. Пассажиры тревожно начинают суетиться. Опять пауза. Затем третий звонок, снова дребезжащий, резкий свисток кондуктора, рев локомотива — и поезд приходит в движение.

Покачиваясь, лязгая цепями и резко постукивая буферами, вагоны нервно вздрагивают и медленно ползут вперед. Савелий крестится и мысленно творит молитву. Когда сбоку совсем недалеко от Савелия промелькнул бледно-синеватый, неподвижный огонек семафора, Савелий не выдерживает — приподнявшись на локте, глядит на быстро удаляющуюся, всю залитую немигающими, белыми, ровными огоньками красивую станцию,— глядит вверх, сбоку и не может оторваться. Расстилается широкая, необозримая, постепенно темнеющая равнина. Желто-красный, зловещий, полный месяц, поднимаясь на небосклоне, угрюмо и мрачно смотрит с вышины на землю и скупно разбрасывает по ней свой упрямно немигающий, тускло-багровый хо-

лодный свет. И под этим светом как бы ползущая назад равнина кажется дикой и безжизненной.

Почувствовав в душе какой-то жуткий, угнетающий осадок от вида этой безжизненности, Савелий снова лег на спину и, цепко придерживаясь руками за вентиляцию, поглядел в небо. А поезд уже летит. С оглушающим ревом металлического хаоса, дико вздрагивая, лязгая и грохоча, словно в бешеной погоне за кем-то, он бешено несется вперед и страшный, нелепый в своем диком иступлении — безумно и гневно хохочет. Вагоны прыгают, трещат, стонут — отчаянно мечутся из стороны в сторону.

Обезумев от ужаса, повернувшийся уже на живот, Савелий что было силы вцепился руками в вентиляцию вагона и, почти теряя сознание, силится удержаться. Ноги его уже мечутся по вагону, и, пытаясь поймать ими другую вентиляцию, Савелий в отчаянии беспомощно всхлипывает. Дикий вой, лязг, грохот — дикий, бешеный, торжествующий хохот — оглушают Савелия, и он, подпрыгивая, вздрагивая и мечась по крыше всем своим туловищем, готовый лишиться последних слабеющих сил — уткнувшись лицом в судорожно цепляющиеся за вентиляцию руки — часто, отчаянно, безнадежно клюет головой. Мелькают холмы, телеграфные столбы, мелкий кустарник, канавы, вынырнет из-за перелеска убогая деревенька, а поезд, страшный, безумно нелепый в своей дикой, непонятной погоне за кем-то все летит, летит, ежеминутно ускоряя ход. Еще мгновение — и Савелию не удержаться... Конвульсивно сжатые пальцы его уже слабеют, разгибаются, отрываясь от вентиляции, в отчаянном бессилии царапают ее, тело откинулось, и бессильные ноги трепетно бьются уже о край крыши... Еще миг — и Савелия не будет... От него останется и будет валяться на линии лишь страшный, обезображенный, кровавый остов... Боже. Еще миг... Один лишь миг...

Но вдруг, мощно-тяжело вздрогнув и мелко, конвульсивно задрожав всеми своими железными частями — по-

езд начал замедлять ход. Савелий прислушивается, — и, не веря, что недавняя опасность минула, не веря самому себе, но чувствуя все же, что поезд идет уже гораздо тише, Савелий быстро хватается руками за вентиляцию и, быстро подобрав ноги, обвивает ими другую такую же вентиляцию; и когда все сделано, чтобы быть спокойным за свою участь, спокойным, насколько это позволяло его незавидное положение, — Савелий приподнимает даже голову и начинает снова рассматривать окрестности.

Полный, величавый месяц уже поднялся высоко и светил так задумчиво, спокойно. И в его свете, матовом и бледном, раскинувшаяся необъятная равнина казалась уснувшей. Ни единого звука ее дневной оживленности. Только тяжелое беспокойное пыхтение локомотива да резкое позвякивание цепей и вагонных буферов нет-нет да прокатятся по ее широкой спокойной груди, на мгновенье разбудят ее, гулким эхом отзовутся издалека... И снова тихо.

Поезд тащится лениво; вагоны тяжело, как бы нехотя покачиваясь из стороны в сторону, со стоном поскрипывают и где-то внизу, на рельсах, поют бесконечную, монотонную песню. Почти забыв о недавней опасности, Савелий лежит, глядит и слушает.

Из открытого окна вагона до него явственно доносятся голоса. Говорят мужчина и женщина. По всему чувствуется, что молодые. Голоса чистые, задушевные, мягкие, слегка возбужденные. Говорят о поэзии, о любви — о вечной, бессмертной любви и красоте...

— Ах, эта ночь... Такая ночь... голубая, лунная ночь... полная иллюзий и волшебных, неземных чар... — страстно вздыхает женский грудной голос.

— А вы любите поэзию, Павлина Александровна? — спрашивает волнующийся бархатный баритон.

— О-о, — восклицает женский голос. — Природа, поэзия — это мое божество, перед которым я восторженно и благоговейно преклоняюсь.

— Я также... — задумчиво отзывается баритон.

— Луна... эти чудные, голубые ночи — они, знаете ли, как-то особенно настраивают... Не правда ли?

— Да, — соглашается нежный женский голосок, — и тут же декламирует: «Луна, луна, — о, сколько дум, о, сколько...» — но вдруг обрывает и, как кажется Савелию — обладательница его, как-то особенно задушевно засмеявшись, быстро поправляется: — Совсем не то, не то... Я спутала. Вы не будете смеяться, Владимир Александрович.

— Нет, зачем... — поспешно и как бы удивленно отзывается баритон. — Я... нет. И знаете ли, Павлина Александровна, не правда ли... эти чудные, голубые ночи мирят человека с кошмарной... да, кошмарной действительностью... Да, ведь...

— Конечно, — неопределенно соглашается женский голосок, но сейчас же решительно добавляет: — Да, действительность ужасна... Ужасна, да... Подумать только: — всего ведь так много — везде и повсюду... А человеку все мало, все тесно.

— Вот именно, — отзывается баритон и тут же умолкает.

По-видимому, говорящий господин разбивает иллюзии красот поэзии и любви о твердыню кошмарной действительности и, угнетенный, задумывается.

Савелий также начинает думать. И думает он и о том случайном счастье, каким пользуются другие, более привилегированные в жизни, — ну, хоть бы те, разговор которых он только что слушал, — думал и о своем несчастье; и о том, что в природе и впрямь всего много везде и повсюду, но почему-то людям все тесно... так тесно, что ему, например, нет даже места в вагоне, как всем остальным, случайно более привилегированным людям, и едет он, крадучись, будто вор или убийца какой, — на крыше вагона — едет с боязнью, трепетом и риском своей жизнью. А и едет-то он всего работы искать... Не бог знает в какое странствование

отправляется. Голодает... не спит... мучается... страдает...
Господи, Господи...

Хочется Савелию еще о чем-то подумать. О чем-то неясном, непонятном ему. Хочется заплакать, закричать и, безумно забившись головой о крышу вагона, собрать всех бездушных, себялюбивых, холодных людей и указать им на свое несчастье... Но тут гневно, порывисто вздрагивает поезд и, мощно рванувшись вперед, ускоряет ход. Савелий быстро переворачивается на живот и, положив голову на вцепившиеся вдруг судорожно в вентиляцию руки, неподвижно каменеет. Через несколько минут колеса вагонов выбивают уже неровный, злобнонегодующий, металлический такт: та-так-та-так-та-так... Поют веселую, бесшабашную песню и в безудержной, дикой пляске безумно хохочут. Вагоны трещат, скрипят, стонут и бессильно, отчаянно мечутся из стороны в сторону... Поезд летит... Летит бешеный, страшный, дикий и, как бы чувствуя свою мощь и превосходство над слабым загнанным человеком, трепещущим на крыше вагона, безумно и дико хохочет.

Ноги Савелия, оторвавшись уже от вентиляции, снова откинулись на край крыши и снова, слабые и вялые — словно мочала, бессильно бьются и мечутся по вагону... Руки слабеют... в голове мутится. И оглушенный диким, страшным воем металлического хаоса, Савелий бьется головой о крышу и в отчаянии, безнадежно всхлипывает.

...А поезд с издевающимся хохотом гневно стремится вперед и вперед. И... вдруг... резкий неожиданный поворот на закруглении — вагон вздрагивает, метнувшись в сторону, и Савелий безумно, пронзительно вскрикнув — поднятый высоко над вагоном, стремительно летит вниз. Вместе с ним летит и его мешок, подложечный под голову... Ударившись о железную версту, Савелий несколько мгновений — ногами вверх — судорожно роется головою в песке, затем, сильно взметнув ногами, падает на спину и застывшими, остеклянившимися вдруг глазами, с застывшим

страшным вопросом растерянности и непонимания — обращается к небу...

Как бы испугавшись этой нелепой человеческой смерти, месяц быстро юркнул в набежавшее облако. А поезд, убегая от смерти и как бы оповещая о ней черствых, себялюбивых, бездушных людей, дико, отчаянно заревел. И вся окрестность, принакрывшись угрюмой, темной пеленой, привяла, словно стала дикой и безжизненной. Только мешок, обрызганный кровью Савелия, повиснув на версте предостерегающим флагом, один остался очевидцем разгравшейся страшной, дикой, нелепой катастрофы. Но кому передаст эту нелепую историю этот безгласный свидетель? Кто же расскажет, кто услышит и кто узнает эту страшную повесть? Да и страшна ли она?.. «Все ведь это так обыкновенно»... Идет обыкновенно и пойдет по обыкновению...

Люди приедут, куда кому надо, и засуетятся, забегают, каждый по своим делам. Юркий репортер, жаждущий всегда новости — только новости — услышав эту свеженькую новость, поторопится напечатать ее в какой-нибудь интересующей читателя «распространенной газете». Читатель же скользнет равнодушно по ней и, не вникнув даже в смысл подвернувшегося ему на глаза «Несчастливого случая», перевернет страницу и начнет рыться в газете, отыскивая в ней «более выдающегося». И только разве жена несчастного, не скоро узнав эту страшную весть, ударится головой о сырую землю и, судорожно царапая ее, забьется, застонет в рыданиях и застынет в своем безумном горе... Но люди и тут останутся верны себе: не услышат и не поймут они безысходного ее горя. Разве только ветер свободный, подслушав этот крик горя, крик сердца — как бы захотев узнать причину его, — метнется по белу свету — вихрем пронесется по широкой степи и, заглянув в безумно открытые очи несчастного, с застывшим вопросом устремленные в небо, метнется в ужасе в сторону и ударит ураганом в величавый, горделивый лес. Покачнется лес, взмахнет своими

мощными руками-ветвями, прошумит и замолкнет, застыв снова в своем прежнем спокойном величии. Познав бессилие свое, отпрянет ветер прочь и зашумит, загудит по широкой, раздольной степи. Всколыхнется ковыль-трава и, пригнувшись к земле, беспокойно замечется. Да былинка, одинокая в степи, застонет, задрожит и, припав безнадежно, в отчаянии, своей хлипкой головкой к земле, долго-долго будет биться о ее холодную бесчувственную грудь...

[1913]

КОЛЬКА

Колька лежал на лавке под окном и смотрел. В окно виднелся кусочек голубого неба. За окном слышалось журчанье воды в канаве и какое-то особенно веселое чириканье. Сквозь разбитое стекло окна, плохо заткнутое какой-то тряпичей, струился свежий воздух и сильно тянуло навозом, сырой землей и талым снегом.

Колька ничего не видел, кроме клочка голубого неба. Это небо напоминало ему голубой, с золотыми на нем звездами, купол маленькой приходской церкви, в которую в последнее воскресенье носила его причащать его мать. Лежа на руках матери, когда она подносила его к чаше, он видел прямо над собою этот лазоревый свод и запомнил его твердо. Еще, перед открытыми царскими воротами, как раз за спиной священника, он увидел большой, больше роста человеческого, образ Воскресения. Священник, старенький, седенький, весь сморщенный, с дрожащими руками и надтреснутым голосом, низко склонял над чашей свое морщинистое желтое лицо, произнося слова молитвы, и Колька старался не смотреть на это лицо, а смотреть сквозь него на большой светлый образ в глубине алтаря. И когда он пристально всматривался в этот образ, ему казалось, что нет больше священника с чашей, а стоит перед ним тот, светлый, лучезарный, весь сияющий, и смотрит на него близко, близко. Образ в алтаре сливался для него с образом старенького священника и, когда он, зажмурясь, принял причастие, он не знал хорошенько, кто его причастил? Священник ли, или Тот, который поднимался в голубую высь с распростертыми, благо-

словляющими руками? Последнее воспоминание, которое у него сохранилось,— приятное ощущение сладости во рту, чего-то светлого перед глазами, как это небо, свода.

Кольке не было еще трех лет. Он страдал неизлечимой болезнью и совсем не мог ходить. Крошечный, с большой головой и тщедушным тельцем, он составлял несчастье своей матери. Отец его, горчайший пьяница, умер год назад. Его привезли как-то с праздника в бесчувственном состоянии и положили на лавку. Больше он не просыпался. В нетрезвом виде он бывал нехорош, бранил и частенько бил свою Марью, и однажды, назло ей, опрокинул люльку, в которой спал маленький Колька. С тех пор Колька все хирел, а после того, как его как-то особенно парила в русской печке старая повитуха-знахарка, бабка Анисья, он уже не вставал с жесткой и грязной подстилки, которая служила ему постелью. Он стирал на медленном огне и его маленькое восковое тельце таяло, точно весенний снег, с каждым солнечным днем, и делалось все прозрачнее и легче.

Свежий воздух от разбитого окна беспокоил Кольку. Он закашлялся, всхлипнул и вдруг заплакал жалобно-протяжно.

— Ну, чего, надоеднй! Угомона на тебя нет,— ворчала Марья, продолжая управлять около печки.

— День-деньской майся, майся! Николи покоя не знаешь.

— Не берет его Господь, прости Господи! Хоть бы прибрал,— все легче было бы. На один уж конец.

— Нишкни у меня! Я-те огрею, я-те дам плакать!

— Ох, Господи! Всех-то накорми, да сряди, да припаси всего про всех. А откуда взять? Одна я... а их — пятеро.

— Ох, доля моя горькая,— вздохнула Марья, вытирая глаза кончиком головного платка.

— Ну, полно реветь-то! Накося игрушку. Вона какая, мотри,— обратилась она к Кольке, всовывая ему в разжатый кулачок какой-то деревянный чурбанчик.

Колька взял машинально игрушку и поднес ее к сухим губам.

— Слышь ты? Умником будешь, ужотко поп придет, — яичко принесет.

— Какой поп? — думал Колька. — Тот ли седой, старый, или другой, светлый, далекий? И какое яичко?

Кольку заняла мысль об яичке. Он закрыл глаза и вспомнил голубой свод церкви и на нем золотые звезды.

«Такое должно было быть и яичко».

Мать одевала старших детей к заутрене. С Колькой должна была остаться сестренка, двумя годами старше его.

— Нипочем не управиться, — продолжала Марья, — примывка и стирка. Одних озорников этих обмой, общей... Жизнь каторжная!

— Танюха, мотри у меня, от Кольки не убежать — выдеру. Звонят, что ли? Не опоздать бы...

— Словно нехристь какая, без заутрени того и гляди останешься.

С ближайшей колокольни раздался первый удар колокола. Ему ответили соседние, и внезапно загудел воздух.

Марья перекрестилась. Она подошла к Кольке, сложила крестообразно пальчики его правой руки и поднесла их ко лбу, к правому и левому плечу.

— Так-то лучше. Натко, кстись, болезный. Как звон услышишь, так и кстись.

— Танюха, Кольку у меня не забижай. Ужотко поп — ат придет, яичко принесет.

Колька был в забытьи. Его била лихорадка. Он то сбрасывал с себя грязное тряпье, которым укрыла его мать, то силился слабыми ручонками натянуть его на себя. На полу, без подстилки, подложив руку под голову, спала Танюха. Было совсем темно. В окно смотрела ночь — самая темная и самая светлая из ночей. В воздухе стоял глухой гул. Колька проснулся. Во рту у него было мучительно сухо. Голова горела. Все его маленькое тельце

ныло. Хотелось пить. Его пугала тишина, темнота и звон.

— Мамка! — заревел он вдруг так громко, как только хватало сил.

— Я-те дам мамку,— отозвалась проснувшаяся Танька.

— Слись ты, поп завтла плидет, яйцо плинесет,— закартавила Танька.

Колька на этот раз плакал долго. Все личико его набухло от слез. Во рту стало солоно. Он плакал, пока, измученный, обессиленный, не потерял сознание.

Очнулся он от света, яркого теплого света. Когда он открыл глаза, то увидел низко, низко над собою голубой купол с золотыми звездами. От этого купола ввысь тянулись золотые лучи,— целые снопы золотых лучей. Лучи эти составляли длинный золотой путь. И путь этот вел в маленькую деревенскую церковь, через царские врата, прямо в алтарь к образу Воскресения. По этому пути шел к нему, маленькому больному Кольке, Тот самый светлый, лучезарный, на которого он смотрел, когда причащался. Шел он медленно, совсем не передвигая ног, точно плыл по золотой поверхности. А кругом него сияние из ангелов, маленьких, легких, с крылышками, точь-в-точь таких, каких он приметил на воздухе, которым покрывалась чаша. И в руках у него яйцо для него, для Кольки. Яйцо голубое, как небо, и все в золотых блесточках. Увидел Колька яйцо и не может оторвать от него глаз. А яйцо все растет, растет. Оно делается таким большим, что все заслоняет собой, и Колька видит только его. Это уже не яйцо. Это — голубой купол церкви. Это — бесконечная высь голубого неба. И путь из золотых лучей ведет уже не в церковь, а куда-то в беспредельную высь, далеко, далеко. Там, наверху, с распростертыми благословляющими руками стоит Тот, кого Колька видел на образе Воскресения в маленькой церкви, Кто шел к нему теперь в сонме ангелов и Кто под видом яйца принес ему вечность.

Марья с ребятами вернулась из церкви. Пихнула сонную Таньку, растянувшуюся посреди пола и нагнулась над Колькой.

Колька лежал вытянувшись. В закрытые веки его ударяло яркое солнце, а на потемневших губах играла блаженная улыбка.

— Вот уж грех-то, прости, Господи,— завопила Марья.

— И все-то не ко времени: людям праздник, а мне одна маета. Поди, и попа-то не раздобудешь теперь! Жизнь каторжная!

[1913]

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Все было красиво, прилично и благоустроено в институте благородных девиц большого губернского города N.

Красива была высокая видная начальница-генеральша, с величественной осанкой, плавной походкой, сладким певучим голосом, белыми атласными руками, глазами,— которые как будто говорили каждому: я вас давно знаю и очень, очень люблю,— с неизменно сопровождавшими ее ласкающим шелестом шелкового платья и слегка раздражающим ароматом фиалки.

Великолепен был почетный опекун — маститый, увешанный орденами, совсем еще бодрый, старик, с красивыми, блестяще-серебристыми баками, и такой же шапкой густых, ослепительно белых волос, с юношеским блеском молодых карих глаз, особенно живо загоравшихся, когда они подолгу останавливались на хорошеньком нежном личике, замеченном ими среди бесконечных рядов однообразных пар.

Корректны были классные дамы, молодые, как и старые, все равно чопорные, строгие, носящие сами отпечаток идеальной муштры, великолепно выдрессированные, в своем неослабном наблюдении за поддержанием порядка и хорошего тона и в своем упорном преследовании и постоянном старании накрыть виноватых, очень похожие на хорошо натасканных на зверя гончих.

Вышколены и совсем особым лоском отшлифованы были воспитанницы, все, как одна, похожие друг на друга и напоминавшие длинной вереницей развертывающихся

рядов бесконечную ленту, вырезанных, по одному образцу, из бумаги, человечков. Все, равно белые, в своих белых пелеринах и фартучках, когда они двигались по коридорам, бесшумно, как того требовал устав заведения, они имели вид нанизанных на проволочку, совсем новеньких, чистеньких, только что изготовленных для продажи куколок, волнообразно, по чьему-то мановению, одновременно приседающих и поднимающихся, одновременно мило кому-то улыбающихся, одновременно открывающих рот, чтобы в общем гуле слить одно слово — и умолкнуть. Это были именно прехорошенькие, искусно сделанные куколки с усовершенствованным механизмом, приводимым в движение посредством нажатия той или другой кнопки.

Вся роль классных дам в применении к ним педагогических приемов сводилась, главным образом, к умению своевременно нажать нужную кнопку. Все обязанности воспитанниц — немедленно реагировать на это нажатие. Некоторые классные дамы доходили в этом искусстве положительно до виртуозности и играли на кнопках, как по клавишам. Их классы считались всегда образцовыми, составляли гордость воспитательниц и заведения и ставились в пример другим. Прочим классным дамам рекомендовался их метод воспитания. Начальница награждала их особо милой улыбкой и питала к ним нескрываемую нежность.

Добродушен и благообразен был маленький инспектор в синих очках, необыкновенно чувствительный и отечески нежный к воспитанницам, любивший оставлять свою морщинистую руку на гладкой или курчавой головке, или, обхватив плечи чем-нибудь провинившейся девочки, долго и любовно увещевать ее, причем девочка обыкновенно всхлипывала, он же усиленно сморкался и вытирал влажные под очками глаза. Всегда искренне огорчавшийся, когда ему случалось ставить дурную отметку — он преподавал педагогику — и принявший, во избежание этого, тактику — ставить вперед каждой вызываемой им ученице

в журнале полный балл, и в этом случае, когда ученица оказывалась несостоятельной, самому рассказывать вместо нее урок, ученицы, быстро усвоив себе эту тактику, окончательно перестали готовиться к его урокам. Выходило так, что преподаватель сам объяснял, задавал и сам же отвечал за всех урок; балл же, всегда полный, получала вызываемая ученица.

Внушителен был швейцар — этот недремлющий аргус, блюститель институтских нравов, на обязанности которого лежало, между прочим, ежедневно представлять начальнице список классных дам, оставляющих институт или возвращающихся после 11 ч [асов] вечера, — полный чувства собственного достоинства и сознания важности несомого им долга.

Опрятны и привлекательны на вид были няни и горничные, всегда вежливые, готовые по первому знаку выполнить в точности каждое требование.

Чистотой, порядком, изысканным приличием веяло отовсюду. Не только от этого собрания красивых, достойных и благонамеренных людей, но даже от стен, полов, коридоров, здания.

Каждый, кто впервые переступал за порог заведения, чувствовал себя сначала как бы подавленным этим избытком приличия и даже как будто слегка задыхался от него. Невольно обращался к самому себе и, констатируя полный диссонанс между собой и окружающим, испытывал чувство неловкости и приниженности. Долго испытывали это чувство впервые поступающие на службу классные дамы. Все их старания обыкновенно прилагались к тому, чтобы скорее примкнуть к этой корректной семье, где всякое проявление индивидуальности резало остро и больно. Большинству это вполне удавалось. Они вскоре ассимилировались с особенностями заведения и делались его дружными сочленами. Те же, которые, несмотря на общие усилия, не могли попасть в общий тон, чувствовали себя как будто виноватыми, отчужденными. На них косились

все остальные. Они обыкновенно быстро куда-то исчезали...

И вот, среди этого собрания исключительно приличных, благонамеренных и добродетельных людей, случилось небывалое...

Кто-то кому-то рассказал, что у учительницы французского языка была дочь. Навели справки. Слух подтвердился. Вышел переполох. С начальницей сделалось дурно. Классные дамы собирались кучками по коридорам. Шептались. Советовались — каким путем оградить воспитанниц от того, чтобы они не узнали как-нибудь невзначай, что дети могут рождаться вне брака. Более строгие вырабатывали новую тактику по отношению к «несчастной».

— Подавать ей «после этого» руку или нет?

— Если не подавать, воспитанницы могут обратить на это внимание и спросить: почему?

— Подать, но так, чтоб она почувствовала, что мы знаем.

— Да, именно, важно, чтоб она почувствовала!

Немногие воздерживались от разговоров, но испытывали тем не менее некоторую неловкость, сами не зная отчего. Оттого ли, что у учительницы французского языка была дочь? Или оттого, что это обстоятельство так смущало большинство? Или, наконец, оттого, что они сами хорошенько не знали, какую роль им играть и кому больше сочувствовать?

Начальница собрала совет. Торжественно занимал свое председательское место великолепный почетный опекун. Смущенно улыбался сквозь очки добродушно-чувствительный инспектор. Серьезные, с опущенными глазами, сидели напротив классные дамы. Красивое лицо начальницы, покрытое темно-красными пятнами, свидетельствовало о переживаемом душевном волнении.

— Печальное событие, которое заставило меня созвать совет, при участии вашего превосходительства, — начала

начальница,— так глубоко затрагивает самые близкие интересы всем нам дорогого учреждения, что важность его не может не сознаваться каждым из здесь присутствующих.

— Все мы, собравшиеся здесь, служим беззаветно и, не сомневаюсь в том ни минуты, с любовью одному и тому же делу, равно дорогому каждому из нас. Дело это, святое и единственное, по своему моральному значению налагает на нас обязанности, не подчиняться которым значило бы внести разлад в самую сущность нашего призвания — уничтожить цель, которую все мы всегда должны иметь в виду как руководящий спасительный маяк в нашей тяжелой и разносторонней задаче.

— Дело, которому мы служим — воспитание детей, девочек, — привитие им высших правил чистоты и нравственности. За каждую из них мы отвечаем перед Богом и родителями, вверившими их нашим попечениям. За каждую из них мы отвечаем перед обществом, членами которого они готовятся быть. Ответственность, несомая нами, тяжела и страшна. Мы должны воспитывать их прежде всего хорошими, чистыми и честными девушками. Мы должны заготовить из них будущих жен и матерей — украшение и счастье того семейного очага, который они создадут. Да, именно украшение и счастье семьи. Что может быть трогательнее и выше задачи женщины в семье? Хорошая жена, хорошая мать — неужели это не высшее назначение женщины? Я могу сказать с чистым сердцем и гордостью, что до сих пор дети, выраставшие под нашим наблюдением, в стенах этого учреждения, вполне отвечали этим требованиям. Неужели мы не приложим все усилия, чтоб труды, положенные нами в этом направлении, не пропали даром?

Начальница говорила медленно, тихим приятным голосом, искренние нотки которого трогали и невольно вызывали сочувствие. Глаза ее были влажны. Рука, сжимавшая душистый платок, слегка дрожала. Лицо,

теперь бледное, носило отпечаток страдания. Она чувствовала себя на страже своего долга, и это сознание давало силу ее доводам, красоту ее речи. Она провела слегка рукой по глазам, отпила от стоявшей перед ней на серебряном подносе чашки чая, поднесла к носу висевший на завитой вокруг руки цепочке небольшой изящный флакон и обвела долгим пристальным взглядом всех присутствующих. Среди воцарившегося вдруг молчания отчетливо доносились откуда-то звуки вальса...

Почетный опекун сидел откинувшись, с значительным выражением лица, ясно говорившим о сознании важности минуты. Только левая рука его незаметно отбивала на ручке кресла темп вальса, а серьезные, во все время речи начальницы, глаза изредка вспыхивали тлеющими искорками, когда, скользя поверх голов классных дам, на мгновение останавливались на стеклянной двери зала, напротив. Маленький инспектор старательно вытирал глаза под очками и потом так же старательно протирал очки. Классные дамы следили в напряженном внимании, стараясь не проронить ни одного слова.

Начальница продолжала:

— Мы направляем все наши старания, весь наш многолетний опыт к тому, чтобы оградить порученных нашим заботам детей от всевозможных нежелательных влияний извне. И это нам до сих пор удавалось. Но каким путем оградить их от того, что они могут видеть и слышать в этих стенах? Какие меры принять против этого? Как пресечь пагубное влияние? Как предупредить возможность повторения аналогичного факта?

Она снова обвела собрание взглядом.

— Глубокоуважаемая Аделаида Карловна, — слегка нагнувшись вперед, мягким, бархатным тембром заговорил почетный опекун. — Меры пресечения в ваших руках. В вашем великом стремлении, как всегда направленном на благо детям и учреждению, мы можем только склониться перед вашими мудрыми предначертаниями.

Красивым жестом он слегка нагнул голову и снова откинулся на спинку кресла.

— Событие, таким резким диссонансом прозвучавшее в стройном течении нашей жизни,— продолжала начальница,— может завтра же стать достоянием всех. Все будут знать и говорить, что в моем заведении, в постоянном общении с детьми, находится в течение целого ряда лет личность, которая по взглядам, проводимым ею в жизнь, никакого права на это не имеет. Мое безучастное отношение к такому факту, с момента, как я о нем узнала, может быть истолковано, как одобрение с моей стороны подобного рода явлениям. Это может дойти до Петербурга, до главноуправляющего... Что тогда?

Великолепный опекун переложил ногу на ногу. Чувствительный инспектор весь съежился и насторожился.

— И кто бы мог подумать, глядя на нее!? Сама святость! Сама нравственность! Эта личина строгости ввела меня в заблуждение. Сколько же времени это длится? Сколько лет девочке?

— Восемь лет, Аделаида Карловна,— как-то заискивающе сладко протянула та самая классная дама, которая распространила роковую весть.

— Восемь лет... И я ничего не знала!.. И я терпела!.. А что, если знали об этом дети?

— Дети не знали. Никто до сих пор не знал,— хором отозвались классные дамы.

— И прекрасно! Пусть они об этом ничего не знают. Прошу вас убедительно, Mesdames! Дети не должны касаться этой грязи, они не должны знать.

— Но что же вы думаете предпринять по отношении Соколовой, глубокоуважаемая Аделаида Карловна? — уставил на начальницу синие очки маленький инспектор.

— Ее следует удалить. Далее оставаться у нас она не может, не должна.

— Когда же, ваше превосходительство, предполагаете привести это в исполнение?

— Чем скорее, тем лучше. Я дам ей понять завтра, что мне все известно. А после уроков ее позовут в канцелярию, и там она подаст прошение об увольнении ее по домашним обстоятельствам.

— А если она не захочет увольняться?

— Тогда... тогда уволить ее без прошения.

Чувствительный инспектор вздохнул. Для него уволить кого-нибудь было почти так же тяжело, как поставить дурную отметку.— О Господи!— прошептал он почти беззвучно.

Некоторые классные дамы сделали как будто попытку привстать и что-то сказать, но остались на месте и ничего не сказали. Почетный опекун сидел задумавшись, к чему-то прислушиваясь... Звуки вальса извне продолжали доноситься, то нежно замирая, то вдруг врываясь стремительным каскадом, то страстным воплем призывая куда-то...

— Вот все, что я имела сказать совету,— проговорила, вставая, начальница.— Попрошу всех собраться завтра в это же время, чтобы нам сообща выработать оградительные меры против вторжения в нашу семью подобных нежелательных элементов. Надеюсь, что ваше превосходительство ничего не имеете против предпринимаемого мною шага?

— Ничего, кроме восторженного преклонения пред столь мудрыми решениями,— нагнулся к ее атласной руке великолепный опекун.

Пронесся шелест шелкового платья. Склонились почтительно, в глубоком молчании головы. Зал совета опустел.

Шагая по каменным плитам по направлению к швейцарской, почетный опекун облегченно вздохнул. Совет утомил его. Предмет совещания в сущности его мало интересовал. Для него было глубоко безразлично, за что увольняют какую-то Соколову. Если бы вопрос шел об увольнении не только ее, но и всех прочих учительниц,

и всех классных дам, он едва ли проявил бы более интереса. Когда глаза его украдкой останавливались на стеклянной двери, его исключительно занимала мысль — увидеть хорошенькую темную головку на тонкой шее и хорошо знакомую фигуру высокой стройной девушки. «Придет Елена или нет?» — думал он. Ему хотелось, чтобы она пришла. Вызванный неожиданно начальницей, он не успел ее предупредить. Это раздражало его. Он привык, чтобы его каждый раз встречала и провожала эта милая девушка. Любил держать подолгу в руках и гладить ее нежную маленькую руку. Любил ее смущение и краску, когда он подолгу пристально всматривался в ее глубокие темнопрозрачные глаза.

«Ну, до завтра!» — подумал он. — «Скажу ей завтра, чтобы она выбросила из головы эти глупости — искать места! К чему ей место?.. С ее личиком и фигуркой, и вдруг... в гувернантки! Брр!.. Пусть положится во всем на меня, и без моего совета ни на какое место не соглашалась бы. Испортят у меня только девочку!»

Такое решение успокоило его. Он вынул из кармана пальто коробку конфет, вложил осторожно под бумагу, в которую она была завернута, визитную карточку, написав на ней предварительно несколько слов карандашом.

— Барышне Ставровской прикажете, ваше превосходительство? — предупредительно поспешил швейцар, широко отворяя перед ним входную дверь.

— Скажи, брат, дяденька прислать изволил, понимаешь?..

— Слушаю, ваше превосходительство.

Полость запахла. Послушные лошади тронули разом, обдавая седока снежной пылью. Скрипнули полозья...

Ученицы 6-го класса долго ждали перед последним уроком учительницу французского языка Соколову. Накучив сидеть неподвижно в ожидании, девочки затеяли

безмолвную игру на партах при помощи мимики и азбуки глухонемых. Игра перешла незаметно в громкий шепот и, наконец, в общую возню. Классная дама, с неудовольствием отрываясь от книги, которую читала, застучала по столу карандашом, потом линейкой, сделала сердитый окрик и, обещав занести всех в штрафной журнал, поставила стоять весь класс.

— Ты урок знаешь? — шепнула девочка на первой парте от стены соседке.

— Милая, подскажи! Не читала, ей-богу, не читала. Опять кол получу, в штрафной запишут, на Пасху домой не пустят! Хоть бы не пришла! Ух! боюсь...

Оставалось не более двадцати минут до окончания урока, когда Людмила Николаевна Соколова вошла в класс. Не ответив, против обыкновения, на приветствия воспитанниц, быстро вошла на кафедру, села, поставив локти на стол, тяжело опустила на них голову. Потом стала машинально водить пером в журнале по фамилиям воспитанниц, точно выбирая, на ком остановиться. Соображала, как будто, что надо делать. Остановила перо.

— Смотри, тебя,— толкнула в бок соседка девочку, не выучившую урока.

Назвала. Девочка вышла с книгой и стала переводить. Путалась, останавливалась, искала слова, низко нагибаясь над книгой. Пользуясь тем, что классная дама на нее не смотрит, повертывалась в полоборота к классу и бросала между словами перевода:

— Медамочки, подскажите...

Людмила Николаевна не замечала. Когда ученица замолчала, она по привычке сказала.

— Ну?

— Я кончила, Людмила Николаевна,— сказала девочка.

По привычке взяла у ней из рук книгу, посмотрела. Французский перевод был частью написан между строками текста. Следовало бы бросить книгу, рассердиться, раскры-

чаться. Что-то мешало. Что-то говорило внутри, что все это сейчас не важно, а важно что-то другое, чего она еще не знает, что ждет ее впереди. Привычным жестом рука машинально вывела единицу.

— Садитесь.

— Кол,— шептала подругам девочка, возвращаясь на место.

— Фу, злюка.— И она высунула язык в сторону учительницы.

Прозвонил звонок. Людмила Николаевна отошла к дверям.

— Слава Богу! Урока не задала,— облегченно вздохнули девочки.

— Людмила Николаевна, расписаться забыли,— бежала за ней с журналом дежурная.

Людмила Николаевна ничего не слышала. Она была уже на лестнице, ведущей в швейцарскую.

Что бы это значило, что начальница вызвала ее перед последним уроком, так долго заставила ждать в приемной? А потом этот совсем особый тон, этот намек на что-то, что ей стало известным? И еще, если слух ей не изменил, было сказано, с каким-то, больно резнувшим ее подчеркиванием, что она должна быть ко всему готова... Готова к чему же?

— Людмила Николаевна, пожалуйста в канцелярию. Секретарь просят,— остановил ее при выходе рассыльный.

Пошла.

— Людмила Николаевна, вот извольте подписать, пожалуйста.

— Подписать? Что? — Она не поняла.— Что же это подписывать?

— Их превосходительство изготовить велели...

— Ах! Да! Ко всему готова... Так вот что! — Пробежала бумагу глазами. Не поняла. Еще прочла.

— Это что же? — спросила.

— Прощение об увольнении вашем от службы.

— Какое увольнение?.. Зачем?..

— По домашним, значит, обстоятельствам.

Для нее вдруг стало ясно. Домашние обстоятельства — Катя, дочь... Значит, уволена. Кончено, значит... А жить?.. А дальше как?.. Секретарь подал перо.

— Будьте добры, подпишите, велели.

Взяла перо.

— Что писать?

— Фамилию вашу подпишите. Вот, так. Покорнейше благодарю. Да вот еще, жалованье просил вам казначей за месяц передать. Еще вам расписаться надо.

Расписалась. Хотела идти.

— Перышко-то позвольте,— взял у ней из рук перо секретарь.

— А вот и перчаточки ваши. Да и денежки-то возьмите.

Забыла муфту. Подали. Забыла, куда идти. Швейцар отворил дверь:

— Пожалуйте-с.

Столкнулась в дверях с молодым, хромоногим, но всегда жизнерадостным учителем рисования.

— Людмила Николаевна! Как живете-можете? Мое почтенье.

Не ответила. Спешила вперед от людей, от вопросов, приветствий, от любопытных глаз... куда? Путь был знакомый. Она шла. Шла по направлению к дому, где жила Катя, дочь. Шла в каком-то безучастном ко всему оцепенении. Обыкновенно, возвращаясь домой после уроков, она думала: что Катя? Не скучала ли? Не простудилась ли? Обедала ли без нее или ждет ее? Теперь ее Катя, ее дочь, стала для нее вдруг чужой, холодной, безразличной, как все эти чужие холодные люди, начиная с начальницы и кончая швейцаром, так предупредительно открывшим перед ней двери. Что в ней произошло? Она не понимала. Откуда этот холод? Это ледящее равнодушие ко всему?.. Сегодня утром она еще этого боялась.

Она ничего не знала, но всегда чувствовала, что это может случиться. И всегда жила под этим кошмарным страхом. Она знала, что при ее необщительности и до болезненности развитом самолюбии, ей трудно найти занятий, а к посторонней помощи прибегать — еще труднее. Она знала, что никогда ни к кому не обратится, не сможет, не сумеет... И вот, это случилось. Они с Катей за бортом. Но она не сознает, не чувствует. В ней нет отчаяния, нет острой боли. А только какое-то страшное вдруг от всего отчуждение. Она испытывает только какое-то физическое ощущение чего-то, что страшно, невыносимо сдавило ей голову. Как будто невероятных размеров клещи с нечеловеческой силой ухватили ее за виски и остановили всякое движение мысли. Физическое ощущение тяжести расходится от головы по спине и плечам. Точно кто-то огромный, сильный подхватил под мышки и тащит, и давит в одно и то же время. И она сама тащит кого-то тяжелого на своей, а голова, плечи, руки налиты свинцом. Ноги же ее не ее ноги, а чужие, влекут куда-то ее отяжелевшее одеревеневшее тело.

Она идет... и не видит... не слышит. Ноги приводят ее на край города. Скоро дом, скоро Катя... Стоит только свернуть направо, в переулок. Там, почти на выезде, в стороне от вокзала, маленький домик железнодорожного мастера, в котором она уже много лет снимает комнатку. Там ждет ее теперь Катя.

— Ах, да! Катя... Какая Катя?.. Зачем теперь Катя?.. Домик уже виден за платформой в стороне. Но она не пойдет туда. Зачем?.. Что она скажет?.. Катя спросит: мамочка, мы поедем летом на дачу? Что она ответит?.. Нет больше Кати!.. Ничего нет... Есть только эта тяжесть, которая гнетет... Ах, как гнетет?.. Что такое, эта тяжесть? Она её прежде не чувствовала, не знала... Её надо сбросить во что бы то ни стало... Так нельзя... нельзя дольше...

Она срывает платок, шапочку... бросает. Ветер развывает, треплет ее волосы. Мокрый снег бьет по лицу,

засыпает голову, набирается под воротник. Не чувствует. Она чувствует, сознает только тяжесть. Она знает, что надо отделаться от нее, сорвать, сбросить. Она срывает с себя пальто и далеко отбрасывает...

— Ишь барыня как нализалась,— посылает ей вслед ругательства мастеровой. Холодный ветер обнимает всю. Но ей не холодно. Она миновала поворот против вокзала. Она идет дальше, вдоль пути. Куда? Ей все равно, лишь бы уйти дальше, дальше от всего, лишь бы не было этой тяжести. Впереди далеко свисток. Товарный поезд. Обычно, когда он подходит к станции, она уже дома, с Катей. Теперь у ней нет дома... Нет Кати... И дом, и Катя, все куда-то исчезло... Есть только — эта тяжесть, которая давит, которую надо сбросить. Уже виден пыхтящий локомотив. Она чувствует, как под ногами гудит земля. Что это? Смерть? Или избавление? Она содрогается... Не все ли равно? Она знает, что надо от чего-то избавиться, что-то сбросить... Эту тяжесть, которая давит... Близко, совсем близко пыхтит чудовище... Ей теперь ясно... Тяжесть — это жизнь. Она душит и давит... и гнетет. Долой все... долой жизнь. Мгновение. Она стремительно летит в пасть чудовищу...

В небольшой уютной комнатке, у окна сидела Катя. На коленях у ней нежилась белая кошечка. На полу валялась открытая книжка, рядом какая-то начатая работа. Катя целовала белую кошечку и прижималась лицом к ее пушистой шерстке.

— Маруська, милая Маруська,— говорила она. — Скоро мамочка придет! Бедная мамочка! Наверно, опять усталая придет, пообедает и ляжет. Ах! зачем я не большая, зачем я не умею ничего делать! Когда вырасту большая, я буду, как мамочка, ходить по урокам, а мамочка будет сидеть здесь с Маруськой. Скорей, скорей вырасти! Говорят, надо учиться, много учиться. А я сегодня урока не выучила. Не могу учиться одна! Скучно! Вот летом поедem с мамой на дачу, мама обещала. Там

я целый день буду с мамочкой. И буду учиться! И буду стараться! И никогда, никогда ничем не огорчу мамочку. Марусенька, мы поедem на дачу! Как хорошо, весело будет.

Она подняла высоко над головой кошечку и завертелась с ней по комнате. Упала в кресло, засмеялась, зажмурилась, потянулась и стала мечтать.

— На даче у меня будут цветы. Много, много цветов! Я буду их сама поливать. Мамочка обещала мне купить леечку и лопатку. И будут у меня цыплята, маленькие, желтенькие, как на картинке. А в лесу будут петь птички. И ягоды будут и грибы! Хорошо, Маруська, тепло летом! Я и тебя возьму на дачу. Мамочка позволит. Милая Марусенька, мне без тебя скучно!

Стала покрывать кошечку нежными поцелуями и положила ее к себе на плечо.

— Говорят, кошки любят кушать маленьких птичек? Но ты не будешь кушать птичек, Маруська, не будешь? Скажи мне на ушко? — Катя прижалась ухом к круглой шелковистой мордочке.

— Маруська не будет. Она умница. Я буду ей каждый день оставлять кусочек пирожного в награду. Ведь ты хорошая, Марусенька? А птичек есть — грех, большой грех. Птички живут высоко, высоко и летают под самым небом. Мне нищая старуха говорила, что птички — души некрещеных младенцев, и голоса у них ангельские. Я мамочке рассказала. Она говорит — вздор, — и рассердилась, зачем я с нищими о глупостях говорю. А я знаю, что не глупости. Мамочка нарочно не хочет, чтоб я к нищим выбегала. А я все знаю сама. Птички летают высоко и могут долететь до Бога. Потому и грех убивать птичек. Слышишь, Маруська, грех! Ах, что-то мамочка не идет? Пойти разве, встретить?.. Рассердится, пожалуй. Не любит меня одну пускать. Пойду, захвачу на вокзале Маню. Вместе и встретим. Скорей! Скорей.

Сбросила кошку. Надела шапочку, шубку, не застегив-

вая. Крикнула в дверь хозяйке, что уходит, и побежала. Густой влажный воздух, в котором чувствовалось уже первое веяние весны, как-то особенно приятно ложился на легкие. Катя жадно вдыхала его. Ходьбы было всего минут на пять. Катя шла, подпрыгивая, не разбирая дороги. Ей было особенно хорошо и весело. Талый снег проваливался под ногами и было так смешно вытаскивать глубоко увязнувшие ноги. У платформы стоял длинный товарный поезд. За ним, на пути, низко нагнувшись над рельсами, копошился железнодорожный сторож. Катя хотела пробежать мимо.

— Не ходи, барышня, воротись,— ласково остановил ее старик.

— Я, дяденька, недалеко, мне только мамочку встретить,— сказала девочка.

— Не ходи, золотая, не ладно там.

Но Катя уже бежала.

— Эх! жалко девчущку. Сиротинка, ведь, типерича! — вздохнул старик, смахивая рукавом слезы.

Катя бежала по платформе. Впереди, на противоположном конце, чернела кучка людей. Ее схватила за руку дочь начальника станции, Маня.— Катя, Катечка, пойдем к нам!

Катя не заметила, что Маня в одном платье и что глаза ее полны слез.

— Я только к мамочке, погоди. Пойдем вместе! — Ее притягивает кучка людей впереди. Она совсем близко. Кто-то обхватывает ее сзади руками. Тащит. Катя вырывается. Расталкивает толпу. Перед ней что-то темное... страшное... Она ничего не сознает. Она чувствует только, что это темное, страшное для нее бесконечно близко и дорого. С диким воплем:

— Мамочка моя, мама! — она бросается на изуродованный труп.

*
*   *
*

В институте благородных девиц шел совет. Были в сборе красивая начальница и великолепный опекун, чувствительный инспектор и добродетельные классные дамы, произносились красивые слова о нравственности, о долге, о любви к детям, о священном назначении матери, о разных способах изукрасить искусными вымыслами слишком грубую для нежного детского возраста прозу жизни...

Откуда-то доносились звуки вальса...

А на холодной платформе далекого вокзала, над изуродованным трупом, в судорожных рыданиях билась девочка. И из этого обезображенного трупа смотрела на нее, тысячью страшных открытых глаз, голая, жестокая, ничем не прикрашенная, проза жизни, безжалостно, до потери сознания, сжимая ее в своих леденящих объятиях, исторгая из этой преждевременно искалеченной детской души нечеловеческие страдания и на веки убивая в ней веру в справедливость и нравственность, в святость и целесообразность того, что делается во имя высоких принципов, долга и любви.

[1913]

МАДОННА

(Этюд)

Не позволите ли вы мне, голубь мой, подсесть к вам на скамейку? Хорошо тут у вас: и тенечек есть, и публики мимо по аллее ходит немного, и Волгу верст на пять видно... да и вы-то, как я погляжу, юноша симпатичный. Ежели судить по околышку фуражки, то студент какой-либо, надо полагать. Ну, а я... проходимцем всего охотнее называю я себя; любимейшее это словечко мое.

Не подумайте только, что я из некоторой житейской умеренности сие названье выискал. Есть, есть, знаете ли, в душе человека этакое чувство, что так и подталкивает тебя вперед забежать, в глаза заглянуть и хвостом повилять: «Что, мол, я значу? Я — птица низкого полета». И для чего, сказать к слову, проделывается это? Из боязни одной, чтобы кто со стороны к нему с теми же словами не адресовался. Ну, а коли сам себя этак аттестовал, — обиды, кажись, и быть не может: хуже ведь не назовут. Еще даже можно проголодавшееся самолюбье подкормить. Ибо, милый мой юноша, иной ближний, по доброте душевной, тут же вам скажет: «Это вы уж, Иван Иванович, того... зря себя хаετε»... Дело бывалое.

Теперь загляните-ка на минутку в область филологии. Проходимцем я себя называю, держа в памяти исконное славянское значение этого слова — уж очень хорошо оно сердцевину моего существа нащупывает. Грунта твердого под ногами не имею я в жизни сей, вот что. Впрочем, ежели кто из нашей братии хочет выразиться покудрявее, то «взыскующим града» себя называет. Помните, у Михай-

ловского в «Карьере Оладушкина», в последней главе, — «Сказки Товолгина» называется? Высокохудожественное место дал покойный. Ну, да это в сторону!

Что есть проходимец? Человек недвижимым имуществом не обладающий, да и движимость-то у него в соответствии с этим находится. Но главное — недвижимость; оседлости, стало быть, нет. Теперь спрошу я вас — что, oprичь обиды, могли вложить в это слово люди, обладающие, на худой конец, одноэтажным или двухэтажным там? Само собой, ничего. Вздумает, скажем, Настенька или Катенька за кого-либо из нашего брата замуж выйти, а мамаша сейчас же к ней: «Опомнись, за кого ты идешь? За проходимца!» Та и сама видит, что немножко ошиблась; опрометчивость-то, конечно, исправит, ну, а к слову тем временем брезгливость все липнет да липнет, так что под конец коренной сути его и совсем стали не видеть. А само по себе это слово отнюдь не зазорно.

Впрочем, знаете ли, к чему я разговор этот завел? Рассказцем мне хочется попотчевать вас. Давеча пристал наш пароход, — на пароходе я еду, и сейчас, например, лишь гудка его жду, — так пристали мы, говорю, у Бабаек, — пристань такая пониже Ярославля есть. Народу собралось довольно густо, и, между прочим, была девчонка одна... самая обыкновенная босоногая девчонка, лет восьми или девяти там, — землянику пришла продавать. Сама — ребенок, в куклы бы ей еще играть, но, однако, уже младенца держит в руках. Вы, я чаю, таких нянек сотни на своем веку перевидали. Так вот, эта самая девочка один случай из прошлой жизни напомнила мне собой, — хороший был случай, даром, что я его совсем, почитай, забыл. Лет десять, может быть, никогда не вспоминал, а тут вдруг зашевелилось все в памяти, встало, словно перед глазами, и, знаете, весь день хотелось мне об этом случае кому-нибудь рассказать. Может быть, назойливо это малость... да ведь у вас, как я погляжу, все равно дела никакого нет... так вы уж простите старика.

Случилось это лет двенадцать тому назад. Россию я в ту пору должен был покинуть, очутился в Дрездене, обосновался в нем и, само собой, начал в тамошнюю картинную галерею похаживать. Много хорошего и даже просветляющего довелось мне увидеть, но всего лучше были Мадонны. Это, впрочем, и во всяком мало-мальски полном собрании старинного европейского искусства так бывает. Вы и сами знаете, надо полагать, что Мадонны эти — соль всей живописи тогдашней, а потому, стало быть, и всяческой; ибо вряд ли можно сказать, что с тех пор живопись далеко вперед ушла. Ну, там в мелочах техники, может статься, и есть что-нибудь новое,— правду молвить, мало я смыслю в этих делах. Но чтобы по глубине вложенных в картины идей мы средневековое превзошли,— в этом, скажу я вам, можно сильно сомневаться. Во всяком случае, не видать что-то этого... обмеление какое-то пошло. Ну, а там — омутá, до дна не достанешь. Взять хотя бы тех же Мадонн: такая, юноша мой, в иных из них широченная мысль таится,— в три обхвата прямо! Дубы такой величины сотни лет стоят — не валятся, тем паче — идеи. Эта, во всяком случае, выстояла и до наших дней во всей своей красоте дожила. Только высказать суть ее — дело не совсем легкое.

Начну я хоть с того, что напрасно было бы считать средневековую живопись религиозной преимущественно, как ни кажется это на первый взгляд.

Религиозность сия не в содержании, а в форме больше была, или, вернее сказать, чуть ли только не в сюжетах одних. Традиция этакая существовала, что, мол, художнику картины из библейской жизни всего более пристало писать. Они, художники-то тогдашние, так и делали; а ежели их души не тем были полны, так что ж? Ведь все равно эти посторонние элементы к картинам так или иначе

пристегивались, на манер этаких чужездных растений процветали. Хочет, скажем, художник портрет своего заказчика нарисовать,— помещает его на картине в виде апостола, что ли. Возлюбленную свою какую-нибудь Юдифью представит или там в числе жен мироносиц изобразит. Пожелает свой итальянский или фламандский пейзаж дать, или даже бытовую обстановку свою,— что ж, и этому нет помехи, лишь бы у картины название поцерковнее было. Ну, а отвлеченные идеи тем же способом пробовали воплощать. Про одну из этих-то идей у нас речь и пойдет.

Дело в том, голубь мой, что преклонение перед женщиной, которое чуть ли не всегда крупнейшим двигателем было, в те времена, можно сказать, до особенного обострения дошло. Трубадуры эти, суды любви... ну, и иное прочее... много всяческого было... Или хоть вот Петрарку с Дантом возьмите. Впрочем, это вы и сами, чай, не хуже меня знаете. Одно только я отмечу: ежели вы преклоняетесь перед женщиной, то, стало быть, или девственности ее, или материнству челом бьете. Да оно и понятно,— ведь, лишь в этих двух видах женщина выступает, третьего же, очевидно, и быть не может.

А не очевидно ли, государь мой,— перебую я на минуту себя,— не очевидно ли, что, скажем, солнце вокруг земли ходит? Именно, что очевидно. Потому я так говорю, что художники, о которых речь идет, перед очевидностью не остановились. Напротив, цельности, что ли, жажда, или образ высшей красоты создать стремясь, попробовали они в одном лице слить между собой черты и девственной, и материнской красоты. Слить, понимаете, и образом этим завершить все здание искусства, выросшее из преклонения перед женственностью и ее красотой.

Головокружительное намерение было. Тут-то традиция писать Мадонн и пригодилась, ибо давала она готовые формы для воплощения мысли этой. Изображая ее, сию Деву-Мать, они всего легче могли передать эту идею свою. И передали, скажу я вам. А так как Мадонны эти — не-

достижимые вершины искусства, Монбланы его, что ли, то, стало быть, как я и говорил, слияние обеих сторон женственности в некоторый монолит — это и есть венец всяческой красоты.

Конечно, не все Мадонны эту идею в себе таят. Отнюдь нет. Напротив, большинство из них изображают просто девушек, у которых, Бог весть почему, на руках ребенок сидит. Да и те мастера, у Мадонн которых сквозь девичье лицо материнское выражение выступает, — и они, говорю я, быть может, к воплощению этого совершенно бессознательно стремились. Признаться сказать, плохо я в истории или в теории там живописи разбираюсь, так что ни об чем тут с уверенностью говорить не могу. Может статься и то, что я сызнова всем известную Америку открываю, по нашей русской привычке «до всего своим умом дойти». Впрочем, и дошел-то до этого я не сразу, не тогда, когда был в галерее, а уж спустя несколько времени после того. Пока же я на Мадонн смотрел, так разве только еще нащупывал это и все что-то забытое вспоминал... и вспомнить не мог.

По этому поводу сделаемте-ка несколько шагов по боковой тропинке. Не кажется ли вам, что все искусства, — а живопись и музыка особенно, — тем на нас действуют, что заставляют прошлое вспоминать? И не потому ли мы их любим, что они этому потоку воспоминаний столь широкое русло пролагают?

Впрочем, как бы оно там ни было, а я стоял перед Мадоннами, вспоминал и, наконец, вспомнил.

*
*   *
*

Происшествие, которое всплыло в моей памяти, случилось в ту пору, когда был я еще только студентом... не таким, впрочем, как вы, а студентом семинарии. Из колокольных дворян я происхожу. Жил я в деревне у отца

и там, между прочим, от нечего делать, с ружьишком похаживал, летние дни коротаючи. Собака у меня, само собой, была, «Неро» прозывалась, — полукровок, помещик местный Иван Васильевич еще щенком подарил. Чуть свет, я, стало быть, это ружьецо свое за плечи, собаку свистну и махну за дупелями там или за бекасами. На болоте и кряковые утки водились. Ну, да это, впрочем, к делу не идет.

Вышел я так один раз из дому, до полудня пробродил, подстрелил, помнится, что-то и обратно домой повернул. Идти пришлось через деревню Старый Майдан. Пора была рабочая, а потому на улице — ни души. Разве только малые дети да уж самые обомшелые старики дома остались, — ну, и тех что-то не видать. Иду я — и вдруг слышу детский плач. Глядь — какой-то сопливый карапуз, лет двух, побежал было, напугавшись моего «Неро», да споткнулся, упал и на четвереньках к своей няньке с ревом ползет. Подполз — и в подол к ней лицом уткнулся. А нянька сия, — ну, просто девчонка, лет восьми, — наклонилась к нему этак заботливо, рожицу рукавом утерла и, знаете, разными там женскими словами уговаривать начала. Дело житейское, сколько раз уж виденное. Но тут, помню, шибко поразило меня чисто материнское выражение, которое в эту минуту проступило на ее лице.

Собственно, ведь, ласковость материнская, хоть и хорошая, правда, вещь, только уж слишком привычная нам, ставшая чем-то должным, — от матери, конечно, должным. У нее это нечто само собой разумеющееся, и потому, может быть, ничьих сердец и не трогает, даже внимания к себе мало привлекает. Что, в самом деле, удивительного, если у матери и чувства материнские? А вот когда я их в чертах девушки, — да и не девушки, а недоростка-девчонки, — увидал, тут-то, в этом-то именно сочетании, они и поразили меня, показались мне... трудно выразить, чем показались... и дивным чем-то, и несказанно-милым. А девчонка эта — оборванная, знаете, худенькая, замурзанная. Не красотой

лица она брала, а, так сказать... Не люблю я громких слов, но тут, пожалуй, других и не подберешь. Высшая красота у нее была, вот что, а какая — не понял я тогда; только уж потом, стоя перед дрезденскими Мадоннами и вспоминая этот случай, понял я, что видел именно ту красоту, которую художники старались запечатлеть в этих картинах.

Я отнюдь не восхищаюсь деревенским обычаем оставлять чуть ли не грудных ребятишек на догляд малолетков. И тем, и другим от этого плохо бывает. Девчонке бы поиграть, побегать, — а ее вместо того с ребенком нянчиться заставляют. А уж какая она там нянька? За самой еще присмотр надобен. А все ж таки, что бы ни говорили, должна в таких няньках задушевная внимательность к детям развиться, готовность всегда уберечь, защитить, ответ за них на себя взять. Сильно душа от этого похорошеть может. Русский народ давно это заметил и наблюдения свои в сказках закрепил.

Хорошо бы, государь мой, было, коли бы явился критик какой-нибудь с широкой душою, который бы к сказкам как к некоторому чисто литературному материалу подошел; который бы попробовал основные сказочные типы наметить и опять-таки с чисто литературной точки зрения разобрать. Есть, например, прекрасный тип, — шибко я его люблю, — тип хорошей русской девушки. Во многих сказках пробовал народ этот тип обрисовать, в столкновении со всевозможными обстоятельствами разные стороны его изобразить. Но всего примечательнее сказка о братце Иванушке и сестрице Аленушке. Как вы думаете, кто такая Аленушка? Это и есть та самая девочка, о которой я вам сейчас рассказал. Да, именно такая восьмилетняя деревенская нянька. Вы хотя бы на то свое внимание обратите, кто кого обороняет, кто о ком заботится, — брат о сестре или сестра о брате? А возьмите-ка вы какую-либо сочиненную сказку, выдуманную писателем, т. е. человеком, девочки которого нянчатся с куклами, но отнюдь не с младшими братьями и сестрицами. Ведь в ней, в сказке этой, при та-

ких же обстоятельствах все наверное было бы наоборот, и не сестра за брата, а брат за сестру грудью бы встал. Нет, это, что вы там ни говорите, черта не случайная, зря она появиться не могла. Тут народ свои наблюдения над жизнью выражал и, на этих вот нянек-недоделок внимательным глазом взглянувши, создал образ девочки с материнскими чувствами, — образ, как видите, в серию всех тех же Мадонн входящий.

Твердо говорю, что тип этот должно выше даже шекспировских типов поставить. Есть у Шекспира Офелия, например, и, спора нет, хороша она, но насколько мельче ее образ по сравнению с Аленушкой нашей. Конечно, и смешным и неуместным покажется вам это сравнение мое, но подумайте немного и, быть может, вы почувствуете, что у этих слов есть своя правда.

*
*   *
*

Вот, голубь мой, о чем мне хотелось вам рассказать, т. е. не вам собственно, а всякому человеку, перед которым можно было бы малость душу распахнуть. Как ни обидно это, а вижу я, что не мог передать всего, что хотелось... так что вы, пожалуй, и не поймете, почему меня так на разговор потянуло. Главное же, не удалось мне всю суть дела в должном тоне изобразить. Впрочем, и не пробовал этого я, — где уж мне там рассказчиком быть. Да и то сказать — даже у самого речистого человека разговор, словно вон Волга эта: порой мелеет, порой в сторону сворачивает с надлежащего русла, ну, а порой и чистой, и глубокой струею течет.

АПОКРЫФ

1. Ад Максіма Кніжніка пачатак...
2. І калі скончылася сем тысяч год ад стварэння свету, Хрыстос ізноў зышоў на зямлю і хадзіў па ёй, каб споўнілася тое, аб чым сведчылі прарокі.
3. І хадзіў Ён па ўсім Забраным Краі і па Занёманшчыне, і па Задзвіншчыне, і па Бярэзінскай зямлі.
4. І разам з ім святы Пётра і святы Юр'я. Але ніхто з людзей не пазнаваў Яго.
5. Бо ішлі яны босымі нагамі з непакрытымі галовамі і былі адзетыя ў белы кужаль ды суконныя світкі, а не таго спадзяваліся людзі.
6. Таму ніхто не ўзяў увагі на іх, калі ў часе жніва праходзілі між працуючых людзей.
7. Толькі музыка, катораму цяпер не было чаго рабіць, падыйшоў да іх і сказаў: сорамна мне, бо сягоння дзень працы і ўсе клапоцяцца каля зямлі; адзін я нікчэмны чалавек.
8. І сказаў яму Хрыстос: не смуціся ў сэрцы сваім. Ці ж не твае песні спяваюць яны цяпер, у часе жніва! Таму не схілай нізка галавы твае, і не хавай аблічча ад вачэй людскіх.
9. Бо няма праўды ў тым, каторы кажа, што ты — лішні на зямлі. Запраўды кажу я табе: надыйдзе яму гадзіна горычы — і чым ён разважыць тугу сваю, апроч песні твае? Як у дзень смутку, таксама ў дзень радасці ён прызавець цябе.
10. І навучаючы яго, казаў: пад песні кладуць чалавека ў калыску, і з спевамі ж апушчаюць у магілу яго.

11. Штодзённымі клопатамі поўніцца жыццё людское. Але калі зварухнецца душа чалавека,— толькі песня здолее спатоліць яе. Шануйце ж песні свае.

12. Бо спяваюць навет і жабы ў багне, а ці ж не лепшымі будзеце вы за іх?

13. Так навучаў Хрыстос музыку. Але Пётра, пачуўшы словы яго, сказаў: Вучыцелю, у гэтай краіне ёсць людзі, каторым няма чаго есці. Ці ж не сцігнецца ад сораму сэрца таго чалавека, каторы, шукаючы скарынкі хлеба, прыйдзе з песняй да іх?

14. У адпаведнасці яму, сказаў Хрыстос: так, жыццё гэтых людзей цяжкое, беднае і прыгнечанае. Чаму ж ты хочаш яшчэ пазбавіць іх красы! Мала дадзена ім — няўжо ж трэба, каб было яшчэ менш?

15. І, абярнуўшы аблічча сваё да музыкі, папытаўся: калі пяюць песні ў вас?

16. Музыка адказаў: пяюць на Каляды, на Запускі, на Вялікдзень, на Тройцу, на Яна Купалу, у Пятроўку, на зажынках і дажынках.

17. Пяюць на радзінах і хрэсьбінах, пяюць дзіце калыхаючы, і самі дзеці пяюць гуляючы; пяюць на ігрышчах і вяселлях, і на хаўтурах, і ў бяседзе, і пры працы, і на вайну ідучы, і ўва ўсякай іншай прыгодзе. Увесь круглы год пяюць.

18. І мовіў Хрыстос Пятру: ты, шкадуючы галодных людзей, асудзіў песню, але самі галодныя не асудзілі яе. Жывая яшчэ душа ў народзе гэтым.

19. Тады ізноў сказаў Пётра: але няхай жа ў песнях будзе страва для душы, няхай будуць думкі добрыя і навучаючыя, каб апроч красы, быў у іх і спажытак чалавеку.

20. І адказаў яму Хрыстос: няма красы без спажытку, бо сама краса і ёсць той спажытак для душы.

21. І навучаючы іх, мовіў: аглянiцеся навокал! Ці ж не ніва калыхаецца каля нас?

22. Цяжка каля яе працаваў гаспадар і, вось бачыць: паміж збожжа ўзраслі васількі.

23. І сказаў ён у сэрцы сваім: хлеб адбіраюць у мяне гэтыя сінія кветкі, бо поўнаважкія каласы маглі б узрасці тут заміж васількоў.

24. Але, яшчэ з маляцца краса іх прыйшлася мне да душы. І таму я не вырву з каранём іх і не выпляню, як усякае благое зелле. Няхай растуць і радуюць, як у маленстве, сэрца маё.

25. Так казаў сабе гаспадар у сэрцы сваім! І не падняў ён рукі на васількі.

26. Я ж кажу вам: добра быць коласам; але шчаслівы той, каму дадзена быць васільком. Бо нашто каласы, калі няма васількоў?

27. І, кажучы так, пачуў Ён песню жнеек, і прамовіў: слухайце што кажуць словы гэтай песні. Яе складалі людзі, якія ведаюць, чаго варты хлеб.

28. Яны ж пачулі, што словы тэй песні кажуць: няма лепш цвяточка над васілёчка. І далей ужо моўчкі ішлі яны.

29. І босыя ногі Хрыста пакідалі на цёплым, мяккім пылу дарогі сляды.

30. Але гора вам, людзі, бо даўно ўжо затапталі вы іх. Амін.

Рукапіс гэты адшукаў Максім Багдановіч

СОН-ТРАВА

(Как повелись сказочники на Руси)

Лег раз один белоголовый мальчик-подпасок в степи у ручья, поглядывая за стадом, сорвал попавшуюся под руки былинку, попробовал ее понюхать да тут же и заснул: это сон-трава ему попалась. Печет жаркое солнце ему голову, синяя муха, жужжа, опустилась на его лицо; но ничего не чувствует мальчик, крепко спит, и снятся ему незабываемые сны.

Видит мальчик, как Иван-царевич скачет темным лесом на сером волке. Стар уж волк; тяжело, с хрипом дышит он, пена падает с его поседевшей морды, взмокли и темными сделались от пота худые бока, и слышно Ивану-царевичу, как глухо бьется верное волчье сердце. Но хочет волк сослужить ему в последний раз свою службу. Три дня и три ночи бежал он жесткими лапами по пустынным тропам, поблескивая своими зелеными глазами, а на четвертый день принес Иван-царевича к садам царя Далмата, где на золотом дереве висела дивная клетка с Жар-птицей. Подкрался царевич, схватил осторожно клетку — и грянул в воздухе милый звон серебряных колокольчиков, созывая стражу. А говорил ведь серый волк Ивану-царевичу: «Не тронь клетки, возьми одну только Жар-птицу, а не то беда будет».

Или видит мальчик, как призадумался в чистом полюшке Саур-богатырь; перед ним бел-горюч камень, от того ли камня идут три дороженьки, и надпись на камне высечена: поедешь направо — коня потеряешь, поедешь налево — останешься без золотой казны, поедешь прямо — сам жив не будешь. И едет богатырь прямо. Почасту он

сходит с коня, припадает к сырой земле, чутко слушает: уж не гудит ли мать сыра-земля, уж не движется ли откуда рать несметная. Но не слышно ничего, и хоть гибель ждет богатыря, но не в бою она ему суждена.

И видит во сне Аленушку — маленькую девочку из тех, что по деревням меньших братишек нянчат. Жала их мать спелую рожь, и пошла Аленушка с братцем Иванушкой к матери, да заблудились они в высокой ржи и в чужую сторону зашли. Стал Иванушка барашком, а Аленушка с камнем на шее лежит в синем омуте реки. И жалобно просит-молит барашек на речном берегу: «Аленушка, сестрица Аленушка! Выйди, выплыви ко мне на бережок. Огни палят горючие, ножи точат булатные, хотят меня зарезати». Ах, как ответила сестрица Аленушка: «Не подняться мне на вольный свет. Камень тяжкий меня тянет ко дну, по плечам легли рассыпные пески, косы русые с травой перевились».

А то видит мальчик коренастый дуб; смурый орел сидел на сыром дубу, а в когтях держал злого ворона. Он не бил его — все выпрашивал: что творится на святой Руси. Отвечал ему ворон таковы слова: «Как под кустиком, под ракитовым, там лежит убит добрый молодец. В головах его стоит матушка, по бокам — сестра с молодой женой. Мать заплакала — как погоды бьют, а сестра его — как ручьи текут, молодая жена — как роса падает. Взойдет солнце — росу высушит».

Кончился этот сон — и уж видит мальчик дивную Феникс-птицу. Качается Феникс-птица на ветвях цветущего дерева, глаза закрывает, перья распускает, песни распевает. Кто ее заслышит, — забудет тот отца и мать, все покинет, и ничего ему уже в жизни не нужно, кроме того, чтобы, не отрываясь, слушать дивные песни. А и жалобно же поет Феникс-птица, — все о прошлом, невозвратно загубленном и потерянном томится:

Не светить солнцу ярче вешнего,
Не любить душе жарче прежнего.

А вот и голый, занесенный снегом лес. Иней повис на черных сучьях, каркают голодные вороны, а вверху холодным блеском переливаются звезды. Пусто, безлюдно в лесу; только под одною елочкой притулилась бедная девушка Машенька. Завез ее сюда отец по наговорам злой мачехи да и бросил одну-одинешеньку в лесу. А ведь никогда никому Машенька не согрубила, ни в чем не попрекнула — тихая она, безответная девушка была. Сидит она под елочкой пригорюнившись, а седой Мороз землю студит, девицу знобит, в деревьях потрескивает, Машеньку с издевкой выспрашивает: «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?» — «Тепло, тепло, Морозушка».

Видит мальчик, как мать сына в дальний путь снаряжала, зароки клала, таково его наставляла: «А придет час твой смертный, обернись на родину славную, ударь ей челом седмижды семь, распростишься с родными и кровными, припади грудью к сырой земле и усни сном крепким, непробудным».

А еще снилось, как привязалось к девице горе злосчастное. Ее мать в колыбели качала, а горе над нею стояло. Девица от горя замуж пошла, а горе за нею с детками. Девица от горя в темный лес, а горе бежит и дорогу показывает. Девица от горя в могилу пошла, а горе ее сырою землю засыпало.

Так сон за сном идет, друг дружку догоняют, и не проснуться бы мальчику-подпаску вовек, если бы только не пастух. Заприметил он, что подпасок спит, а скотина тем временем разбредается, подошел и порядком-таки его в сердцах потряхнул. Выпала из рук у паренька сон-трава, и пробудился он. Но не идут виденные сны у него из головы. Стал он людям их говорить, а люди над ним смеются: «Полно тебе небывальицы сказывать! Ты бы лучше за стадом присмотрел».

Но не послушал их мальчик. Бросил он дом свой, все оставил и всю жизнь свою ходил по земле, сны свои дивные рассказывал. И иной человек усмехнется да рукой махнет,

а другой рад послушать, сам его зовет и подарки дарит. А случалось и так, что послушает-послушает его человек и начнет томиться бог весть о чем. Все чует он, как где-то далеко, за синими морями, за дремучими лесами, бежит, задыхаясь, серый волк; видит, как разворачивается скатерть-самобранка; слышит, как поют гусли-самогуды, струны тихо выговаривают:

Подуй, подуй, погодушка немаленькая,
Раздуй, развей рябинушку кудрявенькую...

Не найдет себе покоя такой человек, будет он всю жизнь свою томиться, обо всем этом людям рассказывать; и не с одним человеком, не с двумя случилось так, а многие тысячи их бродили и бродят по русской земле, дивные сказки сказываючи.

Так и повелись сказочники на Руси.

[1913—1916]

ПРИТЧА О ВАСИЛЬКАХ*

(Апокриф)

От Максима Книжника сказание о Господе нашем Иисусе Христе Сыне Божиим.

По исходе седьмой тысячи лет от сотворения мира Христос вновь сошел на землю и ходил по ней, чтобы исполнилось предсказанное у пророков.

И странствовал Он по всему нашему краю: и по Минщине, и по Виленщине, и по Могилевщине, и по Задвинской земле.

И вместе с ним были святой Петр и святой Юрий. Но никто из людей не узнавал Его.

Потому что шел Он босыми ногами, с непокрытою головою и был одет в простую холстину; а не того ожидали люди.

И никто не узнал Его, когда Он проходил со святыми полевою дорогою между спелых хлебов.

Был час жатвы, и все люди трудились в полях. Только лишь человек, ходивший по селам со скрипкой, не имел сегодня работы.

Поэтому, видя трех путников, он подошел к ним и с горечью сказал: тяжело мне, ибо сегодня — день труда и все заняты им. Один лишь я — никчемный человек.

Иисус же ответил ему: не печалься в сердце своем.

---

* В Белоруссии, откуда родом автор этого рассказа, среди крестьян существует воззрение, что Христос совсем еще недавно в крестьянской одежде странствовал по земле. Это народное поверие и послужило исходной точкой для предлагаемой притчи, чем объясняется несколько необычный характер как ее темы, так и формы. М. Б.

Не твои ли песни поются теперь в час жатвы? И так не склоняй низко головы своей и не укрывай лицо свое от взоров людских.

Так учил Христос. Но Петр, услыша слова его, сказал: Учителю, в этой стране есть люди, которые не имеют чем утолить голод свой. Не сожмется ли от стыда сердце этого человека, когда он придет с песней к ним?

И, отвечая ему, сказал Христос: правда, жизнь этих людей тяжка и скудна. Для чего же ты хочешь еще и красоту взять от них? Мало дано им,— неужели же нужно, чтобы стало еще меньше того?

И, обратившись к шедшему с ними человеку, спросил его: когда поют песни у вас?

Тот же отвечал: поют на Святках, на Масленице, на Пасхе, на Русальной неделе, на Троице, на Ивана Купалу, на Петровке, на зажинках и дожинках. Поют, детей качая, и сами дети поют играючи. Поют в хороводах и на посиделках, поют на свадьбах и похоронах и при всякой работе. Так весь год поют.

И промолвил Христос, говоря Петру: ты, жалея о доле голодных людей, осудил песню, но голодные люди не осудили ее. Жива еще душа в народе этом.

И, снова обратясь к шедшему с ними, сказал: под песни кладут в колыбель человека и под пение же опускают в могилу его.

Потому нет правды в том, кто скажет, что ты — лишний на земле. Истинно говорю я тебе: вот придет к нему година горести — и чем он утишит печаль свою кроме песни твоей? Так же и в день радости он призовет тебя.

Дневными заботами полна земная жизнь. Но когда пробудится душа человека,— только песня сможет утолить ее. Любите же песни свои.

Ведь поют даже жабы в болоте. А вы не лучше ли их? Тогда вновь сказал Петр: но пусть же в песнях будут

мысли мудрые и поучающие, чтобы кроме красоты была в них и польза для людей.

И ответил ему Христос, говоря: нет бесполезной красоты, ибо сама красота и есть то, от чего растет душа человека.

И, уча их, промолвил: оглянитесь вокруг! Не нива ли колыхается подле нас?

Тяжко трудился над нею поселянин и вот видит: между житом выросли васильки.

И сказал он в сердце своем: хлеб отнимают от меня эти синие цветы; ведь тучные колосья могли бы взойти на месте васильков.

Но еще с детских лет красоту их полюбила моя душа. Поэтому я не вырву с корнем их, как всякую дурную траву. Пусть растут и радуют, как в детстве, сердце мое.

Так сказал он в сердце своем и в мыслях своих. И не поднял он руку свою на васильки.

Я же говорю вам: хорошо быть колосом; но счастлив тот, кому пришлось стать васильком. Потому что к чему колосья, когда нет васильков?

И, говоря так, услышал Он песню и промолвил: слушайте, что говорят слова этой песни. Ее сложили люди, которые знают цену хлебу.

Они же услышали, что слова той песни говорили: нет цветочка лучше василечка*. И дальше уже молча шли они.

И босые ноги Христа оставляли на теплой и мягкой пыли дороги следы.

Но горе вам, люди, потому что давно уже затоптали вы их. Аминь.

[1914]

---

* Белорусская народная песня. М. Б.

**АПАВЯДАННЕ АБ ІКОННІКУ І ЗАЛАТАРУ,
ЛЮДЗЯХ МУДРЫХ І КРАСАМОЎНЫХ,
КНІГАЛЮБЦАМ НЕЙКІМ ДЗЕЛЯ СЛАВЫ БОЖАЙ
ДЫ РАЗМНАЖЭННЯ ДАБРА ПАСПАЛІТАГА
ВЫКЛАДЗЕНАЕ**

Дасюль яшчэ людзі дасведчанья і сталыя, а памяццю цвёрдыя, тья часы ў існаванні слаўнага места Віленскага, зайздруючы, згадываюць, калі мыта саяльнічае на соль простую і ледаватую ў двакроць паменшана было. Тады ж мяшчане віленскія з ласкі яго каралеўскай міласці і прывілей атрымалі, каб тры дні штогод перад святам нараджэння Ісуса Хрыста мёд варыць вольна, ні капшчызны, ані васковага да скарбу не плоцячы.

Водлуг гэтага ў Вільні за звычай стала гадзіну-другую ў бяседзе за келіхам мёду хатняга сцерці. Таксама і залатар Антон Корж, майстар скрозь паважаны, да крамы сваёй, на Нямецкай вуліцы збудаванай, часам таго або іншага са знаёмых запрашаў, каб вечар зімовы прыстойна ўдвух скаратаць. Гэткім чынам і ў дзень святой Харыціны, каралевы літоўскай, на покуці крамы залатарскай госць, Раман Якубовіч, чалавек добры і рахманы, за карцом поўным ушчэрць сядзеў.

Яшчэ ў моладасці ўзяўся ён постаці пана бога, яго прачыстае маткі і рожных святых вучыцца маляваць, фарбы квоल्या на дашчэчках кляновых, гладка выструганых і крэйдаў загрунтаваных, з малітвай у сэрцы накладаючы. Пяць год яму вучнем давялося быць ды два гады — падмайстрам; а як тэрмін гэты скончыўся, тады Якубовіч, звычай спаўняючы, са старшай дачкой гаспадара свайго, Агатай, жаніўся і, звання майстра такім парадкам справядліва дайшоўшы, усягды цяпер заробо-

так меў. Уважаючы на гэта, нават і пан Корж яго да сябе запрашаў, хоць, ведама, іконнік залатару раўнёй быць не можа і таксама ад яго розніцца, як, прымерам кажучы, фарба трохграшовая ад золата угорскага, у агні пяць разоў ачышчанага. Але Корж, крамар заможны і паважаны, на свеце незамала пажыўшы і шмат чаго зведаўшы, людзямі ніколі не пагарджаў, гонару свайго, аднак, ні ў чым не змяншаючы. Так і цяпер ён, мёд цёмна-бурштынны смакуючы, словы госця свайго ўважліва слухаў.

— Чуткі да мяне дайшлі,— гэтак прамаўляў іконнік Раман Якубовіч,— быццам Сальватор Роза, майстар умелы, а ў працы рупны і здольны, да нашага краю з зямлі Італійскай прыехаўшы, абразы на мурах цэркваў полацкіх з вучнямі сваімі малюе, старыну ў маляванні гэтым рухаючы, а навіны ўводзячы. Дзеля таго абразы тыя ад даўнейшых шмат чым розняцца, і гэтае людзям, у старыне цвёрдым, а да цэрквы божай прыхільным, сталася вельмі не да спадобы.

Ды яшчэ кажуць, быццам італіец той, аб красе толькі дбаючы, а на збаўленне душы сваёй забыўшыся, паганскіх багоў і шмат чаго іншага малюе, аб чым іконніку добраму лепш нават і не думаць. Нічога гэтага ў жоднага з майстроў часу старага, а нам у прыклад стаўшага, пабачыць няможна. Найгорш жа тое, што іконнікі полацкія звычайо рускага, а ў працы здольныя і дасведчаныя, навіны гэтыя пераймаюць ды да таго ж і людзей усякіх, нават роду паспалітага, а таксама і рэкі, бары і лугі і шмат чаго іншага малююць, і час і працу сваю праз усё гэтае марне трацячы. Бо, здаецца, кожны зразумець можа, што святая ікона пана бога, хаця б і зусім няўдала зробленая, бязмерна больш варта, чым са пся якога-небудзь малюнак найлепшы. Але майстры тыя на гэта не ўважаюць, а таму іконапісь прыстойная і да старасвецкіх звычайоў прыхільная ў Полацку падупала, праклятым недаверкам на радасць, а ўсім людзям добрым на жаль і гора вялікае.

Тады, бачыўшы, што іконнік гутарку сваю ўжо скончыў, пан Корж карэц з медам на бок пасунуў і, не спяшаючыся, пачаў гаварыць:

— Можа стацца, лепей бы мне аб гэтым не размаўляць, бо не столькі я фарбы і пэндзлі, сколькі рэчы свае залатыя і срэбныя ведаю, аздабнейшых ад каторых ні ў Вільні, ані ўва ўсім Вялікім Княстве Літоўскім не знойдзеш. Але не варт, усягды мне здавалася, рэч якую-небудзь толькі таму ганіць, што яна для нас за навіну прызнацца павінна. Бо ўсё тое, што цяпер навіною завецца, праз час які старыною мае быць, для людзей усіх стапаў — звыклай, а ўшанавання і абароны годнай. Я, дзеля працы сваёй незамала паездзіўшы, і ў чэхах, і ў немцах пабываўшы, шмат чаго на вяку сваім па краінах далёкіх бачыў. Малюнкi тыя, што Сальватор Роза з іконнікамі полацкімі робіць, там скрозь звыклы, і нікога ўжо яны не дзівуюць, людзям усім, дзеля красы сваёй, у спадобе стаўшы, а майстрам здольным славы і гонару прыдаючы. Тое ж і ў нас, напэўна, мае стацца, калі навіна старыною зробіцца, так што, мабыць, тады людзі полацкія Сальватора Розу шанаваць будуць, хоць нам цяпер гэта і непадобным да праўды здаецца.

— Гэтаксама і думку, быццам ікона ўсягды вялікую вартасць ад іншага малявання мае, я за несправядлівую мушу ўважаць. Бо не тое, каго майстар малюе, а толькі тое, як ён гэта робіць, толькі здольнасць і ўлежнасць яго могуць малюнку хвалу і каштоўнасць надаваць. Ікону з Острабрамскай маткі боскай, майстрам рупным і добрым памаляваную, за восем або за дзесяць грошаў літоўскіх купляюць, а за тую ж ікону працы вучня няўмелага нічога не даюць. Вось жа вартасць малюнка толькі ад хараства ў выкананні яго залежыць, што, звычайна, кожны іконнік лепш ад мяне ведаць павінен.

Так гаворачы, залатар скрыню дубовую, жалезам акую, адамкнуў і, дзве ліхтарні срэбныя адтуль дастаўшы, на стол іх з каганцом поруч паставіў і тады сказаў:

— Чалавек разумны да прыкладаў розных ахвотна звяртаецца, думку сваю выкладаючы; іх жа і цар Саламон ужываў, як аб тым пісьмо святое нам кажа. Таксама і Цыцэро і Арыстотэль, людзі мудрыя і ў філасофіі дасведчаныя, хоць верай праўдзівай і не асвечаныя, да прыкладаў вельмі склад маючы, заўшэ з іх карысталіся.

Дзеля таго і я, думкі свае як след растлумачыць жадаючы, ліхтарні гэтыя за прыклад узяць хачу. Роўную яны вагу маюць і з таго ж самага срэбра адліты былі, але ўсё ж ткі адна з іх у семкроць болей другой каштуе, бо аздоблена з умеласцю надзвычайнай. Водлуг жа таго, што ўмеласць і здольнасць тыя толькі ў выглядзе рэчы, або, як іншыя цяпер кажучь, у форме яе з'явіць можна, прызнаць мы мусім, што каштоўнасць вырабаў прыгожых адно толькі праз красу іх форм узрастае і толькі красою форм каштоўнасць тую мераць можна.

Ува ўсім гэтым праз працу залатарскую як найлепей павінны мы праканацца. Бо чым болей ад работы майстра формы рэчы прыгажосці набіраюць, тым каштоўнейшай рэч гэтая пачынае рабіцца. Таксама і здольнасць майстра тым большай трэба ўважыць, чым лепшую форму кавалку срэбра або золата прыдаць ён здолен. Вось чаму я, хрысціянін не згоршы ад іншых, рэчы свае вырабляючы, адно толькі красу формы пільную ды не думаю аб тым, нашто нанізкі залатыя мае пойдуць: ці то на аздабленне фігуры маткі боскай, або піяка і распуснік які на пакрысу сваю ўжываць іх будзе.

Так казаў Антон Корж, чалавек мудры і красамоўны. Але ўжо ноч настала, і варта па вулках ішла, усім загадываючы, з наказу пана войта, агні гасіць і дзверы зачыняць. Таму іконнік і залатар, вечар прыстойна ў бяседзе правёўшы, краму замком нямецкім моцна замкнулі і развіталіся між сабой, у думках жадаючы, каб дзеля спахытку сэрцу і розуму таксама і далей удвох схадзіцца.

*Рукапіс гэты, пісаны гаворкай нашай старажытнай,
адишкаў і словамі сучаснымі перапісаў
Максім Багдановіч.*

ШАМАН

«Баян» — вялікі, нядаўна адбудаваны параход амерыканскага кшталту — рэжа носам ціхую, цёмную ваду, а ад абодвух яго бартоў бягуць ускіпаючыя пенай невысокія палосы хваль. Даўно ўжо зышла на зямлю напоўправідная цёплая летняя ноч, і залацісты стоўп ад поўнага месяца ўжо лёг на люстраную гладзь шырокай Волгі. Ён увесь дрыжыць, зыбаецца, пераліваецца агнямі і, папаўшы раптам пад хвалі, узнятыя параходам, шырыцца, драбіцца і доўга цягнецца светлым следам за нашай кармой. Тады здаецца, быццам на вадзе з'яе залатая кальчуга калісьці ўтопшага тут вялікалюд а або быццам залаты невад калышацца на цёмнай гладзі ракі, а ў ім кішма кішыць залатой жа рыбы. Але патроху рассыплюцца звенні кальчугі, распадзецца залаты невад на безліч паблутаных, узвіваючыхся светлых ніцей, ды зліюцца паміж сабой пераліўчатыя ніткі, — і ізноў будзе дрыжаць на рацэ ясны, бліскучы стоўп, быццам залаты шлях да блізкага шчасця. І так цэлымі гадзінамі ўсё тое ж; дрыжыць і драбіцца залатая пуціна; ледзь-ледзь маячыць лугавы бераг Волгі; цёмным зломам рысуецца на небе гарысты бераг; там-сям гараць аганькі бакенаў, у цемні нябачных. Калі-нікалі праплывае міма доўгі чорны плыт з вогнішчам, адбіваючыся чырванай плямай у цёмна-люстранай вадзе. На міг з мроку выгляне колькі стаячых на плыту чалавецкіх фігур, мільгане ярка асветленая сіняя або рожавая кашуля, пачуецца нягучны голас, — пачуецца і сціхне, і знікне у цемні постаці плытнікоў, і сам плыт згіне з вачэй. Бывае яшчэ — у ціхім

паветры загудзіць труба сустрэчнага парахода, наш яму адгукнецца, замахваюць сігнальнымі ліхтарнямі,— і праз трохі часу ён прабяжыць каля нас, бліскаючы зялёным бартавым агнём і светлымі роўнымі прарэзамі вокнаў, іду-чых яркай паласой уздоўж усяго парахода. З капітанскага мосціка пачуецца кароткая каманда. Каля борта зашуміць і ўспеніцца вада, ажывуць размовы, і зноў пад спакойны гул машыны і шум параходных колаў агорнуць душу ня-ясныя, але ціхія і мілыя думы. Мяне яны ўжо даўно ўзялі ў палон. Праўда, поруч са мной на палубнай лаўцы ся-дзіць, бесперастанку гаворачы, папутчык, каторы гадзіны дзве назад запытаўся аб якойсь драбніцы мяне, завёў гу-тарку і аж дасюль не можа стрымацца. Але я нядбала слу-хаю яго мовы, а яшчэ горш бачу ў цемні яго твар. Толькі калі ён падносіць запаленую сярнічку да папярсы, укры-ваючы яе ад цёплага вецярка рукамі,— агністае святло залівае яго далоні і твар, пальцы па краях робяцца праз-рыста-чырвонымі, і з негустога мроку выступае чорная бародка, вусы, храшчаваты нос і карыя хваравіта-бліску-чыя вочы. Гавора ён ёмка, шпарка, як чалавек, каторы на-галадаўся па гутарцы. Я не спыняю яго,— мне зусім не хочацца размаўляць, бо Волга закалыхала мяне, і такімі далёкімі, не торкаючымі сэрца, зрабіліся самыя гарачыя словы.

«Хораша ў нас на Волзе!— вымаўляе падарожны груд-ным, трохі сіпаватым голасам.— Шырыня-то, шырыня-то якая! Добра сказаў аб гэтым Горкі Аляксей Максімавіч. Глядзіш, кажа, на Волгу, і не разумееш: ці яна табе ў грудзі плыве, ці сама з тваіх грудзей цячэ. Ды і краса ж тут! Здаецца, нідзе такой красы няма. Глядзіце, як свет-ла,— быццам чырвонае золата зыбаецца на рацэ. А калі мы цёмнай ноччу пад'едзем да Ніжняга, дык там і не тое яшчэ пабачым. Вельмі ўжо прыгожы агонь пры гэтай цем-наце. Кірмаш за Акой тады і гарыць, і зіея, музыка ў Глаў-ным ДOME грміць. З другога боку на самым юру заезд «Восточный Базар» уздымаецца, увесь круглымі электрыч-

нымі малочна-белымі ліхтарамі ўнізаны. Па гарэ, на катой горад стаіць, удоўж кожнай дарожкі цягнуцца ланцугі ліхтарных агнёў, а тутак, на самай Волзе, многімі соткамі параходы і баркі стаяць — з мачтаў аганькі глядзяць, параходы ўнутры асветлены, усе вокны зіяюць, аж здаецца, быццам параход да краёў святлом наліт. А вада-то ў Волзе густа-цёмная, і ад усяго гэтага святла па ёй залатыя кругі разбягаюцца, драбяцца, блутаюцца; днішчы параходаў нібы агнявымі водараслямі абрастаюць... Эх, ды што гаварыць: бачыць гэтае трэба, бачыць.

Але і ўдзень Ніжні не менш красны. Пад'язджаем да яго на параходзе, а ён-то ўвесь па гарэ паўзе, а гара ўся ў зелені — праз зелень тую белы, а дзе і чырвоны крэмы выглядзе, гмахі ўсіх колераў лепяцца, царкоўныя купалы ўздываюцца, крыжы іх ад сонца аж зіхацяць... Краса!

— А добра, што чалавек навучыўся скрозь бачыць красу, — памаўчаўшы, ізноў звярнуўся ён да мяне. — Аб гэтым я многа думаў, жывучы ў Нарымскім краі, бо і там я пабываў. Які-такі наш Нарымскі край — казаць не буду, бо і самі, пэўна, добра ведаеце. Адно толькі скажу: ночы там доўгія, цёмныя, бязмесячныя. Цягнуцца яны, цягнуцца, і, здаецца, канца ім няма. Але і ўдзень прыёмнага мала: снег, адзін снег навакол, куды ні глянь, — усё снег ляжыць ды яшчэ да таго ж з неба валіцца. З раслін адны толькі скарлючаныя бярозкі спатыкаюцца; праўда, летам яшчэ мох ёсць, а к восені журавіна паспявае, але гэтулькі тады рознай машкары з'явіцца, што і лету не будзеш рад: ледзь-ледзь не з'ядае яна чалавека. Цяжкае і прыкрае там жыццё. А іншы раз нават страшна зробіцца, — так ясна бачыш усю сваю бяспомачнасць перад суровай зямлёй. І розныя думы спакою не даюць: усё маячацца тыя часы, калі калматы чалавек хадзіў па беднай і непрыветнай зямлі і патроху, на працягу доўгіх тысяч лет, рабіўся з чатырохногага двухногім. Перарабляўся ён, падвышаў свой розум, — а разам з тым павінна была расці ў яго душы бяскрайная, трывожная нуда, бо зямля наша сувора, жорстка, невясё-

ла, і так няцвёрда на ёй існаванне чалавека. Неглыбока ўвайшлі ў зямлю яго карэнні. І калі чалавек спатыкаўся з якой-небудзь нястрыманай і грознай сілай зямлі, каторая вось-вось прыдушыць яго, зламае, растопча,— тады чуццё гэта з цёмнай глыбіні душы прасачывалася ўгару, залівала мазгі, ахапляла ўсяго чалавека, і ён... Ну, што ён мог зрабіць? Хіба толькі, згадаўшы свой даўні звярыны звычай, становіўся на ўсе чатыры лапы і пачынаў выць... вось як ваўкі выюць. Але гэткаія здарэнні на кожным кроку яму спатыкаліся, а не мог жа ён жыць у вечным спуду, у вечнай нудзе. Павінен жа ён быў даць сабе якую-небудзь раду? А калі так, дык што ж гэта за рада была? Адказ знайсці дужа цікава, бо і сучасны чалавек тое ж самае пачуванне павінен мець. Няхай сабе ў самым падполлі душы, а ўсё ж такі жыве яно ў нас. Гэта, як той казаў, спадчына, пакінутая нам ад прадзедаў. Ды не так ужо стала трымаемся мы на зямлі, а яна ўсё тая ж: важкая, жорсткая, цёмная.

Вось якія думы снаваліся ў мяне ў Нарыме. Там жа я і адказ да іх знайшоў.

Здарылася гэта зімою. Прыехаў да нас шаман, каб у гаспадара юрты дачку ад хваробы адратаваць,— памірала ўжо яна. Дзеля гэтага прыезду ўсе выпілі — і гаспадар, і гаспадыня, і хворая... Нават малыя дзеці сербанулі, а шаман гэты, ведама, найбольш ад усіх. Аднак, нягледзячы на выпітае, нуда ўсіх брала... Дзень выдаўся ветраны, мяцельны. Стаяць тры нашыя юрты ў сняговай пустэлі, а навокал усё бушуе; ні праходу, ні праезду няма; замяце нас завірухаю, замёрзнем мы, ці што,— ратунку не будзе ніадкуль. Кепска! Не тое, каб страшна было,— не, ужо да ўсяго звыклі мы,— а так нешта ўнутры пачынала пасасываць. А тут яшчэ гэта хворая стогне... Толькі гляджу я,— устаў шаман, узяў свой бубен (без бубна ён кроку не ступіць), ударыў у яго і запяяў. Доўгую такую, дзіўную песню зацягнуў. Ні складу ў ёй, ні ладу не было, але затое сэнс яе дужа цікавы. Казалася ў гэтай песні, прымерам гаворачы,

аб тым, што зямлі, лепшай ад Нарымскага краю, ува ўсім свеце нідзе не спаткаць. Чаго толькі тут ні ёсць: мох сцелца, журавіны — аж не абабраць, нават бярозка — і тая расце; у рэках рыба водзіцца; штогод два разы птушкі вялікімі стадамі праносяцца; самае ж глаўнае — вазацкія сабакі і алені. Іх шаман асабліва старанна рассмакаваў. Ну, тут шмат яшчэ чаго ў гэтай песні было; нават і на тое шаман не забыўся, што вось незадоўга Іван Матвеіч — скупшчык тутэйшы — прыедзе, гарэлкі і тытуну прывязе. Коротка кажучы, з якога боку ні падхадзі, — усё Нарымскі край неспадзявана добры. Гляджу я, — шаман ад песні больш, чым ад гарэлкі, сп'янеў; усе павесялелі; гаспадар нават з нейкай пагардай на мяне ўзіраецца: бач, значыцца, якая наша старонка.

І здалося мне тады, што я на адзін з найвялікшых каранёў красы натрапіў. Здалося мне, што пачуццё красы вытварылі сабе людзі таму, што былі змучаны і запужаны суворай зямлёй; вытварылі, каб пазбыцца няяснага, але бяскрайнага, усю душу запаўняючага смутку. І тады лягчэй стала ім жыці, бо зямлю яны бачылі прыгожай, а не такой, якою яна запраўды ёсць: не жорсткай і грознай і бязмерна моцнай, гатовай кожную мінуту прыціснуць бяспомачнага, жалкага чалавека, сказіць яго, расплюшчыць, растаптаць, ад каторай не ўкрыешся, не схавашся, не абаронішся. І не беднай, важкай і цёмнай бачылі яны яе, не той злой мачыхай, што прысудзіла ім цяжкае, невясёлае жыццё... Не, бачылі яны яе ў пералівах барвоў і згукаў, цешыліся гэтым, самыя грозныя з'явішчы прывучыліся бачыць самымі пекнымі, — і знікаў у іх душах жак і ўхадзіў кудысь у падзямельныя норы души, каб толькі зрэдку, гады ў рады, выхадзіць адтуль і наганяць смутак на чалавека. Звычайна, не адзін толькі важкі сум прымушаў людзей вырабляць пачуццё красы, і не адразу вырабілася яно. Але я ўпэўнены ў тым, што тут крыецца адзін з самых тлустых і цікавых каранёў гэтага пачуцця. А вы як думаеце?

— Не, гэта не зусім так, — адклікнуўся я. — Прыглядзіцеся, напрыклад, да паэзіі, і вы пераканаецеся, што народы некультурныя, і нават напоўкультурныя не бачылі ў прыродзе ніякай красы. Перагарніце хаця б велізарнейшую Іліяду або Адысею; там вы знойдзеце шмат вершаў аб красе розных людзей, учынкаў, рэчаў, — а аб красе зямлі бадай што ні слова няма. Амаль не тое ж самае і ў рымскай паэзіі. Толькі ў часы так званага «Адраджэння» людзі навучыліся бачыць у зямлі красу. Значыцца, сотні і тысячы год жылі людзі, не закрываючы ад сябе красой усю беднасць і суворасць зямлі; а калі вам паверыць, дык яны павінны б былі ўсе звар'яець або перадушыцца. Што ж вы скажаце аб гэтым?

— Ат, — адмахнуўся ён рукой. — Я ж і кажу вам, што не адразу вырабілася ў чалавека ўменне бачыць у прыродзе красу. Вось вы і час паказалі, калі яно развілося досыць поўна, — пару «Адраджэння». А што да грэкаў, каторыя не ўмелі ўкрыць ад сваіх вачэй красою жах зямлі, дык затое ж паміж іх узрасла вера ў нястрыманую моц сляпога, адвечнага Кона; усе грэцкія трагедыі, — найвялікшыя трагедыі, лепш ад каторых не было ні раньш, ні пазней, — усе яны кажуць аб адным: як гэты Кон нішчыць волю і сілы чалавека, як ламае іх, быццам тонкія пруюцікі. Цяпер мы не бачым зямлю страшнай, а бачым яе прыгожай, і таму ў нашай трагедыі няма Кона. Ува ўсіх нашых драмах, раманах, апавяданнях трагізм тоіцца не за чалавекам, а ўнутры яго, у тых цёмных, дзікіх сілах, каторыя ён калісьці скарыў, заціснуў у падзямелле душы, забыўся на іх і з жахам згадвае толькі тады, калі яны раптоўна прарвуцца, заліюць сабою мазгі, затуманяць розум, знішчаць адпор волі, кінуць чалавека ў брудныя і шалёныя ўчынкi».

Кажучы гэтае, мой сусед ужо не сядзеў: як чорная ма-ра, стаяў ён перада мною, а чырвоны кончык папяроскі ў яго руцэ рабіў сярэдзь цёмнага паветра шырокія агнявыя кругі. Але гутарка наша, ужо зацікавіўшая мяне, так

і не дайшла да канца. Гулка загудзеў параход, забегалі матросы, ажывілася публіка. Мы аглянуліся, на высокім, змрочным берагу чорным зломам падымалася званіца, свяціліся аганькі, віднеліся дзве-тры чырвоныя плямы — бартавыя ліхтары параходаў, стаяўшых тут у прыстанях. Гэта быў Яр..., горад, у каторым майму падарожнаму трэба было сыйсці. Мы развіталіся. А ў тую ж ноч, яшчэ недалёка адышоўшы ад прыстані і даўшы поўны ход, наш «Баян» натрапіў у змроку на лодку, і я мог зразумець, чаго варта краса гэтай цёмнай ночы і аксамітна-чорнай вады; пачуліся крыкі, нехта кінуў ратунковы круг, але ў цемні не было бачна, хто тоне, дзе тоне і ці туды было трэба кідаць. Параход зменшыў свой ход, завярнуўся, напаткаў мінут праз дзесяць перавернутую ўверх дном лодку, але каля яе не было бачна жоднага чалавека. Раздаўся гудок, і параход ізноў пайшоў упярод.

[1914]

СТРАШНОЕ

(Миниатюра)

Только когда небо совершенно просветлело и побледнел багрянец утренней зари, Семенов выполз из окопа. Ночной бой кончился, гул пальбы смолк, враг отступил. Вокруг лежали убитые, исковерканные раскаленным металлом снарядов, с оторванными, переломанными членами, вырванными внутренностями. Но глядеть на это было не страшно. На то и война. Ко всему привыкает человек.

И совсем уже не страшно было смотреть на живых людей, которые начинали суетиться вокруг, прося огонька для папироски, заваривая чай. Один даже просто лежал на земле в удобной позе и смотрел прямо в небо, синевшее над его головой. А по небу тихо плыли облака, и, вероятно, так же тихо проплывали мысли в голове этого мечтательно лежащего человека.

Но Семенов вдруг вздрогнул.

Крупный рыжий муравей вынырнул из волос мечтателя, пробежал по его виску и пополз через глаз. И веко лежащего не дрогнуло, и по-прежнему широко были раскрыты его глаза.

Это было страшно.

[1914—1916].

ИМЕНИННИЦА

(С натуры)

Мы все собрались часам к восьми. Пришел и Ян и Фединька, баловень женщин, я, и еще много других веселых и довольных людей, но Наденька ждала кого-то другого. Тот другой смотрел со стены из ореховой рамы и улыбался. Наденька долго любовалась им, повернула абажур лампы, чтобы яснее выделялись погоны офицера и его совсем юное красивое лицо и тихо сказала всем нам, собравшимся в маленькой уютной гостиной именинницы:

— Он теперь далеко от нас... Он начал писать мне с 21 августа, а последнее письмо я получила от него сегодня... Он пишет, что два раза был в бою, что солдаты его роты рабы, что очень холодно по ночам и что...

— Что он думает о вас?— засмеялся я.

— А почему вы знаете?

— А потому что Жорж ваш жених, а жених даже в разгар битвы вспоминает свою нареченную...

Наденька довольно улыбнулась, поправила прическу и ее бледное, еще совсем юное личико оживилось. Глазки блеснули.

— Нет, я так рада, так рада, что он здоров, что готова прыгать и скакать, как ребенок...

Мы все с любовью всматривались в именинницу и невольнo вспоминали и я, и Ян, и Фединька, как почти два месяца тому назад в этой самой гостиной, вот на этом кресле, на котором сидел я, сидел Жорж. Военная форма так шла к его темным волосам, бледному лицу. Еще не побывав в сражении, он носил в себе героизм русской армии, еще только что при одевании мундира прапорщика он уже ду-

шой перестал принадлежать нам. Он улыбался, шутил, а рядом с ним сидела Наденька в беленьком платьице с открытым воротом и, заглядывая в глаза жениху, тихо и застенчиво спрашивала.

— А ты не разлюбишь меня?!— тот гладил и целовал её маленькую ручку и отвечал ласково и тоже тихо:

— Никогда!

Потом они поменялись крестами, а когда в ненастное августовское утро провожали уезжающих офицеров и солдат, Наденька при всех обняла, поцеловала его и долго плакала, такая маленькая, изящная и юная.

Мы все любили Жоржа и Наденьку. Уже давно знали их маленькую тайну. Они хотели обвенчаться перед войной, но нашли события и свадьбу пришлось отложить.

— Где-то он теперь?— задумчиво прошептала Наденька, когда мы все сидели за чаем и на мгновение смолкли после оживленной веселой беседы и смеха.

— Сидит в окопах и вспоминает вас!— улыбнулся Ян.— Это самое вероятное.

— А вдруг убит! Я читала, что эти дни шел сильный бой. Я каждый день слежу по газетам, не убит ли. Знаете, когда вечером получают газеты, я беру лист, бегу к себе в комнату, запираюсь и начинаю прочитывать фамилии убитых и раненых офицеров. Если б вы знали, сколько я переживаю за это время... Когда не встречается знакомая фамилия, я облегченно вздыхаю... И это каждый день...

Ее глазки делаются грустными и, чтобы развлечь девушку, Ян сел за рояль и начал наигрывать «Марсельезу».

Газеты пришли к часам 10.

Я взял еще свежий номер и начал читать вслух о том, что произошло и происходит там, где реют знамена и свистут пули. Все слушали внимательно.

— Теперь прочтите фамилии,— дрожащим голосом попросила Наденька.

Улыбаясь, я начал читать, и вдруг посреди листа из

целой группы других фамилий, совершенно чужих и неинтересных, промелькнула знакомая. Что-то ударило в голову, буквы завертелись.

— Ну что же вы?.. — капризно крикнула именинница. — Теперь о пропавших без вести.

После чтения я взял газету, сложил ее и незаметно сунул в карман.

— Ян! — сказал я приятелю, отозвав его в сторону. — Ян, ты знаешь — Жорж убит?

— Что?

Лицо весельчака побледнело.

— Нет, ты шутишь!

— Смотри!

Знакомое имя и фамилия сразу бросились в глаза.

На глазах Яна показались слезы.

— Как же теперь... Наденька-то!

Я вздохнул.

— Не надо показывать и вида...

И весь вечер мы смеялись, хохотали и дурили как никогда. И поддаваясь нашей веселости, смеялась и Наденька. И только тогда на ее личико набегало облачко грусти, когда она всматривалась в портрет жениха и что-то тихо шептала.

Молитву, его имя или проклятие врагу.

И вот теперь все знают о смерти Жоржа, но все скрывают от Наденьки страшную тайну.

Она по-прежнему весела, резва и часто говорит:

— Когда Жоржик вернется обратно...

Глаза ее загораются. Она вспоминает поцелуи возлюбленного и ее сердце бьется от радости предстоящей встречи.

Она украшает портрет цветами и не знает, что молодой, храбрый офицер, взошедший первым на неприятельский окоп, был поражен пулей в то самое сердце, которое билось любовью к ней, к милой очаровательной девушке.

МАРЫНА

Пасля сквернага, задушнага дня непрыкметна надшоў вечар, павеяў ціхі вецярок, і вуліцы Вільні пачалі ажыўляцца. Па шырокім тратуарам Георгіеўскага праспекта ліўся жвавы, але яшчэ не густы натоўп, кіруючыся да Бернардынскага саду, куды разам з усімі прынёс і мяне.

Незанятых лавак не было, і прыйшлося апусціцца на тую, дзе ўжо сядзеў нейкі дзядок з маленькай дзяўчынкай. Недалёка віднеліся зеленаватыя струі Вілейкі, каторая зрабіла тут шырокую луку, падмываючы гарысты бераг. Крута ўздымаўся ён, высокі і абрывісты, а па яго верхняму краю разрасліся кучаравыя дрэвы і кусты; ніжэй зелянела трава, пад ёй жа да самай вады ішлі жоўтыя, гліністыя скаты. І пекна было бачыць, як ірдзяны круг сонца, апусціўшыся насупроць амаль не да зямлі, заліваў іх чырвоным святлом, і яны браліся ў такі кволы агністы колер, каторы можна спаткаць толькі на скрыдэльцах матылькоў.

Але недаўгавечна на свеце краса. Ніжэй і ніжэй спускалася сонца, знікаючы за шырокім кругам зямлі; усё бляднейшым рабілася агністае афарбаванне высокіх гор, і ўсё мацней праступала з-пад яго жаўцізна берагавой гліны. Нарэшце яно згасла ўканец... І неяк адразу ўсё вакол зрабілася дакучным і грубейшым; я пачуў, што паветра даўно ўжо напаўняецца халоднай вільгаццю, а ў галаве вынікла думка, што хутка трэба ісці дамоў, дзе прыйдзеца размаўляць аб адной непрыемнай справе. Не хацелася бачыць ані той бераг, ані горы, і я перавёў погляд на сваіх суседзяў па лаўцы.

Сухонькі, нізенькі, але досыць яшчэ жвавы старычок, трымаючы на каленях маленькую дзяўчынку з быстрымі вочкамі і светлымі ільнянымі валасёнкамі, наставіцельна казаў ёй:

— Німаш такога слова «апа», гэта ж ты сама выдумала яго, а ўсе людзі кажуць «ма-ла-ко». Чуеш, Марыначка, ма-ла-ко?

— Апа.

— Ат, якая ты! Ну, будзем тады гаварыць па кавалачках. Скажы, Марыначка, «ма».

— Ма.

— Скажы «ла».

— Ла.

— Скажы ж яшчэ «ко».

— Ко.

— Вось як добра, разумніца ты мая. Ну, а цяпер усё разам: «Ма-ла-ко».

— Апа!

Я мімаволі рассмяяўся: засмяяліся і дзяўчынка і старычок; мы пазнаёміліся.

*

Ад тых часоў прайшло каля двух гадоў. Я падружыўся з Марынай, — мілай дзяўчынкай, каторай цяпер ужо быў чацвёрты год, — пазнаёміўся з яе бацькамі і таварышкамі. Яна вучыла мяне гуляць у розныя дзіцячыя забаўкі, я ёй апавядаў казкі, і мы абое вельмі цешыліся з нашага знаёмства. Асабліва ж хораша было ісці з ёй куды-небудзь на шпацыр, хаця бы ў той жа Бернардынскі сад. Тады ўсе сустрэчныя лічылі яе за майго дзіцёнка, і мне рабілася ад гэтага вельмі прыемна.

Таксама, калі ў верасні выдаўся першы зазімак і чысты, пушысты снег усцілаў вулкі Вільні, мы не ўседзелі ў хаце. Шпарка апануўшыся, вылецелі мы стуль, каб паглядзець, што робіцца на Вілейцы — так казалі мы хатнім, — а са-

праўды толькі дзеля таго, каб адзначыць на белым сняжку як мага болей слядоў, папраламваць хрушчашчыя скарынкі лёду сяродзь калюжын, перадражніць азябшую, хрыпкую варону на паркане. Разам з намі высыпаў ужо гурток рознай моладзі, і ўсе мы з гоманам памкнулі ў Бернардынскі сад. Невясёла пазіраў ён: вільготны гразны пясок глядаў з-пад снегу на дарожках, мокрымі былі зялёныя лаўкі, дрыжэлі і хісталіся голая галіны дрэваў. Мы падайшлі да Вілейкі. Холадам веяла ад яе пацямнеўшай вады, непрыветна глядзеў круты бераг. Тут жа адзінока стаяў апусцелы гмах даўно ўжо зачыненага і закалочанага летняга тэатра, а на яго сцяне вецер трапаў і прабаваў сарваць старую слізкую, напалову адляпіўшуюся, афішу. Нудна была глядзець на ўсё гэтае,— і мы, патаптаўшыся, павярнулі назад. Але тут нас аклікнулі; з баковай дарожкі набліжалася панна, каторая, павітаўшыся, заглянула да аднаго з нас — да Базыля — у вочы і сказала з вясёлым смехам: «Вы чулі, Ганна Рафаілаўна выходзіць замуж за Яна? Шлюб прызначаны на заўтра».

Пасля гэтых слоў сталася нешта зусім неспадзяванае. Базыль нязграбна ўзмахнуў рукамі, нямаведама чаму паचाў папраўляць сабе белы каўнерык ды, скончыўшы, апусціўся на лаўку і закрыў далонямі твар, схіліўшы галаву амаль не да кален. Напружыліся жылы на яго шыі, і як затрасліся, так і не пераставалі трасцісь вузкія плечы. Мы стаялі вакол, не ведаючы, што сказаць, што зрабіць. Першай загаварыла Марына. Падышоўшы бліжэй да Базыля, яна трохі паглядзела на яго і жалобна сказала самой сабе:

«Плача... і невядома з чаго».

Пасля падышла да яго і пачала прыгаварваць, як дзіцёнку, тыя самыя словы, каторыя, пэўна, не раз казалі ёй самой:

— Не плач... ну, не плач... Як табе не сорамна: такі вялікі, а плачаш... Не плач... Глядзі ж, не плач, а то і я заплачу.

І, бачачы, што Базыль не адбірае рук ад твара, трохі супынілася, але тут жа нешта згадала і пачала шпарка шукаць у кішэні. Праз паўмінуты ў яе кулачку ляжала стракатая цукерка, каторую яна прабавала пакласці ў далонь Базылю, прыгаварваючы разам з гэтым:

— Вазьмі цукерку, толькі не плач. Ах, які ты дурань... Чаго ж ты плачаш? Я ж табе цукерку даю.

А ў Базыля ад гэтай неспадзяванай ласкі і спачуцця маленькай дзяўчынкі яшчэ мацней уздымаліся грудзі і прарываліся кароткія ўсхліпванні.

ЧУДО МАЛЕНЬКОГО ПЕТРИКА

Маленький Петрик ждал чуда. Если б у него спросили, что такое чудо и какого чуда он ждет, он не только не смог бы ответить на это, но даже сам с собою, в тайнике своей детской души, не сумел бы уяснить себе смысла вопроса. А между тем он не переставал искать и ждать чуда, смутно ощущая его во всем, что его окружало. Он верил и чувствовал, что чудо существует, что оно живет где-то тут близко, рядом с ним, и что настанет минута, когда он увидит его ясно своими собственными глазками, как видит все предметы вокруг себя; обхватит его своими маленькими ручками, как обхватывает кудластую морду старой Каштанки, упадет к нему курчавой головкой, как припадает к плечу своей мамы, уцепится за него крохотными пальчиками, как цепляется за нянину широкую юбку.

Днем он искал чуда в бездонной лазури этого удивительного изголубо-золотистого неба, с пушистыми на нем и мягкими, как снежные хлопья, облачками, в прозрачно дрожащей синеве воздуха; в таинственном трепете изумрудной листвы, откуда выпархивали чудесно поющие птички; в лукавом чирикании воробышков, которые, наверно, рассказывали друг другу бесконечную волшебную сказку о том, что творится высоко, в воздухе; в гладком зеркале темного пруда, в берегах которого так смешно по вечерам дразнили друг друга лягушки,— и ах! В проказнице маленькой речке, которую он успел доглядеть, пока тащила его за руку на прогулку няня. Там, наверно, в этой резвунье-речке, с ее быстрыми, блестящими струйками,

с ее вечно веселым рокотом, с ее пушистыми мягкими берегами и над ними бирюзовым кольцом, вечно резвящихся, прозрачных на солнце, со своими кружевными крылышками, маленьких стрекоз,— там кроется настоящее чудо. Недаром так крепко держит няня его маленькую ручку и сердито ворчит, когда он делает попытку вырваться.

— У! Баловник! Все б ему только бегать! До всего то ему дело есть.

Раз один ему удалось высвободить руку и, пока няня старыми несгибающимися ногами не поспевала за ним, близко нагнуться к реке и заглянуть в самую, как он был уверен, глубь. Он успел разглядеть там то же, что видел над водою.

Те же деревья, кусты, небо были опрокинуты. Петрик попробовал дотронуться рукой до мальчика, который улыбался ему из воды. Холодная влага обняла его руку и рука погрузилась по плечо в воду, а личико все удалялось вглубь.

— Ишь! Озорной!— ворчала няня. — Погоди, стащут тебя туда зеленые девки-русалки!

— Какие русалки!— спрашивал Петрик.

— А те, кто на самом дне речки живут.

— Это не русалки, это — морские царевны,— серьезно заявлял Петрик, которому мать накануне читала сказку про морскую царевну.

— Все-то ты знаешь, умник,— говорила няня.

— А можно видеть морскую царевну? Няня, можно?

— Ну, тебя, допросник! Пойдем-ка лучше домой. Рубашечка-то вся мокрая, переодеть надо. Маменька увидит, заругает.

Петрик смеется и машет изо всей силы мокрым рукавом, стараясь достать им до лица няни.

— Пойдешь, что ли, домой-то?

— Не пойду! Не надо! Не надо домой! Сама иди!

— Чего самой-то идти. У меня платье сухое.— Няня берет его за руку. Хочет идти. Петрик упирается.

— Не надо домой! Не хочу! Не пойду!— кричит он.

— Как не надо? Переодеться надо.

Няня тащит. Петрик продолжает упираться насколько хватает сил. Потом начинает свободной ручкой по чем попало тузить свою няню.

— Гадкая нянька! Сама иди! Не хочу! Не пойду!— всхлипывает Петрик.

— И в кого озорной такой уродился? Напасть с ним одна. Уж и ребенок!— ворчит няня.

А Петрик кричит, плачет, колотит няню, кусается, царапается, повторяет одно слово:— Не хочу! Не хочу!

— Ну, чего хочешь-то? Ну, чего? Скажи? Ишь, срамник какой! Глянь-ко, Каштанка умнее тебя, не плачет. Ну, не плачь, не плачь! Ин быть по-твоему. Садись-ка рядком с Каштанкой! Дай вытру глазки!— Няня вытирает Петрику глаза и гладит его долго по курчавой головке. Петрик ложится на колени няни лицом вверх, упираясь ногами в Каштанку. Его ласкает теплое солнце. Теплый ветерок сушит последние следы слез. Глазки его, еще слегка влажные, смотрят ввысь в это, открытое над ним, прозрачное небо. Глубь этого неба напоминает ему глубь воды, только прозрачнее, теплее, светлее, притягательнее.— Ах!— вздыхает он.

— Ну, чего ахаешь? Болит, что ли, где?

— Няня! Это тоже речка?— Петрик показывает ручкой вверх.

— Христос с тобой! Заговариваться стал. Где тебе речка еще привиделась?

— Глубокое... Глубокое?..

— Небо это, милый, небо.

— Там тоже девки-русалки?

— Уж и дите!.. Что скажет!.. Грех один с тобой. Господь там на престоле с ангелами.

— Что такое на престоле?

— А на престоле, словно как царь, значит, восседает.

— И на голове золото?

— И на голове венец золотой.

— А ты его видела, няня?

— Кого?

— Бога видела?

— Бога живой человек видеть не может, а когда умрем, все на суд к нему пойдем.

— Няня, я хочу умереть, тогда я увижу Бога,— серьезно говорит Петрик.

С тех пор он любил подолгу лежать на спине и смотреть в самую глубь голубого купола. И казалось ему, что там, высоко-высоко, за облаками, он видит сидящего на золотом престоле старца в венце и с жезлом, точь-в-точь как на картинке в любимой книжке, которую подарил ему папа. Только лицо, волосы и борода этого старца золотые, и венец, и престол, и сам он весь золотой, и такой блеск исходит от всего этого золота, что ни один живой человек не может вынести его. Оттого ни один человек не может видеть Бога, думает Петрик, и на солнце не может смотреть, потому что самая середина солнца — это лицо Бога, а солнечные лучи — это волосы Его и борода. Иногда Петрик засыпал и видел во сне золотой престол и на нем золотого старца, и небо, и речку. И все это смешивалось у него во что-то чудное, таинственное, притягательное. И когда он просыпался, им овладевало еще более сильное желание увидеть чудо наяву.

Но больше всего ждал он чуда ночью. После того как няня, раздев его, укладывала в мягкую постельку, и на лбу у него замирал нежный поцелуй матери, Петрик притворялся спящим. И когда вокруг него водворялась тишина, нарушаемая только легким храпом няни и долетавшими из соседних комнат звуками негромких голосов,— он открывал глаза и старался усиленно всматриваться в ночной полумрак, в полупрозрачный тусклый свет от лампадки, бросающей из своего угла сноп светло-желтых косых лучей. И после того как он долго пристально смотрел на огонь лампадки, ему начинало казаться, и он видел уже ясно, что

она соединена с его постелькой сплошной полосой яркого света, по ту и по другую сторону которого находится, непроницаемое для глаз, царство тьмы. От продолжительного смотрения на огонь темнота казалась ему еще непроницаемее, и он чувствовал, что она полна теперь для него чудесного и страшного и что если он случайно оторвет глаза от света и посмотрит в сторону, — то уже непременно увидит чудо и такое чудо, от которого у него кровь остановится в жилах и перестанет биться его маленькое сердечко. Петрик неестественно расширенными глазами смотрит на свет и ни за что, ни за что не хочет оторвать от него глаз. А когда усталые глаза сами закрываются и все кругом поглощено ночью, ему делается вдруг так страшно, так страшно, что холод наполняет его тело и стук собственного сердца он принимает за какой-то необычайный, непонятный ему, грохот. Он делает усилие, чтобы разомкнуть отяжелевшие веки, и ловит светлую точку в углу. Где-то храпит няня. Но, должно быть, это далеко, очень далеко. Петрик уверен, что теперь няня совсем в другом мире, в мире обыденной жизни. Сам же он перешел за черту реального, в область грез, чудес и сновидений. И папа, и мама, и няня, и рыжая Каштанка, — все теперь далеко от него. Он — один в полосе света.

Кругом него — притаилось и сторожит чудо. Стоит только повернуть немного голову, отвести слегка глаза, — и он его увидит. И никто не увидит чуда, кроме него, маленького Петрика. И если он теперь закричит, то никто, ни один человек его не услышит и не придет. Но Петрик не будет кричать, чтобы не спугнуть чуда. Он только постарается не смотреть в сторону. Но глазки сами скашиваются, ловят тьму, а в ней образы, созданные его фантазией: страшные, длинные, причудливые, излучистые от внезапного смещения света с мраком.

— Ай! ай! — вскрикивает Петрик. — Няня! Мама! На крик из соседней комнаты прибегает мать.

— Что с тобой, Петрик, дитя мое, мальчик мой милый?

Дай, подержу тебя. Хочешь к маме? Пойдем к маме на ручки?

Мама вынимает его из кроватки, кладет его голову к себе на плечо и долго ходит с ним по комнате, приговаривая: — Спи, мой мальчик, спи!

Петрик крепко прижимается к маме. Ему хорошо и совсем не страшно и даже немного жаль, что он спугнул чудо. Он плотно прижимается губами к уху мамы и шепчет:

— Мама, мама! я видел чудо!

— Спи, детка, спи! — повторяет мама.

— Уж и ребенок! — ворчит няня в углу. — Ни день, ни ночь покоя не знаешь!

Убаюканный лаской, Петрик переходит из царства мрака в царство радужных золотых снов. Просыпается на другой день веселый, счастливый.

— Няня, няня! — кричит он утром с постельки. — Няня! Мы пойдем гулять сегодня?

— Будешь умником, пойдем, — отвечает няня.

— Куда? К речке?

— Как баловать не будешь, так и к речке пойдем.

— И Каштанку возьмем?

— И Каштанку.

Петрик доволен. У него нет следа страха. Теперь все светло, ясно, голубо, зелено, золотисто вокруг него. Теперь ему не страшно никакое чудо и он увидит его, непременно увидит там, в речке. Повторяя за няней слова молитвы: «Спаси, Господи, и помилуй папу, маму, няню», — он тихо шепчет: и речку, и Каштанку.

— Что ты, милый! Грех ведь! — твердит няня.

Но для Петрика в этом нет греха. Так же, как папа, мама и няня, ему нужны и речка, и Каштанка.

— Няня! Сказку! — требует Петрик, сидя с няней на пригорке под кустом ивняка, на некотором расстоянии от речки. Ближе подойти к реке няня боится. Рядом растянулась Каштанка, свесив на сторону язык, и усиленно дышит. Одна рука Петрика совсем потонула в ее волнистой шерсти.

— Какую тебе сказку сказывать?

— Расскажи, няня, про ковер-самолет.

Пока няня однотонным тягучим голосом заводит неизменное начало: в некотором царстве... в некотором государстве...— Петрик уже опередил своей неутомимой фантазией. Он уже не маленький Петрик, которого от всего оберегают няня и мама, он царский сын, молодой королевич, и летит он на заколдованном ковре высоко-высоко, под самым солнцем. Сквозь зажмуренные глазки он видит его горячие золотые лучи прямо над своей головой. Петрик взмахивает руками.

— Я лечу! Лечу, няня!

— Чтой-то? Аль поприжчилось? С чего бы это?

— Няня, слушай! Когда вырасту большой, долечу до солнца!

— Долетишь, как тебе-то не долететь!— поддакивает няня.

Няня зевает, качается, крестит рот, опять зевает.

— Ох! ох! От жары что ли зевается так? Соснуть бы нам с тобой малость. Вишь Каштанка-то давно уж храпит. Ох-ох-ох! Разморило всю.

Но Петрик кричит: — Сказку, няня, другую сказку, про морскую царевну расскажи.

Усталым голосом няня начинает:

— Жила-была морская царевна в терему у своего отца, царя морского... — Сон клонит ее немилосердно. Дрема одолевает, глаза закрываются. Голова все больше начинает качаться и при этом весь корпус подается вперед. Легкий храп вылетает из горла. Няня вздрагивает, оправляется.

— То, бишь, что я сказала?

Морская царевна... царевна, в терему... значит... царевна... Охр! ца-рев-на...

— Няня, няня, не спи!— тербит ее Петрик.

— Сейчас, милый, сейчас! В терему, значит, у батюшки свово жила! Ох-ох! Охр-ох!

— Няня, рассказывай, дальше рассказывай!

— Ну, в терему... в золотом... Охр-ох! Охр-ох-ох!..

Няня качается, качается. Тяжелая голова клонится все ниже и ниже. Все тело, вдруг опустившееся, ищет опоры, все ближе и ближе склоняясь к шелковистой, ярко-зеленой травке пригорка. Петрик видит, что няня засыпает. Он тоже не прочь бы поспать. Но ему нужно что-то выполнить, что на глазах у няни он сделать не может. Пока няня спит, он тихонько, тихонько проберется к речке и на свободе заглянет в нее подальше. Няня не увидит. Мама не узнает. А чтоб не было страшно, он возьмет с собой Каштанку.

— Каштанушка, милая, идем,— говорит Петрик собаке.

И Каштанка не заставляет себя ждать. Она точно понимает, что за отсутствием няни на ней лежит обязанность охранять Петрика. Петрик так мал, что рука его с трудом обхватывает шею своего друга. Они идут рядом.

— Каштанушка,— шепчет ей на ухо Петрик.— Никому не говори, что я ушел один, никому. Я хочу только посмотреть подальше в самую середину речки. Оттуда виден, может быть, терем морской царевны. Я хочу видеть морскую царевну.

До речки остается шагов сто, но маленьких шажков Петрика гораздо больше. Петрик часто семенит ножками, рядом с ним степенно шагает рыжая Каштанка. Вот и речка нарядная, светлая. Серебром отливают чешуйки волн. Точь-в-точь блестят на няниной божничке образа в серебряных ризах накануне Светлой заутрени, после того, как няня вычистила их мылом и затеплила перед ними пять лампад. Каждая лампада отражалась по нескольку раз в каждой ризе, отчего казалось, что лампад не пять, а несчетное количество. А на речке, в каждой волне, Петрик видит отражение солнца и неба, и кажется ему, что и солнце, и небо, и зеленый берег, и красивые на нем, сочные деревья ушли глубоко в реку.

— Жарко им, вот и ушли,— думает Петрик, и все бли-

же и ближе подходит к манящей серебристо-лазоревой поверхности. Посмотреть, что там еще есть? Наверно, там хорошо, когда все туда уходит. Вот промелькнуло в воде отражение птицы, в облаках. А вот и Каштанка! Милая Каштанка!.. Какая же это Каштанка? Моя или чужая?.. Должно быть чужая. Моя Каштанка сидит со мной рядом. Погладить ее разве?.. А ну, как укусит?.. Но Каштанка смотрит так ласково, так любовно своими преданными собачьими глазами, ни дать, ни взять, та, что сидит с ним рядом. А вот и мальчик давешний. И рубашечка на нем такая же, как на Петрике. Эти тоже забрались в воду, оттого что им жарко. А может быть, они живут у морской царевны?.. Хорошо бы увидеть морскую царевну! Она живет глубоко, глубоко, вон там, где вода темно-синяя, почти черная. Попробовать заглянуть туда, не увидишь ли? Хоть бы крышу двора увидеть! Ух!.. Темно там... глубоко, должно быть, и страшно!.. Вот и мальчик, и Каштанка куда-то уходят вглубь. Их, наверно, кличет морская царевна. Что такое блеснуло там, в темноте?.. Не край ли крыши? Ух, как темно опять!

Петрик нагибается ниже и ниже. Его личико уже ощущает влажное прикосновение речной зыби, а вытянутое тельце совсем повисло над водой. Только ноги еще цепляются за что-то и левая рука крепко ухватилась за куст ивняка. Незаметно для себя он сползает вниз... Рука невольно разжимается... Что-то холодное обхватывает голову... В ушах его отчетливо раздается звон... То звонят колокола в терему морской царевны...

— Утоп! Утоп! Царица небесная! Мати Пресвятая Богородица! Заступись, спаси! — раздается отчаянный крик няни.

— Спасите, православные! Не дайте погибнуть душе! Утоп! Утоп! Дите утопло!

Няня мечется вдоль берега, испуская неистовый вопль, в тон которому душу раздирающе воеет Каштанка.

— И всего-то минуточку одну вздремнула! Не иначе,

лукавый попутал! Что делать-то теперь?! Утоп! Утоп! Спасите! Угодники святые! Заступница милостивая! Люди добрые, помогите!

Няня, продолжая неистово кричать, бежит к дому во всю прыть своих отяжелевших, непослушных, искалеченных ног. Она подвигается медленно, но на крик ее, поддержанный так истиши воем Каштанки, уже начинают показываться люди.

Петрик очнулся после долгого сна на руках матери. Он слышал смутно кругом какие-то голоса. Чувствовал, что с ним что-то делают. Ощущал непривычный холод и тяжесть во всем своем маленьком тельце. Особенно тяжела была голова. Хотел было ее приподнять, и не мог. Попробовал открыть глаза, но веки его оказались припечатанными какой-то тяжелой печатью. Голоса около него делались знакомые. Он уже ясно различал голос матери и еще чей-то чужой.

— Это чудо! Чудо! — что он остался жив, — говорила мать.

Из всего слышанного Петрик понял одно только слово. Это слово было — «чудо». Он сделал усилие, чтобы открыть глаза — веки не раздвигались. Попытался позвать мать.

— Мама! — слово вылетело слабым, едва слышным стоном. Но мать его услышала.

— Милый мой, милый мальчик! Дитя мое!

Петрик почувствовал на своем лице чьи-то горячие слезы.

— Мама! — позвал Петрик громче. Он силился что-то припомнить, и не мог. Глазки открылись, но еще шурились от света.

— Милый, милый! Чудо спасло тебя! — говорила мама, осыпая его поцелуями. Петрик улыбнулся. Он вдруг вспомнил.

— Мама! — сказал он теперь громче и яснее. — Мама! Я знаю это чудо. Это чудо — морская царевна!

— Как мне благодарить вас, доктор!— говорила мать.— Если бы не вы, не ваше искусство и труд, мой бедный мальчик бы не ожил!

— Да за всю мою практику,— говорил мужской голос,— это первый, можно сказать, единственный случай приведения в чувство после такого продолжительного пребывания под водой. Дети, правда, в таких случаях выносливее взрослых. Тем не менее я констатирую, что это из ряда вон счастливый случай: Я сам почти не имел надежды. И теперь чувствую себя счастливым не менее вас.

[1915]

ЭКЗАМЕН

Весна была в полном разгаре. Подошел, наконец, и желанный день распуска на летние каникулы. В нашем классе с утра прилепили к учительской кафедре бумажку, на которой были четко выведены традиционные стихи:

Последний день —
учиться лень.
Седьмой класс
Просит вас
Прочеть рассказ.

В результате учитель «Василий Иванович» («Клюк-ва» — тоже) сидит на окне, а кафедру занимает присяжный чтец класса, Борька Кузнецов, готовящийся к исключению из гимназии и усиленно мечтающий об актерской карьере. С пономарской дикцией читает он «Поездку в Полесье», и его никто не слушает. Всюду шепот, разговоры, смех, иногда подымается возня; сравнительно тише только на «камчатке», да и то потому, что двое «камчадалов» не явилось, а из остальных один читает «Гостиницу тринадцати повешенных» — захватывающий, сенсационный роман, двое играют в шашки на маленьких картонных досках, а Васька Верблюд, юноша поведения довольно безудержного, сегодня находится в подавленном настроении.

Для такого состояния есть достаточные причины. Вася — человек с разбитым сердцем, и разбито оно даже дважды: сперва Шурочкой, а затем Мурочкой. На замечания об исцеляемости подобных ран Вася никакого вни-

мания не обращает, а тем более на просьбы отца бросить хандру и заняться ученьем.

— Ну, что, Вася, как отметки?

— Ставят там... Единицы больше ставят,— отвечает безразличным голосом Вася и в дальнейшие разговоры не вступает. Но когда к концу года выяснилось, что его даже к экзаменам не допустят, он еще больше ударился в меланхолию. Все-таки как-никак, а приходится лишний год побыть гимназистом, да и с товарищами сжился, не хотелось бы расставаться.

Сосед его по двухместной парте, окрещенной камчадалами «двухспальной», сегодня не явился и Васе даже разговаривать не с кем. Тупо смотрит он на парту, машинально прочитывает вырезанную там каким-то философом надпись: «Vanitas vinitatum et omnia vanitas». Отсюда его разбитое сердце могло бы кое-что почерпнуть, но перевести эту фразу Вася не в силах. Рядом два других изречения, тоже библейских: «Вкушая, вкусих мало меду и се аз умираю»; «Веселися, юноша, во юности твоей». Под надписями в доске парты насквозь прорезано неширокое отверстие для использования во время классных работ всяческих учебников, «ключей» и другого добра. Все такое виданное-перевиданное... Вася заглядывает в парту, нет ли там чего-нибудь поинтереснее. Вот тетрадь для латинских слов. На ней красуется дистих:

Юноша, слушай меня, умудренного опытом старца:
Выучив весь перевод, можешь ты слов не учить.

Вася рвет тетрадь в мелкие клочки и сыплет ими голову сидящего впереди товарища, носящего кличку «Сонька». Вслед за тем настает очередь немецкой грамматики. Неизвестно, чем бы это кончилось, но тут ударил звонок, класс хлынул в коридор, а вместе с ним и Вася.

Кругом — столпотворение вавилонское. Из восьмого класса выходит «слон». Четверо дюжих гимназистов для

этого стали гуськом, причем руки задних крепко впились в плечи передних, на руках у них сидит трое лоботрясов ростом поменьше, у них на руках — двое других, и все это величественное здание увеличивает собой «принц» — гимназистик маленький, но ловкий. Пройдя несколько сажен, «слон» отчего-то останавливается, колеблется, с высоты его боком летит «принц» и вслед за тем на проходящих рядом обрушивается несколько человек. Раздается ругань, смех, кругом жужжат разговоры.

— ...Вот он и пишет: «Милостивые государи! Прочитав в 29 № Вашей уважаемой газеты, что вы ищете корректора, предлагаю вам свои услуги для этой цели. Адрес мой такой-то». Это Борька, значит, пишет. Через два дня получает ответ: «Милостивый государь, Борис Николаевич! Слово «корректор» пишется через два «р». С уважением такой-то». Ловко?

— И химики же там в газетах сидят.

...— Ваня, дай ножичка.

— Спой ежичка, — отвечает плюгавый гимназист, но в карман все же лезет.

...— Вчера Верочке на бульваре проходу не давали. У них в классе задана басня «Ларчик», так во все уши кричат: «А Ларчик просто открывался». Ведь который уже месяц Ларчик вокруг нее треплется.

— Какой это Ларчик?

— Ну, Иллариона-то не знаешь?

...— А я, братцы, столько перышков выиграл, — захлебывается от полноты чувств какой-то малыш. — И лягушек, и восьмистушек, и казачков, два наполеона, одно с гусиной шеей. С гусиной шеей — золоченое.

Это первоклассник. Шестой класс, чтобы он не набирался вольного духа, поместили к малышам, а на его место водворили первоклассников. У них шумно. В одном углу с визгом и уханьем кого-то «качают». Человек десять озорников, схватившись за ремни, несется вереницей по партам, перескакивая с одной на другую. Сюда кидается над-

зиратель, но в это время из седьмого класса раздается пение — вещь, любимая гимназистами, но запрещенная. Поют старинную, всем в нашей гимназии известную песню:

Возле речки, возле броду
Две голубки пили воду.
Напились и полетели —
Только крылья заблестели...

Не dokonчив ее, сразу же переходят к гимназическому продолжению и на тот же милый мотив поют:

Как по улице Покровской
Шел инспектор Холодковский,
А за ним Сергей Бебешин,
Вечно пьян и вечно бешен...

При Холодковском кое-кто из «старичков» еще учился, но ни «бешеного» Бебешина, ни «косолапого, неуклюжего» Макарова, ни иных, упоминаемых в этой песне — сатирической летописи нашей гимназии, — мы уже не застали. Однако пели ее охотно и считалась она гимназическим начальством весьма непохвальной. Надзиратель, избегая инцидента, приказал сторожу «Пушкину», прозванному так за каштановые бакенбарды, дать звонок, надеясь этим подействовать на своих «микроцефалов», как называли гимназистов педагоги М-ской гимназии. Но и звонок остался безрезультатным. Надзиратель не знал, что предпринять дальше, но вдруг шум. стих, песня оборвалась, ученики рассыпались по своим местам: в коридор вошел директор и направился к седьмому классу.

Директора звали «Коко Апельсинчик». Это был полненький, добродушный человек, а впрочем, очень себе на уме. Приехал он в гимназию во время всяческих вол-

нений. Прежде всего он разрешил ученические сходки — и на них никто не стал ходить. Уловив веяние времени, он завел у себя библиотечку из произведений модернистов, охотно допуская к ней своих питомцев; через несколько месяцев многие гимназические Плехановы и Черновы объявили себя ницшеанцами и занялись переоценкой всех ценностей. Резкостей он избегал, был покладист, гуманен, либерален, очень любил потолковать перед учениками о новой эре в истории России и о необходимости воспитать в гимназии поколение, достойное этой эры. В этом же духе говорил он сегодня, перед раздачей бальников. Впрочем, самая раздача была делом классного наставника (а директор, с приличным случаем введением, только прочитал по списку, кому и какие назначены экзамены. В конце его значилось: «Василий Черноглазов к экзаменам не допущен»).

Когда, получив бальники, семиклассники повалили домой, Васю приперла к стене кучка товарищей, ласково увещая:

— Вася, не будь свиньей.

И Вася свиньей не оказался.

Дело в том, что семиклассникам предстоял письменный экзамен по французскому языку. Сам по себе французский язык считается, по гимназической оценке, предметом несущественным. Знают его только те, которые выучили его с детства дома, а остальные питаются крохами, падающими со стола их в виде сдувалок, подсказываний и т. п. Выучиться ему в гимназии никто не пробует и не надеется, так что под конец учения доходят до полного оголтения и забывают даже то небольшое, что было выучено в младших классах. А потому, когда выяснилось, что на «письменной» прочтут русский рассказ, а ученики должны будут изложить его по-французски, класс сильно приуныл. Попробовали было выведать со-

держание рассказа, но «француз» отмалчивался. Некоторые тайновидцы путем разных соображений, сопоставлений, впрочем, довольно ненадежных, все же как будто нащупали в конце концов тему. Стали заранее заготавливаться сдувалки. К Варе и Ане, сестрам одноклассника, имевшим несчастье знать французский язык, зачастили гимназисты, которых в доме никто раньше и в глаза не видал, и, рекомендуясь товарищами брата, просили объяснить, перевести, написать. Народ посмирнее с отчаяния пытался усвоить французскую грамматику, но безуспешно. Нужно было искать более надежные средства. Пивную Данилыча, бывшую вблизи гимназии, по большим переменам стали навещать кучки семиклассников, спешно глотавших в задней комнатке горькое пиво, закусывавших моченым горохом и горячо споривших о возможности тех или иных спасательно-системных мероприятий. Здесь-то и созрел простой и верный план, выполнить который товарищи, как помнит читатель, увещевали Васю. В чем план состоял, говорить не буду, да и не к чему: «Ларчик просто открывался», как весьма настойчиво и обязательно изъясняли какой-то Верочке ее друзья.

Настал день и экзамена. Возни в классе меньше. Основательные люди «подковывают» словари, которыми разрешено пользоваться: старательно вписывают мельчайшим почерком на полях у корешка грамматические правила. Необходимейшие сведения тем же «мелким бисером» выписаны на кружке из бумаги, который затем наклеивается на внутреннюю сторону крышки часов. Кое-кто повторяет грамматику или долбит заготовленный рассказ, но делает это «на авось» — а вдруг пригодится? За пять минут до экзамена разносится радостная весть, что «недремлющее око», так называемый «Козел» (надзиратель, специалист по увольнению гимназистов), на экзамене не будет: находится у восьмиклассников, занятых письменной по алгебре. Наконец входит «француз»

и с ним скромный, робкий надзиратель «Шпага». Все окончательно расслаживаются, один гимназист дважды машет у окна рукой, сидящий на уличной тумбочке против окна второклассник «Ершонок» бежит куда-то за угол — и начинается чтение рассказа, конечно, не того, которого ожидали. По прочтении «француз» раздвигает слишком близко сдвинутые парты, пересаживает несколько человек на более доступные взору места, гимназисты старательно пишут, но вдруг все это мирное течение дел прерывается самым неожиданным образом.

В канцелярии гимназии звонит телефон и письмоводитель слышит в трубке взволнованный голос: «Гимназия? Это гимназия? Скажите Августу Ивановичу, что с его женой дурно, она бьется в припадке. Приготовьте его ко всему дурному. Доктора нет!» Затем следует энергичный отбой и письмоводитель бежит готовить Августа Ивановича ко всему дурному. Август Иванович молодожен. Он бледен и летит в соседние классы искать себе заместителя, но найти его не так просто — везде идут экзамены, ассистентов к экзаменаторам и без того не хватает. Наконец, соглашается идти «Мастодонт», добродушный человек, склонный неизмеримо более к созерцательной жизни, чем к каким-либо пресечениям и уловлениям. Гимназисты работают усердно, с лихорадочной быстротой, раздвинутые парты сдвинуты, по классу идет тихий гул от перешептываний, ученики, знающие язык, передают соседям своим словари — конечно, с «бесплатными приложениями» или оставляют, уходя, в партах не лишённые интереса бумажки. Поэтому, когда в класс врывается взбешенный «француз», заставший жену в состоянии желаемого здоровья, там сидит лишь несколько человек, благополучно копирующих дружеское наследство, да «Мастодонт» со «Шпагой», давно уже махнувшие на все рукой и ведущие какую-то беседу.

Расследование дела ничего не дало. Даже сам «Козел» узнал только то, что звонили из аптеки. А кто звонил

и гимназистом ли он был — на это молодой фармацевт с живыми глазами и насмешливою складкою губ, дежуривший в аптеке, не мог ответить собеседнику, носившему форму М. Н. П. К тому же в городе ждали попечителя округа, так что предпринимать какие-либо репрессии и выводить дело на свет божий было вряд ли уместно. Так все и кончилось благополучно.

[1915]

ИЗ ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

ФЕОДОСИЯ

«Ave, mare, moriūgi te salūtant!» — декламирую я прекрасную перефразировку знаменитого приветствия, сделанную покойным М. Коцюбинским. Мой сосед по вагону, больной учитель-украинец, едущий на юг лечиться, смотрит растроганными глазами и сочувственно улыбается. В окна вагона синее море — правда, не эффектное, уже окутанное вечерними сумерками, но все же — море. Да и Феодосия близка! Справа начинают уже мелькать загородные дома феодосийских богачей, окруженные садами, пышные, стильные; особенно в ходу стиль, принимаемый гг. владельцами, надо полагать, за мавританский: арки, тонкие колонны, купола, минареты...

Дома жмутся все тесней друг к другу, поезд замедляет свой ход и, наконец, останавливается у вокзала. Выходишь — и неожиданно сразу оказываешься на лучшей городской площади, посреди города. С другой стороны вокзала — каменная набережная, а за ней — море, темное под вечерним небом.

Впрочем, любоваться некогда: шустрые комиссионеры со всех сторон в упор выкрикивают названия гостиниц и суют карточки. Беру одну из них и предаюсь на волю судьбы. Часа через полтора, наскоро устроившись, я уже сижу на набережной. Наступает ночь, вокруг совсем темно, моря почти не видно... И все же не хочется уходить: так легко дышится здесь, так тихо и ровно плещет умиротворяющее море, так мягко обдувает лицо теплый ветерок.

На следующее утро устремляюсь к историческому му-

зею. Он — на краю города, на голой Митридатовой горе («Митридатовых» гор в Крыму несколько; одна из них, Керченская, как помнит читатель, описана в чудесном рассказе В. Короленко). Гора крутенька, но зато вид с нее на море и Феодосию — великолепен. Море, под ослепительно ярким светом солнца, синевы необыкновенной. Широким, но неровным полукругом вдается здесь оно в землю, а к нему со всех сторон сходят (внизу довольно пологие) скаты горного кряжа, охватывающего залив. Митридатова гора, на которой я стою, и есть одна из вершин этого кряжа. По его подножию вдоль всего морского побережья лепится Феодосия; она избегает слишком высоко подыматься по горному склону и потому не широка, но в длину заняла места немало, гигантской подковой охватив залив. Дома ее — сплошь каменные, по большей части — одноэтажные, блестящие на солнце белизною покрытых известкою стен; в моде и серовато-голубоватый, а реже и желтый цвет. Крыши почти все из черепицы, горбатой, красной. Поэтому с «птичьего полета», с которого я люблюсь видом, город имеет непривычный для северянина выглед. Общую картину скрашивают и оживляют пятна бледноватой зелени, довольно изобильно пестреющие по всему городу; только на горах зелени нет: совершенно обнаженные, изжелта-серые, уныло стоят они, и даже трава на них не растет.

Впрочем, что же я о горах. Главное в Феодосии — море, в синюю зыбь которого двумя клиньями вошли белеющий мол и тонкий, длинный волнорез. Около них вытянулись странные серые здания — невысокие, но очень длинные: это хлебные амбары, святая святых Феодосии, ибо живет она прежде всего хлебным экспортом за границу. Но теперь, ввиду войны, порт пустынен. На море ни паруса, ни пароходного дыма. Неподвижно стоят гигантские лебедки, не копошится около амбаров народ.

Как великолепный порт славилась Феодосия и в старину. Еще Демосфен, в одной из своих речей, говорил: «Левкон

устроил новый торговый порт Феодосию, который, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора». Впоследствии эту греческую колонию захватили скифы, дальше — царь Митридат, римляне, гунны, алланы, половцы, наконец татары. От татар она перешла к генуэзцам, которые дали ей толчок для нового развития и удержали ее в своих руках, вплоть до окончательного утверждения турок на берегах Босфора. Но при турках Феодосия (Кафа) вела крупную торговлю; только славилась она уже в качестве невольничьего рынка, куда сгонялись главные массы полоняников с юга России. Не раз казаки, внезапно нагрянув на своих легких «чайках», жгли Феодосию и возвращали невольников

На тихі води,
На ясні зорі,
У край веселий,
В города християнські¹.

Да, много пережил этот город, видевший в своих стенах столько народов и столько культур. И если нужны «вещественные доказательства» этой исторической череполосицы, то обратимся за ними в музей.

Это — небольшой одноэтажный дом, по чьему-то умному замыслу выстроенный в древнегреческом стиле. Стоит он на самой вершине Митридатовой горы и виден издалека, скромный, беленький, с незатейливыми колонками, простыми очертаниями. У самого входа в музей лежат два мраморных льва греческой работы и, как видно, весьма древней эпохи. Из других греческих предметов (ими особенно изобилует музей) много громадных каменных кратеров и амфор; тех же амфор величиной поменьше и с росписью; светильников, небольших, но широких, сплюснутых, иногда — из цветного стекла, но чаще — из красной глины, украшенной черным орнаментом. Гово-

---

¹ Из укр. думы.

рят, такие светильники и поныне еще употребляются в глухих деревушках близ Феодосии, да только, конечно, без орнаментов,— а иные из них очень хороши. Порядочно в музее и древнегреческих статуэток, правда мелких, но интересных, например, хотя бы по выразительности многих лиц. Еще ценней в художественном отношении каменные маски. Из предметов позднейшей (византийской) греческой культуры особенно привлекает внимание каменная икона св. Николая.

Среди сохранившихся остатков от многих других культур, погостивших в Феодосии, особенно запомнились мне двери из старинной армянской церкви (14 в.), черного дерева, украшенные замечательной резьбой. По всем стенам, прикованные толстыми железными скобами, виднеются тяжкие многопудовые каменные плиты с высеченными латинскими письменами. Это — памятники генуэзской эпохи. На полу лежат свидетельницы минувших военных бурь, пронесшихся над Феодосией,— громадные ядра, начиная от каменных (шарообразных) до тех, которыми турки били по городу в войну 1877 г. Впрочем, всего и не перечесть.

Есть при музее и картинное отделение, но по случаю войны оно временно вывезено; так я его и не видал. (Кстати, по той же причине не пришлось мне осмотреть и музея картин Айвазовского — уроженца Феодосии.)

Впрочем, не надо ходить в музей, чтобы присмотреться к историческим памятникам города; он сам — исторический памятник. На его улицах до сих пор местами лежит генуэзская мостовая, его прорезывает вырытый теми же генуэзцами ров, сохранились остатки генуэзского водопровода, стоят храмы (армянские) еще 14-го века. Сами названия улиц напоминают, какая вереница народов перебывала в этом городе: Итальянская, Армянская, Турецкая, Генуэзская, Греческая,— ну в каком другом городе можно составить полнее коллекцию из подобных названий!

Или идешь по Итальянской улице, лучшей в городе, щеголяющей зданиями многоэтажных гостиниц и магазинов. Вдоль нее тянется бульвар (впрочем, с зеленью довольно жидковатой), тротуары широки, вывески и витрины просто сияют, снует разряженная, праздная публика, с ревом пролетает автомобиль... И вдруг с удивлением видишь тут же, среди этой новенькой нарядной улицы, развалины старинной башни. Таков уж стиль города.

А если пойти по белым лоснящимся плитам набережной вдоль моря на восток, то выйдешь, миновав волнорез, к карантину, где увидишь не только такую же башню, но и ров, и вал, и церковь с чудесными мозаичными образами. Стоит пройтись и посидеть на набережной и для того, чтобы присмотреться к феодосийской публике.

К восьми часам, когда солнце готовится уже погрузиться в морскую пучину, воздух свежает, с моря тянет ветерок, скоро, впрочем, слабеющий, — к этому времени пустынная набережная начинает наполняться гуляющей публикой, и немного погодя начинает казаться, что тут собралась чуть ли не вся Феодосия. Все скамеечки заняты, вдоль тротуара набережной — сплошная вереница гуляющих, в вечерних сумерках навстречу плывут красноватые огоньки папирос, блестят глаза, несутся отрывки фраз; сбоку тротуара сбились в кучки развинченные молодые люди, сыплющие довольно сомнительными остротами на каждую проходящую мимо женщину. Но прислушиваешься и к этим остротам, присматриваешься ко всякой беглой черте, стараешься удержать ее в памяти, — ведь, быть может, она поможет хоть сколько-нибудь почувствовать и понять жизнь этого города. И, пожалуй, в душе сами собой складывались смутные группировки этих отрывочных впечатлений, но, конечно, попытки закрепить их на бумаге — дело безнадежное да и вряд ли нужное. Только о русской речи, которую мне пришлось услышать тут, я хотел бы сделать несколько замечаний.

Население здесь в национальном отношении очень

пестрое, разноплеменное, и у него лишь одна общая почва — русская. Сотню лет сюда внедряют русскую речь, школа, книга, газета, государственные и общественные учреждения... И внедряют не безуспешно — русский язык здесь сделался обиходным. Но вот несколько фраз, слышанных мной от лиц, принадлежащих к интеллигентным слоям общества: «Знаетесь вы на греческой литературе?...» «Я скучаю за ним (по нем)...» «Я говорю за мои туфли». «Я хвораю на чахотку». «У мяне пара курей» и т. д. Мое «и т. д.» должно покрывать собой массу всяческих уродливостей — и этимологических, и синтаксических, и словарных, которыми густо насыщена местная речь. Это — плата за ассимиляцию, за утрату своей национальности. Предполагается, что взамен дана будет русская речь. В действительности можно получить лишь отвратительный жаргон, который может быть базисом для чего угодно, но не для культурного строительства, не для роста духовных ценностей.

Кажется, здесь можно поставить точку — жил я в Феодосии недолго и вскоре отправился в Старый Крым, маленький городок, лежащий возле нее в горах.

СТАРЫЙ КРЫМ

В Старый Крым ходит автобус, но я по неведению попал в скрипучий, грязный, зеленый мальпост, подвигавшийся более чем неспешно. Ехать пришлось часа три. Впрочем, я не жалел об этом: ехали мы по хорошему шоссе, вокруг расстилалась степь, пестревшая красными головками полевых маков, веял теплый ветер... К тому же, не доезжая до Старого Крыма, мы встретили автобус стоящим среди дороги, а вслед за тем нагнали группу людей, несших на себе багаж; говорят, такие сюрпризы автобус преподносит нередко.

Но вот степь кончилась, перед нами высоким, длинным горбом поднялась гора, а на ней раскинулся городок; это и есть Старый Крым. С двух сторон его, одна против другой, поднялись две массивные горы, покрытые лесом, по названию — Агармыши. Сюда ветром доносится морской воздух (от моря по прямой линии 15 верст), вокруг — воздух степной, горный, лесной. Из-за этого я и приехал сюда. И в самом деле — здесь дышится хорошо.

Для легочных больных Старый Крым считается одним из лучших мест «пламенной Колхиды», и притом местом по климату очень своеобразным. Тут, например, летом нет сильной жары, так как город лежит довольно высоко над уровнем моря. Врачи особенно подчеркивают благотворное значение Агармыша, от которого постоянно идут воздушные токи, обуславливающие образование кучевых облаков. Пожив в Старом Крыму, я и в самом деле не раз дивился тому, как быстро меняется состояние неба. Встанешь утром — солнце ярко светит, небо синее, нигде ни облачка. Но вот откуда-то появилась, тихо расплываясь, легонькая тучка, за ней другая, третья, — а часа через два, смотришь, затянуло все небо серой пеленой: быть дождю. Но его нет: то там, то здесь засинеют в облаках прорывы, тучи разойдутся так же незаметно, как собрались, — и опять небо чисто и безоблачно. И так почти каждый день по нескольку раз.

Порой, однако, облака хмуро обволокут небо со всех сторон, воздух насытится испарениями, и через хребет Агармыша, цепляясь за его вершины, перевалит и поползет по склону вниз отяжелевшая от влаги туча, темная, свинцовая, с седыми закраинами. За ней надвинутся, низко нависая, другие, — и хлынет холодный дождь, зарядив иной раз на несколько дней.

Но дожди тут сравнительно редки, и я почти все лето пролежал в саду под черешней, к чему, собственно, и сводится весь курс лечения в Старом Крыму. Жизнь здесь

к тому же и проста и дешева, что и собирает сюда каждое лето человек 150—200 «курортных». Иных, впрочем, привлекает городок и сам по себе. Он тих, спокоен, в нем можно отдохнуть от суеты, от постоянного напряжения нервов. Проходишь по улицам — везде чистенькие домики, блестящие на солнце белой известкой своих стен, над которыми, погнув балки и стропила, видно, немалою тяжестью налегли крыши из красно-черной черепицы; там, где балки подались, ее наст изогнут, отчего все крыши имеют волнообразный вид; с непривычки странно смотреть на них. Вокруг каждого домика — сад, и все это обнесено каменным валом, — дерево здесь не в ходу. Улицы поросли травой, на них никого не видно; разве только собака злобно залает на проходящего. Все это скорее напоминает деревню, чем город. Вся городская жизнь Старого Крыма сосредоточена на местном Евском проспекте — Екатерининской улице, тянущейся через весь город. Она в магазинах, лавчонках, кофейнях. Но и на ней лежит какой-то отпечаток жизни ленивой, сонной и наивной.

Вот парикмахерская величиной с собачью будку. Название у нее, однако, громкое: «Гигиена». Вот лавка Ованесова — на первый взгляд обыкновенная бакалейная лавка средней руки, а на самом деле универсальный магазин: здесь я покупал овечий сыр «брынзу», черешни, галоши, кастрюлю и приторговывал гамак.

Вот кофейня; на вывеске у нее надпись: «Ох, как хорош толченый кофе». Столики поставлены прямо посреди тротуара. Если там сидит посетитель над маленькой чашечкой кофе (и стоит она всего три копейки), то можно быть уверенным, что, возвращаясь через час, вы застанете его на том же месте и в той же ленивой позе, даже, как вам покажется, все с тою же чашечкою кофе. Через несколько домов еще кофейня, и еще, и еще... Иной раз за столиками соберется целая компания, ведущая по целым часам оживленной беседу, конечно, на тему о войне (всегда в яропатриотическом духе). Собственно, и встретишь днем

людей только здесь да еще в «бузнях», где продают бузу — любимый на юге бродящий мутно-белый напиток. Разумеется, должна же идти в городе какая-нибудь жизнь, но ее не видно; на глазах только южная медлительная лень, — а при ней и свое дачное ничегонеделанье кажется чем-то естественным.

Вечером, когда спадет жар и лягут тени, Екатерининская улица оживляется. Сюда высыпают «курортные», собирается местная молодежь, чтобы поглотить пыли, людей посмотреть и себя показать. А ночью, возвращаясь по опустелым улицам домой, услышишь за садовой оградой оживленные голоса, женский смех, на освещенной террасе увидишь издали несколько фигур, — и, как всегда, хорошая грусть хлынет в душу, покажется, что твои дни как-то протекают между пальцев, ничего не давая и ничего не оставляя, а вот здесь так близко, за этой оградой, живая жизнь и живое счастье.

Состав жителей Старого Крыма очень пестрый; много армян, греков, есть целая болгарская слобода, т. н. «болгарщина», есть русские, татары. Столь же пестры и исторические судьбы города. Это — первый горный пункт возле знаменитого порта, ныне именуемого Феодосией. К ней Старый Крым достаточно близок; с обеих его сторон встают две естественные твердыни — Агармыши. И его чрезвычайно выгодное в военном смысле местоположение не могло не обратить на себя внимания жителей этой части полуострова. Здесь некогда стоял хозарский город Фуллы, обосновались караимы, наконец, здесь именно была столица татарского ханства. В эту пору Старый Крым носил название «Солкат». Численность его населения достигала 100 тысяч чел., город был украшен прекрасными зданиями — мечетями Бейбарса и Узбека, дворцом Батыея и т. д. Но в конце XV века столица Крымского ханства была перенесена в Бахчисарай, и значение Старого Крыма начало падать, хотя не скоро еще исчезло совсем.

От эпохи былого величия Старый Крым сохранил немало всяческих памятников и в этом отношении представляет большой интерес.

«Старый Крым,— говорит профессор Смирнов,— буквально стоит на древностях, которые частью видны на поверхности, частью еще покоятся в недрах земли... Старый Крым должен был бы быть целым музеем древностей, если бы не хищничество нынешних его обитателей».

Но и так есть на что взглянуть. У въезда в Старый Крым находятся ханские могилы. Сохранились развалины монетного двора и старинного водопровода. От мечети, построенной еще в 13-м столетии, уцелел только фасад,— все остальное заметно новейшего происхождения. Но на мечеть бесспорно стоит взглянуть ради характерного стиля, украшений, надписи, высеченной на ней. Сзади мечети — развалины, видимо, представлявшие некогда продолжение ее. Бурые, поросшие травой, они привлекают внимание своим сводом, который уцелел до наших дней... Есть в Старом Крыму интересные образцы архитектуры более новой эпохи, например, армяно-грегориянская церковь, Георгиевская часовня, в особенности же часовня св. Анны.

Любители экскурсий могут взобраться на Агармыш и побывать в его сталактитовых пещерах. Легко совершить экскурсию и в старинный армянский монастырь: дорога к нему не велика — мы ее прошли почти в час. Монастырь лежит на склоне горы, покрытой лесом, и его белые стены очень красиво выглядывают из темной зелени деревьев. Поставлен он, как водится, у ключа с превосходной водой. Сам монастырь, массивный, с четырехугольными башнями по углам, напоминает скорее всего крепость; да ему, будто бы, и в самом деле приходилось выдерживать осады. Внутри монастыря — двор, на нем — церковь, по бокам — кельи. Они без окон, темные, сырые, как погреба. Перед церковью несколько могил с чугунными плитами, на которых видны узорные надписи. Высечены надписи и на

церковных стенах. В самой церкви особенно обращают на себя внимание двери темного дерева, сплошь покрытые своеобразной резьбой.

Это упраздненный монастырь; монахов в нем нет, живет один только сторож; он охотно согрел нас самоварчик, достал хлеба, молока. Помню, мы провели здесь хороший вечер.

Еще раньше сбили мы целую компанию молодежи и отправились с проводником в Кизильташский монастырь, до которого от Старого Крыма считается, примерно, 12 верст. Но лежит он в горах, наезженной дороги к нему нет, и сколько-нибудь точно запомнить путь невозможно. Поднимаясь с горы на гору, переходя с тропы на тропу, охотно пользуясь, при случае, руслами пересохших ручьев, дно которых образуют лежащие ступенями плиты серых известняков, мы взобрались, наконец, на вершину горного хребта. Сзади нас лежали, постепенно понижаясь, горные высоты, провалы, овраги, долины — все в зелени, в кудрявой поросли, в дремучем лесу. Прямо перед нами, сквозь просветы деревьев, синело далеко внизу море, красно-желтой лентой изгибались его берега, виднелись пустынные мысы. Устали мы изрядно, но надо было идти дальше. Добрались до монастыря мы, однако, не раньше, чем часа через четыре, уже окончательно сбившиеся с ног и потерявшие веру в то, что идем, куда надо.

Монастырь совершенно затерян среди гор, укрывшись, словно в гнезде, на скате долины, тихой, далекой от всякого жилья, со всех сторон окруженной горами. Одна из них, обнаженная, буро-красная, громадной отвесной стеной встала прямо перед монастырем. На вершине ее — крест, по которому можно ориентироваться, ища путь к монастырю. Из этой же скалы бежит источник с холодной, чистой водой; над ним — часовня.

Монастырь основан давно, будто бы еще в VIII столетии, но с тех пор перестраивался и в историческом отношении интереса представляет мало. Но здесь хорошо

пожить: тут все просто, тихо и величественно; внешний мир далек, а здесь только небеса вверху, да скалы, да горы в тенистых лесах, да чистые источники, и нет звука слышнее колокольного звона.

О, прекрасная мати пустыня!

Прими мя в свою густыню!

Впрочем, на следующий день мы уже уходили отсюда.

Вскоре хлынул холодный дождь и не переставал затем целый день. Дороги стали до отчаяния скользкими и вязкими, каждый шаг в гору приходилось делать, выбиваясь из сил. Всюду сырость и влага: дождит сверху, брызжет холодными каплями с кустов и деревьев, хлупает под ногами. Платье отяжелело, пропитанное водой, до колен в грязи. Наши спутницы оттоптали у башмаков подошвы и идут по холодной грязи босыми ногами. В довершение всего мы растерялись в лесу и сбились с дороги. А найти ее не просто; гора похожа на гору, как две капли воды, и, затерявшись среди них, трудно даже сообразить, в какую сторону идешь. Впрочем, в конце концов все благополучно добрались до Старого Крыма.

Побывали мы, кроме того, и в Коктебеле; но так как это одно из наиболее интересных мест в Крыму, с каждым годом привлекающее к себе все больше внимания и растущее не по дням, а по часам, то рассказ о поездке туда я выделю в самостоятельный очерк.

ПОЕЗДКА В КОКТЕБЕЛЬ

От Старого Крыма до Коктебеля считается что-то около 16 верст сравнительно хорошей горной дороги; часть ее, к тому же, идет равнинами. Значит, не грех бы совершить весь этот путь пешком. Но с нами дамы, дети... Нанимаем поэтому так называемую «драбину» — большую, высокую телегу — и линейку. Едет нас четырнадцать душ. Отправ-

латься решено в четыре часа утра, чтобы к наступлению жары быть уже в Коктебеле. Однако, благодаря дамским сборам, выезжаем на драбине только в пять часов и все же опережаем господ в линейке на один час,— те трогаются в шесть.

Пара худых, замороженных лошадемок трусит, не спеша, по дороге; телега поскрипывает, публика, кое-как размещившаяся в ней, ведет обычные разговоры:

— Тосенька, тебе удобно сидеть?

— Спасибо, спасибо, мне очень удобно.

— Так это, дружок, тебе удобно потому, что ты мне на ноги села.

Извинения, попытки слегка переместиться — и равновесие восстанавливается. Впрочем, как ни садись, как ни поднимай сено, которым устлано дно драбины, а сидеть будет все равно не совсем удобно, и соседа уж непременно чем-нибудь стеснишь. Но, воистину, в тесноте, да не в обиде — претензии никто не заявляет.

Солнце встает; его багряный диск, на который глазам не больно смотреть, все светлеет, лучи делаются ярче и ослепительнее. Неширокая дорога вьется по окраинам гор, заросших всяческим кустарником и дубняком. Иногда вдруг среди зелени вынырнет голая скала из серого известняка, с продольными ложбинами, промытыми водой; подыметесь вершина, обнажившая ряд разнообразных и разновременных напластований — результат интересной геологической работы; внизу под ногами скаты, обрывы, поросшие лесом, а иной раз почти отвесные пропасти, при виде которых дамам становится как будто немного жутко. В одном месте на дороге встречается группа громадных камней, видимо, сорвавшихся сюда во время обвала.

Впрочем, истых горных мест тут не так уж много. Дорога часто идет и равнинами, безлесыми, сероватобурыми, поросшими мелкой, сухой травой. Становится жарко, ноги затекают, публика начинает уже раскисать,—

и вдруг, когда мы вкатываем на один из подъемов повыше, нам в глаза кидается море, а через несколько минут мы уже въезжаем в болгарскую деревню — предместье Коктебеля.

Широким полукругом врезывается здесь море в берег; словно клешни гигантского краба, далеко убегают два мыса — левый побольше, правый поменьше, — и на обоих крутыми изломами подымаются гребни скал; цепи гор охватывают амфитеатром берег, а между ним и морем лежит Коктебель.

В «болгарщине», по которой мы проезжаем, обычные крымские домики из глины, но сравнительно высокие и просторные; дачный же поселок, тянущийся к морю, отстроен и совсем хорошо. Единственный крупный недостаток этих дач — почти полное отсутствие зелени. Нет ее нигде и в окрестностях — Коктебель стоит на каком-то лысом месте. Впрочем, на даче гр. Петрова и еще на нескольких других есть сады, но незавидные — почва здесь для них неблагоприятна.

Мы подъезжаем к морю, выходим из драбины, идем купаться (здесь купаются, по дачной простоте, без костюмов) — и начинаем понимать, ради чего съезжается публика к этому голому, выжженному солнцем уголку земли. Вдоль моря по всему берегу тянется полоса, шириной сажени в полторы, вся состоящая из мелких, разноцветных, нанесенных волнами камешков. Дальше, рядом с ней, такая же полоса из песочка. Дно моря ровное, мягкое (только у самого берега лежит неширокая кайма камней, впрочем, обшлифованных морем). Вода чистоты и прозрачности необыкновенной: войдешь в нее по горло — и отчетливо видишь всего себя, вплоть до ступней ног, погруженных в нежный песок. Купаемся, барахтаемся в море, выходим на берег, чтобы погреться на солнышке да полежать на песочке, а потом опять в воду. Несколько счастливых не вдалеке заняты тем же, видны вдали купающиеся и на женской половине берега (она отделена от муж-

ской некоторой, так сказать, нейтральной полосой). Когда мы, наконец, опомнились и стали одеваться, то убедились, что купались битых два часа. Стремимся, голодные, в прибрежную закусочную «Бубны», где находим не только всю остальную часть экскурсантов, но и совершенно неожиданное поле для наблюдений.

Коктебель полон интеллигентной публикой; сюда съезжаются представители литературного, музыкального, художественного мира; тут приютились гр. Петров, Арцыбашев, гр. А. Н. Толстой, М. Волошин и другие. Живали здесь, между прочим, и участники ультрамодернистической выставки «Бубновый валет» — гг. Кандинский, Лентулов и проч. Эта компания, посещавшая закусочную, и расписала однажды ее стены рисунками «бубнового» стиля с довольно забубенными стихотворными надписями, напоминающими стихи табачных реклам. Помню, например, двестише:

Эх, не танго, не канкан,
А цыганский стиль Дункан.

Но каков, собственно, этот стиль, узнать не удалось, ибо на соответствующем рисунке пририта бумажка с надписью: настраивают и ремонтируют рояли.

Рядом объявления от парикмахера, от хозяев сдающихся дач и комнат и т. д. Из-под этих бумажек картины совершенно не видно. Замечу еще, что она изображена прямо на половинке двери. На другой половине красуется фигура в куцой юбочке, и внизу надпись гласит:

Вот балерина Эльза Виль —
Классический балетный стиль.

По соседству изображен некий мужчина, которого коктебельский поэт рекомендует так:

Нормальный дачник, друг природы,
Стыдитесь, голые уроды.

Есть, далее, портрет гр. А. Н. Толстого, есть звероподобный «Макс, враг народа», есть дифирамб —

Многочисленны и разны
Коктебельские соблазны.

Впрочем, всего не упомнишь. Закусываем, рассматриваем, смеемся и, отдохнувши, решаем прокатиться по морю. Нанимаем баркас и трогаемся на веслах. Нежно колышется возле бортов прозрачная, зеленая морская вода, которая «совсем аквамаринового цвета», по замечанию одной барыньки. Впереди — морская ширь, сероватоголубоватая, сливающаяся с небом, справа — прибрежные скалы, а слева...

Слева из зеленоватой воды высовываются головы играющих дельфинов. Это очень милые и общительные морские звери. Очевидно, они тоже совершают экскурсию и, кажется, более веселую, чем наша. Целыми стайками показываются они в различных местах моря, поплескивая на солнце своей мокрой, лоснящейся шкурой, ныряют, вновь выплывают на поверхность, подскакивают, чуть ли не пляшут.

— А что, они не перевернут баркас?

— Нет, ничего, хороший зверь, — заверяет нас лодочник, жиловатый, весь обожженный солнцем, оборванный грек с самой запьянцовской физиономией. Дельфины окончательно приковывают общее внимание. А справа от нас медленно сменяют одна другую прибрежные скалы. Мрачные, бурые, высоко вздымаются здесь они, уходя прямо в море непрерывной, отвесной стеной. Ни причалить, ни взобраться. Это — Карадагские горы. Долго тянутся они перед глазами, все такие же угрюмые и неприступные, пока, наконец, мы не замечаем у подножия этой непрерывной каменной стены неширокую полоску пологого, низменного берега. Сюда и направляется наш баркас: ведь здесь находится знаменитая в окрестностях Коктебеля «Сердиковая пещера».

Впрочем, сама пещера, промытая в правом углу скалы, и мала, и неинтересна. Ездят сюда не ради нее, а ради пляжа, сплошь усеянного густым слоем нанесенных морем камушков, среди которых попадаются сердолики. Конечно, все здесь давным-давно осмотрено и перещупано (еще в старину из этих мест шел торговля цветными камнями); но каждая буря выбрасывает с морского дна новый слой камней, и тогда из Коктебеля сюда едут за добычей. Пробуем попытаться счастья и мы: снимаем обувь, подбираем платье и идем в воду, чтобы порыться в камушках, соседних с водой. В результате имеем несколько сердоликов, аметист и забавную фотографию, втихомолку снятую нашим присяжным фотографом.

Надо ехать дальше, но некоторые из нас вошли в такой азарт, что никак не могут оторваться от камушков. Наконец, кое-как собрались, плывем, вспугивая в одном месте диких уток, — и вскоре перед нами уже встают знаменитые «Золотые ворота». Это — всего лишь громадная скала, возвышающаяся среди моря не очень далеко от берега. Посредине внизу она насквозь промыта морем, так что вся она зиждется словно на двух могучих широких столпах, между которыми лежит свободный проход. Вплываем в него и замолкаем. Здесь тишина, и покой, и вечная тень. Высоко поднимаются угрюмые каменные своды, нависая над головой тяжелыми глыбами, мрачными и влажными. А впереди сквозь широкий проход синее небо, такое светлое и ласковое, сливающееся с беспредельной ширью зеленоватого моря. Оглянешься назад — там могучие изломы береговых скал, диких, неприступных... Нет, хорошо мы сделали, что затеяли эту поездку.

«Золотыми воротами» наша экскурсия, собственно говоря, и заканчивается. Мы поворачиваем назад, и все дальнейшее есть, так сказать, лишь «повторение пройденного». Вряд ли стоит говорить, как мы возвращались

в Коктебель, обедали (есть две столовые), купались, лазали по ближайшим горам. Я, впрочем, не лазал, а созерцал, как вдоль берега то там, то сям шли какие-то барышни с сумками, пристально всматриваясь в его полоску, смежную с водой, и порой на что-то жадно бросаясь. Это — искательницы цветных камушков, жертвы специального коктебельского увлечения. Здесь есть даже ювелирный магазин, где камушки обделываются, подбираются в ценные коллекции и т. п. За гривенник владелец показал нам свое собрание; в самом деле, есть камушки большой красоты.

Выехали мы уже вечером, избрав более длинную, но зато и более безопасную дорогу. Вскоре совсем стемнело, засветились звезды. Кругом — поля да хлеба, а среди них вьется пыльный проселок, и неспешно катится по нему, поскрипывая, наша драбина. А надо бы поспешить: усталость начинала брать свое, разговоры и песни не клеились, становилось холодновато. Но вернулись мы в Старый Крым только после полуночи.

[1915]

КАТЫШ

(Из детской жизни)

Сынешнею пасхальною ночью Вася пришел из церкви домой взволнованным, растроганным и счастливым. Правда, так же чувствовали себя и все домашние — и мама, и братишка Сережа, и няня Ульяна, — но Вася имел на это особые причины. Началось с того, что встретившийся с ним у Кирилла и Мефодия (так называлась гимназическая церковь) «математик» Юрий Степанович пообещал перевести его во второй класс без экзамена, взяв с него обещание заниматься. Значит, Вася уже почти второклассник. Потом, когда он вышел из алтаря с тарелочкой, Соня положила ему серебряную монету, попросила сдачи и очень мило покраснела, получив ее заранее припасенными новенькими копейками; это ведь считалось намеком на нежные чувства. Наконец, христосуясь в церкви с Васей, тетя Таня достала из корзиночки и преподнесла ему яйцо «катыш» — почти совершенно круглое, похожее на мячик. Это был прекрасный катыш! Такого Вася, пожалуй, и не видывал. Вот будет удача, когда он завтра выйдет с ним катать яйца!

И теперь, когда Вася, лежа в постели и засыпая, сквозь дрему вспоминал ласковую темень пасхальной ночи, могучее, но мягкое гуденье большого колокола, веселый перезвон других, радостное пенье, ракеты, с треском взлетавшие и, проблестав разноцветными огнями, рассыпавшиеся в вышине, фантастическое полыханье красного бенгальского огня вокруг белой церкви, унизан-

ной сияющими лампонами, — ему все вспоминалось и никак ясно припомниться не могло еще что-то радостное и приятное. «Ах, да! Катыш!» — мелькнуло, наконец, у него в голове, — и с этою мыслью он заснул.

А утром Вася уже был на соседском дворе, правый край которого, подходя к саду, полого спускался скатом на обе стороны, отчего сюда чуть не со всей улицы собирались ребяташки катать яйца. День выдался солнечный, погожий, и по двору на припеке уже бродило несколько кучек детворы, — кто в легоньком пальтеце нараспашку, а кто и просто в форменном мундирчике или цветной рубашке, — ведя пока что разговоры о необыкновенных качествах [предназначенных для катанья] яиц.

— Вот у меня яичко, так яичко. Прямо битка! Тупоносое.

— Сам ты, брат, тупоносый. Ты погляди, что у него за скорлупа? Как стукнется об яйцо, — тут твоей битке и конец. Наверняка разобьется. А вот у моего скорлупа — как у кокосового ореха! Ты пощупай, какое шероховатое.

— А я в прошлом году, помню, как начал катать мячиком по полному кону, — шесть яиц сряду выкатал. Вот Андрюшка видал, не даст соврать. Ведь правда?

Но Андрюшка, верткий, чернявый мальчуган, не отвечая, поворачивается и кричит:

— Начинать, что ли?

— Начинать! Считаться! Считаться!

Ребята становятся в круг. Считает все тот же Андрюшка — гроза окрестных садов и признанный ватажок (как говорится, «закоперщик») во всяческих играх. Тыкая поочередно каждому в грудь пальцем, он отрывисто бормочет:

Катилося яблочко вдоль огорода;
Кто его поднял, тот воевода.

Шишел-вышел,
Пошел вон.

Те, кому достается катить в числе первых, досадуют: было бы выгоднее бить позже, когда на кону соберется больше яиц. Поэтому все внимательно следят, чтобы Андрюшка не сплутовал. Наконец, ему надоедает произносить одни и те же слова, и он начинает на новый лад:

Между нами, молодцами,
Есть один большой дурак.
Раз, два, три...

Но тут Андрюшка осекается: он видит, что последнее слово должно упасть на него. И под общий смех, Вася доканчивает счет:

Это, верно, ты.

Дальше какой-то гимназистик считает словами из латинского правила, уложенного в двестише:

Puer, socer, vesper, gener,
Liber, miser, asper, tener.

Наконец, все «пересчитались», длинной чертой по земле отмечен «кон» — и игра началась. Тихо покатилося с пригорочка первое яйцо, начало описывать пяткой крутую дугу, заколыхалось на одном месте и стало. Следующий игрок наскоро выбрал подходящее по весу и форме яйцо, наметился и выпустил его из пальцев под чей-то выкрик:

— Бей, да мимо!

— А ты не говори под руку.

Раздается смех: оказалось, что игрок второпях пустил яйцо пяткой не в ту сторону, и оно теперь поворотило от своей цели в другой конец двора. Катится еще яйцо, и еще, и еще, — и вскоре они яркими пятнами пестреют по всему скату двора, чистенькие, глянцевиые, всяких цветов: красные, синие, желтые, зеленые...

Васин катыш возбуждает у всех и зависть, и восхищение. Тихо колыхаясь с боку на бок, плавно идет он, не описывая, как другие яйца, пяткой дугу, но все время катясь по прямой линии, и ударяет в намеченное желтое яйцо. Вася с торжествующим видом — еще бы, какова ведь битка! — забирает его и пускает катыш снова: по правилам игры бьют до первого промаха. Опять плавно катится верно нацеленный катыш, поблескивая на солнце своей синей скорлупой — и внезапно застревает в небольшой не замеченной Васей ямке. Раздается крик:

— Чур, яйца не переменять.

Да, таково признанное правило. Васе становится не по себе. Ах, какой промах он сделал! И как он не заметил этой проклятой ямки? А теперь, того и гляди, выбьет кто-нибудь его редкостный катыш! Конечно, кто упустит случай выиграть такое яйцо?

Вася с тоской смотрит, как игроки, один за другим, тщательно выбирают битки, прицеливаются, пробуют счастья то с того, то с другого места. Все остальные яйца забыты, бьют исключительно по Васиному [катышу], волнуются, входят в азарт, бегут вслед за катящейся биткой, как бы стараясь помочь ей. Андрюшка поет над самым Васиным ухом: «Ах, попалась, птичка, стой!» Выбьют, непременно выбьют его катыш! Вот этот Андрюшка и выбьет, коли другие промахнутся. И зачем только было рисковать таким яйцом? Васин катыш шел не тем путем, как другие яйца, и потому попасть в него нелегко. Но с каждым разом все вернее становится прицел игроков, все ближе к катышу ложатся битки, — и вскоре уже с полдюжины их лежит вокруг него, подбодряя бить сюда: не попадешь в катыш, так почти наверное выбьешь какое-нибудь другое яйцо... Но судьба сжалилась над Васей: никто его катыша не выбил. Он поспешно хватает его, с облегчением чувствуя себя избавившимся от опасности, и говорит:

— Ишь, как тут яйца легли! Куча-кучей. Пожалуй, простой биткой лучше попадешь, чем катышом.

Вася хитрит: после всего, что он сейчас пережил, ожидая с затаенным волнением каждое новое яйцо, пущенное против его катыша, он боится вновь подвергнуть его опасности. Но дело у Васи не клеится, ему становится скучно, и, проиграв несколько яиц, он бросает игру и вяло отходит к сторонке. Вот на двор выбегает с двумя яйцами в руке взрослая барышня Верочка и кричит:

— Примите и меня играть.

Ее принимают. Она быстро проигрывает и убегает домой. Вступает в игру и Антон Никифорович, портной с того же двора. Он, наоборот, то и дело попадает, но выбитые яйца делит между ребяташками, которые совсем «проставились» и должны выходить из игры.

— Берите! Чего там...

Но смотреть надоедает еще скорей, чем надоело играть без катыша. Вася плетется домой.

Дома никого нет, кроме няни Ульяны: Сережа катает яйца, а старшие ушли в гости. Вася бродит по комнатам, не зная, за что приняться, наконец, подходит к окну. С соседнего двора доносятся веселые крики играющих. Что же он-то? Ведь у него — катыш, и какой еще катыш! А пройдет неделя, перестанут катать яйца, — к чему тогда будет Васе он? И зачем было радоваться, хвалиться им, если не играть? Ведь что вышло: все играют, все рады, а он уныло бродит и не находит себе места. Нет, надо не терять времени, не робеть, не дрожать за судьбу своего катыша, не побояться рискнуть им, чтобы не упрекать потом себя, не думать с тоской, что был у него катыш, да ничего он не сумел с ним сделать.

Вася окончательно решается и идет играть. На дворе народу еще больше, тут же стоит и Соня. Вася подходит к ней и заводит разговор:

— Посмотрите, это — катыш. У него носка от пятки не отличишь, он и катится прямо, никуда не свернет; а всякое другое яйцо сворачивает, куда пятка тянет. Вон то красное яйцо — видите, вон? Его таким катышом

можно выбить, но простым яйцом — никогда. На трудном месте лежит.

— Выбью и простым, — бурчит стоящий тут же Андрюшка.

Вася меряет его взглядом с ног до головы и говорит выразительно:

— Подзадоривать не люблю, а не выбить.

— Давай спорить, что выбью?

— Давай! А об чем?

— Ставь катыш, а я поставлю перочинный ножик, ведь видел, еще новенький. Что, небось, сдал?

Отказаться нельзя — ножик стоит катыша, да и Со-нечка тут. Какой-то мальчуган разнимает им руки, приговаривая: «Чур, с разъемщика не брать». Андрюшка роется в своих [битках], выбирает, переходит с места на место, высматривая, откуда бы удобнее бить, и, наконец, пускает битку; все замолкают и, не отрываясь, смотрят, как она катится вниз, делает поворот и ударяется в назначенное яйцо. Раздаются восклицания:

— Вот это так ловко!

— Ай да Андрюшка! Доказал себя! Молодца!

— Не форси другой раз, — кричит кто-то в лицо Васе.

— Подавай яйцо, — слышится над ухом голос Андрюшки. Вася, не глядя, сует ему катыш и понуро, словно побитый, отходит к сторонке.

Нет катыша!

Пропало все, чего он ждал, на что надеялся, чему радовался! Пропало в один миг, бесцельно и бесполезно — «ни за сизо перышко», как крикнул кто-то из толпы. Было в руках у него счастье, но Вася упустил его, и оно уже не вернется. Ах, как метко идет катыш, пущенный Андрюшкой!

Нет катыша!

Вася, ни с кем не прощаясь, поворачивается и, жмясь к стене, идет домой.

ОКОЛО ТЕАТРА МИНИАТЮР

(С натуры)

Театральная площадка. Публика расходится после спектакля. В темноте поблескивают красноватые огоньки папирос, ухо ловит обрывки разговоров.

— Иван Иванович, и вы побывали?

— Да, знаете... Смотреть, конечно, не на что, однако, дай, думаю, пойду...

— А вы что же, в московском Художественном воспитании получили?

— Какое безобразие — кэк-уок танцуют.

— Так попросите вашу мамашу, чтобы она вас больше сюда не пускала.

— Нет, что это за артисты, позволяющие себе такие выступления?

— Скажите лучше, что это за публика, которая как только увидит на афише «кэк-уок», так и валит валом в театр. Ведь вот и мы с вами грешным делом пришли, даром, что дождь собирался. А артисты — они на нас работают.

— Но ведь не ради же кэк-уока я пришел?

— А уж этого я, батенька, не знаю.

— Я так скучала, так скучала. И почему в антрактах электричества не зажигают? Они с публикой совсем не считаются!

— Все бы, Василий Николаевич, ничего, я молчу, но для чего же они позволяют себе возмутительные танцы?

— Эх, дался вам, этот кэк-уок. За него на том свете черти будут режиссеру нотации читать. Не отбивайте у них хлеба.

- Не понимаю, причем тут черти.
- Ну предоставим его негодованию старых дам.
- Так, значит, я, по-вашему, старая дама? Благодарю!
- Под суфлера играют. И бубнит же он. В первом ряду сидеть невозможно.
- Вот бы им нашего Ваську взять. Талант! Гордость всего класса. Голос — прямо комарный.
- Скучно без буфета. Пойти разве на пароход, там «столовый напиток» есть.
- Безалкогольный?
- Спрашивал я у официанта. Полтора, говорит, градуса в нем, но предполагают, что градуса четыре все же наберется. Чувствуете?
- Да, надо пойти.
- Начинает накрапывать дождь. Публика редет.

ВОЛГАРИ

(Сценка с натуры)

Сидим на пристани «Норской мануфактуры», ждем парохода. Гул его колес раздается довольно давно. Слышно, как он перекликается со встречным пароходом свистками. Вот показался его дымок, вырисовывается корпус. Среди собравшихся оживление.

— Это Кавказ и Меркурий! — веско говорит один, держа козырьком руку над глазами, хотя к слову сказать, солнце в лицо ему вовсе не светит. — Это Кавказ и Меркурий, верно говорю... И, немного помолчав, добавляет: или Кашин... Да, Кашин и есть. Кашинский это пароход.

— Это? Кашинский это. Пароходы нам известны. Кашинский.

Проходит несколько минут. Пароход становится все ближе.

— Кашинский? — с нескрываемой язвительностью неожиданно протягивает фигура в опорках. Та-ак. Кашинский, значит? Самолетский это пароход, вот что! Деревня.

Сказав это, фигура отворачивается, как бы не желая и смотреть на раздавленного им невежду.

— Да, как-будто Самолет, — слышатся голоса.

— Клянусь вам, это Самолет, — галантерейно восклицает кавалер в сереньком с полоской, обращаясь к томящейся барышне.

— Видимое дело! Сам розовый, внизу красная полоса. Самолет!

— Эти дела мы можем понимать, — говорит, обращаясь, человек в опорках. Обращается он, впрочем,

почему-то исключительно ко мне.— Мы, значит, выросли на реке. Природные волгари. И, ежели вы хотите знать, то пароход этот — «Ломоносов».

Оставляя на речной глади широкую полосу крупной зыби, плавно проходит большой, весь униженный публикой пароход. Над его колесом видна четкая надпись: «Гекрасов».

[1916]

НА УГЛУ

(Сценка с натуры)

На углу двух улиц столпилась довольно большая кучка случайных прохожих. Какая-то баба идет прочь от нее, бросая разочарованным голосом:

— Я думала, человека раздавили, али драка какая, а то нако-ся!

Подхожу ближе. В центре толпы, прижавшись спиной к серому забору, стоит фокусник-японец.

В руках у него — маленькая, покрытая какой-то рванью корзинка. Он недолго возится, обдергивается и, наконец, закидывает свою голову прямо к синему, безоблачному небу; бронзовое, потное лицо его так и лоснится в жарких, полуденных лучах. Толпа молчит — и вдруг у них вырываются возгласы, впрочем не столько изумления, сколько поощрения: красные губы японца разомкнулись и из них медленно выкатывается белое яйцо.

— Ай-да японец!

— Это фокус незряшный.

— Нынче, брат, яйцо полтинник десяток.

Японец берет яйцо и кладет в корзиночку. Затем опять закидывает голову и опять выкатывается яйцо, потом третье, четвертое... Возгласы толпы все увеличиваются. Покончив с этим, японец начинает что-то говорить, оживленно жестикулируя руками. На ладони у него лежит монетка. Он сжимает руку в кулак, разжимает — монеты нет. Японец делает физиономию до крайности изумленного человека, затем подносит руку к лицу, чтобы чихнуть, чихает — и из носа у него летит монетка, которую он ловко подхватывает на лету.

Затем снова и снова чихает все с тем же результатом, быстро, ловко работая обеими руками, показывая, что ему некогда рассовывать монеты по карманам, хватаясь руками за голову от такого изобилия денег.

— Гляди, Семка, вот, брат, как монету чеканют. Понимай.

— А отчего она катится из носу?

— Стало быть фабрика у него в носу. Очень просто.

— Главное, все медь да медь, ни одной марочки.

— Да, уж это, как говорится, не баран начихал.

— Глупые фокусы,— басит какой-то чернобородый мужчина. Ежели кладу пяточок, так единственно потому, что дружественная нация.

Кладу пяточок и я, и иду прочь. Надо спешить.

ОКОЛО БИЛЕТОВ

(Сценка с натуры)

Комната на антресолях управы. Длинная вереница лиц, пришедших с домовыми книгами выяснять недоразумения, возникшие при выдаче билетов. Ждут терпеливо, негромко переговариваются. Но около г. Васильева, руководящего всем делом, — настоящий затор. Оживленнейшая жестикуляция, выразительнейшие интонации голоса, характернейшая мимика, удивительно иллюстрирующая речь.

— Позвольте вам сказать. Моя домовладелица находится со мною в контрах. Прошу поэтому выдать причитающийся мне билет прямо в мои руки.

— Билеты выдаются исключительно домовладельцам. Попросите вашу хозяйку явиться сюда.

— Не пойдет она, проклятая. Ради одного, чтобы насолить мне, не пойдет. Ехидная баба. Обратите ваше внимание.

— Ничего не могу для вас сделать. Таковы правила.

— Позвольте вас спросить, — гудит рядом голос. — Почему мне не посылают опросного листа?

— Вы где живете-то?

— В Новотроицкой слободе.

— Да ведь она за городской чертой!

— Никогда. Ни в каком разе. Позвольте, я вам это докажу. На нашей земле городской фонарь стоит. Вот-с.

— Батюшка, будьте так милостивы, — не говорит, поет какая-то баба. — Дайте мне билетик. Хозяйка-то моя уехала. Ужели я без нее чашки чаю выпить не могу?

— Ну, ладно. Только принесите домовую книгу и окладной лист.

— Да где ж я возьму? У хозяйки они, а хозяйка на даче.

Заведующий только трясет мокрой от пота головой и переходит к следующему в очереди за ней.

[1916]

ГАРАДОК

Над крутым берагам ціхай, светлай рэчкі, на ўзгорку, стаіць гарадок. Ён увесь — драўляны, саламяны. Са ўсіх бакоў агаражывае яго моцны дубовы тын. Таму і завецца гэтае месца «горад». Пасярэдзіне горада — пляц. Тамака сабіраецца агульная нарада мястоўцаў — «веча».

Там робіцца суд, адбываюцца кірмашы.

На відавочным месцы пляца стаяць княжацкія харомы. Яны дубовыя, выгодныя, зробленыя на два паверхі. Блішчаць іх шыбы з чырвонага, сіняга, жоўтага шкла. Стаўні, дзверы, балясіны аздоблены пекнай разьбой, памалёваны ў вясёлыя фарбы. Мястоўцы звыклі да княжацкіх харомаў і нават не дзівяцца на іх. Але сяляне, калі бываюць у гарадку, цікава пазіраюць на гэтыя будынкі.

Проці княжацкіх харомаў — драўляная цэркаўка і высокая званіца. А вакол — хаткі і хаткі, прасцюсенькія, з саламянымі стрэхамі; на шырокіх надворках — свірны, клуні, пуні, віднеюцца высокія жураўлі студняў. Па-за хаткамі — гароды. Паміж хатак разбяжаліся крывыя, вузкія вулачкі, заросшыя траўкай-мураўкай.

Вось Кавальская вуліца. На ёй нікога не відаць. Толькі дзеці сабраліся ў гурточак і водзяць карагод вакол аднаго хлапца, пеючы:

Сядзіць, сядзіць яшчур
Ў арэжавым кусце...

Але з надворкаў па ўсёй вуліцы нясецца моцны грук.

Там стаяць кузні, і ўжо зрання працуюць кавалі, вырабляючы вострыя сякеры, нажы, калёныя галоўкі да стрэлаў і коп'яў, мячы, а таксама «шэломы» (жалезныя шапкі), «кальчугі» (шырокія кашулі, зробленыя ўсе чыста з дробных жалезных калечак), шчыты ды іншыя рэчы, патрэбныя ў часе вайны. Калі выпадае, кавалі аздабляюць гэтыя рэчы рознымі ўзорамі, асабліва шчыты ды ручкі мячоў і нажоў. Ваякі і стральцы вельмі кахаюцца па сваёй зброі і хочуць, каб яна была не толькі добрая, але і прыгожая.

Апроч зброі, кавалі ўмеюць вырабляць яшчэ пекныя пярсцёнкі, кольчыкі ў вушы, блішчастыя запоны і гузікі, і не толькі з жалеза ці спіжу, а нават з золата і срэбра. Гэтыя рэчы купляюць амаль таксама ахвотна, як і зброю.

На другім канцы горада, каля гліністага яру, стаіць слабодка Ганчароўка. Гаспадары з яе займаюцца тым, што вырабляюць з гліны добрыя паліваныя гаршкі ды місы, адмалёваныя фарбамі ў краскі і візэрункі. Ад Ганчароўкі ідзе Кажамяцкі завулак. Гаспадары з яго не толькі абрабляюць скураты, але і не ад таго, каб пайсці часам на паляванне ды прынесці якую-колечы някупленую скуру. Ходзяць на паляванне і другія мястоўцы. Іншыя патроху аруць поле, займаюцца жывёлай і гэтак жывуць.

У гарадку ёсць і хаты з цясовымі дахамі. Там жывуць болей грашавітыя людзі: баяры, княжацкія ваякі-дружыннікі, багатыры-гандляры. Тамака жыве і свяшчэннік з цэрквы, а Ісідар, — грэк, што над'ехаў з Візантыі. Гаворыць ён па-грэцку, і яго ніхто ў гарадку не разумее.

Гарадок не памясціўся ўвесь за тынам. Хаткі рассыпаліся і па-за ім, збягаючы ўніз, да ракі. Там стаяць рыбацкія чоўны, расцягнуты і сушацца на сонцы сеці. Часам з аднаго берагу на другі плыве паром. А вакол, куды толькі сцягне вока, лясы і бары, глухія, драмучыя.

Ціхі гарадок...

[1916]

Сярод глухой пушчы стаіць невялікая вёсачка. Сярод вяскоўцаў дасюль яшчэ памятаюць, як прыйшоў некалі ў гэтую пушчу, нікім яшчэ не займаную, мужык Каліна разам з пяццю сваімі дарослымі сынамі. Перш за ўсё ён зрабіў нажом на кары дрэваў зарубкі, каб адзначыць гра-ніцы сваёй гаспадаркі, і выразаў сабе вельмі ладны кавалак пушчы. Пасля пачаў кратацца каля раллі. Вырубіць глухі сталетні бор не было змогі, але Каліна даў сабе рады: запаліў яго. Амаль не на вярсту ляглі высокія сасонкі шэрым попелам на зямлю. З'явілася так званае «ляда». Тады Каліна паставіў сабе на ўзгорку сялібу і пачаў карчаваць ляда. Шмат цяжкай працы паклаў ён на тое, каб вырабіць абгарэлыя пні, вырваць моцныя корні. Але што за буйнае жыта ўзрасло, калі ўзараў тое поле да засеяў яго. Ведама,— на цаліне, да яшчэ ўтучненай попелам. На некалькі год хваціла хлеба Каліне.

Сынаўя Каліны ажаніліся, пабудаваліся. Так вырасла тут цэлая вёсачка. Звалася яна Калінавічы.

Зямлёю яны ўладзелі супольна, працавалі на ёй усёй грамадой, а ўраджай дзялілі па хатах, сколькі ў кожную было патрэбна. (Дзяліў наперад і загадваў гаспадаркай сам Каліна, а калі ён памёр, дык яго старшы сын. Так рабілі і іх дзеці, і ўнукі.) Апрача раллі, займаліся яны і рыбалоўствам, хадзілі біць стрэламі цецерукоў...

Калі памёр Каліна, зрабілі дзеці па ім памінкі — трызну і пахавалі яго ў зямлі, паклаўшы туды яго лепшыя

і найпатрэбнейшыя рэчы: сякеру, нож, агніво, красала і шмат іншага. Рабілі так, бо думалі, што ўсё гэтае будзе патрэбна бацьку на тым свеце, як і на гэтым. Каб успакоіць бацькаву душу, чатыры разы на год спраўлялі «дзяды», на радаўніцу насілі стравы на бацькаву магілу, каб было яму што пад'есці. Думалі, што праз гэтае бацькава душа будзе памагаць ім у гаспадарцы і адверне ад іх усялякае ліха.

І ўсе іншыя русічы таксама пакланяліся душам бацькоў. Апроч гэтага, пакланяліся яны сонцу, бо ад сонца найбольш залежала ўся іх гаспадарка, увесь іх быт...

[1916]

ВЯСНОЙ

Ачунаўшы ад смяротнай хваробы, з бледна-васковым, як-бысь правідным, тварам у першы раз выйшаў ён са сваёй каморы і замёр, глянуўшы ў даль.

Чаруючы сінімі аганькамі вачэй, стаяла там русакосая малярка Вясна, і пад тонкімі, вузкімі рукамі дзяўчыны вырастаў бяскрайны светла-калёравы малюнак. А поруч з ёй стаяў «наш вельмі шаноўны крытык NN» і, бліскаючы акулерамі, цадзіў праз зубы: «...Аднакалёрна... зялёнай фарбы занадта... і да таго ж безыдэйна... суздальскі малюнак...»

Спраўдзі, нічога асабліва новага ў твары Вясны не было: пад блакіццю небасхілу на дне балкаў гразна-снегавыя плямы, у далі сіняватая істужка туману, збоку бурая ад консага гною пуцявіна, — а ўсё іншае заліта бледнавата-зялёнай фарбай. Кожны з нас у дзіцячыя гады шмат бачыў такіх мілых, бясхітрасных малюнкаў.

Ці ж не мінулае маленства, згадаўшыся, і ўсхвалявала Янышу грудзі, выціснула слёзы з вачэй? Можа і яно. А мо тое чыстае, мяккае паветра, што ціха шчакатала хілыя лёгкія, забіраючыся ў самыя далёкія, ужо адвыкшыя дыхаць, куткі; тая ўсё напаўняючая светласць, каторая п'яніла вочы; тая бяскрайная хваля ясных калёраў і зыкаў, што лілася праз яго істэрычную душу, уздымала яе і з салодкім болем пракранывалася да чуткіх пасля хваробы нерваў? Хто скажа? Невядома з чаго, але перапоўнілася душа яго, і чуццё, успляснуўшы за край, вылілася праз слёзы. І калі з мучанічаскі-прасвятлеўшым тварам ішоў Яныш назад, сэрца яго сагравала ўсё благаблаўляючая любоў: роўна блізкім і мілым здаваўся і выпаўзаўшы з гразнарыжага гною такі смешны чырвоны чарвяк і жава-

раначак, рассыпаўшыся перламі ў звонкім небе. І не менш залітага сонцам вольнага абшару радаваў залаты, пыльны сонечны прамень, прабіўшыся праз аконца невяліччай каморы, у каторую вярнуўся Яныш.

. . . . .

Вясёла шагаў акрэпшы Яныш па вясенняй зямлі, успаёнай растануўшым снегам, поўнай жыццёвых сокаў, каторыя так і выпіралі з яе, наліваючы кожную гібкую галіну, кожны ярка-зялёны сцебель. Незлічонымі, нявідзімымі воку дзірачкамі дыхалі маладыя, шчэ не запыленыя лісцікі дзярэўяў, а пад імі на зямлі былі кінуты лахмоцці ценяў, хаваўшых чыстае золата, каторае ясна блішчэла праз кожную іх дзіру. І не стрымаўся Яныш,— распластаўся ён на траве, і палілася яму ў душу салодкая ціхая лень, што тонкім хмелем плыла ў светлым, расплаўленым сонцам паветры, адбівалася ў вачах, у мяккай беспрычиннай усмешцы,— і заваражыў яго і дрымотай агарнуў непарыўны ласкаючы вуха шум свежых лісцяў і невядома дзе пачынаўшыся і знікаўшы чысты звон; ціха дрыжэў ён у паветры і немаведама было: ці то гладкія, белыя каменчыкі грукацелі пад дзюрчашчай вадой; ці то пчолкі бруялі і ўторвалі ім конікі трэскам; ці далятаў з далёкага гасцінца невялічкі перазвон бомаў; ці то проста ў вусах звінела? Але і не хацелася Янышу паняць гэтае, не хацелася ні думаць, ні варушыцца. Вакол схіліліся сцебялькі зёлак. Сіненькі цвяток над самай галавою павіс і вабіў спусціцца тоўстага, махнатага, чорнага чмеля з чырвоным задком. Вышэй круціліся рознакалёравыя мухі, хісталіся галіны клянку, і праз выразныя цёмныя лісты дубоў сінела далёкае неба; пад ім маруда праплывалі бледныя хмаркі, гледзячы на каторыя можна было забыць аб руху часу...

[1914]

КАЗКА

БАШНЯ МИРА

С давних пор под покровом вечности, среди неподдающегося измерению и учету пространства веков, на перекрестной грани четырех встречных ветров, как на перепутье четырех дорог, в могучих объятиях седого гиганта Океана,— как дитя в люльке, качался остров.

Вечно прекрасный, вечно зеленый, убаюканный никогда не смолкающей песнею юных Океанид, среброкудрых, изумрудных дочерей старика Океана.

Остров назывался островом Четырех ветров.

Его целовали, резвясь, шаловливые волны — дети Океанид. Плескались и ласкали, прижимаясь к нему влажным телом и нашептывая чудесные сказки о неизведанных еще чарах, о неразгаданных еще тайнах, о сокрытых сокровищах, о волшебных силах. Ему улыбалась проникновенной глубиной недосыгаемая лазурь всегда открытого над ним кристального свода. Его обнимало никогда не остывающим пламенем, жгучей страстью пылавшее солнце. Под расплавленным золотом горячего дыхания солнца, как в пылающем горниле, недоступной человеческому представлению, от начала веков неутомимо работающей кузницы, меткими ударами исполинского молота в многоопытной руке искусного Вулкана,— выковывался вечный нерушимый союз солнца с островом.

Золотым широким поясом, как обручальным кольцом, плотно обхватывало солнце остров. И трепетала земля под жгучим объятием. И растворялась в неутолимой жажде творений. И раскрывалась пышной, прекрасной, изнеженной, никогда не увядающей, вечно юной, вечно новой, вечно жаждущей, — очарованной и чарующей Ледой. Много казалось островов, и больших, и малых, на обширном зыбком лоне Океана. Живуч и плодовит был старый Океан. Немало всяких чудес и диковин извергла из себя его утроба. Но драгоценнейшим из его сокровищ, лучшей жемчужиной его короны, достойнейшим венцом его творческих исканий — был остров Четырех ветров.

Недаром так нежили и лелеяли его Океаниды, и золотой сетью послушных лучей, как в клещах, держало его в своих объятиях страстное солнце. От того остров этот был богаче и лучше, чудеснее и ярче, красочнее и цветистее других. Все цвета солнечного спектра отражались полностью в том, что рождала земля острова.

Вся красота миров существующих и воображаемых, все, что создала жизнь с момента своего зачатия, вся роскошь блаженных дней рая, вся цельность усиленной многовековой созидательной работы, жадных творчества, алчных жизненности, ненасытных, неутомимых сил, — все было здесь. Все было могуче и сильно. Все было разнообразно и обильно.

Были и люди. Было их много. И были они так же различны и так же удивительны, и цвет кожи их носил на себе печать жгучих лобзаний солнца. Над людьми царил царь, крепостью и мудростью своей, превзошедший всех царей, всех существующих дотоле миров. Мудрость царя не имела себе равной от начала веков. Она вмещала в себе все, что могла дать многовековая мудрость мира со дня его создания. Вся древняя мудрость, созданная и познанная людьми с сотворения мира, все, что было рождено мудрейшими из мудрейших, и то, что еще было сокрыто от проникновенного познания живых существ, было для вла-

дыки острова понятно и открыто. Покорна была ему премудрость веков, перед которой, как воск от огня, таяли великие тайны Вед и древних папирусов. Покорно было ему небо. Покорны были ему глубокие тайны морей. И не было для него ничего сокрытого и тайного, как не было для него ничего недоступного и невозможного.

Дно морское было для него так же изведано и знакомо, как палаты его собственного дворца, и все великое, полное чар и чудес подводное царство, признавало его своим властелином. Из своих изумрудных хранилищ выплывали к нему вереницей окруженные игрой толпой сверкающих волн стыдливые белогрудые жемчужины и, обнажая свою ослепительную грудь, предлагали ему самые ценные дары своих сокровищниц. Из глубины темно-агатowych низин простирали к нему свои причудливые, лапчатые, узорные ветви целые девственные леса кроваво-красных кораллов. Все обитатели морей, высшие и низшие, приносили ему ежегодно обильную дань. И бил ему трезубцем, как челом, сам могучий властитель морей.

А из заоблачных владений всеильный громовержец спускал к нему целые колчаны золотых стрел и посылал к нему на службу своих искусных стрелков. Царь ладил с небом и с морем, вступал в союз с солнцем и с ветрами, спорил со смертью и с богами. И был он могуч и всеилен.

Сила его равнялась его мудрости. Все живое на острове трепетало его. Все народы острова были ему подвластны. Много разных народов покорил он на своем веку. Много других островов подчинил своей власти. И был он всюду победителем, потому что в своих многочисленных войнах прибегал к помощи сил надземных и подземных. От многих войн обильно была полита кровью земля острова и продолжала поливаться кровью, так как народы, привыкшие к войнам, не могли уже без них обходиться. Царь поощрял эти войны, потому что в них видел торжество силы и разума.

Обилие пролитой крови и жертв не печалило царя. Он знал, что гибнут только слабые. А жизнь слабых была ничтожна в его глазах. Он признавал только величие и силу. Он был слишком велик, чтобы жалеть о ничтожном и слабом, — слишком мудр, чтобы сокрушаться о малом.

Сердце его, тронутое величием, не знало жалости.

И не допускал он, чтоб можно было жалеть о том, что в глазах его не стоило жизни.

У царя была дочь, прекрасная и нежная, как белая жемчужина. Царь любил ее без ума и ничего для нее не жалел. Но среди блеска клокочущей радости жизни царевна жила одинокой, печальной, прозрачной и хрупкой, как девственная лилия. Она никогда не улыбалась. Глаза ее были так глубоки и загадочны, что сам царь отец не мог вынести их продолжительного упорного взгляда. И казалось ему, когда царевна на него так смотрит, что он при всей своей силе и мудрости перед ней — не что иное, как столб пыли на солнце, готовый разлететься от малейшего движения ее губ.

И все-таки он любил ее, одну ее, больше себя, больше жизни.

И казалось ему, что если бы вдруг кто-нибудь вздумал отнять у него дочь, от всей его мудрости и всего его величия осталась бы на самом деле только горсть пыли, и ничего больше. Не знал царь, чем развеселить свою дочь. Устраивал зрелища, ристалища, игры, осыпал ее драгоценностями, подарками, ласками.

Царевна становилась все печальнее и прозрачнее, и глубже, и проникновеннее был ее взгляд.

— Дочь моя, — сказал ей, наконец, однажды царь.

— Отчего ты никогда не улыбаешься? Отчего радость никогда не посетит тебя? Может быть, у тебя есть скрытое желание? Нет такого твоего желания, которого бы я не выполнил. Нет той радости, которую бы я не доставил тебе. Нет того сокровища, которое бы не делал для тебя!?

— Отец, — отвечала царица, — я знаю, ты добр и милостив! Я знаю, ты велик и мудр! Я знаю, ты силен и могуч и нет для тебя ничего невозможного. Я верю в твою несокрушимую волю. Я преклоняюсь твоему всесветлому разуму. Я дивлюсь твоим чудесным творениям. В твоём царстве царит сила. В твоём царстве блещет разум. В твоём царстве господствует власть. Но нет места в нём слабым и малым. В твоём царстве — всепожирающая пасть поглощает все то, что не может противиться. У кого нет пасти, тот должен пасть. У кого пасть больше других, тот пожирает всласть. Отец, отец! Разве ты не видишь, что твои народы, как лютые звери, пожирают, истребляют друг друга? Отец, отец! Я, плоть от твоей плоти! Я, частичка твоего сердца! Я, атом твоей души! Я, крупинка твоего светлого разума! Я, капля твоей крови — разве я могу быть весела и счастлива? Разве я могу избрать радость в подруги жизни. Отец, отец! Ты ищешь меня утешить! Вот мое утешение: построй мне башню высокую, высокую, всю прозрачную, хрустальную до самых пушистых, жемчужных облаков. Я буду день и ночь сидеть в той хрустальной башне на самом верху. Буду сидеть там и смотреть, и караулить.

Когда увижу я где-нибудь войны, междуусобицы, кровь, буду срывать клочья белых облаков и забросаю ими тех, кто будет воевать. Я взмолюсь вольным ветрам, и они поднимут песок с четырех морей и засыпят глаза воюющим. Я умолю золотое солнце — и оно закроет для них источник света. Отец, отец! Я буду караулить день и ночь! Отец, построй мне хрустальную башню! Острову твоему ты подарешь мир, славу, а дочери твоей вернешь радость жизни!

Задумался царь, запечалился. Не нравилась ему затея царицы. Совсем было хотел ей отказать, — но так посмотрела на него царица, что все похолодело у него внутри. Созвал царь лучших зодчих со всего острова. Повелел им строить для царицы караульную хрустальную башню,

чтобы верхом своим упиралась в самые белоснежные облака. Дал им три дня сроку. Чтоб в три дня была построена башня. Повеселела царевна.

Принялись зодчие за работу. Закипела работа. Застучали молота. Засверкали на солнце хрустальные грани башни. Засияли всеми переливами самоцветных камней.

Ходит царь, похваливает. Смотрит на царевну, радуется. К концу третьего дня, с последним лучом солнца, наложили последнюю грань на верхний край крыши. На заре, в ту же ночь, должна была вступить царевна в башню. Собрались все, двор и народ, зодчие и войско.

Ждут царя. Ведет царь царевну. Белый туман стеной стоит. Ничего за туманом не видно.

Подад царь знак. Заиграла музыка, затрубили рога.

Разошелся туман. Диву дивятся все. Смотрят, не верят. Нет башни. Как не бывало. Место, как ладонь, а там, где стояла башня, словно струйка белого дыма курится, прямо так вверх, к облакам. Разгневался царь. Кликнул зодчих. Спрашивает.

— Где башня?

— Не знаем, — говорят.

— Вы строили?

— Строили.

— Где же?

— Не знаем.

— Казнить всех! — закричал.

Побелела пуще прежнего царевна. Бросилась в ноги отцу:

— Смилуйся!

— Нет, — говорит, — милости. Не будет им милости. Колдовством меня одолеть хотят! Казнить! — казнили.

Пуще приуныла царевна. Стал сзывать царь новых зодчих. Повелел им в три дня построить башню. Построили, кончили. Краше, богаче первой вышла башня. Любовался царь. Робко смотрела царевна. Собрались все, был туман, подошли, стал расходиться туман, разошелся.

Нет башни. Как не бывало. Точно не строили, одно белое облачко, точно струйка тонкая, прозрачная. Вышел царь из себя.

— Куда девалась башня? Кто смеет меня послушаться? Нет той силы, которая бы отказалась мне служить. Призываю в свидетели силы небесные и земные! Люди эти ничтожные хотят быть мудрее меня. Я разрушу их колдовство! Казнить!

Побледнели зодчие. Помертвела царица. Грознее тучи стал царь. Казнили зодчих. Новый клич кликнул царь. Новых собрал зодчих. Повалились зодчие в ноги царю:

— Не вели, государь, строить. Не выстроить нам башни.

— Ваше дело,— говорит царь.— Не будете строить — казнь. Плохо выстроите — тоже казнь. Стали строить. Старались изо всех сил. Молились, призывали на башню всех добрых духов-охранителей. Пропала башня. Пропали и зодчие. Не выходила царица из терема. Снился ей в ту самую ночь чудный сон. Будто стоит она высоко, высоко, на самой вышке хрустальной башни. А кругом все облака белые, жемчужные, воздушные. И говорят ей облака:

— Ты, голубица кроткая, светлая, чистая! Во мы построили тебе башню высокую, хрустальную. Приходи в эту башню, когда не будет для тебя места на острове. Не жди хрустальной башни от твоего отца. Не построить ему для тебя хрустальной башни. Нет у него для этого рук чистых, бескровных. Много было пролито крови на острове. Много оставила она следов несмываемых. Хрусталь твоей башни прозрачен и светел, не терпит он нечистого прикосновения. Проснулась царица. Поспешила к царю отцу.

— Прости меня,— говорит,— отец. Много народа погибло из-за меня. Открыли мне во сне силы небесные, что не построить тебе той башни хрустальной. Строить ее надо

чистыми руками. А на острове твоём лилось много крови. Нет у тебя зодчих с чистыми руками!

— Вздор! — сказал царь. — Я царь многих земель, я повелитель неба и моря, — и мне ли не построить хрустальной башни!

И повелел царь искать по всему острову людей, чьи руки не касались бы крови. Искали посланные, искали долго. Принесли ответ царю: людей таких не нашлось, ни одного человека, на всем острове. Тогда царь повелел искать среди детей и подростков. Искали, не нашли. Войн было так много и они были так истребительны, что все дети, которые могли ходить, посещали военные лагеря своих отцов, которым приносили пищу и одежду, и трогали оружие и платье отцов, и пачкали руки кровью. Осерчал царь, разгневался на посланцев своих, повелел казнить всех до одного. — Быть по-моему, — сказал. И повелел собрать и принести всех младенцев, которые были на руках у матерей и не могли еще ходить. Потянулись ко дворцу длинные вереницы женщин с грудными младенцами на руках. Царь велел класть младенцев к ногам царевны. Не хотелось матерям оставлять детей, но они боялись ослушаться, и все подходили к царевне по очереди. А царевна сидела перед дворцом вся белая, как молочного цвета жемчужина, с закрытыми глазами, и не издавала ни одного звука. Когда последний младенец был положен к ногам ее и раздался вопль убивавшихся матерей, царь обратился к своей дочери.

— Вот твои зодчие, — сказал он, указывая на младенцев, — повели им строить башню!

Царевна открыла свои вещие глаза, обвела ими царя и всех присутствующих, и лежащих у ног ее младенцев, — и подняла их вверх, к парящим облакам. И вдруг из середины облаков стала медленно спускаться хрустальная башня, прямо на то место, где была царевна, у ног которой лежали младенцы, и накрыла собою царевну и младенцев. Ахнул царь. Ахнули присутствующие. Подо-

шел царь к башне, дотронулся до нее, — башня на глазах его и всего народа стала подниматься и таять, подниматься и таять... и таять, — пока от нее вместе с царевной и младенцами не осталось только небольшое белое облачко, а в нем две глубокие темные точки, точно чьи-то далекие глаза. Царю показалось, что вместе с царевной в хрустальную башню оторвалась и отлетела лучшая часть его самого. Отлетела светлая сказка — греза его жизни. Долго смотрел он вверх, ища в облаках глаза царевны. И тут же поклялся неустанно, в течение всей последующей жизни, не жалея труда, ни времени, и день и ночь искать новых зодчих с незапятнанными руками, которые смогли бы построить высокую хрустальную башню, доходящую до самых облаков, откуда смотрели на него глубокие, печальные глаза царевны. При помощи этой башни он надеялся снова обрести свою исчезнувшую дочь. Башню он хотел назвать «башнею мира», так как она должна была ознаменовать собою прекращение кровопролитий на острове. Уже много лет царь строит «башню мира» — и не может достроить.

Царь ищет зодчих с чистыми руками.

[1915]

МАЛЕНЬКИЕ ФЕЛЬЕТОНЫ

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА ЯНА КУБЕЛИКА

Выйдя из освещенной залы, переполненной разнообразной толпой, на улицу, я твердо решил разобраться в нахлынувших потоком настроений, чувств и дум, которые навяли прекрасные, легкие и уверенные звуки волшебной скрипки Яна Кубелика. Но не успел я сделать и двух шагов, как услышал почти над самым ухом:

— Из всех вещей мне понравились только две. Одну я не помню, а другая, кажется, Бетховена...

— Нет, Паганини.

— Паганини он вначале играл; не спорь, пожалуйста...

— Да, знаете ли, приятно послушать хорошего музыканта. Скрипка так и поет, так и поет... Только редко они к нам приезжают.

— Редко да метко. Входной билет два рубля десять. А вы заметили, какие у него глаза. И брови тоже — широкие, черные.

— Я, знаете ли, далеко стоял и, признаться, не разглядел...

— А я успела прочесть в зале его биографию. Вот только не разобралась: чех он или поляк? Если поляк, то почему у него губы такие толстые...

— А по-моему, будь он двадцать раз уродом, за одну игру, кажется, я бы в него влюбилась...

Я оставил беседующих позади, решив, что трудно будет составить личное мнение об игре Кубелика, если будешь слушать других. Но не тут то было. Впереди горячо рассуждали:

— Не успел он начать чешский танец, как у него струна лопнула... Вы заметили это?

— Да, это был номер! А говорят еще, что у него души нет...

— А я думал, что у него запасной струны не найдется. Вот бы скандал вышел!..

— Говорят, что его скрипка сто тысяч стоит.

— Полно решетом-то чертей ловить. Напугать можешь...

— А как называется этот прием, когда он пальцами струны перебирает? Я все забываю.

— Пиччикато.

А ему кто-то сказал:

— Спичикато. Ха-ха-ха...

Перегоняю по возможности веселых людей, но и сзади и спереди все говорят об одном:

—...Приехал, сыграл и уехал.

— Не оставаться же ему на масленицу!

— А приятель мой сидит возле меня и твердит: жаль, жаль! Да чего жаль, спрашиваю.— Что жены моей нет,— отвечает. Она страшно любит музыку. Ей даже сон этой ночью снился. Будто сидит она в оркестре наверху с музыкантами и на скрипке играет. А все остальные на медных басах...

— А молодец все-таки Каатц. Набил полную залу публики...

— Две вещи сыграл без аккомпанемента. Сам себе аккомпанировал.

— Все сам играл? А почему же Паганини не приехал? По-моему, слушать его одного... как его?

— Ян Кубелик.

—...по-моему, даже скучно...

.....
— Теперь вот тяжело немного. Скотину кормить каждый день надо, а к лету все легче станет...

.....
Ну, слава Богу, извозчики разговаривают. Теперь скоро я буду дома и отдохну немного...

[1909]

КАЛЕЙДОСКОП ЖИЗНИ

Миниатюра

Неуловимо быстро вертится и не знает отдыха круг жизни.

Еле доступные глазу, мелькают дни, недели, месяцы, годы...

Постепенно меняются на нем контуры, формы, краски, фигуры.

Неустанно движется в одном и том же направлении дивная игрушка, и — невидимо приводится рукой.

Жадно впились в нее глазами люди-дети. Зачарованные, ослепленные, смотрят — и ждут, что покажет им каждый новый поворот волшебного диска, чем еще пленит их взоры? Чем поразит их воображение? Чем утолит их ненасытную алчность в вечной погоне за новым?

Что даст им день? Что даст им час? Что даст им жизнь?

Чем быстрее вертится круг, тем с большей страстностью прикованы к нему взоры, и... не могут оторваться... не могут отрешиться. Люди и круг — одно. Пестреют фигуры, причудливые, ломаные, круглые, острые, большие, маленькие, — совсем крошечные, как точки, еле заметные глазу, — мчатся и вертятся, постоянно меняясь местами, то ярко загораясь разноцветными огнями, то, вдруг, бледнея и потухая, как мерцающие звезды, то поглощаясь вдруг гладким фоном и исчезая в ослепительном блеске. Звезды поглощаются кругом. Круг тонет в звездах и рождает новые звезды, которые тоже поглощают друг друга. И тают в круговороте жизни дни, месяцы, годы, недели.

Рождаются и исчезают бесследно целые поколения — людей, племен, народов...

Меняются, расцветают, блекнут и — бесследно пропадают государства... Тают, искрятся, сыплются, гаснут — как фейерверк...

Вьется пестрой лентой-змеей вечно изменчивая жизнь.

Жадно, безумно хватаются за нее люди-дети. Хватаются и несутся, сами не зная, куда?.. Зачем?.. Увлекаемые этой бешеной пляской красок, цветов, годов, дней, блеска, мрака, радости и горя.

Как перлы, сверкают людские слезы... Опалом смеется людская радость... Кораллом сочится людская кровь... Сочится, скопляясь по каплям в карминные пятна.

Все реже смеется людская радость... Все чаще сверкают перлы-слезы... Коралловой лентой струится кровь. Багровым становится диск жизни. Реже мелькают на нем яркие звезды.

Сливаясь в безумной быстроте событий, все чаще несутся те же картины, те же формы и те же краски...

Как опьяненные, радуются люди-дети... Радуются больше всего красному цвету, приветствуют его ликованием, — и зовут его жадно и страстно.

И не ведают люди-дети, что они зовут чужое горе, что их радость — несчастье других.

Красный лоскут и белые клочья — вот все, что осталось на диске. Быстро, быстро мелькают на красном белые разводы. Трудно признать в них обрывки человеческого тела... И не одно, а много, много тел!.. Сотни... тысячи... десятки, сотни тысяч... несчетное количество! Не перечесть! Они выбрасываются кровавой массой, точно их изрыгает из глубины своего жерла чудовищная пасть громадного дракона.

Точно горящий вулкан, потрясая утробу мира, извергает из недр земли все, поглощенные ею с сотворения мира человеческие тела.

Но то тела свежие, еще теплые... тела, которые недавно еще были людьми и по воле неумолимого рока стали жертвою кровавого дракона — войны.

Так надо... Так было... Так будет...

Мгновенно омоется круг, точно лучом весеннего солнца. Заиграет на нем алмазом мимолетное людское счастье... Встрепенется радость... Улыбнется надежда...

Но недолга людская радость — ее затопляют перлы-слезы.

Новый поворот — новые картины.

Снова белое на красном и красное на белом.

Опять тела... Все тела... Их меньше, но они страшнее... Их можно лучше различать... Что-то длинное тянется... уродливо, страшно... Еще и еще... Мертвые женщины с темными лицами... Много их... много и других. Есть жены, убитые мужьями или любовниками, — есть и отцы, изрубленные собственными сыновьями, — и дочери, изнасилованные своими отцами, — есть и убитые короли и королевы, — и задушенные младенцы и многое другое... Страшны эти мертвые лица.

Но страшнее мертвых — лица живых... Тупые, зверские, искаженные, клейменные кровавой печатью своих дел...

Не отрываясь, смотрят люди-дети. Смотрят и ждут, — что принесет им завтра?

Какую новую страшную сказку расскажет им старая волшебница-жизнь?

Быстро вертится круговорот жизни... Снова все тонет... Смешалось...

Устали глаза... Устали мысли...

И грезится людям-детям далекий чудный образ.

Как немеркнувший свет забытого чистого прошлого.

Как дивная светлая сказка первых дней их младенчества.

Как напев колыбельной песни, которым кто-то давно-давно баюкал их раннее, нежное детство...

И встает перед ними ясный дивный образ. И обдает их лучезарным светом. И ласкает их тихим сиянием.

Любовно-кротко смотрит на них из глубины тысячеле-

тий этот мягкий свет всевидящих глаз, и звучит нечеловеческий голос — голос вечной божественной правды:

— Да любите друг друга.

И грезится ровная гладь пустынного озера, и братья-рыбари, закидывающие сети... И снова озеро, бушующее, грозное, и на гребнях волн его шествующий Призрак Богочеловека, повелевающий буре и волнам...

А жизнь все тянется и зовет, все искрится и манит, и тонет в кровавых образах. И бурно рукоплещут ей люди-дети. А с высоты креста кротко глядит на них лик Искупителя. Низко склонилась опущенная глава Его. Распростертые, пригвожденные руки стремятся как будто обхватить весь этот страшный, залитый кровью мир, обнять всех заблудших, растерянных, ищущих в одном общем призыве к любви и всепрощению:

— Прости им, Отче, они не ведают, что творят.

[1913]

КАРЛИК И ЧЕЛОВЕК

То, о чем здесь идет речь, случилось в одном, всем известном, уважаемом семействе нашего города. Милому, благовоспитанному мальчику Коленьке в именины на Николу зимнего тетя Соня подарила прехорошенькую вещицу: карлика.

Вещица была сделана из глины, ярко раскрашена и представляла собою копилку.

Возле большой бочки, обхватив ее и руками, и ногами, сидел карлик в зеленой куртке, седобородый, с большой головой, повязанной красным башлыком.

А лукавые, жадные глаза карлика были устремлены на неширокое отверстие в бочке: сюда Коля один за другим опустил двадцать новеньких серебряных пяточков, подаренных тетей вместе с копилкой.

И увлекла эта копилка Колю; даже во сне он карлика видел. И стало его главной мечтой, как бы поскорее копилку доверху наполнить. Всю мелочь, которой родители его благонравие поощряли (был в семье такой обычай), высыпал сюда Коля.

Зато приятно было ему взять порою копилку, встряхнуть и услышать, как звякнет там мелкое серебро, и почувствовать, что копилка уже тяжеленька.

Но еще приятней было видеть папе и маме, какие хорошие склонности приобретает их мальчик. Правду говоря, им страшно хотелось, чтобы он стал чем-то вроде этого карлика, уцепившегося за бочку с деньгами и не видящего ничего, кроме нее.

Случилось, однако, иначе. В день одного из сборов, которыми так обильны наши дни, мальчик разбил копилку, а деньги все, до последней монетки, высыпал сборщице в кружку.

Что это был за сбор, какие чувства и впечатления заставили мальчика так поступить — об этом я умолчу, боясь упрека в излишней сентиментальности. Скажу только одно: мальчик мог сделаться карликом, а в эту минуту он стал человеком.

Я не спорю — конечно, Коля еще маленький человек, но ведь он может вырасти, и тогда станет большим человеком, и в груди у него будет биться большое сердце. А пока — с хорошим началом, Коля!

Вот, пожалуй, и все, что я хотел бы сказать. Боюсь, однако, что читатель сочтет всю эту коротенькую историю неправдоподобной выдумкой, которая никогда не могла бы случиться в действительности. Однако, скептический читатель, я удивляюсь, как ты не слышал об этом. Трогательный поступок Коли вот уж сколько времени является любимейшей темой для разговоров тети Сони, а какая она охотница поговорить — знает всякий. И если кто сомневается в истинности рассказанного здесь, то пусть, в таком случае, спросит у нее.

Только не надо спрашивать Колю; он не любит об этом говорить.

НУМИЗМАТЫ

Некогда Державин, играя словами, писал:

«Надо бы беречь монету
Белую про черный день».

Ныне Державина не читают, но монету тем не менее берегут.

По рукам ходят только кредитки да марки — грязные, засаленные, истрепанные.

Нет серебра, даже «медь звенящая» — и та попадает редко.

А о золоте и говорить нечего. Его совсем не видно.

Звонкая монета усиленно чеканится. Особое внимание обращено на выпуск «разменных» металлических денег. Тысячи пудов их переходят с монетного двора в руки населения. Переходят — и исчезают.

Разменная монета в стране есть. Но в обращении ее нет.

Появились особые любители, собирающие и прячущие ее:

Нумизматы.

Только прежде нумизматы интересовались исключительно старинными деньгами. Позеленевшими медяками, величиной с добрую ватрушку, серебром, чеканным при царе Горохе или Берендее V.

А это нумизматы новейшей формации. Они отнюдь не брезгуют монетами современного происхождения. Наоборот, именно эти-то монеты и привлекают внимание.

В Крыму, на Коктебельском побережье, где попадают мелкие драгоценные камни, помню, видел я несколько дам, тихо идущих и с напряженным вниманием, не отрываясь, всматривающихся в прибрежный гравий. И до сих пор не могу забыть, как одна из них рванулась вперед,

упала и прикрыла рукой какую-то кучку камней: видимо, нашла яшму или сердолик.

И вот это движение жадности мне довелось видеть опять, несколько дней назад, в молочной лавчонке; расплачиваясь, я положил мелкую серебряную монету, и лавочница вдруг рванулась к ней, схватила и начала просить — не могу ли я дать еще серебра или хоть меди.

Вот те руки, попав в которые, монета не скоро выйдет на Божий свет.

Ибо, как говорит пословица, не все на Руси караси — водится и щучий род.

Теперь одной из заповедей для этого рода стали слова: Приподержи денежку, а то укатится.

И они попридерживают.

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Вы, наверное, его видали: маленькая голова на толстом, во все стороны раздавшемся теле, полное самодовольства лицо, бессмысленные, ничего не выражающие глаза, ослабленный глупой улыбкой рот, ползущий к ушам, и непомерное брюхо, вздутое, выпирающее вперед; таков его вид.

О, он очень устойчив. Его ничем окончательно не собьешь. Его можно повалить — но это только на минуту. Едва только вы отвели удерживавшую руку, как он дергается, вскакивает, — и опять вам прямо в лицо смотрят его бессмысленные глаза, и по-прежнему самодовольно ухмыляется рот.

Помню, в детстве он очень забавлял меня. Сколько раз переваливал я его с одного бока на другой, клал на спину и, отнимая руку, весело выкрикивал:

— Ванька! Встанька!

И нужно было видеть, как молодцевато он вставал!

Помню и то, как я, сгорая от любопытства, охваченный весь желанием понять, в чем тут дело, не вытерпел наконец: разломал «Ваньку-встаньку».

Все оказалось очень простым.

Маленькая голова «Ваньки-встаньки» была совершенно пустою, а центр тяжести всего его существа находился в громадном брюхе.

Вот и весь — нехитрый секрет.

Кто его знает — того «Ванька-встанька» не удивит.

А не знают этого только дети.

Да и то — очень маленькие.

Но есть «Ваньки-встаньки» и среди политических деятелей. И, быть может, встретив одного из них, вы не сразу догадаетесь, что перед вами — знакомая с детства фигура, нашедшая на государственном поприще возможность для применения своих талантов.

Это тоже все очень устойчивые лица. Ни один аргумент, ни одно доказательство не пошатнет их. И обращение к чести и совести их ни мало не поколеблет. А если бы поколебало, сбило с ног, то все равно через минуту они будут по-прежнему стоять как ни в чем не бывало.

Типичнейший из них — Марков второй. Ах, как молодежато он вскакивает!

Страна — в полосе исключительных, грандиозных событий, жизнь выбита из наезженной колеи, хозяйственная разруха и безурядица все ширятся. Казалось бы, вот исторический момент, в который всякий «Ванька-встанька», каков бы он ни был, должен будет склониться. И с иными так именно и случилось; вспомним хотя бы Пуришкевича.

Но не таков Марков второй и все иже с ним. Видимо, они сработаны из особенно добротного материала.

Об этом нам напомнило заседание Государственной Думы, посвященное продовольственному вопросу.

Вопрос — важности громадной, ощущаемой всеми и каждым. И вот в гущу напряженной думской работы клином врезывается выступление Маркова, выдвинутого правыми.

— Встанька! Встанька!

Или, другими словами:

— Валяй, Марков!

И Марков начал валять. Дороговизна — но ведь это дело рук трех немцев-хлеботорговцев.

Видите, как просто. Достаточно убрать трех немцев, и экономическое расстройство громадной страны исчезнет.

Но нет, Марков не так прост. Он знает еще причину. Эта причина — общественные организации.

Да, Ванька, если ты и был на минуту когда-нибудь сбит и повергнут нахлынувшими событиями, то теперь ты, во всяком случае, встал.

Ты встал и смотришь, как будто ничего не случилось. И опять затягиваешь свою старую песню.

Я не знаю, читатель, что видишь ты за словами этой песни. Но я вижу знакомые еще с детства тупо уставившиеся глаза, ослабленное, самодовольное лицо. Я вижу человека, у которого внутри пустота, и центр тяжести — в собственном брюхе, выпирающем вперед. Я вижу «Ваньку-встаньку».

[1916]

ЖАЛЬ КНИГУ

Они заняли целый угол в городской библиотеке,— эти книги, «изъятые из обращения за крайней ветхостью». Вот старые журналы, большие, громоздкие, вырывавшиеся из переплетов просто от одной тяжести своей бумаги и оттого раньше времени затрепанные. Вот книги очень изящного и очень непрактичного формата, бывшего в моде лет двадцать тому назад; маленькие, но толстые, изданные на плотной бумаге, они очень удобны в дороге, вполне уместны в гостиной и будуаре (это все беллетристика), но для библиотек мало годятся. Переплет их держит недолго, а вновь обрезать и переплести их нельзя — малы поля.

А вот книги, пришедшие в ветхость от того, что тысячи и тысячи пальцев перелистали их от первой страницы и до последней. Тут и Достоевский, и Чехов, и Мопассан, и Эжен Сю... Углы их листов загнулись, истерлись, обратились в клочья, разваливающиеся страницы подклеены прозрачной папиросной бумагой, иные же заменены рукописными. Латанные, чиненые, отслужившие свой век, они все же не должны будить сожаления. Какова бы ни была их внутренняя ценность, они нашли своего преданного читателя, дали ему все, что могли, и были сложены в этот темный угол не раньше, чем исполнили то дело, к которому предназначались. А такая участь не каждому суждена...

Она не суждена и очень многим книгам — тем, которые лежат тут не потому, что их много читали, а потому, что с ними небрежно обращались. Их мне жаль.

Вы помните эти стихи:

«Раскрыл он книгу, пробежал
Крылатых песен вереницы,
И вычеркнул, и запятнал,
И вырвал лучшие страницы...»

Кто это? Цензор?

Нет, это ты, уважаемый читатель; а если не ты, то твой брат, друг, знакомый... И в результате — новые стопки книжных инвалидов.

Помню, несколько лет назад в книге Штрауса «Жизнь Иисуса Христа» была вырвана страница и тут же сделана надпись, что вырывающий как ревностный христианин, не мог вынести вида этой страницы. По вполне понятной скромности имени своего под этим извещением он не поставил.

Вот журнал «Мир Искусства», из которого какой-то любитель живописи вырвал ряд репродукций (удалось вернуть).

Вот «Галерея русских писателей», вырвано много портретов...

А сколько страниц вырвано по варварской небрежности читающей публики и сколько из них растеряно!

На всех книгах библиотеки оттиснута надпись, обстоятельно разъясняющая, что страниц из книги вырывать нельзя, что ее не следует держать в грязи и сырости, что в ней нельзя писать ни пером, ни карандашом. Впечатление от надписи таково, что невольно задумываешься над вопросом: кто преимущественно дает читателей для библиотеки — эскимосы или бушмены? И почему не указано, что книгу нельзя прожигать папироскою, употреблять для папилюток, макать в помойное ведро? Уж если разъяснять, то разъяснять.

Я просматриваю эти книги, «выбывшие из строя»: страницы растеряны, разорваны, промаслены, залиты чернилами, покрыты копотью и так загряз[нены], что книгу противно взять в руки. Но что особенно бросается в глаза — это всяческие надписи.

Есть особый род людей: школьниками они выдалбливают свои имена на партах, на садовых скамейках; подростки, запечатлевают их аршинными буквами на утесах какой-нибудь модной вершины, на стенах лермонтовской пещеры и т. д. Разумеется, мимо библиотечной книги они равнодушно не могут пройти. Они подчеркивают, вычеркивают, делятся своими впечатлениями, извещают, что пишущий «сию рукопись читал и содержанием оной остался недоволен», раздражаются стихами, и прозой...

Вы хотите видеть образцы этого стиля? Извольте.

— Милая Маруся, как я люблю тебя!

— Мне эта книга понравилась, а если понравится еще кому-нибудь, пусть напишет.

— Автор просто осел!

— Ты-то умен.

— Нельзя писать в книгах!!!

— А сам чего пишешь?

Но довольно. Быть может, читатели, пробежав эти строки, подумают, что приведенные надписи я сам сочинил. Нет, уважаемые читатели, это вы их сочинили и вписали. И даже как-то странно выходит: пишут в книгах, пишут, а потом сами не верят, что это дело их рук. Коротка же у тебя память, читатель!

[1916]

О ВЗЯТКЕ

Некогда принц датский Гамлет, раздираемый трагическими противоречиями своей натуры, ставил знаменитый вопрос:

— Быть иль не быть?

Обитателей Российской империи занимают иные вопросы.

С одной стороны:

— Брать иль не брать?

С другой:

— Дать иль не дать?

Как известно, вопросы эти сплошь и рядом решаются в утвердительном смысле. Взятничество возросло до размеров... мы чуть было не написали привычный эпитет «гомерических». Но разве хитроумный Одиссей, не говоря уже о меднолобых или меднолапых Аяксах, мог бы состязаться в этом отношении с самым заурядным железнодожным служащим наших дней?

Полагаем, поэтому, что наша скромная попытка несколько осветить вопрос о взятке будет сочтена читателем своевременной и нелишней.

Прежде всего, установим понятие о взятке. «Взятка — принимаемый должностными лицами подарок за исполнение какого-либо действия или за бездействие по службе». Это определение выдвигает не только Брокгауз, но даже сам Эфрон (см. Энцикл. Слов. Бр. и Эф. т. 11, стр. 212).

По преданию, свято хранящемуся среди взяточников, еще Каин давал взятки Адаму, когда тот разбирал его

споры с Авелем. Впрочем, достоверность этого предания отвергается многими выдающимися представителями научной мысли.

Что касается письменных источников, то сведения о взятках можно найти, например, у Геродота. Именно он рассказывает, что добрый персидский царь Кир, отличавшийся живой игрой административного ума, приказал содрать кожу с одного взяточника и обить ею служебное кресло его преемника.

Переходя к памятникам отечественного происхождения, нельзя не отметить, что еще в былинах упоминаются «посулы великие». Но и кроме «посулов великих» русский народ создал массу слов для обозначения взятки и разнообразие их поистине изумительно.

Тут и неизящные «хабары», и «хаптуры», и елейные «безгрешные доходы», и буколические «детешкам на молочишко», и причудливые «барашки в бумажке», и умеренные «акциденции» сиречь «от дел позволенные доходы», и многие иные, им же несть числа, вплоть до современных «рекомендательных записочек от Коншина», и деликатно предлагаемых сумм «на непредвиденные канцелярские расходы».

Тут же упомянем и пословицы: «с нас взятки гладки»; «не подмажешь — не поедешь»; «пчелка с каждого цветочка берет взяточку»; «не тот писарь, кто умеет писать, а тот, кто умеет брать».

Литература не отставала от народного творчества. Еще блаженной памяти Капнист заставил чиновников петь:

Бери! Не много в том науки!
Бери, что только можно взять.
Зачем же созданы нам руки,
Как не затем, чтобы брать! брать!

За сим Гоголь вывел великолепного Сквозника-Дмухановского и Тяпкина-Ляпкина, который, почитывая «деяния Иоанна Масона», попробовал установить разницу между

взятками борзыми щенками и <шубой> в пятьсот рублей.

Еще позднее по рукам пошли в рукописях эпиграммы и пословицы язвительного Щербины, вроде следующей: «Consistoria pororum, diaconorum, ropomagumque obdiratio. A oblupatio est».

Затем началась крымская война, и на сцену выступил новый герой взятки — интендант, а за ним разоблачители — М. Е. Салтыков, «Искра», «Свисток» и иная обличительная литература. Начались новые веяния. Прокурор вятского суда Вышнеградский, при вступлении на должность заявил, что он взяток не берет. Появились бойкие стишки: «Неужели только в Вятке не берутся взятки?»

Еще прошло десятилетие, другое. Некая чеховская девица заметила: «Я, конечно, папаша, понимаю, что он не воен. [ный], но ведь служил в консистории, а это все равно, что интендантство». Ну, а тут уж и до нашего времени рукой подать.

Современников цитировать несколько неудобно. Но так, как теперь мода на альманахи и сборники, то я позволю себе остановиться на одном сборнике статей, в котором есть, между прочим, статья 378-я, назначающая ссылку в Сибирь за «требование подарков или незаконной платы и вообще выгоды по делу, касающемуся службы виновного, под каким бы то ни было видом или предложением».

Книга, о которой идет речь, называется «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных».

Есть в ней и другие, идущие к делу, статьи.

Почему они так редко применяются?

[1916]

ПЕРАКЛАДЫ

ИЗ ИВ. ФРАНКО

В связи с развернувшимися событиями не раз уже писалось, как за рубежом России, на Галицкой территории, росла и крепла русская культура, — именно культура украинская. Одной из сторон этого роста являлось возникновение и развитие литературы на украинском языке, насчитывавшей за австрийской границей к началу войны около пятидесяти органов печати и выставившей ряд талантливых писателей, среди которых особенно привлекает к себе внимание фигура Ив. Як. Франко.

Родился он в 1856 г. в крестьянской семье, кончил гимназию, поступил в университет, но увлекся социалистическими идеями Драгоманова, был арестован и посажен в тюрьму. По выходе из нее он занимался литературой, научной и общественной деятельностью; в связи с последней еще два раза подвергался он тюремному заключению, в 1894 г. окончил университет, а через три года, защитив докторскую диссертацию, выбран был доцентом на кафедру украинской литературы, но был не утвержден наместником Галиции как человек, трижды сидевший в тюрьме. В 1898 г. он сделался редактором лучшего украинского журнала «Літературно-науковий вісник» и работал в нем до последних лет, когда был поражен тяжелой болезнью и вынужден был почти совершенно отказаться от писательского труда.

Литературная деятельность Ив. Франко чрезвычайно обширна и разнообразна. При праздновании 25-летнего юбилея ее была составлена книга в несколько сот страниц, заключающая в себе простой перечень произведений Франко с указанием места и времени их напечатания; а ведь с тех пор за Франко числится еще длинный ряд лет упорной писательской работы.

Из его научных трудов следует отметить монографию «Іван Вишенський», исследование «Йоасаф и Варлаам», историю украинской литературы и пр.

Среди беллетристики укажем ряд стихотворных сборников («З вершин і низин», «Зів'яле листя», «Мій Измагд», «Semper tiro» и пр.), массу рассказов, собранных в книжках «В поті чола» (2 т.), «Бориславські оповідання» и т. д., повесть «Воа constrictor» («Удав»), исторические повести «Захар Беркут», «Великий шум», произведения для детей («Лис Микита», «Абу-Каземові капці» и т. д.), наконец, бесчисленное множество переводов из Софокла, Гете, Шиллера, Гейне, Гюго, Байрона, Шелли и т. д. Из русских писателей Франко переводил Достоевского, Гоголя, Некрасова, Щедрина, Писарева, Чернышевского и много других.

По стилю своего творчества Франко — реалист, по своему мировоззрению — народник. Его повести и рассказы изображают преимущественно жизнь крестьян и рабочих. Его стихотворения должны быть зачислены в актив «гражданской поэзии» — по крайней мере лучшие из них. «Почерк письма» — если так можно выразиться — у Франко твердый, энергичный и простой, даже несколько грубоватый. Впрочем, об этом читатель может отчасти судить и сам по предлагаемому ниже рассказу.

КАМЕНЩИК

Ах, этот стук, эти удары, эти крики на улице, как раз против моего окна, прогоняют всякую мысль из моей головы, не дают мне ни на минуту покоя, отрывают от работы!.. И некуда мне деваться, некуда спрятаться от этого неугомонного стука. От утра до вечера не смолкает он, а когда я лягу спать, измученный за день жарой, то ясно слышу его даже во сне. И уже целых два месяца так, подумайте себе! С тех пор, когда против моих окон начали строить этот несчастный каменный дом, я не написал ни одной строчки, и стук с долбней не утихали в моих ушах.

Не будучи в силах сам что-либо работать, сижу день-деньской у окна и смотрю на работу других. От движения, беготни, работы нескольких десятков человек, которые толкуются в этом тесном месте, словно муравьи; исчезает нервное раздражение. Я успокаиваюсь, глядя, как мало-помалу под руками этой массы рабочего люда растет громадное здание, как поднимаются все выше его стены, как шипит и дымится известь, которую гасят в больших дощатых ящиках и спускают после того в ямы; как каменщики оббивают кирпичи, приспособляя их к надлежащему месту, как женщины и девушки носят цемент в ушатах, надетых на палку; как подростки, согнувшись в дугу, на деревянных носилках, положенных концами на плечи по обе стороны шеи, поднимают кирпич вверх по лесам. Вся тяжелая ежедневная работа этих людей плывет передо мною, как плывут тучи, и слыша крики, шутки и разго-

воры, я забываю сам себя, словно тону в каком-то безбрежном непроглядном тумане, и быстро, неуловимо проносится час за часом, день за днем.

Только нарядчики со своим криком, со своей бранью, угрозами и самоуправством над рабочими вызывают меня из этого тумана, напоминают о живой, поганой действительности. Их лишь двое, но кажется, что они вездесущи; все рабочие замолкают и наклоняются там, где который-нибудь из них проходит. Ничем им не угодить, ничто им не нравится, на все у них готова брань, готово гневное, презрительное слово. А пускай-ка рабочий посмеет ответить, защищаться или заступиться за товарища, — тотчас же лицо господина нарядчика наливается кровью, из уст брызжет слюна — и достается же тогда от него провинившемуся! И то еще хорошо, если ему позволят терпеть и не прогонят в ту же минуту с работы. Ведь они тут полные господа, их власть над работниками безгранична, а выгнавши одного, они тотчас же находят четырех, которые даже напрашиваться будут на место прогнанного. О, нынешнее лето для нарядчиков дает обильную жатву! Выбери только и от платы урывай сколько хочешь, — ничего не скажут рабочие; а если который-нибудь захочет пожаловаться архитектору, — ступай прочь, пропадай с голоду, если не хотел быть покорным.

Однажды, когда я, как обычно, посматривал на работу, сидя у окна, раздался вдруг крик на самой стене фасада. Причины крика я не видел — заметил только, как нарядчик кинулся к одному рабочему, мрачному, высокому каменщику средних лет и начал ругать его самыми последними словами. А тот — ничего: наклонился и продолжает свою работу. Но нарядчика это упорное, угрюмое молчание рассердило еще больше.

— Вор ты, босяк, арестант, сейчас же убирайся у меня отсюда! — кричал взбеленившийся нарядчик, все ближе и ближе наскакивая на рабочего.

Я видел, как понурое, наклоненное над кирпичами

лицо рабочего все более краснело, словно огнем наливалось. Он стиснул зубы и молчал.

— Или сто раз должен я тебе говорить, висельник ты, голодранец, разбойник, а? Марш отсюда, в минуту собирайся, или скажу вышвырнуть тебя!..

Рабочий, видимо, боролся с собою; лицо его даже посинело. Наконец, не выпрямляясь, поднял он немного голову и тихо, с невыразимым презрением в каждом звуке процедил:

— Хлоп и будет холопом. Не дай, Боже, из холопа пана.

Нарядчик на минуту словно застыл на месте при этих словах. Очевидно, поговорка поразила его в самое болезненное место: он был крестьянского рода и теперь, ставши «господином нарядчиком», сильно стыдился своего происхождения. После минутного остоленения его взорвало с новой силой:

— Так? Так ты обо мне? Подожди же, я тебе покажу! Я тебя проучу! Марш!

Рабочий не двигался с места и продолжал работать.

— Убирайся, злодей! Проваливай к сотне чертей, или велью городского позвать!

Рабочий упорно гвоздил киркою о кирпич. Тогда нарядчик подскочил к нему, вырвал у него из рук кирку и швырнул на улицу. Освирепевший каменщик заскрипел зубами и выпрямился.

— Хам! — крикнул он, — какого беса ты ко мне прицепился? Чего ты от меня хочешь?

— А! Так ты угрожаешь? — рявкнул нарядчик. — Караул! Караул! Разбойник!

На этот крик прибежал другой нарядчик и вдвоем, соединенными силами, они кинулись на каменщика. Тот не оборонялся. Удары кулаков посыпались на его спину. Провожаемый пинками, немой от гнева и отчаянья, он сошел с лесов и взял на плечи свой мешок с инструментами.

Другие рабочие, которые видели все это, молча работали, склоненные над кирпичом и закусывая губы. Никто из них и не пикнул.

— Мажь хлопа хоть лоем¹, а он смердит гноем², — крикнул на прощанье каменщик уже с улицы. На лице его еще раз показалась насильственная усмешка, но в то же время в глазах заблестали на солнце слезы.

— Гляди, не сломай себе шею, злодей, разбойник поганый! — крикнул нарядчик со стены и погрозил каменщику кулаком.

На другой день встал я рано и выглянул через окно. На улице было еще тихо. Рабочие понемногу сходились к месту постройки. Я сильно удивился, увидев между ними прогнанного вчера каменщика. Заинтересованный, я стал смотреть, что из этого выйдет, когда придет нарядчик. Рабочие мало разговаривали между собой, а к прогнанному и совсем никто не подходил, — он одиноко стоял в стороне около забора. Но вот и нарядчик пришел, почему-то пыхтя, как кузнечный мех. Он быстро оглядел рабочих; его гневный взгляд остановился на прогнанном вчера каменщике.

— А ты, арестант, снова тут? Чего тебе надо? Кто тебя звал?

— Господин нарядчик, — отзывается рабочий, подходя на два шага, и среди общей тишины слышно, как дрожит его сдавленный голос, — господин нарядчик, что я вам сделал? За что вы меня хлеба лишаете? Ведь вы знаете, что я теперь работы нигде не найду, а дома...

— Марш от меня, каторжная морда! — рявкнул нарядчик, которому сегодня покорность была не по нраву, как вчера упорное, угрюмое молчание.

Каменщик повесил голову, взял под мышку свой мешок с инструментами и пошел.

---

¹ жиром.

² навозом.

Целую неделю после того видел я поутру эту сцену на улице. Прогнанный каменщик, очевидно, нигде не мог найти работы и каждое утро приходил просить нарядчика, чтобы тот его взял. Но нарядчик был тверд, как камень. Никакие мольбы, никакие заклинания не трогали его, и чем больше каменщик гнулся и склонялся перед ним, чем глубже обозначались в глазницах его померкшие глаза, тем презрительнее держал себя с ним нарядчик, тем более гнусными и уничижительными словами позорил он беднягу. А он, несчастный, после каждого отказа только стискивал зубы, брал молча под мышку свой мешок и уходил, не оглядываясь, словно боялся какого-то страшного искушения, что так и влекло его к дурному поступку.

Случилось это под вечер в субботу. Нежданный дождь захватил меня среди улицы, и я был принужден укрыться в ближайший шинок. В нем не было никого; грязная, затхлая комната была еле освещена одною лампою, которая печально покачивалась у потолка, а за стойкой дремала старая, толстая еврейка. Оглянувшись по углам, я — вот не ожидал! — за одним столом увидел знакомого каменщика рядом со своим заклятым врагом — нарядчиком. Перед каждым стояла кружка пива, до половины отпитая.

— Ну, дай нам Боже, кум! — сказал каменщик, чокаясь своей кружкой с нарядчиком.

— Дай Боже и вам! — ответил тот тоном более ласковым, чем на улице около работы.

Меня заинтересовала эта странная дружба. Я спросил себе кружку пива и сел далеко, в другом конце комнаты в углу за столом.

— Да что, кум, — говорил каменщик, видимо, стараясь говорить громче и свободней, — не хорошо это, что ты так за меня принялся, ей Богу не хорошо! За это, кум, и Бог гневаётся!

Говоря это, он постучал кружкой о стол и заказал еще две кружки пива.

— Ты ведь, кум, знаешь, что у меня дома, какая нужда!

Не нужно тебе и говорить. Жена хворает, зарабатывать не может, а тут и я, по твоей милости, целую неделю без гроша!.. Да еще если б был я один, то все же бы человек как-нибудь терпел. А то, видишь, жена хворает, да эти бедные ползуны — уже понемногу ползают, хлеба просят... Сердце разрывается, кум, — ей Богу разрывается. Ведь я им, как-никак, отец!

Нарядчик слушал эти речи, наклонив голову и качая ею, словно дремал. А когда еврейка принесла пиво, он первый взял кружку, стукнул о каменщикову и сказал:

— За здоровье твоей жены!

— Дай Боже, чтоб и ты был здоров! — ответил каменщик и отпил немного из своей кружки. Видно было по его лицу, как неохотно его губы касались напитка. Ах, может быть, на него пошел последний грош из занятого за четыре дня до этого гульдена, который должен был кормить все его несчастное семейство до лучших дней, потому что, Бог знает, удастся ли где-нибудь занять другой! А теперь он на последнюю копейку взялся угостить своего врага, чтобы хоть так его задобрить!

— Что ж ты, кум любезный, скажи по совести, что я тебе такого сделал! Что в злости я сказал тебе неладное слово?.. А ты ж мне сколько наговорил! Ей Богу, кум, нехорошо так обижать бедного человека!

Кум, выпивши пиво, снова склонил голову и качал ею, словно дремал.

— Так уж, — заговорил несмело каменщик, — будь милостив, в понедельник... того... Сам видишь, куда бедному человеку деться? Разве пропадать с женою и детьми?

— А что, прикажешь дать еще кружку? — прервал его речь нарядчик.

— А, и точно, и точно! Гей, еще кружку пива!

Еврейка принесла пиво, нарядчик выпил его и вытер губы.

— Ну, так как же будет? — спросил тревожно каменщик, пытаясь взять нарядчика за руку и заглядывая ему в лицо.

— А как будет? — ответил тот холодно, вставая и собираясь выходить.— Спасибо тебе за пиво, а на работу в понедельник не для чего тебе приходить,— я уже взял другого. А затем,— эти слова сказал он уже около дверей шинка,— я таких разбойников, таких висельников, как ты, не ищу!

И нарядчик одним шагом очутился на улице, захлопнув за собою двери шинка.

Несчастный каменщик стоял, словно громом пораженный, услышав эти слова.

Долгую минуту стоял он недвижимо, не зная, что и думать. Потом очнулся. Какая-то дикая мысль блеснула в его голове. Он одною рукой схватил стол, за которым сидел, отломал от него ножку и затем замахнулся ею над стойкой. Звон, дребезг, хруст, крик еврейки, возгласы людей, которые тотчас же сбежались, крик городского — все сливалось в дикий, оглушающий хор. Через минуту несчастный каменщик очутился среди толпы евреев, которая просто ревела и визжала от гнева, и они с большим «рейвахом» (шумом) отдали «сумасшедшего и бесноватого разбойника» в руки городского. Грозный страж общественной безопасности ухватил его за плечи и толкнул вперед себя. Рядом с городовым потащилась перепуганная до смерти шинкарка, оставившая вместо себя какую-то другую еврейку в шинке, а вокруг них с воплями и криком целая толпа евреев и всяких уличных оборванцев повалила к участку.

[1915]

ИЗ РАССКАЗА «КЛЕНОВЫЕ ЛИСТОЧКИ»

Утро.

Дети обедали на земле, обливали пазухи и болтали ложками. Около них лежала мать, изболевшаяся, желтая, и от боли прижимала колени к грудям. Дети с ложками во рту оборачивались к маме, смотрели и вновь поворачивались к миске.

— Семенка, ты уже наелся?

— Уже,— ответил шестилетний мальчик.

— Так возьми веничек, побрызгай землю и подмети хату. Маме не годится наклоняться, потому что очень болит в середине. Не пыли сильно.

— Отойдите, я из-за вас не могу подметать.

Мать поднялась и поволоклась на постель.

— Семенка, а теперь хорошенько вымойся, и Катруся и Мария пусть вымоются, да побегги — в жбанок воды зачерпнуть, только не упади в криницу¹, не наклоняйся шибко.

— Семенка, пойди и нарви огурцов в решето, чтобы их в горшке наквасила; вижу я, что стану слаба, и нечего вам будет с хлебом есть. Да нарви хрену и вишневых листьев...

— Семенка, сними с жерди сорочки, чтобы я покатила, а то ходите черные, как вороны...

Семенка все бегал, делал все, что говорила мама, и время от времени посмеивался над младшими сестрами

---

¹ Ключ.

и говорил, что девчонки не умеют ничего, разве только есть.

— Они еще маленькие, Семенка! Как вырастут, будут тебе рубахи мыть.

— Я пойду в наймы, там мне и будут рубахи стирать... я в них не нуждаюсь.

— Не радуйся, детка, службе, не раз будешь свои дни оплакивать!

— Рассказывайте! Тятя выросли в службе, а чего им еще надо?

— И ты вырастешь в службе, так что кожа будет слазить от того роста. Но ты, Семене, не болтай, а собирайся отцу нести обед. Он, верно, такой голодный, что все глаза проглядел, высматривая тебя.

— Я должен тятину палку взять, чтобы от собак обороняться.

— А когда потеряешь ее, то будет отец нас обоих бить. Да не иди простоволосый, но возьми хоть отцов капелюх...

— Тот капелюх только на глаза насаждает, так что не видно дороги.

— Вымой горшок и налей борщу.

— Вы меня не учите, сколько лить, потому что я знаю.

— Семенка, а гляди, чтобы тебя собаки не покусали.

*

* *

Семенил ногами по толстой полосе пыли и оставлял за собой маленькие следы, словно белые цветы.

«Фью, пока я дойду, то это солнце меня порядочно испарит. Но я себе соберу волосы так, как солдат, то будет мне лучше идти».

Поставил обед на дорогу и приглаживал волосы наверх головы, чтобы покрыть ее капелюхом и высматривать, как остриженный солдат. Глаза смеялись, он подпрыгнул и потрусил дальше. Но волосы из-под широкого капелюха съехали на затылок.

«Это пустяковый капелюх, вот когда я пойду в наймы, так тогда я себе ах какой капелюшок...»

Даже облизался. Пройдя еще часть дороги, он снова поставил обед на землю.

«Я нарисую себе большое колесо со спицами».

Сел посреди дороги в пыль, обводил вокруг себя палкой, потом рисовал спицы в колесе. Дальше сорвался, перескочил через горшок с обедом и побежал очень веселый.

Около каждого ворот прокрадывался, заглядывал — нет ли на дворе пса — и только тогда скоренько перебежал. Из одного двора выбежала собака и пустилась за ним. Семенка заплакал, завизжал и присел. Палка вывалилась из рук на дорогу. И порядочно так, съежившись, сидел, ждал собаку, чтобы кусала. Потом осмелился взглянуть и увидел над собою черного пса, который спокойно стоял около него.

«На, на, цыган, на кулеши¹, только не кусай, ведь очень больно, да и штраф твой хозяин будет платить. А он тебе ноги переломает за тот штраф».

Щипал из платка кулеши, кидал псу по кусочку и смеялся, глядя, как он в воздухе хватает. Пес стоял с открытой пастью, также и он разевал свой рот.

— А ты чей, висельник, что псов по дорогам кормишь? А в поле что понесешь?

И какая-то женщина хлопнула его по шее.

— А-ах, вы еще деретесь, а если пес меня хотел разорвать!

— А ты чей, такой ладный?

— Я Ивана Петрового, но мама родили ребенка и слабы, а я должен обед нести, а меня псы кусают, а вы еще бьете...

— Ах, как я тебя била... куда же ты несешь поесть?

— Тяте несу на поле, около пруда.

---

¹ Кушанье.

— Иди со мной, горюшко, я тоже несу туда обед. Пошли вместе. А кто обед варил?

— Мама варили, потому что я еще не умею, а Марийка и Катерина еще меньше меня.

— А мама разве не слаба?

— Ну, как не слаба, так катаются по земле, так стонут, что ох! Но я за них работаю...

— Вот уж ты работник!

— Вы не знаете, так и говорите пустое. А ну, спросите у мамы, какой я умный! Я «Отче наш» знаю целый...

Женщина засмеялась, а Семенка пожал плечами и замолк. За ним бежал пес, а он делал вид, что кидает ему кулеши, и заохочивал идти за собою.

*
* * *

Через три дня.

Посреди хаты сидел Семенка с сестрами и корыто с маленьким ребенком стояло. Около них миска с зелеными, накрошенными огурцами и хлеб. На постели лежала их мама, обложенная зелеными ветвями вербы. Над нею носился рой мух.

— Понаедайтесь, да сидите тихо, а я понесу ребенка к Василихе, чтобы покормила грудью. Тятя сказали, чтобы носить утром, в полдень и к вечеру, а уж вечером они сами придут.

— Семенка, не урони ребенка.

— Я думал, что вы спали. Тятя сказали давать вам холодной воды и булку есть. Мария такая хорошая, что ту булку ухватила и откусила уже раз. Но я побил ее и отобрал. Будете есть?

— Не хочу.

— Тятя сделали из воска свечку и сказали, что если бы вы стали умирать, то дать вам ее в руки и зажечь. А если я не знаю, когда давать?

Мама посмотрела большими, блестящими глазами на сына. Пучина печали, вся тоска и бессильный страх сошлись вместе тут в очах и вместе родили две слезы. Они выкатились на ресницы и застыли.

— Тятя утром в сених тоже плакали и так головою об косяк колотили! Заплаканные взяли косу и пошли.

Взял ребенка и вышел.

.....

— Семенка, не давай Катрусю и Марийку и Василька мачехе бить. Слышишь? Потому что мачеха будет вас бить, от еды отгонять и чистых сорочек не давать.

— Я не дам и тятя буду говорить.

— Не поможет ничто, сынок мой милый, деточка моя золотая! А когда вырастешь, чтобы вы друг друга крепко любили, крепко, крепко, крепко... Чтобы ты помогал им, чтобы не давал обижать.

— Когда я буду служить и буду сильным, то я их не выдам, я буду к ним каждое воскресенье приходить.

— Семенка, и еще проси отца, как мама наказывала, чтобы вас любил...

— Ешьте булку.

— Пой ребенка, пусть не плачет.

Семенка колыхал ребенка, но петь не умел. И мать обтерла ладонью сухие губы и запела.

В слабых срывающихся звуках выливалась ее душа и потихоньку реяла между детьми и целовала их головки. Слова тихие, незаметные говорили, что кленовые листочки развеялись по пустому полю, и никто их не сможет собрать, и никогда они не зазеленеют. Песня пыталась выйти из хаты и полететь в пустое поле за листочками...

СМЕРТЬ

Когда глухая осень настала, когда в лесу все листья попадали, когда черные вороны поле укрыли — тогда к старому Лесю пришла смерть.

Каждый умрет, смерть не страшна, но долго лежать — вот мука. И Лесь мучился. Среди своих страданий он то погружался в какой-то другой мир, то выныривал из него. А тот другой мир был болезненно странный. И ничем Лесь не мог оборониться от того мира, только одними глазами. И потому он ими, блестящими, измученными, так ловил огонек маленького каганца¹.

Не отводил глаз, держался его и все страшился, что веки сомкнутся и он стремглав ринется в невиданный мир.

Перед ним на земле сыновья и дочери покато уснули, не могли столько ночей не спать. Он изо всех сил старался не оторваться взглядом от каганца и не поддавался смерти. Веки со страшной тяжестью приподнялись над глазами.

Он видит на дворе много девочек, каждая в руке горсть цветов держит. Все глядят на кладбище, смерть высматривают. Потом все обращают очи на него. Туча очей, синих, и серых, и черных.

Открыл глаза и подумал:

— Гляди-ка, это те же ангелы перед смертью показываются...

А пока он думал, каганец исчез из глаз.

---

¹ Светильник.

Поле ровное, широкое, выжженное солнцем. Оно просит воды и всякую травку к себе клонит, чтобы с нее воды напиться. Он пашет ниву и ручек у плуга уже не может удержать, так палит его жажда в горле. И волов палит, потому что они ртами сырую землю роют. Руки валяются от плуга, а сам он падает на ниву, и она его пережигает в уголья...

Каганец вывел его из того мира.

— Не раз и не два я на поле без воды пропадал, у бога все записано.

И снова упал туда.

На краю стола сидит его покойная мама и песню поет. Тихо и грустно стелется голос по хате и к нему доходит. Это та песенка, которую мама ему маленькому напевала. И он плачет, и болит у него сердце, и ладонями он слезы ловит. А мама поет прямо ему в душу, и все муки там с тою песнею рыдают. Мама идет к дверям, а за нею и песня идет и муки из души.

И вновь каганец показался.

— Мама с того света может прийти и над своим дитятею заплакать. Такое Бог право им дал.

Ноги болели от стужи, он хотел на них тулупчик накинуть, но посреди этого в очах у него погасло.

Гулкие колокола над ним звонят, краями голову задевают. Голова его распадается, зубы сыплются изо рта. Языки колоколов срываются и падают ему на голову и ранят.

Раскрыл очи страшные и безжизненные.

— Я обещал купить колокол, чтобы он по селу пожар возвещал, но года были очень тяжкие, и я все не мог купить. Прости мне, Господи милосердный!

И вновь опрокинулся в пропасть.

Сверху со страшной высоты снопы ячменя на него падают. Падают и засыпают его. Полова сыплется в рот, в горло. Колет огненными иголками, палит адским огнем и режет в самое сердце...

Раскрыл очи, уже помертвелые и незрячие.

— Мартыну не отдали заработанного ячменя, и этот ячмень меня к смерти ведет.

Хотел крикнуть детям, чтобы Мартыну ячмень отдали, но крик не мог вырваться из горла, только горячею смолою по телу расходился. Продвинул черный язык, засунул пальцы в рот, чтобы дать выход голосу. Но зубы лязгнули, сжались и притиснули пальцы. Веки упали с громом...

Окна в хате открываются. В хату тянется белое полотенце, тянется без конца и меры. Светло от него, как от солнца.

Полотнище его пеленает, как маленького ребенка, сперва ноги, потом руки, плечи. Туго. Но ему так легко, так легко. А под конец обматывает горло — все туже, все крепче. Ветерком вокруг шеи облетает и все обматывает, обматывает...

[1916]

ЛІТАРАТУРНА-
КРЫТЫЧНЫЯ АРТЫКУЛЫ

І. НЕСЛУХОЎСКИ

Малую літаратурную спадчыну пакінуў нам І. Неслухоўскі — усяго толькі дзюжыну вершаў¹... Але прычыну гэтага трэба шукаць не ў бясплоднасці таленту песняра, а ў агульным характары таго часу, на каторы прыпадае яго пісьменніцкая праца. На вялікі жаль, гэта былі нудныя 80-я і 90-я гады, калі ўсякая жывая справа зараз жа і заціскалася, калі грамадзянская думка крэпка спала, калі ўсё жыццё якась пашарэла і прынікла. Не трэба і казаць, што ніякага колькі-небудзь прыкметнага беларускага руху тады і ў паміне не было, бо нацыянальная свядомасць не магла развіцца ў народзе без помачы ўласнай інтэлігенцыі, а яна толькі што яшчэ пачынала адслаівацца. Праўда, на вялікім абшары нашага краю патроху з'яўляліся людзі, так ці с'як дарабіўшыся да нацыянальнага самапачуцця, а разам з тым ужо пачала аджываць і замёршая лет на 15 беларуская пісьменнасць: перадрук(оў)ваўся² Марцінкевіч³, з'явілася колькі ксёнжачак Ельскага⁴, пераклад гаршынаўскага апавядання «Сігнал»⁵, вершы Бурачка⁶, Каганца⁷, Шункевіча⁸ і інш. Але да народу гэтыя творы бадай-што не даходзілі, а спольшчаная і абруселая беларуская інтэлігенцыя пачытывала іх з усмешкай, як нешта мілае і ў той жа час бадай-што ні для чаго не патрэбнае. «Надта ж яно міла думаць думкі і, як дзечи, пушчаць пузыр з мыла...»⁹ Паміж яе мог

здабыць вядомасць хіба толькі «Тарас на Парнасе», каторы і перавыдаваўся шмат раз ¹⁰. Пры гэтых умовах пісьменніцкая праца не магла быць колькі-небудзь напружанай, што і адбілася на малым ліку твораў Неслухоўскага. Так і здаецца, што пісаліся яны «паміж сур'ёзнымі справамі», калі выдаваўся вольны час, і доўга шчэ потым ляжалі ў скрыні песняра. Але гэтая марудасць працы мела і свой добры бок, бо павэдлуг яе паміж твораў Неслухоўскага няма пісьменніцкіх выкідышаў, каторыя так нярэдка цяпер. Талент яго ўстаў перад чытачамі ва ўвесь свой рост...

[1910 ці 1911]

I

Прыглядаючыся да навейшай беларускай пісьменнасці, можна лёгка прыкмеціць адно цікавае і карыснае з'явішча. Яе аднакалёрны слой, што зліўся з сотняў пісьменнікаў — наследнікаў Багушэвіча, найчасцей знікаўшых пасля аднаго ці двух твораў, — гэты слой стаў патроху дзе-нідзе сцясняцца, у ім з'явілася колькі ядзер, сабраўшых у сябе ўсю яго яркасць, з кожным годам усё болей узрастаючых і ў сваім развіцці прымаючых больш-менш асабістыя колеры. Значэнне гэтага руху вельмі важнае, бо толькі пры ім літаратура мае змогу не таптацца на адным месцы, а расці і ўшыр і ўглыб. Не трудна зразумець, чаму гэта так. Усякі выясніўшыся, абасобніўшыся пісьменнік хоць бы праз адно гэта стаіць на крок уперадзе пісьменнікаў-аднаднёвак, вабіць іх сваёй яркасцю, як аганёк матылькоў, і, прывабіўшы, гуртуе вакол сябе, творыць літаратурны кірунак. Так, у руху развіцця пісьменнасці адкладаюцца новыя наслаенні — пад колер тых глыб, што яркімі плямамі ўрэзаліся ў іх.

Праўда, не ў апошнім гаду пачаўся гэты рух, але толькі ў ім развіўся ён з асаблівай сілай. У памяці чытача затрымалася колькі новых імён і яснаей адзначыліся асобнасці літаратурных твораў цікавейшых папярэднікаў пісьменнікаў. Апошняе тым больш б'е ў вочы, што аж трое з гэтых пісьменнікаў сабралі свае творы ў адно¹, аглянуліся на пройдзены ў колькі год шлях, перагледзелі здабыткі сваёй працы. Гляньма ж на іх і мы.

Як і ў 1909 гаду, найбольш увагі звяртае на сябе *Я. Купала*; звяртае не толькі велічынёй сваёй здольнасці,

але гібкасцю яе, здатнасцю да ўсестаронняга развіцця. Гэта бадай адзіны наш пісьменнік, каторы ідзе ўперад, вядзе нейкую ўнутраную працу, і, зрабіўшы ці мала, не супыняецца аж да гэтага часу. Каб даць паняцце аб усёй моцы жыццёвых сокаў яго таленту, мы на мінуту вернемся аж да першых крокаў яго пісьменніцкай працы.

Пачаў ён з шурпатах вершаў, амаль не зусім зліваўшыхся з тагачасным слоём беларускай паэзіі; напісаныя пад Бурачка ², залішне расцягненыя, слаба апрацаваныя з боку формы і мовы, яны ўвесь час перапявалі некалькі адных і тых жа тэм. Але не кволасць таленту, а толькі як бы нейкая нядбаласць выглядае зусюль: бо чым, апырч нядбаласці, можна вытлумачыць з'яўленне хоць бы такіх слоў, як «Спалі вас, песні, дым (?) чырвоны (?)» ³ («Жалейка» ⁴, стр. 134), «Гарыста яна» ⁵ (Беларусь) (стр. 102), «*Барабаніў плуг*» ⁵ (стр. 104) і т. д. І ўсё ж такі ці можна за гэта Купалу вельмі вінаваціць? Захоплены абразом прападаючай Беларусі і лічачы, што пясняр перш за ўсё павінен быць грамадзянінам, ён усю ўвагу звяртаў на тое, што казаў, не цікавячыся зусім, у якія формы і як выліваліся яго думкі. І што б там ні было, а ўсё ж такі ён будзіў гэтымі вершамі душы чытачоў, ды і не толькі таму, што ліліся яны з шчырага сэрца і ў роднай мове: не, і тады ўжо ў яго творах відаць было незвычайны паэтычны талент. Не раз і не два прабівалася там яркая і моцная думка, пара-другая поўных пачуцця і зычных вершаў, хаця яны, праўду кажучы, зараз жа і знікалі, быццам і з'яўляліся толькі для таго, каб лепш кідалася ў вочы агульная слабасць вершаў ⁶.

Тое ж самае, здаецца, прыйшлося б сказаць і аб «Адвечнай песні» — паэме, выданай у апошнім гаду, але напісанай яшчэ ў 1908 г. Гэтая пацёрка з невялічкіх гутарак-вершаў зусім збіваецца на «Жалейку»: змест іх той жа самы, форма, праўда, гладзей, але не вельмі ⁷, — і ўсё ж такі яны пакідаюць глыбейшы след у душы чытача; увесь сакрэт гэтага ляжыць у цэльнасці іх, бо размешчаны яны

павэдлуг аднэй і тэй жа думкі і ўвесь час дапаўняюць, падтрымваюць адзін аднаго. Усё жыццё мужыка праходзіць перад нашымі вачыма, і няма там ніводнага моманту, каб не ліліся слёзы, і няма ніводнага пуці да лепшай долі, няма нічога лепшага за смерць... Бязвыхаднасць, безнадзейнасць — вось што чуваць ва ўсёй паэме, што цяжкім камянём кладзецца на душу чытача пасля кожнай пра-
явы⁸. Некалькі іншым тонам напісана толькі «вяселле», — бадай ці не найлепшая частка паэмы. Калі што яму і шкодзіць, дык мо толькі такія словы, як «кадрыля», «парад» і т. п., а ўсё другое — і бойкі рытм, і рыфмы на сярэдзіне строк, і нават нейкая грубаватасць вельмі жывой мовы — усё на сваіх месцах, усё надта добра падабрана да зместу. Што датыкаецца да найслабейшага боку паэмы, дык — на наш погляд — гэта грубы сімвалізм⁹, прыпамінаючы дзе-якія кепскія месцы з твораў расійскага пісьменніка Л. Андрэева.

Але на «Адвечнай песні» Купала не затрымаўся. Так, у палове 1909 г. яго талент, дасюль глуха клакатаўшы пад шэрай карой «Жалейкі», прабіўся на волю і паказаў, якую ён таіць красу і моц, бліснуўшы такімі вершамі, як «Жніво»¹⁰ («Н.〈аша〉 н.〈іва〉»¹¹ № 29), «Ноч за ночкай ідзе»¹² («Н. н.» № 37), «Адгукніся, душа»¹³ («Гусяляр»¹⁴, стр. 10), «А як мы з хаткі выходзім»¹⁵ («Гусяляр», стр. 14), «Зазімак»¹⁶ («Гусяляр», стр. 52), «Памяці С. Палуяна»¹⁷ («Гусяляр», стр. 55) і др. Праўда, вершаў цаліком добрых з боку формы ў Купалы і цяпер яшчэ няшмат, да таго ж і змест іх не адзначаецца асаблівай глыбінёй і надзвычайнасцю, складаючыся з старых грамадзянскіх і горкаўскіх матываў ды з водгукаў так званага мадэрнізму; але ўсё ж ткі талент Купалы ўзрастае, пашырае круг сваіх тэм і ўжо не галосіць (ці — лепей — не толькі галосіць), а ўжо павявае смеласцю, жыццёвай сілай і пагардай. Гэтая перамена зместу адбілася і на форме вершаў Купалы, асабліва на іх важнейшым, усё ажыўляючым нерве — моцна забіўшым рытме. Буйны, шпаркі, ён падмывае, захоп-

люе чытача, гіпнатызуе яго, не дае апамятавацца, затрымацца і нясе яго ўсё далей і далей. Бадай-што ўва ўсіх леташніх вершах Купалы б'ецца ён з вялікай сілай і гуртуе вакол сябе ўсё іншае ў іх. Каб здаволіць яго разгон, канцы строк аж звіняць, з'яўляюцца рыфмы і пасярэдзіне верша, нават словы да яго падбіраюцца зычныя, моцныя; а калі ў мове сталеццамі гнуўшагася беларускага народа не хватае іх, дык Купала ўжывае новыя, выкаваныя ім самім¹⁸, ні ў жаднага нашага паэты няма такога багатага славара, як у Купалы. Мала таго: нават і дзе-якія слабыя бакі яго вершаў маюць прычынай усё тую ж буйнасць моцнага рытму. Захоплены ім, Купала не ацэнівае акуратнасці сваіх слоў, кідаецца да першых папаўшыхся і нярэдка прыносіць сэнс верша ў ахвяру яго зычнасці. Лепшы прыклад таму — даволі харошы верш «За годам год»¹⁹ («Гусляр», стр. 21), збудаваны на адназычнасці, на паўтарэнні адных і тых жа рыфмаў і слоў, чым ён вельмі прыпамінае бармаганне якогася цёмнага загавору (глядзі так жа верш «Гусляр»²⁰ — стр. 5 і др.). Яшчэ непрыемней робіцца, калі Купала пробуе туману сваёй думкі прыдаць від асаблівай глыбіні, як, напрыклад, у вершы «Знямога»²¹ («Гус.» стр. 20). Хай добрай перастрогай для шануюнага пісьменніка будзе доля вельмі падобнага да яго расійскага паэты С. Гарадзецкага, каторы якраз на такіх вершах загубіў свой свежы талент²².

II

Другім цікавым з'явішчам у беларускай пісьменнасці апошняга года была кніжка твораў Я. Коласа — «Песні жалбы»²³. Цэльнай выглядае яна па светагляду, моцна зросшыміся адзін з адным здаюцца яе вершы, але ёсць у ёй і якаясь акамянеласць: на працягу аж 4-х гадоў Колас не зрабіў значнага кроку ўперад і ў самых апошніх вершах пяе аб тым жа і так жа, як і ў пачатку сваёй працы. Ведама, турэмнае жыццё²⁴ не дае яму развівацца і павя-

лічыць круг сваіх тэм. А іх у Коласа вельмі мала: бедныя абразы роднага краю, доля нашага народа, турэмныя думкі і жыццё — вось, здаецца, і ўсе тэмы яго твораў. Ужываючы іх бадай шмат разоў, ён не можа не паўтарацца не толькі ў агульным змесце вершаў, але і ў асобных фразах і абразях²⁵.

Напрыклад, яшчэ ў № 3 «Нашай долі»²⁶ (1906 г.) мы читалі, што «На камінку корч пылае»²⁷, але зусім гэтак жа пылае ён і ў вершы «Маці»²⁸, гляньма на верш «У школы»²⁹ і там пабачым «Ярка на камінку смольны корч пылае». Гэтакія паўтарэнні яшчэ болей павялічваюць аднатоннасць вершаў, і без таго не блішчучых ані красой формы, ані яркасцю мовы, ані абразнасцю зместу. Асабліва даецца ўсё гэтае ў знакі ў *апісаннях* (на наш пагляд — самай слабай часткі зборніка), бо як артыст-маляр Колас не стаіць вельмі высока, і не ў пекнасці формы, мовы ці малюнку хаваецца цэннасць яго вершаў, але ў праўдзівай — далёкай ад усякай фальшы — любові да бацькоўшчыны; гэтая любоў, як цудоўная жывая вада ў казках, ажыўляе іх і робіць роднымі, блізкімі ўсякаму, у кім яшчэ ёсць душа жывая, хто не забыўся аб долі свайго народа, а мо і сам перажывае апісанае ў гэтых вершах. На жаль толькі, выключна лірычны талент Коласа рэдка падымаецца да асаблівай сілы пачуцця; але там, дзе мог развярнуцца лірызм паэта, разбуджаны жывымі праўдзівымі пачуваннямі (гл. у «Песнях жалбы» аддз. «Думкі», «З турмы»), — там ёсць і такія рэчы, як «Песня нядолі»³⁰, «Восенні дождж», «Гусі», «Восень», «Ўюцца думкі», «З турмы»³¹ і інш. Можна б паказаць, што там ці сям паміж іх спатыкаюцца русіцызмы, што апошні верш нагадвае А. Талстога («Край мой, край...»), але гэта ўжо драбніцы, і, нягледзячы на іх, памянёныя вершы, як і сам Колас, павінны заняць пачэснае месца ў нараджаючайся беларускай пісьменнасці.

Руху ўперад няма і ў жартах А. Паўловіча; куды ні зірні — усё той жа куртаты змест, гумар каторага зусім

знікае ў надзвычайна расцягнутых вершах, усё той жа валючыся з ног рытм, тыя ж абы-як толькі падабраныя рыфмы. Ёсць і русіцызмы, ёсць і зусім незразумелыя месцы. Мусіць, і сам Паўловіч разумее духоўную і артыстычную беднасць сваіх вершаў, бо, згуртаваўшы іх летась у зборнічак «Снапок», шмат чаго туды і не памясціў; але і пасля гэтага вартасць кніжкі асталася вельмі невялікай. Праўда, ёсць у ёй і добрыя бакі: першае (што можна сказаць і аб усіх нашых пісьменніках),— ён так ці сяк, але апрацовывае беларускую мову і, працуючы ў ёй, нават і слабым вершам дае беларускаму чытачу болей, чым добры, але чужаземны паэт. Апроч таго, ёсць у Паўловіча колькі вершаў, каторыя сведчаць, што ён мае змогу быць праўдзівым паэтам, толькі шмат працы трэба для гэтага і над формай верша і над развіццём свайго духоўнага зместу.

Што да Багдановіча³², то і ў ім непрыкметна шпаркага развіцця, хоць асобнасці яго таленту выступаюць ужо даволі ясна. Гэта паэт-маляр. Слабы як лірык, ён усю сваю ўвагу звяртае на абразнасць зместу вершаў і разам з тым клапаціцца аб згушчонасці яго, спадзяваючыся прыдаць ім праз гэта асаблівую сілу, але, сціснутыя павэдлуг такіх заходаў, вершы іншы раз заміж малюнка даюць якісь абрываўк яго. Што варта гэтая праца, сказаць пакуль што цяжка, а таму, адзначыўшы даволі шырокі круг тэм у гэтых вершах і бледнасць мовы іх, я перахаджу да другарадных паэтаў.

Ёсць тут і даўныя знаёмыя (А. Гарун, Г. Леўчык, Стары Улас, перапяваючы Коласа, Ц. Гартны), ёсць і некалькі новых імён (Чарнышэвіч і Піліпаў), але ніхто з іх не даў нічога асабліва яркага³³. Лепшыя вершы Гартнага і Леўчыка — у «Календары»³⁴. Адна толькі Канстанцыя Буйла абяцае развіцця ў праўдзівы асабісты талент³⁵. Як мы бачым, рух, аб каторым гаварылася ў пачатку стацці, адбіўся і тут: лік другарадных пісьменнікаў значна павялічыўся; ёсць перамены і ў змесце вершаў, каторыя ўжо

кіруюцца да новых матываў і дзеля гэтага робяцца больш рознакалёрнымі. Што ж датыкаецца да паэтаў-аднаднёвак, то іх у апошнім гаду бадай што не было, а тыя, што і з'явіліся, давалі найбольш добрыя рэчы («Н. н.», 1910 г.— гл. Каганец, Крапіўка, Будзька³⁶ і інш.).

Урэшце, адзначым скончанае летась выданне «Беларускіх песняроў»³⁷ і зборнік народных песняў (сабраў Грыневіч)³⁸, цікавы і з артыстычнага боку. Наогул, надрэнную памяць пакінуў па сабе мінулы год у гісторыі нашай паэзіі.

III

Пераходзячы да апавяданняў, адзначым перш за ўсё двух пісьменнікаў: Власта і Ядвігіна Ш. Вакол іх згуртаваліся чужыя не ўсе нашы аўтары апавяданняў, вытварыўшы павэдлуг гэтага два асобныя слаі: адзін складаецца з невялічкіх рэчаў, каторым і назовы ніяк не падбярэш: апавяданне — не апавяданне, думкі ўслух — дык не тое... адным словам, нешта збіваючаеся крыху на так званыя «вершы ў прозе». Найчасцей можна знайсці там апісанне прыроды і выкліканых яе відам думак, але ўсё гэта бледна, нудна, бяскрыла; да таго ж аўтары іх маюць небагата духоўнага зместу. Адзін толькі Власт здалеў даць у сваіх абразках нешта цэннае³⁹. На жаль, ён іншы раз даволі моцна нагадуе польскіх мадэрністаў (гл. «Мары»), у бытавых жа апавяданнях губіць лепшы бок свайго таленту — сумную паэтычнасць. Але бывае, што на апісаннях нашага шэрага жыцця адбіваецца лірычны пад'ём душы пісьменніка і ўплятае ў вянок нашай літаратуры свежы яркі цвяток (гл. ап. <авяданне> «Лебядзіная песня»).

Другі слой склаўся з жартаў, развітых у дробныя апавяданні. Вартасць лепшых з іх — у жывасці мовы, у пэўным апісанні народнага быту, у тым, што яны папраўдзе караняцца ў народным творчасце і толькі разві-

ваюць яго, уліваюць у літаратурныя формы, а таму яны блізкі і зразумелыя народу.

Лепшай спадчынай, дастаўшайся нашай літаратуры леташняга года ад гэтага кірунку, былі бойкія казкі-аповяданні Ядвігіна Ш. (напісаная другім тонам «Бязрозка» выйшла слабей)⁴⁰, ды яшчэ дзе-якія рэчы другіх пісьменнікаў («Ахвяра»⁴¹ Гурло і др.). Сюды ж трэба далажыць і некалькі аповяданняў, па зместу свайму блізкіх да народнай мудрасці («Гарэлка»⁴² Я. Окліча, «Казка не казка»⁴³ Н.). Хоць і невялічкія гэта здабыткі, але і тут адбіўся агульны ўзрост нашай пісьменнасці.

Урэшце, з нараджэннем тэатра з'явілася і яшчэ адно наслаенне яе — беларуская драма, праз каторую першы раз наша мова люнула моцнай хваляй з вёскі ў места.

З розных драм, напісаных у беларускай мове, летась прадстаўлялі «Моднага шляхцюка»⁴⁴ К. Каганца і перакладную «Па рэвізіі»⁴⁵ і «Не розумам паняў, а сэрцам»⁴⁶.

Ёсць у нашай літаратуры і яшчэ адна драма — драма жыццёвая. 8 апрэля абарваў жыццё сваё на дваццатай вясне Сяргей Палуян⁴⁷; а якая любоў да Беларусі таілася ў яго сэрцы, які шырокі, многабачны талент загінуў з яго смерцю — гэта можна зразумець і з глыбока сімвалічнага, напоўненага душэўным болям аповядання «Вёска»⁴⁸, і з другой рэчы — «Хрыстос уваскрос»⁴⁹, дзе на ўсім працягу б'еца хваля напружанага пачуцця.

Моцна ціснула маладога пісьменніка сучаснае грамадзянскае жыццё, ды не пакарыўся ён яму і за гэта заплаціў сваёй смерцю. Не забудзема ж яго ў час барацьбы і абдалення⁵⁰, але няхай у нас прабуджаецца разам з тым і святая гордасць: наша пісьменнасць неразвітая і каравая, але вялікім пачуццём напоўнена ўсё яе цела, не на грашовых справах трымаецца яна і ніколі не пойдзе чысціць боты капіталу!

САНЕТ

Тэарэтычна-гістарычны нарыс

Паняцце аб санеце дасюль яшчэ астаецца даволі зыбкім, цякучым, дасюль яшчэ яно не застыгла, не ацвярдзела, не атрымала акончаных форм. З аднаго боку, самі паэты па няведзенню альбо і па нядбаласці ўсякімі licentiis poetis¹ не давалі яму скрышталізавацца, зрабіцца болі ўстойчывым; з другога — рознымі тэарэтыкамі пісьменнасці развіваліся не зусім адзінакавыя пагляды на дзеякія бакі гэтай краснай формы. Але ўсё ж ткі было ў ёй і некалькі рэчаў, пад каторыя ніхто не прабаваў падкапацца, бо разам з імі рухнуў бы і ўвесь стройны санетны гмах. Звярнуўшы ўвагу да іх, мы можам сказаць, што санетам называецца верш, складаючыся з чатырнаццаці напісаных пяцістопным ямбаў строк, у каторых мужскія рыфмы чарадуюцца з жаночкімі і маюць такі парадак: *abbaabba ccdede*. Праўда, для апошніх шасці рыфм шмат кім дапускаецца якое ўгодна размяшчэнне, але строгія тэарэтыкі, як, напрыклад, Сент-Бёў альбо Ляконт дэ Ліль, адмаўляліся лічыць санетамі гэтакія вершы. Адзначанага ж чарадавання трымаліся і такія майстры пісьменніцкага цэху, як слаўнаведомы ў свой час паэта Малерб. Таго ж будзем трымацца і мы.

Намі зроблены агульны абрыс санетнай формы. Усе іншыя элементы яе караняцца ўжо ў гэтым асноўным ядры, гуртуючыся вакол яго. Паглядзім жа, наколькі глыбока і моцна ўвайшлі іх каранні ў свой грунт.

Мы бачым, што першыя восем строк санета скаваны між сабой ланцугом адзінакавых рыфм, знітаваны імі ў

нешта цэльнае, звернуты ў нейкі паэтычны маналіт; а каб гэтая знітоўка была мацнейшай, каб пачатак верша не расслаіўся на два зусім незалежных куплеты,— апошняя канцоўка першага з іх і пачатковая другога павінны быць аднолькавымі. Стаячыя ж далей ужо новыя рыфмы павінны зрабіць глыбокую трэшчыну паміж гэтым кавалкам і ўсім астатнім. Значыцца, санетная форма распадаецца на дзве асобныя часці, што *вымагае і ад зместу* кожнай з іх як *скончанасці*, так і *незалежнасці*. Калі ж бы ён перапляснуў за край уласнай формы, прарваў яе гаць і ўліўся ў межы другога кавалка,— пекнасць верша была б адразу папсавана; форма і змест яго зрабіліся б чужымі, непрыстасаванымі, нязгоднымі, змагаючыміся між сабой, увесь час шкодзілі б яны адзін аднаму збудзіць у чытача пачуццё красы і нават забівалі б яго. Такім парадкам, пэўна напісаны санет, быццам арэх-спарыш, павінен хаваць пад адной скарлупой два асобныя, хоць і шчыльна сціснутыя між сабой ядры. Углыбляючы сваё значэнне, гэтая будоўля верша адціснула ўласную пячаць і на характары зместу кожнай з дзвюх яго часцей. Павэдлуг гэтага ў першых васьмі строчках развіваецца тэма санету, а ў астатнім — заключэнне да яе; ставіцца пытанне і даецца адказ; малюецца абразок і выкладаецца паясненне к яму. А каб пабольшылася свежасць вытваранага такім парадкам санета, трэба каб ні адна нітка з яго тканіны, ні адна цагліна з яго гмаху, ці прасцей кажучы, ні адно слова з яго не ўжывалася болі разу. Толькі пасля здавальнення ўсіх гэтых вымог здолее з’явіцца тая высокая краса, пры каторай, як кажа класічны верш Буало, «un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme»² («пэўна напісаны санет варт цэлай паэмы»).

ПОЭЗИЯ ГЕНИАЛЬНОГО УЧЕНОГО

И поэзия, и наука имеют, в конце концов, одну и ту же общую цель: удовлетворение познавательной потребности человека. Положение это настолько прочно установлено в современной поэтике, что я считаю излишним более подробно останавливаться на нем. Следует лишь оговориться, что формы, в которых они закрепляют свои достижения, не только не тождественны, но даже противоположны. Наука дает схему, формулу; поэзия — живой, конкретный образ. Однако уже в методах, которыми оперирует каждая из них, мы не находим столь твердой разграниченности. Правда, в поэзии преобладающей стихией является интуиция, а в науке — логическое умозрение, неторопливо лепящее один вывод к другому. Но ведь это последнее не чуждо и поэтическому творчеству, а интуиция и в научных открытиях играет крупную роль. Да и помимо этого мы не видим причин, почему бы поэзии и науке не идти рука об руку. Ведь именно таково было их взаимоотношение на заре человечества, когда люди не менее пытливы, чем теперь, спрашивали себя:

Отчего зачался у нас белый свет?
Отчего у нас солнце красное?
Отчего у нас млад-светел месяц?
Отчего у нас зори ясные?
Отчего у нас звезды частые?
Отчего у нас ночи темные?
Отчего у нас дробен дождичек?

Наши пращуры знали, какой ответ нужно дать на эти вопросы, ибо тогда всем доподлинно было известно, что «ночи темные от дум Божиих», «светел месяц от очей его», «и буён ветер от дыхания Божьего», «дожди дробные от слезы его». Это, конечно, поэзия, но ведь это в то же время и, так сказать, натурфилософия, подводившая итоги народным воззрениям на природу и в народной среде игравшая роль именно того, что мы называем научной истиной.

В эту эпоху, как мы видим, наука и поэзия не находились между собою в противоречии, и духовный мир человека отличался необыкновенной цельностью. В настоящее время мы этого не наблюдаем. Наоборот, наука и поэзия идут каждая своим путем, без малейшего контакта между собой. Наше поэтическое мировоззрение совершенно оторвано от мировоззрения научного; они чужды друг другу, не согласованы между собой; эволюция в одной из этих областей не оказывает ощутительного влияния на состояние другой, и, в конце концов, наша духовная сфера оказывается расколотой надвое.

Неудивительно, что мы наталкиваемся иной раз на попытки сблизить эти разъединенные области, установить между ними связь и взаимодействие, чтобы как та, так и другая шли в своем поступательном движении, так сказать, «в ногу» и даже поддерживая друг друга. Так, например, во Франции в наши дни существует возбуждавшая некоторые надежды школа «научной поэзии»¹, поставившая себе именно эту цель. Однако совершенно напрасно полагают лица, объединившиеся в указанном течении, что они сказали миру какое-то «новое слово». Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы Гете — великого поэта и крупного ученого, между поэтическими откровениями которого и его научным мировоззрением существует бесспорная связь. Но еще ярче и еще раньше эта связь проявилась у другого великого человека — Михаила Васильевича Ломоносова. По отношению к некоторым его произведениям уже вполне применимо название «научной

поэзии» и притом именно к тем из них, которые могут преимущественно перед всеми другими претендовать на титул «поэзии». Их и следует признать основным ядром поэзии Ломоносова, той ее сердцевиной, которая заслонена от наших глаз толстым слоем шероховатой коры.

*
* * .

Литературное наследие Ломоносова не слишком разнообразно. «Ода на взятие Хотина»², десятка два с лишним придворных од, составление которых едва ли не входило в служебные обязанности Ломоносова; свыше пятидесяти мелких «надписей» (частью переводных), о которых следует сказать то же самое; десяток стихотворных переложений псалмов — излюбленное занятие многих поэтов этого времени; некоторое количество сатир, образчик басни, образчик эпистолы («Письмо о пользе стекла»³), образчик идиллии, образчик героической поэмы («Петр Великий»⁴), несколько переводов и образцов стиха да пара сработанных по заказу трагедий⁵ — вот и все, что нам осталось от Ломоносова. Все это было в свое время для нас и ново и нужно в качестве образца, но все это не выходило из пределов шаблона, выработанного в Западной Европе, с поправкой применительно к условиям нашей жизни. Думается даже, что эта верность шаблону могла быть преднамеренной у Ломоносова, являясь результатом стараний дать на русском языке именно то, что имелось в прочих «европских землях». С другой стороны, казенный, полуслужебный характер этой поэтической работы должен был исключать возможность душевного горения, возможность творчества⁶. В самом деле, произведения Ломоносова свидетельствуют о наличии у него довольно примечательного мастерства, в них найдется не мало хорошо сработанных стихов и выразительных фраз, но почти нет самого главного — живительного веяния поэзии. Лишь две вещи представляют собою яркое исключение из этого

правила, а именно: «Утреннее» и «Вечернее размышление о Божием величестве»⁷. Как то, так и другое написаны Ломоносовым по собственному почину, а не по обязанности: вот почему здесь сказалась его творческая душа.

Это была душа гениального ученого, великого провидца природы. Энциклопедист по своим познаниям, он обладал инстинктами Колумба, он постоянно стремился к новым и новым открытиям и достижениям. Широта знаний и еще большая широта воображения позволяли ему рисовать грандиозные картины космоса, создавать смелые гипотезы, которым было место если не в науке, то в поэзии. Помните ли вы торжественное: «С полночных стран встает заря»?⁸ Именно здесь было запечатлено гениальное прозрение о происхождении северных сияний из трения холодных и теплых частиц воздуха. Над обоснованием этой гипотезы Ломоносов стал работать много позже, а в то время он и сам еще сомневался в ее верности:

Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Итак, перед нами пример научной интуиции, умственного озарения, опередившего медленное, экспериментальное исследование вопроса и закрепленного в поэзии. Но еще более примечательны космические картины Ломоносова, для создания которых было так ценно сочетание в его духовном облике одновременно и ученого и поэта. Будь нам возможно взлететь к солнцу, пишет Ломоносов,—

Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно океан.
Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.
Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна...⁹

И нечто тютчевское¹⁰ слышится в другом варианте этой последней мысли:

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом, как перо, огне,
Так я в сей бездне углублен!..¹¹

. . . . .

[1911]

КАРОТКАЯ ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСКАЙ ПІСЬМЕННАСЦІ ДА XVI СТАЛЕЦЦЯ

§ 1. Дасюль яшчэ навука, далёка ўрыўшыся ў глыб мінулых гадоў, не здолела высачыць да канца цікавае перапляценне ўросшых у дагістарычную глебу каранёў, на каторых трымаецца «трыедзінае»¹ дрэва расійскага народа². Ужо тое ж, што абрысавалася перад намі праз імглу сталеццяў на самым гістарычным гарызонце гісторыі, зліваючыся з вобласцю невядомага, сведчыць аб культурным драбленні расійскіх славян. Ужо з самага пачатку распадаліся яны на шмат народцаў, кожны з каторых меў асобны грамадзянскі лад, асобныя звычаі і, напэўна, адменнасці ў гаворцы. Але патроху гурткі плямён, жыўшых пры адзінакавых геаграфічна-кліматычных варунках, сціскаліся імі ў адно цэлае, меўшае адзінакавы эканамічны і грамадзянскі быт, мову і так далей; з другога ж боку, і мяжа, раздзяляючая гэтыя краёвыя культуры, углыблялася ўсё болей і болей павэдлуг развіцця крышталізацыі іх, павэдлуг пашырэння і ўмацавання асобнасцей кожнае часткі ўсяго краёвага масіва. У ходзе гэтых двух напаўняўшых адзін аднаго рухаў ужо к канцу трынаццатага сталецця адліліся ў даволі ўстойчывыя формы чатыры рускія народы³: беларускі (каторы склаўся з плямён крывічоў, дрыгавічоў, радзімічаў і дулебаў⁴), велікарускі, украінскі і наўгародскі⁵. У гэтую ж пару дайшлі яны і да гасударственнага расстання: украінцы на доўгі час былі вычаркнуты татарскімі набегамі з кнігі жыцця, а ўсё астатняе пачало гуртавацца ўкруг двух незалежных ядзер — Літвы і Масквы, шпарка абрастаўшых вакольныхымі вобласцямі. Маскве выпала на долю быць цэнтрам

вырабляўшагася тады з славян ды фінаў велікарускага народа, яшчэ не меўшага моцных каранёў у засялёным ім краю, страціўшага амаль не ўсе звязкі з мацярынскай кіеўскай культурай і прымушанага новымі варункамі жыцця будаваць свой быт на іншых асновах. Беларускі ж народ, цалкам увайшоўшы ў Літоўскае гасударства⁶, развіваўся, як і раней, на старым карані, вытвараючы такім парадкам культуру, незалежную ад культуры велікарускай і з самага ж пачатку адражняўшуюся ад яе. Адным з бакоў гэтага развіцця быў узрост беларускай пісьменнасці, каторая з таго часу патроху становіцца на пэўны грунт.

§ 2. Спачатку на Беларусі, як і ў іншых расійскіх краях, пісалі толькі так званай царкоўнаславянскай мовай, каторай, аднача, ніякі славянскі народ не гаварыў. Занясло яе да нас хрысціянскае духавенства, браўшае патрэбныя для царквы кнігі ад балгар і сербаў, бо расійскія славяне ўласнай граматы вытварыць не здолелі. Пісаліся ж гэтыя кнігі царкоўнаславянскай мовай, каторая можа, і мела б права называцца ў свой час агульнарасійскай, бо калісьці ўжывалася ўсімі граматымі рускімі людзьмі. Найвялікшую частку іх складалі асобы з духавенства, іншы раз не расійцы родам і, канешне, узгадаваныя ў царкоўнай славяншчызне. Гэтае апошняе наклала яркае кляймо на тагачасную пісьменнасць: яна амаль што не ўся ўкладывалася ў вузкія рэлігійныя межы; новыя галіны яе, як, напрыклад, летапісі альбо творы да гасударственнага пажытку, вырабленыя кніжнікамі для кніжнікаў, з'яўляліся ўсё ў тэй жа царкоўнаславянскай мове⁷. І доўга, як нікчэмны пясок, наносным, асобным, маруда зліваючымся слоём ляжала гэтая пісьменнасць на сваім тлустым падглеб'і — народнай гаворцы, — але зусім не злівацца яны не маглі. Увесь час у кніжную мову прасачывалася, урастала народная і, павэдлуг абасаблення трох расійскіх культур, разрывала яе на тры часці, кожная з каторых вырабляла ўласны нацыянальны выгляд. Такім парадкам фарміраванне нашай пісьменнасці

было марудым, але ўсё ўзрастаючым усасываннем краёвай царкоўнаславянскай пісьменнасцю беларускіх народных слоў і зваротаў, каторыя, накапліваючыся на працягу сталеццяў, нарэшце, у корані перарабілі яе. Але была і яшчэ адна пучына: з цёмных глыбін народнай творчасці магла ўсплыць наверх і адзначыцца на соннай гладзі пісьменнасці тая альбо іншая рэч. Зрабілася такое здарэнне, праўда, толькі адзін раз, але з яго і пачынаецца гісторыя беларускай пісьменнасці.

§ 3. У 1795 гаду быў знойдзены маскоўскі зборнік (XVI сталецця), у каторы паміж іншым увайшло і «Слова аб палку Ігараве»⁸, вытваранае каля XII века на Паўдзённай Русі. Яно неакуратна злеплена з рознакалёрных, незалежных адзін ад аднаго кавалкаў, з'яўляюшыхся ў розныя часы і ў розных месцах; папалі туды і два заходнерасійскія паданні, так жа сама не маючыя нічога супольнага з аснаўным ядром «Слова» і, безагаворачна, прымазаныя да яго, як калісьці ўмазвалі вялізныя каменні ад старадаўніх разваліюшыхся муроў у пазнейшыя будоўлі. Абодва яны пачалі ўжо перарабляцца ў песні, калі былі на паўпучы зупынены і недаразвіўшыміся засушаны на паперы, як цвяткі якогась гербарыя. Але і такімі квяпцям нас гэтыя творы, дзе, нагадваючы асобнасці заговораў, пад наплывам чуцця знікае звычайнае сцапленне слоў, усюды прабіваецца хоць і змяняючыся, але напружаны рытм, выклад робіцца сціснутым, мова моцнай, і ўжо пачынаюць фарміравацца пекныя вобразы. Пазнаёмімся ж з абодвымі гэтымі заспіраванымі зародышамі, зберагаўшыміся сотні год.

Песня пра князя Ізяслава, каторы «пазваніў мячамі аб шаломы літоўскія ... а сам, ізрублены, пад чырвонымі шчытамі, на крывавай траве, усхапіў на гэтае ложка славу і прамовіў: «Дружыну тваю, княжа, скрыдлы птах прыадзелі і звяры кроў палізалі». Песня гэта наўсягды астанецца надзвычайным прыкладам згушчонасці пачування, сціснутасці руху выкладу. Быццам стрымовываючы

кожным словам душэўнае хваляванне, расказана цэлая жыццёвая драма і расказана так, што нічога не можна прыбавіць альбо адкінуць.

Другая *песня-казка* апавядае ўжо пра князя *Усяслава*, каторы «атварыў вароты Ноўгарада, расшыб славу Яраслававу і датаркнуўся кап'ём да залатога трону Кіеўскага»⁹; яна, праўда, не мае такой стройнасці ў агульнай будоўлі выкладу, як першая, але затое проста перапоўнена вобразамі і сраўненнямі, каторыя ўсе — з пачатку да канца — узяты з мужыцкай глебы, з быту народа-земляроба, пракладваючага свае боразны сярод бяскрайных лясоў; толькі ён, загублены ў драмучых пушчах і балотах, мог на працягу некалькіх строк столькі раз успамянуць адзін і той жа выраз «скакнуў лютым зверам», «скакнуў воўкам», «воўкам рыскаў», «воўкам пуціну перабягаў». Толькі народ, усімі думкамі, усім рухам жыцця свайго прыкуты да хлебаробства, мог апісываць бітву ў такіх словах: «На Нямізе (рацэ) снапы сцелюць галавамі, малоцяць цапамі харалужнымі, на таку жыццё кладуць, веюць душу ад цела. Нямігі крывавыя берагі не збожжам былі пасеяны — пасеяны касцямі рускіх сыноў». Вось да якой моцнасці і вобразнасці выкладу дайшоў беларускі мужыцкі народ, вось якія краскі паэзіі ўзрасталі калісьці на яго палях!

§ 4. Кінуўшы, такім парадкам, погляд на два заходне-расійскія каштоўныя каменьчыкі-самародкі, устаўленыя ў штучную аправу «Слова», пабачыўшы тое, што дала народная гаворка для нашай пісьменнасці,— звярнема ўвагу і на другую яе часць, уфундаваную ўжо на «общерусской» царкоўнаславянскай мове. Першае, што тут кідаецца ў вочы — гэта брак паэтычных твораў, усюды раджаючыхся толькі ў кашульцы роднага слова. Гляньма шырэі — і бачым агульную кволасць пісьменніцкай творчасці, заглушанай чужым, мёртвым языком, каторы, як магільны камень, ціснуў яе, не даваў ёй выпрастацца, развіцца і ўшыр і ўглыб; таму ўзрост даўнейшай нашай

пісьменнасці — гэта ўзрост перш за ўсё перапіскі ды перакладаў розных старэйшых твораў, гэта, далей, узрост пераробкі іх і толькі на апошнім месцы — узрост творчаскага труда. Толькі выпадкова можна пабачыць запісаным на яе скрыжалях імя таго альбо іншага пісьменніка; рэдка на якой цалі яе шэрай тканіны быў накладзены штэмпель часу і месца выработки. Адны і тыя ж рукапісы знаходзіліся як у Кіеве, так і ў Полацку і ў Уладзіміры, вытвараныя, напрыклад, у XI — XII стагоддзі, чыталіся і перапісваліся нават цераз колькі сот год. Такім парадкам, аглядаючы гэтыя творы, не знітованыя з адным якімсь іменем, часам альбо краем, мы павінны будзем гуртаваць іх толькі па зместу, не звяртаючы ўвагі на месца і на пару з'яўлення. Але тут жа адмецім, што развіццё беларускай пісьменнасці ішло чым далей, тым усё больш бардзеючым крокам і павялічывалася не ў арыфметычнай, а ў геаметрычнай прагрэсіі: так камень, ідучы да дна соннага става, робіць на яго люстранай гладзі спачатку ледзьве відны, але што раз болей пашыраючыся круг; такім жа парадкам узрасталі і нашая пісьменнасць. Уважаючы на гэтае, мы разаб'ем яе на два неадзінакавых па сваёй велічыні і разнабочнасці кавалкі, першы з каторых павінен будзе ахапіць XIII і XIV стагоддзі, а другі — толькі XV-е.

§ 5. Старэйшым з дайшоўшых да нас заходнерускіх рукапісаў дасюль астаецца дагавор, зроблены між Рыгай і смаленскім князем у 1229 г.¹⁰, — першы з даволі доўгай чаргі, у каторай месца падупаўшага Смаленска хутка заняў Полацк. Апроч таго, мы маем яшчэ крыху розных граматаў: жалаваных, дагаворных, укладных, клятвеных і інш., — а ўсяго твораў, прыстасаваных да гасударственнага пажытку і з'явіўшыхся на працягу двух стагоддзяў (XIII і XIV), меецца цяпер каля 40; урэшце, збераглося яшчэ пяць рэлігійных кніг — 2 спіскі Псалтыры і 3 Евангелля¹¹. Гэтым і абмяжовываецца ўвесь спадак, дастаўшыйся нам ад абодвух першых вякоў жыцця нашай пісьменнасці. У параўнанні з ім можа здавацца добрым тое

палажэнне, у каторым яна знаходзілася на працягу XV сталецця¹². К гэтаму часу Вялікае княства Літоўскае даволі цвёрда ўстанавіла свае межы, і беларуская зямля рэзка абасобілася ад зямель маскоўскіх, так што ўсе стасункі між імі, якія і былі раней, на доўгі час абарваліся бадай што зусім. Таму ўмацовываўшаяся тады маскоўская пісьменнасць павінна была доўгі час расці і развівацца без жаднага звязку з пісьменнасцю беларускай, палажэнне каторай, як мы ўжо ўказывалі, палепшылася ў параўнанні з папярэднімі часамі; прычынай гэтага пад'ёму трэба прызнаць узмацаванне некалькіх важных з'явішч, каторыя ўзрасталі, падтрымовываючы ўвесь час адзін аднаго. Першае, к тэй пары беларуская народная культура ўжо вырабілася ў аснаўных чартах, ужо адстаялася, пачала ацвердзяваць. Будучы больш развітай ад культуры літоўскай, яна пераважыла гэтую апошнюю на вагах гісторыі, так што ўсё гасударственнае жыццё Вялікага княства адбывалася ў беларускіх нацыянальных формах,— літоўскім было тут адно толькі названне, адзін толькі этыкет; на беларускай гаворцы ішоў суд, пісаліся акты і граматы, вяліся перагаворы з чужаземнымі гасударствамі; па-беларуску размаўлялі і вялікія князі і баяры, нават літоўцы родам, бо абеларушыванне іх ішло тады поўным ходам; звычайна, што свае духоўныя патрэбнасці яны задавальнялі з кніг у беларускай мове, каторая, да рэчы сказаць, ужо нямала вымыла з іх царкоўнай славяншчыны; поруч з тым і самы лік кніг¹³ павялічыўся, бо цяпер іх было можна ўжо лягчэй зразумець, ды і людзей, прыхільных да чытання, патроху прыбывала. Павэдлуг гэтага пад'ёму ў пісьменнасці і рукапісаў, належачых да XV сталецця, дайшло да нас значна болей чым ад папярэдняга. Адных грамат налічваецца каля 9 дзесяткаў; паміж імі асаблівую ўвагу на сябе звяртаюць два статуты, з каторых першы дан каралём Уладзіславам II¹⁴ між 1420—1423 гадамі, а другі — каралём Казімірам Ягелонавічам у 1468 гаду¹⁵. Разам з тым пачалі пашы-

раца і непрызначаныя да гасударственнага пажытку творы, з'яўляўшыся часцей за ўсё згуртаванымі ў розныя зборнікі. Аглядаючы іх, з рэлігійных рэчаў прыйдзеца адмеціць два спіскі растлумачанай Псалтыры (Евангелля няма зусім)¹⁶, а так жа сама — вучыцельную пісьменнасць: паўчэнні Яфрэма Сірына і Кірыла Іерусалімскага «Сабранне слоў паўчыцельных», «Грыгорыя, папы рымскага, гутаркі»¹⁷ і інш. — усё найбольш пераклады. У асобны кут трэба аддзяліць вельмі лічныя працы рэлігійна-гістарычныя, меўшыя ў свой час і навучную вагу, што дае пачасці адгадку незвычайнай прыхільнасці да іх чытачоў. Тут на першым месцы мы будзем павінны паставіць чаргу зборнікаў, зумысля прыстасаваных да толькі што памянёнай мэты; паміж імі вядомыя «Чэцы-Мінеі», дайшоўшыя да нас у некалькіх спісках¹⁸, і так званы «Пралог» апавядалі аб розных святых, гуртуючы апісанні іх жыцця па месяцам і нават дням; тое ж самае, толькі абэцадлавым шыхам, выкладаў «Патэрык», празваны ад гэтага «азбучным» («абэцадлавым»); урэшце, меўся яшчэ «Патэрык Іерусалімскі». Усе яны мелі жэраламі сваімі падобныя ж грэцкія зборнікі. З іншых рэчаў гэтага ж кірунку назавём жыццёапісанне Іаана Златавуснага¹⁹, «Казанне аб багародзіцы»²⁰ і два безымянныя зборнікі: у адным знаходзіцца апавяданне пра мучэнні, смерць і ўваскрэшэнне Хрыста, пра пакланенне яму трох каралёў і пра Аляксея — божага чалавека²¹. У другім — тое ж самае, але апошняй стаці няма. З твораў чыста гістарычных да нас дайшоў пераклад вядомай грэцкай «Летапісі Іаана Малалы»²² і арыгінальны «Летапісец расійскіх цароў»²³, каторыя былі памешчаны ў адзін зборнік; апроч таго мецца «Летапісь вялікіх князёў Літоўскіх» з дакладзенымі да яе трыма іншымі гістарычнымі стацямі²⁴; урэшце, трэба згадаць так званую «Летапісь Аўраамкі»²⁵, склаўшуюся з некалькіх незалежных часцей: самай летапісі, займаючай болі 300 стр., спіска расійскіх князёў, судзебнага зборніка, ізноў гістарычнага пералічэння князёў, паі-

менавання мітрапалітаў і, урэшце, кароценькай летапісі Літоўскага гасударства, выкладзенай на 14 старніцах. Гэтым і канчаецца гістарычны адзел нашай пісьменнасці, а разам з ім і навучны, бо між імі тады можна было смела паставіць знак роўнасці. Але, хоць і аднабока развітая, навука ў нас усё ж ткі была і знаходзілася ў лепшым палажэнні, чым бяздольная красная пісьменнасць, да каторай не можна залічыць жаднай з меючыхся цяпер тагачасных кніг. Праўда, і ў іншых заходнееўрапейскіх землях духоўная творчасць тэй пары ішла ў гэтым напрамку надта слаба, і там, як у нас, уся грамада чытачоў і пісьменнікаў была ўзгадавана свяшчэннікамі і манахамі і ў вялікай часці складалася з іх саміх; сярод гэтых людзей, лічыўшых грахоўнымі і нярэдка выкараняўшых хараводы, песні і жыццярадасныя апавяданні, прыгожая пісьменнасць, вядома, развіцца не магла. Але ў нас была і яшчэ адна рэч, мяшаўшая яе нараджэнню і ўзросту,— гэта абломкі царкоўнаславянскай мёртвай мовы, яшчэ даволі густа заграмаджаўшыя тагачасныя кнігі і не даваўшыя ў пісьменнасці вольнага ходу духоўнай творчасці беларускай нацыянальнай душы.

[1911]

ЗА СТО ЛЕТ

Нарыс гісторыі беларускай пісьменнасці

ЛЯ ІСТОКАЎ

Адраджэнне беларускай пісьменнасці належыць да першых гадоў XIX стагоддзя, калі паміж нашай краёвай шляхты патроху пачала вырабляцца *інтэлігенцыя*. Гэтым іменем мы адзначаем свядомых людзей, нясушчых сваю свядомасць на карысць простага народа нават і проці ўласнага інтарэсу¹. Такім чалавекам у тую пару быў, напрыклад, маршалак Завіша, каторы ў 1818 г. на Вільненскім шляхоцкім сейме сказаў шчырую прамову аб скасаванні прыгону, і п. Храптовіч, звольніўшы сваіх мужыкоў ад яго, і п. Бжастоўскі, што зрабіў тое ж самае, і інш. Не шмат было гэтых людзей, але лік іх увесь час узростаў, чаму асабліва памагала праца Вільненскага універсітэта, адчыненага ў 1803 г.²

Патроху паміж нашай шляхты пачалі варушыцца новыя думкі, нараджаліся новыя паняцці, з'яўлялася ўвага да простага народа, народа беларускага. Вялізнае значэнне для ўмацавання ўсяго гэтага мела пракціўшаеся тады па Еўропе рэха ад французскай рэвалюцыі³. Незлічымымі, нявідзімымі пуцінамі прасачываўся яе дух у тагочаснае жыццё, усюды спараджаючы і гуртуючы інтэлігенцыю. Гэтая апошняя з'явілася нават у многіх даўно ўжо замёршых народаў і пачала жывую працу над развіццём іх культур, ці, іншымі словамі, над іх нацыянальным адраджэннем. Але ў нас пры надзвычайнай слабасці інтэлігенцыі і пры поўнай неразвітасці яе беларускіх нацыянальных пачуванняў, у нас, кажу я, усё абмежылася некалькімі крокамі, ды

і тыя былі зроблены толькі дзякуючы дзе-якім асаблівым умовам тагочаснага жыцця. У тую пару якраз ішло гарачае змаганне маскалей з палякамі, і абое яны мусілі згадаць аб даўно ўжо забытым беларускім народзе⁴; апроч таго, гэтая завіруха збудзіла ў многіх людзей, найбольш са спольшчанай шляхты, пачуццё грамадзяніна, пачуццё любові да роднай старонкі; старонкай жа гэтай для іх была не Варшаўшчына, не Кракаўшчына, а наша беларуская зямля, беларускія казкі і песні, што чулі яны змалку, пушчы, азёры і рэкі нашага краю, народ беларускі, паміж каторага яны ўзгадаліся, нават беларуская мова, да каторай была прыхільна ў хатніх гутарках старасвецкая шляхта,— усё гэтае зраслося з іх душою, і згадаўшы аб роднай старонцы, Беларусь бачылі яны.

Гэты краёвы патрыятызм выказаў сябе паміж іншым у вучоных працах, датыкаючых нашай зямлі, за што трэба сказаць дзякуй перш за ўсё Вільненскаму універсітэту, меўшаму шмат якіх бліскучых сіл. З людзей, працаваўшых па беларускай археалогіі, трэба адзначыць браццяў Тышкевічаў, Пржэздзецкага, Кіркора; з гісторыкаў — Бандтке, Лукашэвіча, Балінскага, Ліпінскага, Нарбута, Ярашэвіча, Даніловіча і інш., з этнографіаў — Ліндэ, Чарноўскую, Шыдлоўскага, Фалютынскага, Мухлінскага, Галэмбёўскага, Рыпінскага, а асабліва Чачота і Зянькевіча; праўда, гэтыя вучоныя, як і ўся тагочасная польская інтэлігенцыя, лічылі Беларусь польскім краем, ды і думалі, што развіваючыся, беларусы мусяць прыстаць да польскай культуры, і рана ці позна, а саліюцца-такі з польскім народам; але ўсё ж ткі яны, гаворачы аб нашым краі, так ці сяк, а памагалі вырабленню пачаткаў нацыянальна-беларускага самапачуцця між краёвай інтэлігенцыяй, а такжа і лепшаму пазнанню беларускай мовы.

У краснай пісьменнасці гэты ж самы рух выліўся ў розных творах, маляваўшых польскай мовай жыццё

беларускіх сялян і дробнай шляхты, чаму з саракавых гадоў вельмі спрыяў апанаваўшы ў той час рамантычны кірунак, прадстаўнікі каторага цікавіліся народнымі творамі і народным жыццём⁵. На старонках журналаў пачалі з'яўляцца беларускія казкі і песні, у апавяданнях з краёвага жыцця ўвесь час спатыкаліся беларускія выразы, іншы раз гутаркі дзе-якіх асоб пераказываліся нават цаліком па-беларуску⁶; а адсюль ужо недалёка і да чыста беларускіх твораў. Але яны не маглі мець колькі-небудзь паважнага значэння, бо караніліся не ў шырокіх грамадзянскіх патрэбнасцях, а ў прыхільным душэўным настроі гуртка асоб, зросшыхся з польскай ці іншы раз расійскай культурай, да народа ж гэтыя творы бадай што не даходзілі; за-для гэтага аўтары іх марыць не маглі аб праўдзівым здавальненні духоўных патрэб чытачоў ці аб развіцці беларускай культуры. Цікавейшы з нашых тагочасных пісьменнікаў — Я. Чачот — у прадмове да свайго зборнічка «Piosnki wieśniacze z-pod Niemna...» W. 1845 г. сумняваецца ў тым, што беларуская мова здалее калісь зрабіцца пісьменнай. Другі беларускі паэта — Рыпінскі — так і рупіцца закрыць вочы на ўсё, што адражняе Беларусь ад Польшчы, і нават ахвяруе адну з сваіх ксёнжак «першаму з беларускіх мужычкоў, каторы наперад выўчыцца чытаць, а потым гаварыць і думаць па-польску»⁷. Адсюль робіцца зразумелым і жартаўлівы дух першых беларускіх твораў, і выпадковасць іх, і нават тое, што амаль не ўсе яны пісаліся вершамі; гэтае прыходзіцца сказаць аб першай жа ластаўцы навейшай беларускай пісьменнасці — «Энеідзе», пераробленай з украінскага⁸.

<НОВЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ>

Новый период в истории белорусской литературы имеет своей исходной точкой 1905 год, произведший глубокий переворот в психике народных масс; перед ними встал, выдвинувшись из тени на свет, целый ряд новых вопросов, требовавших немедленного разрешения, а традиционных ответов на них деревня еще не имела. Создалось горячее стремление разобраться в событиях, раздвинуть поле своего зрения, а следовательно, создался громадный спрос на идеологические ценности. В это время белорусское печатное слово сделалось настоящей необходимостью и быстро получило небывалый размах. Заработали и легальные, и нелегальные станки, выбросившие в народные массы тучу произведений, брошюр и, наконец, даже еженедельную социалистическую газету «Нашу долю», выходившую в 10 т. экз., но чуть не еженемерно конфискованную, а потому и остановившуюся на 7 №¹. В это время, осенью 1906 г., возникла и вторая, но уже более умеренная, белорусская газета «Наша ніва»² [ставящая своей задачей всестороннее развитие белорусской культуры, как духовной, так и экономической. Для достижения этой цели была необходима наличность широких интеллигентных сил, но их в Белоруссии и вообще было немного, а о белорусской интеллигенции и говорить не приходилось]. Существовала лишь небольшая группа лиц³, наиболее энергичные члены которой сплотились вокруг «Нашай нівы». Эти лица и вынесли на своих плечах всю тяжесть шестилетнего издания газеты. Благодаря им даже только что пере-

житые нами томительные годы общественного развала не являются пустым местом в истории белорусского народа: наоборот, они наполнены деятельной и весьма ценной, хотя, на первый взгляд, и весьма скромной работой. Шесть лет номер за номером выходила «Наша ніва», с каждым годом расширяя круг своих читателей, в самые глухие уголки неся простое и правдивое слово. Стал выходить календарь-альманах, за 3 года получивший 2 награды на сельскохозяйственной выставке⁴. Возник специальный орган по сельскому хозяйству — «Саха»⁵. Петербургская колония белорусов, стоявшая т. ск. на отшибе, вне волнений текущей злобы дня, начала издавать неперIODический журнал для интеллигенции — «Малая Беларусь»⁶. Кроме того, петербуржцы выпустили несколько книг учебного характера и целый ряд сборников стихотворений, научно-популярных изданий и т. п.⁷

Еще более книг и брошюр выпустили белорусы, организованные вокруг «Н. (ашай) нівы»⁸. [Заложены основы белорусского музея, имеющего ряд ценных предметов⁹]. Наладился белорусский театр¹⁰, сделаны первые шаги для разработки белорусской музыки, танца, для изучения национальной архитектуры и орнамента. Ведутся этнографические работы (гл. образом собирание материалов для белорусского словаря), идут изыскания, касающиеся исторического прошлого белорусской литературы и т. д., и т. д., и т. д.

Но этого мало: достижение поставленной цели — поднятие уровня белорусской народной культуры — было возможно только при наличии широких интеллигентных сил; но в Белоруссии культурный слой населения слагается, во-первых, из чиновничьего болота, где задают тон общеимперские отбросы, делающие себе здесь на национально-религиозной травле карьеры, во-вторых, из польских националистов, наконец, в-третьих, из еврейской буржуазии.

Белорусской интеллигенции не было, и ее необходимо было выработать. Питомником для нее и явилась «Наша ніва». Войдя в соприкосновение с народной массой в беспокойном 1906 году, она не только не утратила след за тем своих связей, но, наоборот, неуклонно закрепляла и увеличивала их; широкое умственное брожение, имевшее раньше место в народной среде, правда, довольно быстро исчезло, зато оставило после себя известное количество наиболее устойчивых личностей с упорной жаждой знания и не менее упорным желанием работать на пользу края. Вот эти лица и сплотились вокруг «Нашай нівы», стремившейся расширить их умственный и [гражданский] кругозор и вовлечь их в культурно-общественную работу.

Т. <аким> о. <бразом> в Белоруссии создано дотолі невиданное явление: рождение народной интеллигенции. Конечно, и помимо [нее] в Западном крае существовал культурный класс, часть представителей которого при своей деятельности соприкасалась с народом. Но эти лица именно только соприкасались с ним, были в его массе инородными телами, а лица, сплотившиеся вокруг «Нашай нівы», выросли в народе, от народа не оторвались, им известны народные нужды и народные язвы, близка психика народа; они знают народ, и народ знает их, — знает и верит им. Поэтому-то работа их обещает быть продуктивной, поэтому-то мы и решаемся сказать, что культурное движение белорусского края ощутило, наконец, под собою твердую почву, что все более крепнущая жизненная сила действует в нем. Наиболее существенная часть этой работы, именно повседневная, мелкая, незаметная, но весьма ценная деятельность над улучшением местной жизни, никакому учету, разумеется, не поддается. Зато размеры одной из второстепенных ветвей ее — участие в литературе — вполне четко обрисовываются пред нашими глазами хотя бы следующим рядом таких цифровых данных. Вычислено,

что в 52 № «Нашай нівы» за 1910 год приняло непосредственное участие 427 человек, которые дали не только 666 корреспонденций из 321 места белорусского края, но и 115 стихотворений, 60 рассказов и т. д. А ведь это было 2 года назад. За это время белорусское движение еще более усилилось, хотя характер его не изменился. Преобладающую роль в художественном творчестве до сих пор играла поэзия, как это всегда бывает в истории национальных возрождений. Лишь в самое последнее время художественная проза, все время стоявшая на заднем плане, несколько выдвинулась вперед. К сожалению, формат «Н. <ашай> нівы» не позволяет печатать ничего, превышающего 4—5 [печатных] страниц. Однако и в этой, т. е. сдавленной [—] беллетристике можно указать на несколько произведений, явно отмеченных печатью литературного таланта. Но одним литературным интересом не исчерпывается значение этих произведений. Для нас, русских читателей, не меньший интерес должно представлять то обстоятельство, что, во-первых, эта беллетристика идет в народ и, во-вторых, что она идет из народа. Вспомнив, с каким страстным нетерпением ждали лучшие представители русской интеллигенции нарождения этого типа литературы, мы решимся предложить нашу книгу вниманию [массового] читателя в твердой надежде, что она встретит себе должную оценку. Материалы для нее даны в предыдущих строках.

*

* * *

Теперь нам остается только сказать несколько слов о наиболее выразительно обозначившихся писательских фигурах белорусской беллетристики.

В истории литератур встречаются, привлекая взоры своим благородством, фигуры людей, подававших

большие надежды, но умерших рано и оставивших после себя больше эскизов, чем зрелых законченных произведений. Ведь и сама жизнь их была только эскизом талантливого и одухотворенного художника. Но вечною свежестью веет от их имен. Не ложится на них пыль пронесшихся дней. Ибо эти лица не литературною деятельностью закрепили память о себе, но личным влиянием на [мнение] деятелей литературы. Таковы были Веневитинов и Станкевич, таков был и С. Полуян¹¹. Не долго он жил, но долгую память [оставил] по себе. Не крупными, но глубокими буквами вырезал он свое имя на скрижалях белорусской литературы.

В борьбе с нуждой на двадцатой весне собственной рукой оборвал он свою жизнь, но и перед смертью нашел в себе силы [приветствовать в своем предсмертном стихотворении «Христос воскрес»¹² зарю белорусского возрождения: «morituri te salutant»¹³]. То немногое, что написал Полуян, относится к числу лучших приобретений белорусского печатного слова. Но еще ценнее тот дух, который вдыхал он в окружающее своей бодрой и жизнедеятельной личностью, обладавшей пониманием задач белорусского движения и крупным размахом инициативы.

Другим писателем с определенно скристаллизовавшейся индивидуальностью и для белорусской литературы характерной следует признать Ядвига Ш. По своему социальному положению мелкий землевладелец, он в половине 80-х годов был исключен из Московского университета и посажен в Бутырскую тюрьму¹⁴. Находясь в ней, он принимал участие в коллективном переводе «Сигнала» Гаршина на белорусский язык¹⁵. В 90-х годах помещал мелкие рассказы в минских газетах¹⁶. К тому же времени относится любительская постановка его белорусской комедии «Злодзей»¹⁷ — один из первых шагов белорусского театра. Выступив в белорусской прессе при самом

ее возникновении¹⁸, он вслед за тем на несколько лет замолк и появился вновь лишь в 1909 году¹⁹. С тех пор много печатался, являясь плодовитейшим белорусским писателем и в процессе литературной работы, заметно совершенствуя свой талант. В 1909 г. издана его небольшая поэмка «Дзед Завала»²⁰, впрочем ничем не примечательная. В 1912 году вышел небольшой, крайне неполный сборник его рассказов²¹.

Пытаясь охватить одним словом все наиболее характерные черты его творчества, мы бы назвали его писателем-баснописцем, хотя он пишет прозой, а не освященными литературной традицией ямбами. И в самом деле, для этого названия у него все данные налицо. Сердцевиной его творчества являются небольшие рассказы, цель которых [простое или упрощенное] решение жизненной проблемы, какое-либо поучение в духе народной мудрости. Как и всякий баснописец, Ядвигин Ш. всегда т. ск. себе на уме. Он не только живописует, он искренне нечто доказывает своими образами и при этом всегда имеет готовый вывод; он не просто творит, но решает ту или иную житейскую задачу, предварительно заглянув в заранее данный опытом ответ. Он лишь дает иллюстрации на уже готовые тексты. Как и следовало ожидать от баснописца, он легко чувствует себя лишь в мире ясного и решенного, лишь в границах не высокопробной, но удобной и прочной, к житейскому обиходу прекрасно приспособленной, народной мудрости. [Но] это, однако, не делает его писательскую фигуру слишком грузной и отяжелевшей, что произошло, например, с Крыловым. Ибо мудрость эта, предназначенная стать расхожей монетой, по большей части еще находится в периоде чеканки; она представляет собою [отстой], образовавшийся из наиболее веских элементов тех разнообразных оценок, которые давала народная масса недавно развернувшимся событиям. Она еще только кристаллизуется, еще только пытается широко войти в обиход народной жизни и получить его санкцию. Это и придает

несколько боевое значение морали басен-рассказов, всем
внутри своим тяготеющих к золотой середине.

И изобразительные средства Я. <двигина> Ш. обли-
чают в нем кровного баснописца. Освещая жизнь с точки
зрения среднего уравновешенного человека, с точки зрения
так называемого здравого смысла, Ядвига Ш. неминуемо
должен был вводить в решение возникавших задач целый
ряд упрощений и приближений, должен был изображать
явления жизни в виде упрощенном, игнорируя тонкости,
избегая [психологических] мелочей [многое выкидывая,
рисую почти исключительно крупными штрихами]. Вот
почему из всех художественных форм он так полюбил
аллегория и так охотно пользуется своим тонким знанием
животных, эти несложные, столь характерные для басни
персонажи [совершенно обжились в его рассказах, там они
являются] вполне полноправными гражданами. Но не
насилуя природный талант, не обуживая его размах,
не урезывая себе язык, совершил это Я. <двигин> Ш.,—
нет, с любовным тщанием выписывает он фигуры зверей
и птиц, подмечает мелкие характерные их черты, удачно
пользуется звукоподражаниями, и все это для того, чтобы
сделать в результате вполне индивидуальные образы.
Видно, что этот мир близок ему и дорог, что здесь он
в своей сфере.

[1912]

С. Д. ДРОЖЖИН

(Юбилейная памятка)

Сегодня, 12-го декабря, исполняется сорок лет литературной деятельности небезызвестного поэта-крестьянина Спиридона Дмитриевича Дрожжина.

Жизнь юбиляра не богата яркими событиями: все основные линии ее можно наметить двумя-тремя датами да таким же количеством указаний на наиболее крупные перемены в его судьбе.

Родился он в 1848 г. в деревне Тверского уезда от родителей-крестьян; в 1860 году был взят из деревни в Петербург и помещен в трактир. Тут и прошла остальная часть детства Дрожжина. 12 декабря 1873 года он впервые выступил в печати¹ и с тех пор вплоть до наших дней продолжает писать, печатаясь главным образом в изданиях, предназначенных для народа².

Первый сборник стихотворений³ Дрожжина вышел в 1889 году и переиздавался с разными изменениями и добавлениями несколько раз⁴. Лучшим из всех них следует признать сборник, составленный Горбуновым-Посадовым (вышел в 1901 году под заглавием «Поэзия труда и горя»). В нем, кроме избранных стихотворений Дрожжина, помещен хороший библиографический указатель его произведений и статей о них. Наконец, совсем недавно вышла новая книга стихотворений⁵ Дрожжина, встреченная сочувственными отзывами даже со стороны модернистских критиков (напр., Н. Мешкова).

*
*   *
*

Переходя к характеристике и оценке творчества Дрожжина, мы должны отметить еще одно существенное обстоятельство, а именно то, что он в конце концов все же вернулся в деревню и занялся крестьянским трудом. Лишь учтя этот факт, мы поймем, почему большинство стихотворений Дрожжина посвящено деревне. Правда, у него встречаются пьески и общелитературного характера, но серьезного значения они не имеют. Во всяком случае не они составили имя поэту. Напротив, мы любуемся им, читая такие стихи ⁶:

Как радовался я на вскопанные грядки,
Когда пузатый лук, заботливой рукою
Родимой бабушки посаженный на них,
С бобами сочными всходил и красовался.
А старый дед пахал за этим огородом,
И пашня черная виднелася сквозь тын,
И жаворонок пел, и каркали вороны,
За дедом в борозде собирая червяков...
Веселая пора! Она уж не вернется
С ее надеждами и радостью беспечной.
И я теперь сижу, понурившись, как крест
От частых зимних бурь на кладбище забытом.

Не менее хорошо и это описание летнего полдня:

Небо жаром так и пышет,
Нет ни облачка на нем;
Ветер травку не колышет,
Душен воздух, и кругом
Тишина в полях немая;
Лишь порою галок стая
Или ворон прокричит,
Или пчелка золотая
Над цветами прожужжит.

Несомненной верностью, соответствием с жизнью и простотою рисунка отмечается и такая, например, бытовая картина:

...Хозяйка с ведром,
Обутая в лапти, в посконном кафтане
И в красном платке, с загорелым лицом,
К колодцу лошадку поить выбегает.
Хозяин ее из сохи выпрягает,
Неспешно и весело в избу идет.
За печкой сверчок свою песню стрекочет,
А старая мать у стола уж хлопочет,
И в чашке горячие щи подает.

Умеет Дрожжин кстати отметить, что —

Лошадка дышит тяжело,
К своим воротам подъезжая...

что —

Из норки черный жук ползет,
И сеть прозрачную плетет
Себе паук.

что —

Церкви медные кресты
Блестят от солнца...

или, наконец, что —

Ночь простертыми крылами
Тихо веет и плывет,
И над нею со звездами
Месяц водит хоровод.

Когда же мы увидим, с какою любовью он говорит о «спелых колосьях», о «золотистых снопах», о «полоске заповедной» и т. п., постоянно возвращаясь к этим образам; когда мы, читая его стихи, почувствуем, что это был поэт, не перерезавший пуповины, соединявшей его с матерью-природой, то только тогда, после этого, поймем, почему у него, писателя довольно образованного и несомненно талантливого, не так ярко общелитературные

стихотворения. Все они довольно симпатичны по своему направлению, полны веры в будущее России, недурно написаны. И при всем том как приятно встретить после них хотя бы такие строки:

Только дым до облаков
От овинов темных вьется,
И на зорьке стук цепов
По задворкам раздается.

*

Что касается формы стихотворений Дрожжина, то она, отличаясь глубокой народностью, вполне гармонирует с их содержанием. Эта народность сказывается и в выборе слов и выражений, и в общей конструкции стиха, в его ритме, рифмах, в столь идущих к народной поэзии параллелизмах. Вот небольшой образчик этих последних:

Не полынь с травой-повиликою,
Не крапивушка разрастается,
То за мною ли, горемыкою,
Злое горюшко увивается.

Рифма у Дрожжина чрезвычайно хороша, полновзвучна и богата: дело в том, что он (в полном соответствии с народной поэзией) особенно полюбил рифму дактилическую, с ударением на третьем слоге от конца. К тому же и размеры в его стихотворениях подобраны такие, при которых окончания строк резко подчеркиваются. Удачны эти размеры и в другом отношении: все они имеют свои истоки в русской народной песне и чрезвычайно красиво передают песенный лад. Приводим несколько примеров из его стихотворений:

Ой, ты поле, мое полюшко,
Ты раздолье, поле чистое.

По тебе шумит — волнуется,
Словно море, рожь зернистая.

Или:

Ах, пускай шумит дремучий лес,
Пускай солнце в тучу прячется,
Буйный ветер с ураганами
По загуменьям расплачется.

Или, наконец:

Не ушла ли радость за море,
Не в лесу ли заплуталась,
Не во мху ли, под колодою,
Во болотах закопалась.

Хорош и тот излюбленный его размер, при котором рифмы встречаются друг с другом через четыре строчки. Есть в этой области и другие, достойные внимания, приемы, но мы не будем останавливаться на них и перейдем к выводам, которые можно сделать из того, что было сказано выше.

*

* *

Несомненно, что талант С. Д. Дрожжина и не велик и не самостоятелен. Во многих его произведениях совершенно ясно чувствуется влияние то Кольцова, то Некрасова, то Никитина, — в особенности Никитина. Но что же, это все хорошие образцы, и по ним не плохо учиться. Сегодня, в день его сорокалетнего юбилея, мы можем сказать, что учителям Дрожжина не будет стыдно за своего ученика. Он сразу взял верный тон; он описывал только то, что видел, и умел смотреть своими глазами; всегда на всем протяжении своей литературной деятельности он был прост, искренен и задушевен. «Задушевное слово» — вот лучшая характеристика его стихотворений.

[1913]

ЗА ТРЫ ГАДЫ

Агляд беларускай краснай пісьменнасці 1911—1913 гг.

Кінуўшы вокам на спісак кніг, надрукаваных па-беларуску, памешчаны на акладцы якой-небудзь нашай кніжкі, бачым, што беларуская пісьменнасць расце. Заместа адной, выходзяць цэлых чатыры газеты («Наша ніва»¹, «Саха»², «Лучынка»³, «Віеіагу»⁴), з'явіліся ўжо тры зборнікі «Маладой Беларусі»⁵, дзе знаходзяць сабе прытулак вялікія творы, выдана шмат новых дробных кніжак і нават колькі немалых, календар беларускі⁶ друкуецца аж у 20 000 экзэмп., залажылася выдавецтва, мэта каторага — друкаваць кніжкі да навучання ў школах⁷, адкрылася беларуская кнігарня (кніжная крама)⁸ і т. д., і т. д.

Але не гэты ўзрост цікавіць нас, а ўзрост вартасці твораў нашых пісьменнікаў. Гляньма ж, што і як пішуць яны, ды папробуем ацаніць здабыткі гэтай іх працы.

Першае слова — аб **Я. Купале** і яго вялікай, пекна выданай кнізе вершаў «Шляхам жыцця»⁹. З радасцю бачым, што талент Купалы развіваецца, з'яўляюцца новыя мэты, новыя спосабы творчасці, новыя формы і вобразы. Не толькі нядоля нашай вёскі ды нацыянальныя справы Беларушчыны цікавяць яго. Ужо і краса прыроды і краса кахання знайшлі сабе месца ў яго творах. Там-сям прабіваецца жывы гумар. Ёсць колькі санетаў (праўда, не зусім бездаганных), баек, вершаў накшталт народнай песні; ёсць пробы скарыстаць з народных сімвалаў і т. д. Глаўнае ж тое, што ўсё гэта ў многіх вершах Купалы зроблена надзвычайна пекна,

з праўдзівым уменнем ды з вялікім пад'ёмам пачуцця. Часта-густа спатыкаецца прыгожая будова верша, цікавая па спляценню строк, расстаноўцы рыфм, ужыванню цэзур; ражнастайнасць рытмаў з іх усягдашняй лёгкасцю ды моцным разгонам; краса, свежасць і паўназычнасць рыфм, звінячых не толькі на канцы, але і пасярэдзіне строк; гучнасць слоў, падабраных да верша, і шмат што іншае.

Усё гэта робіць такое ўражанне, што не хочацца нават казаць аб рожных недахватах, без каторых, ведама, у такой вялікай кнізе і не можна абысціся. Але маем надзею, што сам Купала зверне на гэта ўвагу.

Апрыч гэтага, Купала надрукаваў вялікую, у 100 страніц, драму «Сон на кургане»¹⁰, напісаную рыфмовым вершам, і «Паўлінку»¹¹ — сцэны са шляхоцкага жыцця (сцэнічная проза). «Паўлінка» напісана бойка, живою моваю і, пэўна, спадабаецца нашым чытачам.

Другі выдатны паэта **Я. Колас**, пісьменнік спакойны, просты і ўсюды сабе роўны: заўсягды можна быць запэўненым у вартасці яго твораў. Няма ў яго чаго-небудзь вельмі моцнага, яркага, неспадзяванага, але няма і слабага, нікчэмнага. Не ўзбіраючыся дужа высока, ён затое ніколі не зрываўся і не падаў. Верш яго не вельмі штучны, але ўсягды абдуманы і добра апрацаваны, усягды кажа аб Беларусі, усягды праняты шчырым спачуваннем да яе гаротнай долі. З таго, што было надрукавана ў апошнія тры гады, асабліваю ўвагу звяртаюць на сябе (апрыч дробных вершаў) вершы-аповяданні «Леснікова пасада»¹² і першы з двух, памешчаных у № 2 «Маладой Беларусі»¹³. Ёсць у іх, бездаганых па форме, і прыгожыя зраўненні, і шчырае чуццё, і ўменне самымі простымі спосабамі даць жывы і верны абраз жыцця.

Жартаўлівыя вершы **А. Паўловіча**, каторыя нягледзячы на рожныя недахваты, здабылі яму вялікую прыхільнасць паміж беларускіх чытачоў, у апошнія

гады бадай што зусім не друкаваліся. Некалькі яго твораў, з'явіўшыся ў «*Bielarusie*»¹⁴ і «*Маладой Беларусі*»¹⁵, былі зусім ужо іншага духу. Напісаныя добра, яны сведчаць, што А. Паўловіч за гэты час папрацаваў над развіццём свайго таленту. Дзе-што было памешчана і ў «*Нашай ніве*»¹⁶.

Ц. Гартны і Ф. Чарнышэвіч, з'яўляючыся час ад часу ў «*Н. <ашай> ніве*»¹⁷, шмат вершаў адразу надрукавалі ў № 2 «*Маладой Беларусі*»¹⁸. Вершы такія, што ані добрага, ані кепскага аб іх многа не скажаш, апроч, можа, таго, што і ў іх прыкметны рух наперад. Да таго ж у абодвух іншы раз спатыкаюцца даволі пекныя вершы. Дабавім яшчэ, што Ф. Чарнышэвіч і цяпер ужо ўмеє пісаць сціснута і ў кароткіх словах даць малюнак прыроды або вылажыць сваю думку, але робіць, на жаль, гэта ненатуральна, забытана.

Г. Леўчык выдаў зборнік вершаў «*Чыжык беларускі*»¹⁹ (польск. літарамі). Пасля гэтага стала відаць, што хоць п. Леўчык і мае талент, але мала працуе над ім.

З паэтаў «*Нашай нівы*» назавём перш за ўсё **А. Гаруна**, ад каторага наша пісьменнасць можа шмат чаго спадзявацца. Лёгкасць і мілазычнасць верша, рупная шліфоўка яго, новае і вельмі пекнае счэпліванне рыфм — усё гэта дужа аздабляе яго паэзію. У дзе-якіх творах спатыкаецца сіла і сціснутасць мовы. Глаўна ж тое, што пры ўсім гэтым А. Гарун ні да каго іншага не падобны, што ён не зрабіўся нічыім «падгалоскам»²⁰. Гэта зарука, што нашы надзеі на яго талент не пойдучь намарна.

М. Багдановіч таксама дбаў аб развіцці верша і даў колькі «нанізак» іх (цыклаў), новых або па тэмах, або па форме. Сюды належаць вершы, напісаныя накшталт народных песняў, або ў старафранцузскіх формах, далей, вершы аб старой Беларусі і дзе-што іншае²¹.

Гладка, як і раней, пісала **К. Буйла**²². **Л. Лобік і Стары Улас**²³ далі некалькі дужа няхітрых, але верных

і таму цікавых малюнкаў нашай вёскі. Трэба адмеціць яшчэ **Я. Журбу**²⁴, **К. Арла**²⁵ і **Янука Д.**²⁶ Арол і Янук Д.— людзі, што маюць палёт і талент, але мала шліфуюць яго. Трапляюцца ў іх часам вершы даволі сільныя па пад'ёму і думцы, але і дужа часта з недахватамі. **Піліпаў**²⁷ і інш.— усё людзі больш-менш вядомыя і раней. Урэшце адмецім, што ані **К. Каганец**, ані **Цётка** за ўвесь гэты час нічога не надрукавалі²⁸. А шкада.

*
* *

Пераходзячы да апавяданняў, пачнём наш агляд з твораў Ядвігіна Ш., каторых, аднак, у апошні час не бачна, як раньш у «Нашай ніве». Не апавяданнямі, а байкамі ўсяго лепей было б назваць іх²⁹, дарма што Ядвігін Ш. піша не вершам, а прозай. Невялічкія творы яго ўсягды намагаюцца, як праўдзівыя байкі, даць паўчэнне, або ацаніць якое-небудзь жыццёвае з'явішча. Ён не проста апавядае, а хоча заўсягды нешта яшчэ давясці і растлумачыць. Як кроўны баечнік, Ядвігін Ш. дужа ўпадабаў алегорыю і ахвотна заместа людзей апісывае птушак і звяроў, на каторых знаецца дужа добра. Любоўна малюе ён іх фігуркі, умела адмячае рожныя цікавыя драбніцы іх жыцця або звычайў, і з-пад яго пярэ прап гэта ўстаюць, як жывыя, постаці звяроў і птушак, каторыя рожняцца між сабой не менш, як постаці людзей. Урэшце, трэба згадаць і аб ласкавым гумары, які ажыўляе блізка што кожную страку Ядвігіна Ш., а іншы раз, зрабіўшыся болі вострым, набліжае яго да такіх пісьменнікаў, як Шчадрын і Горкі ў Расіі* або Леманьскі ў Польшчы.

* Маю на ўвазе, ведама, іх казкі.

Жывасць ёмкай беларускай мовы, прыказкі і меткія славачкі, каторыя тут якраз дарэчы,— усё гэта яшчэ больш павялічвае вартасць апавяданняў-баек Ядвігіна Ш.

Ведама, што байка скрозь даўно ўжо падупадае, але ў яго творах яна ізноў закрасавала свежым кветам. Няма спрэчкі, што ў асобе Ядвігіна Ш. мы маем аднаго з найлепшых баечнікаў нашых часоў, да таго ж вельмі блізка стаўшага да творчасці самага народа.

Т. Гушча (Я. Колас) добра ўдае ўсякія размовы, а таму ахвотна бярэцца за гэта ў сваіх апавяданнях. Вялікая частка напісанага ім складаваецца з кароценькіх пытанняў і такіх жа адказаў, дзеля чаго і чытаецца вельмі лёгка. Да таго ж Т. Гушча ўмее і пажартаваць, і пасумаваць, і раздумаць, і чытача на думу навясці, што яшчэ болі надае вартасці яго творам³⁰. **Власт** надрукаваў 3—4 рэчы³¹, але кожную можна ўзяць за прыклад, як трэба пісаць. Асабліва хораша напісаны апавяданні «Сож і Няпро»,— вельмі прыгожая казка-легенда (гэтага ў нас дасюль яшчэ не было, ды і наогул спатыкаецца не часта), і далі, «Дзень рожавай кветкі», што нагадвае лепшыя з апавяданняў, здабыўшых усясветную славу дацкаму пісьменніку Андэрсену. Таксама добра напісаны і жарцік, памешчаны ў № 2 «Малад. <ой> Беларусі»³².

Галубок, як і раньш, пісаў бойкія і вясёлыя апавяданні, да чаго мае праўдзівую здольнасць. Мова іх заўсягды жывая, тэмы іншы раз даволі цікавыя³³.

Не замала і новых пісьменнікаў, узяўшыхся за апавяданні. З іх асабліва вызначаецца **Новіч**, каторы першы папрабаваў напісаць вялікую рэч прозай па-беларуску³⁴. Выйшла, няма спрэчкі, добра. Яшчэ больш цікавы для нас **З. Бядуля**, пісьменнік з душою чулай і паэтычнай, аб чым сведчаць, напрыклад, прыгожыя і свежыя зраўненні, каторыя іншы раз спатыкаюцца ў яго. Горкім смехам поўны яго апавяданні. Лепшыя з іх: «Гора

ўдавы Сымоніхі», «Пяць лыжак заціркі», «Сон старога Анупрэя», дзе да вядомай тэмы Караленкі зроблена неспадзяванае дабаўленне, ды іншыя³⁵. Шмат хто вялікія надзеі пакладае на маладога пісьменніка **Максіма Беларуса**³⁶.

Яшчэ больш было людзей, даўшых адно або два добрых апавяданні і пасля не друкаваўшыхся. Так, напрыклад, у **Аляхновіча-Чэркаса** ўдаўся «Сон»³⁷, напісан ён даволі забытана, але гэта якраз дарэчы пры апісанні сну. **Жывіца** хораша і цікава намалёваў постаць свайго пана Шабуневіча³⁸. **Лёсік** паказаў свой талент і змоўк³⁹. Два апавяданні (у адным — новая тэма) надрукавала **Цётка** ў № 1 «Маладой Беларусі»⁴⁰. Нішто сабе выйшаў у п. **М. Кепскага** «Руды Міхась Крэчка»⁴¹. Урэсьце, трэба было б згадаць творы **К. Лейкі**, ад каторага трэба чакаць цэннага, **Я. Журбы**, **А. Язмена**, **Шпэта**⁴² і інш.

*

* *

Глянуўшы адразу на ўсю беларускую пісьменнасць, бачым, што за апошнія гады сярэдня вартасць твораў падвышаецца, што цяпер кожны піша так, як некалькі год назад маглі пісаць найлепшыя пісьменнікі нашы. А гэта можа значыць адно: тое, што ў нас вырабілася **літаратурная мова**. Кожны, хто працаваў над гэтым, зразумее, з якою радасцю я пішу гэтыя словы. Але мала таго: мы бачым, што сталыя пісьменнікі развіваюцца, да іх прылучаюцца маладыя сілы, вынікаюць новыя тэмы і новыя спосабы апработкі тэм, адзін за адным з'яўляюцца каштоўныя творы. Не трэба цяпер, канечна, ісці ў чужыя людзі, шукаючы глыбокіх і трывожных дум, чулага і хвалюючага пачуцця, душу радуючай красы. Не трэба, бо і ў саміх ёсць. Мала таго, самі яны могуць да нас звярнуцца, бо

іншы раз таго, што маем мы, не знойдзеца ў іх. І гэта не толькі таму, што ў нас ёсць пісьменнікі зусім асобнага духу, як, напр., Купала, Гарун, Ядвігін Ш., Власт, Бядуля ды інш. І не толькі таму, што яны апісваюць беларускае, мала дзе вядомае жыццё. Не, і апырч гэтага знойдзеца шмат чаго, вось хаця б і нацыянальнае пачуццё; не звінелі, ды і не могуць зазвінець у расійцаў, напрыклад, яго струны так, як у нашай пісьменнасці. І ясным робіцца праз гэта, што не толькі нашаму народу, але і ўсясветнай культуры нясе яна свой дар.

Р. С. Мы казалі толькі аб тых творах, каторыя (калі не лічыць кнігі ды 2—3 вершы Паўловіча) з'яўляліся або ў «Нашай ніве», або ў «Маладой Беларусі». Але апырч іх выдаецца яшчэ газетка «Bielagus», каторая да таго ж абвясціла раз, што ў рэдакцыі яе ёсць людзі, здатныя пісаць пекныя вершы і апавяданні. Аднак нямаведама чаму гэтыя людзі пакуль што яшчэ не друкаваліся, а заміж іх памяшчаў свае творы нейкі паэта **Антон Б.**⁴³, у каторага няма ані паэзіі, ані нават разумення, што такое беларускі верш. Шмат вершаў піша і **А. Зязюля**⁴⁴, але аб ім можна сказаць толькі тое, што, напэўна, сказана ў яго пашпарце: «Каталік. Асаблівых прыкмет не мае». У аднаго толькі **П. Простага** ёсць праўдзівая здольнасць. Глаўная вартасць яго — у стройным развіцці думкі ды ў сціснутасці і гучнасці мовы, надзвычайна пекнай па сваему складу. Але надрукаваў ён усяго 2—3 рэчы⁴⁵, ды і тыя былі невялічкія. Больш у «Bielagus'e» згадаць няма чаго.

[1913]

КРАСА И СИЛА

Опыт исследования стиха Т. Г. Шевченко

Есть звезды, которые так близки друг к другу и так ровно сливают свой свет, что кажутся нам одним неразрывным целым. «Двойными звездами» называются эти светила. Их судьба стала судьбою музыки Шевченко и украинской народной поэзии: двойной звездой сияют они в мире искусств и красоты.

Конечно, в творчестве Шевченко, за вычетом элементов чисто национального характера, имеется налицо и некоторый инородный остаток. Но все это взаимно проникало друг друга, смешивалось, претворялось, устанавливало между собою тысячи связующих внутренних скреп, органически срасталось и, закончив этот процесс, закреплялось в формах явственно украинских, хотя и более усложненных, поднятых на высшую ступень развития. «Шевченко как поэт,— писал еще Костомаров,— это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество... Шевченко говорит так, как народ еще и не говорил, но как он готов был уже заговорить и только ожидал, чтобы из среды его нашелся творец, который бы овладел его языком и его тоном; и вслед за таким творцом точно так же заговорит и весь народ и скажет единогласно: это мое»¹.

Однако меткое утверждение Костомарова, сделанное, т.<ак> с.<казать>, «на глазомер», следовало, очевидно, выверить путем дальнейшего анализа творчества Шевченко. К сожалению, это действительно необходимое обследование было вдвинуто в недостаточно широкие рамки,— именно вопросы эстетического характера остались совер-

шенно в стороне от его основного русла. Произведения Шевченко оценивались со всевозможных точек зрения, изучались путем самых разнообразных методов, и лишь метод эстетический всегда находился в тени. Так, например, даже для анализа стиха украинского гения и выяснения средств поэтического воздействия, которыми этот стих обладает, не сделано почти ничего. Наш сжатый очерк является попыткой восполнить этот пробел.

*

* * *

Главным формирующим началом всякого стиха, бесспорно, следует признать ритм; отвердев в своем наиболее правильном, законченном виде, он обращается в метр. Все остальные элементы стиха играют по отношению к тому и другому роль второстепенную, иной раз — чисто служебную, воспособляющую и во всяком случае могут быть поняты и оценены лишь в тесной связи с ними обоими. Поэтому именно с ритма и метра начнем мы свою работу, что сразу введет нас в тайники шевченковского стиха и даст нам возможность прощупать его основной движущий нерв.

В полном соответствии с народной поэзией стихи «Кобзаря»² чрезвычайно ритмичны, но не метричны. Что касается метров, то у Шевченко здесь можно установить наличность совершенно определенных симпатий, проходящих сплошной полосой через всю его литературную деятельность. А именно всегда и неизменно с исключительной любовью держался он пушкинского четырехстопного ямба и столь обычного в украинской народной поэзии семистопного хоря с цезурой после четвертой стопы*. Они явля-

---

* С этого метрического пункта Шевченко всегда начинал новую строку, разбивая, таким образом, стих на две части.

ются преобладающими в стихах Шевченко, охватывая собой едва ли не девять десятых всего их количества. Потому на этих двух размерах следует остановиться с наиболее пристальным вниманием.

Первый из них лег в основу громадного большинства тех стихотворений, которые как по своим темам, так и по обработке их могли бы, с некоторыми ограничениями, получить название общелитературных. Стих в этих произведениях всегда достаточно выдержан: таким образом, пользуясь метрами искусственной поэзии, Шевченко исполнял и все ее искусственные правила. Но стоит ему только обратиться к другому своему «стержневому» размеру, как положение вещей изменяется самым коренным образом. Нарушение основных требований стиха делается обычным, проявляется в самых разнообразных направлениях и притом в столь крупном масштабе, что не может быть и речи о простой неосмотрительности или небрежности со стороны поэта. Шевченко здесь лишь следовал народной украинской поэзии, у которой он заимствовал данный размер и которая для усиления выразительности стиха так охотно жертвует однообразием его формы. Так, например, этим обстоятельством (и, в частности, желанием придать наибольший размах ритму, хотя бы даже за счет выдержанности метра) совершенно удовлетворительно объясняется наиболее обычная неправильность в разбираемой группе стихов Шевченко — замена хорая ямбом или амфибрахимом. Вот образчик нескольких тысяч подобных случаев:

Вітре буйний, вітре буйний!
Ти з морем говориш,—
З буди його, заграй ти з ним,
Спитай сине море³ (стр. 7) *.

---

* Цитирую везде по изданию 1907 г. Общества имени Т. Г. Шевченко для вспомоществования... учащимся... С. Петербурга.

Размер в приведенном четверостишии совершенно не выдержан *, но именно благодаря этому получился широкий простор для энергичного, стремительного, безудержного ритма. Таким образом, из-под этой неправильности стиха совершенно явственно просвечивает бессознательный или, может быть, даже сознательный эстетический прием, разрешающий известную художественную задачу и имеющий свои корни в народном творчестве. Подчеркиваем это, так как указанные свойства шевченковского метра, представлявшиеся многим просто результатом технического неумения и небрежности, зачастую приводили критиков в смущение и вносили в их оценки ноты некоторого сомнения и колебания. Между тем достаточно немного более близкого знакомства с поэтикой, чтобы весь вопрос предстал в совершенно ином свете. Нет таких художественных средств, которые были бы всегда применимы и всегда хороши. Задача поэта в том и заключается, чтобы из целого ряда их выбрать в каждом данном случае одно, наиболее подходящее. Для стихов народного стиля метр, подчиненный ритму, является наиболее подходящим средством, и Шевченко, остановившись на нем, только лишний раз проявил здесь свою гениальную поэтическую интуицию.

Обращаясь к другим размерам, встречающимся в «Кобзаре», приходится убедиться, что при всем своем разнообразии они нашли весьма узкую сферу применения. Однако именно среди них находится целый ряд метрических шедевров, в которых Шевченко необыкновенно ярко запечатлел красоту своего дарования. Говоря это, мы имеем в виду группу стихотворений песенного склада, имеющих сильно выраженный национально-украинский колорит и в то же время отличающихся редким разнообразием и оригиналь-

---

* Вместо хореев во второй строке два амфибрахия, в третьей — четыре ямба, в начале четвертой — ямб.

ністю метра. Даєм невеличку колекцію цих розмірів, то напружених, то сдержаних, то оживлено-граціозних, то, нарешті, едва ли не плясових:

Як би мені, мамо, намисто,
То пішла б я завтра на місто;
А на місті, мамо, на місті —
Грає, мамо, музика троїста;
А дівчата з парубками
Лицяються... Мамо, мамо!
Безталанна я! (439).

У перетику ходила
По горіхи,
Мірошника полюбила
Для потіхи.
Мельник меле, решетує,
Обернеться, поцілує —
Для потіхи (стр. 435).

Як би мені черевики,
То пішла б я на музики...
Горенько моє!
Черевиків немає,
А музика грає, грає,
Жалю завдає! (стр. 419).

Полюбилася я,
Одружилася я
З безталанним сиротою.—
Така доля моя! (стр. 421).

Ой, пішла я у яр за водою,
А там милий гуляє з другою.
А друга тая,
Розлучниця злая,
Багата сусідонька,
Вдова молода (стр. 430).

Ой, маю, маю я оченята —
Нікого, мати, та оглядати,
Нікого, серденько, та оглядати! (стр. 553).

Ой нема, нема ні вітру, ні хвили
Із нашої України!
Чи там раду радять, як на турка стати?
Не чуємо на чужині (стр. 150).

У неділеньку та ранесенько
Сурми-труби вигравали;
В поход у дорогу славні компанійці
До схід сонечка рушали (стр. 354).

Интересны по размерам и некоторые другие стихотворения, как, например, «Хустиночка моя» (стр. 185), «Ой, стрічечка до стрічечки» (стр. 353), «Ой, по горі ромен цвіте» (553), «Утоптала стежечку» (стр. 437), «По-над полем іде» (стр. 321) и проч. Метры во всех этих стихотворениях, как процитированных, так и просто лишь упомянутых нами, настолько народны, что в конце концов между поэзией Шевченко и поэзией украинского народа стирается всякая разграничительная черта. Искусственные правила искусственной поэзии отпадают. Возникает национально-украинский *vers libre*. Вот прекрасный образчик его:

У неділеньку та ранесенько,
Ще сонечко не зіходило,
А я молоденька
На шлях, на дорогу
Невеселая виходила;
Я виходила за гай на долину,
Щоб не бачила мати,
Того молодого
Чумаченька свого
Зустрічати.

Ой, зустрілась я
За тими лозами
Та з чумацькими возами:
Ідуть його воли,
Волі половії,
Ідуть, ремигають,
А чумаченька мого молодого
Коло воликів немає и т. д. (стр. 436).

Наконец, заканчивая этот отдел нашей статьи, посвященный вопросам ритма и метра, остановимся на еще одном, постоянно встречающемся у Шевченко, приеме, направленном в сторону достижения наибольшего соответствия между движением чувства и движением стиха. Прием этот состоит в употреблении особого размера для обрисовки каждого из настроений, сменяющихся в рамках данной вещи. Особенно часто чередуются уже рассмотренные нами излюбленные шевченковские метры — четырехстопный ямб и семистопный хорей. Нередки также и вставки небольших песен с самостоятельным размером среди текста более крупных произведений, что встречается, например, в поэмах «Гайдамаки», «Чернець», «Гамалія», «Тарасова ніч», «Хустина», «Сова», «Невольник», «Відьма» и т. д. Чередование размеров зачастую производится очень широко, образцом чего может служить хотя бы небольшая поэма «Гамалія», в которой метр меняется целых пятнадцать раз.

Переходя к другим средствам поэтического воздействия, которыми обладает стих Шевченко, обратимся прежде всего к его рифмам ввиду несомненной связи их с метром; именно их основное назначение (как это выяснил, напр., Гюйо⁴) — подчеркивать форму метра, обводя твердым контуром его границы.

Наиболее обычны у Шевченко женские рифмы, несколько реже встречаются мужские, в трех-четыре грациозных стихотворениях песенного рода есть и наиболее изысканные — дактилические, каковы, например, «вишиваная — мальвованая» (185), «питається — пишається» (553), «червчаточка — дівчаточка» (353) и т. д. Встречаются и другие интересные рифмы (намисто — на місто; ледащо — на що, злидні — три дні и т. д.), но число их очень невелико. При этом следует отметить, что и, вообще говоря, область применения каких бы то ни было рифм в стихах «Кобзаря» сравнительно довольно ограничена. В полной гармонии с общим духом своей музыки (а в част-

ности, с ее метрами) Шевченко чрезвычайно часто пользовался вместо рифм ассонансами*, вся прелесть которых именно в стихах народного склада обрисовывается особенно хорошо**. Подчеркиваем это, так как в широкой публике шевченковские ассонансы нередко считаются просто неудачными рифмами; между тем здесь в употреблении ассонансов точно так же, как и в вопросах метра, Шевченко, как мы видим, ярко проявил и глубокую народность своей поэтической природы и исключительную художественную чуткость. Для того же, чтобы стих не был слишком беден, Шевченко время от времени скрашивает свои ассонансы более полными созвучиями. Идя далее, он иной раз рифмует с обеими четными строками своего семистопного хорее и первую нечетную или, что бывает реже, вторую; благодаря этому стих приобретает, особенную оригинальность и благозвучность. Вот примеры того и другого:

Вітер в гаї не гуляє,
В ночі спочиває,—
Прокинеться,— тихесенько
В осоки питає... (стр. 142).

А як прийшла до берега,
То й дочку згадала,
І згадала, як купала
І як примовляла (стр. 288).

Наконец, чрезвычайно широко применяются в «Кобзаре» и все остальные, т. е. «вторичные» средства гармонизации стихотворной речи: внутренние рифмы, аллитерации, цезуры и т. д. Здесь, именно в этой области стиха, и выяс-

---

* То есть созвучием одних только подударных гласных, одинаковых или даже просто похожих, причем тождественности согласных нет.

** Например, такой поклонник изысканных рифм, как Брюсов, обрабатывая «народные» темы, охотно пользуется ассонансами.

няется, быть может, наиболее прекрасно все тонкое изящество поэзии Шевченко: внешне простая, скромная, она полна внутренней, затаенной, не всякому взору доступной красотой. Если допустимо такое сравнение, то я скажу, что стих Шевченко походит на освещенный изнутри бумажный китайский фонарь. У него нет блеска, сияние его мягко и ровно, но вместе с тем видишь, что внутри он полон света, и только полупрозрачная оболочка не дает этому свету хлынуть во все стороны ослепительным потоком.

При разборе и оценке этих, только что указанных нами, составных частей стиха остановимся прежде всего на внутренних рифмах. По числу их ни один русский поэт не может сравняться с Шевченко. Достаточно указать, что рифм этих мы насчитали при исследовании «Кобзаря» около тысячи. Разумеется, этому количественному богатству их соответствует и качественное богатство тех разнообразных комбинаций, в которых они употребляются Шевченко. Наиболее обычной является рифма посреди нечетной строки двухстрочного семистопного хоря, разрезающая ее пополам. Таковы, например, рифмы: «ні родини, ні хатини» (стр. 32); «треба трути роздобути» (144); «надо мною молодю» (287) и т. д. Но встречаются в таких строках рифмы и не посредине (напр.: «чого серце б'ється, рветься», стр. 148), есть они также и в четных строках («жвавий, курчявий», стр. 143). Интересны и некоторые другие, более сложные сочетания, — например, такие:

В и г р а в а є, хвалить Бога,
Тугу розганяє (стр. 148).

Сумує, воркує, білим світом нудить,
Літає, шукає, дума — заблудив (стр. 2).

Наличность этих внутренних рифм, их обилие и красота блистательно подтверждают наше положение, что ассонанс в стихах Шевченко — это неотъемлемый элемент своеобраз-

разного художественного стиля, а не результат технической беспомощности. Возьмем хотя бы такое четверостишие:

Орися ж ти, розвернися,
Полям розстелися,
Та посійся добрим житом,
Долею полийся! (стр. 596).

Конечно, «розстелися» и «полийся» не более, как ассонансы, но нельзя же закрывать глаза на то, что вместе с тем все стихотворение пронизано внутренними рифмами, т. е. рифмами необязательными. А между тем это постоянный прием Шевченко.

К внутренней рифме очень близка по своему художественному значению параномазия⁵ и родственная этой последней аллитерация. Вот примеры той и другой: «Гармидер, галас, гам у гаї»; «неначе ляля в льолі білій»; «туман, туман та пустота»; «нема пана Яна дома»; «у пута кутії не куй»; «з давнього давна у гаї над ставом»; «і помоляться на воли невольнічі діти»*. Или вот как шепчет ветер в осоке:

Хто се, хто се по сім боці
Чеше косу? Хто се?
Хто се, хто се по тім боці
Рве на собі коси? (стр. 142).

Наконец, следует остановиться еще на цезурах. Укажем, например, что все внутренние рифмы у Шевченко постоянно комбинируются с цезурой, которая, таким образом, подчеркивает и выделяет их. Но цезура и сама по себе встречается у него очень часто (особенно в двухстрочном семистопном хорее), что делает стих чрезвычайно плавным. Наиболее обычна красивая женская цезура, разрезающая строку на две равные части («Не лякайся, /

---

* Аллитерации мимоходом указывались г. К. Чуковским⁶.

подивися» — стр. 153), хотя встречаются строки, в которых даже каждая стопа снабжена цезурой («Перед / ними / море / сине» — стр. 155). Пользуется Шевченко цезурой и при других размерах. Вот несколько наиболее примечательных образчиков:

Виносила / Збрую — // Шаблю / Золотую
І рушницю — / Гаківницю (стр. 354).

Чи там раду / Радять, // Як на турка / Стати
Не чуємо на чужині (стр. 150).

Этими сжатыми указаниями мы и ограничим нашу статью. В заключение, однако, позволим себе сформулировать несколько общих положений, наиболее определенно наметившихся в ходе предлагаемого исследования. Именно мы хотели бы указать, что в лице Шевченко мировая литература имеет поэта со стихом мелодичным и изящным, — поэта, который красоту своих произведений строил не на бьющих в глаза средствах поэтического воздействия, а, наоборот, на средствах наиболее тонких — ассонансах, аллитерациях, внутренних рифмах; поэта, который к этой *красоте* указанных элементов стиха присоединил еще необыкновенную *силу* своих ритмов, а также оригинальность, живость и грациозность разнообразных метров. Далее мы хотели бы подчеркнуть, что все это взаимно обуславливалось друг другом и восполняло друг друга, создавая в общей сложности особый поэтический мир, т. е. некоторый строго выдержанный и гармонический художественный стиль.

Стиль же этот, наконец, был стилем национально-украинским, а поэзия Шевченко — выросшей в украинскую народную поэзию и дошедшей в некоторых своих образцах до полного отождествления с ней. Таков отливающий двумя оттенками муар⁷: ясно видно, где один и где другой, но ни-

когда нельзя провести между ними твердой разграничительной черты. Эта мысль, как мы указывали, уже неоднократно высказывалась общей критикой, посвященной Шевченко. Одной из наших целей было проверить и обосновать ее на выбранном нами специальном материале.

[1914]

ПАМЯТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(1814—25 февраля — 1914)

*Белым камнем
Я отмечу этот день*.
Катулл¹.*

Сто лет тому назад, 25 февраля 1814 года, в крепостной крестьянской семье родился Тарас Григорьевич Шевченко, «последний кобзарь и первый великий поэт новой великой литературы славянского мира» (А. Григорьев)². Сегодня вся украинская интеллигенция празднует этот день: зарубежная — торжественно и всенародно; русская — в глубине сердец, полных горечью от незаслуженной обиды. Но краса и сила поэзии Шевченко, ее крупный масштаб и ее направление — все это далеко выводит значение настоящего события из сравнительно узких, чисто местных берегов. Украинский праздник превращается в праздник всего культурного славянства. Веря, что и для великорусского читателя Шевченко не может быть посторонним человеком, мы попытаемся беглым взором окинуть его поэзию и установить ее основные течения.

*

* *

Наиболее удачная характеристика музыки Шевченко сделана Н. И. Костомаровым: «Шевченко как поэт, — говорит классическое место работы покойного профессора, — это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество. Песня Шевченко была сама по себе народная песня, только новая, — такая песня, которую мог бы теперь запеть

---

* Счастливые дни римляне отмечали белым камнем.

целый народ, какая должна была вылиться из народной души в продолжение народной современной истории. С этой стороны Шевченко был избранником народа в прямом значении этого слова... Шевченко сказал то, что каждый народный человек сказал бы, если бы его народное существо могло возвыситься до способности выразить то, что хранилось на дне его души... Шевченко говорит так, как народ еще и не говорил, но как он готов был уже заговорить и только ожидал, чтобы из среды его нашелся творец, который бы овладел его языком и его тоном; и вслед за таким творцом точно так же заговорит и весь народ и скажет единогласно: это мое»³.

К этим вдумчивым и содержательным словам о Шевченко сделана была одна весьма существенная поправка и сделана притом ученым громадной эрудиции — акад. Ф. Е. Коршем⁴. Именно он подчеркивает то обстоятельство, что талант Шевченко отнюдь не был прикован исключительно к так наз. «народным» темам, но, наоборот, являлся чутким и полнозвучным резонатором всех струн украинской национальной души, являлся выразителем мыслей, чувств и настроений всего национального коллектива. Таким образом, Шевченко в украинской литературе является не тем, чем был Кольцов в русской или Бернс — в английской. Нет, охват его поэзии много шире и ставит его на то место, которое в России, например, занимает Пушкин, а в Польше — Мицкевич.

Наконец, завершая эти мысли, следует указать на общечеловеческое значение творчества Шевченко. Границы этого значения, разумеется, даже приблизительно наметить очень трудно, но совершенно отрицать его существование было бы несомненно ошибкой: достаточно указать хотя бы на переводы из Шевченко, имеющиеся среди целого ряда европейских литератур — немецкой, французской, чешской, польской, шведской и т. д. Конечно, те глубоко национальные формы, в которые облечено это общечеловеческое содержание, гораздо более скажут сердцу

украинца, чем человеку иной народности. Но и этому последнему Шевченко не будет чужд и непонятен, и в его душе стихи украинского поэта найдут себе отзвук, ибо под их своеобразным чеканом кроется полноценный металл духовной культуры, общей всем цивилизованным людям.

*

* *

Стихи Шевченко — это особый поэтический мир, внутренне целостный и внешне четко оформленный. Но, конечно, целостность далеко еще не синоним однородности, и, представив себе всю толщу шевченковской поэзии, т. е. в поперечном разрезе, мы заметим в ней ряд последовательных идеологических напластований. Однако эти напластования взаимно проникают друг друга, внедряются один в одного, и, смешавшись, сросшись, прожилками пронизывают слои более новой формации. Первые стихи Шевченко написаны в духе украинского романтизма. Трогательные легенды («Утоплена», «Тополя» и т. д.) — с одной стороны, прошлое Украины, гайдамаки⁵, запорожцы⁶ — с другой, — вот что дает темы для его произведений этого времени. Но лишь потому прошлое манило Шевченко, что настоящее украинского народа было так убого и тускло. Вот почему он восклицает:

Гетьмани, гетьмани! Як би то ви встали,
Встали, подивились на той Чигирин,
Що ви будували, де ви панували.
Заплакали б тяжко, бо ви б не пізнали
Козацької слави убогих руїн.
Базари, де військо, як море червоне,
Перед бунчуками, бувало, горить,
А ясновельможний на воронім коні
Блисне булавою — море закипить.
Закипить, і розлилося
Степами, ярами...⁷

*

*

*

Потому Шевченко и грустит, видя

Высокії ті могили,
Де лягло спочити
Козацьке біле тіло,
В китайку повите,
Высокії ті могили
Чорніють, як гори,
Та про волю нишком в полі
З вітрами говорять.

Но Шевченко понимает, что

Не вернется козаччина,
Не встануть гетьмани,
Не покриють Україну
Червоні жупани...

Тогда мысль Шевченко естественно обращается от прошлого к будущему; идею национального блеска и величия украинского народа сменяет идея о необходимости его социально-политического раскрепощения, уже и раньше намечавшаяся иной раз, но в более смутных очертаниях. Ныне же она получает полную законченность и определенность, заставляя побледнеть и утратить яркость все иные мысли и стремления, как бледнеют звезды при восходе солнца. Вехой, отмечающей этот поворотный пункт в поэзии Шевченко, является, приблизительно говоря, дата его вступления в Кирилло-Мефодиевское братство⁸, оказавшее глубоко плодотворное влияние на выработку миро-созерцания поэта. Идеи, которые он вынес оттуда, безраздельно господствовали над ним в течение всей остальной его жизни, находя себе выражение в таких полных пафоса произведениях, как «Сон», «Кавказ», «Подражания Исаии» и т. д. Теперь для него Россия — это страна, где

Од молдованина до фіна
На всіх языках все мовчить.

В самой же Украине

...неволя,
Робота тяжкая,— ніколи
І помолитись не дають.

Так живеться

На нашій славній Україні,
На нашій — не своїй землі.

И все настойчивее делалась у Шевченко мечта о том
времени, когда, наконец,

Спочинуть невольничі
Утомлені руки,
І коліна одпочинуть
Кайданами куті.

На слово возлагал Шевченко свои надежды. Ведь
ничто

Не скує душі живої
І слова живого.

Потому-то он так торжественно писал:

...Возвеличу
Малих отих рабів німих!
Я на сторожі коло їх
Поставлю слово...

Он верил, что

Тоді як, Господи, святая
На землю правда прилетить,
Хоч на годиночку спочить,—
Нічим отверзуться уста,
Прорветься слово, як вода,
І дебрь-пустиня неполита,
Сцілющою водою вмита,
Прокинеться.

Вот почему так страстно Шевченко просил:

Скажи, що правда оживе,
Натхне, накличе, нажене
Не ветхеє, не древле слово
Розтліннеє, а слово нове
Між людьми криком пронесе
І люд окрадений спасе...

Но мысль Шевченко никогда не была прикована исключительно к социально-политическим проблемам. Он умел подойти к жизни украинского села как просто человеческой жизни, умел найти там и красоту, и любовь, умел дать место и радости, и грусти, и жалости, и состраданию. Удивительно душевною нежностью и внимательностью к человеку дышат эти произведения, представляющие собою целую полосу в творчестве Шевченко. «Зоре моя вечірняя», «світе ясний, світе тихий», «...цвіте новий, нерозвитий цвіте», «хмаронька», «сонечко», «пташечка» — эти слова и выражения, столь обычные у него, пусть хоть намекнут читателю на характер этих стихотворений. Мы же, за недостатком места, не можем долее останавливаться на них.

Особняком в шевченковском творчестве стоят трогательные произведения, тесно связанные с его ссылкой⁹ и полные автобиографических данных. Многие из этих стихов принадлежат к числу самых выдающихся в поэзии Тараса Шевченко. Наконец, несомненным украшением ее служат оригинальные и грациозные песенки, блещущие народно-украинским колоритом, целый ряд которых написан Шевченко под конец жизни.

*
*   *
*

Многообразными нитями связаны наши души — души русских читателей — с душой покойного поэта. В лице его мы чтим прежде всего «божией милостию — поэта», чей стих был полон изящной простоты, поэта, который в фор-

мах строго национальных выявил общечеловеческое содержание, заставляя читателя переживать целую гамму самых разнообразных чувств, начиная от страстного гнева и негодования и кончая чувствами любви и всепрощения. Но мы чтим Шевченко и как одного из первых представителей народной интеллигенции и как выразителя доселе еще не вполне изжитых идеалов, с формулировкой, быть может, оспоримой, но с бесспорно ценным демократическим уклоном. Мы чтим его, наконец, как человека большой идейной твердости, не сломленной целым рядом невзгод, как человека, который мог по праву сказать, обращаясь к своей судьбе:

Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли; и нет у нас
Зерна неправды за собою¹⁰.

На Украине, конечно, в иной плоскости будут рассматривать Шевченко и его творчество. На передний план выдвинут, что это писатель, которому была суждена величественная роль сделаться символом культурной ценности целого народа, воплощением всего его духовного существа. Выйдя из недр крестьянства, он явился звеном, соединившим на Украине народ и интеллигенцию так же, как сам соединял в себе черты и народные, и интеллигентские. Вот почему не иссякает любовь к Шевченко; ибо многим и многим людям он впервые дал почувствовать с силой незабываемой и неизгладимой, что они для Украины родные дети, а не подкидыши.

[1914]

ОДИНОКИЙ

(К столетию со дня рождения М. Ю. Лермонтова)

Ты был, как месяц, одинокий¹.

М. Б.

Каждому, вероятно, знакомы состояния душевного одиночества, когда круг жизни узок, впечатления скудны, переживания томительно однообразны. Скудной толпой проходят в мозгу человека давно уже надоевшие образы, тянутся навязчивые, тысячи раз уже передуманные мысли, которые были вчера, будут и завтра. Чтобы дать импульс этой окостеневающей душевной жизни, нужно или найти новые точки для применения ее сил, или обогатить ее наплывом впечатлений иного порядка. Но этого-то именно и нет у одинокого человека. И вновь возвращается он на уже пройденные, слишком знакомые пути, думает все о том же, так же и то же, что и раньше. В его душе нарастает гнетущая тоска и апатия, появляется стремление к самоанализу, возникает все то, что сказалось хотя бы в знаменитом лермонтовском стихотворении: «И скучно, и грустно, и некому руку подать...»²

Стихотворений, подобных этому, у Лермонтова масса; их мотивы всю жизнь были для него наиболее излюбленными. Но я не буду останавливаться на них. Ведь, как знать, что мы здесь имеем — искреннее ли чувство или модную позу? Обратимся к тем сторонам поэтического творчества, которые меньше поддаются (если только поддаются) преднамеренному воздействию со стороны поэта, и потому гораздо более показательны. Начнем с, так сказать, микроструктуры стиха.

Присмотритесь к лермонтовским тропам и эпитетам, — и вас непременно поразит редкостная, ничем не нарушае-

мая однородность их. «Печать страстей», «холодный ум», «роковой конец», «мрак могильный», «злобы яд», «бледное чело», «хладный труп», «безумное волнение», «адские слезы», «кровавая клятва» — эти выражения так и пестрят на страницах лермонтовских произведений. Продолжаю перелистывать тома академического издания — и с томительным однообразием вновь и вновь проходят перед глазами давно уже примелькавшиеся слова, по существу те же самые, которые мы уже видели: «злой рок», «мрак уединенья», «хладеющая рука», «коварство змеи», «лава вдохновения», «бури роковые», «небесный жар», «печать презрения», «холодный взор», «сердечный яд», «яд страстей» и т. д.

С этих слов Лермонтов начал, ими же он и кончил. Они проникают собою все его литературное наследие.

Творя, создавая, он придал своему таланту исключительную художественную мощь, глубину и выразительность, но почти не раздвинул его границ шири. Всю жизнь мысли и чувства Лермонтова вращались в одном и том же узком круге, закреплялись на бумаге в одних и тех же словах. Это однообразие указывает на соответствующее ему однообразие внутренней жизни, а оно порождается душевным одиночеством. И думается, что безмерно велико было это одиночество и тяжки были его влияния, если даже громадная творческая сила Лермонтова не могла их сломить.

Переходим к другим более массивным словесным группам — и наталкиваемся на то же явление. Прекрасно сказал Лермонтов в одном из лучших своих стихотворений:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.³

и т. д.

Однако сказал так Лермонтов не в первый раз. Еще за восемь лет до этого он писал:

Есть звуки — значенье ничтожно
И презрено гордой толпой,
Но их позабыть невозможно. ⁴

и т. д.

Вновь отодвигаемся на несколько лет назад и снова находим то же самое:

Есть слова — объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной:
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой. ⁵

И это не простые варианты, т. е. поддерживающие друг друга наброски: это составные части произведений вполне законченных, независимых, написанных на самостоятельные темы. Очевидно, одинокая душа Лермонтова скудно обогащалась новыми поэтическими элементами; словно в каком-то *perpetuum mobile* всю жизнь проходили в его мозгу одни и те же образы, и даже занеся их на бумагу, он все же не мог отделаться от них.

В одном из стихотворений Лермонтова мы читаем:

Так сочный плод, до времени созрелый,
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз,
И час их красоты — его паденья час! ⁶

Но эти же строки имеются (даже почти неизмененные) и в знаменитой лермонтовской «Думе» («Печально я гляжу на наше поколение...»). Наконец, в стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью» еще раз использован этот же образ:

И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока.

Прекрасны строки стихотв.⟨орения⟩ «Расстались мы...»

...храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — все Бог!

Однако они встречаются и в стихотворении «Я не люблю тебя», написанном много раньше.

...как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки,—

писал Лермонтов в «Подражании Байрону», но еще раньше он уже сказал:

И тягостно мне счастье стало,
Как для царя венец.⁷

В том же «Подражании Байрону» найдется полная параллель к куплету «Если искра надежды хранится» (см. акад. изд., т. I, стр. 38). Романс «Стояла серая скала» повторяет образ из конца другого стихотворения (см. акад. изд., т. I, стр. 100). В стихотворении «На смерть Одоевского» вставлены куски из поэмы «Сашка» и из стих. «Он был рожден...» Куплет «Отворите мне темницу» встречается в двух различных стихотворениях (см. акад. изд., т. II, стр. 11 и 207) и т. д., и т. д.

Так билась одинокая душа Лермонтова в кругу однообразных переживаний, превративших его творчество в какое-то «повторение пройденного»*.

Лишь под конец в поэзии Лермонтова наметился перелом, зазвучали реалистические нотки**, определился сдвиг к Пушкину. Ведь и Пушкин, подобно Лермонтову,

---

* Критика (в лице, напр., Михайловского) уже указывала, что почти все герои Лермонтова повторяют друг друга, являясь набросками для одного и того же типа.

** См., напр., «Валерик», «Сказку для детей» и т. д.

начал с романтической живописи, с «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», «Цыгана» и т. п. и лишь позднее перешел к иным настроениям. Но разве не те же настроения сказались в этих примечательных строках Лермонтова:

Любил и я в былые годы
В невинности души моей
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.
Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру — ясную погоду,
Под вечер — тихий разговор.⁸

Сраженный неожиданной смертью, Лермонтов не смог выразить и запечатлеть это начинавшееся перерождение своей творческой личности. Но и в тех вещах, которые он успел сделать, есть много такого, что навсегда сделалось радостью жизни для очень многих людей. И потому многие с чувством живой благодарности вспомнят ныне этого гениального, но одинокого, на самого себя покинутого, человека.

[1914]

БУЛГАРИН В БЕЛОРУССКОЙ ШУТОЧНОЙ ПОЭМЕ

Поэма, о которой идет речь, известна под названием «Тарас на Парнасе»¹. Написана она в 40-х годах минувшего столетия², когда начали замечаться первые признаки возрождения крайне обмелевшей белорусской литературы и угасшего национального самосознания белорусов. Однако в печать попасть поэме тогда не удалось: 40-ые годы были именно тем временем, к началу которого со стороны правительства посыпался ряд систематических ударов, направленных на уничтожение национальных устоев белорусского народа³. Действие белорусского права (заключенного в т. н. «Литовском статуте») было отменено⁴, униатская религия, ставшая в крае как бы национальной белорусской верой, уничтожена, проповедь на белорусском языке воспрещена, белорусские книги конфискованы и сожжены, писание новых не дозволено. Поэтому «Тарасу на Парнасе» пришлось дожидаться содействия типографского станка вплоть до конца 80-х годов⁵, когда запретительные указы пришли в забвение и в печати начали появляться кое-какие белорусские произведения. До тех же пор поэма распространялась среди любителей белорусской словесности в рукописном виде. Зато попав в печать, она быстро приобрела себе среди них самую широкую популярность и выдержала за четверть века полтора десятка изданий — факт, в истории белорусской литературы сравнения не имеющий.

Для такой популярности были свои причины. Поэма во многих местах полна хоть и не очень тонким, но живым

и неподдельным юмором, речь ее достаточно колоритна и чиста, стих — бойкий, льющийся непринужденно, вся поэма в целом — беспретенциозна и, между прочим, довольно литературна. Эта литературность приятно выделяет ее среди белорусского творчества той эпохи.

Содержание поэмки (в ней около трехсот стихов) сводится к тому, что белорусский мужик Тарас в результате одного приключения очутился на Парнасе⁶, среди греческих богов и богинь. Незамысловатый комический эффект поэмы достигается путем обрисовки быта богов применительно к быту зажиточного белорусского крестьянина. Но для нас, впрочем, эти страницы не интересны, а интересен выпад против Булгарина и Греча⁷, сделанный при описании Парнаса. Вот относящееся сюда место поэмы:

Прайшоў вёрст колькі тэй дарогай,
Аж бачыць ён — гара стаіць,
А пад гарой народу многа,
Як бы кірмаш які кіпіць.
Глядзіць ён бліжай — што за ліха!
Народ не просты, ўсё паны,
Хто дужа шпарка, хто паціху
Ўсе лезуць на гару яны.
Усе з сабою цягнуць кніжкі,
Аж з іншых пот руччом плюшчыць,
Друг дружцы выціскаюць кішкі,
Аж нехта паміж іх крычыць:
— Памалу, браццы! не душыце
Мой фельетон вы і «Пчелу»*,
Мяне наперад вы пусціце
І не трымайце за палу.
А не, дыкда-душы** ў газеце
Я вас аблаю на ўвесь свет,
Як Гогаля у прошлым леце —
Я ж сам рэдактарам газет!
Глядзіць Тарас, аж гэта сівы
Кароткі, тоўсты, як кабан,

---

* «Северная пчела» — орган Булгарина и Греча.

** Да-душы — божба.

Плюгавы, дужа некрасівы
Крычыць, як ашалелы, пан.
Нясець вялікі мех пан гэты,
Паўным-паўнюсенькі набіт;
Усё там кніжкі ды газеты...
Ну, як каробачнік той, жyd.
Таварыш * поплец з ім ідзець
І несці кніжкі памагаець,
А сам граматыку* нясець,
Што ў семінарыях абучаюць.

Кто был автором цитируемой поэмы — неизвестно⁸. Но, конечно, это человек русской культуры. Речь его не чужда великоруссизмов, стих (очень редкий в белорусской поэзии четырехстопный ямб) — прямое наследие пушкинской эпохи. Человек этот сроднился с русской литературой, умел ее понимать и ценить. Последнее видно хотя бы из имен писателей, которым он отвел первое место на Парнасе***. И только близость к русской литературе, только понимание, кто у нее сын, а кто подкидыш, и понимание притом не равнодушное, не безразличное,— только это могло побудить автора невинной стихотворной шутки сделать экскурс в сторону Булгарина**** и Греча. Значение и острота нанесенного им удара явно не велики. Однако бесспорный интерес имеет самый факт наличности таких выпадов даже в скромной белорусской литературе.

[1914]

---

* Товарищ этот — Греч.

** Изд. в 1826 и 1830 гг.

*** Пушкин, Лермонтов, Жуковский и Гоголь.

**** Он, к слову сказать, как уроженец Белоруссии, земляк с автором поэмки. Добавим, что Булгарин использовал свои белорусские наблюдения для литературы. Картины еврейского и помещичьего быта Белоруссии занимают едва ли не лучшие страницы когда-то известного «Ивана Выжигина»⁹.

БЕЛОРУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

I

Приступая к характеристике и описанию белорусского национального движения, определим прежде всего соотношение между ним и общеевропейским прогрессом. Основные линии этого последнего обозначились твердо и ясно: именно они ведут в сторону все более и более увеличивающегося дробления культур вообще и литератур в частности. Чтобы убедиться в этом, достаточно беглого обзора цепи наиболее значительных и выпуклых фактов из истории европейских культур.

Отступив от современной пестрой и многоязычной литературной жизни вглубь, ко временам Средневековья, мы очутимся в эпохе, когда единственным крупным орудием духовной культуры в области слова был латинский язык, игравший роль языка интернационального. Всякий нечуждый умственным интересам человек, в какой бы точке Западной Европы он тогда ни жил, непременно был с ним знаком, так как знакомство это являлось необходимым условием всяческого образования. Почти все, что писалось в это время, писалось по-латыни. Итоги обширной литературы, возникшей таким путем, давно уже подведены и оказываются весьма многозначительными. Из них видно, что, несмотря на свою разработанность, латинский язык оказался пригодным только лишь для научных трудов; что же касается художественного творчества, то здесь в течение целых столетий никаких истинных ценностей не возникло.

Однако эти ценности сразу же начали создаваться, когда писатели (во главе с Дантом) обратились к народным европейским языкам — итальянскому, французскому, немецкому, английскому, испанскому, языкам грубым, необработанным, но живым. Конечные результаты этого движения налицо: единая для всех стран, общекультурная литература исчезла, а ее место заняли основные европейские литературы, обозначившие областями своего распространения границы нескольких наиболее значительных культур.

Однако описываемый процесс на этом не только не остановился, но, неудержимо развиваясь, расширял и углублял свое русло и возрастал, так сказать, не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Вслед за культурами крупного калибра на историческую сцену выступил целый ряд более мелких: португальская, голландская, румынская, чешская, новогреческая, сербская, болгарская, фламандская, кельтская, финская, эстонская, литовская, латышская, грузинская, армянская, татарская и т. д. Это движение, докатившее свои волны до нашего времени, с каждым годом все более растет, крепнет и, расширяя сферу своего влияния, захватывает даже такие народности, как чуваша, черемисы, эскимосы и т. п.

Видное место в этом грандиозном сдвиге занимает процесс размежевания родственных культур. Одни разнородные культурные массивы прямо расползаются по шву, примером чего является обособление трех скандинавских культур, издавна слипшихся, но не слившихся в одно целое. От других отслаиваются более слабые, близкие к ним по происхождению, но все же не тождественные с ними национально-культурные единицы *. От чеш-

---

* Не следует забывать и развития литератур на местных языках, не являющихся, однако, органами отдельных культур. Т. (ак) к. (ак) в Италии возникают художественные произведения на всех ее 15-ти языках, в Испании растет каталонская литература, во Франции — провансальская и т. д.

ской культуры откалывается словацкая, сербской — словинская, польской — кашубская, от русской¹ (великорусской) отслоилась украинская и, наконец, белорусская*. Таким образом, перед нами в лице этой последней находится не монстр, не раритет, не уникум, а глубоко жизненное явление, находящееся в русле обще-европейского прогресса. Присмотримся же ближе к ее прошлому и настоящему.

*
*   *
*

Бегло выбирая и суммируя факты, по своей общепризнанности спору не подлежащие, мы убеждаемся, что белорусская культура отнюдь не является простым вариантом культуры великорусской. Наоборот, в их лице перед нами находятся два самостоятельных культурных комплекса, с самого же начала росших и развивавшихся независимо друг от друга. Разнясь между собою и по бытовым первоосновам, и по влияниям, направленным извне, и по событиям дальнейшей исторической жизни, они, естественно, пришли к далеко не тождественным конечным результатам.

Дело в том, что уже к концу XIII ст. (по авторитетному свидетельству проф. Карского) белорусская народность выступает сформировавшейся в своих основных чертах, опередив в этом отношении народность великорусскую, которая, таким образом, не могла влиять на процесс возникновения ее. Отсутствие экономических скреп между

---

* Напомним, что белорусы сплошной массой заселяют всю Могилевскую губернию, Минскую (кроме Мозырского уезда), северную часть Гродненской, восточную — Виленской, всю Витебскую губ., кроме ее верхнего угла, северную часть Черниговской (уезды Мглинский, Суражский, Новозыбковский и Стародубский), а также прилегающие ко всей этой области части губерний Сувалкской, Ковенской, Смоленской. Белорусское население этой территории исчисляется 8 миллионами.

ними, географические условия, изолировавшие Белоруссию от северо-восточных земель — все это оставляло еще меньше места для какого-либо взаимодействия. Наконец, в том же XIII веке подошли они к государственному распутью, что еще резче обособило их: Белоруссия целиком оказалась в границах В.〈еликого〉 к.〈няжества〉 Литовского², а великорусские области сгруппировались вокруг Москвы. С этого времени жизнь обоих данных народов, равно как и исторические судьбы их, надолго утрачивает всякую общность.

Что касается великорусского народа, то ход его развития общеизвестен. Ассимилировав массу финских племен, усвоив их приспособленный к окружающим условиям бытовой уклад и, следовательно, отклонившись от исконного славянства как антропологически, так и культурно, он в довершение всего пережил эпоху татарщины и оказался почти совершенно отрезанным от Западной Европы.

Судьбы Белоруссии сложились иначе. Войдя полностью в состав В.〈еликого〉 к.〈няжества〉 Литовского, она ощутительно перетянула тяжестью своей культуры на весах истории Литву и, приобретя над ней приоритет, продолжала развиваться на своих древнеславянских корнях. «Писарь земски (т. е. государственный канцлер) маеть по-руску (т. е. по-белорусски) литерами и словы рускими вси выписы, листы и позвы писати, а не инымъ езыкомъ и словы», — гласила знаменитая фраза тогдашнего закона (статут 1588)³, а это значило, что государственная жизнь В.〈еликого〉 к.〈няжества〉 Литовского должна была проявляться в белорусских национальных формах. На белорусском языке творился суд, по-белорусски писались акты и грамоты, велись сношения с иностранными государствами, белорусский же язык, наконец, являлся обиходным для великого князя и его придворных. Но закрепление и развитие старых культурных основ являлось лишь одной стороной в процессе поступательного движения белорусской национальности. Быть может, не

менее крупное значение имело сближение ее с Западной Европой, с которой она издавна вела оживленные сношения благодаря связям как географическим, так и экономическим. Это сближение тем более следует отметить, что именно с той поры в выработке белорусской культуры участвует не только серая деревня, но и торговый город европейского типа, город, организованный на основах магдебургского права⁴. Он сделал белорусскую культуру более красочной, многогранной, ввел ее в оборот западно-европейской жизни и стал, таким образом, передовым форпостом Западной Европы на востоке.

Неудивительно поэтому, что в эпоху Возрождения⁵ общий умственный подъем, начавшийся на Западе, отразился и в Белоруссии. Ключом забила тут жизнь, шла, причудливо переплетаясь, горячая религиозная, национальная и классовая борьба, организовывались братства, бывшие оплотом белорусской народности, закладывались типографии, учреждались школы с неожиданно широкой по тому времени программой (в некоторых преподавалось пять языков), возникали высшие учебные заведения (юридическая школа имени св. Яна⁶, Полоцкая академия с правами университета⁷ и т. д.). Все это придало широкий размах книгопечатанию, только что успевшему сделать в Белоруссии несколько первых шагов⁸. Основу ему положил один из лучших представителей нарождавшейся тогда белорусской интеллигенции, доктор медицины и бакалавр «семи свободных наук»⁹ Франциск Скорина из славного града Полоцка. Еще в 1517—1519 гг. Скорина издал в Праге чешской «Библию зуполную», переведя ее на белорусский язык, а затем с 1525 г.¹⁰ начал «выдаваць» свои «битыя» книги в самой Вильне. Он, правда, не нашел себе непосредственных преемников, но когда лет через 40—50 в Белоруссии началось только что описанное мощное движение, печатная белорусская книга сыграла в нем свою роль. В различных местах Белоруссии заработали печатные станки¹¹, выбрасывая книги церковные,

полемические, апологетические, ученые, учебные *. Существенным дополнением к «друкаванай» литературе явилась литература письменная, состав которой был еще разнообразнее. Особого упоминания заслуживают некоторые художественные произведения, каковы, например, прекрасная повесть о Тристане и Изольде¹², видение Тундала¹³, сказание о Трое¹⁴, длинный фантастический рассказ об Александре Македонском — «Александрия»¹⁵ и т. п. Параллельно этому шла созидательная работа и в других областях духовной жизни; отметим хотя бы полоцкие стенные росписи кисти Сальватора Розы¹⁶. Все это, взятое вместе, выдвигало Белоруссию на одно из первых мест среди культурного славянства, ставя ее далеко впереди Московщины — тогдашнего славянского захолустья, питавшегося, как чужеродное растение, духовными соками Белой Руси¹⁷.

Однако вслед за описанным «золотым веком» в истории белорусской культуры начался период упадка. Пограничным камнем между ними является дата уничтожения в государственном обороте В.〈еликого〉 к.〈няжества〉 Литовского пользования белорусским языком и замена этого последнего польским¹⁸. К указанному времени, т. е. к концу XVII столетия, летаргия белорусской национальной жизни обозначилась вполне ощутительно¹⁹. Литовско-русское государство, с 1569 г. связанное унией с Польшей²⁰, успело утратить львиную долю своей самостоятельности. Высший и средний слои белорусского дворянства очень быстро денационализировался. То же самое, хотя более медленно и не в столь резких формах, происходило среди мелкой шляхты и городского мещанства. Лишенный классов, крепких экономически и культурно, придавленный крепостной зависимостью, белорус-

* Отметим среди них Статут Великого княжества Литовского, изданный в 1588 г. и являющийся капитальнейшим памятником национального белорусского права, выросшего на основе юридических начал, заложенных еще в киевский период русской истории.

ский народ не только не мог продолжать развитие своей культуры, но не был в состоянии даже просто сберечь уже добытое раньше. Лишь основные, первоначальные элементы культуры (вроде языка, обычаев и т. п.) удержал он за собою, а все остальное, представлявшее собою, так сказать, «сливки» его предыдущего развития, было ассимилировано, вобрано в себя польской культурой и с тех пор фигурирует под польской этикеткой будучи по существу белорусским.

Одним из наиболее печальных проявлений указанного обнищания белорусской культуры, бесспорно, следует признать почти полное исчезновение печатной книги на белорусском языке. Однако этот язык, переставший уже служить основой для культурного строительства в Литовской Руси, все еще повсеместно господствовал в домашнем обиходе многих слоев населения, даже тяготевших к Польше. Этим и объясняется широкое развитие рукописной белорусской литературы, идущее сплошь на протяжении XVII, XVIII и отчасти XIX столетий. Характер она имела главным образом чисто практический (лечебники и т. п.), хотя нередки были и исключения. Несколько поддерживало белорусскую культуру униатское духовенство, так как уния была распространена почти исключительно среди простого народа и являлась в крае как бы национальной белорусской религией. Начиная с конца XVIII столетия униатским духовенством на белорусском языке произносились проповеди, издавались религиозные песнопения * и т. п. Последним проявлением этой деятельности является изданный в 1837 г. белорусский Катехизис; через два года произошло воссоединение униатов, Катехизис сожжен, проповедь на белорусском языке воспрещена.

---

* Из них известны сборничек «Kartyczka», изд. в 1774 г., и отдельные стихотв. вещицы: «Radusja Boży narodzie», «Nowa radość stała», «Caru Chryście miły», «Kaźuć ludzi» и проч., вышедшие в 1771, 1778 и 1792 гг.

Еще больше значения в тогдашней белорусской словесности имеют произведения юмористического характера. Уже в XVII веке можно отметить остроумное сатирическое письмо²¹ на политические и бытовые темы, исходившее якобы от известного краснослова Мелешки и разошедшееся в массе списков по всей Белоруссии. С этого же времени ведет свое начало целый ряд белорусских комедий, писавшихся профессорами риторики из местных коллегий, а то и самими учениками. Назовем, напр., ксендза Цецерского, автора ком. <едии> «Doktor przymuszony»²² (1787 г.), его современника проф. риторики и поэзии в Забельской гимназии К. Морашевского²³ и проч. Живость белорусской речи — качество весьма обычное в произведениях этого рода. Наконец, в половине XVII же столетия появилась стихотворная сатира на протестантского пастора, написанная и напечатанная иезуитом. По-белорусски в ней говорит (и хорошо, замечу в скобках, говорит) крестьянин Sieńko Nalewajko, пытающийся разобраться в проповеди пастора, переполненной греческими цитатами. Сатира эта* была едва ли не первым белорусским стихотворением**. Она положила начало целому ряду юмористических стихотворных вещей, обычно низкопробного достоинства, стремящихся к тому же иной раз посмеяться не только на белорусском языке, но и над белорусским языком — прекрасное мерило культурности местного панства. Для образца укажем на плоское и написанное скверной речью подражание²⁴ «Энеиде» Котляревского, принадлежащее перу смоленского помещика Ровинского (жил на рубеже XVIII—XIX стол., писал и по-русски). Наконец, к последним годам описываемого периода намечается даже некоторая радикально-демократическая

---

* Witanie na Pierwszy Wjazd z Królewca do Kadłubka Saskiego Wileńskiego Ixa Her. N. Lutermachra, изд. в Вильне в 1642 г.

** Несколько строк из Библии Скорины, напоминающих собой стихи, я в расчет не беру.

струя. Об ее наличности свидетельствуют, напр., трагические стихи крестьянского мальчика Петрука из-под Крошина²⁵, очень острая «*Hutarka Nobilja z Rustikusom, abo szlachcica z chłopotem*», хранящаяся в белорусском виленском (частном) музее, и т. п. явления. Но их уже следует считать предвестниками нового периода как в истории края вообще, так и белорусской литературы в частности.

II

Как известно, присоединение к России первоначально не произвело резких перемен в жизни белорусского народа. Нивелирование его, подгонка под общерусский ранжир отчетливо началась только с сороковых годов, когда было отменено действие Литовского статута²⁶, уничтожена уния²⁷, а вместе с тем и воспрещена проповедь по-белорусски, воспрещено (негласно) печатание белорусских книг, конфискованы ранее отпечатанные и т. п. Вот эти-то события и проводят твердую разграничительную черту в истории белорусского народа, а не простой факт расширения географической карты России. Именно с них началась в жизни Белоруссии новая глава, как началась она благодаря этому и в предлагаемой статье. Достоинно внимания, что и внутренний облик края к этому времени начал существенно меняться. Возник Виленский университет²⁸, появилась пресса²⁹, значительно увеличился спрос на книгу, начала выкристаллизовываться интеллигенция. В умственный обиход все глубже и глубже входили демократические идеи — отзвук французской революции и польских восстаний. Видны эти идеи и в указанных уже образчиках радикальной литературы, и в речи с призывом к освобождению крестьян, сказанной виленским предводителем дворянства Завишей на сеймике 1818 г., и в уничтожении «прыгона» у Хрептовича, Бжостовского и проч.

Это внимание к народу проявилось, конечно, и в литературе, найдя себе к тому же некоторую опору в царившем тогда романтизме, так высоко ставившем народную сказку, песню, легенду. Начали печататься белорусские этнографические материалы (Чечот и проч.), возникла на почве местного «патриотизма» особая «краевая» литература, главным образом польская*. Недостигаемым образцом для этих произведений был «Пан Тадеуш»³⁰ Мицкевича, далеко выдвинувшийся из границ чисто местного значения. Предметом «краевой» литературы являлось описание Белоруссии, белорусской природы, белорусского крестьянства и мелкой шляхты, их повседневной жизни и обычаев. В эти описания нередко проскальзывали произведения белорусского народного творчества, встречалась и белорусская разговорная речь. Естественно, что деятели этого литературного течения кое-что писали прямо по-белорусски и пробовали иной раз пустить в печать какую-либо ходившую по рукам белорусскую рукопись, обходя цензурный запрет. Несколько таких попыток можно зарегистрировать в первой половине 40-х годов. В «Маяке»³¹, «Северной пчеле»³², альманахе «Rocznik Literacki»³³ (изд. в Петербурге кружком лиц с белорусскими симпатиями), вышедшем за границей очерке «Białoruś»³⁴ Рыпинского**, книге Барщевского «Szlachcic Zawalnia»³⁵ и проч. было так или иначе помещено несколько белорусских стихотворений***, впрочем, совершенно незначительных. Часть их принадлежит уже упомянутому Барщевскому, видному «краевому» писателю того времени.

Более ценен вклад в белорусскую литературу, сделанный Яном Чечотом. Близкий друг Мицкевича, он в моло-

---

* В русской литературе можно отметить произведения Фаддея Булгарина, уроженца Витебщины (Міншчыны.— Рэд.), и нек. друг.

** Тот же Рыпинский сочинил нравоучительную поэмку «Niaczyścik», выдержавшую за границей три (?) издания. Нехитрая по замыслу, она написана недурным белорусским языком.

*** Например, под видом народных и т. п.

дости участвовал вместе с ним в известном тайном обществе «филоматов»³⁶, был в 1823 г. сослан в Оренбург, где прожил 10 лет, а затем возвратился в Белоруссию и до самой смерти занимал должность библиотекаря в Щорсовской библиотеке графов Хрептовичей. Искренний демократ, горячо любивший белорусский народ, он собирал и издавал произведения народного творчества, писал по-белорусски морализующего характера брошюры (они, однако, не были напечатаны), а в сборнике «Piosńki wieśniacze» 1844 г. поместил десятка три своих белорусских стихотворений³⁷, написанных в подражание народным песням. Стиль был выдержан Чечотом столь удачно, что эти пьески неоднократно перепечатывались разными этнографами в качестве чисто народных.

Все эти пробы поместить украдкой в печать несколько белорусских вещей завершились появлением в 1846 г. пьесы «Sielanka» В. Дунина-Марцинкевича, написанной отчасти по-польски, отчасти по-белорусски (для цензуры названа польской). Вслед за этим бдительность цензуры усилилась, и в истории белорусского печатного слова наступил десятилетний антракт. Но, конечно, рукописная литература продолжала развиваться, хотя ее облик сильно изменился. Уже отмерла та часть ее, которая служила для повседневного практического обихода сельской шляхты и городского мещанства. На передний план выдвинулись произведения стихотворные, очень часто юмористические. Их слабость объясняется бесцельностью их существования: безграмотный народ этих произведений не мог знать, для интеллигенции же они не были хлебом духовным, а лишь простым привеском к литературе польской или великорусской. Подчеркиваем это, так как подобное положение вещей продолжалось до самого последнего времени и наложило глубокую печать на все прошлое белорусской литературы; горе ее заключалось в том, что у нее не было ни читателей, ни писателей — были лишь любители белорусской словесности. Впрочем,

это не мешало появляться довольно интересным белорусским произведениям. Отметим среди рукописей 40-х годов остроумную шуточную поэму «Тарас на Парнасе»³⁸, содержащую, между прочим, выпады против Греча и Булгарина. Написанная бойко, хорошей белорусской речью и безукоризненным стихом, она впоследствии приобрела широкую популярность и переиздавалась десятка полтора раз. Еще более интересного находим мы на рубеже шестидесятых годов, во время эпохи «великих реформ». За истекшие 10 лет жизнь в Белоруссии сильно эволюционировала, демократизировалась, что не могло не отразиться на белорусской литературе. Эта последняя росла, развивалась, и период общественного подъема был периодом подъема и для нее. Лишь только начались послабления, вызванные севастопольской войной³⁹, как она выдвинулась вперед во главе с уже упомянутым В. Марцинкевичем⁴⁰.

Родился он в 1808 г.⁴¹ в семье мелкого арендатора, детство провел на родине, в Бобруйском уезде Минской губ. Затем, окончив в Бобруйске среднеучебное заведение, некоторое время пробыл в Виленской базилианской коллегии и в Петербургском университете. Уйдя из последнего, долго служил в различных минских канцеляриях, пока в 1858 г. не кинул службу и не обосновался в еще раньше купленном имении Люцинке (под Минском), где и умер в 1885 г.

К первому произведению Марцинкевича, пьесе «Sielanka»⁴², знаменитый Монюшко написал музыку, и в 1852, 1853 и 1855 гг. эту пьесу ставили с большим успехом в Минске, что вновь проложило белорусской речи дорогу из деревни в город. Вслед за этим начинает печататься целый ряд белорусских поэм Марцинкевича*, которые обрываются на 1859 г., так как цензурный досмотр к тому времени

---

* «Нарон» (1855 г.), «Wieczernice» (1855 г.), «Kupała» (1856 г. в книге «Ciekawys? — Przeczytaj!»), «Sćeroŭskije dažynki» и «Wiersz Nauma Pryhoworki» (1857 г. в книге «Dударz Białoruski»). «Pan Tadeusz» (1859 г.), две первые песни. Ныне все переиздано.

уже усилился и переведенные Марцинкевичем две первые песни «Пана Тадеуша» по выходе из типографии были конфискованы⁴³. С тех пор он уже ничего не печатал, хотя и продолжал писать: нам известно его стихотворение «Вясна, голад, перапала»⁴⁴ и четыре комедии⁴⁵.

Писатель грузный и тяжеловесный, сосредоточившийся исключительно на эпосе, Марцинкевич писал стихом неизящным и неповоротливым, сплошь отступающим от требований белорусской просодии⁴⁶ (влияние польских образцов). Можно даже сомневаться, был ли он вообще поэтом. Характерно, например, что, проведя значительную часть своей жизни в деревне, он совсем не чувствовал природы и не дал ни одной картинки ее, хотя описывал исключительно сельский быт. Впрочем, ему нельзя отказать в знании белорусской деревни и в некотором изобразительном таланте, а изредка и в бойкости письма. Наиболее полно эти достоинства проявились в первой песне поэмы «Нароп», сохранившей и доселе известный интерес. Однако заслуги Марцинкевича перед белорусской литературой лежат все же не в области художественных достижений, а в области чисто исторической. Они в том демократизме, который веял от сентиментально-народнических поэм Марцинкевича, в той гуманизаторской тенденции, которая явственно проступает из каждой их строки и которая была по своему времени очень не лишней. Наконец, отметим, что, много писав и много печатая, он возбуждал вокруг своих произведений разговоры и полемику, напоминал о существовании белорусского языка и зародышей белорусской литературы, наводил на вопрос о возможности их дальнейшего развития. Неудивительно поэтому, что он стал центром белорусского писательского кружка, в составе которого были лица, обладавшие гораздо более крупным талантом.

Из них прежде всего следует упомянуть богато одаренного «краевого» поэта Владислава Сырокомлю (Кондратовича), некогда популярного и в России⁴⁷. Известный

исключительно своими польскими произведениями, он, однако, много писал и по-белорусски *, но не мог закрепить в печати эту последнюю сторону своего творчества (за исключением революционного стихотворения «Заходзіць сонца»⁴⁹). Все его белорусские рукописи и поныне ждут своего издателя. Киркор указывал, что песни Сырокомли теперь поются в Белоруссии наряду с народными⁵⁰. Немало белорусских стихотворений оставил и талантливый последователь Сырокомли польский⁵¹ поэт Винцук Коротынский; однако они, за исключением одного, не были напечатаны⁵². Еще больше писал по-белорусски Артем Верига-Даревский, нигде не печатавшийся⁵³. Из крупнейших его произведений известны перевод «Конрада Валенрода» Мицкевича, поэма «Братом ліцвінам», юмористические повести «Паўрот Міхалка», «Быхаў», «Гутарка з пляндроўкі на зямлі Латышскай» и т. д. Современники ставили их очень высоко⁵⁴. Продолжая обзор, укажем, что упомянутый уже нами известный местный ученый А. Киркор писал для народа популярные белорусские брошюры, но напечатать их не имел возможности. Точно так же почти не печатались, хотя и писали на белорусском языке, поэты Ялеги Франциш Вуль, Н. Короткевич, Юлиан Лясковский, Якуб Т-ки, Юлиан Мрочек⁵⁵ и мн. др. Не вдаваясь в детальную оценку их творчества, подчеркнем все же, что со времени сороковых годов белорусская письменность значительно продвинулась вперед. Кругозор ее, бесспорно, расширился. Жизнь белорусской деревни, скромные сельские пейзажи, простые человеческие чувства и переживания, немудрая шутка — все это нашло себе место на ее страницах. Столь же обычными стали демократические и национально-белорусские тенденции, достигавшие иной раз яркости и остроты

---

* Наприм., либретто для оперы извест. (ного) музык. (анта) Лопатинского⁴⁸ и проч.

исключительной. Наконец, эволюционировала самая форма произведений, хотя отсутствие у белорусских писателей достойных образцов сказывалось очень ощутительно.

Был использован в эту эпоху белорусский язык и для целей чисто практических. В 1862 г. вышел «Elementarz dla dobrych dzieciok katolikou» (Варшава), употреблявшийся в частных сельских школах. Появились и белорусские издания, исходившие из правительственных кругов*. Польские повстанцы 1863 г. в свою очередь выпустили ряд изданий на белорусском языке. Таковы «Мужыцкая праўда»⁵⁶, «Гутарка старага дзеда»⁵⁷, «Перадсмертны разгавор пустэльніка Пятра»⁵⁸ и т. д. К. Калиновский издавал в Белостоке даже белорусскую газетку «Нітарка»⁵⁹ (стихотворную), подписываясь псевдонимом «Яська гаспадар з-пад Вільні». Тогда-то возник интерес к белорусам и среди русского общества. «Мы виновны перед вами... Мы, русское общество, как будто забыли про существование Белоруссии», — писал славянофильский «День»⁶⁰ и проектировал издание газеты на белорусском языке. Однако газета не появилась, а правительство официально запретило белорусские театральные представления и белорусские книги, за исключением этнографических. В результате белорусская литература была снова придавлена, снова обречена на прозябание в рукописях. В таком состоянии она просуществовала целых 15 лет**.

За это время Белоруссия сильно эволюционировала.

---

* «Рассказы на белорусском наречии» (1863 г.), изд. Виленск. учебн. округа, «Бяседа старага вольніка з новымі пра іхнае дзела», Могилев, 1861 г., издано по распоряжению губернатора. Книжка разъясняет отмену крепостного права. На ту же тему написаны два огромные стихотворения Блуса в «Могил. Губ. Ведом.», 1861 г.⁶¹

** В течение их появились в печати лишь книжечки «Пра багацтва ды беднасць» (Женева, 1881, перев. с украинского), «Pan Tadeusz», перев. А. І., ч. І., 1882 г. и несколько белорусских сенок Гр. Кульжинского (в 70-х годах).

В ней появилось новое поколение интеллигенции, выросшее под знаком народничества, знакомившееся с социализмом и кое-когда вновь обнаруживавшее зачатки белорусского национального самосознания. Сильно развилась белорусская этнография. Появился ряд сборников народного творчества, составленных Гильфердингом, Дмитриевым, Бессоновым, Шейном, Дембовецким, Романовым и т. д. Был издан белорусский словарь Ив. Носовича, емкостью в 30 тыс. слов. Росла и белорусская рукописная беллетристика, продолжали работать многие прежние писатели, к ним присоединился ряд новых, например, Хвэлька из Рукшениц (Феликс Топчевский), витебчанин, из многочисленных стихотворений которого считаются лучшими «Гаспадыня», «Саўсім не тое, што было», «Вечарынка» и т. д.; Ольгерд Обухович, живший в Слуцке и оставивший, кроме массы оригинальных стихотворений, переводы из Мицкевича, Сырокомли, Лермонтова; Апанас Кисель, могилевец, писавший прозу и стихи; Ян Шемет-Полочанский, Егалковский и проч.; в социалистическом духе писал Адам Гуринович (в начале 90-х годов).

К концу 80-х годов белорусские произведения стали вновь появляться в печати на страницах местных газет, «Календаря Северо-Западного края»⁶² и даже отдельными книжками. Был перепечатан, например, «Гапон» Марцинкевича, вышел ряд изданий «Тараса на Парнасе»⁶³ и т. д. Из новых произведений, печатавшихся в то время, отметим шуточную поэму Шункевича «Сцяпан і Тацяна»⁶⁴ и в особенности стихотворения Янки Лучины (Ив. Неслуховского). Немногочисленные, но тщательно обработанные, они выделяются своей литературностью и несомненной талантливостью. Темы их разнообразны, в содержании проступают народнические и национальные тенденции. Эти тенденции могли уже найти себе отклик среди местной интеллигенции, особенно среди народнических кружков, белорусских студенческих землячеств и т. п. Одно из них (московское) перевело и издало в 1891 г.

рассказ Гаршина «Сигнал»⁶⁵. Около того же времени группа белорусов-социалистов начала выпускать нелегальную газету «Гоман»⁶⁶. В том же 1891 г. в Галиции⁶⁷ вышла книжка стихотворений Мацея Бурачка «Дудка беларуская», а в 1894 г. в Познани — сборничек Сымона Ревки «Смык беларускі»⁶⁸. И то и другое принадлежало перу интересного белорусского деятеля Францишка Богушевича.

Родился он в 1840 г., учился в Петербургском университете, был в Белоруссии народным учителем. Принимал участие в восстании 1863 г., был ранен. Окончив затем в Нежине юридический факультет⁶⁹, занимался судебной деятельностью в разных местах России, а под конец жизни — в Вильне. Умер Богушевич в 1898 г.⁷⁰ Его произведения, глубоко проникнутые национальным и демократическим духом, не блещут изяществом отделки, но зато отличаются большой энергией выражения. Стих его прост и суров; изредка эта суровость сменяется юмором. В предисловиях к своим книжкам Богушевич едва ли не первый явился проповедником всестороннего национального возрождения белорусов, доказывая, что они представляют отдельный, самостоятельный народ.

В тех же девяностых годах выступил с рядом русифицированных белорусских рассказов не лишенный таланта А. Пщелко*, а вслед за ним М. Н. Косич (перев. басен Крылова, рассказ «На перасяленне»⁷¹ и т. п.). Одновременно с ними напечатал ряд популярных брошюр А. Ельский⁷². Были и еще кое-какие издания. Так белорусская литература вошла в XX столетие.

К этому времени в крае появился целый ряд национальных и политических течений и организаций. Начали возникать подобные же белорусские кружки. Один из них сыграл в белорусском возрождении большую роль, поро-

---

* Собраны в книгах «Очерки и расск. из жизни белор. деревни», 1906 г. и «Очерки и расск. из жизни Белоруссии», 1910 г., 2 изд.

див умеренное «Общество белорусского народного просвещения»⁷³ и «Беларускі рэвалюцыйны саюз»⁷⁴, возникшие в 1902—3 гг. Первое проявило себя изданием журнальчиков-однодневок «Калядная чытанка»⁷⁵ и «Велікодная чытанка»⁷⁶. Из других фактов «культурнической» деятельности отметим издание сборничка стихотворений Я. Лучины «Вязанка»⁷⁷ (для цензуры назван болгарским); выпуск в Кракове нескольких переводных брошюрок Конопницкой, Ожешковой, Сенкевича («Wiedźma», «Janka muzыkant» и т. д.); устройство в Минске, Петровщине, Карлсберге театральных представлений (под флагом украинских) и т. п. В то же время «Бел. рэв. саюз», вскоре переименованный в «Беларускую сацыялістычную грамаду», издал при содействии PPS⁷⁸ ряд брошюр и воззваний, например, «Хто праўдзівы прыяцель беднага народу», «Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць», «Песні» и пр. В таком составе белорусская литература очутилась на грани событий, начавших историю всех народов России с красной строки.

III

1905 г. является вехой, отмечающей точку перелома в истории белорусского возрождения. События, связанные с этим годом, создали в народных массах стремление разобраться в окружающей жизни и вызвали лихорадочный спрос на идеологические ценности. Писать для этого массового читателя было необходимо прежде всего просто и понятно, так что сама собой являлась мысль обратиться к белорусскому языку. Появились издания «Беларускай сацыялістычнай грамады», печатались по-белорусски воззвания и некоторых других партий*, появилась

---

* Из не революционных изданий назовем брошюры «Аб чым у нас цяпер гамоняць», Борисов, 1906 г., 2 изд. и «Hutarka ab tom, jakaja maje być «Ziamlja i Wolja», 1906 г., стихотворный рассказ г. А. I.

и беллетристика с яркой политической окраской. Среди этой последней отметим сборнички стихотворений «Скрыпка беларуская» и «Хрэст на свабоду»⁷⁹. Из агитационных брошюр БСГ можно назвать «Чы будзе для ўсіх зямлі», «Што такое свабода», «Як зрабіць, каб людзям стала добра на свеце», «Як мужыку палепшыць сваё жыццё» и т. п. Наконец, на исходе 1906 г. в Вильне появилась первая легальная белорусская газета «Наша доля»⁸⁰ ярко радикальной окраски. На седьмом номере она была закрыта. Однако в это время уже начал выходить новый еженедельник «Наша ніва»⁸¹ (Вильна), державшийся более умеренного направления и сосредоточивший на себе все белорусские национальные чаяния. Еще раньше группа белорусов, проживавших в Петербурге, основала издательское товарищество «Загляне сонца і ў наша аконца»⁸² и принялась за выпуск учебников, произведений некоторых новых, а также и старых белорусских писателей (Бурачка, Марцинкевича, Купалы) и т. п. Эта культурная деятельность как петербургских, так и виленских белорусов нашла себе сочувственный отклик и поддержку. Волна общественного возбуждения к этому времени уже схлынула, и Россия вступила во всем еще памятную полосу реакции. В эту пору «Наша ніва» вела неустанную просветительную работу. Ставя своей целью всестороннее возрождение белорусской народной культуры и, следовательно, твердо стоя на определенной демократической позиции, она пробилась себе дорогу в самые глухие уголки Белоруссии, в самые темные слои населения. Для многих тысяч людей она явилась первой газетой, прочитанной ими, первым источником знания, не носившего казенной печати, изложенного простым и ясным языком. К белорусскому крестьянину, сжившемуся с мыслью, что он — хам, а его «мова» — хамская, «Наша ніва» печатно обратилась на этой «мове», вызывая в нем тем самым уважение и к ней и к себе самому, пробуждая в нем чувство собственного достоинства. В белорусском крае, истерзанном нацио-

нальной борьбой, «Наша ніва» неустанно напоминала о необходимости чтить права каждого народа, ценить всякую культуру и, закрепляя свои национальные устои, широко пользоваться приобретениями культуры как польской, так и великорусской и украинской. Это, а также и многое другое, следует постоянно иметь в виду, учитывая значение скромной еженедельной белорусской газетки, размером в один печатный лист.

Вот уже девятый год работает «Наша ніва» в этом направлении. Она подвергалась неоднократным конфискациям, редактор отсиживал в тюрьме, воспрещалось чтение ее и для военных, и для духовенства, и для народных учителей, и для учеников учительских семинарий, и еще для целого ряда лиц. Субсидируемая русская пресса травила ее, утверждая, что она издается на польские деньги для ослабления в крае великорусских позиций и для подготовки почвы к ополячению его. В свою очередь органы польского шовинистического национализма видят в ней тонкое средство для обрусения белорусов-католиков, созданное на деньги казны. Но все это не сломило энергии издателей «Нашай нівы» и не смогло задержать развитие белорусского движения. В настоящее время «Наша ніва» идет в крестьянство, как ни один орган целого края. Со всех сторон в нее льются писанные неискусной рукой крестьянина-белоруса корреспонденции, стихи, рассказы, статьи. Разросшийся сельскохозяйственный отдел привел к возникновению специального ежемесячника «Саха»⁸³ (Минск, 3-й год изд.). Для белорусов-католиков издается латинским шрифтом еженедельник «Bielarus»* (Вильна)⁸⁴, для белорусской молодежи — ежемесячник «Лучынка»⁸⁵ (Минск), для интеллигентных читате-

---

* Его клерикальный характер является некоторым диссонансом в белорусской печати. Впрочем, «Bielarus'у» не чужды ни национальные, ни демократические тенденции ее, хотя проявляются они у него в более умеренной форме.

лей—литературно-публицистические сборники «Малая Беларусь»⁸⁶ (С.-Петербург)*. Пять лет, как уже выходит «Беларускі каляндар «Нашае нівы» (10 000 экз.), получивший на сельскохозяйственных выставках ряд медалей и похвальных отзывов⁸⁷, а со стороны прессы — даже черносотенной — самую высокую оценку. Наконец, на еврейском языке выходит журнал «Литва» (Вильна), специально посвященный литовскому и белорусскому возрождению. Основан целый ряд книгоиздательств («Загляне сонца і ў наша аконца», «Наша хата»⁸⁸, «Палачанін»⁸⁹, «Беларускае выдавецкае таварыства»⁹⁰ и т. д.), выпустивших уже немало книг, число экземпляров которых превышает четверть миллиона.

Однако литературной производительностью белорусское движение, конечно, не исчерпывается. Следует отметить, например, возникновение в Вильне белорусского музыкально-драматического кружка⁹¹, занявшегося развитием белорусской сцены, песни, музыки, танца. Не ограничиваясь выступлениями в Вильне, труппа кружка с большим успехом объездила всю Белоруссию, побывав едва ли не в каждом сколько-нибудь крупном городском или сельском центре. Нередки и самостоятельно организованные сценические представления на местах, встречающиеся все чаще и чаще. В заключение упомянем о возникновении научных кружков для исследования Белоруссии (С.-Петербург⁹², Нов. Александрия⁹³), о собирании белорусского национального музея⁹⁴, об основании собственных книжных магазинов, подготовительной работе к устройству белорусских школ (неофициальных) и проч., и проч. Благодаря всему этому белорусский язык начинает проникать в обиход культурного общества; им, например, пользуются при торговых

---

* В 1914 г. начал выходить орган белорусского студенчества «Раніца». Появились однодневки: в 1912 г. в Вильне «Крапіва» (юмор.), а в конце 1914 г. там же другая однодневка (для помощи жертвам войны).

сношениях, при устройстве выставок, для костельной проповеди и т. п. Но главное значение всего описанного состоит не в этом. Оно состоит в нарождении белорусской народной интеллигенции, вызванной к жизни событиями 1905 г. и формировавшейся под влиянием неустанных усилий белорусских изданий дать ей возможность стать на ноги. Теперь она, наконец, выросла и окрепла. Крестьянин с особой духовной закваской, рабочий, иной раз народный учитель — вот кто входит в ее состав. Все это люди дела, а не слова, люди, являющиеся неразрывной частью народа, не перерезавшие соединительной пуповины между ним и собой. С другой стороны, это люди, для которых только один язык дорог, близок и понятен — язык белорусский. Это люди, которые не делают над собой насилия, не стесняют работу своей мысли, обращаясь к нему, а напротив, ступают тем самым на нахоженную тропинку, хорошо наезженную колею. Опираясь на эту интеллигенцию, белорусское движение начинает чувствовать под собою прочный грунт. Ибо она-то и является основным читательским ядром для белорусских изданий, она же несет на своих плечах крупнейшую часть и самой писательской работы. Чтобы представить себе, какой массовый характер имеет это участие народной интеллигенции в литературе, достаточно узнать, что одна «Наша ніва» в 1910 г. поместила 666 корреспонденций из 320 мест, 69 рассказов 30 различных авторов, 112 стихотворений 24 поэтов и ряд публицистических статей, принадлежавших, помимо сил самой редакции, перу 32 лиц. Присмотримся же ближе к наиболее видным представителям этой литературы, интересной не только тем, что она идет в народ, но и тем, что она идет из народа.

*

* *

До сих пор в белорусской литературе, как это постоянно встречается у начинающих возрождаться народов,

главную роль еще продолжает играть поэзия. Здесь прежде всего обращает на себя внимание фигура Янки Купалы, писателя с крупными достоинствами, хотя и носящими несколько односторонний характер. Первоначально рабочий на деревенском винокуренном заводе, Купала сразу же выдвинулся своею первою книгою стихов («Жалейка»⁹⁵, 1908 г.) и с тех пор продолжает приковывать к себе внимание белорусского читателя. Правда, необработанные, хаотические стихи «Жалейки» производят впечатление скорее своими темами, всегда ярко гражданского направления, чем довольно слабыми художественными достоинствами⁹⁶. Однако уже в этой книге некоторые места заставляли видеть в Купале богато одаренного поэта, лишь не умеющего использовать как следует свой незаурядный талант. «Адвечная песня» — лирическая драма, вышедшая в 1910 г., — еще определеннее указывала на талант Купалы. Находясь в несомненной идейной связи со стихотворениями «Жалейки», она, бесспорно, художественнее их и оставляет благодаря своей цельности и выдержанности более глубокий след в душе читателя. Изданный в том же 1910 году сборник стихов «Нусілаг»⁹⁷ показал, кроме того, что дарование Купалы способно эволюционировать, расширять круг своих тем, совершенствовать свои творческие приемы. Однако в полной мере это сказалось лишь в последней, лучшей книге неудержимо развивающегося белорусского поэта, а именно в сборнике «Шляхам жыцця»⁹⁸ (1913 г.). Кроме того, перу Купалы принадлежат «Паўлінка»⁹⁹, драма из сельской жизни, написанная хорошей прозой, и лирическая драма «Сон на кургане»¹⁰⁰; изданы они сравнительно недавно.

Необыкновенная ритмичность — вот главная, всеподчиняющая особенность Купалы. Его буйные, стремительные ритмы захватывают, гипнотизируют читателя, не дают ему задержаться, опомниться, покоряют его своей власти. Ими обусловлены и все достоинства, равно как и недостат-

ки разбираемых стихов. Богатство рифм, ярких и полноручных, звенящих не только на конце, но и посредине строк, удивительно звучный подбор слов, энергия выражений — все это характерно для поэзии Купалы. Но характерно для нее и отсутствие точности эпитета, ясности фразы, четкой оформленности самого стихотворения в целом, ибо все это приносится в жертву звучности и ритмичности. Лишь в последние годы деятельности Купалы эти недостатки начали исчезать, и в лице его начал вырисовываться не только «божией милостию поэт», но и умелый мастер своего дела, расширяющий круг своих тем, форм и стилей, искусно работающий над общей архитектурой произведения, конструкцией строфы, комбинациями рифм и т. п.

Несомненным талантом обладает и Якуб Колас, бывший народный учитель, печатающийся по-белорусски еще с 1906 г. Книжка его стихотворений «Песні жалбы»¹⁰¹ вышла в 1910 г., а позднейшие произведения разбросаны на страницах различных белорусских изданий. Многими сторонами своего творчества он напоминает Никитина. Это писатель простой, спокойный и всегда себе равный. Нет у него чего-нибудь особенно сильного, яркого, неожиданного, но нет и слабого, никчемного. Стих его не блещет крупными достоинствами, но всегда старательно обдуман и умело обработан. Крестьянская жизнь, ее тяжесть, поэзия труда, сельские пейзажи, национально-гражданские мотивы, тюремное одиночество*, — этим и ограничивается весь кругозор его скромной поэзии. Но столько в ней любви к родному краю, столько неподдельного, тихого лиризма, что становится вполне понятной популярность Коласа среди белорусских читателей.

В обзорах белорусской литературы к именам этих двух поэтов принято присоединять и мое. Часть принадле-

---

* Колас пробыл три года в тюрьме за участие в «Белорусском учительском союзе».

жащих мне стихотворений составила вышедший в 1913 г. сборник «Вянок». Конечно, с моей стороны уместна лишь характеристика, но не оценка их. Отмечу поэтому, что мое творчество было направлено главным образом на расширение круга тем и форм белорусской поэзии.

Из других белорусских поэтов в самостоятельную величину начинает вырабатываться Алесь Гарун (крестьянин, столяр), нашедший свои особые ритмы и время от времени радующий нас изящной оригинальностью стиха *. Резко индивидуальную физиономию имеют немногочисленные произведения К. Каганца ** (лесник), от которых веет языческой Русью. Довольно своеобразны и хороши изредка появляющиеся стихотворения Тетки (М. Крапіўка), близкие многими своими сторонами к народному творчеству. На темах, касающихся любви, сосредоточилась К. Буйло («Курганная кветка» ¹⁰³), пишущая не очень яркие, но гладкие стихи. В юмористическом роде работает А. Павлович (сб. «Снапок», 1910 г.). Упомянем еще Будьку, Гурло (крестьянин), Т. Гартного (рабочий-кожевник), Ф. Чернышевича (крестьянин), Л. Лобика (крестьянин), Янука Д. (крестьянин), К. Орла ¹⁰⁴ (народный учитель), Я. Журбу (народный учитель) и т. д. Внимательный читатель найдет много интересного в их не всегда искусной, но всегда безыскусственной поэзии, темы которой продиктованы окружающей жизнью.

*

* * *

Переходя к беллетристам-прозаикам, остановимся прежде всего на Ядвигине Ш. Сын мелкого землевладельца, он еще в конце 80-х годов принимал участие в бело-

---

* За последнее время выдвигается вперед г. Ясакар ¹⁰² — поэт со стихом выразительным и энергичным, но несколько риторическим.

** См. выше.

русском движении, будучи студентом Московского университета. Исключенный оттуда за участие в студенческих волнениях, вернулся на родину и начал писать по-белорусски (ком.⟨едия⟩ «Злодзей», расск.⟨аз⟩ «У судзе» и т. п.). Когда окрепла белорусская печать, писательская деятельность Ядвига Ш. развернулась шире, и он быстро завоевал себе популярность среди белорусских читателей. Произведения его собраны в книжках «Дзед Завала» (поэма, 1909 г.¹⁰⁵), «Бязрозка» (сб. расск., 1912 г.), «Васількі» (сб. расск., 1914 г.).

В творчестве Ядвига Ш. преобладают небольшие рассказы басенного склада, обычно содержащие в себе простое или упрощенное решение какой-либо житейской проблемы. Соответственно этому Ядвига Ш. широко пользуется аллегорией и охотно обращается при выборе действующих лиц к миру животных. Но он так знает и любит этот мир, так умело и метко подбирает черты для характеристики своих героев, что все его звери и птицы становятся вполне индивидуальными фигурами. Неподдельный юмор и достоинства языка, всегда живого и колоритного, еще более скрашивают рассказы Ядвига Ш. Наконец, есть у него несколько вещей и патетического характера, намечающих новую сторону в таланте этого своеобразного писателя.

Еще сильнее сказался патетический элемент в произведениях Власта. Крестьянин-самоучка, с раннего детства принужденный вести тяжелую борьбу за кусок хлеба, он сумел достигнуть разностороннего образования и развить свое тонкое чувство красоты. Как это на первый взгляд ни удивительно, Власт начал с произведений, написанных в духе польского модернизма. Впрочем, посторонние влияния вскоре исчезли, и талант Власта обнаружил свое истинное лицо. Он не плодовит, но его немногочисленные рассказы всегда полны чувства глубокого и волнующего, мысли тревожной и значительной, всегда отличались редкостным разнообразием тем и стилей.

Т. Гуша изображает в своих очерках повседневную жизнь белорусской деревни. Неглубокие по замыслу, они отличаются правдивостью и естественностью рисунка, оживленностью диалога, льющегося всегда легко и свободно. Умеет Т. Гуша найти и трогательные, и прочувствованные слова, и окрашенные юмористическим колоритом. Часть его рассказов собрана в книжечках «Т. Гушча. Апавяданні» (1912 г.), «Прапаў чалавек» (1914 г.), «Нёманаў дар» (1914 г.), «Тоўстае палена» (1914 г.), «Родныя з'явы» (1914 г.).

Своеобразны рассказы З. Бядули, частью вошедшие в сборник «Z. Biadula. Abrazki» (1913 г.). С мрачным юмором изображает он невеселую белорусскую жизнь и стремится уйти от нее в фантастический, сказочный мир. Именно как фантаст и интересен З. Бядуля. Полны глубокого, потрясающего чувства и истинного символизма рассказы безвременно погибшего С. Полуяна († 8 апр. 1910 г.). Лирическим подъемом отличаются и немногочисленные вещицы П. Простого («Якім Бяздолны»¹⁰⁶, 1914 г.), написанные сильным, взволнованным языком, приближающимся к стихотворной речи. Бойко и живо сработаны рассказы Голубка, проникнутые незатейливым юмором. Из других беллетристов назовем А. Новича, Лёсика, Живицу и проч. Наконец, в сфере публицистики и критики, а иной раз и научной работы много сделали инициатор и руководитель «Нашай нівы» А. Новина, местный экономист А. Власов, уже упомянутый нами Власт (книга «Гісторыя Беларусі»¹⁰⁷ и ряд статей), Ив. Луцкевич, критик и библиограф Р. Земкевич, А. Бульба, С. Полуян, И. Маньковский, Ю. Верещака, Л. Гмырак, Максим Белорус, иначе Максим Горецкий («Рунь», 1914 г.) и мн. друг. Характеристика каждого из них в отдельности затруднительна, но не упомянуть о них нельзя. Ведь именно благодаря их стойкости и самоотвержению белорусское движение, нашедшее ныне твердую опору в широких кадрах народной интеллигенции, выдержало всю тяжесть

первых годов своего существования, приобрело свой теперешний идейный облик и некрупными, но глубокими, нестираемыми буквами врезало свое имя на скрижалях мирового прогресса.

POSTSCRIPTUM

Очерк мой, написанный в июле 1914 г., заканчивается как раз тем моментом, вслед за которым разразилась война. В Белоруссии ее влияние было гораздо более ощутительным, чем в центральной России. Это сказалось и на белорусском движении: его главная опора, национально-сознательная молодежь, оказалась под ружьем, в выходе некоторых органов печати созданся перерыв, издание книг приостановилось, прекратились шаги к созданию белорусского научного общества и т. п. Ныне это глухое время приходит к концу, и мы, оглядываясь на него, можем отметить несколько достойных внимания явлений, обозначившихся более или менее ясно.

Еще раньше в белорусской печати указывались такого рода факты, как получение торговыми фирмами корреспонденции на белорусском языке, возрастающей с каждым годом, или как издание ими по-белорусски прейскурантов, появление белорусских каталогов на кустарной выставке и т. п. Очевидно, уже начинало формироваться сознание, что белорусская речь может по праву войти в местный общественный оборот.

Во время войны наличность такого сознания сказалась гораздо более определенно. В вызванных ею общественных организациях (Вильна, Минск) представителям белорусского движения было отведено место наряду с представителями остальных национальных формаций этого многоплеменного края; всякого рода воззвания, отчеты, извещения этих организаций печатаются на пяти местных языках, в том числе и на белорусском; на пяти же

языках были изданы в Вильне в день благотворительного сбора газеты-однодневки¹⁰⁸, среди них — белорусская. Все это показывает, что в сознании местного общества белорусский народ не *tabula rasa*¹⁰⁹, а самостоятельная национальная величина, белорусское же движение — живая культурно-общественная сила. Вот один из результатов белорусской национальной работы, который вскрыт войной и который мы желали бы подчеркнуть.

[1914]

ЗАБЫТЫ ШЛЯХ

Цяжкі ўдар прыняла на сябе наша краіна¹: на яе абшарах зыйшліся мільённыя арміі, точуца бітвы, усё нішчыцца, гаспадарка гібеець, не тысячы, а соткі тысяч людзей павінны кідаць усё сваё ды ісці па нязмераным дарогам далей, а куды — немаведама; ісці, не знаходзячы прытулку, не маючы скарынкі хлеба, паміраючы і ад голаду, і ад пошасцяў, не ведаючы, якую даць сабе раду.

І мы, беларуская інтэлігенцыя, будзьма ратаваць іх, як ратавалі і дасюль, будзьма ратаваць і ў сваім краю, і на чужыне, памінаючы ў гэтыя грозныя часы абяцанне, каторае ў сэрцы сваім даваў кожны з нас: сілы свае ахвяраваць роднаму краю. Але роднаму краю, а не толькі не маючым прыпынку разграмлёным людзям. Бо, баронячы наш народ, мы павінны бараніць і нашу культуру. І што б там ні было, а гмах яе, калісьці распачаты, павінен быць збудованы да канца. Вось чаму я бяруся гаварыць аб справах, здавалася б, зусім не прыпадаючых да цяперашніх часоў: мова мая будзе аб адным дужа вялікім недахваце ў беларускай паэзіі.

*

* * *

Я пільна прыглядаюся да беларускай паэзіі і заўшэ з радасцю бачу, што яна — паэзія жывая. Не таму, або лепі не толькі таму жывая, што ўжо ёсць у яе колькі праўды здольных песняроў, іншы раз даючых нам поў-

ныя натхнення, бездаганныя творы. Гэта асаблівага значэння не мае. Куды большую ўвагу звяртае на сябе тое, што за восем-дзесяць год свайго праўдзівага існавання наша паэзія прайшла ўсе шляхі, а пачасці і сцэжкі, каторыя паэзія еўрапейская пратаптывала болей ста год. З нашых вершаў можна было б лёгка зрабіць «кароткі паўтарыцельны курс» еўрапейскіх пісьменніцкіх напрамкаў апошняга веку. Сентыменталізм, рамантызм, рэалізм і натуралізм, урэсьце, мадэрнізм — усё гэтае, іншы раз нават у іх рожных кірунках, адбіла наша паэзія, праўда, найчасцей бегла, няпоўна, але ўсё ж ткі адбіла. Вялікую ўнутраную рухавасць мае яна — аб гэтым не можа быць і споркі.

*
*   *

І ўсё ж, хоць многа шляхоў прайшла пры сваім развіцці наша паэзія, але адзін дасюль яшчэ абмінае яна — свой родны, беларускі шлях, праложаны праз соткі год народнай песеннай працы. Соткі год народ вытвараў сваю паэзію, вырабляў прыпадаючыя да сваёй душы вобразы, параўнанні, эпітэты, сюжэты, творчаскія падходы. А чым нашы песняры скарысталіся са ўсяго гэтага? Бадай што нічым.

Праўда, яшчэ год семдзсят таму назад Ян Чачот надрукаваў каля трыццаці ўласных песняў, напісаных так добра нахштальт народных, што і адрожніць ад іх было не зусім лёгка. Але зборнічка² таго даўно ўжо няма, вершы Чачота не перадрукаваны, ніхто іх не ведае і ніякага ўплыву на нашу пісьменнасць яны не мелі і не маюць.

Замала «беларускасці» было (апрыч Чачота ды Петрука з-пад Крошына³, ды яшчэ, быць можа, Баршчэўскага) у нашых даўнейшых песняроў, творы каторых мы ведаем, замала яе і ў сучаснікаў. Адзін толькі Каганец, пішучы вершы, аглядаўся на народную песню, намагаўся, каб яны былі праняты яе духам і яе прыкметамі. Ды, на жаль,

мала было ў яго творах натхнення і выхадзілі яны ў яго важкімі, тапорнымі, бяссільнымі. Таму ў друку іх бадай што зусім не з'яўлялася і ніякага следу ў беларускай паэзіі яны не пакінулі. Аднак, хоць і зрэдку, Каганец падвышаўся да праўдзівай творчасці, і тады ў яго вынікалі такія вершы, як «Кабзар» («Н.〈аша〉 н.〈іва〉»), 1909 г.⁴) — рэч самародная, веючая народным духам і пакідаючая моцнае ўражанне.

Апрыч гэтага, гаварыць астаецца мала аб чым. Зрэдку, то там, то сям спатыкаюцца ў сучасных вершах то народны эпітэт, то народны паралелізм, або метр, або рыфма, або сюжэт. Але як тое рэдка і як тое выпадкова! Часцей гэтае спатыкалася ў Цёткі, я даў невялічкую нанізку вершыкаў, пачасці ўдаваўшых беларускую песню *, дзве-тры такія ж рэчы напісаў Купала. А па-за тым трэба ставіць кропку. Беларускіх вершаў у нас яшчэ не было — былі толькі вершы, пісаныя беларускай мовай⁵.

*

* *

Беларускіх вершаў яшчэ не было, але яны павінны быць, і будуць! Як кожны народ мае сваю нацыянальную душу, так ён мае і свой асаблівы склад (стыль) творчасці, найбольш прыдатны да гэтай душы⁶. Ёсць ён і ў нас, беларусаў, і мы мусіма звярнуцца да яго, каб улажыць што-небудзь сваё ў скарбніцу светавой культуры, каб уліць у нашую паэзію свежыя сокі, каб стаць бліжэй да душы роднага народа, лепі паталіць яе духоўную смагу і запраўды ўзяцца за вялікую працу: *развіццё беларускай народнай культуры*.

Распачаць гэтую справу ў паэзіі будзе нялёгка: куды лягчэй ісці па прабойным дарогам, куды лягчэй пісаць,

* Аб сваёй паэмцы «Мушка-зелянушка» ды некалькіх дробных вершах, надрукаваных улетку, я тут не гавару, бо гэта ўжо — пачатковы вынік з той працы над беларускім складам у вершы, якую я распачаў каля году назад і абараняю ў гэтай стаці.

маючы перад вачыма добрыя прыклады; а тут усё, ад пачатку і да канца, трэба рабіць самому. Ёсць і шмат іншых перашкод, вымагаючых пільнай працы і доўгіх дум; асабліва цяжка прыходзіцца пры найважнейшым і найгоршым пытанні: што з песняў, каторыя пяюцца ў нас, належыць да беларусаў, а што ўзята ад велікарусаў, украінцаў, нават у палякаў? Скрозь спатыкаюцца ў нас песні, вядомыя ў іх, або ўстаўлены кавалачкі з гэтых песняў, цікавыя параўнанні і т. д. Ці мы бралі ад іх, ці яны ад нас? Ці зраслося запазычанае з душой беларуса, ці асталося чужым? Міма гэтых (і шмат якіх іншых) запытанняў моўчкі прайсці не можна, але і адказаць на іх не проста. Ды як бы ні прыходзілася цяжка, а праўдзівая беларуская паэзія павінна знайсці для сябе працаўнікоў: бярымося ж за гэтую нялёгкую, але вясёлую работу.

*
*   *
*

Бярымося! Наш сягонняшні, наш заўтрашні напрамак — да забытага намі народнага беларускага шляху. Але выйшаўшы на яго, становімся мы на расстанні: мы можама жыўцом браць з народных песняў тыя скарбы, аб каторых была мова вышэй,— браць і ўстаўляць у свае вершы; далей, мы можама вучыцца ў народа, навываць да яго творчаскіх падходаў. За што ж нам брацца?

Ідучы першай дарогай, мы, праўда, трохі аднавім нашу паэзію, і яна прыбярэцца крыху ў народны колер (як тая паненка, што надзела ўзятую ад вясковай дзяўчыны шнуроўку⁷). Але, як кожны бачыць, гэта не шлях да шырокага развіцця паэзіі. Да таго ж — не забудзем, што праз такія запазычкі чытач пачынае неяк сумлявацца ў творчаскіх сілах пісьменніка: мо таму ён запазычае, што свайго стварыць не можа? Калі запазычана спраўды каштоўная рэч, дык вынікае думка: чаго варт пісьменнік, у каторага лепшае — запазычкі? А дзе-хто, можна спадзявацца, нават

крыкне, плагіят! (крадзёж з пісьменніцкага вытвору). Але досыць аб гэтым. Ці рабіць тыя запазычкі, ці не рабіць — паважнага значэння гэта не мае. Для шырокай жа працы трэба ўступаць на другі адзначаны намі шлях.

Аднак і тут можна ісці па-рожнаму: можна старанна ўдаваць тое, што ёсць у народнай песні, кіруючыся, каб даць вытвор, які не можна б было адрожніць ад народных. Гэта сталася б каронай для такой працы. Можна пісаць і інакш — не намагаючыся падрабіцца пад народную песню, але ў народным духу, прыклад чаго даў Каганец у сваім «Кабзару».

Проці першага спосабу многа можна сказаць. Напісан верш, каторага ад народнай песні і не адрожніш. Гэта — трыумф пісьменніка, стаўшага на такую пуціну. Але на што той верш? Ці ж замала было б народных песняў і без яго? Далей, — мы ж радзіліся аб развіцці народнай паэзіі, а тут у лепшым прыпадку становімся ўровень з ёй, аб развіцці ж няма і мовы. Яшчэ адно: круг сюжэтаў песні нешырокі, ён хутка будзе пройдзен увесь да канца, і тады пачнуцца прыкрыя паўтарэнні старога, ужо сказанага, пісьменніку будуць звязаны скрыдлы, паэзія ўпрэцца чалом у сцену. Урэсьце ж, адна рэч — песня, другая — верш; песня пяецца, і гэтае робіць да яе такія вымогі і надае ёй такія прыкметы, удаваць каторыя ў *вершы* было б слепатай.

Астаецца апошні шлях. Ісці па яму — справа верная, але небяспечная. Бо што такое той «народны дух»? На ім няма ані кляйна, ані пломбы, а таму пад яго прыкрыццем, канечне, будуць занасіцца ў нашу пісьменнасць і наследаванні з велікарускай ды ўкраінскай народнай паэзіі, пад уплыў каторых так лёгка падпасці, і ўласныя нікчэмныя выдумкі, і яшчэ шмат што. Ізноў скажу — шлях верны, але небяспечны. Думаецца, пакуль мы робім першыя крокі, трэба нам трымацца народнай песні, як сляпы трымаецца плота, трэба стаць бліжэй да першага з абодвух спосабаў творчасці; але пры гэтым мы павінны памятаць, што ён добры толькі для пачатку працы, што на ім далёка не зай-

дзеш, і што раней або пазней мы павароцім на шырокі, у бязмежную даль пралёгшы, шлях. Дзе яго шукаць — мы ўжо гаварылі.

*
*   *
*

Мы падайшлі к канцу. Астаецца сказаць усяго некалькі апошніх слоў.

Намагаючыся зрабіць нашу паэзію не толькі мовай, але і духам, і складам твораў шчыра беларускай, мы зрабілі б цяжкую памылку, калі б кінулі тую вывучку, што нам дала светава (найчасцей еўрапейская) паэзія. Гэта апошняя праца павінна ісці поўным ходам. Было б горш, чым нядбальствам, нічога не ўзяць з таго, што соткі народаў праз тысячы год сабіралі ў скарбніцу светавой культуры. Але занасіць толькі чужое, не развіваючы свайго, — гэта яшчэ горш: гэта знача глуміць народную душу. Да таго ж адны жабракі могуць праз усё жыццё толькі браць. Трэба ж і нам, беручы чужое, калі-нікалі даць нешта сваё. А свайго, як мы бачым, мы давалі меней, чым маглі.

ЗАБУТИЙ ШЛЯХ

Коли читач звернеться думкою до українського життя перед війною, він, певне, згадає, сказати би так, «націоналізацію» мистецтва, що тоді жваво проводилася серед усіх його галузів, цікавила громадянство, звертала на себе увагу преси. Українські народні мелодії, народні орнаменти, народне та старожитнє будівництво — все те знаходило собі людей, що бралися за їх, намагалися піднести на вищий рівень розвою, виробити на цих підвалинах своє рідне широке мистецтво. Але українська поезія цілком зосталася по-за межами цього дуже цінного, живого руху. І цікаво, що ніхто цього контрасту не замічав — преса, у кожному разі, його не торкалася.

Здається, на це єсть дві головні причини. Перше — застаріла, традиційна боязливність вузького етнографізму, проти панування которого в поезії (і не тільки в поезії) свідоме українське громадянство в свій час вело одверту і нелегку боротьбу. Друге — в широких громадських верствах та навіть і в критиці є дуже расповсюджений погляд, що українська поезія так пронялася народним стилем, так багато увібрала з його ріжних елементів, що стоїть з цього боку без порівняння вище всіх інших галузів мистецтва. Оскільки має рацію і перше, і друге — це з'ясовує нам короткий огляд розвитку національної форми в українському віршу.

Народна душа, розкриваючися «in rebus misagum»¹, та шукаючи за-для того відповідних форм, виявляється в поезії крізь таке могутнє знаряддя, як власнотворна мо-

ва, а в *пісенній поезії* — і крізь національний склад віршу, національний стиль його. Яку вартість взагалі має цей послідуший, а український — зосібна, не будемо тут казати; ця справа вже не раз була обговорена дуже докладно. Але звертаючися до української поезії за часів Котляревського, Артемовського, Гребінки, зауважимо, що вона була українською тільки з боку мови. А вірш їх — це звичайний російський вірш тої епохи. Тут є форми, що виростили на глебі французького неокласицизму: олександрійський вірш² (напр., «Солопій та Хівря» Артемовського), канонічна байкова форма (байки Артемовського, Боровиковського, Гребінки) і т. д. Ще більш поширені ріжноманітні куплетні форми, початок котрим поклав Котляревський (скрізь писав строфою у шість рядків³). Та все це — дітища російської версифікації, а українського поміж їх нічого нема. Таксамо нема і інших засобів української поезії, якими є епітети, порівняння — паралелізми, її заспіви та т. п. Усю свою увагу письменники цього часу звернули виключно на мову, дбаючи об її живості, кольористості, щирій народності. Може тому тоді й полюбили так байкову форму, що вона давала простір для діалогу, для живої розмови з її сіллю, трохи буйнішою за античну, з її «крилатими» виразами, слівцями, прислів'ями. Але вірш український та всі поетичні...

[1915]

К ГЕНЕАЛОГИИ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Граф А.Толстой значительную часть своей жизни провел в Белоруссии (в имении Красный Рог Мглинского у. Черниговской губ.). Там протекло его детство, там он неоднократно жил и позднее, там же он и скончался. Впрочем, что такое Белоруссия — во времена Толстого было плохо известно, и, например, сам он полагал, что живет на Украине* (в доказательство сошлемся хотя бы на его автобиографию). Это ошибка: Мглинский уезд — местность, бесспорно, белорусская, и притом отделенная от Украины довольно широкой белорусской же полосой. Достаточно простой справки с этнографической картой, чтобы убедиться в этом. Но, конечно, Толстому вольно было и не знать этнографии. Менее простительно это биографам поэта, упорно повторяющим вслед за ним его ошибку.

Несмотря на свое долговременное пребывание в Белоруссии, Толстой остался чужд белорусской (тем более украинской) стихии. Он, неоднократно пытавшийся создать нечто идентичное народной песне, воссоздавал исключи-

---

* Быть может, здесь и кроется решение вопроса, всегда занимавшего исследователей поэзии Толстого: почему у него так мало стихотворений, посвященных Украине, а те, что имеются (напр., «Ты знаешь край, где все обильем дышит»), носят несколько внешний характер, веют каким-то холодом. Думается, дело в том, что белорусская жизнь, окружавшая Толстого, для стихотворений на украинские темы ничего дать не могла. Отсюда — и отвлеченность в описаниях Украины, и отсутствие в них живых образов, и количественная непродуктивность.

тельно песню великорусскую, и лишь ее богатства так или иначе использовал для своих стихотворений, написанных в общепринятой форме. Внимательно присматриваясь к его творчеству, не замечаешь хотя бы частичного влияния белорусской (и украинской) народной поэзии, — заимствования какого-либо своеобразного размера, сравнения, эпитета, художественного приема, наконец, сюжета. Видно, для Белоруссии Толстой всегда был чуж-чуженин*.

Впрочем, из сказанного следует сделать одно исключение. Говоря так, я имею в виду эту грациозную пьеску:

Источник за вишневым садом,
Следы голых девичьих ног,
И тут же отиснулся рядом
Гвоздями подбитый сапог.
Все тихо на месте их встречи,
Но чует ревниво мой ум
И шепот, и страстные речи,
И ведер расплесканных шум...¹

За местным колоритом Толстой, видимо, и в этом стихотворении не гнался. Почему бы, например, непременно «источник», а не «криница»? Однако примечательно, что образ, зарисованный здесь гр. Толстым, встречается в белорусской народной поэзии. Вот веснянка, записанная в недалеком от Красного Рога Гомельском у. Могилевской губ. (запись сильно обработана собирательницей, в смысле фонетики, на белорусский манер):

Походжено, поброджено коло моей хаты,
Ти шевчики **, ти кривчики ***, подковочки значны.

---

* Оговоримся, в автобиографии Толстой пишет, что никогда не мог без большого волнения видеть («je n'ai jamais pu revoir sans une grande émotion») мест, где протекло его детство. Но, думается, это волнение порождалось именно воспоминаниями о детстве, а не встречей с белорусской стихией.

** Сапожники.

*** Портные.

Як возьму я метёлочку следы заметати,
Чтоб не знала, не ведала моя родна мати.*

Для сравнения приведем аналогичный отрывок из украинской любовной песни (общих песен у белорусов с украинцами довольно много). Удерживаем правописание собирателя:

Ой, ходимо, дивчынонько, слидив затыраты:
Де стоялы, размовлялы, пидкивочки знаты...
Щоб не знали ни ворогы, ни отець, ни маты.**

Как мы видим, образ здесь тот же, что и у А. Толстого, но трактовка дана несколько иная. Именно песня является как бы продолжением стихотворения. То, о чем догадался Толстой при виде следов, на селе должен сообразить всякий. Песня не считает нужным и говорить о ходе и характере этих соображений: сказанное в заключительном четверостишии Толстого для нее само собой подразумевается; поэтому она сосредоточивается исключительно на втором, непосредственно следующем душевном движении: как бы уберечься от чужих глаз и догадок?

Все же вопрос о том, что послужило в данном случае исходной точкой для стихотворения А. Толстого, решается только гадательно. Быть может, и Толстой, и неведомый песнетворец натолкнулись на одно и то же житейское явление и независимо друг от друга дали ему поэтическую обработку. Но возможно, что А. Толстой просто использовал прелестный образ из белорусской народной поэзии. Которое предположение имеет более вероятности — пусть решает читатель.

[1915]

---

* Гомельские народные песни. Записаны Зинаидой Радченко. СПб, 1888 г., см. стр. 12.

** Народные южнорусские песни. Издание Амвросия Метлинского. Киев, 1854 г., см. стр. 116.

ИВАН ФРАНКО

Умер Иван Франко! В его лице одна из русских¹ литератур — литература украинская — понесла тяжелую утрату. Не пройдет эта кончина незамеченной и в среде великорусского общества. Для него, думается, не чужды судьбы украинской литературы, по крайней мере не должны быть чужды. Но Франко и помимо этого заслужил право на его внимание: он много сделал для ознакомления галичан с великорусской культурой, и его сочинения в свою очередь не раз переводились на великорусский язык.

Родился Иван Яковлевич Франко в 1856 г. в галицком селе в крестьянской семье, но детство свое и юность начал незаурядным для крестьянского мальчика образом: пробыл в гимназию, окончил ее и поступил в Львовский университет². Здесь он под влиянием Драгоманова начал знакомиться с великорусской литературой, проникаясь ее жизненными идеалами и вырабатывая мировоззрение³, которому он, в общих чертах, оставался верным всю последующую жизнь: центром этого мировоззрения являлась мысль о национальном возрождении украинского народа, которое должно идти рука об руку с экономической и политической эмансипацией его в духе идей социализма. В 1877 г. он был арестован и заключен в тюрьму⁴. Далее он лихорадочно работает как литератор, издает журналы: «Громадський друг», «Дзвін», «Молот»⁵, пишет стихи, рассказы, повести, статьи, научные исследования, много переводит, читает лекции, работает в украинских национально-просветительных начинаниях⁶, прини-

мает видное участие в политической жизни страны (один из организаторов украинской радикальной партии). Эта работа прерывается дважды новыми тюремными заключениями⁷. И когда он, уже в 90-х годах, вновь поступил в университет и по окончании его начал готовиться к профессорской деятельности,— это ему не было забыто. Профессорская коллегия после блестящей защиты им диссертации избрала его доцентом на кафедру украинской литературы, но наместник Галиции гр. Бадени не утвердил его, как человека, несколько раз сидевшего в тюрьме. Франко все же продолжал свою научную деятельность и в то же время редактировал лучший украинский журнал «Літературно-науковий вісник»⁸. Даже в последние годы своей жизни, разбитый тяжелой болезнью, он не выпускал пера из рук.

При взгляде на литературное наследие, оставленное им, невольно поражаешься его необыкновенной работоспособностью и редким разнообразием умственных интересов. Простой перечень его произведений составляет книжку в несколько сот страниц. Разумеется, даже приблизительного представления о размерах вклада, внесенного им в сокровищницу украинской культуры, мы не можем дать в пределах этой статьи. Отметим лишь, что в лице его в могилу сошел один из крупнейших украинских поэтов со стихом энергичным, суровым и выразительным, и с идеологией цельной, прямолинейной и бодрящей; беллетрист, осветивший в своих многочисленных рассказах, повестях и романах жизнь галицкого села, давший ряд картин детского мира, зарисовавший тюремный быт, воскресивший на своих страницах историческое прошлое Галичины; критик, меткий и пронизательный; умелый популяризатор; переводчик, ознакомивший галичан с Гейне, Гете, Шиллером, Гюго, Байроном, Софоклом, Шелли, Достоевским, Гоголем, Некрасовым, Щедриным, Геккелем, Чернышевским и мн. другими; ученый, разрабатывавший украинскую этнографию, историю литературы, истории (см. осо-

бенно исслед.〈ование〉 о старинной повести «Варлаам и Иоасаф»⁹ и монографию «Иван Вишенский»¹⁰). И во всем этом не только ярко горело пламя таланта, но и всегда чувствовался пульс энергичного ума, здоровая и несокрушимая бодрость духа.

Франко умер. Но глубокую борозду провел он на ниве родной культуры и тем навеки отметил свою прекрасную жизнь. Наше дело — отметить его смерть.

[1916]

В. САМИЙЛЕНКО

Трудно сказать, почему, но о Самийленко до странности мало писали. Он как-то безмолвно, без споров, без журнальных оценок был признан выдающейся величиной украинской поэзии. Широкая публика его охотно читала; его стихи, особенно с ноткой юмора, перепечатывались по нескольку раз, всегда были необходимой принадлежностью разных чтцов-декламаторов, исполнялись на вечерах. Критика, бегло касаясь по тому или иному поводу поэзии Самийленко, единодушно признавала ее талантливость и примечательность. Но если обратиться к статьям, посвященным разбору его творчества, то убеждаешься, что их нет или почти нет. Так, например, соответствующая библиографическая справка, помещенная в «Української музи»¹, указывает только две рецензии² на ранний сборничек его стихов, написанных четверть века тому назад, коротенькое предисловие Ив. Франко к сборнику «Україні»³ и два-три еще менее значительных источника... Немного.

А между тем, не говоря уже о художественном интересе, который возбуждает творчество Самийленко, оно наделено некоторыми чертами, которые, казалось бы, должны были манить критику, значительно облегчая ее задачи. Говоря это, мы имеем в виду, что Самийленко — поэт установившийся и всегда себе равный. Уровень его художественных достижений и направление творческой работы давно уже определились и с тех пор остаются неизменными. Его произведения растут только количественно, но не качественно, нося отпечаток тех же вкусов, пристрастий,

приемов, как и произведения конца восьмидесятых годов. Благодаря этому уже и теперь можно дать законченный литературный портрет Самийленко; правда, творчество его продолжается, но оно никогда не выходит из своих старых берегов, русло его известно, пределы обведены четким контуром.

К тому же литературное наследие Самийленко очень невелико и удобообозримо, что для задач критики является опять-таки далеко не безразличным. В области поэзии это наследие сводится к сборнику «Україні», куда вошли стихотворения 1884—1906 гг., и к изданным отдельной книжкой переводам десяти песен «Ада»⁴ Данте.

В сборнике — сто с небольшим стихотворений. Я далек от мысли измерять значение поэта его продуктивностью. Надпись Фета на стихах Тютчева не была бы неуместной и на книжке Самийленко:

...Муза, правду соблюдая,
Глядит,— а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.⁵

Но все же к о л и ч е с т в е н н о это для работы, продолжавшейся четверть века, немного. Таков уж был характер его творчества, всегда обдуманного, неторопливого. Интересно, однако, что и при таком небольшом числе произведений у Самийленко очень отчетливо выступают периоды сравнительного напряжения творческой энергии, сменяемые периодами почти полного затишья, своего рода творческие приливы и отливы. Их легко можно проследить по датам, которые проставлены под всеми стихотворениями. Правда, многие из дат указывают только время н а п е ч а т а н и я произведения, однако и при этом движение поэтической работы Самийленко видно все же с достаточной ясностью. Получается выразительная ломаная, интерес которой еще более увеличивается при сопоставлении с нарастанием тем, выработкой форм, смелой настроений в его стихах.

Наиболее раннее из стихотворений Самийленко, помещенных в сборнике, относится к 1884 г.⁶, времени, когда поэту было около двадцати лет. От первых двух лет его творчества до нас дошло очень немного произведений, но интересно, что «душевный тембр» Самийленко уже в них выразился очень определенно: видна склонность к раздумью, к лирике сдержанной и некрикливой. Здесь он как-то сразу нашел себя. Лишь форма этих стихотворений лежит несколько в стороне от столбовой дороги творчества Самийленко, являясь детищем великорусской литературы.

Это — первые взмахи крыльев. Но процесс его художественного самоопределения шел не прерываясь. Быстро пробилась, разливаясь все шире и шире, струя юмора, то непритязательного, злободневного, то более углубленного, граничащего с сатирой. Вместе с тем обозначилось и росло столь дружное с юмором тяготение к трогательному и прочувствованному. Глубже и значительнее стали раздумья. Сильно сказался этот период интенсивной жизнедеятельности таланта и в области формы. Она достигла технической отточенности, завершенности и, главное, преобразилась, черпая уже не столько из великорусской литературы, сколько из старинного наследия приемов и форм, накопленных Европой за долгие века культурного развития. Биография говорит, что Самийленко в эту пору находился в сфере притяжения романского мира, занимался изучением романских языков, романских культур⁷, но о том же свидетельствует и его поэзия. Во всем — в мастерстве стиха, в выборе тем, образов, выражений, в путях и утверждениях неустанно пульсирующей мысли — чувствуется человек, опирающийся на прочную славную традицию, на ценности, испытанные в горниле веков. Как на старинной бронзе ложится п а т и н а⁸, столь ценимая знатоками, так и на его творчестве лег этот благородный налет. Духом классического запечатлено оно. Но, конечно, и великорусская поэзия положила печать на его стихах, что особенно заметно в идейных настроениях их. Только вли-

яния украинской поэзии — ни народной, ни книжной — не видно ни в чем. Не было его и позднее.

Это — время расцвета и окончательного формирования таланта Самийленко. Эти же годы (1886—1892) являются периодом наибольшей литературной производительности: в течение их написано больше, чем за все остальные двадцать лет его писательской работы. Пограничным камнем, отделяющим этот период разлива творческих сил от наступившей за ним полосы бездеятельности, лег 1893 год. Этою датой помечено очень немного стихотворений⁹, но зато все они таковы, что обойти их при обзоре поэзии Самийленко невозможно («До поета», «Людськість» и т. д.). Сатирическая нота, и ранее прорывавшаяся в его юморе, здесь звучит с исключительной обостренностью и напряженностью и направлена против объектов более крупного калибра. Вслед за тем поэт почти совершенно замолкает, давши за весь этот период вплоть до «дней свободы»¹⁰ десятка полтора стихотворений; но это — упадок только производительности, художественный же уровень их по-прежнему высок.

Последняя вспышка творчества Самийленко относится к 1905—1906 гг., когда цензурные рогатки были сняты, а злоба дня давала такую обильную пищу для юмора и сатиры. В этом направлении и шла его литературная работа. Но общественная жизнь вскоре вновь вошла в узенькие берега, обмелела, и Самийленко замолк: для горячей, боевой работы сатиры не было уже места, а от лирики он и раньше почти отказался. И только недавно вышедший перевод «Мизантропа» Мольера показал, что Самийленко еще не покинул творческого пути. Так ручей иногда уходит в землю и долго струится там в глуби невидимкой, пока неожиданно не пробьется где-нибудь вновь на поверхность, и тогда с радостью видишь, что он не иссяк, не пропал, не затерялся в песках, что воды его по-прежнему чисты, прозрачны и глубоки¹¹.

*
*   *
*

Уже эти немногие беглые черты, только что набросанные нами, позволяют охарактеризовать Самийленко как типичного представителя мироотношения, основанного на юморе. Говоря так, я имею в виду отнюдь не одну только собственно юмористическую струю, бесспорно, очень сильную в его поэзии. Нет, речь идет о чем-то более широком. Именно, я полагаю, что предложенное мною определение охватывает, объединяет в стройное целое (и, следовательно, истолковывает) все существенные элементы творческого «я» Самийленко. Отыскание подобной точки зрения и составляет, собственно, основную задачу критики. Конечно, не всегда это удастся, но тем не менее именно в этом направлении должны быть направлены ее усилия. Поэтому читатель не посетует, если я подробнее остановлюсь на смысле, который следует вкладывать в данную характеристику. Иначе боюсь, что мы не вполне пойдем друг друга.

Лацарус¹² выяснил, что кроме мировоззрений, основанных на мысли, существует два мировоззрения или, лучше сказать, мироотношения, основанные на чувстве: романтическое и юмористическое. Романтизм порывается от земли ввысь. Прямо противоположно ему мироотношение юмористическое; в этом случае человек с некоторой высоты смотрит вниз, на землю. С высоты — ибо он многое знает и многое понимает. Но это знание и понимание имеют не самодовлеющий, а теплый, сочувственный характер. И потому о таком человеке можно сказать, что он не только многое знал, но и многое испытал. Он как бы пережил внутри себя историю ряда человеческих поколений, и его душа стала более углубленной, но вместе с тем и усталой. В ней нет гнева, яростного негодования, бурного протеста. Будь у него эти свойства, он стал бы сатириком. Но юмор — это созерцательность, мягкость и широта. Человек, проникнутый им, смотрит со своей

высоты вниз на землю и видит маленьких людей, сочувственно следит за их жизнью, борьбой и поступками, и ласковая улыбка теплится на его устах. Многое понимая, он многое прощает. Он склонен находить у людей не столько пороки, сколько слабости. Ему, конечно, в высокой степени знакомо чувство грусти, но она согрета у него верою в человека и конечное торжество идеалов. Такова психология мироотношения, основанного на юморе*.

Для писателей подобного склада чрезвычайно характерно столь часто встречающееся у них сравнение жизни с театром марионеток. На этом сравнении построено, например, великолепное вступление Теккерей — одного из лучших представителей английского юмора — к «Ярмарке житейской суеты». Однако мы, его читатели, видим там больше, чем увидел он. Мы видим не только ярко освещенный кукольный театр, но и человека с большой головой и большим сердцем, склонившегося над ним, — это сам Теккерей. И это — Самийленко, если в руках у читателя не «Ярмарка житейской суеты», а книга стихов «Україні».

Мы отметили основные черты, свойственные юмористическому типу мирозерцания. Но сказанное здесь может служить в то же время и характеристикой Самийленко. Его творчество является полным и законченным представителем этого типа. Оно прежде всего глубоко созерцательно. Самийленко по существу не столько непосредственный участник жизни, сколько ее наблюдатель, хотя и далеко не безразличный к происходящему перед ним. Там, в толпе, друзья и враги его жизненного дела, и он ясно различает их, и его сердце бьется в унисон с дружескими сердцами, и метко язвят врагов стрелы его стиха, и слова ободрения обращает он к друзьям. Но он — не в сутолоке, он стоит вне ее, смотря на все как бы со стороны. Потому-то

---

* Поясним сказанное на конкретном примере: В. Г. Короленко, конечно, никак не может быть назван юмористом. И в то же время это — один из наиболее совершенных представителей «юмористического мирозерцания» в литературе.

так и силен в его стихах элемент оценки. Обдуманность и неторопливость — вот что характерно для них. Они все прошли через горнило мысли, и на всех их видна ее печать. Мысль — природная стихия Самийленко, вне которой он не может творить, — и она у него проста, человечна и культурна. Его созерцательности очень свойственно раздумье. Он хочет не только наблюдать, но и понимать. И еще одно: он не исключителен. Взвешивая и продумывая, он мерит одною мерою и своим и чужим, оставляя за собой право видеть и у своей стороны слабости и недостатки. Он шире своих вкусов и пристрастий, а они у него — широки. Он осторожен в обращении с несозвучным своей душе. Резкие выпады у него — исключение. Он мягок: словно какое-то «теплое течение», берущее начало из глубины сердца, проходит через всю его книгу. Жизнь, с которою он соприкасается, освящена его умным юмором, углублена его грустью. Они прекрасно дополняли друг друга. Не только комическое в возвышенном, как иные определяют юмор, но и истинно возвышенное нашло себе место в его душе. Улыбка часто исчезает из его стихов, сменяясь трогательным, прочувствованным, иногда даже сентиментальным. Тихий прибой лиризма звучит здесь, равно как и в его раздумьях, — лиризма не шумного и не бурного, но зато постоянного и неподдельного. И все это, вместе взятое, сливается в один цельный образ. Не об юмористической жилке в произведениях Самийленко приходится говорить, а о чем-то более сложном и значительном: о целостном поэтическом мироотношении, названном юмористическим, где юмор — лишь один из составных элементов, одно звено в их непрерывной цепи. Сравните характеристику психологических черт творчества Самийленко с абрисом мировоззрения, основанного на юморе: здесь все совпадает. Лишь одну «поправку на индивидуальность» следовало бы в данном случае сделать: отметить сравнительно сильную струю сатиры в его стихах. Произведения, проникнутые ею, немногочисленны, но принадле-

жат к лучшим созданиям Самийленко; его речь здесь достигает исключительной выразительности, подымаясь до пафоса, обрушиваясь на врагов и умно ударяя по своим *.

Таким образом, психологический тип творчества Самийленко в общем намечен и уяснен. Остается вторая часть задачи: показать, каким индивидуальным содержанием было заполнено оно; установить, каковы те конкретные черты, которые именно в пределах данного типа дают Самийленко своеобразный облик. Начнем с рассмотрения комбинации влияний, преломившихся в его поэзии. Ведь особенности в подборе и усвоении их необходимо являются одним из слагаемых в общей сумме черт, характеризующих личность.

Конечно, здесь многое ускользает от нашего внимания и не поддается анализу. Такой зоркий критик, как Ив. Франко, пишет в предисловии к книжке Самийленко: «Який був його духовий розвій, які вчителі, які впливи, що корисно чи шкідливо відбивалося на формуванню його души і на її впливах — його творах? Нічого сего ми не знаємо». С последним утверждением трудно согласиться. Нет, мы знаем кое-что, хотя и далеко не все. Пусть «сам Самийленко занадто скромний і тихий, щоб уводити нас у таємну робітню свого духа», но ведь оставили же эти влияния какой-либо след в его творчестве; а они нам постольку, собственно, и интересны, поскольку запечатлели здесь себя. Значит, наиболее выразительные из них во всяком случае возможно установить.

Выше мы уже определили их характер в общем виде, отметив влияние великорусской литературы, с одной стороны, древнегреческой и романских литератур, — с другой. Обстоятельно доказывать наличность этих влияний вряд

---

* Конечно, это все резко выходит за грань «юмористического мироотношения», хотя часто соприкасается с ним, являясь особо обостренной формой юмора. Но эти стихи характерны не столько для общего склада души Самийленко, сколько для общего склада «российской действительности», вызвавшей из такой души такие звуки.

ли нужно: так они очевидны. Вот пародия на «Песнь о вещем Олеге»¹³, перевод из Никитина¹⁴, «Эльдорадо», фактура стиха которого перенята Самийленко у А. Толстого*. Но эти точки соприкосновения его в великорусской поэзии разрознены, а невелики (говоря так, мы, конечно, оставляем в стороне общее влияние поэзии великорусской на выработку книжной украинской поэзии и, следовательно, не касаемся той суммы ею воспринятого и усвоенного, на которую Самийленко опирался как украинский поэт). Отпечаток западноевропейских литератур значительно явственнее. Он сказывается во многом. И в мелочах, подмечаемых мимоходом: в умело и со вкусом вставленном среди украинской речи итальянском, французском, латинском слове или выражении; в употреблении названия «элегия» не в распространенном значении, принятом с эпохи романтизма, а в том, которое придавалось ему в классической древности (сочетание гексаметра¹⁵ с пентаметром) и т. п. Он сказывается и в редкостной любви Самийленко к выработанным на Западе формам стиха: сонету, октаве, секстине и т. п. И в прекрасных, тонко и бережно сделанных переводах из Данте, Мольера¹⁶, Байрона¹⁷,

---

* Все это, разумеется, второстепенно и, главное, внешне. Гораздо глубже и примечательнее влияние Лермонтова, сказывающееся в гражданских стихотворениях Самийленко. Для пишущего эти строки оно несомненно, но недостаток места не позволяет сколько-нибудь полно выяснить это влияние. Вот один из примеров его:

І поки на землі ще є одна сльозина,
Поезія її нащадкам передасть;
І поки між людьми ще втіха є невинна,
Поезія в її ще радощів додасть.

(И если не на век надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся.
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются).

Строение поэтической мысли аналогично в обоих отрывках. Читатель без труда сам найдет ряд параллелей, всматриваясь в гражданскую поэзию Самийленко.

Ляшамбоди¹⁸, Барбье¹⁹, Беранже²⁰... Пожалуй, можно было бы пойти несколько далее и отметить связь тех или иных черт творчества Самийленко с влиянием определенного поэта. Так, например, вряд ли можно счесть рискованным предположение, что один из самых характерных приемов Самийленко — заключать все куплеты стихотворения одним и тем же рефреном — перенят им у Беранже; последний был большим мастером на это, а как любовно относился к его поэзии Самийленко, показывают только что упомянутые переводы. Но все же подобные утверждения всегда, по необходимости, несколько гадательны, а потому лучше в них не вдаваться*.

Мы указали следы литературных влияний там, где их легче было уловить, следовательно, по преимуществу в области внешних черт. Читатель, конечно, понимает, что это лишь признаки того широкого культурного пути, который прошел Самийленко, — лишь памятки, а отнюдь не итог вынесенного из него и пережитого на нем: этот итог много крупнее. В благородной простоте его писательской манеры, в изяществе стиха, выдержанного и законченного, во всем строе его мысли — везде чувствуете вы, что это возникало и выработывалось в атмосфере влияния многих и многих культурных миров. Учесть эти влияния, разумеется, нельзя, но отметить их мы должны.

Таковы некоторые литературные предпосылки творчества Самийленко. Переходя к содержанию его произведений**, остановимся прежде всего на их идеологической сто-

---

* Отметим, впрочем, мимоходом отзвуки Гейне в стихотворении «І в дорогу виряжали»...

** Слово «содержание» мы употребляем здесь не в расхожем, очень неточном значении. На наш взгляд, под содержанием произведения в субъективном смысле следует понимать впечатление, оставляемое данной вещью; а в объективном смысле — совокупность элементов, производящих это впечатление. Для присвоения же термина «содержание» исключительно идеологическим элементам произведения или тем более просто его теме не видим никаких оснований.

роне. Вескость его поэзии создана в значительной степени именно ею. Это — поэт-мыслитель; элемент мысли у него чрезвычайно сильно выражен, и ею густо насыщена очень видная часть его творчества. В моменты высшего своего подъема, достигая наибольшей силы обобщения, она приобретает философский характер («Герострат», «Поки душею», «Дві планети», «Людськість» и др.). Но всегда, даже если эта философия носит космическую окраску, Самийленко сводит свою мысль на судьбы человечества, говоря же о человечестве, думает прежде всего о человеке. Здесь стержень его идеологии. Чтобы иллюстрировать эту мысль, возьмем один из многих возможных примеров*, именно перечитаем прекрасное стихотворение «Зорі». В нем поэт говорит:

Давно колись, малим хлоп'ям,
Бувало, дивлячись на зорі,
Я часто, часто прагнув сам
Між їх поринути в просторі.
Я думав: там щасливий край,
Там невідомі наші болі,
Туди летить у тихий рай
Душа намученая долі.

Но теперь эта мысль оставлена:

Я бачу в зорях тих ясних
Великі сонця незчисленні,
І на планетах округ них
Істоти нудяться стражденні.
Такі ж їх души, як у нас.
Так само прагнуть щастя й знання,
І плачуть на прожитий час
За невдоволені бажання.

І скільки їх, з країв біди
Рвучись у рай з плачем гарячим,

---

* См., например, стихи «Постови», «Сфер небесних музика» и др.

Свої надії шлють туди,
Де ми горюємо та плачем!

К людям, к человечеству никогда не уставала возвращаться мысль Самийленко, вернее — она от них почти не отрывалась. Это — предмет его постоянных дум. Однако люди не заслонили от него человека. Напротив, он живет интересами человеческой личности, именно они являются для него мерилom ценности социального уклада, и урезать их во славу какого-либо идола или идеала он не покусился ни разу. Но чтобы углубить свою жизнь, чтобы наполнить ее достойным содержанием, необходимо выйти из круга узколичных стремлений, проникнуться интересами более широкого охвата — интересами общественными. Из их сферы редко удаляется мысль Самийленко. Ее темы — судьбы униженных и угнетенных, поставленных на нижнюю ступеньку общественной лестницы, еще чаще — судьбы украинской нации. И если, говоря о первых, поэзия его дала мало своеобразного и выразительного, привлекая только простотой и искренностью тона, то работа чувства и мысли, порожденная проснувшимся национальным сознанием, запечатлелась в его творчестве наиболее сильно и оригинально. Это — один из тех мотивов, которые в т а к о м в и д е и с такой силой никогда не звучали в литературе народов мировых, не знавших национального угнетения. И это — мотив, разработка которого является со стороны национальностей, урезанных в праве на существование, большим вкладом в сокровищницу общечеловеческой культуры. Творчество Самийленко освещало пути национального дела, вдохновлялось движением национального чувства, проникнутое то пафосом, то юмором, то сарказмом, и эти его создания едва ли не лучшее из всего написанного им. Вот, например, его «Веселка»:

Гарна, розцвітлена пишно веселка пів неба підперла,
В воду прозору річки спустивши кінці кольористі,
Люба веселко! яка ти хороша! — ти символ надії,
Гляну на тебе і згадую давню першу веселку,

Котру поставив Господь, як сказав, що не буде потопу.
Люба веселочко! будь ти й мені за ознаку надії,
Що не потоне народ наш без сліду в народностях інших,
Що до скарбниці довічного поступу інших народів
Він хоч убогую лепту вдовиці успіє вложити.
Гарна веселка стоїть, стоїть і потроху зникає,
Ось і зовсім вона зникла, лиш хмара в тім місті синіє,
В серці ж надія не хоче загинуть і житиме вічно,
Бо та надія свята, бо та надія безсмертна.

Будет уместным упомянуть, что Самийленко не отказывался и от черной работы в деле защиты своего идейного течения и пробовал обслуживать его нужды стихотворными откликами на злобу дня. Они целым гнездом занимают последние страницы сборника Самийленко, помеченные 1905—1906 гг., но появлялись время от времени и раньше. Это — веселые, непретенциозные вещицы, и, казалось бы, недолго должны жить они, литературные поденки. Но — порождение требований минуты — они живут многие годы. Причина этого отчасти лежит в манере Самийленко смотреть на жизнь как бы со стороны, взором не столько участника событий, сколько их наблюдателя, что давало ему возможность уловить наиболее характерное, в частном обнаружить типичное или даже прямо обратиться к обобщению, так любимому им. Но еще более значило его редкое творческое мастерство, заверщенное и уверенное; оно наложило свою печать и на эти вещи, не позволило им спуститься ниже известного уровня; и если не все они — поэзия, то все — литература.

Хорошую школу прошел Самийленко как поэт. Он — достойный ученик больших мастеров. Это сказывается в черте, характерной для всех его технических приемов, — отсутствии вычурности. Стих его, изящный и законченный, всегда прост. Проста его речь, прост эпитет, прост образный элемент. Последний к тому же и небогат: талант Самийленко не развивался в сторону пластичности, живописности. Однако это отнюдь не исключает у него возможности и тут порой сказать свое слово. Он умеет назвать месяц

«космічним мерцем», он дает мысли Герострата такие выразительные формулировки, как

...Руїною страшною
Своє ім'я спасу я від руїни.

Или

...Як легко я твою величність
Нікчемністю своєю переміг!

Он умеет порой вложить в ходовой образ своеобразное содержание, примером чего может явиться цитированное выше стихотворение «Веселка». На все это, бесспорно, он имел бы право наложить свою именную печать. Но повторяем, в этой области он добивался прежде всего одного — простоты.

Проста и звукопись его стихов. Он не гнался за эффектным подбором звуков, не искал аллитераций и внутренних рифм; то, что у него иногда наблюдается в этом направлении, не играет большой роли и, быть может, является результатом простой случайности. Наконец, проста и его рифма, иногда очень несложная. К тому же Самийленко часто пользовался метрами, при которых рифма не употребляется — элегическим стихом, гекзаметрами, пятистопным ямбом. Но временами у него встречаются редкие и в то же время богатые рифмы («ганку — циганку», «одвічня — січня» и т. д.), и — что много интереснее — виден особый художественный прием — стремление использовать, я сказал бы, «юмор рифмы». Именно, чтобы создать юмористический эффект, Самийленко рифмует такие слова, как «Василь — стиль», «Вітте — уявіте», ищет характерную рифму, отмечая, что «октябристи й монархісти всі бажають добре їсти» и т. д. Наконец, следует упомянуть, что хотя за звуковыми эффектами Самийленко не гоняется, но о плавности стиха думает всегда.

На этом фоне сдержанности и простоты еще значительнее и ценнее представляется замечательная работа Самий-

ленко — работа над строфой, над архитектурными зданиями своего искусства. Параллели ей мы не найдем ни в украинской, ни в великорусской поэзии того времени. Правда, в последней, как бы замещая убыль идейных интересов, замечался тогда усиленный интерес к вопросам метра и рифмы, но он проявлялся в форме явно упадочной, приводя к бесплодной и раздражающей версификаторской эквилибристике (писались, напр., акrostихи, так называемые «эхо»²¹ и т. п.). Самийленко же обратился к классическим формам стиха, выработанным в Западной Европе веками культурного развития. Начал он поэтическую работу с александрийского стиха²², затем вскоре остановил свое внимание на белом пятистопном ямбе, а далее на гекзаметре, элегическом диметре²³, октаве, секстине*, сонете. Особенною любовью Самийленко пользовался сонет, эта необыкновенно строгая и стройная форма стиха, совершеннее которой мировая лирика не создала ничего. Сонетом у него написано больше десяти стихотворений, и все они выдержаны в своих существенных, необходимых чертах. Заметную дань отдал Самийленко также элегическому стиху (гекзаметр с пентаметром) и гекзаметру, таким сжатым и выразительным, где у него интересно порой употребление цезур. Охотно пользовался он рефреном, интересно проводя его через целое стихотворение. Как об особо блестящем порождении мастерства Самийленко в области формы, упомянем о стихотворении «Поки душею...», являющемся виртуозной попыткой перенесения сложного античного метра на украинскую почву.

Избегая чрезмерной специальности, мы ограничим этим свои замечания об архитектонике стихотворений Самийленко, не вдаваясь в разбор ни простых строф, употре-

---

* Чрезвычайно редкая и сложная форма стиха. В великорусской литературе ко времени, когда работал Самийленко, была, если не ошибаемся, только одна секстина (написана Меем)²⁴.

бляемых в них, ни более сложных, упомянутых выше. Скажем лишь одно: на всех их лежит печать выработанности и законченности, причем вычурности нет ни следа; это стихи «строгого письма». И невольно, оглядываясь на работу Самийленко в этой области, вспоминаешь его же стихи:

І впевним люд ми лагідним сонетом,
Що вмієм віддавати честь красі!²⁵

Самийленко, действительно, умел ей воздать честь. Нам остается еще только упомянуть о достоинствах языка произведений Самийленко, — достоинствах, особенно ценных для культуры, литературная речь которой не вполне установилась. Однако об этом предмете имеется уже отзыв несравненно более меня компетентного человека — Ивана Франко. В своем предисловии к сборнику «Україні» он замечает, что все стихотворения Самийленко «написаны безукоризненно чистою, ясною, как небесная лазурь, прозрачною и звучною украинскою речью... Самийленко говорит просто и такую чистою речью, что ее одинаково понимают и ею любят и над Саном с Днестром, и над Днепром, и над Доном с Кубанью. Никто из современных украинских и галицких поэтов не обладает секретом украинской речи и ясности изложения в такой мере, как Владимир Самийленко».

Затем, быть может, будет уместным поставить точку.

ГРИЦЬКО ЧУПРИНКА

Ой високо сонце всходить,
Низенько заходить.

Нар. песня.

Чупринка — поэт с очень редким, своеобразным типом таланта, линии которого при всей своей несложности крупны, резки и выразительны *. Более того,— Чупринка — едва ли не самый характерный, самый отчетливый и законченный представитель этого творческого типа среди поэтов всех трех русских¹ литератур.

Быть может, именно благодаря отчетливости и выразительности черт, которыми запечатлено яркое дарование Чупринки, можно определить основную движущую силу этого дарования и привести с нею в связь все свойства его, имеющие неслучайное происхождение. Конструкция таланта поэта,— позволим себе так выразиться,— становится разгаданной, сам талант представляется в виде стройно, закономерно организованного целого: в нем есть пункт, из которого, как из центра, можно провести радиус к любой точке окружности.

Эта движущая творческая сила, этот центр — ритм. Оглядываясь вокруг себя и по соседству, мы замечаем,— хоть, впрочем, и немногих,— поэтов, для таланта которых прежде всего характерна ритмичность. Таков «Языков, буйства молодого певец разгульный и лихой»², который умел, дав волю бьющим в нем ритмическим силам, сказать, например, про минувшие студенческие дни, что

---

* Сборники стихотворений Чупринки: «Огнецвіт» 128 стр., «Метеор» 32 стр., «Ураган» 32 стр., «Сон-Трава» 32 стр., «Білий Гарт» 32 стр., «Контрасти» 112 стр. и поэма «Лицарь-Сам» 32 стр.

...те дни летели и сверкали,
Как искры брызжущие стали
На поединке роковом.
Они неслися, как стрела,
Могучим пушенная луком,
Они звучали ярким звуком
Разгульных песен и стекла.³

Таковы и некоторые из современных поэтов (Городецкий, в меньшей степени — Бальмонт, Блок). Таков и чрезвычайно ритмический белорусский «пясняр» Я. Купала. Но ни у одного из них эта сторона таланта не является развитой в такой степени, как у Чупринки. С нею мы встретимся едва ли не в каждой из приводимых ниже цитат, она должна была кинуться в глаза всякому, кто раскрывал какой-либо из его сборников, ибо только ритмичностью его стихи и живут, только ею и дышат.

В процессе возникновения стиха ритм в общем — основная формирующая сила, приводящая в движение разрозненные поэтические элементы, сцепливающая их, создающая из них правильные системы, замкнутые, неповторяемые миры. По крайней мере для лирики это бесспорно, а Чупринка — исключительно лирический поэт*. И если в чьих произведениях явственно проступает эта «стихобразующая» сила ритма, то, конечно, прежде всего у Чупринки.

Его ритмы в совокупности могут дать полную шкалу темпов, начиная от тихих, замедленных, вплоть до поражающих своей необыкновенной стремительностью. И именно этим последним Чупринка посвятил свое творческое внимание. Они безудержно несутся, покоряя и подавляя мозг, затопляя, заполняя собою его, почти оглушая, ошеломляя, гипнотизируя, не давая остановиться, опомниться, вдуматься. Тут все в ритме, все для ритма.

---

* Его поэма «Лицарь-Сам» — лирическая поэма.

И он гибок, подвижен, изменчив, отливается в новые и новые формы, разнообразится цезурами, разрывает нитку метра, рассыпает нанизанные на ней слова *, и тогда каждое слово — стих, каждое слово — рифма, а во всем этом и волнуется, и играет, и все оживляет новосозданный, еще невиданный ритм, такой стремительный, подмывающий, уносящий за собой.

Этот ритм ищет звуковой одежды, столь же свободной и беспрепонной, как и сам; своим напором и размахом он заставляет психику ткать ее, упиваться звуками, погружаться в их мир; он отбрасывает, сметает со своего пути все глухие, шереховатые варианты стиха, он всегда полногласен и полнозвучен, требует чтения не одними глазами, а вслух, чтобы неслись

Звон за звоном, тон за тоном,
Перезвоном,
Перегоном... («О.» 82).⁴

На этом звуковом фоне звенят рифмы, звенят и в конце строк, и посередине — на цезурах, и в начале; звенят целые строки, где рифмуется каждое слово **, звенят ассонансы и легонькие созвучия, — и все это, вызванное к жизни запросами и творчеством ритма, подчеркивается им, подчеркивает его, восполняет общую звуковую картину, делает стих еще более звучным, ритм — еще более гипнотизирующим, всеподчиняющим.

Но есть у Чупринки и другие средства для усиления гипнотичности ритма, и источник их — все тот же ритм. Уносимый его стремительным потоком Чупринка часто не в силах найти нужное слово, — точное, верное, убед-

---

* Создается видимость нового метра, хотя он, собственно, тот же, изменился лишь ритм. См., напр., ниже 2-ой отрывок. Объединяя в нем 2, 3 и 4 стр., 6 и 7, 8 и 9, мы получаем правильную шестистрочную строфу с массой цезур и внутренних рифм. То же и в других случаях.

** Напр., «Знову мову коліскову...» («К.» 24).

тельное,— и тогда он просто повторяет на новый манер уже сказанное. Это же повторение позволяет ему легко заполнять пустые места в стихе, оно же служит ему избирательным средством, а Чупринка охотно пользуется им. Скажет, и повторит, и опять повторит, почти одномысленно, однозначаше, однозвучно, или прямо выкрикнет слово, и еще, и еще раз его же, и эти слова упорно стучатся в душу читателя, бьют по одному месту, как молоток по шляпке гвоздя, и вколачивают, вдалбливают, внедряют свое подержанное гипнозом ритма, поддерживая гипноз ритма. К этому же стремится и широко использованная анафора (единоначатые), и аллитерация, и другие частичные средства.

Таковы творческие силы и творческие приемы Чупринки, такова структура его таланта. Мы не давали примеров; но достаточно двух-трех характерных отрывков, чтобы все сказанное предстало в конкретном виде, облеченное плотью и кровью слова:

...Виллем в море наше горе,—
Нашу млявість, нашу лінь.
Гей, на весла, щоб понесла
Буря човен на глибінь!

Ми полинем соколиним
Вільним льотом з берегів,
Роздратуєм, загартуєм,
Нашу міць для рогорів («О.» 52).

Поміж листом, поміж рястом
Дзвінко,
Гінко,
Дрібно, часто
Соловейко виграє
І луною
Розсипною
За нічною
Долиною
Дзвін в повітрі розтає.
Дзвоном, дробом, переливом
Лине, лється, спів за співом... («Б. Г.» 19).

Ніжно, ніжно,
Дивовижно,
Тонко, тонко, тонкобіжно,
Одбивають ноги, ноги
Смілу
Силу
Перемоги,
Божевільний сиплють дріб!
Серед шуму, серед крику
В'ються люди, під музику,
В парах, в парах, ріжно, ріжно,
Граціозно, тонко, ніжно
В'ються роєм,
Перебоєм,
Ловлять оргію дзвінку
І кружляють і гуляють
В божевільному танку («Б. Г.» 9).

Больше примеров не приводим: здесь достаточно полно иллюстрировано сказанное нами*. Кому этого мало, пусть берет сборники Чупринки: там почти каждая строка — пример, каждая страница — иллюстрация. Мы же переходим к дальнейшему исследованию таланта Чупринки.

Бесспорно, талант примечательный, — не расхожего образца, а служащий сам себе образцом, — талант автономный, не имеющий литературной родословной, — талант выразительный, от которого бледнеют дарования сродных поэтов, — талант энергичный, сильно действующий, всеми своими средствами бьющий в одну точку и потому бьющий с силой исключительной. И в то время это — узкий и несложный талант.

---

* Сделаем несколько кратких указаний. Ритмические и звуковые достоинства их самоочевидны. Отрывки 2-й и 3-й отличные образцы «рассыпавшегося» метра (см. выше). В первом отрывке нечетные строки разрезаны цезурой. На цезуре — внутренняя рифма. Есть и в остальных отрывках как та, так и другая. Второй отрывок — образец употребления слов, подобных по смыслу или звуку, 3-й — дает массу буквальных повторений. Есть и ряд анафор («Поміж листом, поміж рястом, «Серед шуму, серед крику» и т. п.).

М. Багдановіч у фуражцы

Браты М. Багдановіча: Мікалай, Павел, Вячаслаў, Аляксей

*Дом у вёсцы Вяззе Асіповіцкага р-на, у якім у 1895 г. жыла
М. А. Багдановіч з дзецьмі*

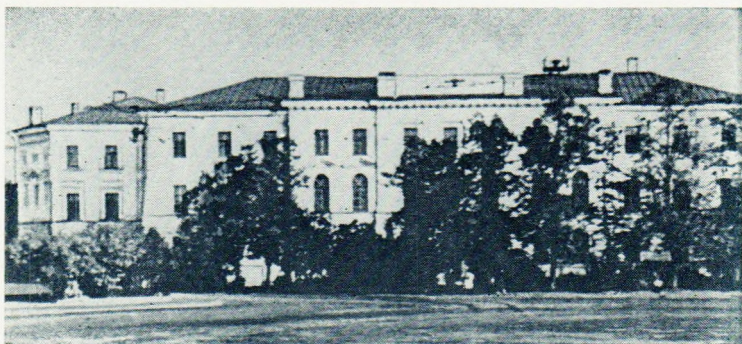
Дом у Старым Крыме, дзе ў 1915 г. лячыўся М. Багдановіч

Рэпрадукцыя з гравюры «Сіксцінская мадонна»

Рэдакцыя газеты «Наша ніва», г. Вільня

Былая мужчынская гімназія ў Яраслаўлі

Рэдакцыя газеты «Голас», 1915

*І. Луцкевіч, А. Луцкевіч,
А. Уласаў*

Шабуня і дачкі

М. Багдановіч сярод студэнтаў Дзямідаўскага вучылішча

Я впамятного поля старинный,
На тихой улице фасада,
И небольшой уютный сад,
И дворъ просторный и пустынный.

На немъ киньши шеры наши:
При общении шумъ визжать руки
Вздрыгъ „бокамъ на выносъ“ городки,
И слыть звугамъ при видъ „каши“.

и т. д. и т. д.
конецъ остается за кино!

Не поминий милошь!

М. Багдановичъ

Яросл. 19 $\frac{24}{VIII}$ 11г.

Адвартны бок партрэта М. Багдановича, 1911

Мы видели, что основная сила в творчестве Чупринки — ритмический напор, который все подавляет, все подчиняет, порождает собой остальные характерные черты, определяет их соотносительный вес и значение. Что не нужно для этой властной силы — вычеркивается, выбрасывается за борт, откладывается куда-то в дальний ящик. Остается только то, что увеличивает ее, выдвигает, восполняет, делает лавинообразной и, прибавим, эффектной. Перед нами талант оголенный, талант хотя цельный, законченный, но крайне односторонний. Для него существует только одно — ритм и звук, художественные средства его малочисленны, область их применения невелика. Чупринка варьирует их, все более и более усиливает, доводит до гиперболических размеров, — но ничем не затушевать надолго того, что перед глазами читателя идет своего рода *perpetuum mobile*, — бесконечно комбинируются и перепорачиваются на разные лады одни и те же средства, одни и те же приемы. А узостью, ограниченностью приемов диктуется и узость области применения их; во многих случаях они не нужны, в других — бессильны. смыкается новое кольцо, и по ту сторону его остается широкий мир тем, мотивов, чувств, мыслей, настроений.

Главное же — творческая сила и выразительность ритма имеет свою обратную сторону: он покоряет, подчиняет себе не только читателя, но и писателя; не писатель владеет талантом, а талант писателем. Подхваченный движением ритма, который и летит, и крутит, и несется, он не может остановиться, задержаться, вдуматься в написанное, оценить эпитет, выражение, образ, характеристику. А если и смог бы, то не решится: надо спешить, торопиться, дорожить минутами ритмического подъема в душе; ведь этот подъем — основная творческая сила разбираемой поэзии. Опадет он — и у поэта останется лишь группа заезженных им приемов, лишенных связующего звена, общего начала,

объединяющего и животворившего их. Не будет магической «живой и мертвой воды», без которой стих — труп. И недоделанное остается недоделанным, неудачное — неудачным, спешно хватаются первые попавшиеся, а потому чаще всего шаблонные или просто привычные слова, эпитеты, выражения*, и ими заполняются пробелы, пустые места в стихе. В этом словесном материале на первое место поставлена звуковая сторона слова, а смысловая и живописующая отодвинуты на задний план, и, покорный требованиям ритма, Чупринка всегда жертвует этими последними ради первой. Результат всего этого — смазанность, бледность и трафаретность образов, нехарактерность характеристик, неточность выражений, однообразие эпитетов. А поэт плывет и плывет по волнам ритма, и единственными путеводными звездами его являются рифмы. Они служат для него указующими вехами, они намечают направление русла его стихов,— и так, от рифмы к рифме, от созвучия к созвучию, продолжает он плыть, побежденный вызванными им ритмическими силами, променявший выразительность слова на выразительность ритма и звука и обусловивший этим массу недочетов в своих произведениях.

Конечно, он может поправить то или иное место, и удачно поправить, но это существенного значения

---

* Материал приводится отчасти в главе о содержании стихов. Здесь же укажем, что страдает между прочим чистота речи: встречаются руссизмы («картинки», «красота», «гам», «шар» в применении к солнцу и т. д.), в ходу украинские газетные слова. Гораздо серьезнее вопрос об эпитетах. Даю один пример: слово «ніжний» характеризует «усміх дум», «чар», «подарунок», «пахощі», «твори», «квіти», «співи», «красоти», «ніченьку», «зернятка», «блиск», «душі», «вітри», «стебло», «звуки», «кохання», «трави», «мрії», «цвіт», «картини», «минуле», «ласки» и т. д., и т. д., бог весть сколько десятков раз. Но если все «ніжно», то все сливается в однотонную массу, и эпитет уже — пустое место, лишнее слово, а не характеристика.

не имеет. Надо помнить, что описанные методы творчества полярны и враждебны строгой обдуманности, внимательной оценке, тщательному подбору, что они взаимно исключают, а при совмещении взаимно искажают и тормозят друг друга. А прежде всего надо помнить, что, как мы видели, недостатки поэзии Чупринки — лишь изнанка ее достоинств, что они друг от друга неотделимы, являются неминуемым порождением одних и тех же начал, растут на одном корне, так что нельзя убить недостатки, не убив и достоинств.

Наша задача в своей существенной части закончена. Мы указали движущую пружину в творчестве Чупринки, указали, как вокруг нее группируются иные создающие силы, средства и приемы, зарисовали основное ядро его таланта, очертили поэтическую фотосферу, возникшую вокруг этого ядра, порожденную его свойствами, обусловленную им; наконец, наметили границы разобранного творчества и выяснили присущие ему качества, его плюсы и минусы. Читатель, быть может, заметил, что мы не позволяли себе только констатировать наличие тех или иных явлений, но всегда устанавливали их генезис, их внутреннюю связь, их законодательность и неслучайность.

После этой точки можно было бы начать новую главу. Но мы боимся, что талант Чупринки получит не совсем верное освещение, если мы не напомним читателю сделанной выше оговорки: мы характеризуем и разбираем этот талант главным образом в его наиболее резких, выразительных, иной раз чуть ли не гиперболических формах. Такой путь выбран потому, что к этим формам тяготеют почти все стихотворения Чупринки, что именно в направлении к ним шло развитие его таланта. Его стихотворения все ритмичны, но не все в равной мере; для всех верен, всем присущ круг явлений, порождаемых ритмом, но для иных в виде более сдержанном, смягченном. Описанные недостатки у них

не столь выпуклы, но не столь выпуклы и достоинства: это стихотворения по большей части бледноватые, утратившие характерность. Видимо, борясь против последнего, Чупринка средствами, выработанными ритмическим напряжением, щедро пользуется и в тех случаях, когда ритм стихотворения сравнительно слаб. Эти средства возведены Чупринкой в правило, в канон для своей поэзии, что еще более сужает круг произведений, для которых потребовалось бы смягчить выражения нашей характеристики.

Но довольно о смягчениях; пусть порой узор вышит не яркими, а блеклыми шелками,— важно, что узор и тут и там один и тот же, что рисунок его, намеченный нами, верен в обоих случаях, что манера вышивания — та же. Иной раз стихотворения, исполненные «в блеклых тонах» (продолжим сравнение), очень хороши, да и вообще как-то приятна эта смягченность, успокоенность после обычной у Чупринки подчеркнутости и стремительности. Достоинства тут все те же: красивы метры, удачны цезуры, хороша звуковая ткань, встречаются внутренние рифмы и созвучия, только все это не в столь сгущенном виде, не так бьет в глаза; характерности, своеобразия меньше, но больше тут тщательности в работе, больше вкуса, выдержанности, обдуманности. А ритм — ведь он, как дух, «веет, где хочет», его живительное дыхание чувствуется и тут, но здесь он течет плавно, даже иногда тихо, замедленно. Вот для образца, стихотворение * этой последней категории,— одно из лучших у Чупринки:

---

* Скажем и о нем несколько слов. Тихий ритм прекрасно гармонирует с темой. Он замедляется, кроме того, цезурой посреди первых трех строк куплета, а укороченная четвертая строка замыкает строфу, отграничивает от соседней, дает время остановиться, подумать, вчувствоваться. Цезура оригинальна: чтобы усилить ее, Чупринка выбросил слог из стиха. Много внутренних рифм (комбинация: «поки — спокой — глубокий — одинокий — високий»). Стих построен на анафорах (любимое средство укр. народн. поэзии) и т. д.

В споминах ніжних дивних іділій
Привид чудовий ясно встає,—
То пережите в юності милій
Щастя моє.

Чую, я чую давню розмову,—
Ллється в повітрі тихо вона,
Капає, ллється словом по слову
Дивна мана.

Бачу я, бачу постать чудову...
Плещуть по серцю хвилі жалю!
Давнього щастя полум'я знову
Я розпалю.

Поки не прийде спокій глибокий,
Поки не схилить сон голови,—
Стій одинокий, привид високий,
Мій вартовий!
Давнього щастя привид могильний,
Повний отрути, повний жалю,
Стій,— мій безтільний, мрійно-свавільний,
Жаль я стерплю («М.» 13).

*

* *

Мы уже показали, что такое представляет из себя поэтический талант Чупринки. Остается еще сказать, какой материал подверг он обработке этого таланта, какого, выражаясь старыми терминами, содержание стихотворений Чупринки. Тут прежде всего следует вспомнить, что творческие приемы его исключительны по своей остроте, односторонни и довольно немногочисленны, а потому далеко не для всяких целей пригодны. И мы видели, что задания живописующие, пластические остаются для них «вне предела достижимости»,— в этой сфере они просто бессильны, неприменимы. Здесь Чупринка — лирик чистой воды — может изобразить, в сущности, только то, что доступно музыке: звуковые явления, танец, движе-

ние *, — не больше того. Изредка затронув «пластичную» тему, он быстро сбивается на лирику, живописующие попытки его беглы, невыразительны и немногочисленны, главное же — трафаретны. А за вычетом этого у Чупринки осталась только область душевных переживаний, настроений, область внутренней жизни, область чувства и мысли.

Как ни странно, но Чупринка отдал свое предпочтение последней. И это не та мысль, которая рождается интуицией, возникает в напряжении стихийных, подсознательных сил, которая проникает, просачивается в стихи, кристаллизуется в них почти помимо ведома поэта, схваченная им, быть может, только отчасти, скорее неясно чувствуемая, чем осознанная хотя бы в самых беглых чертах. Такая мысль порою (как, например, у Тютчева) дает гениальные философские обобщения, «обнажает темный корень бытия», кидает, как прожектор, свой свет на такие далекие и темные области, которые для логической работы ума недосыгаемы. И уж всегда подсознательная мысль имеет крупный психологический и поэтический интерес. Но у Чупринки не то: у него — просто рассуждение в стихах, или готовый результат рассуждения, или публицистический лозунг, манифест.

В последнем обстоятельстве чувствуется ядовитейшая усмешка судьбы. Именно на укладке мыслей, на умствен-

---

* Зв. явление и танец, — см., напр., примеры 2-й и 3-й. Вот прекрасные движения из стихотворения «Заблудший огонь»:

Глянь, — дрижить,
Біжить,
Палає,
В далеч промінь посилає,
Миготить,
Летить,
Як дух!..
Глянь, — потух! («О.» 81).

ных и эстетических вкусах Чупринки лежит весьма определенный штамп, — штамп течения противопоставившего идею социальности идею личной автономности и публицистике в поэзии — автономность красоты. Чупринка воспринял, собственно, главным образом вторую часть этого двучлена. Он пишет не о красе, а о Красе, воспекает «святую красу» («Б. Г.» 26) и «вічне сяйво краси» («М.» 11). Свята краса — и песня «свята і неприступна» («Б. Г.» 17), и вдохновение «Бє з божественних джерел» («Б. Г.» 17). Ввиду этого людей можно разделить на две части: с одной стороны ряд «людських отар» («Б. Г.» 17), с другой — поэты. «Ти пророк, ти світлий геній, ти блискучий метеор!» — вот кто поэт. О себе Чупринка пишет: «В бурі маю матір я» («О.» 72), «брат мій ураган» («К.» 61) и, наконец, «Братом світла, братом сонця я зроблюся хоч на мить» («Б. Г.» 27). Девиз Чупринки «Не твори собі кумира» («Б. Г.» 26), лозунг — «бунт для бунту» («М.» 17), и этот лозунг он кидает «Своїм гнобителям краси» («М.» 17), «Гріх землі — моя стихія» («К.» 3); «Кровю ллється мій свавільний передзвін!» («К.» 11). «Ціною крові» («К.» 11) купил Чупринка свою поезию, ближние «кров мою точили» («К.» 14). Но «знову силу величезну в рідній сфері проявлю», «і мелодію чудесну кровю серця окроплю» («К.» 15) и т. д., и т. д. Всего выписывать нет возможности, выбирать — руки опускаются. Но темы и фразы подобного склада и подобного уровня — основа содержания стихотворений Чупринки. В том же духе выдержан и словесный состав. Стихи так и пестрят словами «отрута», «отруйний», «пекельний», «кров», «кривавий», «жах», «жах смертельний» и проч., и проч., и каждое из них десятки, порою — десятки десятков раз повторено Чупринкой, и все они, конечно, вполне подстать самому содержанию. Есть у Чупринки и слабость к таким «красивым» словам, как «гірлянди», «фльор», «інертні», «ілюзорні», «рулади», «маса», «фея», «дріади», «самум», «секрет», «серенади», «унісон», «ореол», а тем более, как

«тон», «мотив», «мелодія» и т. п. Не в том дело, что эти слова употребляются, но в том, что употребление их возведено в метод творчества, что ими стихи усеяны в количестве, не имеющем сравнений *, и, — что главное, — употребление это до крайности аляповато. «Квінтесенцію страждань» («О.» 61), «Щоб чудовую легенду показати реально світу» («М.» 30), «Орнаментичні визерунки» («Л. С.» 18), «В небі, в водах зорі — чари мов феєрії горять» («К.» 99), «Не в екстазі — декадансі, не в сновійнім хорім трансі» («К.» 82) — вот характерные места этого приема, число которых легко увеличить **.

Троп — этот могущественный рычаг поэтического воздействия — Чупринки, плененный и полоненный своей нетерпимой, «эгоцентрической» ритмикой, игнорировал, не разрабатывал, а если что кое-когда и давал, то либо шаблонное, вялое, охваченное какой-то «бледной немочью», либо, всего чаще, нечто в только-что описанном стиле. «Душевний вулкан», «кровавий смех» — вот характерные образчики его тропов. Цветы у него «ніжні твори Феї-Фльори» («О.» 28), есть и «діти ніжної фауни» («О.» 85), есть и такой образ:

То красою в дивні очі
Провелися паралелі
І холодної півночі,
І південної пустелі («О.» 20).

Эти отрывки интересны, между прочим, как частичный показатель надуманного, головного характера содержания поэзии Чупринки, — содержания, как уже отмечалось, рассудочного, программного. Эта рассудочность доводит до

---

* Сколько десятков раз употреблен один только «фльор», излюбленный Чупринкой.

** Чтобы выделить такие слова, Чупринка их рифмует, но тут изменяет и рифма (фантастично — огнисто, арганавтами — неправдами и т. д.).

того, что Чупринка может так писать: огонь —

Творить акты одживання
Для нового будування,—
Діє творчости процес («Б. Г.» 8).

Или:

Що таке — переживання?
Ряд умовин! («К.» 74).

Впрочем, будет. Мы не стремились дать какую-либо концепцию мировоззрения Чупринки — оно неинтересно, как головное и притом имеющее слишком расхожий характер, выработанное не Чупринкой, взятое им в готовом виде со стороны. Да и вряд ли это мирозерцание имеет у него сколько-нибудь оформленный вид. Но тип умственных и эстетических вкусов Чупринки мы выяснить старались, и читатели, быть может, видят, что в содержании его стихотворений есть некоторый основной тон с соответственными подголосками, что в сумме элементов этого содержания заметен определенный выбор и подбор, определенный тип, стиль.

От оценки умственных вкусов Чупринки, от указаний на их удельный вес я позволю себе уклониться, как уклонялся от замечаний во время самой обрисовки содержания. Причина этого — несложность вопроса и деликатность его. Наконец, я не ставлю баллов, мое прямое дело — характеристика, оценка для меня желательна постольку лишь, поскольку она необходимо входит в состав этой последней. Проведем же несколько основных черт, сделаем несколько обобщающих указаний, которые явятся точками опоры для характеристики, произвольно возникающей при чтении приведенного материала и уже отчасти намеченной нами.

Содержание стихотворений Чупринки — узко, оно быстро было поэтом разработано, исчерпано, пути пройдены до конца; осталось одно: перепевы. И через все его

творчество протянулась вереница тем, тропов, образов, излюбленных слов*, которые повторяются десятки и десятки, даже сотни раз, делая все однообразным, однотонным, так что не замечаешь даже новых достижений — все кажется уже примелькавшимся, виданным и перевидаанным. Ритм мешал Чупринке работать над указанными сторонами, а границы содержания скоро положили предел этой работе, сделали ее короткой. Для характеристики того, что в результате получилось, употребим лишь одно слово — скудость: оно говорит и об узости и о монотонности.

Подчеркнем далее, что Чупринка, от приемов которого веет такой стихийностью, в содержании своем — поэт рассудочный, головной. К этому выводу мы подходили уже несколько раз: и когда указывали, что интуитивного элемента у него в содержании мало, а чисто-мозгового, да еще взятого со стороны, — много больше; и когда рассматривали очень рельефные примеры из этой области и намечали вывод. Но гораздо показательнее иная, не затронутая выше сторона в поэзии Чупринки. Именно он всегда готов нечто разъяснить и доказать, направить на верный путь, изложить свои убеждения, выставить то или иное *credo*, формулировать лозунги и девизы, сделать выпад против инакомыслящих. Поэт становится публицистом.

Насколько подходят подобные задания к творческим приемам Чупринки, можно не говорить. Вспомним только, что стихотворные манифесты редко опираются на поэзию; гораздо чаще — на риторику, если только не на прозу. И читатель видел, что риторика, развиваясь по стихотворениям Чупринки, доходит до пределов крайних, гиперболических.

Что же касается эстетического вкуса Чупринки, по-

---

* Даже целых строк: «Ночи тьянная китайка» («О.» 19) и «Ночи синяя китайка» («К.» 77); «В бурі, в гromі, в льодоломі» («О.» 54) и «Шуму, грому, льодолому» («К.» 86) и т. д.

сколькy он отразился на содержании, то, думается, относящийся сюда материал позволяет мне без колебаний употребить слово *аляповатость*. Ибо если это не аляповато, то я не знаю, что может означать приведенный эпитет.

Скудость, рассудочность, риторичность и аляповатость — вот в каких выражениях приходится характеризовать содержание стихотворений Чупринки⁵. Но чтобы эти выводы, а также и сделанные раньше, предстали перед читателем в надлежащем свете, необходимо от точки зрения статической перейти к динамической.

*
*   *   *

Мы не располагали произведений Чупринки во времени, рассматривали их как бы созданными в один и тот же момент. Правда, Чупринка пишет всего лишь несколько лет⁶, правда, его творческая физиономия определилась сразу, и первая же его книжка диктует полностью ту характеристику и те выводы, которые мы дали, рассмотрев всю его поэзию. Но талант его все же в некоторой мере рос, развивался, эволюционировал. На этой стороне дела я и позволю себе остановиться.

Первая книжка Чупринки — «Огнецвіт» — вышла в 1910 г. Характерные приемы творчества, о которых шла выше речь, здесь все налицо, но не всегда они так яркие и упорны, как впоследствии. Притом встречаются и иные. Видимо, Чупринка находился в полосе колебаний и исканий, пробовал найти нужные средства для выявления своего творческого «я», и хотя ритм сразу определил путь поэта, но все же иные страницы намекают как-будто на лабораторный опыт, на практическую проверку того или иного метода, приема.

Еще явственнее эти искания в содержании стихотворений. Умственные и художественные вкусы Чупринки, очер-

ченные выше, отчетливо сказались и здесь, но встречаются пьески попроще, пообыденнее, есть социально-гуманитарные мотивы и т. д.

Среди этих робких, иной раз еле заметных попыток испробовать то тот, то другой путь, есть одна, с которой я хотел бы ознакомить читателя. Вот несколько стихотворных отрывков:

Гей, хоч мить, одну хвилину
Та пожить би, як захочеш,
А не так — наполовину,
Наче ждеш чого і сочиш!.. («О.» 80).

Как же поэт представляет себе эту жизнь?

Що там не буде, — співатимем, гратимем,
Щиро на рідній землі працюватимем
Вздвож, і навколо, і вшир!.. («О.» 77).

Поэт зовет на село:

Там живуть такі, як я,
Там не знають смутку й жаху,
Там кипить в борні життя,
Повне вільного розмаху!
Гей, туди!.. А об мерцях
Ми не будем сумувати,
Поки єсть вогонь в серцях,
Будем жити і співати! («О.» 43).

Он пишет в стихотворении «Батькові»:

.....
Хто не боровся з лихою годиною,
Щастя не знав в боротьбі,
Хай похоронної, хай лебединої
Пісні співає собі.
.....

Батьку! як дуб віковий над долиною
В грізную буряну ніч, не хились,—
Може, хоч мрію, часом хвилиною
Будем щасливі колись!.. («О.» 58).

Эти стихи говорят нам о достойном человеке, мужественном мироотношении, облечены в форму простую и суровую, но полную энергии, и могли бы стать началом широкого и славного поэтического пути... Пролагал Чупринка тропы и в иных направлениях, но все это глушилось и отменялось ритмом, бившим ключом, и особенностями, связанными с ним. Это течение полновластно воцарилось в «Огнецвіті», кидалось в глаза своей яркостью и выразительностью, и в дальнейшем Чупринка отдался ему всецело и безоглядно.

Закипела веселая работа! Стихийно порожденные приемы творчества усваивались, разрабатывались, в поэзии пролагался новый «битий шлях», проводилась новая борозда. Все поражало своей небывалостью, неожиданностью, своим подъемом, опьяняло звуком и звучностью, дышало творчеством, инициативой — и, казалось, конца этому не будет. Книжка выходила за книжкой *, создавая какой-то праздник молодых, свежих поэтических сил, чаруя и изумляя своей звуковой живописью, даря такие циклы, как «Подзвіння»⁷, и такие стихотворения, как «Моя муза» и «Давній образ». В самом содержании порой глубоко и страстно звучала одна побочная струна — та, которая говорила о смерти. Недочеты? Они были все налицо, но кто хотел их замечать, когда на глазах у всех рос такой буйный, такой яркий талант? Казалось, что это детская болезнь, что талант в своем безудержном развитии легко все одолеет, все переможет, и вряд ли кто понимал, что для такого типа творчества это роковые, кровно присущие ему недостатки.

Но узка была сфера, предоставленная Чупринке приемами и содержанием его поэзии. Все скоро было исчерпано, исхожено во всех направлениях, а затем оставалось только одно — «повторение пройденного»; для творческой работы, для новых достижений уже не было места. Тогда

---

* «Метеор», «Ураган», «Сон-Трава», «Білий Гарт».

все яснее стали проступать в стихах недочеты, обнаженнее стала плоскость и крикливость содержания, несложность этого творчества, и, кидаясь в глаза десятки и десятки раз, все это раздражало, утомляло, надоедало. Утомляли недостатки, утомляло и все творчество в целом, ибо с гнетущим однообразием проходили перед глазами читателя одни и те же немногочисленные приемы, темы, образы, слова давно уже примелькавшиеся, потерявшие всякую силу и власть. Вот книжка «Контрасти» (1913 г.) — порождение не творчества, а привычных приемов. Трудно из нее что-либо выделить, указать, какие пьески лучше, какие хуже, — так все сливается в бесцветную, однообразную массу. Творчество Чупринки хлынуло, словно вешняя полая вода, и, широко разлившись, стремительно убывало, рассудочность выдвигалась вперед, и, как завершение этого, в 1913 г. появилась поэма «Лицарь-Сам», насквозь надуманная, безвкусная, мертвенная.

Наш обзор художественного пути Чупринки доведен до конца. Народная песня сказала правду, — «високо сонце всходити, низенько заходити». Но это — не вся правда; она в том, что солнце взойдет вновь и вновь. Будем помнить, что талант Чупринки рос, искал свои тропы и дороги, горел творчеством и, лишь дойдя до крайней степени яркости и выразительности, подарив украинской поэзии ряд прекрасных страниц, достигнув своего апогея, стал склоняться к закату. Творческий путь пройден до конца, но пройден, как никем иным, и пройден [не бесславно, не бесплодно] ⁸. Более того: кончен путь, но ведь не кончен талант! Содержание можно углубить и расширить, можно создать для него новые приемы, новые средства художественного воздействия — лишь бы не замирал дух искания, не иссякли творческие силы.

[1916]

РЭЦЭНЗІІ І НАТАТКІ

КРЕСТЬЯНИН-ПОЭТ С. Д. ДРОЖЖИН

(К сорокалетнему юбилею)

Родился Дрожжин в 1848 г. в Тверском уезде; двенадцати лет был отведен в город и отдан в трактирные мальчишки; первый раз выступил в печати 12-го декабря 1873 года¹. С тех пор неоднократно печатался в лучших русских журналах². Из сборников его стихотворений наиболее удачным является изданный Горбуновым-Посадовым в 1901 г.³

Занимаясь литературой, Дрожжин вернулся в деревню, где снова взялся за крестьянский труд. Это последнее обстоятельство наложило глубокую печать на его поэзию. «Спелые колосья», «глубокие борозды», красота сельской природы, горе и радости крестьянской жизни — вот что составляет основное содержание его стихотворений. Обладая талантом, безусловно, не крупным, на который к тому же сильное влияние оказали другие поэты — Некрасов, Кольцов, Никитин, — С. Д. Дрожжин все-таки смог дать и кое-что свое, напр., в области размеров⁴. Главное же достоинство его — в простоте и безыскусственности. Об этой непосредственности своего творчества он сам прекрасно сказал в одном из стихотворений:

В родной деревне я встречаю
Весны живительной приход,
И если птичка запоет —
На песню песней отвечаю.

РОМАН ТРИСТАНА И ИЗОЛЬДЫ В ИЗЛОЖЕНИИ Ж. БЕДЬЕ

*Перевод Е. С. Урениус. Москва, книгоиздательство
К. Ф. Некрасова. МСМХІІІ. 200 стр., ц. 1 р.*

Есть странный цветок, называемый «Иерихонская роза». Высушенный, поблекший, он все же оживает, едва только коснется воды. Такова и книга, отмеченная нами в предыдущих строках: свежестью веет от ее тысячелетних фраз, вновь коснувшихся читательской души.

Повесть о Тристане и Изольде¹ возникла на основе кельтских народных сказаний и, долго привлекая внимание средневековых певцов, неоднократно подвергалась литературной обработке на разных языках. Об этом настойчивом внимании свидетельствует, между прочим, целый ряд дошедших до нас переводов, вариантов и переделок романа. Ж. Бедье попробовал сделать из них сводку, положив в основу древнейший из известных нам текстов². Ценность достигнутых им результатов несомненна. Жаль только, что, выбирая описание действия любовного напитка, он не остановился на гораздо более тонкой главе из поэмы Готфрида Страсбургского. Русский читатель найдет ее в книге Куно Франко «История немецкой литературы», на стр. 103—4.

Эта повесть формировалась в ту пору, когда рыцарская культура заканчивала уже круг своего развития и вбирала в себя новые, ранее чуждые ей элементы. Благодаря этому содержание книги шире, а изобразительные средства разнообразнее, чем можно было бы предполагать. Говорит она о страстной, преданной, неотвратимой и в этой неотвратимости трагической любви, формы которой — изменчивы, но сущность — вечна и неизменна. Для

изображения ее в повести нашлись нужные слова, то трогательные, то нежные, то немного лукавые, но всегда и везде своеобразные. Вся же книга оставляет после себя столь редкое теперь впечатление цельности и благородной простоты. Вот, например, несколько изящных сравнений из нее: «Казалось Тристану, что долговечный терновник с острыми шипами и душистыми листьями пустил корни в крови его сердца», — так повесть описывает любовь. «Стрелы посыпались на них, как апрельский дождь». «Любовь влекла их друг к другу, как жажда влечет оленя к воде перед смертью». «Дама белее февральского снега» и т. д. Если только можно по нескольким каплям воды составить представление о реке, то пусть читатель по этим немногим словам догадается о характере всей книги.

Она — отнюдь не новинка для русской литературы. Еще триста лет тому назад существовал перевод этого романа на русский (белорусский) язык³. Теперь, однако, нам не в чем завидовать своим пращурам.

[1913]

Н. М. НИКОЛЬСКИЙ. ДРЕВНИЙ ВАВИЛОН

Популярно-научные очерки по истории культуры Сумера¹, Вавилона² и Ассира³. С 93 рис., планом древнего Вавилона и исторической картой. Изд. т-ва «Мир». Москва 1913 г. 434 стран. Ц. 2 р.

Интерес современного читателя к истории мессопотамских культур может питаться довольно разнообразными источниками, устремляться в различных направлениях и на различные предметы. Причиной этого является значительность и многогранность влияния, которое оказали народы, населявшие Месопотамию⁴, на цивилизации европейских стран. В свое время как Вавилон, так и окружающие его области являлись, так сказать, историческим перекрестком, точкой пересечения крупнейших путей целого ряда всяческих культур. Здесь они встречались, сюда несли свои лучшие соки, которые Вавилон перерабатывал, обогащал новыми элементами и гнал во все концы света. На Европу влияние Вавилона распространялось, конечно, не прямо, а просачиваясь через целый ряд отделявших их культур; поэтому и учтено оно может быть очень неполно и лишь приблизительно, что, впрочем, не отнимает у него характер приковывающей к себе значительности. Достаточно указать хотя бы на весьма ощутительную зависимость текста Библии от вавилонских сказаний. Многие частности нашей астрономии носят столь же явственный отпечаток вавилонского происхождения. Все это вызывает у нас при изучении Вавилона нечто большее, чем обычный исторический интерес.

Книга г. Никольского, известного специалиста по данному вопросу, чрезвычайно удачно соединяет в себе популярность изложения со свежестью фактического материала и высотой своего научного уровня. Автор дает гео-

графический очерк страны, прослеживает ход развития и исторические судьбы народностей, сменявшихся на ней, описывает их быт, верования, государственное устройство, останавливается на расшифровке современной наукой дошедших до нас клинообразных надписей и проч. Все это изложено хорошим языком, при почти полном отсутствии иностранных слов, что делает книгу доступной для всякого рядового читателя. Много помогут ему и прекрасно подобранные рисунки; исполнены они, впрочем, довольно посредственно. Общая внешность книги хороша.

[1914]

«ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ» 1914 г. № 1¹

*Ред.-изд. Миролюбов. С.-Петербург,
Клинский пр., 18, уг. Серпуховской.
Цена на 1 г. 4 руб.*

Одним из наиболее значительных явлений современной общественной жизни следует признать несомненный рост народной интеллигенции, отлагающейся в недрах крестьянства и рабочего класса. Кадры ее неудержимо и поразительно быстро растут, начинают приобретать определенные очертания, вырабатывать строго индивидуальные черты. Обслуживать интересы этого нового слоя русской интеллигенции, удовлетворять его духовные запросы — вот задача, которую ставит себе упомянутый в заголовке рецензии журнал.

Печатаясь в два столбца, экономизируя на бумаге, он дает за четыре рубля столько же литературного материала, как и гораздо более дорогие «толстые» журналы. Что касается состава сотрудников, то, судя по проспекту, «Ежемесячный журнал» привлек к участию едва ли не все лучшие силы беллетристики «реалистического» направления² (к сожалению, отсутствует Короленко). Вместе с тем приглашены и некоторые представители «модернизма»³, художественная ценность творчества которых наименее оспорима. Несколько слабее поставлены отделы публицистики и литературной критики, но зато есть постоянный популярно-научный отдел, отсутствующий в других толстых журналах. Это новшество сможет по достоинству оценить именно демократический читатель, для которого журнал является, иной раз, единственной духовной пищей, основным источником образования.

Первый номер «Ежемесячного журнала» закрепляет собою симпатии, невольно возникающие по отношению к этому прекрасному начинанию. Открывается он рядом хороших стихотворений⁴, далее идет вереница рассказов⁵, среди которых есть вещи Винниченка⁶ и Шмелева⁷. Из второй половины журнала особенно хороши статьи по научным вопросам⁸. Судя по первой книжке, перед нами — не мертворожденная затея, а живое и действительно необходимое дело.

Во всяком случае, эта книжка имеет свою собственную литературную физиономию, оставляет после себя очень цельное впечатление и дает основание считать существование «Ежемесячного журнала» далеко не лишним.

[1914]

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ К. РЫЛЕЕВА И ОДОЕВСКОГО

Изд. журнала «Жизнь для всех»¹,
цена 1 р. 50 к.

Книга стихотворений К. Рылеева, вышедшая под редакцией Ефремова в 70-х годах², давно уже стала библиографической редкостью и мало доступна по своей цене*. Нелегко раздобыть и томик Одоевского³, изданный лет двадцать тому назад журналом «Север». Поэтому можно только приветствовать мысль дать произведения этих писателей в популярном издании. Оно удовлетворит и естественный пиетет читателя к этим людям, твердым почерком вписавшим свои имена в историю России; оно будет небезынтесным и любителю культуры 20-х годов прошлого столетия, как новый штрих, восполняющий общую картину тогдашней «отечественной словесности»; но в то же время — и это, может быть, главное — оно порадует человека, любящего поэзию.

В самом деле, суровые ямбы Рылеева, коснувшись общественно-политических тем, загораются огнем вдохновения и силой. Образцом могут служить такие стихотворения, как ода «Гражданин», «Исповедь Наливайки» и т. д.

Еще более привлекает внимание читателя мечтательная и меланхолическая муза Одоевского. Все, оставшееся после него, лишь наброски, черновики, отнюдь не предназначенные к печати. Однако столько в них разлито

---

* Недавно вышло исследование г. Маслова о Рылееве⁴, содержащее все его стихотворения; к сожалению, оно написано слишком громоздко и специально. М. Б.

неподдельной поэзии, так трогательны многие образы и выражения (например, экспромт о летящих журавлях⁵), что невольно еще и еще раз перечитываешь их, испытывая чувство и благодарности и горячей симпатии к их автору.

Изданная «Жизнью для всех», книга предназначена для широкой публики; поэтому стихотворения, мало характерные для литературного творчества обоих писателей, выпущены равно как и просто слабые произведения.

Книге предпослана статья В. А. Поссе⁶, написанная добросовестно и популярно. Наиболее ценною частью ее являются умело подобранные биографические сведения о жизни обоих писателей.

Жаль, что это симпатичное издание не совсем доступно по своей цене.

[1914]

БЕЗУМЕЦ

(Памяти Галилея)

Есть головокружительные высоты. Есть головокружительные мысли.

Тот, кто знает их, кто стремится к ним, кто любит их,— неизменно получает название безумца.

Даже если бы его мысли были основаны на несокрушимых математических доказательствах.

Ведь должен же был Галилей, со времени рождения которого сегодня истекает 350 лет,— ведь должен же был он торжественно каяться в своих научных идеях, как в тяжких грехах.

Ведь звучали же в стенах старинного собора слова: «Я, Галилео Галилей, отрекаюсь от всех заблуждений, измышленных мною, и проклиная их пред лицом верных сынов церкви, собравшихся здесь».

Его утверждения, доказывавшие вращение земли и неподвижность солнца, шли против установившихся понятий и потому были «безумны».

Но благо тому времени и той стране, в которых появляются такие «безумцы».

Ибо они принадлежат к числу тех людей, о которых поэт сказал:

Если б завтра земли нашей путь
Осветить утром солнце забыло,
Тотчас, верно б, весь мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!

И «безумец» Галилей, который после судилища в глаза своим судьям бросил страстное:

— А она все-таки вертится! — этот «безумец» пронизал своим умственным взором темную даль столетий и для нас явился уже не с позорным клеймом «отступника», а с светлым лицом всепобеждающей правды.

[1914]

«ЕЖЕГОДНИК ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ»¹

Вышел из печати и поступил в продажу издаваемый пятый год в гор. Вологде «Ежегодник вологодской губ.». «Ежегодник» заключает в себе адресно-справочный отдел на вологодскую губернию и очерк экономической жизни. В предыдущих изданиях «Ежегодника» в последнем отделе значительное место уделялось кооперации. Ныне кооперация затронута весьма слабо — обстоятельный очерк дан только по мелкому кредиту.

ЕЖЕГОДНИК ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ» НА 1914 г.²

Спб., 616 стр., ц. 1 р. 50 к.

С некоторого времени крупнейшими органами современной печати установлен прекрасный обычай давать (на рубеже двух годов) сборники статей, подводящих итоги только что истекшему году. Среди этих сборников первое место принадлежит, бесспорно, ежегоднику газ. «Речь», страницы которого украшены именами Милюков, Шингарев и проч.

Открывается сборник статьей Милюкова³, посвященной обзору событий иностранной жизни; сосредоточены оне, естественно, на картине взаимоотношений балканских народов, — область, в которой Милюков является лучшим специалистом в России. Далее идет очерк нашей внутренней жизни, составленный Гессеном⁴. Экономическим темам отведены статьи Шингарева (бюджет) и Эпштейна

(банки и биржа) ⁵. По инородческому вопросу писали Милюков, Clemens и проч., остановившиеся на крупнейших фактах национального существования поляков, евреев, финляндцев и украинцев ⁶. Все это выписано чрезвычайно сжато, компактно, насыщено фактическим материалом и объединено одной руководящей точкой зрения.

Наконец, в «Ежегоднике» есть ряд статей, посвященных художественным вопросам ⁷. Годовой очерк русской литературы, сделанный г. Адриановым, содержит в себе разбор всего лишь двух вещей ⁸. С этим примеряет интересная общая часть статьи, трактующая об эволюции литературных настроений, идущих в сторону сочного жизненного реализма.

[1914]

ЖЕЛТЫЕ ЦВЕТЫ

Настоящая статья посвящена журналу «Микроскоп»¹. Не о его грубости и бесцеремонности по отношению к местным уважаемым общественным деятелям будет идти в ней речь. Конечно, печально такое падение печатного слова, — но ведь на выпады «Микроскопа» не принято оскорбляться. Нет, мы будем говорить о явлениях иного порядка.

*
*   *

В номере 3 «Микроскопа» есть стихи, начинающиеся словами:

Купец именитый Каралли
Поддался наживы дурману,
Он верен единой морали:
Служи не искусству — карману.
Купец именитый Каралли
Сменил на торговлю искусство *и т. д.*

Все это, несомненно, грубо, как груба и карикатура, помещенная там же, на которой г. Каралли изображен в приказчиьем фартуке и со счетами в руках. Но что за беда! «Микроскоп» может быть и любезен. Едва прошло полгода со времени напечатания этих пошлостей, как в «Микроскопе» (в номере 33) появляется статья, из которой мы можем узнать, что «публика ждет не дождется

открытия сезона», что вокруг Волковского театра ² сосредоточиваются «все чаяния и надежды», и проч. и проч. Оказывается, что среди артистов г. Каралли «мы встречаем такие имена, которые могут быть украшением для любой театральной труппы». «Премьер..., имевший громадный успех... считающийся первым героем-любовником среди провинциальных известностей»; «известная провинциальная артистка»; «лучшая артистка в ампула молодой героини-кокетт»; «незаурядный любовник-неврастеник» — вот кто, по словам «Микроскопа», приглашен в труппу г-ном Каралли, которому это «делает много чести», который этим «может похвалиться».

И что всего любопытнее, написано это в то время, когда новая труппа г. Каралли не успела еще дать ровно ни одного спектакля. Тщетно будете вы искать указаний на причины, которые создали столь резкое изменение натуры г. Каралли, оплеванного в предыдущих номерах, — таких указаний в «Микроскопе» нет, но там, в том же номере, имеется первое за все время существования журнала объявление Волковского театра.

В № 4 «Микроскоп», обращаясь к труппе Каралли, писал:

— Скатертью дорога!

В № 33 он пишет:

— Добро пожаловать!

Беспспорно, этот журнал умеет быть и грубым и любезным.

*
* * *

Однако г. Семеновскому не чужда и дружеская задушевность.

Аккуратно «разнося» чуть ли не все сапожные фирмы (объявления в «Микроскопе» не печатаются), кроме фирмы Дмитриева (объявления в «Микроскопе» печатает постоянно), он украсил свой 11 № следующими строками:

«Продаются сапоги всмятку, штиблеты и прочая обувь!.. Сам бы ел, да деньги нужны! — Не только даром, но еще дается в придачу по три рубля денег... Редкий случай, спешите! С почтением Донцов».

В № 21 карикатура изображает донцовский сапог с расхлябанными носками. Но вот № 29 «Микроскопа»: тут уже картина совсем иная! «Микроскоп» благородно берет под защиту г. Донцова и несколько неожиданно величает его не только Николаем Алексеевичем Донцовым, но и просто Николаем Алексеевичем.

В том же номере появилось объявление от «Венского магазина», принадлежащего Донцову.

*

* *

Еще один случай того же порядка. Был в Ярославле владелец различных предприятий некий г. Новиков. Объявления о них печатаются в «Микроскопе», начиная с 12 №. А уже в № 17 «Микроскоп» благородно выступил в защиту своего давальца.

Дело в том, что г. Кузнецов, доставляющий справки о солидности и кредитоспособности различных фирм, ответил на один запрос, что предприятия г. Новикова существуют лишь на бумаге. Редакция «Микроскопа», понятно, не стерпела. В № 17, как уже отмечалось, появилось описание всего дела с перепечаткой документальных данных и проч. Статья заключается следующим трогательным выпадом по адресу г. Кузнецова:

«И таким господам доверяют столь серьезное дело! Какая же цена тем сведениям о кредитоспособности, которые дает этот институт?»

Ответ на вопрос ясен, и «Микроскоп» не долго таил его. В следующем же номере (т. е. в 18) можно узнать, что «конечно, справкам этого милого учреждения цена грош». Журналу только «грустно то, что кредитоспособ-

ность любого делового человека, кредитоспособность фирмы, а с нею и ее будущего благосостояния находится в зависимости от подобных институтов и гг. Кузнецовых». Конечно, трудно сказать, что значит по-русски «кредитоспособность... будущего благосостояния», но зато все остальное содержание статьи совершенно ясно и недвусмысленно.

В № 20, следовательно, через номер, снова статейка, снова документы, снова защита предприятий г-на Новикова. В № 21 то же самое. Читаешь — и глазам не веришь: какое отношение к задачам сатирического журнала имеет поддержка коммерческих интересов отдельных лиц? Но удивление еще более возрастает, когда развернешь № 31 «Микроскопа».

Две громадные статьи, в несколько сот строк каждая, исследуют личность некоего «господина Икса». Оказывается, что «появление этого человека в публичных местах всегда сопровождается возгласами: «Жулик! Аферист!» Оказывается, что г. Икс создал целый ряд дутых предприятий, где в конторе сидят «люди с подозрительными очертаниями лиц, добрая половина которых уволена из разных учреждений за разного рода и сорта мошенничества». Оказывается, что г. Икс когда-то «организовал шайку деревенских парней, которые по ночам ломали на кладбище надмогильные кресты, решетки, памятники и т. д. с той целью, чтобы у г. Икса много заказов было». В настоящем же г. Икс «устроил рекламное заведение», причем у этого господина, кроме того, «имеется даже где-то, кажется, на Федоровской улице, несуществующий чугунолитейный завод».

А в № 32 «Микроскоп» в столь же пространной статье вновь возвращается к этой теме, вновь говорит о несуществующем чугунолитейном заводе и владельцем его называет Новикова.

Итак, «господин Икс» — это Новиков. А потому, кого же защищал совсем еще недавно «Микроскоп»? По своему

собственному признанию — жулика, афериста и проч. Но теперь он негодует: и в 33, и в 36, и в 39, и 44 №№ журнала красуются статьи, заметки и карикатуры, направленные против Новикова. И ни разу не вспомнил «Микроскоп», что ведь никто иной, как он, поддерживал и защищал г. Новикова, который, между прочим, с некоторого времени перестал давать в «Микроскоп» свои объявления. Это обстоятельство и является пограничным камнем между двумя столь разнящимися оценками Новикова: когда печатались объявления, его защищали и поддерживали; когда объявления исчезли, «Микроскоп» заявил, что его протеже — «жулик и аферист».

*
*   *   *

Был в Ярославле неосмотрительный человек г. Бобрин, владелец «Рекорда» и «Забавы». Он имел неосторожность не печатать объявлений в «Микроскопе»; что было дальше, читатель может и сам безошибочно угадать: началась беспощадная травля обоих предприятий. В № 5 целый ряд заметок направлен против «Забавы». В № 6 — статья и заметки против «Рекорда». В № 7 — снова статья о нем, но уже много больше. В № 8 — выходка против «Забавы». С завидной аккуратностью, из номера в номер, преследует «Микроскоп» свою цель, извещая, что «только с чужой физиономией можно идти в «Забаву» — побьют, не жаль будет» (№ 5); что «не всякий притон называется... «Забавой» (№ 5); что «специалисты по устройству дебошей и драк предлагаются электротеатром «Забавы» (№ 8); что в «Рекорде» вместо фойе и зрительного зала — клетушки, так что «парится ярославская публика чуть-чуть не до обмороков», «сидит друг на друге», «в узких коридорах жмет друг из друга масло» (№ 6) и т. д. и т. д.

Итак, «Рекорд» и «Забавы» встречаются во всех отделах «Микроскопа» — их нет лишь в отделе платных объ-

явлений. Но энергия «Микроскопа» не иссякает: в №№ 12, 13, 14, 15 — везде и всюду вы натываетесь на «Рекорд», преследование которого становится едва ли не главной задачей журнала.

И вдруг...

И вдруг на страницах «Микроскопа» в № 19 появляется первое объявление от «Рекорда» и не сходит в следующих номерах. Конечно, старых речей о «Рекорде» и в помине не стало. Наоборот, начиная со следующего же номера (т. е. № 20), в тексте «Микроскопа» мы встречаем, например, мнение, что «горькая участь обывателей...отчасти может быть облегчена... известием о предстоящей гастроли у нас известной молодой певицы русско-цыганских песен», которая «гастролировать будет в местном театре «Рекорд». Далее «Микроскоп» считает нужным «отметить, что певица обладает красивым голосом» и что «песни в ее исполнении отличаются интересною и оригинальною колоритностью».

Непосредственно вслед за этим (в № 21) отмечено еще одно событие: «В субботу, 29 июня, в летнем театре «Рекорд» выступит с собственными картинами известный артист-кинодекламатор С. А. Акарский».

Двигаясь в этом направлении, «Микроскоп» возвышается до истинно художественных мест; вот, например, как написана статейка, озаглавленная «В «Рекорде» и помещенная в № 34 «Микроскопа»: «Электротheater «Рекорд» уже перешел в зимнее помещение на Власьевской улице. Помещение отделано красиво и со вкусом. Увеличено фойе. На стенах масса художественных, большей частью даже оригинальных, картин. Фойе утопает в цветах, статуях и зеркалах. Весь зал залит огнями. Расширен и зрительный зал. Надо думать, что вновь открытый театр г. Либкена «Волшебные грезы» серьезным конкурентом «Рекорду» не будет».

*
*   *

Можно привести еще ряд фактов, аналогичных только что указанным. Но статья и без того уже разрослась. Впрочем, вот одна коротенькая и несложная историйка.

В № 12 «Микроскопа» появилась заметка следующего содержания: «Ловкость по открыванию кабаков, получение разрешения на открытие! Громадный опыт — открыт уже третий кабак! Справиться у владельцев «Праги».

А в № 15 можно уже найти объявление от всех трех кабаков, в том числе и от «Праги». Дальше все идет обычным порядком, т. е. нападок на кабаки нет, но объявления от них есть. Впрочем, отнюдь не приписывая себе дара пророчества, можно бы, конечно, сказать это, даже не заглядывая в «Микроскоп».

*
*   *

Ярославская публика узнала «сатирический журнал» г. Семеновского. Ярославль оказался негостеприимным для «Микроскопа». Теперь этот «орган» перенес свою «деятельность» в Рыбинск.

[1914]

А. Н. АФАНАСЬЕВ. НАРОДНЫЕ РУССКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Редакция и предисловие прив.-доц. С. К. Шамбинаго¹.

К-во «Современные проблемы». Москва. 1914 г.

316 стр. ц. 1 р. 25 к.

«Кроме известных русских народных сказок, вторым замечательным изданием Афанасьева было собрание легенд, к сожалению, потом, по цензурным причинам, не повторенное и ставшее библиографической редкостью», — так писал Пыпин в своей капитальной «Истории русской этнографии»² об этой ныне переизданной книге. При всей своей ценности она, однако, не может избежать одного весьма существенного упрека, а именно упрека в чрезмерной разнокачественности собранных в ней материалов. Подавляющее большинство их записано в великорусских губерниях, но встречаются записи и украинские, и белорусские, производящие впечатление каких-то пестрых заплат, вшитых в основную ткань сборника. Лица, записывавшие легенды, пользовались при этом далеко не тождественными методами, так что в книге есть и явные пересказы слышанного своими словами (таковы, напр., многочисленные записи Даля), и материалы, фонографически передающие речь рассказа (см., напр., запись Дмитриева). Наконец, наряду с современными легендами, полученными из уст народа, помещены легенды, заимствованные из древнерусских сборников. Последнее, впрочем, очень скрасило разбираемую книгу.

Переходя к ближайшему рассмотрению ее, отметим, прежде всего, помещенные в конце любопытнейшие параллели к русским легендам, взятые из западноевропейской сказочной литературы. С другой стороны, предисловие прив.-доц. Шамбинаго дает сжатый обзор научных

теорий, последовательно выдвигавшихся для уяснения различных темных вопросов в области легендарного эпоса. Это, конечно, повышает научную ценность несколько обветшалой в данном отношении книги г. Афанасьева. Однако научной стороной далеко не исчерпывается весь ее интерес: не меньшее значение имеет, на наш взгляд, она и с точки зрения чисто литературной. Интерес тех или иных моральных проблем, представляющих из себя центральное ядро едва ли не в каждой легенде, своеобразие в их постановке и способах решения — все это заставляет читателя не жалеть о времени, потраченном на ознакомление с книгой. Еще более подкупает самая манера рассказа, полная какого-то стихийного простодушия, порой подчеркнутого столь же простодушным лукавством или приукрашенного неожиданным юмористическим эпизодом. Надо думать, что разбираемая книга удовлетворит и взрослого, и малолетнего читателя.

[1914]

РАБИНДРАНАТ ТАГОР. ГИТАНДЖАЛИ (ЖЕРТВОПЕСНИ)

*Перевод под редакцией Ю. Балтрушайтиса,
с портретом Р. Тагора, работы Ротенштейна.
XXI+126 стран. Изд<ание> В. Португалова. М. 1914 года.*

В наши дни, столь богатые поэтами и столь бедные поэзией, становятся особенно дороги книги вроде той, которая отмечена в заголовке предлагаемого разбора¹. Автор ее — знаменитый индусский поэт, при посредстве английской литературы нашедший себе читателей и в Европе, а ныне, в довершение, увенчанный присуждением Нобелевской премии². Это последнее обстоятельство возбудило усиленный интерес к поэзии Тагора и вызвало перевод целого ряда его книг на европейские языки, в том числе и на русский. Представляется вполне уместным обратить внимание читателя на один из таких переводов, недавно появившийся на нашем книжном рынке.

«Дай мне сделать жизнь мою простой и прямою, как тростниковая свирель, чтобы Ты ее наполнил музыкой», — просит индусский поэт в одной из своих песен-молитв. Эта молитва исполнилась по крайней мере в одном отношении, — именно по отношению к творчеству Тагора. При всей своей философской значительности оно настолько просто и прямо, настолько напоминает игру тростниковой свирели, что не удивляешься, читая такие слова интеллигента-индуса³: «Мы называем наше время эпохой Рабиндраната... Ни один поэт в Европе не славится так, как славится он среди нас... Песни его поются от запада Индии до самой Бирмы, всюду, где только говорят на бенгальском наречии».

Продолжая свою характеристику, отметим еще красоту и обилие сравнений в поэзии Тагора, оригинальных, но

отнодью не вычурных. В ближайшее рассмотрение его стиля мы, однако, не войдем, так как разбираемая книжка не дает для этого необходимого материала, являясь переводом с английского перевода.

Что касается содержания стихотворений, то оно почти всегда символично. Однако эти символы не носят характера ребусов, решение которых лишь раздражает читателя, отнимая у него время и ни малейше не углубляя темы произведений. Наоборот, символика Тагора реалистична, одета живою плотью и кровью, она всегда имеет некоторый реальный, конкретно-жизненный смысл; но сквозь него постоянно просвечивает иное содержание с границами, трудно определяемыми, а потому без конца влекущими и расширяющими мысль. Это и является тем плюсом, который высоко поднимает поэзию Тагора над искусством только реалистическим.

Темы вещей, собранных в этой небольшой книжке, имеют религиозно-философский характер. Но нестремленная мысль свободно чувствует себя среди них, ибо им придан совершенно особенный уклон. Вот краткий образец того, как пишет индусский поэт:

«Оставь эти гимны и песнопения и перебирание четок. Кого славословишь ты в этом уединенном, темном углу храма с наглухо закрытыми дверями? Открой глаза, и ты увидишь, что твой бог не перед тобой. Он там, где пахарь вспахивает твердую почву и где строитель тропинок разбивает камни. Он с ними в солнце и ливень, и его одежды покрыты пылью. Сбрось с себя священный плащ и, подобно ему, спустись на пыльную землю. Очнись от своих созерцаний и отложи в сторону цветы и фимиам! Что за беда, если порвется и испачкается твоя одежда? Встреть его и пребудь с ним, трудясь в поте лица своего!»

В заключение отметим, опираясь на компетентную оценку г. Дионео⁴, что русский текст достаточно близок к своему источнику — английскому переводу.

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ. ЭМАЛИ И КАМЕИ

*Перевод Н. Гумилева. Изд-во М. В. Попова,
вл. М. А. Ясный 248 стр. Ц. 1 р. 50 к.*

Количество стихотворений, переведенных из Т. Готье на русский язык, очень незначительно. Несколько пьесок перевел Греков, еще меньше — В. Брюсов¹. Если сюда прибавить единичные переводы двух-трех других писателей², то этим будет исчерпано все, что имелось до сих пор в русской литературе. А между тем Т. Готье занимает одно из самых почтенных мест во французской поэзии. Поэтому можно лишь приветствовать попытку Н. Гумилева познакомить нашу читающую публику с совершеннейшими произведениями этого «ювелира слова».

Вместе с этим следует отметить известное духовное сродство французского поэта и его русского переводчика. И тот, и другой прежде всего — эстеты, тонкие ценители формы. Главное достоинство стихотворений Т. Готье, как известно, заключается в изяществе отделки всегда безукоризненного стиха, в изысканности выражений; к этому стремился предпочтительно перед всем другим сам автор, это же ценили в нем критика и читатели, и именно эта черта творчества Готье нашла себе в переводах Н. Гумилева наиболее внимательное отношение.

Но при всем том разбираемая книга имеет один убийственный недостаток: то, что в ней искусно, в то же время и весьма искусственно. В ней очень много мастерства и очень мало поэзии. В ее тщательно отточенных стихах не чувствуется «веяния духа живого», все они красивы, но холодны. И в этой черте мы опять встречаемся с созвучием талантов автора и переводчика. Перед нами здесь не

недостаток перевода, а любовно выдержанное характернейшее свойство произведений Т. Готье, который даже возвел его в поэтический канон:

Искусство тем прекрасней,
Чем взятый матерьял
Бесстрастней:
Стих, мрамор иль металл³,—

так писал Готье в своем знаменитом программном стихотворении. Его книга и есть жертва на алтарь этой бездушной красоты.

Что касается отдельных промахов переводчика, то можно иной раз посетовать на него за стремление к буквальной передаче подлинника. Фраза «И дьявол кожу ей дубил»⁴, употребленная при описании Кармен, очень близка к оригиналу, но в то же время и очень смешна.

Издана книга довольно изящно.

[1914]

КРЫМ

*Путеводитель. Крымское общ<ество> естествоиспытателей
и любителей природы. Симферополь,
686—IV стр., ц. 2 р.*

Громадный приток приезжей публики, в иные времена года буквально наводняющей южный берег Крыма, вызвал на свет целый ряд путеводителей по Таврическому краю¹. Во всех их, однако, преобладало стремление удовлетворить интересам лиц, приезжавших лечиться, или, во-вторых, желавших просто провести весело время среди прекрасной крымской природы. Интересы же экскурсионные отходили на второй план, а то и совершенно не принимались в расчет. Чтобы понять это, достаточно вспомнить, из кого слагалась до самого последнего времени главная масса приезжавшей в Крым публики. Но ныне положение вещей существенно изменилось. Наплыв экскурсантов, возрастая из года в год, достиг цифры чрезвычайно крупной, для многих даже неожиданно крупной. Достаточно указать, что одно только Ялтинское отделение Крымско-Кавказского горного клуба «устраивает за сезон 700 экскурсий, число участников которых колеблется от 15 до 20 тысяч» (см. Крым, стр. 339). А сколько экскурсий совершается помимо Ялтинского отделения клуба! Поэтому потребность в путеводителе, который интересы экскурсионного дела положил бы во главу угла, выдвинул бы их вперед, ощущалась довольно остро. Указанной потребности отчасти удовлетворял путеводитель, составленный г. Меркуровым, но издание это, во-первых, уже разошлось без остатка и к тому же, во-вторых, было предназначено исключительно для пешеходных экскурсий. С тем большим вниманием следует отнести к путеводителю, название которого

проставлено в начале нашей рецензии: он составлен по чрезвычайно широкому плану, при разработке которого запросы экскурсионного дела были поставлены, бесспорно, в первую очередь.

Путеводитель этот является результатом коллективного труда очень широкого круга лиц; каждый уголок Крыма описан непременно кем-нибудь из местных людей, знающих его основательно и детально; в составлении путеводителя участвовало несколько десятков человек. Однако вся эта работа была вдвинута в одне и те же, твердо очерченные границы и, очевидно, подверглась тщательной редакционной отделке, так как книга оставляет очень цельное впечатление. Избегнув, таким образом, обычной в подобных случаях пестроты, разногласицы и несоразмерности в отдельных частях, она дает столь подробные, точные и полные сведения, о которых единоличные составители и мечтать бы не могли.

Однако эти сведения (справочного характера) отнюдь не исчерпывают всего содержания путеводителя: в нем есть несколько глав, предназначенных специально для экскурсантов и составляющих, вместе с указанным выше материалом, заключительную, т. е. «прикладную», часть этого ценного издания. Но едва ли не столько же места занял помещенный впереди ее научный отдел, сложившийся из ряда работ, исследующих Крым в самых разнообразных отношениях. Этот отдел следует тем более подчеркнуть, что в других путеводителях он отсутствует или занимает до смешного незначительное место (напр., в путеводителе г. Москвича всего только 5 стр.). Ознакомившись, таким образом, с общей расстановкой разбираемого издания, перейдем к более пристальной и подробной оценке каждой части его в отдельности. Начнем со сведений, имеющих справочный характер, то есть с материала, помещенного во втором отделе путеводителя.

Описательная часть его разворачивается, постепенно

передвигаясь с севера на юг и имея при этом опорными точками поселения городского характера. Приступая к описанию какого-либо города, составители книги дают сведения о местных гостиницах, ресторанах, столовых, о средствах передвижения, говорят о сравнительном их удобстве, о ценах на них и т. п. Затем следует общий очерк города, указываются его достопримечательности, требующие осмотра, сообщаются краткие исторические данные. Дальше описывается прилегающий к городу район, отмечаются наиболее подходящие пути сообщения, говорится, что в нем заслуживает внимания. Так, идя от города к городу, описание доходит до южного берега Крыма, обрисованного с наибольшей подробностью и в самых разнообразных направлениях: и со стороны моря, и по всевозможным сухопутным путям, просто передвигаясь от одного населенного пункта к другому. В результате занотованы даже крошечные дачные поселения, а такие места, как Ялта, Алушка, Новый Симеиз, Гурзуф, Алушта, Отузы и Судак, описаны детальнейшим образом и во всяком случае более подробно, чем в иных аналогичных изданиях. (Из более северных пунктов составители особенно тщательно остановились на Феодосии, Евпатории, Саках, Севастополе и Карасу-Базаре²).

Лица, едущие в Крым с целью поселиться там на более или менее долгое время (то есть главным образом большие), найдут в этом отделе путеводителя весь необходимый материал для предварительного выбора местожительства. Здесь указаны климат данного уголка Крыма, защищенность от ветров, состояние почвы, солнечность, близость к морю, качества пляжа и приспособленность моря для купанья, близость населенных центров, аптек, почтовых учреждений, стоимость и характер средств передвижения, места для прогулок и развлечений. Указываются цены различных дач и комнат, полных пансионеров и обедов, говорится о их сравнитель-

ных достоинствах и о колебании цен во время различных сезонов.

Однако значительная часть этих же самых сведений может оказаться весьма бесполезной и для экскурсантов, а то и прямо необходимой им. Тут можно нередко встретить указания, даже специально предназначенные для них: таковы, например, указания столовых и гостиниц, где для экскурсантов делается скидка, указания помещений, где они могут останавливаться бесплатно, и т. п. Но в книге есть несколько глав, уже исключительно служащих интересам экскурсантов, причем главы эти играют в путеводителе очень заметную роль.

Справочный отдел его и начинается, собственно, с чисто экскурсионной статьи, заслуживающей всяческого внимания по тем, так сказать, «инструкторским» сведениям, которые она дает. Называется она «Экскурсии (Общие указания, маршруты)». Здесь говорится о способах передвижения по Крыму и о пригодности их для той или иной цели, говорится о местах для ночлега, о наиболее практичных видах снаряжения и отправки в путь, приводятся основные маршруты как для пешеходных, так и экипажных экскурсий, даются, наконец, сведения о местных экскурсионных организациях, у которых можно найти помощь и поддержку. Статья полна массой мелких, но весьма ценных по своей практичности советов и указаний, являясь, очевидно, результатом обширного опыта в этой области. О значении данной главы для каждого экскурсанта нечего, разумеется, и говорить.

Ценны для этого рода читателей и главы: «Экскурсии из Ялты» и «Экскурсии из Алушты». В первой, после сведений о Ялтинском отд. Кр. (ымско) - Кавк. (азского) горн. (ого) клуба, конторе горных экскурсий Я. Бебеша и экскурсионном бюро д-ра Вебера даны XIX маршрутов, подробно описывающих весь путь, отмечающих все повороты, указывающих, где и на-

сколько следует остановиться и на что обратить внимание. Тут же помещена и таблица условных знаков, которыми горный клуб разметил тропинки, чтобы нельзя было сбиться с пути. В главе «Экскурсии из Алушты» не дано такой серии маршрутов, а вместо того описано несколько основных направлений и указаны затем различные ответвления их в те или иные стороны. Но как там, так и здесь изложение тщательное, подробное и создающее весьма определенное впечатление деловитости. Вы читаете, например, после извозчичьей таксы краткую пометку: «следует торговаться» или встречаете совет: «отправляясь на эту гору, берите с собой воду, потому что там ее нет». Конечно, все это мелочи, но сквозь них просвечивает живая заботливость, и это как-то само собой начинает вселять доверие к составителям книги, помимо всяких соображений о том, что они — местные люди, с широким экскурсионным опытом и т. д.

Однако до сих пор мы касались исключительно второй, последней части путеводителя. Нам остается рассмотреть те 300 страниц, которые помещены впереди и посвящены научному описанию Крыма и его природы. Этот отдел не нужен больным, он излишен в столь крупном масштабе и для флагирующих туристов, но он сослужит незаменимую службу для экскурсанта, задающегося в числе прочих и образовательными целями. Руководителям же экскурсий во всяком случае следует ознакомиться с этим отделом. Из статей, собранных здесь, лишь очерк, посвященный Черному морю, найдет сравнительно узкое применение, хотя, например, при осмотре Севастопольской биологической станции без него не обойтись, да и в других случаях он также может понадобиться. Не столь настоятельна необходимость и в очерке местной фауны. Но геологический очерк Крыма, описание его растительности, историко-археологический обзор, занявший 127 стр., наконец, очерк местного населения* —

* Статья о климате Крыма чрезвычайно важна для дачников и больных.

вот те отделы, которых руководитель экскурсии не может не знать. Эти сведения даны в виде полном, законченном и научно-систематизированном. Все очерки достаточно популярны.

Что касается иллюстрационной стороны путеводителя, то она поставлена также очень широко, заключая в себе 15 карт, 9 планов, панораму Южного берега, свыше 200 иллюстраций в тексте и 20 — на меловой бумаге. Последние прекрасны. Рисунки в тексте недурны, и если попадаются недостаточно отчетливые, то есть немало и бесспорно хороших. Издана книга скромно и опрятно, почти без опечаток, на хорошей бумаге и сброшюрована в изящный и компактный том. Цену, принимая во внимание количество страниц, следует признать умеренной.

В заключение мы должны признать, что путеводитель, о котором идет речь, имеет свою собственную физиономию. Этому способствовали как способ его составления, так и наличность многих крупных отделов, отсутствующих в других путеводителях. Эти отделы были вызваны могучим ростом экскурсионного движения в России и предназначены для удовлетворения его запросов. Вот почему этот путеводитель мы решаемся назвать экскурсионным по преимуществу. Но благодаря его обширности и все иные его отделы дают никак ни меньше сведений, чем другие аналогичные издания. Крупных недочетов мы в нем не находим. И, наконец, как бы ни оценивать его, а лучшего путеводителя, особенно для экскурсионных целей, мы в настоящее время не имеем. Это послужило причиной столь подробного разбора данной книги. Количество экскурсий, направляющихся в Крым, громадно, возрастает с каждым годом, а удачный выбор путеводителя может сыграть для плодотворного течения их весьма крупную роль.

Н. СНЕССАРЕВ. МИРАЖ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»

С.-Пет. 1914 г. стр. 135. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Снессарев — бывший сотрудник «Нового времени»¹, выгнанный оттуда и благодаря этому сгорающий желанием поведать, так сказать, «всю подноготную» о руководителях газеты. Занявшись публичным перемыванием чужого грязного белья, он сообщает немалое количество достаточно живописных фактов, характеризующих этих господ. Однако именно в эту область мы не последуем за ним, предпочитая сосредоточить внимание читателя исключительно на общественной стороне явлений, описанных в книге полупочтенного автора.

Так, например, мы узнаем, что тираж «Нового времени», резко упавший еще в эпоху освободительного движения, никогда уже не мог достигнуть с тех пор своей былой высоты; хозяйственные устои <газеты> совершенно расшатались, и в 1911 г. на ней лежало чистого долга 700 с лишним тысяч рублей. Ввиду этого издательство было передано в руки товарищества, образованного из сотрудников «Нового времени» и некоторых политических деятелей (в том числе и гг. Гучкова и Шубинского). Однако и эта попытка поправить дело не удалась: тираж газеты продолжает падать, что ведет ее к неизбежному краху.

Еще серьезнее тот глубокий внутренний развал, который окончательно подрывает всякую возможность вновь поставить на ноги «Новое время». Такому столпу газеты, как М. Меньшиков, третья часть сотрудников не подает руки. «Меньшиков ненавидел Гучкова...»

«Гучков презирал его, что неоднократно высказывал, не стесняясь» и проч. «Совершенно открыто «Новое время» приняло участие в биржевой игре и в оплачиваемых финансовых комбинациях». Наконец, г. Снессарев излагает историю подкупа газеты обществом Маркони², причем «Новое время» должно было активно выступить в защиту передачи одной телеграфной концессии в руки этого общества, что и исполнило, напечатав ряд статей требуемого направления.

Были у «Нового времени» и еще некоторые дела того же рода, подробно описанные г. Снессаревым, но мы их не коснемся: и без того ясно, что для «Нового времени» уже вырыта могила.

[1914]

«ЖАТВА»

Сборник, кн. V. Москва. стр. 353. Ц. 2 руб.

Сборники «Жатвы»¹, вот уже несколько лет как выходящие в Москве, не создали, правда, себе сколько-нибудь громкой известности, но все же заслуживают быть отмеченными среди ряда иных современных альманахов. Выделяются они, прежде всего, своими целями, основная из которых — дать возможность начинающим писателям выступить в печати. В этом направлении за «Жатвой» уже числятся некоторые заслуги; так, например, благодаря ей выдвинулся даровитый С. Верхоустинский. К сожалению, в последних сборниках «Жатвы» эта задача отступает на задний план. Но некоторую оригинальность они все же сохранили, что достигается своеобразным подбором материала: именно, кроме обычной в альманахах художественной прозы и реже встречающихся стихов, «Жатва» дает еще статьи по литературной критике, вопросам театра и живописи и, наконец, имеет обширный библиографический отдел.

Все это мы находим и в разбираемой книге «Жатвы». Открывается она стихами Бальмонта и начинающего поэта Н. Бернера.

Далее идет художественная проза — самый слабый отдел во всем сборнике. Конечно, повесть Г. Чулкова «Сатана» прочтется с интересом, но этот интерес будет вызван достоинствами чисто внешнего характера: занимательностью фабулы, характером среды, изображению которой посвящена повесть (действие все время враща-

ется около различных дельцов послереволюционной реакции).

Рассказ В. Сахновского «Холодный дом» таков, что ничего особенно дурного или особенно хорошего о нем сказать невозможно. Наконец, есть еще «психологический этюд» Е. Курлова под заглавием «Палач». Повествуется здесь о том, как одна женщина, чтобы спасти мужа от смертной казни, отдалась палачу и вслед за тем узнала от него, что ее муж за день до этого казнен. Быть может, этюд г. Курлова явится прекрасной темой для кинодрамы в 3000 метров, но к психологии он во всяком случае никакого отношения не имеет.

Впрочем, центр тяжести книжки не здесь: он — в статье Е. Архипова, вскрывающей мировоззрение Баратынского²; в исследовании писем Чехова, сделанном Ю. Соболевым; в продуманных, тщательно выписанных библиографических оценках (отметим г. Бернера); в статье С. Глаголя о новейших течениях в живописи и Е. Наумова «О жизни и смерти театра». Пожалуй, даже в интересных, но весьма оспоримых мыслях безвременно умершей поэтессы Н. Львовой³ о женском творчестве.

Наконец, в сборнике помещена любовно составленная Е. Архиповым «Библиография Иннокентия Анненского» — писателя, вообще пользующегося здесь большим вниманием.

[1914]

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Е. А. БАРАТЫНСКОГО

*Том первый. Под редакцией и с примеч. М. Л. Гофмана¹.
Издание разряда изящ. словес. Импер. Акад. Наук.
Стр. XC+336; ц. 1 р., в перепл. 1 р. 25 к.*

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Е. А. БАРАТЫНСКОГО И Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА

Изд. «Жизни для всех», стр. 366, ц. 1 р. 20 к.

Среди поэтов, одновременно с Пушкиным выступивших в литературе, Баратынскому, по всей справедливости, принадлежит первое место. Поэт, поражающий сжатостью стиха, точностью эпитета, изящной афористичностью изложения, поэт, влекущий к себе неустанной работой мысли, всегда глубокой и значительной, — он слишком долго был писателем для немногих. Надеемся, что прекрасно изданный и общедоступный по цене первый том сочинений Баратынского, выпускаемых Импер. Акад. Наук, шире раздвинет границы круга его читателей. С внешней стороны книга является прямым повторением известных академических изданий Кольцова, Лермонтова, Грибоедова². Тот же формат, шрифт, та же прочная бумага верже, то же отсутствие корректурных ошибок. Тексты тщательно выверены и снабжены примечаниями, дан вступительный (впрочем, несколько суховатый) очерк М. Л. Гофмана, дана, наконец, масса снимков с портретов, рукописей и рисунков поэта.

Однако в издании есть и существенный недостаток: все стихи приводятся в том виде, в котором они были первоначально напечатаны. Между тем, как известно, Баратынский вел упорную работу и над побывавшими уже в печати произведениями, шлифовал их, пересоз-

давал, устранял все необдуманное или юношески незрелое. Все эти изменения редактор перенес в примечания, хотя ясно, что там место именно первоначальным редакциям, а позднейшим, законченным — в тексте.

Недостаток этот столь коренным образом уменьшает ценность книги, что мы считаем не лишним указать читателю на собрание стихотворений Баратынского, изданное журналом «Жизнь для всех»³. Оно гораздо более скромно и не так полно, но зато не имеет отмеченного изъяна. К тому же вместе со стихами Баратынского тут даны и произведения Веневитинова, безвременно угасшего критика и поэта, любимца Пушкина, бывшего одной из лучших надежд русской литературы.

[1914]

Ю. ЭНГЕЛЬ. МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

*Универсальная библиотека № 629—630. Стран. 190,
цена в перепл. 30 к. Книгоизд. «Польза» В. Антик и К-о,
Москва, 1914 г.*

Ю. Энгель, едва ли не лучший из современных музыкальных критиков, в свое время редактировал русское издание капитальнейшего музыкального словаря Римана¹, а также выпустил собственный «Краткий музыкальный словарь», составленный на основе предыдущего², но значительно более сжатый. Ныне вышедший «Карманный музыкальный словарь» является как бы конспектом указанных книг. Он предназначен для беглых справок и в этом отношении удовлетворителен.

Однако почтенного автора можно кое в чем и упрекнуть, а прежде всего — в неравномерности материала: так, например, Балакиреву уделено места значительно менее, чем Верстовскому, и втрое меньше, чем Даргомыжскому; заметка о Вагнере в два раза превышает заметку о Бетховене и т. п. Есть и некоторые пробелы: напр., пропущен один из первых русских симфонических композиторов — Есаулов; среди произведений Балакирева не упомянуты его симфонии; почему-то не указан год смерти Лысенко и проч. Из младших «кучкистов» есть Щербачев, но нет Ладыженского³. Вообще книга кажется написанной как будто наспех. Однако при всем том словарик следует признать полезным, особенно если иметь в виду бедность нашей музыкальной литературы.

М. М. ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ГАЛИЦИИ И ЕЕ КУРОРТАМ

Киев, 1913 г., стр. 40, ц. 20 к.

Интерес русского общества к новоприсоединенной Галиции¹ не ослабевает. Вероятно, очень многие пожелают непосредственно ознакомиться с ней, и, быть может, именно сюда в самом недалеком будущем направится экскурсионный поток. Этому, бесспорно, должны содействовать и богатство исторических памятников в крае, и красота его природы (Карпаты), и своеобразие местных бытовых условий жизни. Наконец, не следует забывать, что в Галиции имеются курорты, привлекавшие десятки тысяч приезжих; об этом уже шла речь на недавнем курортном съезде. Таким образом, потребность в путеводителе по Галицкому краю будет, думается, довольно широка, ввиду чего мы и обращаем внимание читателя на разбираемую книжку.

Она распадается на две части. В первой даются сведения о политическом, культурном и национальном положении Галиции (главным образом украинской)². Конечно, с присоединением Галиции к России многое в этом должно перемениться, но, с другой стороны, что можно понять в жизни страны, не зная ее ближайшего прошлого? Ввиду этого вряд ли можно указанные сведения считать бесполезными. Что касается второй части книжки, то в ней заключаются данные чисто практического характера, необходимые каждому путешественнику по Галиции. В свое время автора можно было бы упрекнуть за пропуск сведений о движении поездов, стоимости различных средств передвижения,

а также стоимости жизни в тех или иных местах. Однако ныне эти сведения явились бы устарелыми и неверными, так что стремление к указаниям более широкого, более общего характера можно считать плюсом книжки. Но она написана очень бегло, и в этом ее главный недостаток.

[1915]

ОБ ИНТЕРЕСНОМ МНЕНИИ г. ГЛЕБОВА

В № 203 «Музыки» г. Глебов высказал мнение, что Мусоргский — не реалист, как это обычно признавалось, а романтик. В доказательство своего взгляда г. Глебов указывает на то, что Мусоргский «творит из элементов жизни новые, интенсивные, «искусственные», вернее «искусные», переживания, причем таковые представляются нам и красивее, и напряженнее, чем те ощущения, что мы берем прямо от жизни».

Бесспорно, эти слова вполне приложимы к Мусоргскому, но, быть может, г. Глебов согласится с нами, что они характеризуют не художника-романтика, а вообще всякого истинного художника, к какой бы он школе ни принадлежал и в какой бы области искусства он ни работал. Поэт, композитор, живописец, скульптор — каждый из них, будь он романтиком, реалистом или символистом, необходимо должен удовлетворять указанным требованиям, иначе он — не художник. Следовательно, мы видим, что художественность Мусоргского сомнению не подлежит, а вопрос о романтизме его творчества приходится решать на основании каких-либо иных аргументов.

Аргументы эти у г. Глебова есть, — впрочем, всего лишь один: «по своему содержанию, по темам, по формам, по достижениям, по идеалам творчество его (Мусоргского) — романтично», — пишет г. Глебов. Думается, однако, что слова «по идеалам» г. Глебов мог бы исключить, хотя бы ввиду того, что сам через несколько строк указывает на «проповедь тенденциозного натуралистического народнического искусства», которую вел Мусоргский. Итак, художник-романтик, проповедующий натуралистическое искусство, — вот кто Мусоргский, по мнению

г. Глебова. Оно приводит, конечно, к некоторым затруднениям, но явно неверного в нем ничего нет, так как рациональные и иррациональные элементы человеческой психики могут и не совпадать. Разберемся же в нем.

Мы привели подлинные слова г. Глебова о Мусоргском. Они новы, а потому интересны, но ценность их должна измеряться их обоснованностью. Между тем, г. Глебов никаких оснований в пользу своего заявления не приводит. А ведь многие тысячи людей столь же убежденно могут сказать, что «по своему содержанию, по темам, по формам, по достижениям, по идеалам» творчество Мусоргского — реалистично. Ясно, что такого рода фразы, будучи противопоставлены друг другу, исключают возможность дальнейшего спора, а равно и каких-либо решений. Для отыскания этих последних спор, очевидно, должен быть перенесен в иную плоскость.

Мы не будем упирать на общеизвестное стремление Мусоргского дать полное слияние между словом и музыкой. Но мы думаем, что музыка Мусоргского не чужда своему словесному тексту, что между ними есть тысячи связующих скреп, что они, так сказать, духовные близнецы. Думает так и г. Глебов, ибо если бы он видел у Мусоргского сплошное несоответствие между музыкой и ее словесным текстом, то не считал бы творчество Мусоргского художественным. Между тем, в характеристике этих текстов никаких колебаний быть не может: они, бесспорно, относятся к активу реалистической литературы*, особенно те из них, которые принадлежат перу самого Мусоргского. Если признавать соответствие между ними и относящейся к ним музыкой, то ее следует, очевидно, называть реалистической. Если же допустить, что такого соответствия нет, то о Мусоргском, композиторе исключительно вокальном, не стоило бы и говорить как о худож-

---

* Есть в них, конечно, и романтические элементы, но у кого даже из наиболее характерных реалистов их нет?

нике. Надеемся, однако, что никто последнего допущения не сделает и вывода из него не повторит. Итак, поскольку Мусоргский истинный художник — он реалист, т. е., короче говоря, Мусоргский — реалист.

В заключение — еще несколько слов. Г. Глебов, утвердившись в мысли о романтизме Мусоргского, выставил положение, что люди нашего поколения ценят «неистового Модеста» именно ввиду своих (предполагаемых у них г. Глебовым) симпатий к романтизму. Вряд ли это справедливо. Мусоргского, действительно, ныне играют, но ведь Марлинского, например, не читают¹. И неудивительно: это люди отнюдь не параллельные. Ценят же Мусоргского, думается, потому, что он прежде всего — большой художник. И при жизни и после смерти Мусоргского его творчеством восхищались лица, к адептам романтизма вовсе не принадлежавшие. Они же весьма много сил положили в свое время на пропаганду музыки Мусоргского и его композиторского имени. Если это удалось далеко не сразу, то тут были свои причины: Мусоргский был новатор, и его новаторство оказалось далеко не всем по плечу. Далее, более того — оно возбудило вражду. В этой борьбе против Мусоргского видную роль сыграли лица с весьма определенными симпатиями к романтизму, сплотившиеся главным образом вокруг консерваторий. Теперь положение вещей переменилось: новаторство Мусоргского потеряло былую остроту, консерваторская оппозиция отпала, имя его — общепризнано и даже служит оружием в борьбе против новаторов нашего времени. Препятствия, лежавшие на пути между композитором и музыкальной публикой, исчезли, да и публика эта оказалась уже подготовленной к пониманию его. Наконец, публика стала просто гораздо более многочисленной, чем 30—40 лет назад, и рукоплескания ее звучат неизмеримо громче. Все эти соображения очень несложны; и странно, что г. Глебов обошел их молчанием или упустил из виду.

«СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА», № 1.

**В. И. ПИЧЕТА. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
СЛАВЯНСТВА.**

**Ч. М. ИОКСИМОВИЧ. СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО
СЛАВЯНСТВА. МОСКВА, 1914 г.**

Почти весь первый выпуск «Славянской библиотеки» заняла собою статья г. Пичеты. Дав несколько страниц, посвященных выяснению славянской прародины и славянского расселения, г. Пичета в дальнейшем рассматривает историю каждого народа отдельно. При этом особые очерки отведены не только народам, имеющим самостоятельное историческое прошлое (поляки, чехи, сербы, болгары), но и тем, которые такого прошлого не знали и сложиться в отдельную государственную единицу никогда не могли (словаки, словинцы). Для полноты картины г. Пичета даже дает обзор крупнейших фактов из жизни великорусского и украинского народов.

Книжка предназначается для широкой публики и написана простым языком. Изложение по необходимости носит характер чрезвычайно беглый и сжатый, почти конспективный, что обусловлено размерами статьи. Особых возражений содержание ее не вызывает. Можно, однако, отметить довольно резкую непропорциональность в размере отдельных очерков. Сербам, например, отведено в два раза больше места, чем полякам, и в три раза больше, чем чехам. Гораздо более приемлемым было бы обратное, по крайней мере по отношению к полякам. Наконец, в статье ничего не говорится о белорусах (кроме странного замечания, будто центральным ядром для них явилось селение с верховьев Оки, прогнанное татарскими набегами: должно указать, что ко времени татарских набегов белорусы уже сформировались в национально-областную

величину). Не затронув их, г. Пичета должен был обойти молчанием и такую интересную славянскую государственную формацию, как Великое княжество Литовское¹. А жаль: думается, что давая обзор истории восточных славян, автор гораздо более нового мог бы сказать читателю описанием судеб Литовской Руси, чем беглым повторением всем известных фактов из жизни великорусских областей. Но, конечно, и в таком виде статья окажется небесполезной для очень многих читателей, особенно, если принять во внимание почти полное незнание широких кругов публики с историей славян и бедность популярной русской литературы по славяноведению.

Статья г. Иоксимовича, занимающая в конце книги несколько страниц, дает ряд цифр относительно национального и религиозного распределения славян.

В общем, издание следовало бы рекомендовать, если бы не его цена — 80 к. за небольшую книжку, напечатанную на плохой серой бумаге.

[1915]

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ»¹

Двухнедельный журнал, № 1 и 2. Москва, 1915 г.

Коренное переустройство отношений к национальной жизни населяющих Россию народностей — такова одна из наиболее настоятельных наших государственных задач. Мысль эта, кажется, достаточно прочно усвоена широкими общественными кругами. Текущие события поминутно подчеркивают ее, неотступно напоминают о необходимости воплощения ее в жизнь. Но нужно, чтобы к разрешению этой задачи русское общество подошло с достаточным запасом фактических сведений и со строго выверенными принципиальными предпосылками. Существенную помощь ему в этом направлении может оказать упомянутый в заголовке журнал.

В передовой статье руководители журнала пишут: «Посвятив себя изучению, освещению и выяснению национально-культурных нужд разноплеменной России, «Национальные проблемы» кладут в основу своей программы принцип национально-культурного самоопределения».

«Основываясь на этом принципе, «Национальные проблемы» ни от одного народа не будут требовать свидетельства о благонадежности».

В междунациональных отношениях «Национальные проблемы» займут позицию признания необходимости «гарантий прав национального меньшинства». Таков идейный облик журнала.

Что касается его содержания, то наиболее беден в нем теоретический отдел. Можно указать лишь статью проф.

Б. Кистяковского², сумевшего найти интересный подход к довольно изжеванной теме, статью Гредескула³, выясняющую нелепость термина «культурный сепаратизм», и, наконец, статью кн. Е. Трубецкого⁴. Вот и все. Зато в журнале есть масса статей, дающих очерки национального развития различных народностей или освещающих отдельные стороны их текущей жизни⁵. Статьи пишутся непременно представителями той народности, о которой идет речь, что дает известное основание ручаться за осведомленность авторов. Все очерки написаны очень сжато.

Есть в журнале еще отдел библиографии и очень богатая «хроника» национальной жизни. В этой хронике и в информационных статьях и заключается главная ценность «Национальных проблем».

Круг сотрудников журнала очень богат⁶.

[1915]

**А. Л. ПОГОДИН ПРОФ. ХАРЬК. УНИВ.
СЛАВЯНСКИЙ МИР**

*Политическое и экономическое
положение славянских народов перед войной 1914 года.
420 стр. + 3 карты. Ц. 1 р. 75 к.*

Книга пр. Погодина открывается описанием территориального роста Австрии¹ и формирования ее государственной структуры. Затем, посвятив по очерку полякам в Германии и России, Погодин переходит к австрийским славянам², лужицким сербам³ и кашубам⁴. При этом каждому народу отводится отдельная глава. В заключение Погодин останавливается на Сербии, Болгарии и Черногории. Таким образом, его книга распадается на ряд самостоятельных очерков. План их обычно таков: приведа сведения о границах и численности данного племени, Погодин сжато описывает его историческое прошлое, подробнее останавливается на зарождении и развитии национального самосознания и национальной борьбы, а вслед за этим дает экономический обзор, всегда богатый цифровым материалом. Эта последняя часть очерков и представляется нам наиболее ценной, так как заключенные в ней сведения всего менее известны, особенно в широких читательских кругах.

На частичных промахах книги мы останавливаться не будем. Но у нее есть два коренных недостатка: во-первых, отсутствие очерка, посвященного теоретическим взглядам автора на природу и сущность нации; во-вторых, отсутствие историзма в изложении событий — особенность, неожиданная в профессорской работе. Проф. Погодин просто описывает внешние факты из жизни различных народностей, отнюдь не пытаясь обнажить их исторический корень, установить между ними историческую связь.

Этим недостатком страдают все очерки, но иногда дает себя знать и отсутствие главы, определяющей теоретические взгляды автора на нацию. Так, например, в Галиции пр. Погодин, без дальних слов, находит две нации — русскую и украинскую, — причем к первой относит москвофилов. Очевидно, национальное самосознание Погодин считает основным моментом для констатирования наличности нации. Но, во-первых, это следовало бы оговорить, а, во-вторых, почему нет в таком случае очерков об украинцах и белорусах в России? Ведь и те и другие удовлетворяют требованиям, которые при этом взгляде автор предъявляет к москвофилам в Галиции.

Дает себя чувствовать и некоторая случайность и даже противоречивость материала — очевидно, результат спешной работы. Описав широкое развитие экономической жизни словинцев⁵, Погодин приводит без всяких комментариев речь словинского депутата, говорящего об обратном. В результате читатель не знает, чему же, собственно, верить. Впрочем, в предисловии пр. Погодин сам оговаривает возможность всяких промахов в работе, а потому мы не будем подчеркивать их.

Однако и в таком виде книга может сыграть свою роль. Наша литература по славяноведению бедна, иногда слишком специальна. Зачастую устарела. А в книге г. Погодина много фактического материала. Изложение событий доведено до последних дней и всегда достаточно популярно. Во всяком случае это не лишняя книга.

[1915]

Н. А. РУБАКИН. СРЕДИ КНИГ

*Том III. Часть первая. Кн-во «Наука». Москва
1915. Стр. 200, цена 2 р.*

Как нельзя более кстати появляется в наши дни продолжение громадной, оригинально задуманной и хорошо выполняемой работы Н. А. Рубакина «Среди книг». «Европейская», «мировая», «вселенская» (не в названии дело!) война подводит итог научной работе мысли в области самых основных вопросов человеческого быта на земле, начиная от вопроса о праве каждой нации на независимое политическое существование в ряду других, кончая самым общим вопросом всемирного землячества или, говоря другими словами, безгосударственного устройства людей на нашей планете.

Сам автор прекрасно сознает это значение своей только что появившейся работы. «...Возможно скорейшее окончание нашего труда,— говорит он в предисловии,— мы считаем именно теперь особенно своевременным, и прежде всего в той его части, которая представляет не только общий, но и злободневный интерес. Мы имеем в виду те отделы III тома «Среди книг», которые посвящены обзору литературы о странах, племенах, расах и о национальном вопросе. Кого теперь не интересует этот последний, а значит — и неразрывно связанные с ним отделы географический, этнографический и антропологический?»

I-я часть III-го тома, ныне выходящая, содержит следующие отделы:

I. Человечество в его отношении к окружающей природе, т. е. к той географической обстановке, в какой оно живет и под влиянием которой находятся и человеческая личность, и все формы социальн(ой), политич(еской), духовной, эконом(ической), а также и материальной культуры. II. Племенной (этнографический) состав человечества в связи с особенностями быта, нравов и вообще национальной и племенной культуры населения разных стран и местностей. III. Расовый состав человечества в связи с вопросом о положении человека среди других животных (человечество с антропологической точки зрения как особый вид животного царства и его разновидность). IV. Национальный вопрос. Его теория, практика, различные формы его проявления в различных государствах и странах, особенно же в России. Этот последний отдел занимает в этой книге центральное место, представляя из себя, так сказать, синтез не только первых трех отделов ее, но и первых двух томов нашего труда, посвященных обзору литературы о духовной и социальной жизни человечества в ее историческом развитии. Ввиду проблем, поставленных европейскою войною перед всеми нами, и ввиду громадного практического и теоретического значения, какое имеет для разрешения этих проблем возможно правильное и возможно отчетливое понимание национального вопроса, особенно для нас, русских, мы обратили особое внимание на разработку именно этого отдела книги».

Каждый, кого в той или иной степени интересуют поднятые войной вопросы, напр., польский, еврейский, армянский и т. д., найдет для себя в III томе «Среди книг» не только руководящую мысль, но и перечень книг, где можно познакомиться с самыми различными взглядами, мало того, подбор книг, которые могли бы служить для составления более или менее полной библиотеки по данному вопросу.

Автору приходилось работать над составлением своего

библиографического указателя в Швейцарии, и потому хочется верить, что его труд найдет себе на родине сочувствующий прием и деятельную поддержку, которая может выразиться прежде всего указанием пропущенных сочинений и присылкою их по указанному в книге адресу: Suisse. Clarens, Villa Lambert.

Желаем автору энергии и настойчивости для довершения своей общепользней работы!

[1915]

«РУССКИЙ ЭКСКУРСАНТ»¹

*Ежемесячный журнал родниоведения и экскурсионного дела.
№ 5. 1915 г. Подписная цена на год 3 р.*

Вышедший с неделю назад очередной номер «Русского экскурсанта» составлен разнообразно и интересно. Обращает внимание не бесспорная по выводам, но безусловно интересная статья г-на Студицкого: «Чем должна быть экскурсия по впечатлениям самих детей». Интересен отчет Д. Золотарева «О первом съезде преподавателей географии в Москве»². Очень уместна статья г. Бур-а «Трудовой принцип в школе». Любопытна по своим практическим приложениям теоретических знаний к изучению окружающего статья г. Родева³ «Что можно видеть на рыбинских мостовых».

По обыкновению очень ценный материал находим в отделах «Крупинки опыта»⁴ и в справочном отделе (ценная статья г. Панченко о Крыме⁵).

Кроме отмеченных, в номере помещен еще ряд очерков и корреспонденций («На истоках великой русской реки» Н. С. С.⁶; «Пешком в Италию»⁷ К. Студицкого, «Земские экскурсии Воронежской губернии» В. Березникова⁸ и «Тверь»⁹ Арс. Первухина).

В библиографическом отделе даны отзывы о путеводителе по Петрограду и друг.¹⁰

[1915]

НОВЫЕ ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО

В июльской книге «Русской Мысли»¹ помещено пять, доселе не опубликованных, писем к Н. А. Некрасову, заимствованных из сборника «Архив села Карабихи», который имеет выйти осенью². Но, кроме этих пяти, в сборнике появятся еще 12 других писем Толстого к Некрасову. Они тем более любопытны, что относятся к начальному периоду литературной деятельности Толстого (1853—1858 гг.); они показывают — более, чем мы знали до сих пор, — как шатки и неуверенны были его первые шаги.

В сентябре 1853 года, — пишет в «Бир.〈жевых〉 Вед.〈омостях〉» г. Гершензон³, — из Пятигорска он посылает в редакцию «Современника»⁴ рукопись «Записок маркера»⁵. Наученный горьким опытом, он пишет при этом Некрасову: «Я дорожу ею (т. е. этой статьею) более, чем «Детством» и «Набегом»; поэтому в третий раз повторяю условие, которое и полагаю для напечатания — оставление ее в совершенно том виде, в котором она есть»⁶. В последнем письме Вашем Вы обещали мне сообразоваться с моими желаниями в этом отношении⁷. Ежели бы цензура сделала снова вырезки, то, ради Бога, возвратите мне статью, или, по крайней мере, напишите мне прежде печатания». Мы не знаем, что отвечал Некрасов⁸, но «Записки маркера» были напечатаны в «Современнике» только в январе 1855 года, и конец рассказа — предсмертное письмо Нехлюдова — был сильно сокращен в печати⁹ (подлинный текст был восстановлен только

недавно по рукописи, хранившейся в московском Румянцевском музее¹⁰).

Но и Некрасов был небрежен в отношении к молодому писателю: в декабре 1854 года Толстой жалуется на его шестимесячное молчание, на неполучение «Современника» с августа¹¹: он еще не знает, напечатаны ли его «Записки маркера», которые все еще лежали в портфеле редакции, и присланное после этих «Записок» «Отрочество», которое уже появилось в октябрьской книжке.

Зимой 1855—56 г. Толстой, как известно, попал в Петербург и близко сошелся с Некрасовым и со всем кружком «Современника»¹². Он в то время много писал и печатался уже не только у Некрасова, но с конца 1856 г. и в «Отеч. (ественных) Зап. (исках)»¹³ Краевского, и в «Библ. (иотеке)» для чтения»¹⁴ Дружинина. Он быстро шел вперед — и вдруг, с осени 1857 г. началась заминка. Рассказ «Люцерн»¹⁵, напечатанный в «Современнике» в сентябре 1857 г., был отрицательно встречен критикой и, что важнее, сильно не понравился в печати самому автору. 11-го октября Толстой пишет Некрасову: «Какова мерзость и плоская мерзость вышла моя статья в печати и при перечтении. Я совершенно надул себя ею, да и вас кажется»; и дальше: «На меня, пожалуйста, больше не рассчитывайте, надоело мне писать ковыряшки, да еще скверные. Вчера прочел, как меня обругали в «Пет. (ербургских) Вед. (омостях)»¹⁶, и поделом. Скажите мне, пожалуйста, откровенно мнение Дружинина и Анненкова¹⁷. Как они с вами говорили про эту статейку? Он сам говорит, что находится «не в духе». Дней через 10 после этого письма он поехал в Петербург, 30-го вернулся в Москву; любопытны его строки дневника, писанные им тотчас после поездки (они приведены у Бирюкова): «Петербург сначала огорчил, потом оправил меня. Репутация моя пала, или чуть скрипит. И я внутренне сильно огорчился; но теперь я спокоен, я знаю, что у меня есть, что сказать, и сила сказать сильно: а потом, что хочет говорить, публика. Но

надо работать добросовестно, положить все свои силы, тогда... плюют на алтарь»¹⁸.

Но дело так же пошло и дальше. В декабре Толстой послал Некрасову какую-то повесть и Некрасов вернул ее ему (об этом есть указание и в декабрьском письме 1857 г. Некрасова к Тургеневу, приведенном в книге Пыпина о Некрасове¹⁹. Возможно, что речь шла о «Семейном счастье»²⁰. Толстой без обиды принял отказ; из его ответа видно, чтобы он сам считал свою повесть слабую; напротив, он пишет, что работал над нею почти исключительно целый год и исполнил ее «сколько мог», что читал ее С. Т. Аксакову, и тот был ею доволен; но он согласен, что большинству читателей она действительно не нравится, потому что это — «не повесть описательная, а исключительная, которая вся должна стоять на психологических и лирических местах». Месяц спустя он пишет, что спрятал свою повесть, но придумал еще к ней переделки. По-видимому, та же история повторилась и с «Альбертом»: в феврале 1858 г. Толстой обещает на днях прислать Некрасову две вещи на выбор, «из коих одна есть тот же несчастный всеми забракованный музыкант, от которого я не мог отстать и еще переделал»²¹, «Альберт» был напечатан в «Современнике» в августовской книге этого года.

Эти письма показывают, между прочим, что в ту пору Толстой энергично старался упрочить свое литературное положение. У него принцип: «драть сколько можно больше за свое писание». Подписав в числе других ближайших сотрудников обязательство печатать свои вещи исключительно в «Современнике»²², он через некоторое время, впрочем, совершенно дружески, выражает желание расторгнуть этот договор: во-первых, потому что ему хочется печатать и в других журналах, во-вторых, потому что ему уже²³.

Тон писем Толстого приятный, но довольно холодный, даже после петербургского сближения; это надо отме-

тить, потому что вообще Толстой был склонен, как известно, к большой любовности в переписке. Только одно письмо (январь 1858 г.) начинается несколькими теплыми строчками, кстати, очень характерными для Толстого, Некрасов, по-видимому, писал²⁴ ему, что старается «забыться» за картами; на это Толстой отвечает: «Нехорошо это, полтора месяца не присылают расчета, любезный Николай Алексеевич, что вы так себя распустили. Нехорошо для тех, кто вас любит, нехорошо для дела и, главное, для самих вас. Ведь и без того скоро умрем и забудемся совсем, так стоит ли того насильственно забываться, да еще без счастья для себя и без пользы и счастья для других». Толстой в те годы был очень бариним и графом, в среде профессиональных литераторов он чувствовал себя вероятно чужим; отсюда, может быть, и его сравнительная холодность к Некрасову. В письмах Толстого встречаются литературные отзывы, но они незначительны. Любопытен только его отзыв об «Асе»²⁵, как о самом слабом из всех произведений Тургенева.

[1915]

«УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ» 1915 г. №№ 1—12¹.

Москва, подписн. ц. 6 р. в год

Ход событий выдвинул украинский вопрос и доставил ему очень заметное место среди проблем международной политики. В странах с высоко развитой политической жизнью это быстро повело к основанию органов печати, информирующих публику о современном состоянии украинства, его запросах и о путях к удовлетворению их. Такие органы существуют, напр., на французском, немецком, английском языках; литература, практикующая об украинстве, печатается даже по-турецки, мадьярски, румынски, шведски, сербски... Поэтому приходится признать, что слабость интереса, уделяемого русским обществом украинскому вопросу, вряд ли нормальна. А ведь для него это вопрос не только международной, но и внутренней политики. Наконец, ведь украинцы — русский народ, и не интересоваться их национальным развитием, их нуждами, их культурными достижениями, значило бы не интересоваться русской жизнью.

Поэтому представляется более чем уместным упомянуть о существовании журнала, издающегося на великорусском языке и предназначенного для информации русского общества по вопросам украинской жизни. Выходит он уже не первый год, создал определенное ядро сотрудников, выработал свою физиономию. Журнал стоит на национальной украинской точке зрения; его достоинства — цельность и строгая выдержанность своей национальной позиции, осведомленность в фактическом материале, корректность по отношению к идейным против-

никам. Этими сторонами журнал должен вызвать внимание даже лиц, являющихся противниками украинства. Что касается талантливости печатаемых в нем статей, то они обычно если и не выше, то и не ниже среднего. Ярче всего отдел публицистики, особенно ценны статьи С. Петлюры² и М. Грушевского. Крупный интерес представляет напечатанная полностью обширная «докладная записка министру народного просвещения об украинской школе»³, минувшей осенью поданная украинцами. Для великорусского читателя она дает много нового и хорошо подобранного материала для суждения по данному вопросу. Богат, как и обычно, отдел «На Украине и вне ее», посвященный, так сказать, хронике украинской национальной жизни⁴. В библиографическом отделе особенно хороши разборы книг, посвященных Галиции⁵. Всего скуднее литературная критика; но это в значительной степени лишь результат прекращения украинской прессы в России.

[1916]

«АРХИВ СЕЛА КАРАБИХИ»

*Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову.
Примечания составил Н. Ашукин. Москва.
К-во К. Ф. Некрасова. МСМХVI г. стр. 309, ц. 2 р. 50 к.*

Перед нами, как указывает издатель, сборник материалов довольно случайного происхождения, оставшихся после Н. А. Некрасова в его Карабихинской усадьбе¹. Письма самого Некрасова занимают в нем сравнительно небольшое место, адресованы они родным и касаются главным образом частной жизни поэта, его имущественных дел. Такой же характер имеют и ответы родных. Да и вообще говоря, сборник почти целиком составлен из так называемых «деловых» писем. Среди них наибольший интерес представляют те, которые имеют какое-либо отношение к издававшимся Некрасовым журналам², напр., письма Салтыкова и в особенности Л. Н. Толстого. В этих последних освещены первоначальные шаги Льва Николаевича на литературном поприще, изложен интереснейший план издания военного органа, задуманного Толстым³, есть сценки тогдашней журналистики и т. д.

Заслуживают внимания и материалы, помещенные в конце книги и дающие сведения об издательской деятельности Некрасова и о ходе болезни, сведшей его в могилу⁴.

Письма сгруппированы по корреспондентам, а в этих границах — в хронологическом порядке, но не всегда тщательно: случается, напр., читать письмо 70-х годов, а вслед за тем — 60-х.

Примечания к письмам составлены г. Ашукиным; работа выполнена им достаточно тщательно, но не совсем полно.

Издана книга на хорошей бумаге, снабжена прекрасными снимками. В заключение добавим, что некоторые места сборника имеют и чисто местный, ярославский интерес.

[1916]

ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА

Т. VI (1900—1904). Кн-ство писателей в Москве.
429+X стр. Ц. 2 р. 25 к.

Вышел 6-й, заключительный том писем Чехова¹, вмещающий в себе переписку последних лет его жизни. Таким образом, итоги эпистолярной деятельности Чехова приблизительно подведены. Читатель не прошел мимо нее, охотно раскупал том за томом все издание, и это избавляет нас от необходимости вдаваться в ее характеристику и оценку. Напомним только, что первоначальная склонность Чехова к веселому слову все шла на убыль, тон писем становился все серьезнее, вырасталось сознание общественных задач, начинали звучать ноты грустные, взволнованные и негодующие. В 6-м томе писем этот образец Чехова окончательно закреплён.

Но и расставшись с веселостью тона, Чехов сохранил свою удивительную способность к острой и меткой характеристике, беглому, но тонкому замечанию. Вот, например, несколько выдержек: «Вы пишете: «не знаешь, откуда чайть движение воды». А вы чаете? Движение есть, но оно, как движение земли вокруг солнца, невидимо для нас»² (стр. 22-я).

Из письма о «Воскресении» Толстого. «...А мужик, муж Федосья! Этот мужик называет свою бабушку «ухватистой». Вот именно у Толстого перо «ухватистое»³ (24).

«Я женился. Но в мои годы это как-то незаметно, точно лысинка на голове»⁴ (282).

«Гусев талантлив, хотя и наскучает скоро своим пьяным дьяконом. У него почти в каждом рассказе по пьяному дьякону»⁵ (297).

«В Андрееве нет простоты, и талант его напоминает пение искусственного соловья. А вот Скиталец воробей, но зато живой, настоящий воробей»⁶ (238).

«Фома Гордеев» написан однотонно как диссертация. Все действующие лица говорят одинаково, и способ мыслить у них одинаковый»⁷ (58).

Впрочем, будет: все равно всего не выпишешь. Что касается писем, выдающихся по содержанию, то среди них следует упомянуть переписку, вызванную неутверждением Горького в звании академика⁸; в результате, как известно, Чехов вышел из Академии. Примечательны письма, относящиеся к созданию и постановке «Вишневого сада», особенно то, в котором дана характеристика действующих лиц⁹. Интересны многие письма к Горькому, где Чехов говорит о его творчестве, письма, относящиеся к болезни Толстого, и т. д.

В книге довольно много снимков.

[1916]

Характер нового толстого музыкального журнала достаточно отчетливо определился в вышедших шести номерах. Перед нами — крупнейший орган музыкальной культуры в России, сгруппировавший вокруг себя почти все наиболее видные музыкально-критические силы (Энгель, Рим (ский)-Корсаков, Каратыгин, Авраамов, Сабанеев и др.). В передовой статье редакция подчеркивает полную внепартийность журнала. Твердо выдержать этот принцип — задача нелегкая ввиду кипящей у нас борьбы различных музыкальных течений. И если редакции это удастся, то лишь ценою превращения журнала в периодически выходящий альманах музыкальных статей: именно такой характер носят все появившиеся доселе книжки. В нем нет никаких обязательных отделов, нет руководящих статей. Более того, редакция, не высказывая своего мнения, дает рядом по одному и тому же предмету две резко противоречащие друг другу статьи (напр., об опере А. Оленина «Кудеяр»). Говорим это, однако, не в упрек журналу, а исключительно для характеристики его: возможно, что подобная постановка дела в настоящее время наиболее целесообразна.

Содержание вышедших книжек чрезвычайно богато. Особенно ценным представляется двойной 4—5 №, полностью посвященный Скрябину². Биографию композитора дал Ю. Энгель³, чрезвычайно подробно осветив всю его жизнь (кроме, впрочем, первых шагов его на музыкальном поприще), и попутно, с большим искусством подбирая

различные черточки, сумел набросать его живой портрет. Отметим еще статьи Каратыгина о форме у Скрябина ⁴, Сабанеева — присяжного пропагандиста музыки Скрябина — о его творческом пути ⁵, статью Авраамова ⁶ и нек. др. ⁷ В остальных номерах особенное внимание обращает на себя переписка Н. А. Римского-Корсакова с Балакиревым (под ред. и с пред. Ляпунова) ⁸, дающая много сведений о первых шагах «могучей кучки» и о ходе творчества юного композитора. Массу фактического материала содержит работа Столпянского «Музыка и музицирование в старом Петербурге» ⁹. Незаменима автобиография Кастаньского, написанная в удивительно благодушном, достолюбезном тоне; можно пожалеть разве только о ее излишней краткости. За недостатком места мы не упоминаем о других статьях, но они многочисленны, интересны и в значительной своей части доступны и для широкой публики ¹⁰.

Текущая музыкальная жизнь выделена на страницы «Хроники», выходящей особыми книжками при журнале от 2 до 4 раз в месяц. Содержание ее становится с каждым выпуском все богаче. Наконец, нельзя не отметить изящную внешность журнала, выходящего на прекрасной бумаге, украшенного великолепными снимками с портретов, факсимиле, рукописей и др.

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА. ЕЛЕНА ДЕЕВА

*Роман. Москов. к-тво «Виноградье»
1916 г., 120 стр., ц. 1 р. 25 коп.*

Это не просто роман, а роман в стихах, и при том,— из современной жизни¹. Произведениями такого рода наша поэзия крайне не богата, и одно уже это привлекает внимание к книжке г-жи Столицы. Надо сознаться, что как роман, эта вещь неудачна. Архитектура повествования поэтессе мало интересовала, отдельные части его склеены кое-как, на скорую руку, фабула развивается плохо, целый ряд ее звеньев зарисован крайне расплывчато и бегло. Еще меньше может претендовать роман на психологические достоинства. Он, вероятно, многим покажется занимательным, но вряд ли кого-нибудь растрогает или взволнует. Герои его умирают, кончают самоубийством — а читатель остается равнодушным: не беда, если из книги вычеркнут еще один плохо зарисованный человек. С его смертью между ним и читателем не обрывается никаких психических нитей: их поэтесса не сумела установить.

Но, как занимательное чтение, роман недурен, чему значительно способствует современность изображенной в нем жизни. Тут и купеческий московский дом, и деревенская усадьба, и гулянье в фабричном селе, и наисовременнейший магистр Эспер Мертваго, и символисты, и футуристы. К тому же и читается эта вещь очень легко. Но у нее есть и более серьезные достоинства. Лица, следившие за предыдущими книгами г-жи Л. Столицы в области поэзии, помнят, конечно, что стих ее всегда производил впечатление искусственности и вымученности². Но в этом отношении «Елена Деева» представляет большой шаг впе-

ред. У поэтессы чрезвычайно развиты живописующие тенденции, она то и дело дает какую-либо яркую картинку (великолепные описания дома Деевых и гулянья в селе), оставляя совершенно в стороне внутренний смысл и внутреннюю жизнь изображаемого, но зато с редкой впечатлительностью останавливаясь на всякой красочности, на веселой пестроте тонов. Она влюблена в краску и цвет и умеет находить для воспроизведения их нужные слова. Эта сторона в книге превосходна. Но у ней есть и еще один выигрышный пункт — это, именно, рифма. Столица пользуется, собственно, ассонансами, но не теми, которые напоминают плохие рифмы, а богатыми, свежими, которым невольно радуешься. Таких ассонансов русская поэма еще не видела, а они выдержаны г-жей Столицей сплошь на всем протяжении книги, являясь не исключением, а основным поэтическим приемом. Выхватываю, для иллюстрации, первые попавшиеся строчки:

Дома, сев у блёклой ширмы,—
За прямой блестящий фикус,
Вспоминала трудный икос,
Повторяла чудный ирмос.

На этом же примере (на двух последних строках) можно уяснить себе и другой обычный для г-жи Столицы прием, заимствованный, очевидно, из народной поэзии, который бы я назвал словесным параллелизмом: существительное становится против существительного, глагол — против глагола и т. п. Возникающее отсюда впечатление симметрии имеет своеобразное эстетическое значение.

Очень часто хороши у г-жи Столицы и словарные новообразования. Но над построением фразы ей следовало бы поработать: неправильности, встречающиеся порой, сильно коробят читателя, см., напр., заключительную строфу романа.

П. А. КРОПОТКИН О ВОЙНЕ

*С послесловием Вл. Л. Бурцева.
Москва, 1916 г., к-во «Задруга»,
29 стр., ц. 40 к.*

Эта брошюра составлена из двух писем-статей П. Кропоткина, напечатанных в первые месяцы войны в «Русских Ведомостях»¹. В свое время они привлекли общее внимание, быть может, впрочем, не столько своей аргументацией, сколько личностью автора, моральный авторитет которого чрезвычайно велик в известных кругах, распространяясь далеко за пределы сторонников его социально-политической доктрины². Но, думается, роль этих статей уже исчерпана: слишком многое изменилось со времени их напечатания, и прежде всего изменились взгляды общества на смысл и конечные результаты войны. И если брошюра имеет какое-либо значение, то просто лишь как памятка о мужественном выступлении старого вождя анархистов, не оставшегося безучастным перед лицом мировых событий, и нашедшего в себе достаточно силы духа и энергии мысли, чтобы выйти из круга стереотипных взглядов своей среды.

У брошюры обычные для Кропоткина достоинства: ясность мысли, искренность тона, простота речи и аргументации. Послесловие В. Бурцева ничего не прибавляет к ней. Издана брошюра хорошо, цена ее излишне высока.

[1916]

«ОТЕЧЕСТВО»¹

*Сборники национальной литературы России.
Том I. Кн-тво б. М. В. Попова. Петроград.
1916 г. 481 стр. ц. 3 р. 75 к.*

Несколько странный, на первый взгляд, подзаголовок книги объясняется смыслом, который составители ее вкладывают в слово «нация». Именно они употребляют его, как это принято в Западной Европе, для обозначения совокупности всех граждан данного государства, к какой бы народности они ни принадлежали. Так, например, можно говорить о бельгийской нации, хотя бельгийское население распадается на фламандцев² и валлонов³, говорящих на совершенно различных языках. И, конечно, нация, понимаемая так, далеко не фиктивная социологическая величина. Раз данные народы живут в одних и тех же государственных условиях, вместе работают над их усовершенствованием, вместе участвуют в государственном строительстве, знают общие победы и поражения, — они не могут быть чужды друг другу. Нужно только, чтобы эгоистические интересы отдельных народностей не подтачивали этой естественной государственной спайки.

У нас, как известно, далеко не все благоприятно в этом последнем отношении. Но мы имеем еще один мощный фактор, сплачивающий разнородные племена Российской империи, именно русскую культуру. Ее печать лежит на духовном творчестве любого народа России, она является для них общей почвой, сближая содержание их культур, их идейных и литературных течений. Поэтому можно с полным правом говорить о намечающемся формулировании «национальной литературы России». Цель составителей сборника — содействовать развитию и выяснению этого процесса.

Сборник составлен, во-первых, из статей теоретического характера, среди которых особенно выделяется статья проф. Гредескула ⁴ «Россия и ее народы». Второй отдел книги сложился из обзоров литератур различных народностей России (финской, эстонской, латышской, литовской, украинской, польской, грузинской, литературы на древнееврейском языке и так называемом жаргоне), при которых даны переводы соответствующих произведений. Обзоры написаны специалистами и очень хороши, хотя и сильно разнятся по своим методам, а также и в смысле подробности изложения. Во всяком случае, это наиболее ценная часть книги. Что касается образцов, то они носят довольно случайный характер и не дают даже приблизительного представления о литературах, к которым относятся. Например, украинская поэзия представлена всего лишь двумя стихотворениями. К тому же переводы стихов в сборнике, вообще говоря, слабы. Цельное и большое впечатление оставляет творчество одного только Райниса (латышский поэт), значительность которого ясна, несмотря на недостатки переводов.

Выпущен сборник, видимо, наспех. При переводах с литовского нет исторического обзора. Он будет помещен во втором томе сборника. Латышская и грузинская литературы разорваны: их прошлое развитие охарактеризовано здесь, а очерки новейшего творчества отложены до второго тома. Там же будут помещены и дополнительные образцы литератур. Вообще средактирован он слабо. Но как сборник материалов по национальному вопросу он имеет бесспорную ценность. И во всяком случае заметить его нечем.

[1916]

В. ВИННИЧЕНКО. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, т. I—VIII¹

*Перевод с украинского.
Московское кн-во. Ц. 1 р. 25 к. за том.*

Имя Винниченка более или менее известно русскому читателю²; оно не раз мелькало на страницах сборников, а также журналов, о нем писали, говорили. И это читательское внимание вполне понятно. Перед нами писатель с выразительным обликом, резкий, прямолинейный, ставящий крупные вопросы и отнюдь не стремящийся сгладить их остроту. Он весь полон любовью к новой жизни, и эта любовь углублена социальным чувством, сильно сказывающимся у него на всем протяжении творчества. Вопросы, от художественной обработки которых он никогда не мог оторваться,— это вопросы этического и социального порядка. Но он дает не отвлеченное решение этих вопросов, а образное, и здесь-то сказывается другая сторона его любви к жизни: у него много красочности, живописности; он рисует революционеров, тюремную жизнь, побег, эмиграцию, изображает украинское крестьянство, украинскую интеллигенцию³,— и это уже интересно по самым темам; везде виден крупный писательский темперамент, порой сказывается то юмор, то лиризм.

Первые тома этого собрания сочинений вышли уже вторым изданием. Видимо, Винниченко нашел своего читателя.

[1916]

Г. В. ПЛЕХАНОВ. ДНЕВНИК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА

*Выходит неперiodически. Петроград. 1916 г. № 1.
К-во б. М. В. Попова, ц. 40 к.*

Лет десять тому назад Г. В. Плеханов уже выпускал подобное издание¹, дававшее ему возможность высказываться полно и нестесненно. Состояли эти «дневники» исключительно из статей самого Плеханова, посвященных вопросам текущей жизни. Изящные по стилю, интересные по самостоятельности и остроте мысли, они возбудили тогда оживленное внимание. По всей вероятности, не пройдет незамеченной и эта книжка возобновленного дневника — некоторые органы печати уже откликнулись на нее. Сложилась она из трех небольших статей: введения к дневникам, оценки выступления Чхеидзе по вопросу об отношении к войне и заметки о необходимости самой интенсивной работы над изготовлением снарядов. Темы, как видит читатель, исключительно военные. Обработаны они с обычными для Плеханова достоинствами его литературной манеры. Отметим, впрочем, что на социалистическую доктрину Плеханов в этих статьях старается опереться очень редко, и собственно социал-демократического в них почти ничего нет. Это живо и доступно изложенные мысли умного и культурного человека, но и только.

Своего читателя эта брошюра могла бы рассчитывать найти прежде всего в рабочей среде. Издатель, однако, поступил чрезвычайно странно: к шестнадцати страницам текста прибавил столько же страниц чистой бумаги и своих объявлений, назначив за все это цену в 40 коп. В результате ослаблено и самое значение дневника.

С. М. ЧЕВКИН. ШЕСТАЯ ДЕРЖАВА

*Этнография неведомой страны. К-во «Звезда».
Петроград. 1916 г. 223 стр., ц. 1 р. 75 к.*

Заголовок книги может многих заинтересовать. Ведь люди пера, так охотно схватывая своеобразие всякого быта, свой собственный быт почему-то не зарисовывали почти никогда. Больше других сделал в этом отношении Мамин-Сибиряк (см. особенно его талантливую повесть «Черты из жизни Пепко»), Вл. Нем.-Данченко, Василий Нем.-Данченко, Потапенко... вот, пожалуй, и все, более заметные. Далее пойдут уже мемуары, воспоминания, записки или уж вещи писателей, давно отживших свой век. Мало произведений этого типа, и, конечно, с тем большим нетерпением берешь книжку г. Чевкина. Однако надежды читателя будут ею обмануты. Она, действительно, рисует жизнь литературных работников, сотрудников провинциальной газеты. Но, во-первых, «этнографии» при этом дано как раз чрезвычайно мало, а то, что дано, наводит на большие сомнения. Вот, например, некий Галина пишет обзор иностранной жизни: «Несмотря на наши многократные предупреждения, Австрия продолжает...» Газетная печать нам известна, и смеем уверить почтенного автора, что подобные передовики если и существуют, так только в карикатурах «Будильника»¹, а отнюдь не в действительной жизни.

Что касается художественной стороны произведения, то оно довольно безотраднo. Если перед нами снимок с действительной жизни и лиц, то это — неинтересная жизнь, неинтересные лица. Если это — повесть, то плохая повесть. Бесцветен, прежде всего, стиль автора. Не видно и призна-

ков какой-либо фабулы. Обрисовка типов отсутствует, будучи заменена необыкновенным обилием рассуждений выведенных лиц; автору, очевидно, казалось, что эти рассуждения являются боевым местом книги, но читатель вряд ли согласится с ним. Если же автор и пытается порой что-либо сделать для обрисовки своих героев, то возбуждает только читательское недоумение. Вот, например, редактор Бубенцов². По словам автора, это — один из бойцов, которые остаются у последней разбитой пушки, чтобы, не дрогнув, исполнить свой долг до конца. Но за несколько страниц до этой характеристики автор, между прочим, указывает, что Бубенцов пишет одновременно корреспонденции и в консервативную, и в радикальную газеты. Полагаем, что к таковому лицу приложимо отнюдь не название бойца, а какой-либо гораздо менее лестный эпитет. Кого же, однако, вывел автор: бойца у разбитой пушки или газетного проходимца? Ответа нет и, значит, нет характеристики.

Сомневаемся, чтобы кому-нибудь была нужна эта книга.

[1916]

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ. СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ

К-во К. Ф. Некрасова. Ярославль, 1916 г., ц. 2 р.

Брюсов — величина вполне определенная, сложившаяся, его достоинства и недостатки давно выяснены, характерные черты определены, и в этом отношении между критиками самых разнообразных направлений нет разногласий: расходясь в оценке, они сходятся в характеристике его поэзии¹. Притом же и творческий путь Брюсова вот уже столько лет замкнут в кругу одних и тех же привычных для него настроений, тем, образов, творческих приемов². Мастер опытный и уверенный, он если и не стремится к новым достижениям в области поэзии, то и не спускается ниже определенного уровня. Новая книжка его стихов, название которой стоит в заголовке рецензии, в общем только подтверждает эти замечания. Брюсов в ней — все тот же Брюсов, и потому не на характеристике его поэзии, а лишь *⟨на⟩* местами намечающихся изменениях в его душевном строе остановимся мы здесь³.

Эти изменения есть. Пусть книжка написана с «заранее обдуманном намерением»; пусть она просто выполняет определенный план, определенные задания; пусть в ней есть все, что ожидал встретить, еще не разрезав книгу, — и поэзия больших городов с их толпами, уличным движением, трамами, авто, и напряженно-чувственная эротика, и риторика на военные темы — пусть! Но сквозь эти старые брюсовские слова просвечивает его новое лицо — лицо человека, много испытавшего, изведавшего и счастье, и горе, много видевшего и много передумавшего, но уже усталого от жизни и впечатлений. Вот этот внимательный,

вдумчивый, но утомленный взгляд человека, после долгих скитаний прибывшего к тихой пристани, чувствуется под давно знакомой оболочкой некоторых его стихотворений, внося в книгу нечто новое для брюсовской поэзии. Он призывает к активному отношению к жизни, а лучшие вещи сборника — порождение созерцательности. И даже на форме стихов, казалось бы, столь выработанной, сказалась эта перемена: стих здесь проще, медлительнее, чем раньше, и нет в нем стремления к былой остроте. Видимо, Брюсов идет к успокоенности и примиренности. Впрочем, это — лишь намечающийся душевный переход к новым настроениям и путям; вообще же книжка тесно примыкает к старой полосе его поэзии.

[1916]

ИВАН МОРОЗОВ. КРАСНЫЙ ЗВОН

Стихотворения с биографическим очерком
С. Д. Дрожжина. Москва. 1916 г. 70 стр. Ц. 40 к.

В стихах Морозова много душевной свежести и простоты, всюду бьет струя лиризма, такого искреннего и неподдельного¹. Техника стиха несколько старомодна, образы отдают школьной хрестоматией, встречаются наивности и неловкости; но под всем этим чувствуешь живые движения чуткой и нежной человеческой души, которой как-то даже к лицу и эта старомодность, и наивность: порою хорошо и безыскусственное искусство, и лучше уж примитивность, чем вычурность.

Морозов лиричен. Но у него не редкость и живописующий эпитет, и своеобразный образ, и свежее сравнение. «Солнце тонет — словно в терем чародея полоненную царевну повели»; ветер «пробудил подснежники-малютки и протер им заспанные глазки»; весной «в сердце кровь забушевала, словно полая вода» и т. д. «Темнолицая земля», «тонконогие опенки», «синеглазый лен» и проч.; все это просто, но дает характеристику, а не поставлено исключительно для заполнения строки.

Перед нами — небольшой, но чистый родник поэзии. Добавим в заключение, что автор вышел из крестьянской среды². Это бросает свет на некоторые стороны его творчества³. Но мы не подчеркивали этого обстоятельства: и помимо него поэзия Морозова представляет достаточно интереса.

MICHAŁ ORZĘCKI¹. STORCZYKI²

Poezje, st. 37, cena 50 kop.

На обложке этого сборничка стихотворений имеется пометка «odbito w Jarosławlu». Поэтому, хотя они написаны по-польски, даем о них отзыв.

Открывается книжка несколькими простенькими вещичками, дальше идет цикл стихов «кабаре» и два цикла сонетов. «Кабаре» сложилось из песенок о фарфоровых статуэтках китайца, кивающего головой, герольда, гуслира и т. д. Эти причудливо-грациозные пьески имеют только разве тот недостаток, что несколько длинноваты. Значительнее по своему содержанию сонеты. Особо отметим в этом отношении среди них сонет о статуе Нике³ близ Херонеи⁴. Как видит читатель, автор сборничка умеет найти в своей душе отзвук и для статуи, и для статуэтки.

Нельзя не упомянуть и о заметной в книге работе над архитектурой стихотворений, над их оформленностью, завершенностью. В частности, это следует сказать о сонетах. Они выписаны очень тщательно и умело. Автор хорошо усвоил эту строгую и стройную форму стиха и охотно обращается к ней. Заметим, однако, что сонет пишется не шестистопным, а пятистопным метром. Главное же нельзя забывать, что каждая из частей, на которые распадается сонет, должна быть вполне законченной и самостоятельной; в сборничке же иногда начало фразы находится в одной части сонета, а конец — в другой, так что непонятно, для чего они типографски разделены.

Общее впечатление от книжки благоприятное. Она во всяком случае носит на себе печать культурности и, как собрание «лицейских» стихотворений, может почитаться вполне удачной.

ДВЕ ЗАМЕТКИ О СТИХОТВОРЕНИЯХ ПУШКИНА

Среди произведений Пушкина есть восьмистишие, озаглавленное «Подражание арабскому» и кончающееся словами:

Не боюсь я насмешек —
Мы сдвоились меж собой;
Мы точь-в-точь двойной орешек
Под одну скорлупой.

Источник этого подражания до сих пор еще не установлен. Нам кажется, что таким источником могло явиться следующее место из Саади Ширазского: «Помню, в прежнее время я и друг мой жили, будто два миндальные ореха в одной скорлупе»*.

Предположение наше тем более вероятно, что Пушкин знал и любил творчество персидского поэта. В подтверждение укажем хотя бы на изречение Саади, взятое эпитафией к «Бахчисарайскому фонтану» и повторенное в тексте последней главы «Евгения Онегина»¹. Относительно этого изречения Пушкин в письме к Вяземскому от 14 октября 1823 г. заметил: «Бахчисарайский фонтан, между нами, дрянь, но эпитафия его — прелесть». Вспомнил он и еще раз, уже в критических заметках, этот «меланхолический эпитафия, который, конечно, лучше всей поэмы»².

---

* Гюлистан, перевод И. Холмогорова, изд. Солдатенкова, Москва, 1882, стр. 209.

Таким образом, если даже и предположить, что упомянутое сравнение является ходячим в восточной поэзии, то все же надо думать, что Пушкин заимствовал его через посредство именно Саади, а не какого-либо иного поэта.

*
*   *
*   *

В IV части составленного г. Добровольским «Смоленского этнографического сборника»³ среди тюремных песен имеются небезыңтересные параллели к пушкинскому «Узнику». Приводим их, сохраняя орфографию записи:

I

Литаит на воли
Арёл маладэй;
Литаўши на воли,
В тямницу пупаў.
Сижу я ў тямницы,
В тямницы сырой;
Крававаю пишу
Клюю пад акном.
Клюить вон, брасаить,
Сам сматрить в акно.
Раскармиў мне волю
Арёл маладой.
Пайдём мы, братиц,
За круты гара.
Пирыпал таварищ
За круты гара,
Где месяц ня свитить,
Сонца никада.
Там красотык нету,
Некыга любить;
Мы с табою, братиц,
Будим вместе жить.
(с. Каблуково, Краснен. у.)

II

Сядеў я ў астроги,
Сядеў я ў тямницы.
Прилетаў ка мне ворын,
Арёл маладой.
Іон сеў на вакошки,
На новым стякле,
Пищи яму нету —
Нечига клювать.
Русский наш тавариш
Рукою махаў:
— Здесь красотык нету,
Некыва любить;
Соўника ня ўсходить,
Жаркая ни пякётъ;
Тучи ни заходюць,
Гразою ня бьётъ.
(с. Боровское, Ельн. у.)

Трудно сказать, что имеем мы тут перед собой: переделку ли пушкинского стихотворения или, наоборот, чисто народную песню, которою, в таком случае, воспользовался, как материалом, Пушкин. За первое предположение, казалось бы, ручается довольно необычная для народной песни правильность ритма и несколько подозрительное слово «пища», да еще с эпитетом «кровавая». Однако отсутствие рифм именно в той части песни, которая совпадает с пушкинским текстом, говорит как будто об обратном. К тому же правильность ритма — отнюдь не редкость для тюремных песен; во всяком случае в них она встречается чаще, чем в каких-либо иных (если только не считать частушек, плясушек и, пожалуй, солдатских песен).

Таким образом, не делая никаких категорических утверждений, мы просто отмечаем этот, не лишенный интереса факт.

ЧАРНАВЫЯ НАКІДЫ

〈ЧАСТУШКА〉

Частушка — это именно та песня, которую поет в настоящее время едва ли не вся деревенская Россия. Казалось бы, одного этого совершенно достаточно, чтобы обеспечить частушке право на самое пристальное и серьезное внимание. А между тем, количество работ, посвященных ей, весьма невелико, причем работы эти прошли мимо широкой публики и фактически не внесли заметной поправки в огульноотрицательное отношение к частушке — этому интересному роду песенного творчества... Именно считается, что частушка есть болезненный продукт фабричной городской культуры, рушащей крепкий уклад деревенской жизни. Столь же обычно встречается и вытекающее отсюда противопоставление «прекрасной старинной народной песни» и «современной частушки». Частушка во многих отношениях является прямым продолжением старинной песни. Так, например, и там и здесь необыкновенно развит параллелизм (сравнение), и там и здесь он является организующим началом, поэтическим средством. Кроме того, целый ряд частушек представляет из себя не что иное, как осколки «старинных» песен.

Наконец, отметим, что частушка далеко не так уже и нова, как это обычно предполагается. Проф. Аничков¹ указывает, что они встречаются в качестве подписей на лубочных картинках XVIII века, а проф. Соболевский перепечатал частушки, записанные еще в XVIII ст.²

Это тем более интересно, что таким образом отчасти подрывается мнение о фабричном происхождении частушки. Окончательно же уяснили несостоятельность данного взгляда этнографические данные: песни, состоящие из коротеньких строк, известны издавна и во Франции и в Италии (см. «Испанские народные песни» в переводе Бальмонта). Существуют они и у многих славянских народов: поляков («краковяки»), украинцев («коломыйки»), белорусов («припевки») и т. д. У всех их частушки развились и зародились раньше появления какой-либо капиталистической культуры (в Белоруссии же, к слову сказать, развитие ее) и поныне невелико, а между тем частушка здесь издавна широко распространена и является едва ли не самой лучшей выразительницей белорусской народной песни). Таким образом, уже из этих немногих слов совершенно определенно явствует ошибочность распространенных взглядов на частушку. К этому же должно привести нас и более близкое рассмотрение данного вопроса...

ВОБРАЗНАСЦЬ АПІСАННЯЎ У ВЕРШАХ В. МАРЦІНКЕВІЧА

Галоўная розніца паэтычнага апісання ад праявічнага знаходзіцца ў сціснутасці думак. Сціснутасць зместу — вось галоўны бок паэтычнага апісання, каторым яно розніцца ад прозы. Першая дае заўсёды больш таго, чым уложена ў ім. У гэтым жа і ляжыць галоўная цяжкасць паэзіі. Апісваючы, паэт скажа ўсяго некалькі слоў, але такіх, каторыя б цягнулі за сабой недасказанае і, зліўшыся з ім у адно цэлае, ясна ўставалі перад вачыма чытача.

〈ЧЕРНОВОЙ НЕЗАКОНЧЕННЫЙ НАБРОСОК〉

О сказках думают так: сказка состоит из обломков мифов. Период мифотворчества прошел... значение их забыто, сами мифы перепутаны. Но народ пользуется ими, как готовым материалом, в целях литературных для создания сказки. Значит, поскольку национален миф — национальны и сказки. Но есть и масса сказок заимствованных. Необходимо, однако, заметить, что при заимствовании происходит известный естественный отбор...

⟨СТРЕМЛЕНИЕ НАЙТИ МЕТОД НАУЧНОЙ КРИТИКИ...⟩

Стремление найти метод науч⟨ной⟩ крит⟨ики⟩, который выполнил бы определен⟨ное⟩ дело — оценку литературного произвед⟨ения⟩ с точки зрения тем художника и был бы по выработ⟨анным⟩ приемам доступ⟨ен⟩ и рядов⟨ым⟩ работникам. В наше время по всей лит⟨ературе⟩ зам⟨етно⟩ теч⟨ение⟩, кот⟨орое⟩ основ⟨ывает⟩ такую науч⟨ную⟩ крит⟨ику⟩ по наблюд⟨ению⟩ над «худ. фактами». Под этим понятием понимаются все явления формы литературного произв⟨едения⟩ в сам⟨ом⟩ шир⟨оком⟩ см⟨ысле⟩ слова: не только явления слога и стиля или метра, ритма, рифмы, звукописи (в сонетах), но все то, что есть *modus operandi*¹ писателя, т. е. его эпитеты, образы, типы, характеры, ситуации, архитектоника, словарь и т. д.

...обладающие той же степенью достоверности, как суждения науки. Это не значит, конечно, что критика будет в состоянии тогда ⟨нрзб⟩ Шекспира, Данте, Пушкина, ибо и научная ист⟨ория⟩ подлеж⟨ит⟩ ⟨нрзб⟩ дальн⟨ейшему⟩ разв⟨итию⟩. Но она получит твердую почву под ногами и не должна будет пребывать *ultima ratio*²⟨нрзб⟩ на личном вкусе. Для возникновения научной критики необходимо, чтобы все эти ⟨нрзб⟩ факты были подобраны, систем⟨атизированы⟩ ⟨нрзб⟩ и точные подсчеты. Опираясь на такие неоспоримые цифровые данные, критики бы имели возможность делать выводы.

СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИИ «БЕЛАРУСКАЕ АДРАДЖЭННЕ»

1) Вступление. Краткий обзор национальных движений в Западной Европе.

2) Исторические судьбы Белоруссии. Сформирование белорусской народности. Литовско-русское государство. Белорусская культура в XVI — XVIII столетиях. Борьба с Польшей. Дальнейшие моменты в истории белорусской народности.

3) Национальное возрождение Белоруссии. Зачатки его в XIX столетии. Современное белорусское движение. Характеристика белорусской литературы последнего десятилетия.

4) Заключение.

Начало в 8 часов вечера.

Цены

DUBIA

ЮДАВА ПОЛЕ

Над Ерусалімам спусцілася страшная ноч — павесіўся Юда. У гарах стагнаў вецер, усюды разлілася непрыглядная цем, цяжка стала ў паветры.

Людзі пахаваліся ў камяніцы, вярблюды хавалі галовы ў пясок, як бы чуючы, што скоро падымецца гарачая бура — самум.

Юда павесіўся ў полі, купленым за 30 срэбнікаў, каторыя ўзяў за здраду. Калі абычны самаўбійца накладае на сябе рукі, то цела яго хаваюць міласэрныя людзі. Не так было з Юдай — цела яго надарвалася пасярэдзіне і ўсе вантробы звесіліся.

А бурлівая ноч яшчэ болей згусцілася над брыдкім трупам здрадніка. Цёмна і душна было кругом яго, як у магіле, і страшны неўзмаготны сморад расцілаўся далёка ва ўсе бакі.

Калі ж развіднела і бура сціхла, то вецер усё яшчэ калыхаў вісельніка, а людзі здалёку і са страхам пазіралі на яго і ўцякалі.

Пакінуты ўсімі, доўга вісеў труп. Чорная кроў капала з яго на выпаўшыя вантробы. Кругом не засталася ніводнага жывога тварэння, нават чэрві гідзіліся страшнага корму, нават мухі не лёталі над спёкшайся крывёй яго цела.

Тады стада варон, ляцеўшае з Захаду, спусцілася на галаву і голыя плечы Юды. Яны клювалі чорнымі дзюбамі,

і вісельнік пад ударамі іхніх дзюбаў калыхаўся як жывы.
Яны клюлі яго живот і пілі чорную кроў і брыдкі гной.
І зваліўся на іх страшны праклён! Яны падняліся ў паветра
і мучанья сударгамі паляцелі над зямлёй. А як ляцелі яны,
з горла іх капала на зямлю кроў і гной, бо не дапусціў Бог,
каб цела здрадніка стала іх кормам. Страшна крачучы,
ляцелі вароны, і куды падалі кроплі Юдавага гною, там
нараджаўся здраднік свойго народу.

О, няшчасце! На бедны край наш падалі кроплі Юда-
вай крыві густым дажджом. Няўжо ж ты, дарагая айчыз-
на, вечна будзеш Юдавым полем?..

[1909]

ЦЕНЗУРНЫЕ МЫТАРСТВА Н. А. НЕКРАСОВА

Статья под этим заглавием В. Евгеньева в № 8 «Р(усского) б(огатства)» содержит много интересных данных. Поэт до гробовой доски находился в невыразимых цензурных тисках и в течение почти всей жизни должен был идти благодаря цензуре на такие компромиссы с совестью, которые невыносимым гнетом ложились на его душу, глубоко потрясая в то же время нервную систему. Так, напр., для умиловления цензоров и вообще лиц, «имущих власть» над российской журналистикой, поэту приходилось устраивать лукулловские обеды и на них играть роль гостеприимного хозяина.

Льстивое стихотворение в честь всемогущего Муравьева явилось тоже «самозакланием» редактора «Современника». По отзывам лиц, не дружелюбных Некрасову, последний, чтобы спасти направление, сознательно клал себя и свою репутацию искупительной жертвой на алтарь муравьевского всемогущества.

Цензура оказывала в высшей степени отрицательное влияние на развитие поэтического таланта Некрасова.

Некрасов постоянно говорил, что пишет меньше, нежели хочется ему; слагается в мыслях пьеса, но является соображение, что напечатать ее будет нельзя, и он подавляет мысль о ней: это тяжело, это требует времени, а пока они не подавлены, не возникает мысли о других пьесах... О чем он думал, что этого невозможно напечатать, над тем он не может работать.

Когда Некрасов даже в дружеском кругу говорил о том, что он вытерпел и вынес от цензуры, в глазах у него появ-

влялось выражение, которое «охотники видят у смертельно раненого медведя, когда подходят к нему и он глядит на них».

С какой мнительностью и деспотизмом цензоров приходилось бороться Некрасову, доказывается следующими фактами.

В сборнике полудетских и безобидных стихов «Мечты и звуки» в стихах

Возложу венец лавровый
На достойного жреца
Или вмиг запру в оковы
Я носителя венца¹

последняя строчка цензором Фрейгантом была изменена —

Поносителя венца.

В 1840 г. в «Сказке о царевне Ясносвете», так и не увидевшей печати, цензор Ольдекоп вычеркнул четверостишие, заключавшее описание благодетельного правления царя Елисея:

Любо было жить на свете!
То-то любо! Дети, дети!
Не любите новизну,
Вот что было в старину.²

Не хвали прошлого, чтобы не возбуждать недовольства настоящим. В словах

Собралися все сословья
Ради некого присловья,
То есть кое для чего
Верных подданных его,
Все бояре, все миряна,
Все чиновные гражданина...

Ольдекопу почудился намек на палату сословных представителей, и четыре последние строчки были вычеркнуты.

В 1848 г. строгость цензуры к «Современнику» дошла до того, что из шести повестей, назначенных в «Современнике», ни одна не была пропущена, так что нечего было набирать для ближайшей книги.

Ввиду безвыходности положения Некрасов в сотрудничестве с Панаевой принялся писать роман во французском вкусе «Три страны света», имея в виду печатать его по частям, по мере окончания отдельных глав.

Цензура потребовала весь роман и не соглашалась разрешить его печатание до тех пор, пока авторы не представили письменного удостоверения за своей подписью, что в романе «порок будет наказан, а добродетель восторжествует». В «Железной дороге» найдены были следующие «жупелы», которым обязан «Современник» двумя предостережениями: возводится клевета на благотворительное предприятие правительства к усовершенствованию наших путей сообщения на западный образец, в звучных стихах, утверждающих, что начальство секло народ, предоставляя ему право мерзнуть и гибнуть от цинги в землянках; причем автор позволил себе даже сделать произвольное исчисление мучеников, потерпевших смерть за Николаевскую железную дорогу, утверждая, что таковых «пять тысяч»; в эпиграфе же упомянута вещь всем известная, что главным строителем дороги был граф Клейнмихель, очевидно, с целью возбудить негодование против этого имени... Временами поэтом овладевало от созерцания печальных злоб дня несвойственное ему настроение: рождалось жгучее желание отдохнуть за рубежом. В бытность свою в 1874 г. в Киссинге он обратился к Е. И. Лихачевой, уезжавшей в Швейцарию, с экспромтом, до сих пор еще неизвестным читающей публике:

Уезжая в страну равноправную ,
Где живут без чиновной амбиции
И почти без надзора полиции,—
Там найдете природу вы славную...
А поживши там время недолгое,

Вы вернетесь в отчизну прекрасную,
Где имеют правительство строгое
И природу несчастную.
Там Швейцарию верно вспомянете
И, как солнышко ярко засветится,
Собираться опять туда станете.
Дай бог всем нам там весело встретиться.³

Цензурные мытарства умирающего Некрасова в конце марта 1877 г. связаны с выходом «Последних песен».

Все стихи были уже предварительно помещены в «Отеч. (ественных) зап. (исках)». Но цензор невыносимо томил умирающего поэта.

— Каждый день может быть последним. Я хотел бы по крайней мере успокоиться насчет судьбы своей книги, — говорил смертельно больной поэт.

— А что это значит: «еще вчера мирская злоба...» Какая это злоба? — спрашивал цензор Петров сестру поэта, принимавшую все меры, чтобы книга вышла из цензуры при жизни брата.

Сестра знала, что это значит, но постаралась дать объяснение, далекое от действительности и менее пугающее цензора.

Помещики-крепостники любили в свое оправдание ссылаться на то, что власть их над крестьянами основывается на их культурном превосходстве; что касается российской «позорной памяти отечественной цензуры (по выражению г. Евгеньева), то она не могла прибегнуть даже и к этому софизму, так как вся ее сущность сводилась к опеке над наиболее интеллигентной и даровитой частью русского общества со стороны, в огромном большинстве случаев, невежественных и недоброжелательных чиновников-рутинеров, настоящих фельдфебелей по уму и развитию, поставленных силою судеб в положение Вольтеров».

СПАДЧЫНА БАГДАНОВІЧА-ПРАЗАІКА

Мастацкая проза Максіма Багдановіча вывучана яшчэ недастаткова поўна. Тлумачыцца такое становішча многімі прычынамі. Адна з іх у тым, што шырокая папулярнасць Багдановіча як выдатнага паэта і перакладчыка міжвольна адбівалася на ўспрыманні яго празайчных твораў, адсоўвала іх на другі план. Выключэннем з'яўляюцца хіба што аповяданні «Музыка», «Апокрыф», «Сон-трава», у якіх выкладзена эстэтычнае крэда пісьменніка, раскрыты яго погляды на ролю і месца мастацтва ў жыцці народа. Але і гэтыя творы цікавілі даследчыкаў з пункту гледжання таго, як там канкрэтызаваны тэмы і матывы, скразныя для ўсёй творчасці Багдановіча. Пра іх жа самастойнае значэнне як твораў, прыналежных да мастацкай прозы, гаварылася між іншым, бегла. Паказальны факт: Багдановічава проза — у* супрацьлегласць яго вершам — ні разу не выходзіла асобным выданнем. Яно і зразу-мела: у свядомасці прыхільнікаў беларускага прыгожага пісьменства М. Багдановіч — зорка першай велічыні на небасхіле айчыннай паэзіі, выдатны майстар паэтычнага слова. І ў цені аўтара «Вянка» неяк губляліся яго празайчныя творы і нават літаратурная крытыка і публіцыстыка.

Стрыманыя адносіны літаратуразнаўцаў да Багдановіча-празаіка тлумачыцца яшчэ і тым, што шэраг

яго прэзаічных твораў на працягу доўгага часу заставаўся неведомым даследчыкам і чытачу. Маюцца на ўвазе перш за ўсё апавяданні, апублікаваныя ў яраслаўскай газеце «Голос» пад псеўданімамі Эхо, Ів. Февралёв. Здабыткам літаратурнай грамадскасці некаторыя з іх сталі нядаўна — у часопісе «Неман» (1989. № 12. С. 95—114) ¹.

На аснове зместу апавяданняў «Преступление», «Чудо маленького Петрика», «Колька», «Калейдоскоп жизни», «Именинница» аўтар рэдакцыйнай нататкі ў «Немане» слухна сказаў, што «вялікі беларускі паэт Максім Багдановіч мог стаць не абы-якім прэзаікам, калі б пражыў даўжэй за свае няпоўныя дваццаць шэсць гадоў» (Неман. 1989. № 12. С. 95). І сапраўды, выяўленыя апавяданні дадаюць новыя штрыхі да творчага партрэта пісьменніка.

Што ж увогуле ўласціва мастацкай прозе Багдановіча? Якія яе асаблівасці ў параўнанні з творамі іншых прэзаікаў нашаніўскай пары? Адразу бачна, што Багдановіч не паўтараў вядомых на той час прэзаічных узораў Я. Коласа, Ядвігіна Ш., М. Гарэцкага, З. Бядулі, а імкнуўся ісці сваёй дарогай, шукаў сваю тэму. Такой тэмай стала для яго тэма адухоўленай Красы, самаадданага служэння мастака народу. Непадкупны, высакародны музыка, герой аднайменнага апавядання, чароўнымі гукамі абуджаў прыгнечаны люд ад цяжкага сну, клікаў яго да лепшага жыцця. «І людзі падымалі апушчаныя голавы, і гневам вялікім блішчалі іх вочы». Аднак трагічным аказаўся лёс народнага заступніка: «злыя і сільныя людзі кінулі яго ў турму, і там скончылася жыццё яго» ².

---

¹ Гл. таксама тэксталагічны каментарый да гэтага тома.

² Багдановіч М. Зб. тв.: У 2 т. 1968. Т. 2. С. 7. Далей спасылкі на гэтае выданне ў тэксце. У дужках — том і старонка.

Распрацоўваючы тэму мастацтва, Багдановіч-празаік, вядома ж, не мог абмінуць вуснапаэтычную нацыянальную традыцыю, вопыт увасаблення вобраза гусліяра, дудара ў народных казках і паданнях. Але фальклорны вопыт актыўна ўзбагачаўся новым зместам. Як вынікае з апавядання, тыя носьбіты зла, хто кінуў музыку за турэмныя краты, захацелі выступіць у яго ролі. Толькі іхняе гранне нічога людзям не сказала. «Добра граеце,— гаварылі ім,— ды ўсё не тое!» (2, 7). І не здагадаліся, не зразумелі крыўдзіцелі, што не музыка, а гора народнае грала на скрыпцы, спрадвечная пакута людская «вадзіла смыкам па струнах», таму спробы падрабіцца пад шчырае гранне былі загадзя асуджаны на няўдачу. Вось так паэтычна-ўзвышана выказаў маляды пісьменнік свой погляд на мастацтва як на ўвасабленне народнай душы, народнай веры ў перамогу «праўды, брацтва і свабоды» (2, 8). Фальш і праўда ў мастацтве несумяшчальныя. Толькі вернасць праўдзе можа забяспечыць мастацкаму твору доўгае жыццё і прыхільнае стаўленне народа, чые інтарэсы мастацтва абараняе.

І ў мастацкай прозе Багдановіч выступаў смелым наватарам, імкнуўся прышчапіць беларускай літаратуры новыя жанравыя структуры. Так, пры распрацоўцы тэмы Красы ён звярнуўся да традыцый старажытнай пісьменнасці, да апакрыфічнай формы («Апокрыф»), і гэты зварот у мастацкім плане аказаўся плённым. Праз гутарку Хрыста, святога Пётры і музыкі аўтар пераканальна абвергнуў утылітарна-прагматычны, спрошчаны погляд на мастацтва, падкрэсліўшы яго велізарную ролю ў духоўным жыцці чалавека. Пісьменнік рашуча адвёў сумненні музыкі наконт сэнсу той справы, якой ён, музыка, займаўся: «сорамна мне, бо сягоння дзень працы, і ўсе клапоцяцца каля яе, адзін я нікчэмны чалавек» (2, 9). Не смуціся ў сэрцы сваім, адказаў Хрыстос музыку, не лічы сябе лішнім

сярод тых, хто жыве цяжкім жыццём, здабывае хлеб у горы і пакутах. «Тады ізноў сказаў Пётра: але няхай жа ў песнях будуць думкі добрыя і паўчаючыя, каб, апроч красы, меўся ў іх і спажытак чалавеку.

І адказаў яму Хрыстос: «Няма красы без спажытку, бо сама краса і ёсць той спажытак дзеля душы» (2, 10). Для разумення сутнасці аўтарскай трактоўкі мастацтва важна менавіта тое, што справа, якой займаецца музыка, атрымала вышэйшае — боскае блаславенне.

Такія творы, як «Музыка», «Апокрыф», «Апавяданне аб іконніку і залатару», бяспрэчна, пашыралі жанравыя рамкі беларускай прозы пачатку ХХ ст., у якой тады моцна адчуваліся этнаграфізм, прыземленасць, натуралістычнае бытапісальніцтва, уносілі ў яе новы, свежы струмень, новыя фарбы. «Перапісваючы сучаснымі словамі» старажытны беларускі рукапіс, аўтар «Апавядання аб іконніку і залатару» ўзбагачаў стылявыя, выяўленчыя магчымасці прозы, вяртаў ёй страчаныя моўныя багаці. Старажытнаславянская лексіка аказвалася вельмі прыдатнаю, каб перадаваць узвышаны лад думак і пачуццяў героя, адцягненыя паняцці.

Тэма мастацтва як з'явы духоўнага парадку, тэма Красы, што ўзвышае чалавека, сваё вобразнае ўвасабленне знаходзіла не толькі ў формах, аснову якіх Багдановіч запазычваў з арсенала паэтычных жанраў ці са старажытнай пісьменнасці, але і ў традыцыйных сюжэтных структурах. Так, у апавяданні «Шаман» думка аб жыватворнай сіле Красы раскрываецца праз гутарку былога паліктаржаніна з выпадковым спадарожнікам. Абодва яны плывуць на параходзе, што носіць паэтычную назву «Баян». Прыгажосць начной Волгі («Здаецца, нідзе такой красы няма») натхніла на шчырую споведзь палітычнага ссыльнага, які ў далёкім Нарымскім краі знайшоў, як яму здалося, адказ на спрадвечнае пытанне: што ж выратавала чалавека перад тварам грознай, нялітасцівай прыроды?

І сапраўды, з дапамогаю якіх сіл чалавек пераадолявае свой страх, трывогу, што жыве ў яго сэрцы, і ўсведамленне крохкасці зямнога існавання? Такім паратункам стала Краса. «Здалося мне, што пачуццё красы вытварылі сабе людзі таму, што былі змучаны і запуджаны суворай зямлёй, вытварылі, каб пазбыцца няяснага, але бяскрайнага, усю душу запаўняючага смутку. І тады лягчэй стала ім жыці, бо зямлю яны бачылі прыгожай, а не такой, якою яна запраўды ёсць: не жорсткай і грознай і бязмерна моцнай, гатовай кожную мінуту прыціснуць бяспомачнага, жалкага чалавека, сказіць яго, расплюшчыць, растаптаць, ад каторай не ўкрыешся, не схавашся, не абаронішся...» (2, 20).

Трагічны выпадак, які надарыўся ў час падарожжа, — «Баян» у начной цемені ненарокам наскочыў на лодку з пасажырамі — вядома, унёс свае карэктывы ў канцэпцыю, выкладзеную палітычным ссыльным. Апавядальнік з добрай доляй іроніі каменціруе прыгданае здарэнне: «...І я мог зразумець, чаго варта краса гэтай цёмнай ночы і аксамітна-чорнай вады» (2, 22).

Аднак гэтая рэпліка не абвяргае філасофскі сэнс сцвярджэнняў героя аб жыццятворнай сіле прыгажосці, здольнай vyrатаваць свет.

Як бачым, «Апавяданне аб іконніку і залатару», «Шаман», а таксама «Мадонна» і некаторыя іншыя творы пабудаваны на гутарках дзеючых асоб, на споведзі героя. Такая структура абумоўлена тым, што, вырашаючы ўзнятую праблему, пісьменнік не спяшаўся як найхутчэй сфармуляваць адказ на пытанне, а шукаў яго разам са сваімі героямі. Спрэчкі, гутаркі філасофскага, светапогляднага зместу, роздум герояў над сэнсам быцця і чалавечага існавання актыўна замацоўвалі ў беларускай прозе інтэлектуальны пачатак, высокі стыль.

Сярод праявітых твораў М. Багдановіча ёсць шэраг

кароткіх эцюдаў выразнага сацыяльнага гучання, сацыяльна-бытавой напоўненасці. У іх таксама праявілася высокае майстэрства пісьменніка. Так, лаканічная замалёўка «Гарадок» дае яскравае ўяўленне пра жыццё і побыт гараджан, род іх заняткаў. У накідзе «Сярод глухой пушчы...» (аўтарскі загаловак адсутнічае) ўзноўлена гісторыя ўтварэння вёскі Калінавічы. Тут цікава апавядаецца аб старадаўніх вераваннях і звычаях беларусаў. «Калі памёр Каліна, зрабілі дзеці па ім памінкі — трызну і пахавалі яго ў зямлі, паклаўшы туды яго лепшыя і найпатрэбнейшыя рэчы: сякеру, нож, агніво, красала і шмат іншага. Рабілі так, бо думалі, што ўсё гэтае будзе патрэбна бацьку на тым свеце, як і на гэтым» (2, 30).

Пісьменнік тонкай назіральнасці, М. Багдановіч валодаў талентам з дапамогай вобразнага слова, удала знойдзенай псіхалагічнай, бытавой дэталі раскрыць характэрную асаблівасць пэўнай жыццёвай з'явы, тыповую рысу чалавечай натуры. Тут вопыт Багдановіча-паэта прыходзіў яму на дапамогу як прэзаіку. Напрыклад, у мініяцюры «Страшнае» ёсць надзвычай трапная дэталі, якая дакладна перадае трагізм вайны. «Вокруг лежали убитые, исковерканные раскаленным металлом снарядов, с оторванными, переломанными членами, вырванными внутренностями. Но глядеть на это было не страшно. На то и война» (2, 46). Але непадробны страх ахапіў да ўсяго, здавалася б, звыклага ўжо акупніка Сямёнава, калі ён убачыў, як вялікі руды мураш выпаўз з валасоў салдата, што ляжаў у зручнай позе і нібыта любавалася блакітным небам, «пробежал по его виску и пополз через глаз. И веко лежащего не дрогнуло, и по-прежнему широко были раскрыты его глаза» (2, 46).

Рашучы пратэст супраць братазабойчай вайны, спацучанне яе бязвінным ахвярам знайшлі ў гэтай мініяцюры сваё пераканальнае ўвасабленне.

У беларускай мастацкай прозе дакастрычніцкага перыяду жанравая форма падарожнага нарысу толькі пачынала складвацца. Сваім творам «Из летних впечатлений» М. Багдановіч пэўным чынам запаўняў існуючы прагал. Мы кажам «пэўным чынам», таму што напісаны нарыс на рускай мове і друкаваўся ён на старонках рускамоўнага выдання, якое наўрад ці мела шырокае распаўсюджанне ў беларускім культурным асяроддзі,— у яраслаўскім часопісе «Русский экскурсант» (1916, № 1—3). Тым не меней прыналежнасць твора пярэ беларускага пісьменніка робіць яго цікавай з’явай гісторыі айчыннай прозы. Каштоўнасць нарыса — у пашырэнні абсягаў мастацкага адлюстравання, у выхадзе да новых з’яў рэчаіснасці, далёкіх ад традыцыйна вясковай сферы. Адпаведна ўзбагачаліся і вобразна-выяўленчыя сродкі прозы.

М. Багдановіч даў у нарысе змястоўную, каларытную замалёўку жыцця людзей паўднёвага краю, яго велічнай прыроды і слаўнага мінулага. Сапраўды, аб гістарычным мінулым Феадосіі, Старога Крыма аўтар нарыса расказвае з захапленнем. Але гэта не проста цікавасць экскурсанта: сівая даўніна ацэньваецца тут чалавекам, які даражыць гістарычнай памяццю народа, разумее ролю і значэнне помнікаў культуры для сучаснага грамадства. Ён са спачуваннем прыводзіць выказванне праф. Смірнова аб тым, што «Старый Крым должен был бы быть целым музеем древностей, если бы не хищничество его обитателей» (2, 62). Уздымаючы голас у абарону каштоўнасцей мінулага, М. Багдановіч, бясспрэчна, думаў і пра лёс культурных помнікаў на Беларусі, бо ў той час на яе тэрыторыі ішла разбуральная вайна. І ў полымі вайны знікалі бясцэнныя нацыянальныя багацці.

Апавяданні, мініяцюры, сцэнкі з натуры, выяўленыя даследчыкамі творчасці М. Багдановіча ў апошні час, напісаны на рускай мове. Іх змест, стылістыка шмат

у чым адпавядаюць традыцыі рускай газетнай, часопіснай белетрыстыкі дэмакратычнага кірунку. Апавяданням уласцівы гуманістычны пафас, пачуцці шчырай спагады да людзей, скрыўджаных жыццём. Нельга не заўважыць, што некаторым творах уласціва маралізатарства, у іх ёсць элемент дыдактыкі. Аднак гэтыя недахопы няварта перабольшваць. Важна ўсвядоміць іх паходжанне, іх вытокі. А яны — і ў небагатым вопыце Багдановіча-празаіка, і ў асаблівасцях тэматыкі і праблематыкі, якую пісьменнік распрацоўваў. Звярнуўся ж ён да тэмы дзяцінства, душэўных пакут людзей, скрыўджаных жыццём, тэмы добра і зла («Колька», «Преступление»), тэмы шляхоў чалавецтва ў будучыню («Калейдоскоп жизни»). Адсюль зразумела, што элементы маралізатарства, адкрытай апеляцыі мастака да чалавечага сумлення непасрэдна вынікалі са зместу твораў. У гэтых апавяданнях, пэўна ж, знайшлі праламленне ўспаміны пісьменніка пра сваё дзяцінства, пра заўчасную смерць маці, пра складаныя ўзаемаадносіны з бацькам. Вядома, тут не трэба шукаць прамых аналогій, замаскаваных намёкаў. Гэта было б спрашчэннем і вульгарызацыяй мастацкай творчасці. Гаворка аб тым, што біяграфічны матэрыял з'явіўся эмацыянальным штуршком пры напісанні мастацкага твора.

Герой аднайменнага апавядання Колька памірае ва ўзросце няпоўных трох гадоў. Матэрыяльная беднасць, галеча, абыякавасць дарослых — вось што стала прычынаю калецтва малога і нарэшце звяло яго ў магілу. «Он страдал неизлечимой болезнью и совсем не мог ходить. Крошечный, с большой головой и тщедушным тельцем, он составлял несчастье своей матери. Отец его, горчайший пьяница, умер год назад. Его привезли как-то с праздника в бесчувственном состоянии и положили на лавку. Больше он не просыпался. В нетрезвом виде он бывал нехорош, бранил и частенько бил свою

Марью, и однажды, назло ей, опрокинул люльку, в которой спал маленький Колька»³.

Злачынства бацькі, які забыўся на свае абавязкі, страціў чалавечае аблічча, не магло застацца без выніку. Расплачвацца ж за ўчыненае ім зло давялося ні ў чым не вінаватаму хлопчыку, яго сыну. Колька меў права на шчаслівае жыццё, ды гэтае права ў яго адабрала бацькоўская жорсткасць, раўнадушша. Пісьменнік з гуманістычных пазіцый асуджае зло і яго носьбітаў.

Змест апавядання «Колька» не вычэрпваецца, аднак, рэалістычнымі, дакладнымі сцэнамі, узятымі з тагачаснай рэчаіснасці. Істотная роля ў выяўленні аўтарскай думкі належыць сімволіка-алегарычным вобразам, шматзначным дэталям, дзякуючы якім твор уздымаецца над традыцыйнай гісторыяй цяжкай долі закінутага, адзінокага дзіцяці і набывае глыбокае сэнсавое гучанне. Маецца на ўвазе вобраз купала царквы, куды маці насіла хворага сына для прычасця, «большой, больше роста человеческого образ Воскресения», вобраз блакітнага яйка. Між іншым апавяданне пачынаецца сцэнай успамінаў малога пра наведванне царквы, гэтымі ж успамінамі твор і завершаны: «Это — голубой купол церкви. Это — бесконечная высь голубого неба. И путь из золотых лучей ведет уже не в церковь, а куда-то в беспредельную высь, далеко, далеко. Там, наверху, с распростертыми благославляющими руками стоит Тот, кого Колька видел на образе Воскресения в маленькой церкви, кто шел к нему теперь в сонме ангелов и кто под видом яйца принёс ему вечность» (С. 110—111).

Сваім праніклівым словам пісьменнік-гуманіст маральна падтрымліваў гаротных і скрыўджаных, усіх, хто становіўся ахвярай чалавечай жорсткасці.

³ Тут і далей цытуецца па часоп. «Неман». 1989. № 12. С. 110—111. У дужках — старонка.

Ахвярай несправядлівасці аказалася і выкладчыца французскай мовы інстытута шляхетных дзяўчат губернскага горада N. Віна маладой жанчыны была ў тым, што яна мела незаконнанароджаную дачку. За гэты быццам бы амаральны ўчынак і асудзіла яе інстытуцкая грамадскасць, хоць на працягу доўгіх васьмі гадоў пра існаванне дзіцяці ніхто не ведаў і нікому гэтая акалічнасць не шкодзіла.

З глыбокай душэўнай узрушанасцю і непрыхаваным сарказмам апавядае аўтар ганебную па сваёй сутнасці гісторыю незаконнага звальнення выкладчыцы. Абразы, нанесеныя жанчыне, і штурхнула яе на самагубства. Носьбітамі псіхалогіі бездухоўнасці, фарысейства, замаस्कаваных пад высокую мараль, выступаюць у творы начальніца-генеральша, ганаровы апякун, інспектар, класныя дамы. Людзі, для якіх чэрствасць, абыякавасць сталі нормай, не могуць зразумець душэўных пакут другога.

Сваё рашэнне звольніць выкладчыцу інстытуцкія ўлады матывуюць клопатамі пра выхаванцаў, якія нібыта не павінны сутыкацца з грубымі праявамі жыцця. «Дело, которому мы служим — воспитание детей, девочек,— привитие им высших правил чистоты и нравственности... Мы должны готовить из них будущих жен и матерей — украшение и счастье того семейного очага, который они создадут» (С. 97).

Спаўняючы высокую місію выхавацеля-гуманіста, генеральша лічыць маральна дапушчальным абстрагавацца ад лёсу падначаленай і яе безабароннага дзіцяці. «В институте благородных девиц шел совет. Были в сборе красивая начальница и великолепный опекун, чувствительный инспектор и добродетельные классные дамы, произносились красивые слова о нравственности, о долге, о любви к детям, о священном назначении матери, о разных способах изукрасить искусными вымыслами слишком грубую для нежного детского возраста прозу жизни...

Откуда-то доносились звуки вальса.

А на холодной платформе далекого вокзала, над изуродованным трупом в судорожных рыданиях билась девочка» (С. 103).

Безумоўна, ужытыя М. Багдановічам азначэнні «изуродованный труп», «судорожные рыдания», як і прасталінейнае супрацьпастаўленне гукаў вальса і пакут сіраты, нельга залічыць да ўдалых мясцін, але маральная пазіцыя пісьменніка зразумелая і прыймальная.

Увогуле ж трэба сказаць, што Багдановіч — паэт і празаік — не прымаў тэндэнцыйнасці, зададзенасці. Імкнучыся да захавання гарманічных суадносін паміж змрочнымі і светлымі бакамі жыцця, ён не мог аддаваць перавагу такой менавіта трактоўцы тэмы, якую мы бачылі ў «Преступлении» ці блізкіх да яго творах «Несчастный случай», «Именинница». У першым з іх падаецца трагічны выпадак з жыцця беспрацоўнага, які на даху пасажырскага вагона едзе ў далёкі горад шукаць заробку. Савелій Валчкоў час ад часу чуе размовы інтэлігентных, выхаваных пасажыраў аб характэры прыроды, аб каханні і паэзіі і міжвольна супастаўляе пачутае са сваёй гаротнай, бязрадаснай доляй. Стомлены, фізічна слабы Савелій не змог утрымацца на даху вагона і загінуў.

Гіне на фронце імперыялістычнай вайны і жаніх прыгожай Надзенькі («Именинница»), хоць гэтую трагічную вестку блізкія старанна хаваюць ад дзяўчыны.

Сярод твораў болей аптымістычнага гучання — у параўнанні з «Преступлением» — варта назваць «Чудо маленького Петрика», у якім з выключнай дакладнасцю і псіхалагічнай глыбінёй раскрываецца багаты ўнутраны свет не па гадах цікаўнага хлапчука-летуценніка. Петрык пра ўсё хоча ведаць, ён шукае адказу на бясконцыя пытанні і перш за ўсё — шукае цуда. «Он верил и чувствовал, что чудо существует, что оно живет где-то тут близко, рядом с ним, и что

настанет минута, когда он увидит его ясно своими собственными глазками, как видит все предметы кругом себя» (С. 104). У характары Петрыка ёсць шмат агульнага з хлопчыкам Колькам. Абодва яны здолелі ўспрыняць велічную прыгажосць неба, нябеснага купала, а Петрык — дык той у сваёй дзіцячай непасрэднасці гатовы нават памерці, каб убачыць Бога: «С тех пор он любил подолгу лежать на спине и смотреть в самую глубь голубого купола. И казалось ему, что там, высоко-высоко, за облаками, он видит сидящего на золотом престоле старца в венце и с жезлом, точь-в-точь как на картинке в любимой книжке, которую подарил ему папа» (С. 105). Як бачым, у адрозненне ад гаротніка Колькі ў Петрыка ёсць клапатлівы тата, пашчотная маці, якія любяць свайго цікаўнага сына, ёсць нават нянька. Цікаўнасць малога ледзь не каштавала яму жыцця: прагнучы цуда, Петрык апынуўся ў рэчцы. Яго ўратавала незвычайнае майстэрства доктара і бязмежная любоў маці.

— «Милый, милый! Чудо спасло тебя! — говорила мама, осыпая его поцелуями. Петрик улыбнулся. Он вдруг вспомнил.

— Мама! — сказал он теперь громче и яснее. — Мама! Я знаю это чудо. Это чудо — морская царевна». (С. 108).

Вядома, дарослы і дзіця па-свойму разумеюць жыццё і яго сэнс. І кожны з іх, безумоўна, мае рацыю, толькі дзіця павінна само прыйсці да ўсведамлення той ісціны, што жыццё і ёсць найвялікшы цуд з усіх цудаў свету, а шлях да такога разумення — цяжкі, складаны, а нярэдка і трагічны.

Адну з прычын поспеху аўтара апавядання трэба бачыць у тым, што ў цэнтры твора ён паставіў асобу героя з багатым унутраным светам, і гэты герой дзейнічае ў адпаведнасці са сваім характарам. Дзіцячая фантазія стала актыўным сродкам сюжэтнага развіцця і выяўлення аўтарскай ідэі.

Разгледжаныя тут апавяданні сведчаць аб тым, што Багдановіч-празаік у сваім развіцці ішоў плённым шляхам. Гэта быў шлях паглыбленага псіхалагізму, аналітыкі і пераадолення прыземленага бытавізму, спрошчанага праўдападабенства.

Аб тым, што ўстаноўка М. Багдановіча на шырокае выкарыстанне самых розных вобразна-выяўленчых сродкаў оказалась плённай, сведчыць яшчэ адзін яго твор — «казка» «Башня мира». Але гэта не проста літаратурная апрацоўка традыцыйнага казачнага сюжэту, а вельмі арыгінальны па змесце, глыбокі, маштабны па думцы твор. І што асабліва важна — актуальны ў сённяшніх грамадска-палітычных умовах. «Казка» «Башня мира» пакідае ўражанне, нібыта напісана яна сучасным пісьменнікам, а гэта, безумоўна, сведчыць аб правідчым дары М. Багдановіча.

Пераказаць змест дадзенага твора без рызык збіцца на спрашчэнне бадай што немагчыма. Тым не меней прыходзіцца ісці на такія страты... На казачным востраве Чатырох вятроў доўгія гады правіў цар, мудрасць якога не ведала сабе роўных ад пачатку жыцця на зямлі. На службе ўсемагутнага валадара былі сілы нябесныя і марскія, ён уступаў у саюз з сонцам і ветрам, спрачаўся са смерцю і з багамі. Шмат іншых астравоў Акіяна падпарадкаваў сабе цар, кроўю была паліта ўся зямля, бо народы прывыклі да вайны і іншай формы арганізацыі жыцця ўжо і не ўяўлялі. Цар жа ўсяляк спрыяў развязванню войнаў, бо бачыў у іх перамогу сілы і розуму. Слабых валадар вострава не шкадаваў. «Он был слишком велик, чтоб жалеть о ничтожном и слабом,— слишком мудр, чтобы сокрушаться о малом».

Жорсткі і бязлітасны цар меў, аднак, адзіную чалавечую слабасць — ён вельмі даражыў сваёй дачкой, любіў яе больш, чым сябе, больш за ўласнае жыццё. Але прыгажуня-царэўна заўсёды была маркотнаю. Калі цар-бацька запытаўся ў дачкі, што ён павінен зрабіць,

каб убачыць яе шчасліваю, даччын адказ гучаў так: у тваім царстве няма месца слабым і малым, моцныя знішчаюць слабых. Людзі сталі падобныя да драпежнікаў. Пабудуй мне крыштальную вежу да самых аблокаў. Я буду там сядзець дзень і ноч за вартаўніка. Калі ўбачу вайну, міжусобіцу, дык закідаю тых, хто ваюе, аблокамі, засыплю ім вочы пяском. І настане на востраве мір. Тады я стану шчаслівай.

Не спадабалася валадару просьба царэўны. Але слова трэба стрымліваць. Ды колькі не стараліся дойдзі, нічога ў іх не выходзіла: пабудаваная крыштальная вежа развейвалася, як туман. Шмат загубіў цар архітэктараў, аж пакуль голас з неба не паведаміў гаротніцы-царэўне пра марнасць царскіх намаганняў, вежу можна пабудаваць толькі рукамі тых, хто ніколі не дакранаўся крыві. А на востраве такіх людзей увогуле не было, бо нават дзеці наведвалі ваенныя лагеры бацькоў і бралі рукамі іх акрываўленае адзенне і зброю. ...Вось ужо шмат гадоў будзе цар вежу міра — і не можа закончыць будаўніцтва. «Царь ищет зодчих с чистыми руками».

«Башня мира» — гэта страшнае выступленне пісьменніка ў абарону гуманізму і чалавечнасці, у абарону жыцця на зямлі. Аўтар «казкі» бескампрамісны ў асуджэнні мілітарызму, культу сілы і жорсткасці. Яго асабліва бянтэжыць і засмучае тое, што жыхары вострава так уцягнуліся ў несканчоныя войны, што барацьба і знішчэнне да сябе падобных стала нормай іх існавання, а дабрыня, спагадлівасць, літасць да слабых успрымаюцца як рэчы непажаданыя і шкодныя. І толькі юная царэўна, гэтае ўвасабленне Красы, прыгажосці і жыццядайнага пачатку, — толькі яна ўсведамляе пагібельнасць шляху, якім вядзе народ яе бацька. Калі ў царстве не знайшлося чалавека, рукі якога не былі апырсканы крывёю, дык яно, царства, пэўна ж, падышло да сваёй апошняй мяжы. Так, казачная форма,

казачныя вобразы дапамаглі М. Багдановічу стварыць сімволіка-абагульнены вобраз гісторыі чалавецтва, яго мінулага, сучаснага і будучага. Будучае не радуе пісьменніка, бо вежа міру застаецца непабудаванай і да сённяшніх дзён.

Роздум над будучыняй чалавецтва і лёсам сусветнай цывілізацыі вызначае змест і пафас мініяцюры «Калейдоскоп жыцця і псіхалогіяй людскога мноства, пісьменнік і ў гэтым творы прыходзіць да несущашальных вывадаў аб нездольнасці людзей усвядоміць павучальныя ўрокі мінулага, спасцігнуць сэнс гістарычнага быцця і сваё ўласнае прызначэнне ў свеце. Час няўмольна ідзе наперад, нараджаюцца і знікаюць новыя пакаленні, новыя дзяржавы, а людзі толькі чакаюць чагосьці незвычайнага, таго, што «утолит их ненасытную алчность в вечной погоне за новым». Пагоня за новым як за самамэтай — не толькі бясплённая, але і небяспечная, бо не закранае духоўнай сутнасці чалавека, не дапамагае ўдасканалванню чалавечай асобы. У ап'яненні новым людзі, нібыта дзеці, асабліва радуюцца чырванаму колеру, «приветствуют его ликованьем, и зовут его жадно и страстно». Як быццам яны не ведаюць, што іх радасць — чужое гора, бо чырвонае нясе з сабою кроў. Людзі ж не бачаць вакол сябе мора крыві і слёз, не бачаць духоўнага выраджэння чалавека, дэфармацыі маральных прынцыпаў і каштоўнасцей. «Быстро, быстро мелькают на красном белые разводы. Трудно признать в них обрывки человеческого тела... И не одно, а много, много тел!.. Сотни... тысячи... несчетное количество! Не перечесть! Они выбрасываются кровавой массой, точно их изрыгает из глубины своего жерла чудовищная пасть громадного дракона» (С. 112).

Але ў сьвядомасці людзей, стомленых страхамі, жудаснымі малюнкамі крывавай рэчаіснасці, усё ж часам узнікае далёкі прыгожы вобраз Хрыста, «как

немеркнувший свет забытого чистого прошлого, как дивная светлая сказка первых дней их младенчества» (С. 112). І чуецца ім голас — «голос вечной божественной правды: — Да любите друг друга».

З вышыні крыжа «кратко глядит на них лик Искупителя. Низко склонилась опущенная глава его. Распростертые, пригвожденные руки стремятся как-будто обхватить весь этот страшный, залитый кровью мир, обнять всех заблудших, растерянных, ищущих, в одном общем призыве к любви и всепрощению:

— Прости им, Отче, они не ведают, что творят» (С. 112).

Мініацюра «Калейдоскоп жизни» і казка «Башня мира», надрукаваныя адпаведна ў 1913 і 1915 гг., безумоўна, узбагачаюць нашы ўяўленні аб спадчыне Багдановіча, коле яго творчых інтарэсаў і патэнцыяльных магчымасцях як празаіка. Трагічныя падзеі перыяду імперыялістычнай вайны, прадчуванне сацыяльнай рэвалюцыі, глыбокі боль за людзей, на долю якіх выпалі невымерныя пакуты, асабісты трагічны лёс паэта — усё гэта адбілася на змесце і танальнасці многіх яго твораў апошніх перадакастрычніцкіх гадоў, прадвызначыла іх высокае гуманістычнае гучанне. Выхад да глабальных праблем, праблем чалавечага існавання на зямлі, зварот да вобраза Хрыста (як не прыгадаць тут А. Блока і ягоную паэму «Дванаццаць»), абарона агульначалавечых каштоўнасцей яскрава засведчылі інтэнсіўнасць творчага, светапогляднага станаўлення Багдановіча-празаіка. Разгледжаныя ж апавяданні яшчэ раз пацвердзілі думку аб тым, што аўтар «Музыкі» і «Башни мира» ўнёс прыкметны ўклад у беларускую мастацкую прозу.

МІХАСЬ МУШЫНСКІ

НАВУКОВАЯ І ЛІТАРАТУРНА-КРЫТЫЧНАЯ СПАДЧЫНА М. БАГДАНОВІЧА

Максім Багдановіч унёс велізарны ўклад у беларускае літаратуразнаўства і крытыку, хоць яго дзейнасць у гэтай галіне працягвалася не болей сямі гадоў. На інтэнсіўнае станаўленне Багдановіча як гісторыка беларускай літаратуры і крытыка дабратворна ўплывалі традыцыі папярэднікаў, у тым ліку вопыт рускай акадэмічнай навукі. Добра знаёмы з працамі прадстаўнікоў міфалагічнай школы (Ф. І. Буслаеў, А. М. Афанасьёў), псіхалагічнага (псіхагенетычнага) метада (А. А. Патэбня, Д. М. Аўсяніка-Кулікоўскі), параўнальна-гістарычнага літаратуразнаўства (Аляксей Мікалаевіч і Аляксандр Мікалаевіч Весялоўскія), М. Багдановіч тым не менш аддаў перавагу таму кірунку ў развіцці навуковай думкі, які вядомы пад назвай культурна-гістарычны (гісторыка-культурны). Тэарэтычна-метадалагічныя прынцыпы культурна-гістарычнай школы найбольш грунтоўна распрацаваны ў даследаваннях А. М. Пыпіна, М. С. Ціханравава.

У сваім развіцці гэтая школа, якую справядліва лічаць за бліжэйшую папярэдніцу марксісцкага літаратуразнаўства ў Расіі, прайшла значную эвалюцыю і зрабіла вялікі ўплыў на гісторыка-літаратурную і навукова-грамадскую думку канца XIX — пачатку XX ст. Галоўным дасягненнем школы было тое, што яна ўнесла метадалогію ў літаратуразнаўства, замаца-

вала сістэмнасць падыходу да гісторыка-літаратурных з'яў, у выніку чаго літаратуразнаўства набывала статус самастойнай навукі. Метадалогія ж культурна-гістарычнай школы выглядае даволі цэласна. Яна грунтуецца на прызнанні прычынна-выніковай сувязі паміж мастацкай літаратурай і грамадскім, палітычным жыццём, духоўным развіццём народа. Літаратуру прадстаўнікі школы разглядалі як форму выяўлення грамадскай свядомасці, псіхалогіі грамадства. Пільная ўвага звярталася на нацыянальную асаблівасць літаратуры, прычым не толькі на ўласна прыгожае пісьменства, але і на ўсё слоўнае мастацтва, у тым ліку на вусную народную творчасць, на этнаграфію, дакументальныя, эпістальныя жанры, публіцыстыку, мемуарныя матэрыялы як аўтарытэтную крыніцу вывучэння побыту, псіхалогіі, нораваў, звычаяў народа. Аб'ектам сталай цікавасці прадстаўнікоў культурна-гістарычнага літаратуразнаўства побач з творчасцю выдатных мастакоў слова былі і творы меней вядомых, нават другарадных пісьменнікаў, паколькі і ў іх знайшоў свой адбітак псіхалагічны, маральны, разумовы стан грамадства.

Культурна-гістарычная школа непрыхільна ставілася да тэорыі «мастацтва для мастацтва», заўжды аддавала перавагу творам рэалістычнай арыентацыі. Рамантычныя ж формы адлюстравання ёю недаацэньваліся, што сведчыла аб пэўнай вузкасці, аднабаковасці метадалогіі дадзенай школы. Захапленне сацыяльна-пазнавальным зместам літаратуры непазбежна вяло да недаацэнкі яе эстэтычнай прыроды. Прыгожае пісьменства як спецыфічная форма пазнання растваралася ў іншых формах грамадскай свядомасці, а гісторыя літаратуры — у гісторыі культуры, асветы, грамадскіх рухаў¹.

¹ Падрабязней гл.: Мушынінскі М. І. Каардынаты пошуку: Беларуская крытыка. Набыткі, перспектывы. Мн., 1988. С. 162—189.

На творчым засваенні і ўзбагачэнні найболей змястоўных пастулатаў культурна-гістарычнага метаду і адмаўленні тых прынцыпаў, якія не пацвердзілі сваёй жыццёвасці, якраз і складвалася гісторыка-літаратурная і літаратурна-крытычная метадалогія М. Багдановіча. Асноўныя метадалагічныя пасылкі школы — імкненне выявіць прычынна-выніковыя сувязі паміж гісторыяй і літаратурай, цікавасць да нацыянальнай спецыфікі слоўнага мастацтва, устаноўка на сістэмны падыход пры вывучэнні літаратурных з’яў — цалкам адпавядалі патрабаванням маладога беларускага літаратурназнаўства пачатку ХХ ст., якое рабіла свае першыя крокі. Галоўную заслугу Багдановіча як даследчыка трэба бачыць у тым, што ён, абаяраючыся на перспектывы ідэі і метадалагічныя пастулаты культурна-гістарычнай школы, заклаў трывалыя асновы нацыянальнага літаратурназнаўства і крытыкі, стварыў навукова абгрунтаваную канцэпцыю развіцця беларускай літаратуры ад старажытнасці да пачатку ХХ ст. Талент Багдановіча-вучонага і крытыка роўнавялікі яго таленту мастака: у Багдановіча-паэта былі выдатныя папярэднікі і сучаснікі ў асобе Ф. Багушэвіча, Я. Купалы, Я. Коласа, Цёткі, А. Гаруна, а як літаратурназнаўца ён мусіў быць першаадкрывальнікам, ішоў па цаліку.

Гісторыка-літаратурная канцэпцыя М. Багдановіча найбольш поўна адбілася ў яго працах «Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI сталецця» (1911), «За сто лет» (1911), «(Новый период в истории белорусской литературы)» (канец 1912 або пачатак 1913), «Белорусское возрождение» (1914) і інш. На аснове вывучэння вядомага на той час фактычнага матэрыялу даследчык накрэсліў пэўную перыядызацыю гісторыка-літаратурнага працэсу, разгледзеў кожны з вылучаных перыядаў у яго важнейшых праявах, даў лаканічную ацэнку асобных помнікаў старажытнага пісьменства і твораў новай і навейшай літаратуры.

А галоўнае, здолеў выявіць пэўныя заканамернасці развіцця літаратуры. Ён паказаў, што беларуская старажытная пісьменнасць і слоўнае мастацтва новага часу — не выпадковы кангламерат літаратурных помнікаў і паасобных твораў, а цэласны працэс, у аснове якога ляжаць аб'ектыўныя законы, а іменна: стан, узровень літаратуры абумоўлены канкрэтнымі гістарычнымі, нацыянальна-культурнымі, палітычнымі абставінамі, у якіх знаходзілася грамадства на тым ці іншым этапе свайго развіцця.

Прытрымліваючыся метадалагічных устаноў культурна-гістарычнай школы, якая патрабавала перш за ўсё цэласнага, сістэмнага падыходу да з'яў гістарычнага мінулага, М. Багдановіч і пачаў сваё даследаванне з вытокаў. У «Кароткай гісторыі беларускай пісьменнасці да XVI сталяца» ён даў пераканальны адказ на пытанне, чаму беларуская літаратура развівалася нераўнамерна, не па ўзыходзячай, чаму, напрыклад, у XIII—XIV стст. яна перажывала спад, а ў XV—XVI стст. ды таму, сцвярджае Багдановіч, што такімі былі гістарычныя абставіны, і даследчык закліканы раскрыць складаную рухомую сувязь паміж слоўным мастацтвам і гістарычнай рэальнасцю. Так, адным з фактараў дабратворнага ўплыву на развіццё пісьменнасці XV ст. аказаўся агульны стан грамадскага жыцця беларускага народа ў складзе Вялікага княства Літоўскага, узровень культуры, даволі высокі на той час. І сапраўды, да XV ст. культура народа «ўжо вырабілася ў асноўных чартах, ужо адстаялася», а дзяржаўнае жыццё ў княстве «адбывалася ў беларускіх нацыянальных формах»² — на беларускай мове ствараліся акты, вялося справядства, здзяйсняліся сувязі з іншымі дзяржавамі, у паўсядзённым жыцці

² Багдановіч М. Зб. тв.: У 2 т. Мн., 1968. Т. 2. С. 110. Далей спасылкі на гэтае выданне. У дужках — том і старонка.

нават вялікія князі і баяры, у тым ліку літоўцы паходжаннем, размаўлялі на беларускай мове. Такім чынам, увесь лад грамадскага і прыватнага жыцця спрыяў развіццю беларускай пісьменнасці, тым болей што жывая беларуская мова паступова выцясняла з рукапісных кніг «царкоўную славяншчыну». А таму кнігі гэтыя былі болей зразумелымі, ды і «людзей, прыхільных да чытання», павялічылася. Таму невыпадкова, што і колькасць створаных у XV ст. кніг аказалася куды большай за два папярэднія стагоддзі.

Росквіт XV ст. змяніўся новым заняпадам, які працягваўся доўгі час, а ў XIX ст. зноў пачалося адраджэнне беларускай культуры. Так, М. Багдановіч стварыў цэласны малюнак развіцця беларускага прыгожага пісьменства. У гэтай сувязі асаблівую цікавасць выклікае артыкул «Белорусское возрождение» (1914), у якім размова пераведзена на болей высокі ўзровень: тут разглядаецца ўжо не толькі ўласна літаратура, але і культура, прычым акцэнт зроблены на праблеме яе самабытнасці. З гэтай мэтай даследчык робіць шырокі экскурс у гісторыю краін Заходняй Еўропы, падкрэсліваючы аб'ектыўную заканамернасць развіцця беларускай культуры ў суаднесенасці з агульнаеўрапейскім прагрэсам. Агульным момантам у гэтым развіцці аказалася «дробление культур вообще и литератур в частности» (2, 213). Адасабленне роднасных культур, іх крышталізацыя ў самастойныя, цэласныя ўтварэнні была з'явай непазбежнай і гістарычна прагрэсіўнай. «От чешской культуры откалывается словацкая, от сербской — словинская, от польской — кашубская, от русской (великорусской) отслоилась украинская и, наконец, белорусская. Таким образом, перед нами в лице этой последней находится не монстр, не раритет, не уникам, а глубоко жизненное явление, находящееся в русле общеевропейского прогресса» (2, 214—215).

Аб выразнасці светапогляднай пазіцыі М. Багдано-віча-даследчыка пераканальна сведчыць той факт, што самабытнасць нацыянальнай культуры справядліва разглядаецца ім у сувязі з фактычным правам кожнага народа на самастойнае развіццё. «Белорусская культура отнюдь не является простым вариантом культуры великорусской. Наоборот, в их лице перед нами находятся два самостоятельных культурных комплекса, с самого же начала росших и развивавшихся независимо друг от друга» (2, 215). Даследчык гаворыць аб тым, што беларуская і руская культуры адрозніваюцца паміж сабою і ў сэнсе бытавых першаасноў, і паводле знешніх уплываў і ўздзеянняў. У пацвярджэнне гэтай думкі аўтар артыкула спасылаўся на «аўтарытэтных сведчанні праф. Я. Х. Карскага», які лічыў, што ўжо ў канцы XIII ст. «белорусская народность выступает сформировавшейся в своих основных чертах, опередив в этом отношении народность великорусскую, которая, таким образом, не могла влиять на процесс возникновения ее» (2, 215). Вось як абгрунтоўваецца Багдано-вічам тэзіс аб самастойным развіцці беларускай народнасці: «Отсутствие экономических скреп между ними, географические условия, изолировавшие Белоруссию от северо-восточных земель — все это оставляло еще меньше места для какого-либо взаимодействия. Наконец, в том же XIII веке подошли они к государственному распутию, что еще резче обособило их: Белоруссия целиком оказалась в границах Великого княжества Литовского, а великорусские области сгруппировались вокруг Москвы. С этого времени жизнь обоих данных народов, равно как и исторические судьбы их, надолго утрачивает всякую общность» (2, 215—216).

На працягу доўгага часу сцвярджэнні накшталт таго, што беларуская і руская культуры раслі і развіваліся «независимо друг от друга», а тым болей вывад: «Все это... выдвигало Белоруссию на одно из первых

мест среди культурного славянства, ставя ее далеко впереди Московщины — тогдашнего славянского захолустья, питавшегося, как чужеродное растение, духовными соками Белой Руси» (2, 218), выкликали рашучую нязгуду афіцыйных ідэолагаў, кваліфікаваліся як памылковыя. Вызначальным тут была боязь прынізіць ролю рускага народа і яго культуры. Інакш кажучы, прычыны такога ўспрымання вывадаў даследчыка ляжалі ў сферы палітычнай, ідэалагічнай, а не навуковай. Абаронцы аўтарытэту рускай культуры не разумелі таго, што гаворка тут ішла пра зусім пэўны гістарычны перыяд, і ніхто не збіраўся інтэрпаліраваць вывады аўтара «Белорусского возрождения» на ўсю гісторыю ўзаемаадносін Расіі і Беларусі. Тым болей нелагічна падазраваць у прыхільнасці да ізаляцыянізму М. Багдановіча, аднаго з найболей паслядоўных прапагандыстаў рускай культуры. У сваіх поглядах беларускі даследчык зыходзіў з тых фактаў, якія былі на ўзбраенні вучоных яго часу. А тое, што ён надаваў вялікае значэнне эканамічным, культурным ўзаемасувязям паміж народамі і не прымаў ізаляцыянісцкіх тэндэнцый, бачна са зместу ўсіх яго артыкулаў, у тым ліку і «Белорусского возрождения». Факт збліжэння «белорусской национальности» з Заходняй Еўропай, «с которой она издавна вела оживленные сношения благодаря связям как географическим, так и экономическим» (2, 217), М. Багдановіч расцэньвае станоўча, бо да выпрацоўкі беларускай нацыянальнай культуры побач з традыцыйнай вёскай далучыўся гандлёвы горад еўрапейскага тыпу. А гэта мела пазітыўныя вынікі. Беларускія землі ў культурных адносінах сталі «передовым форпостом Западной Европы на востоке... Неудивительно поэтому, что в эпоху Возрождения общий умственный подъем, начавшийся на Западе, отразился и в Белоруссии. Ключом забила тут жизнь, шла, причудливо переплетаясь, горячая религиозная, национальная и классовая

борьба, организовывались братства, бывшие оплотом белорусской народности, закладывались типографии, учреждались школы с неожиданно широкой по тому времени программой (в некоторых преподавалось пять языков), возникали высшие учебные заведения...» (2, 217).

Багдановіча-даследчыка ў аднолькавай ступені цікавілі прычыны і росквіту, і духоўнага заняпаду грамадства, што адпаведна адбівалася і на ўзроўні тагачаснага пісьменства. Адною з прычын летаргіі беларускага нацыянальнага жыцця было тое, што Літоўская дзяржава, звязаная уніяй з Польшчай, страціла ў значнай ступені сваю самастойнасць, прывеліваюныя класы дэнацыяналізаваліся. «Лишенный классов, крепких экономически и культурно, придавленный крепостной зависимостью, белорусский народ не только не мог продолжать развитие своей культуры, но не был в состоянии даже просто сберечь уже добытое раньше. Лишь основные, первоначальные элементы культуры (вроде языка, обычаев и т. п.) удержал он за собою, а все остальное... было ассимилировано, вобрано в себе польской культурой и с тех пор фигурирует под польской этикеткой, будучи по существу белорусским» (2, 219).

У сістэме разважанняў М. Багдановіча, як бачым, не толькі па-ранейшаму актыўна прысутнічаюць грамадска-палітычныя фактары, але і з'явіліся тэрмін «клас», паняцці «класавая барацьба», «эканамічная самастойнасць», «прыгонніцкая залежнасць» як моманты, якія таксама ўплываюць на духоўнае развіццё грамадства. Тое, што Багдановіч-даследчык паспяхова выкарыстоўваў складаныя сацыялагічныя паняцці ў працэсе аналізу, сведчыла аб інтэнсіўнай эвалюцыі яго светапогляду.

Устаноўка на высвятленне прычынна-выніковых сувязей паміж літаратурай і грамадскімі падзеямі

мэтанакіравана праводзілася М. Багдановічам і ў працэсе аналізу новай беларускай літаратуры. Але даследчык не паўтараў сам сябе, а ішоў далей, уводзіў у сферу сваіх назіранняў новыя з'явы, народжаныя часам. А разам з новымі грамадскімі з'явамі ўтвараліся і новыя паняцці. Так, у артыкуле «За сто лет», дакладнай, у невялічкім фрагменце з «нарысу гісторыі беларускай пісьменнасці», М. Багдановіч звярнуўся да разгляду новага беларускага Адраджэння, якое прыпадае на пачатак XIX ст., і, шукаючы вытокі культурна-грамадскіх зрухаў, справядліва ўказаў на тую выключную ролю, якую адыграла Вялікая Французская рэвалюцыя 1789—1794 гг. у абуджэнні грамадска-палітычнага, духоўнага жыцця Еўропы, а ўслед за тым і Расіі. Рэха рэвалюцыйных падзей аказалася даволі моцным, адчувальным. «Нязлічанымі, нявідзімымі пуцінамі прасачываўся яе дух у тагачаснае жыццё, усюды спараджаючы і гуртуючы інтэлігенцыю» (2, 113). Нават у тых народаў, духоўная дзейнасць якіх была цалкам прыдушана, пачалася актыўная праца па нацыянальным адраджэнні. Што датычыць непасрэдна Беларусі, дык погляд аўтара «〈Нарыса гісторыі беларускай пісьменнасці〉» даволі аб'ектыўны. М. Багдановіч прытрымліваўся строга гістарычных поглядаў на мінулае, не паляпшаючы і не пагаршаючы яго. Ён з горыччу гаварыў пра «надзвычайную слабасць інтэлігенцыі» і «поўную неразвітасць яе беларускіх нацыянальных пачуванняў», вынікам чаго было запаволенае, недасаткова інтэнсіўнае адраджэнне беларускай пісьменнасці пачатку XIX ст. «Патроху паміж нашай шляхты пачалі варушыцца новыя думкі, нараджаліся новыя паняцці, з'яўлялася ўвага да простага народа, народа беларускага» (2, 113). Тое, што менавіта «просты народ» стаў разглядацца як галоўны аб'ект увагі з боку нацыянальнай інтэлігенцыі, — прынцыпова важны момант усёй гісторыка-літаратурнай канцэпцыі М. Баг-

дановіча, сведчанне яе дэмакратычнай і гуманістычнай сутнасці.

Трэба гаварыць аб сапраўднай навуковасці гэтай канцэпцыі, улічыўшы заўвагу, якую зрабіў М. Багдановіч, характарызуючы інтэлігенцыю як «людзей, нясушчых сваю свядомасць на карысць простага народа **нават і проці ўласнага інтарэсу**» (тут і далей выдзелена мной.— М. М.) (2, 113). «Прці ўласнага інтарэсу» — гэта адзін з тэзісаў, які ўносіць істотныя карэктывы ў разуменне заканамернасцей развіцця літаратуры. Калі інтэлігенцыя належала да прывеліяванага сацыяльнага саслоўя, дык як яна магла абараняць інтарэсы простага люду, а тым болей ствараць праўдзівую літаратуру аб жыцці і працы гэтага ж народа? Менавіта здольнасць інтэлігенцыі **ўзнямацца вышэй уласных класавых, саслоўных інтарэсаў** і з'явілася адной з прычын таго, што створаная ёй літаратура, паасобныя творы былі блізкія, зразумелыя народу.

У сваіх ацэнках беларускай літаратуры пачатку XIX ст. М. Багдановіч не паграшыў супраць гістарычнай праўды, не перабольшыў рэальных заслуг тых, перш за ўсё польскіх пісьменнікаў, вучоных-археолагаў, гісторыкаў, этнографікаў, якія шчыра ставіліся да справы адраджэння беларускай пісьменнасці. Ён з удзячнасцю гаворыць пра ўсіх прыхільнікаў беларускага народа. Сярод тых, чые заслугі перад Беларуссю высока ацэньваюцца М. Багдановічам, у нарысе прыгаданы Чачот і Зянькевіч, Рыпінскі, браты Тышкевічы, Кіркор, Нарбут, Ярашэвіч, Даніловіч, Ліндэ, Чарноўская, Шыдлоўскі, Фалютынскі, Мухлінскі і г. д. «На старніцах журналаў пачалі з'яўляцца беларускія казкі і песні, у апавяданнях з краёвага жыцця ўвесь час спатыкаліся беларускія выразы, іншы раз гутаркі дзе-якіх асоб пераказваліся нават цаліком па-беларуску, а адсюль ужо недалёка і да чыста беларускіх твораў» (2, 115).

Вядома, як аб'ектыўны гісторык літаратуры М. Багдановіч не мог усе гэтыя творы без агаворака аднесці да

ўласна беларускай нацыянальнай літаратуры, хоць і аддаваў даніну глыбокай павагі іх аўтарам. Не мог не толькі таму, што напісаны яны пераважна на польскай мове. Не менш істотным фактарам у аргументацыі даследчыка была ідэалагічная скіраванасць твораў, адпаведнасць іх зместу карэнным сацыяльным і нацыянальным інтарэсам беларускага народа. Тут М. Багдановіч зрабіў значны для свайго часу крок у навуковым абгрунтаванні **прынцыпаў народнасці літаратуры**. Польскамоўныя творы з асобнымі беларускімі выразамі, мясцовымі ўкрапінамі «не маглі мець колькі-небудзь паважнага значэння, бо караніліся не ў шырокіх грамадзянскіх патрэбнасцях, а ў прыхільным душэўным настроі гуртка асоб, зрослыхся з польскай ці іншы раз расійскай культурай, да народа ж гэтыя творы бадай што не даходзілі за-для гэтага аўтары іх марыць не маглі аб праўдзівым здавальненні духоўных патрэб чытачоў ці аб развіцці беларускай культуры» (2, 115). Такім чынам, М. Багдановіч прыйшоў да выразна акрэсленай і значнай у тэарэтыка-метадалагічным плане высновы, паводле якой літаратура можа вырастаць толькі з шырокіх грамадскіх патрэб і паспяхова развівацца толькі ў нацыянальных формах, толькі на сваёй нацыянальнай мове. Даследчык не адмаўляе ролі суб'ектыўнага фактару, суб'ектыўных памкненняў пэўных сацыяльных груп, але вызначальную ролю ўсё ж прызнае за грамадскімі, сацыяльнымі фактарамі. Мастацкі твор, калі яго змест увасоблены не ў нацыянальнай моўнай форме, не можа прэтэндаваць на «праўдзівае здавальненне духоўных патрэб чытачоў», а аўтары такіх твораў не могуць лічыць сябе стваральнікамі нацыянальнай культуры.

Сваё далейшае абгрунтаванне ідэя народнасці атрымала ў артыкуле «(Новый период в истории белорусской литературы)». Разам з тым большую акрэсленасць набылі тут і погляды М. Багдановіча на аб'ектыўныя заканамернасці станаўлення прыгожага пісьменства. Зыходным

момантам пры вызначэнні новага перыяду гісторыі беларускай літаратуры даследчык абраў такую значную падзею ў грамадска-палітычным жыцці Расіі, як **рэвалюцыя 1905 года**, якая зрабіла «глыбокі пераворот в психике народных масс». Рэвалюцыйны рух паставіў перад грамадствам шэраг новых актуальных пытанняў. «Создалось горячее стремление разобраться в событиях, раздвинуть поле своего зрения, а следовательно, создался громадный спрос на идеологические ценности. В это время белорусское печатное слово сделалось настоящей необходимостью и быстро получило небывалый размах» (2, 121). Як бачым, М. Багдановіч паслядоўна праводзіць думку аб прадвызначальнай ролі аб'ектыўных грамадскіх фактараў на развіццё літаратуры, на якаснае яе ўзбагачэнне. Новы этап беларускага прыгожага пісьменства народжаны самім жыццём, паступальным рухам гісторыі.

Асабліва важны ў сістэме разважанняў даследчыка вывад аб тым, што рэвалюцыйная сітуацыя стварыла «дотоле невиданное явление» — **новы тып інтэлігенцыі, інтэлігенцыі народнай**. М. Багдановіч, безумоўна, бачыў наяўнасць у Заходнім краі культурнага класа. Але клас гэты толькі сутыкнуўся з народам, а вось тыя прадстаўнікі інтэлігенцыі, якія згрупаваліся вакол газеты «Наша ніва», «выросли в народе, от народа не оторвались, им известны народные нужды и народные язвы, близка психика народа; они знают народ, и народ знает их,— знает и верит им» (2, 123). М. Багдановіч выказаў бясспрэчную ўпэўненасць у тым, што нацыянальна-культурны рух на Беларусі, адчуўшы — дзякуючы рэвалюцыі — надзейную глебу, мае багатую перспектыву. У гэтай патрыятычнай, асветнакультурнай працы менавіта мастацкай літаратуры павінна належыць значнае месца.

Многае зроблена М. Багдановічам і ў галіне літаратурнай крытыкі. Яго пярэ належаць шмат артыкулаў, нататак, рэцэнзій, творчых партрэтаў. Прычым аб'ектам

рэцэнзавання былі не толькі мастацкія творы, але і кнігі на гістарычныя, сацыяльна-палітычныя тэмы, даследаванні па фальклору, этнаграфіі, музыцы. Не абмінаў сваёй увагай М. Багдановіч і краязнаўчыя выданні, даведнікі, адрасаваныя экскурсантам, зборнікі архіўных і эпістальных матэрыялаў, кнігі па бібліяграфіі. Выхад Багдановіча-крытыка за межы ўласна мастацкай літаратуры тлумачыўся не толькі традыцыяй рускага дарэвалюцыйнага друку, у якім шырокае, аператыўнае асвятленне атрымлівала культурная «прадукцыя», але і этычнымі пастулатамі культурна-гістарычнай школы. Школа актыўна прапагандавала ўсе роды і віды, жанры і формы слоўнай творчасці, усё, што несла канкрэтныя веды і задавальняла духоўныя, інтэлектуальныя запатрабаванні чалавека. Культурна-гістарычная школа аддавала перавагу тым ведам, якія атрыманы вопытным шляхам. Адсюль зразумела, чаму так высока цаніліся дакументальныя жанры, даведачны, статыстычны матэрыялы, архіўныя звесткі. І той жа «Путеводитель по Галиции и ее курортам», заснаваны на дакладных дадзеных, меў пэўнае пазнавальнае, грамадска карыснае значэнне, як і «Музыкальный словарь» Ю. Энгеля ці іншыя навукова-папулярныя кнігі. Багдановіч-рэцэнзент глядзеў на падобныя выданні як на з'яву культурна-асветнага характару. Дабіваючыся таго, каб адрасаваныя шырокаму чытачу кнігі былі змястоўныя, Багдановіч адначасова звяртаў увагу і на форму падачы матэрыялаў. Вось адзін з найболей тыповых фрагментаў, узятых з водгуку на кнігу М. М. Нікольскага «Древний Вавилон» (1913). Яе каштоўнасць крытыку бачылася ва ўдалым спалучэнні глыбокага зместу і папулярнасці выкладання. І далей: «Все это изложено хорошим языком, при почти полном отсутствии иностранных слов, что делает книгу доступной для всякого рядового читателя. Много помогут ему и прекрасно подобранные рисунки; исполнены они, впрочем, довольно посредственно. Общая внешность книги хороша» (2, 387).

На архіўныя матэрыялы, на перапіску канкрэтных асоб М. Багдановіч глядзіць як на вельмі аўтарытэтныя крыніцы вывучэння эпохі, бытавога асяроддзя, умоў жыцця і працы М. А. Някрасава, А. П. Чэхава. Сярод «дзелавых» лістоў, змешчаных у зборніку «Архив села Карабихи», «наибольший интерес представляют те, которые имеют какое-либо отношение к издававшимся Некрасовым журналам, напр. письма Салтыкова и в особенности Л. Н. Толстого. В этих последних освещены первоначальные шаги Льва Николаевича на литературном поприще, изложен интереснейший план издания военного органа, задуманного Толстым, есть оценки тогдашней журналистики и т. д.

Заслуживают внимания и материалы, помещенные в конце книги и дающие сведения об издательской деятельности Некрасова и о ходе болезни, сведшей его в могилу» (2, 433).

На жаль, крытычныя нататкі і рэцэнзіі М. Багдановіча на кнігі навукова-папулярнага жанру і да апошняга часу ўсё ж недаацэньваюцца беларускімі літаратурназнаўцамі, зыходзячы, пэўна, з тых меркаванняў, што тут пераважае не літаратурны матэрыял. Калі ж мы возьмем пад увагу сувязь Багдановіча-крытыка з традыцыямі культурна-гістарычнай школы, дык падобная аргументацыя адпадзе сама сабою. Апрача таго, і ў водгуках на гістарычныя ці сацыяльна-палітычныя працы выразна праявілася шматграннасць таленту Багдановіча, шырыня і разнастайнасць яго творчых інтарэсаў.

Што ж датычыць недастатковай увагі з боку даследчыкаў да рэцэнзій Багдановіча, прысвечаных рускай літаратуры, дык вытлумачэнне гэтай з'явы трэба шукаць у нераспрацаванасці праблемы беларуска-рускіх сувязей у галіне літаратурнай крытыкі. Рэцэнзіі, водгукі М. Багдановіча на выданні мастацкай спадчыны К. Рылеева, Я. Баратынскага, А. Адоеўскага, Д. Веневіцінава, на творы С. Дрожжына, В. Брусава — гэта цікавая старонка гісторыі творчых сувязей дзвюх літаратур.

У дадзеным томе чытач знойдзе шэраг літаратурна-крытычных матэрыялаў, якія перадрукоўваюцца з газеты «Голос» за 1914—1916 гг. і якія фактычна яшчэ невядомыя шырокай грамадскасці. Паводле жанравай прыналежнасці — гэта ў асноўным рэцэнзіі і водгукі на рускамоўныя выданні. Каштоўнасць новых матэрыялаў у тым, што яны ўносяць даволі змястоўныя штрыхі ў творчы партрэт Багдановіча-крытыка, пашыраюць ранейшыя ўяўленні аб накірунку і абсягах яго прафесійных інтарэсаў.

Так, у рэцэнзіі на першы нумар «Ежemesячнаго журнала» за 1914 г. М. Багдановіч характарызуе «рост народнай інтэлігенцыі, отлагающейся в недрах крестьянства и рабочего класса» як адну з найболей усцешных з'яў тагачаснага грамадскага жыцця Расіі. Прыгаданы часопіс якраз і закліканы быў забяспечваць духоўныя запатрабаванні новага пласта рускай інтэлігенцыі. Рэцэнзент з задавальненнем гаворыць пра багацце літаратурнага матэрыяла на старонках новага выдання, ухваляе шырыню творчай арыентацыі часопіса, дзе на роўных супрацоўнічаюць прадстаўнікі «рэалістычнага» кірунку (сярод аўтараў «к сожалению, отсутствует Короленко») і прыхільнікі «мадэрнізма», «художественная ценность творчества которых наименее оспорима» (гл. с. 341). Водзгукі цікавы шмат у якіх адносінах. Ён дае нагляднае ўяўленне і аб удасканалванні прафесійнага майстэрства Багдановіча-крытыка, які мог у лаканічнай форме даць змястоўную ацэнку складаных літаратурна-мастацкіх з'яў, і аб эвалюцыі яго светапогляду, эстэтычных густаў і сімпатый. Прыхільнае стаўленне рэцэнзента да пісьменнікаў «мадэрнісцкай» арыентацыі яскрава пацвярджае справядлівасць сказанага. Шматзначна гучыць і заўвага наконт В. Г. Караленкі. Напэўна, М. Багдановіч усведамляў маштаб таленту выдатнага мастака-гуманіста, яго ролю ў тагачаснай складанай літаратурна-грамадскай і палітычнай сітуацыі, бо адсутнасць імя пісьменніка сярод супрацоўнікаў часопіса ўспрымалася як з'ява непажаданая.

Гадавы агляд часопіса «Украинская жизнь» (1915, № 1—12) цікавы тым, што М. Багдановіч вельмі пэўна выяўляе тут сваю падтрымку «национальной украинской точки зрения», якая праводзілася рэдакцыяй. Вартасць апублікаваных матэрыялаў — «цельность и строгая выдержанность своей национальной позиции, осведомленность в фактическом материале, корректность по отношению к идейным противникам» (гл. с. 394—395). Найболей высока ацэнены аўтарам агляду публіцыстычны адзел часопіса, а сярод канкрэтных матэрыялаў — артыкулы С. Пятлюры і М. Грушэўскага. Імёны прыгаданых тут і некаторых іншых дзеячаў украінскага нацыянальнага руху і ўкраінскіх пісьменнікаў (У. Віннічэнка) да апошняга часу, як вядома, у станоўчым плане не называліся, а творы іх былі забаронены. Вось чаму меркаванні і ацэнкі М. Багдановіча ўяўляюць бяспрэчную цікавасць для беларускіх і ўкраінскіх гісторыкаў літаратуры. Так, рэцэнзуючы Збор твораў У. Віннічэнкі ў 8 тамах у перакладзе на рускую мову, М. Багдановіч імкнецца вызначыць ідэйна-мастацкую дамінанту, індывідуальную непаўторнасць, асаблівасці стылёвай манеры пісьменніка. Віннічэнка схільны ставіць значныя сацыяльныя і этычныя праблемы, не згладжваючы іх вастрыні. Ён «поўны любові да новага жыцця», і ягоная любоў аплоднена сацыяльным пачуццём. Віннічэнка — не рэзанёр, а мастак, які аддае перавагу пластычнаму, шматфарбнаму ўзнаўленню жыцця. Тэматычныя абсягі яго творчасці шырокія — «он рисует революционеров, тюремную жизнь, побег, эмиграцию, изображает украинское крестьянство, украинскую интеллигенцию» (гл. с. 407). І ўсюды праяўляецца буйны пісьменніцкі тэмперамент.

Сярод іншых літаратурна-крытычных матэрыялаў прыцягвае ўвагу і водгук на вершаваны раман «Елена Деева» Любові Сталіцы. Ацэнка гэтага твора М. Багдановічам рэзка крытычная: яму ўласціва кампазіцыйная нязладжанасць, фабула неразвітая, слаба распрацаваны

характары герояў. Каштоўнасць рэцэнзій, аднак, у тым, што яе аўтар прадэманстраваў гнуткі, дыялектычны падыход да мастацкай з'явы, паглядзеў на творчасць пісьменніка ў развіцці, убачыўшы тое новае, што з'явілася ў працэсе пошукаў. Так, калі папярэднія вершы Л. Сталіцы рабілі ўражанне чагосьці штучнага, выпакутаванага, дык «Елена Деева» — крок наперад: тут з'явілася жывапіснасць, шматфарбнасць. «Она влюблена в краску и цвет и умеет находить для воспроизведения их нужные слова» (гл. с. 403). А яшчэ паэтэса пачала паспяхова выкарыстоўваць багатыя, свежыя асанансы, якіх руская паэзія яшчэ не бачыла. Станоўчым момантам творчых пошукаў аўтаркі рамана з'явілася выкарыстанне «словеснага параллелизма», запазычанага з вуснай народнай творчасці. А гэты факт уяўляўся асабліва каштоўным крытыку.

Аблічча Багдановіча як беларускага крытыка найбольш поўна выявілася ў артыкулах, прысвечаных сучаснай яму беларускай літаратуры, такіх, напрыклад, як «Глыбы і слаі», «За тры гады» і інш. Зварот да жывога літаратурнага працэсу спрыяў таму, што Багдановіч болей рашуча пераадольваў абмежаванасць культурна-гістарычнай школы. Празмерна жорсткая арыентацыя на метадалогію гэтай школы якраз і перашкодзіла Багдановічу адразу ж даць аб'ектыўную ацэнку ранняй творчасці Я. Купалы. Крытык хоць і гаворыць пра моц «жыццёвых сокаў», «смеласць, жыццёвую сілу» Купалы, але такая характарыстыка не пацвярджаецца аналізам. Багдановіч толькі называе адзінкавыя дасканалыя вершы паэта. Затое крытычныя закіды ў адрас аўтара «Жалейкі» даюцца шырока, разгорнута. Багдановіча не задавальняла пераймальнасць і невысокі мастацкі ўзровень ранніх купалаўскіх твораў, іх тэматычная аднастайнасць: «напісаны пад «Бурачка», залішне расцягненыя, слаба апрацаваныя з боку формы і мовы, яны ўвесь час перапявалі некалькі адных і тых жа тэм» (2, 96). Ды і глыбокая думка ў вершах Купалы быццам бы з'яўлялася рэдка.

З'яўлялася яна, зараз жа і знікала. Інакш кажучы, адзінкавыя ўдачы паэта толькі падкрэслівалі «агульную слабасць вершаў» (2, 96).

На такім жа ўзроўні, як і раннія творы, лічыў Багдановіч, напісана і паэма «Адвечная песня», «гэтая пацэрка з невялічкіх гутарак-вершаў», якая «зусім збіваецца на «Жалейку». Да таго ж, «найслабейшым бокам паэмы» быў «грубы сімвалізм, прыпамінаючы дзе-якія кепскія месцы з твораў расійскага пісьменніка Л. Андрэева» (2, 97). На «Адвечнай песні» паэт хоць і не затрымаўся, але «вершаў цаліком добрых з боку формы ў Купалы і цяпер яшчэ не шмат, да таго ж і змест іх не адзначаецца асаблівай глыбінёй і надзвычайнасцю, складаючыся з старых грамадзянскіх і горкаўскіх матываў ды з водгукаў так званага «мадэрнізму» (2, 97). Але ж гаворка тут ішла пра зборнікі «Жалейка» і «Гусляр», якія сталі нацыянальнай класікай, гонарам нацыянальнай культуры! І раптам — такая стрыманасць у ацэнках іх эстэтычнага ўзроўню, мастацкай дасканаласці.

Чаму ж крытыку здаліся «нядбалымі» радкі «Спалі вас, песні, дым(?) чырвоны(?)», «Гарыста яна» (Беларусь.— М. М.), «Барабаніў плуг»? Чаму ў вершах «За годам год», «Гусляр», «Знямога» ім убачылася сэнсавая невыразнасць, цьмянасць, нейкае «барматанне цёмнага загавору», уяўная глыбакадумнасць? Ды таму, што як крытык у сваіх патрабаваннях ён якраз зыходзіў з эстэтычных норм культурна-гістарычнай школы. А яна аддавала перавагу рэалістычным формам узнаўлення жыцця, стрымана ставілася да суб'ектыўнага пачатку. Умоўнасць, гіпербалізацыя — усё гэта лічылася чымсьці штучным, надуманым, далёкім ад сапраўднага мастацтва. У адпаведнасці з такім аднабаковым, вузкім разуменнем сутнасці літаратуры «дым» і сапраўды не мог быць «чырвоным», а тым болей не мог «паліць», Беларусь не ўспрымалася гарыстай, а плуг не павінен быў барабаніць, бо ралля мяккая. Як бачым, метафарычная вобразнасць,

умоўныя формы адлюстравання не прымаліся ў разлік.

Вершы са зборнікаў «Жалейка», а тым болей з «Гусляра» — гэта паэзія суб'ектыўнага ладу, лірыка суб'ектыўнага настрою, індывідуальна-непаўторны, адметны вобраз аб'ектыўнага свету. І таму яны, вершы, здаваліся крытыку аднастайнымі, у чымсьці падобнымі. У іх было мала выхаду да аб'ектыўнага, да канкрэтных з'яў жыцця. Цікавасць жа да мастацкага твора ў прадстаўнікоў культурна-гістарычнай школы грунтавалася на тым, як поўна, як усебакова, вычарпальна выяўлялася ў творы псіхалогія грамадства.

Адсюль зразумела, чаму філасофска-заглыбленая, метафарычна-ўскладненая лірыка таксама расцэньвалася як неперспектыўная, няплённая.

А вось тыя творы, дзе панавала стыхія жыццёпадобнага рэалізму, траплялі ў лік бяспрэчных дасягненняў. Яскравы прыклад — разгляд творчасці паэта-селяніна С. Д. Дрожжына. М. Багдановіч даволі высока ацэньвае С. Дрожжына менавіта за тое, што ў сваіх вершах ён аддаваў перавагу рэалістычным малюнкам, праўдзіва ўзнаўляючы паўсядзённае, звычайнае, простае жыццё, жаданні працоўнага селяніна. Яны, жаданні, вельмі натуральныя, зразумелыя: гэта пачуццё задаволенасці ад добра зробленай справы, ад своечасова сабранага ўраджая, радасць вяртання дадому, дзе гаспадара чакае клапатлівая жонка, якая ўмее стварыць утульнасць у сялянскай хаце:

...Хозяйка с ведром,

Обутая в лапти, в посконном кафтане

И в красном платке, с загорелым лицом,

К колодцу лошадку поить выбегает.

Хозяин ее из сохи выпрягает,

Неспешно и весело в избу идет.

За печкой сверчок свою песню стрекочет,

А старая мать у стола уж хлопочет,

И в чашке горячие щи подает (2, 136).

Упэўненасць гаспадара, пазбаўленага, па ўсяму відаць, страху перад заўтрашнім днём, добрыя, чалавечыя ўзаемаадносіны паміж членамі сям'і, згода і ціхамірнасць — як гэта адрознівалася ад тых змрочных, прасякнутых атмасферай трагізму малюнкаў у паэме «Адвечная песня». На пытанне Восені, як жывецца Мужыку, апошні адказвае:

«Восень, ясная пані,
Глянь! я лгачь не хачу —
Да паўзімкі не стане,
Як лічу, не лічу.
Няма штосьці ўмалоту,
Ды і што малаціць?
Копкі дзве акалоту,
Грэчкі з возік ляжыць.
З копку яркі, ячменю,
Трохі сена, аўса...
Вось і хлеб, і насенне,
І за труд плата ўся.»¹

Вось такой безнадзейнасцю і безвыходнасцю, вядома, не павявала ад вершаў С. Дрожжына. У чым жа Багдановіч-крытык бачыў сутнасць мастацкіх прынцыпаў Дрожжына-паэта і як ён фармуляваў іх? Аказваецца, мастацкая вартасць «Песен старога пахаря» ў тым, што аўтар іх «описывал только то, что видел», што ён «умел смотреть своими глазами, всегда на всем протяжении своей литературной деятельности он был прост, искренен и душевен» (2, 138). Падобнымі сцвярджэннямі Багдановіч збядняў магчымасці мастацтва, атаясамліваў яго з натуралістычным капіраваннем аб'екта. Тут недаацэньваецца творчая фантазія, паэтычная інтуіцыя і мастацкае азаэрэнне.

Багдановіч перабольшваў ідэйна-мастацкі ўзровень паэзіі С. Дрожжына, бо творам апошняга, напісаным

¹ Купала Я. Зб. тв.: У 7 т. 1975. Т. 6. С. 27—28.

шчыра, пранікнёна, усё ж бракавала высокага сацыяльнага пафасу, аналітыкі.

Як і юбілейная памятка «С. Д. Дрожжин», невялічкі артыкул «Одинокій», прысвечаны 100-годдзю з дня нараджэння М. Лермантава, таксама вельмі паказальны ў сэнсе выяўлення ўплыву культурна-гістарычнай школы на метадалогію М. Багдановіча. Непрыманне школай нерэалістычных форм мастацтва, у тым ліку рамантызму, адмоўна адбівалася на непасрэднай практыцы вучоных, паколькі перашкаджала ім даць аб'ектыўную ацэнку творчасці пісьменнікаў-рамантыкаў. Вось і пад пяром Багдановіча Лермантаў выглядае хоць і таленавітым паэтам, але надта ўжо вузкім, застыглым, аднастайным, пазбаўленым творчага руху. Паводле сцвярджэння Багдановіча, «всю жизнь мысли и чувства Лермонтова вращались в одном и том же узком круге, закреплялись на бумаге в одних и тех же словах. Это однообразие указывает на соответственное ему однообразие внутренней жизни, а оно порождается душевным одиночеством» (2, 159).

Цалкам прыняць выкладзены погляд на творчую спадчыну выдатнага паэта-рамантыка немагчыма, бо тут фактычна не ўлічваецца ні прырода яго таленту, ні характар светаўспрымання. Творы лірыка-суб'ектыўнага тыпу вымяраліся меркамі эпічных, рэалістычных жанраў. А гэта — метадалагічна непрымальны падыход.

М. Багдановіч, безумоўна, адчуваў пэўную супярэчлівасць уласных ацэнак, іх неадпаведнасць тыпу таленту таго ці іншага пісьменніка. Адчуваў і рабіў захады, каб зменшыць, нейтралізаваць гэтую супярэчлівасць або зусім пераадолець яе. Найболей эфектыўным сродкам такой нейтралізацыі аказаўся аналіз формы твора.

Акцэнт на паэтычную вобразнасць, на элементы формы як бы вяртаў літаратуры яе адпрыродныя якасці, нагадваў пра тое, што мастацкі твор — не механічны злепак з натуры і не сацыялагічны трактат, у якім ўзнята тая ці іншая

актуальная праблема, а вынік духоўнай дзейнасці творцы, ідэальная рэальнасць, створаная па законах гармоніі, па законах прыгожага, і гэтыя законы трэба адкрываць у працэсе даследавання. Эстэтычным аналізам твора, разглядам вобразна-выяўленчых, кампазіцыйных сродкаў, з дапамогай якіх пісьменніцкая задума набывала адпаведную форму вобразнага ўвасаблення, М. Багдановіч нейтралізаваў слабыя бакі метадалогіі культурна-гістарычнай школы, закладваў навуковыя асновы беларускага літаратуразнаўства і крытыкі.

Параўнанне артыкулаў «Глыбы і слаі» і «За тры гады», надрукаваных адпаведна ў 1911 і 1913 гг., дае магчымасць убачыць, у якім кірунку ішло гэтае пераадольванне. У 1913 г. крытык ужо не лічыў магчымым і патрэбным гаворыць пра «розныя недахваты», слабасці новых твораў Купалы. Тут няма разважанняў ні пра перапевы адных і тых жа тэм, ні пра «бязвыхаднасць і безнадзейнасць», якія «цяжкім каменем кладуцца на душу чытача», хоць у новым зборніку «Шляхам жыцця» Купала працягваў свае ранейшыя, часоў «Жалейкі» і «Гусляра», скразныя тэмы — тэму Бацькаўшчыны, народа і інтэлігенцыі, бяспраўнай долі селяніна, барацьбы за свабоду і нацыянальную незалежнасць, тэму служэння мастака Радзіме. Аднак М. Багдановіч не гаворыць тут пра самапаўтарэнне Купалы-паэта. Не стаў крытык вышукваць і такія творы, у якіх Купала спрабаваў бы «туману сваёй думкі прыдаць від асаблівай глыбіні», хоць зноў жа многія вершы зборніка «Шляхам жыцця» вельмі блізкія сваім зместам, скажам, вершам «Знямога», «За годам год», «Гусляр», скрытыкаваным у «Глыбах і сляях». Не закрануў тут М. Багдановіч і пытанні пра «грубы сімвалізм» і водгукі так званага «мадэрнізму». А між тым размовы на прыганданыя тэмы можна было чакаць, прынамсі, драма «Сон на кургане» давала на тое падставу, бо тут дастаткова і сімваліка-алегарычнай вобразнасці, і паэтычнай суб'ектыўнасці.

Ранейшага зместу крытычных закідаў у новым артыкуле М. Багдановіча няма, таму што да ацэнкі твораў ён падыходзіў з іншымі крытэрыямі. Ён браў з метадалагічнага арсенала культурна-гістарычнай школы тое, што адпавядала прыродзе літаратуры, што давала магчымасць разглядаць яе як мастацтва. «З радасцю,— пісаў ён,— бачым, што талент Купалы развіваецца, з'яўляюцца новыя мэты (відаць, тэмы.— М. М.), новыя спосабы творчасці, новыя формы і вобразы. Не толькі нядоля нашай вёскі ды нацыянальныя справы Беларускай цікавяць яго. Ужо і краса прыроды і краса кахання знайшлі сабе месца ў яго творах. Там-сям прабіваецца жывы гумар. Ёсць колькі санетаў (праўда, не зусім бездаганных), баек, вершаў нахштальт народнай песні; ёсць пробы скарыстаць з народных сімвалаў і т. д. Галоўнае ж тое, што ўсё гэта ў многіх вершах Купалы зроблена надзвычай пекна, з праўдзівым уменнем ды з вялікім пад'ёмам пачуцця» (2, 128—129).

У гэтай тэзісна выкладзенай характарыстыцы на першым плане — ацэнка Купалы як выдатнага паэта, узровень майстэрства, фармальна дасканаласць яго твораў. Фактычна тут накрэслена праграма, кірунак вывучэння мастацкай спадчыны Купалы.

Эвалюцыя поглядаў Багдановіча-крытыка выявілася і ў пашырэнні сферы яго даследчых інтарэсаў. Так, у аглядзе літаратуры за 1910 г. зусім не прыгадваецца імя Коласа-празаіка, хоць да таго часу на старонках «Нашай нівы» пабачылі ўжо свет каля дваццаці ягоных празаічных твораў, сярод якіх выдатныя ўзоры беларускай навелістыкі — «Бунт», «Выбар старшыні», «Андрэй-выбаршчык», «Жывая вада» і інш. Свае сімпатыі крытык аддаў тут Ядвігіну Ш. як беларускаму белетрысту «с определенно скристаллизовавшейся индивидуальностью». У артыкуле 1913 г. гэты прабел выпраўлены. Празаічным творам Я. Коласа тут даецца высокая ацэнка. Адзначана сэнсавая змястоўнасць і артыстызм Коласавых апавяданняў,

уменне пісьменніка перадаць паўнату і шматфарбнасць рэчаіснасці: «Да таго ж Т. Гушча ўмее і пажартаваць, і пасумаваць, і раздумацца, і чытача на думу навясці, што яшчэ болі надае вартасць яго твораў...» (2, 132).

У 1910 г. Багдановіч ухваляў творчую манеру Ядвігіна Ш. як пісьменніка-байкапісца, які «не толькі живописует, он искренне нечто доказывает своими образами и при этом всегда имеет готовый вывод, он не просто творит, но решает ту или иную житейскую задачу, предварительно заглянув в заранее данный опытом ответ» (2, 126). У літаратурным аглядзе за 1911—1913 гг. многія з ранейшых характарыстык апушчаны, у прыватнасці тыя з іх, дзе элементы маралізатарства, ілюстрацыйнасці расцэньваліся фактычна як з'явы дадатныя. Сэнс скарачэнняў і паправак зразумелы: у адпаведнасці з аб'ектыўным станам рэчаў М. Багдановіч зменшыў агульналітаратурнае значэнне Ядвігіна Ш., звязіў маштаб яго таленту. Галоўную ўвагу ён скіраваў на аналіз жанравых асаблівасцей твораў менавіта як твораў алегарычных і гумарыстычных, г. зн. дзейнасць Ядвігіна Ш. звязваецца з развіццём **толькі пэўнай жанравай формы ў беларускай літаратуры — байкі**. І заслуга Ядвігіна Ш. бачыцца крытыку ў тым, што ён здолеў удыхнуць новае жыццё ў баечную форму: «Ведама, што байка скрозь даўно ўжо падупадае, але ў яго творах яна ізноў закрасавала свежым кветам». Лепшыя гумарыстычныя творы Ядвігіна Ш. можна паставіць побач з аналагічнымі па змесце «казкамі» «Шчадрына і Горкага або Леманьскага» (2, 131).

Інакш кажучы, пісьменнік, які ў ранейшых артыкулах Багдановіча вызначаў аблічча ўсёй **нацыянальнай літаратуры**, зараз характарызуецца як таленавіты прадстаўнік **пэўнага жанравага кірунку**. І сэнс падобнай пераакцэнтаўкі не толькі ў тым, што Багдановіч паглядзеў на фігуру Ядвігіна Ш. у супастаўленні з іншымі праявікамі, напрыклад з Я. Коласам, і ўнёс адпаведныя папраўкі. Галоўнае, мяняліся погляды Багдановіча-крытыка, удасканаль-

валася яго метадалогія. Уласцівая культурна-гістарычнай школе недаацэнка эстэтычнай прыроды мастацтва і адпаведна недаацэнка пісьменнікаў арыгінальнага паэтычнага мыслення, перабольшванне ролі твораў маралізатарскага, павучальна-дыдактычнага характару паступова пераадольваліся Багдановічам-крытыкам. Гэта пераадоленне і было жывым, рэальным працэсам станаўлення беларускай нацыянальнай крытыкі.

Той метадалагічны ўзровень, якога М. Багдановіч дасягнуў у літаратурным аглядзе «За тры гады», быў замацаваны і ўзбагачаны артыкуламі «Краса и сила: Опыт исследования стиха Т. Г. Шевченко», «Памяти Т. Г. Шевченко», «Забутый шлях», «В. Самийленко», «Грицько Чупринка». Даследаванні пра ўкраінскіх пісьменнікаў у плане метадалогіі значна бліжэй да артыкулаў, тэматычна звязаных з беларускай літаратурай, чым да рэцэнзій на творы рускіх аўтараў, што тлумачыцца далейшай эвалюцыяй светапогляду крытыка. Як вядома, «украінскія» артыкулы напісаны ім у апошні перыяд творчай дзейнасці. Тут арганічна спалучыліся метады сацыялагічнага і эстэтычнага аналізу. Дабратворны ўплыў на Багдановіча-крытыка перыяду 1913—1915 гг. аказала і нашаніўская літаратурна-крытычная думка, у прыватнасці артыкулы В. Ластоўскага, А. Навіны. Публічныя выступленні апошніх Багдановіч не мог не прымаць пад увагу, не мог не ўносіць папраўкі і ўдакладненні ў свае ўласныя ацэнкі. Аўтар «Красы и силы», «Забывага шляху» паглыбляў прынцыповыя палажэнні, выказаныя ў літаратурнай дыскусіі 1913 г.

Метадалагічная каштоўнасць артыкулаў пра Шаўчэнку ў тым, што да мастацкай спадчыны выдатнага песняра М. Багдановіч падышоў сістэмна, як да цэласнай з’явы і разгледзеў яе ў найболей тыповых праявах. Услед за вядомымі рускімі і ўкраінскімі вучонымі беларускі крытык дамінантай творчасці Шаўчэнкі, яе сутнасцю і пафасам лічыў народнасць. Ён прыводзіць выказ-

ванне праф. М. І. Кастамарава, які так ахарактарызаваў паэзію ўкраінскага Казара: «Шевченко как поэт — это был сам народ, продолжавший свое поэтическое творчество» (2, 151).

Паказальна, што Багдановіч палічыў патрэбным дапоўніць дадзеную характарыстыку заўвагамі акадэміка Ф. Я. Корша, паводле якіх Шаўчэнка — не толькі народны, але і нацыянальны паэт. Ад сябе асабіста беларускі крытык заўважае: «Таким образом, Шевченко в украинской литературе является не тем, чем был Кольцов в русской или Бёрнс — в английской. Нет, охват его поэзии много шире и ставит его на то место, которое в России, например, занимает Пушкин, а в Польше — Мицкевич» (2, 152). Гэтымі аналогіямі крытык уносіў карэктывы і ў паняцце «народнасць». Але і дадзенае ўдакладненне здалося Багдановічу недастаткова вычарпальным, і ён дапоўніў, паглыбіў яго не менш істотнай заўвагай наконт агульначалавечага зместу творчасці Шаўчэнка, увасобленай «в глубоко национальные формы».

Як бачым, Багдановіч не толькі выразна ахарактарызаваў творчасць Шаўчэнка ў асноўных яе рысах і асаблівасцях, але і даў метадалагічны ключ даследавання. Галоўным пры вызначэнні месца і ролі мастака слова было тое, у якіх суадносінах знаходзіцца яго творчасць з народным жыццём, як глыбока ўвасоблены там нацыянальны пачатак і агульначалавечы змест.

Дадзеная трыяда пры яе паслядоўным практычным увасабленні выводзіла літаратурную крытыку і літаратуразнаўства на перспектыўны шлях: па-першае, тут ўлічвалася эстэтычная прырода літаратуры, гуманістычная скіраванасць мастацтва слова, паколькі чалавеказнаўчы змест разглядаўся як абавязковы кампанент творчасці, па-другое, даследчык прапаноўваў сістэмны падыход да вынікаў духоўнай дзейнасці народа ў асобе яго таленавітых прадстаўнікоў, бо ацэньваўся асобны твор ці спадчына цалкам паводле важнейшых паказчыкаў (народ-

насьць, нацыянальны пафас, агульначалавечы змест), узятых ва ўзаемасувязі. А дасягнуць гэтага можна было пры ўмове, калі даследчык заглыбляўся ў нацыянальную спецыфіку літаратуры, раскрываў яе своеасабліваць і непаўторнасьць.

Канкрэтызацыя намечаных Багдановічам тэзісаў і склала асноўны змест артыкула «Памяти Т. Г. Шевченко». Тут творчасць украінскага песняра паўстае як адметная, цэласная мастацкая з'ява, «особый поэтический мир, внутренне целостный и внешне четко оформленный» (2, 153). Як бачым, у тэрміналогіі даследчыка пераважаюць не сацыялагічныя, а эстэтычныя паняцці: «особый поэтический мир», «внешне четко оформленный» і г. д.

Менавіта ў канкрэтным аналізе знайшла сваё пацвярджэнне думка Багдановіча пра здзіўляючую маштабнасьць таленту Шаўчэнкі як вялікага народнага паэта, які ўздымаўся да агульначалавечых ідэалаў праз спасціжэнне нацыянальнага пачатку, праз нацыянальныя формы.

Артыкул «Краса и сила» таксама ўяўляе сабой смелую, наватарскую спробу М. Багдановіча аналітычным шляхам праверыць некаторыя з тых прынцыпова важных палажэнняў, якія ўжо выказваліся даследчыкамі і прапагандыстамі творчасці Шаўчэнкі. У прыватнасці, гэта датычыць думкі пра глыбокую народнасьць паэзіі Кабзара, яго арганічную блізкасьць да народнага светаадчування. На жаль, зазначае М. Багдановіч, сцвярджэнні вучоных, зробленыя «на глазомер», так і засталіся навукова не пацверджанымі. «Произведения Шевченко оценивались со всевозможных точек зрения, изучались путем самых разнообразных методов, и лишь метод эстетический всегда находился в тени» (2, 140).

Метад эстэтычнага аналізу і быў пакладзены Багдановічам у аснову даследавання спадчыны Шаўчэнкі. Ім грунтоўна разгледжана паэтыка, асабліваьці структуры, рытмічныя і метрычныя асабліваьці Шаўчэнкавага верша,

вытлумачана, чаму пясняр аддаваў перавагу жаночым рыфмам і ў «Кабзару» ахвотна карыстаўся асанансамі, якія некаторыя чытачы ўспрымалі як няўдалыя рыфмы. Такое меркаванне не адпавядала сапраўднасці: «...в употреблении ассонансов точно так же, как и в вопросах метра, Шевченко... ярко проявил и глубокую народность своей поэтической природы и исключительную художественную чуткость» (2, 146).

Такім чынам, пад пяром Багдановіча эстэтычны аналіз пэўнай мастацкай з'явы становіўся строга навуковым метадам, а паасобная даследчая праца — канкрэтным увасабленнем духу навуковага літаратуразнаўства. Нездарма Багдановіч пры вывучэнні своеасаблівасці верша выкарыстоўваў нават элементы статыстычнага падліку, каб надаць сваім вывадам пераканаўчасць, пазбавіць іх суб'ектывізму, густаўшчыны. «Для возникновения научной критики необходимо, чтобы все эти... факты были подобраны, систематизированы... и... точные подсчеты. Опираясь на такие неоспоримые цифровые данные, критики бы имели возможность делать выводы» (2, 459).

Аб тым, што М. Багдановіч не зводзіў сутнасць эстэтычнага ў творы да фармальных момантаў, а ацэньваў твор у адзінстве яго мастацкіх вартасцей і сацыяльнага значэння, сведчыць артыкул «Грицько Чупринка». Беларускі крытык высока ацаніў рэдкі, своеасаблівы тып таленту вядомага ўкраінскага лірыка, рухаючай сілай у творах якога быў рытм. «Бесспорно, талант примечательный,— не расхожего образца, а служащий сам себе образцом,— талант автономный, не имеющий литературной родословной,— талант выразительный, от которого бледнеют дарования сродных поэтов,— талант энергичный, сильно действующий, всеми своими средствами бьющий в одну точку и потому бьющий с силой исключительной» (гл. с. 320).

Багдановіч прыводзіць шэраг красамоўных прыкладаў у пацвярджэнне свайго вываду. І тым не меней ён лічыць,

што талент Чупрынкi — «узкий и несложный», аднабаковы, бо ў творах яго паўтараюцца адны і тыя ж выяўленчыя сродкі і прыёмы, у аснове якіх — рытм. І не толькі чытач, але і сам паэт аказаўся заложнікам рытмічных сіл, якія павялі за сабой аўтара. У выніку Чупрынка вымушаны ўвесь час ахвяраваць зместам дзеля паўнагучнага, прыгожага слова, дзеля «красивого метра, удачной цезуры». Зусім лагічна, што Г. Чупрынка супрацьпаставіў «идею социальности идею личной автономности» (гл. с. 327). Пазбаўленая ж глыбокага зместу, сацыяльнай напоўненасці, паэзія нежыццёвая, а чалавечая асоба па-за грамадствам пазбаўлена магчымасці духоўнага развіцця.

У дадатак да ўсяго вершам Г. Чупрынкi бракуе інтуітыўнага элементу, затое чыста разумовага, лагічнага, ды яшчэ і запазычанага ў гатовым выглядзе, там аж замнога. Чупрынка не імкнецца адкрыць свет неспазнанага, ён увесь час штосьці растлумачвае, даказвае, пераконвае, фармулюе лозунгі і дэвізы, інакш кажучы, паэт ператвараецца ў публіцыста.

Вядома, Багдановіч не закрэсліваў творчасць Чупрынкi, ён быў упэўнены, што яго талент будзе развівацца ў новым кірунку.

Як бачым, артыкул «Грицько Чупрынка» — адна з найболей змястоўных, праблемных прац усёй спадчыны Багдановіча. Гэта вяршыня метадалагічных пошукаў беларускага крытыка, тут яскрава выяўлена гарманічнасць яго поглядаў на мастацтва, літаратуру, глыбокае разуменне іх родавай сутнасці і грамадскага прызначэння.

Кожная чарговая праца даследчыка не паўтарала ранейшую, а ўносіла штосьці адметнае. Нават у жанравых адносінах яна заўжды была пазначана пячаткай пошуку, замацоўвала новую форму даследавання. Так, калі жанравая прыналежнасць артыкула «Краса и сила» вызначалася як «очерк», дык артыкул «В. Самийленко» меў назву «литературный портрет». Гэта і сапраўды глыбокі

зместам, па-майстэрску выпісаны партрэт, у якім не толькі дадзена цэласнае ўяўленне пра творчасць аднаго з арыгінальных, самабытных украінскіх паэтаў, раскрыта яго ідэйная эвалюцыя, вызначаны асноўныя этапы творчага развіцця, дамінуючыя матывы і тэмы, асаблівасці індывідуальнай манеры і г. д. Адначасова тут быў закрунуты і шэраг тэарэтыка-метадалагічных пытанняў, такіх, напрыклад, як тыпы творчасці, асноўныя задачы крытыкі, аб'ектыўны і суб'ектыўны сэнс паняцця «змест мастацкага твора».

Па сутнасці ж артыкул «В. Самійленко» — глыбокі, паслядоўны па выкладанні думак тэарэтыка-метадалагічны трактат, своеасаблівая праграма, якую Багдановіч накрэсліваў перад беларускай літаратурнай крытыкай. Яе асноўная задача — «отыскание... точки зрения», якая б аб'ядноўвала ў адзінае цэлае (і, адпаведна, вытлумачвала б) паасобныя кампаненты, з якіх складаецца творчае «я» пісьменніка. Зрабіць гэта крытыцы «не всегда удается, но тем не менее именно в этом направлении должны быть направлены ее усилия» (2, 184).

Цяжкасці, з якімі сутыкаецца крытык у пошуках дамінанты, што вызначае творчае «я» пісьменніка, тлумачацца не толькі складанасцямі творчага працэсу, але і звужанасцю традыцыйных падыходаў да вывучэння пісьменніцкай асобы, калі даследчык абмяжоўваецца эмпірычным матэрыялам, канстатацыяй фактаў. Багдановіч абраў іншы шлях — шырокай філасофскай інтэрпрэтацыі прыроды творчасці, устанаўлення тыпаў светапогляду. Абапіраючыся на тэарэтычную канцэпцыю Морыца Лацары, які лічыў, што акрамя светапоглядаў, заснаваных на думцы, існуюць яшчэ два светапогляды, дакладней, два «міроотношения», заснаваныя на пачуцці, — рамантычны і гумарыстычны, Багдановіч аднёс У. Самійленку да другога тыпу. З пункту гледжання гэтай тыпалогіі разгледзеў творчасць Самійленкі менавіта як пэўнае ўнутранае адзінства, як з'яву цэласную. Гумарыстычнае

«мироотношение» нельга зводзіць да ўласна гумарыстыкі, яно штосьці большае, усеабдымнае. Гаворка ідзе хутчэй аб прынцыпах пісьменніцкага бачання сацыяльнай рэчаіснасці, аб яго адносінах да чалавека, грамадства, аб разуменні задач і мэт мастацтва. І хоць М. Багдановіч, як і ў ранейшых сваіх працах, аддаваў перавагу рэалістычнаму тыпу творчасці перад рамантычным, само разуменне рэалізму зараз становіцца багацейшым, пазбаўленым вузкасці.

Галоўным жа ў артыкуле аказаўся аналіз зместу твораў Самійленкі. Катэгорыя «змест» разгледжана крытыкам не толькі ў бытавым, але і ў навуковым, тэарэтычным плане. У суб'ектыўным сэнсе змест, паводле Багдановіча,— гэта ўражанне, якое пакідае твор, а ў аб'ектыўным — сукупнасць элементаў, якія робяць ўражанне. Зводзіць жа тэрмін «змест» выключна да ідэалагічных элементаў, тым болей да тэмы, Багдановіч адмаўляецца. Тут крытык, як бачым, зноў вядзе спрэчку з метадалогіяй культурна-гістарычнай школы, якая схільна была атаясамліваць змест і тэму і цаніла перш за ўсё ідэалагічную скіраванасць, а не эстэтычную вартасць твора.

Але сапраўднага апагею спрэчка Багдановіча дасягае там, дзе ён звяртаецца да трактоўкі чалавека ў паэзіі Самійленкі. «К людям, к человечеству никогда не уставала возвращаться мысль Самийленко, вернее — она от них почти не отрывалась. Это — предмет его постоянных дум. Однако люди не заслонили от него человека. Напротив, он живет интересами человеческой личности, именно они являются для него мерилom ценности социального уклада, и урезать их во славу какого-либо идола или идеала он не покусился ни разу» (2, 192). Такім чынам, у артыкуле «В. Самийленко» Багдановіч-крытык прыйшоў да сур'ёзных філасофскіх, тэарэтыка-метадалагічных вывадаў, зрабіўшы акцэнт на разуменні гуманізму як асновы мастацтва. Чалавечая асоба — «мерило ценности

соціального укладу», вишэйшая каштоўнасць. Не існуе такіх грамадскіх інстытуцый ці ідэалаў, дзеля дасягнення якіх можна б было ахвяраваць чалавекам.

Аднак чалавек, яго асабістыя інтарэсы і памкненні не супрацьпастаўлены грамадству, чалавек не ставіцца Багдановічам над соцыумам, не ізлюецца ад грамадства. «Но чтобы углубить свою жизнь, чтобы наполнить ее достойным содержанием, необходимо выйти из круга узколичных стремлений, проникнуться интересами более широкого охвата — интересами общественными» (2, 192). Такім чынам, чалавек сам павінен узяцца да разумення свайго высокага прызначэння, свядома стаць грамадскім чалавекам. Можна, Самійленка і не даў багата значных і арыгінальных твораў, дзе б гучала тэма абароны «уніженых і угнетенных, поставленных на нижнюю ступеньку общественной лестницы», затое тэма «судьбы украинской нации» вырашалася ім найболей паспяхова. «Это — один из тех мотивов, которые в таком виде и с такой силой никогда не звучали в литературах народов мировых, не знавших национального угнетения. И это — мотив, разработка которого является со стороны национальностей, урезанных в праве на существование, большим вкладом в сокровищницу общечеловеческой культуры» (2, 192).

Вось на якую актуальную грамадска-палітычную і культурна-нацыянальную праблему выходзіў Багдановіч у артыкуле «В. Самійленко». Хоць і разглядаецца тут творчасць украінскага пісьменніка, але фактычна мелася на ўвазе і беларуская літаратура, яе мэты і задачы.

Значнае месца ў артыкуле «В. Самійленко» займае пытанне літаратурных уплываў і іх ролі ў фарміраванні творчай індывідуальнасці пісьменніка. М. Багдановіч прызнае рэальнае ўздзеянне на У. Самійленку «великорусской», з аднаго боку, і «древнегреческой и романских литератур», з другога, але ў той жа час ім выказваецца перасцярога супраць магчымага спрашчэння такой складанай з'явы. Ён адзначае, што трэба заўжды ўлічваць

апасродкаваны характар уздзеяння літаратурнай традыцыі.

Праблема літаратурных уплываў востра цікавіла М. Багдановіча, бо менавіта ў гэты час ён працаваў над артыкулам «Забыты шлях» (1915), у цэнтры якога — роздум аб развіцці нацыянальнай паэзіі, лёсе беларускай народнай культуры, яе будучыні. Да «Забытага шляху» ўжо не адно дзесяцігоддзе звяртаюцца даследчыкі творчасці аўтара «Вянка» і вершаў народна-песеннага ладу, а яны, дарэчы, друкаваліся разам з артыкулам у 1918 г. на старонках газеты «Вольная Беларусь» і закліканы былі наглядна прадэманстраваць рэальнае аблічча праўдзівай беларускай паэзіі, якую Багдановіч пачаў распрацоўваць, паводле ўласнага прызнання, «каля году назад» і якую тут абараняў. «Беларускіх вершаў у нас яшчэ не было — былі толькі вершы, пісанья беларускай мовай» (2, 168) — вось зыходны момант канцэпцыі Багдановіча. Беларускія паэты, лічыць ён, каб наталіць духоўную смагу роднага народа і ўнесці свой уклад у скарбонку сусветнага мастацтва, павінны былі стварыць высокамастацкія ўзоры паэзіі беларускага складу, а фактычна — заняцца «развіццём беларускай народнай культуры» (2, 168). Гэта можа было зрабіць або жыўцом беручы з народных песняў яе лепшыя ўзоры, або шляхам творчай вучобы ў народа. Першы шлях — голага пераймання — не прывядзе да жаданай мэты. Але і другім шляхам можна ісці па-рознаму: падрабляючыся пад народнае ці спасцігаючы дух народнай творчасці. Менавіта творчае стаўленне да таго, што створана народам «праз сотні год», абараняе тут М. Багдановіч, хоць, як гаворыць ён, на пачатку працы, «пакуль мы робім першыя крокі, трэба нам трымацца народнай песні, як сляпы трымаецца плота, трэба стаць бліжэй да першага з абодвух спосабаў творчасці» (2, 170). І толькі праз некаторы час, калі будзе назапашаны пэўны вопыт, паэты абяруць другі шлях, шлях стварэння самабытнага, нацыяналь-

на непаўторнага мастацтва, якое і стане ўкладам у «скарбіцу светавой культуры». Зразумела, тут павінен быць улічаны і той вопыт, які ўжо маюць іншыя літаратуры.

У артыкуле «Забыты шлях» М. Багдановіч гаворыць пра «паўтарыцельны курс еўрапейскіх пісьменніцкіх напрамкаў апошняга веку» (2, 167), які прайшла беларуская літаратура, адбіўшы ў сябе сентыменталізм, рамантызм, рэалізм і натуралізм, мадэрнізм. Гэтыя выказванні даўно ўведзены ў шырокі навуковы ўжытак, але на іх варта зірнуць і з пункту гледжання эвалюцыі літаратуразнаўчай метадалогіі Багдановіча, які пад уздзеяннем жывога вопыту беларускай літаратуры апошніх перадрэвалюцыйных гадоў становіўся апанентам культурнагістарычнай школы. Так, калі Багдановіч загаварыў пра «паўтарыцельны курс», калі беларуская паэзія, няхай «бегла, няпоўна», але адбіла ў сваім паступальным руху сентыменталізм, рамантызм, рэалізм, натуралізм, «урэсьце мадэрнізм», дык гэта азначала, што ён узняўся да больш высокага разумення аб'ектыўных заканамернасцей развіцця літаратуры. Лагічна, што пры такім падыходзе шмат у чым страчвала свой сэнс ранейшае супрацьпастаўленне, скажам, рамантызму і рэалізму. Натуралізм і нават мадэрнізм таксама не маглі ўжо расцэньвацца (успомнім разгляд «Адвечнай песні») як менш каштоўныя ў параўнанні з рэалістычным кірункам. Усе яны мелі законнае права на існаванне і іх неабходна было вывучаць. Толькі пры такім аб'ектыўным падыходзе да мастацкіх з'яў мінулага і можна было ствараць навуковую «Гісторыю беларускай літаратуры». Даследчыя працы Багдановіча, у тым ліку і артыкул «Забыты шлях», былі не толькі паасобнымі старонкамі маючай быць «Гісторыі». Не менш істотна, што яны з'яўляліся і абгрунтаваннем яе тэарэтыка-метадалагічнай асновы, тых зыходных прынцыпаў, на якіх яна павінна была будавацца.

Павышаная ўвага даследчыкаў да нацыянальнай

своеасаблівасці літаратуры, да вуснай народнай творчасці, да фальклорных жанраў узгадавана, як мы ўжо бачылі, культурна-гістарычнай школай. Гэта яе бяспрэчная заслуга. Але і тут Багдановіч не застаўся на ўзроўні апалагетыкі прынцыповых палажэнняў школы, а пайшоў далей. Сапраўды, прадстаўнікі школы звычайна ўстрымліваліся ад шырокіх тэарэтычных абагульненняў, пазбягалі навуковай прагностыкі, аддаючы свае сімпатыі вывучэнню зусім канкрэтных праблем. Багдановіч жа сваім артыкулам змадэляваў шлях найболей перспектыўнага развіцця нацыянальнай літаратуры, даў яго тэарэтычнае абгрунтаванне.

МІХАСЬ МУШЫНСКІ

КАМЕНТАРЫІ

ТАЭКСТАЛАГІЧНАЯ ДАВЕДКА ДА ТОМА

У другі том Поўнага збору твораў уключаны мастацкая проза, пераклады, літаратурна-крытычныя артыкулы, рэцэнзіі, нататкі, чарнавыя накіды, якія ахопліваюць 1907—1916 гг. творчага жыцця М. Багдановіча. У параўнанні з папярэднімі двухтомнікамі (Творы М. Багдановіча. Мн.: Выд-не Інстытута беларускай культуры. 1927—1928¹ і Збор твораў. Мн.: Навука і тэхніка. 1968²) тут упершыню друкуюцца матэрыялы, выяўленыя ў 1970—1980 гг. у перыёдыцы за 1911—1916 гг. С. В. Забродскай, К. В. Піліповіч, Л. М. Мазанік, Т. Р. Строевай, А. І. Шамякінай, Н. Б. Ватацы, М. П. Пазняковым, В. І. Мікута, Т. М. Дзем'яновіч, Т. Р. Шубінай, С. А. Белай. Гэта — апавяданні «Именинница», «Колька», «Преступление», «Чудо маленького Петрика», «Экзамен», казка «Башня мира», сцэнка з натуры, эцюды «Волгари», «Около театра миниатюр», «На углу», «Около билетов», маленькія фельетоны «Ванька-встанька», «Жаль книгу», «О взятке», «Карлик и человек», «Калейдоскоп жизни», «Нумизматы», падпісаныя псеўданімамі і крыптанімамі «Эхо», «Иван Февралев», «Ив. Ф.», «Ив. Ф-лев», «Ив. Февр.», рэцэнзіі «Славянская библиотека», № 1...», «Украинская жизнь», 1915, № 1—12», «Любовь Столица. Елена Деева», «П. А. Кропоткин о войне», «Ежегодник Вологодской губернии», «Ежегодник газеты «Речь», якія аўтар падпісаў уласным іменем, і рэцэнзія «Письма Л. Н. Толстого» (у першадруку была змешчана без подпісу). Аўтарства яе ўстаноўлена С. Белай.

Аб прыналежнасці М. Багдановічу псеўданіма «Ив. Февралев» вядома з перапіскі супрацоўніка газеты «Голос» М. Р. Агурцова і А. А. Залатарова, сябра Багдановіча з Рыбінска. У лісце Агурцова ад 27/II 1916 г. зазначалася: «Максим Адамович жарит фельетоны под псевдонимом Ив. Февралев». Хоць мы і не маем дакументальнага пацвярджэння, што

¹ Далей: Творы, па неабходнасці, з указаннем года, тома і старонкі.

² Далей: Зб. твораў, з указаннем года і тома.

Багдановіч падпісваўся крыптанімамі «Ів. Ф.», «Ів. Ф-лев», «Ів. Февр.», але пераконвае ў гэтым бясспрэчны факт іх утварэння ад «Ів. Февра-лев».

У якасці асноўнага тэксту для большасці твораў, якія складаюць дадзены том, прыняты тэкст першай прыжыццёвай публікацыі твора ў перыядычным друку і зборніках: у газетах «Наша ніва», «Голос», «Заря», «Северная газета», «Нижегородский листок», часопісах «Украинская жизнь», «Жизнь для всех», «Русский экскурсant», «Ежемесячный журнал», «Музыка» і іншыя, у альманаху «Калядная пісанка», кнізе «Пушкін і яго сучасныя». Частка твораў друкуецца па тэксце Твораў, 1928, т. 2. Гэта ў тым выпадку, калі няма іх прыжыццёвых публікацый, а ў Творах яны друкаваліся па аўтографам, якія разам з архівам паэта зніклі ў часы Вялікай Айчыннай вайны. Артыкул «Краса і сіла» ўпершыню публікуецца паводле аўтографа, выяўленага В. Рагойшам у 70-х гадах. «Санет» — па фотакопіі аўтографа, змешчанага ў свой час у Творах, як ілюстрацыя аўтарскага почырку. У кожным канкрэтным выпадку крыніца асноўнага тэксту агаворваецца.

Тэкст даецца па сучаснай арфаграфіі, акрамя выпадкаў, калі ўзнаўляецца моўная асаблівасць індывідуальнага стылю пісьменніка або асаблівасць мовы Багдановічавага часу. Цэнзурныя скажэнні (купюры тэксту, звязанага з імёнамі А. Луцкевіча, В. Ластоўскага, Я. Лёсіка) выпраўлены паводле прыжыццёвых публікацый аўтара.

Тэкст, які не належыць Багдановічу (рэдактарскія загаловкі твораў, часткі недапісаных слоў, якія адноўлены па сэнсу, словы, якія адпавядаюць зместу, замест выпадкова ўстаўленых, магчыма, у час набору і ўспрымаюцца як друкарскія памылкі), заключаны ў вуглавя дужкі.

У раздзелах «Літаратурна-крытычныя артыкулы», «Нататкі і рэцэнзіі» каментуемая месцы пазначаны суцэльнай нумарацыяй у межах аднаго твора.

У томе матэрыял размешчаны ў жанрава-храналагічным парадку.

Датаванне. Аўтарская дата, як правіла, адсутнічае, за выключэннем прамога або ўскоснага сведчання ў самім тэксце твора, як, напрыклад, у артыкуле «(Новый период в истории белорусской литературы...)»: «Эти лица вынесли на своих плечах тяжесть шестилетнего издания газеты». Размова ідзе пра газету «Наша ніва», якая пачала выходзіць у 1906 г., а, значыць, артыкул умоўна датуецца 1912 г. У асноўным жа творы другога тома датуюцца годам першай публікацыі або па аналогіі. У кожным канкрэтным выпадку ўмоўная дата агаворваецца ў каментарыях.

У каментарый да кожнага артыкула ўваходзяць даведка аб крыніцы асноўнага тэксту і яе месцы захавання, даведка пра месца першай публікацыі твора, аргументацыя ўмоўнай даты. Прыводзяцца найбольш важкія з гісторыка-літаратурнага пункту гледжання ацэнкі твора. Каментуюцца рэаліі твора: цытаты, рэмінісцэнцыі, імёны гістарычных асоб, падзеі, з'явы, згаданыя ў артыкулах, і іншыя. Каб пазбегнуць паўтараў

пры каментаванні, часам робіцца спасылка на каментарый папярэдніх артыкулаў з указаннем канкрэтных пазіцый.

Анатаваны паказальнік імёнаў уключае неабходныя бібліяграфічныя даведкі пра рэальную асобу, якая згадваецца ў тэксце артыкулаў і рэцэнзій. У канцы кожнай пазіцыі пасля працяжніка даецца старонка тома, на якой размова ідзе пра тое ці іншае імя.

Асноўная частка раздзела мастацкай прозы падрыхтавана да выдання С. В. Забродскай і К. В. Піліповіч; пераклады — С. В. Забродскай; сцэнка з натуры «На углу» і «Около билетов» — Т. Р. Строевай; літаратурна-крытычныя артыкулы, казка «Башня мира», а таксама «Волгари», «Около театра миниатюр», «О взятке», «Славянская библиотека, № 1...» — Л. М. Мазанік; нататкі і рэцэнзіі, чарнавыя накіды — А. І. Шамякінай; рэцэнзія «Письма Л. Н. Толстого» — С. А. Белай. Анатаваны паказальнік імёнаў — Л. М. Мазанік і А. І. Шамякінай.

МАСТАЦКАЯ ПРОЗА

Музыка

(с. 6)

Друкуецца па газ. «Наша ніва», 1907, № 24, 6(19) ліп., дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам подпіс: Максім Б-віч.

Датуецца годам апублікавання.

У зб. «Вянок паэтычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960 падаецца тэкст апавядання ў раздзеле «Мастацкая проза». «Музыка» — першы друкаваны твор М. Багдановіча. Датуецца 1907 г. Дакладная крыніца, па якой друкуецца тэкст твора, не ўказваецца.

Несчастный случай

(с. 8)

Друкуецца па газ. «Голос», 1913, № 99, 1(14) мая і № 101, 3(16) мая з паметкай «Рассказ», дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам подпіс: М. Б.

Датуецца годам апублікавання.

С. 12. *Станция Бологое* — станцыя першага класа і вёска па Мікалаеўскай чыгунцы, у той час пачатак Рыбінска — Балагоўскай, пасярэдзіне паміж Пецярбургам і Масквой.

Колька

(с. 20)

Друкуецца па газ. «Голос», 1913, № 87, 14 (27) крас., дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам подпіс: Эхо.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

Преступление

(с. 25)

Друкуецца па газ. «Голос», 1913, № 118, 25 мая (7 чэрв.); № 136, 16 (29) чэрв.; № 140, 21 чэрв. (5 ліп.); № 152, 5 (17) ліп., дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам подпіс: Эхо.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

С. 25. *Институт благородных девиц* — сярэдняя закрытая навучальна-выхаваўчая ўстанова ў дарэвалюцыйнай Расіі для дачок дваран; адкрываліся з другой паловы XVIII ст. (першы ў 1764 г.). Праграма вывучэння прадметаў у гэтых інстытутах амаль што адпавядала праграмам жаночых гімназій; галоўнае адрозненне складала ўзмоцненае навучанне новых моваў. Лік класаў у інстытуце — сем; акрамя таго, пры інстытутах знаходзіліся класы падрыхтоўчы і так званы спецыяльны. Адміністрацыю складалі інспектар, начальніца, інспектрысы, выкладчыкі, выкладчыцы (у малодшых класах) і класныя дамы.

Почетный опекун — адначасова з заснаваннем выхаваўчых дамоў былі заснаваны і апякунскія саветы. Савет складаўся з пэўнай колькасці (спачатку шасці, потым чатырох) апекуноў ці саветнікаў апякунства і за-апекуноў. Апекуны і за-апекуны мелі аднолькавыя правы голасу. Званне апекуноў было заменена ў 1798 г. званнем ганаровых апекуноў, якія выбіраліся па найвышэйшаму меркаванню і неслі, акрамя агульнай адказнасці, яшчэ адказнасць асабістую, кожны па адной з галін адміністрацыі.

С. 27. *...недремлющий аргус* (лац. Argus) — у старажытнагрэчаскай міфалогіі шматвокі велікан-стараж; тут у сэнсе пільны вартавы.

С. 31. *Главнoуправляющий* — званне гэта ўведзена ўстанаўленнем міністэрстваў 1811 г. для асоб, якія стаяць на чале асобнай часткі дзяржаўнага кіравання, з правамі і абавязкамі міністэрстваў.

Друкуецца па газ. «Голос», 1913, № 295, 25 снеж. (7 студз.), дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам апублікавання.

У зб. «Вянок паэтычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960 падаецца беларускі тэкст апавядання ў раздзеле «Мастацкія стылізацыі». Датуецца 1913 г. Дакладная крыніца, па якой друкуецца беларускі тэкст апавядання, не ўказваецца¹.

С. 45. *Возлюбленную свою какую-нибудь Юдифью представит... — Юдзіф* — гераіня біблейскай легенды пра выратаванне народа мудрай жанчынай.

Цар вавілонскі (у Бібліі — «асірыйскі») Навухаданосар агнём і мячом падпарадкаваў усе суседнія народы, а на непакорную Іудзею паслаў намесніка Алаферна, які асадзіў крэпасць Вецілюю. Падзенне крэпасці адкрывала ворагам шлях да г. Герусаліма. Маладая ўдава Юдзіф са сваёй служанкай прыйшла ў стан ворага і заваражыла Алаферна, які запрасіў яе на пір. Ягоным жа мячом соннаму Алаферну Юдзіф адсекла галаву і вярнулася ў родны горад. На ворагаў, якія раніцай убачылі адсечаную галаву свайго правадыра, напаў жах, і яны панічна адступілі. Вобраз Юдзіфі — узор гераізму ў імя любві да сваёй радзімы.

Трубадуры — сярэднявекавыя паўднёвафранцузскія (правансальскія) спевакі, вандроўныя паэты.

...вот Петрарку с Дантом возьмите. — *Петрарка Франчэска* (1304—1374) — італьянскі паэт, заснавальнік гуманістычнай культуры Адраджэння. *Дантэ Аліг'еры* (1265—1321) — італьянскі паэт, прадвеснік Адраджэння.

С. 49. *Есть у Шекспира Офелия...* — *Шэкспір Уільям* (1564—1616) — англійскі паэт і драматург.

Афелія — дзеючая асоба трагеды У. Шэкспіра «Гамлет» (1601).

---

¹ Прыблізна ўказваюцца эміграцыйныя перыядычныя выданні «Сакавік», «Бацькаўшчына». Беларускі тэкст апавядання не быў выкарыстаны ў выданнях твораў М. Багдановіча.

Апокрыф

(с. 50)

Друкуецца па часоп. «Крывіч», 1923, № 1. Пад тэкстам зноска: «Перадрук зроблены з «Каляднай пісанкі» 1913 г. Вільня, друкарня Кухты, на якім рукой нябожчыка Максіма Багдановіча пароблены папраўкі, а на пачатку напісана: «Дарагі Вацлаве, калі здарыцца перадруковываць, то друкуйце з гэтымі папраўкамі. Максім». Папраўлены экзэмпляр перасланы быў мне ў Вільню і дагэтуль, паміма ўсіх бур, перажытых маімі архівамі, неяк здолеў ацалець паміж паперамі. В. Лас-тоўскі».

Упершыню — зб. «Калядная пісанка», 1913.

Датуецца 1913 г.

Аўтарскі пераклад «Апокрыфа» — «Притча о васильках» — апублікаваны ў «Северной газете», Яраслаўль, 1914, № 1, 2 студз. Гл. с. 490 дадзенага тома.

У «Апокрыфе» паэт выкладае сваё паэтычнае крэда — «Няма красы без спажытку, бо сама краса і ёсць той спажытак дзеля душы».

Філасофская думка «Апокрыфа» — узаемаадносіны працы і мастацтва ў людскім жыцці, іх яднанне — набліжае гэты твор паэта да апавяданняў «Музыка», «Шаман», «Апавяданне аб іконніку і залатару».

Твор напісаны ў жанры апокрыфа, г. зн. у жанры некананізаваанай царкоўнай легенды. У канцы жыцця паэт зноў вярнуўся да біблейскай тэмы. Як сведчыць Зм. Бядуля ў апавяданні-ўспаміне, у канцы 1916 г. М. Багдановіч прызнаваўся яму, што «задумаў твор на тэму біблейскага міфа. Гэту тэму навеяла мне вайна, гібель мільёнаў і мой уласны лёс». (Літ. і мастацтва, 1941, 5 сак.).

Ніжэй прыводзіцца тэкст першай публікацыі апавядання, які мае вялікую значнасць для высвятлення гісторыі тэксту твора.

Апокрыф

1. Ад Максіма Кніжніка пачатак . . . . .

2. Калі скончылася сем тысяч год са стварэння свету, Хрыстос ізноў вышоў на зямлю і хадзіў па ёй, каб споўнілася тое, аб чым казалі прарокі.

3. І хадзіў Ен па ўсяму нашаму краю: і па Міншчыне, і па Віленшчыне, і па Магілёўшчыне, і па Задзвінскай зямлі.

4. І разам з ім былі святы Пётра і святы Юры. Але ніхто з людзей не пазнаваў Яго.

5. Бо ішлі яны босымі нагамі, з непакрытымі галовамі, і былі адзеты ў белы кужаль. А не таго спадзяваліся людзі.

6. Таму ніхто не звярнуў увагі на іх, калі ў час жніва праходзілі яны між працуючых людзей.

7. Толькі музыка, катораму цяпер не было што рабіць, падышоў да іх і сказаў: сорамна мне, бо сягоння дзень працы і ўсе клапацяцца каля яе; адзін я нікчэмны чалавек.

8. І адказаў яму Ісус: не смуціся ў сэрцы сваім. Ці ж не твае песні спяваюць яны цяпер у часе жніва? Таму не схіляй нізка галавы тваёй і не хавай твар свой ад вачэй людскіх.

9. Бо няма праўды ў тым, каторы кажа, што ты — лішні на зямлі. Сапраўды кажу я табе: вось надойдзе да яго гадзіна горычы — і чым ён разважыць смутак свой, апроч песні тваёй? Таксама і ў дзень радасці ён прываець цябе.

10. І, паўчаючы яго, казаў: пад песні кладуць чалавека ў калыску і са спевамі ж апускаюць у магілу яго.

11. Штодзённымі клопатамі поўна людское жыццё. Але калі зварухнецца душа чалавека, толькі песня здолее спатоліць яе. Шануйце ж песні свае.

12. Бо спяваюць нават жабы ў багне. А ці ж не лепшымі будзеце вы ад іх?

13. Так вучыў Хрыстос. Але Пётра, пачуўшы яго словы, сказаў: Вучыцелю, у гэтай старонцы ёсць людзі, каторым няма чаго есці. Ці ж не сціснецца ад сораму сэрца гэтага чалавека, калі ён да іх, шукаючы скарынкі хлеба, прыйдзе з песняй сваёй?

14. І, адказваючы яму, сказаў Хрыстос: так, жыццё гэтых людзей цяжкое, беднае і прыгнечанае. Чаму ж ты хочаш яшчэ і красу адабраць у іх? Мала дадзена ім — няўжо ж трэба, каб было яшчэ менш?

15. І, звярнуўшыся да музыкі, спытаў яго: калі пяюць песні ў вас?

16. Музыка ж адказаў: пяюць на Каляды, на Запускі, на Вялікдзень, на Тройцу, на Яна Купалу, у Пятроўку, на зайнках і дажынках.

17. Пяюць на радзінах і хрэсьбінах, пяюць, дзіце калыхаючы, і самі дзеці пяюць, гуляючы; пяюць на ігрышчах і вечарынках, і на вяселлях, і на хаўтурах, і ў бяседзе, і ў працы, і ў маскалі йдучы, і ўва ўсякай іншай прыгодзе. Так скрозь увесь год пяюць.

18. І прамовіў Хрыстос Пятру: ты, шкадуючы долі галодных людзей, асудзіў песню, але галодныя людзі не асудзілі яе. Жыва яшчэ душа ў народзе гэтым.

19. Тады ізноў сказаў Пётра: але няхай жа ў песнях будуць думкі добрыя і паўчаючыя, каб, апроч красы, меўся ў іх і спажытак чалавеку.

20. І адказаў яму Хрыстос: няма красы без спажытку, бо сама краса і ёсць той спажытак дзеля душы.

21. І, паўчаючы іх, прамовіў: аглянiцеся навокал! Ці ж не ніва калыхаецца каля нас?

22. Цяжка працаваў ля яе гаспадар і вось бачыць, паміж збожжа ўзраслі васількі.

23. І сказаў ён у сэрцы сваім: хлеб адбіраюць у мяне гэтыя сіня

кветкі; бо поўныя вагі каласы маглі бы ўзраці на месцы васількоў.

24. Але яшчэ з маленства краса іх прыйшлася мне да душы. Таму я не вырву з каранём іх, як усякае благое зелле. Няхай растуць і радуюць, як у маленстве, сэрца маё.

25. Так казаў гаспадар у сэрцы сваім і думках сваіх. І не падняў ён рукі на васількі.

26. Я ж гавару вам: добра быць коласам; але шчасліў той, каму давялося быць васільком. Бо нашто каласы, калі няма васількоў?

27. І, кажучы так, пачуў Ён песню жнеек і прамовіў: слухайце, што кажучы словы гэтай песні. Яе складалі людзі, каторыя ведаюць, чаго варты хлеб.

28. Яны ж пачулі, што словы тэй песні кажучы: няма лепш цвяточка над васільчка. І далей ужо моўчкі ішлі яны.

29. І босыя ногі Хрыста пакідалі на цёплым і мяккім пылу дарогі сляды.

30. Але гора вам, людзі, бо даўно ўжо затапталі вы іх. Амін.

Рукапіс гэты адшукаў Максім Багдановіч.

Апокрыфы (ад грэч. апо'крыφος, таемны, скрытны) — старажытныя рэлігійныя творы, забароненыя царквой, таму што іх змест не поўнаасцю супадаў з патрабаваннямі афіцыйнага веравучэння.

У дахрысціянскую эпоху і першыя стагоддзі хрысціянства апокрыфамі называўся род літаратуры з таемным сэнсам, які быў даступны толькі для выбранага кола людзей.

Апокрыфы вызначаюцца паэтычнасцю, багаццем вымыслу, блізкай да фантастычных казак і народных легенд.

С. 50. *Ад Максіма Кніжніка пачатак...* — Па сведчанні аднаго з першых даследчыкаў творчасці М. Багдановіча І. Замоціна, «той літаратурны вобраз, — «Максім Кніжнік», — якому ён умоўна прыпісвае, як аўтару, свой «Апокрыф», вельмі добра сімвалізуе захапленне кнігамі Максіма Адамавіча. Ён, вядома, сам быў гэтым «Максімам Кніжнікам» (Творы М. Багдановіча. Мн., 1928. Т. 2. С. XXX).

Разважыць — тут — рассяець, развеяць непрыемнае пачуццё, гора.

С. 51. *Каляды* — царкоўнае хрысціянскае свята нараджэння Хрыста, якое адзначалася 25 снеж. па ст. ст. і ў наступныя дні вадохрышча. Адно з царкоўных зімовых свят.

Запускі (тое, што і загавіны) — апошні дзень перад постами, калі веруючым дазваляецца есці скаромнае.

Вялікдзень — хрысціянскае свята, прысвечанае ўваскрасенню Хрыста.

Тройца — свята хрысціянскай царквы, якое адзначаецца на пяцідзесяты дзень пасля Вялікадня; Сёмуха.

Ян Купала — *Купалле* — старажытнае народнае свята найбольшага росквіту жыватворных сіл Зямлі. Святкавалася ў перыяд летняга сонцастаяння. Пад рознымі назвамі вядомае ўсім еўрапейскім народам.

Пятроўка — пост у праваслаўных перад святам апосталаў Пятра і Паўла, якое святкуецца 12 ліп. па новаму стылю.

Зажынкi — святкаванне пачатку жніва.

Дажынкi — абрадавае свята ў дзень заканчэння жніва.

Радзіны — нараджэнне дзіцяці.

Хрэсьбіны — хрысціянскі абрад хрышчэння, а таксама пачастунак пасля хрышчэння.

У зб. «Вянок паэтычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960 падаецца тэкст «Апокрыфа» ў раздзеле «Мастацкія стылізацыі». Датуецца 1913 г. Адзначаецца, што гэты тэкст апавядання папраўлены самім М. Багдановічам.

Сон-трава

(с. 53)

Друкуецца па Творах, 1927, т. 1, дзе ўпершыню апублікавана з аўтографа. У канцы аўтографа рукою паэта пазначана: «Максим Богданович. Адрес мой: Ярославль, редакция газ. «Голос».

Датуецца прыблізна 1913—1916 гг., таму што ўдзел паэта ў газ. «Голос» вызначаецца менавіта гэтымі гадамі.

У вопісу рукапісаў М. Багдановіча, які апублікаваны ў дадзеным выданні, т. 3, значыцца, што рукапіс накіда апавядання «Сон-трава» ўяўляе сабой 8 с. памерам прыблізна 22×18 см (папка № 1).

У фабулу апавядання М. Багдановіч тонка ўвівае народныя рускія казкі ў апрацоўцы А. М. Афанасьева, якія, як сведчыць бацька паэта, «были первой книжкой для Максима»². У вольным перакладзе М. Багдановіча яны надаюць твору арыгінальную філасофскую думку.

С. 53. *Сон-трава* (*Pulsatilla*) — род шматгадовых раслін сямейства казьяльцовых. На Беларусі — сон шыракалісты, або раскрыты, ці сон-трава.

С. 54. *...смурый орел сидел на сыром дубу...* — У Творах, 1927, т. 1, у каментарыях да апавядання слова «смурый» тлумачыцца як «хмурны» (рас.: мрачный). Па нашых меркаваннях, у дадзеным выпадку М. Багдановіч ужывае слова «смурый» (арол) у сэнсе «цёмна-буры», а такую афарбоўку можа мець толькі арал-беркут, арал вельмі рэдкі, незвычайнай прыгажосці.

«А то видит ~ росу высушит». — Можна меркаваць, што ў гэтым урыўку ёсць рэмінісцэнцыі рускай народнай песні «Ах ты, поле мое, поле чистое». У песні:

² Богданович А. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича // Шлях паэта. Мн., 1975. С. 23.

«Что на кусточке на ракиловым
 Как сидит тут млад сизой орел.
 Во когтях держит черна ворона.
 Он точит кровью на сыру землю.
 Как под кустиком под ракиловым
 Что лежит убит добрый молодец,
 Избит, изранен и исколот весь.
 Что ни ласточки, ни касаточки
 Круг тепла гнезда увиваются
 Увивается тут родная матушка
 Она плачет — как река льется
 А родна сестра плачет — как ручей течет,
 Молода жена плачет — что роса падет,
 Красно солнышко взойдет — росу высушит».

... как погоды бьют... — тут — мощны дождж.

... видит мальчик дивную Феникс-птицу. — Феникс — міфалагічная казначная птушка, якая валодала здольнасцю пры набліжэнні смерці згараць, а потым зноў узнікаць з попелу.

С. 55. ...зароки клала... — звязала клятвай, закляццем.

«Полно тебе небывалицы сказывать!» — У Творах, 1927, т. 1 у каментарыях да апавядання «Сон-трава» пазначана, што Літаратурная камісія палічыла слова аўтографа «небывалицы» за памылку, глумачачы гэта тым, што яго «ў расійскай літаратурнай мове не ўжываецца». Камісія замяніла яго на «небылицы». Па нашых меркаваннях, ужыванне слова «небывалицы» М. Багдановічам не з'яўляецца памылковым і замена яго на звычайнае «небылицы» не мае пад сабой ніякіх падстаў.

У зб. «Вянок паэтычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960 падаецца беларускі тэкст апавядання «Сон-трава» ў раздзеле «Мастацкія стылізацыі». Датуецца 1913 г. Дакладная крыніца, па якой друкуецца тэкст твора, не ўказваецца.

Притча о васильках

(с. 57)

Друкуецца па «Северной газете», Яраслаўль, 1914, № 1, 2 студз., дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам подпіс: М. Б.

Датуецца годам апублікавання.

Есць фактычнае пацвярджэнне таму, што ў дадзеным выпадку «М. Б.» — гэта подпіс Максіма Багдановіча. Так, у рукапісным фондзе Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН Беларусі (фонд М. Багдановіча) захоўваецца аўтограф спіса вершаў, апавяданняў і артыкулаў М. Багдановіча, апублікаваных у рускім друку за 1912—1914 гг. У канцы спіса

подпіс: М. Багдановіч. У пункце № 11 аўтографа пазначана: «Притча о васильках». (Аўт. пер. апавядання «Апокрыф» на рус. мову.— «Северная газета», Ярославль, 1914, № 1).

Гл. каментарый да апавядання «Апокрыф».

Масленица — старажытнае перадвеснавое святкаванне ў славян. Звязана з культам прыроды, ушанаваннем продкаў, павінна была паскорыць вясну, забяспечыць дастатак і багаты ўраджай.

Русальная неделя — *русаллі* — у старажытных славян вясеннія язычніцкія святкаванні, звязаныя з культам продкаў.

Апавяданне аб іконніку і залатару...

(с. 60)

Друкуецца па газ. «Наша ніва», 1914, № 7, 13 лют., дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам подпіс: М. Б-віч.

Датуецца годам апублікавання.

У зб. «Вянок паэтычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960 падаецца тэкст апавядання ў раздзеле «Мастацкія стылізацыі». Датуецца 1914 г.

С. 60. ...*ў дзень святой Харыціны*... — Святая Харыціна — прападобная, нарадзілася ў Літве, прыналежала да княжацкага роду. Затым перасялілася ў Расію і прыняла манаства ў Петрапаўлаўскім дзясвочым манастыры пад Ноўгарадам і памерла ў 1281 г. у сане ігуменні гэтага манастыра. Мошчы Харыціны ляжаць пад спудам у Ноўгарадзе, у царкве Пятра і Паўла, якая была ператворана ў 1764 г. у кладбішчанскую царкву з былога жаночага Петрапаўлаўскага манастыра. Харыціна шануецца мясцова. А дзень памяці Харыціны — святой мучаніцы — 5 кастрычніка.

...*за карцом, поўным мёду, ушчэрць сядзей*. — Тут у сэнсе кубак да краёў наліты.

С. 61. *Роза Сальватор* (1615—1673) — італьянскі жывапісец і афартыст. Быў таксама музыкантам, пісьменнікам, акцёрам, ставіў уласныя п'есы. Аўтар вядомых палотнаў «Саул у Эндорскай чараўніцы», «Бітва», «Дэмакрыт і Пратагор».

С. 62. *Вялікае княства Літоўскае* — феадальная дзяржава на тэрыторыі Літвы, Беларусі (у XIII—XVIII стст.), Украіны (да 1569 г.) і часткі Расіі (да 30-х гадоў XVI ст.). З 1569 г. у складзе Рэчы Паспалітай. Паводле афіцыйных дакументаў, яе поўная назва з XV ст. Вялікае княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае. Сталіца — Вільня. У XIII ст. рэзідэнцыяй вялікіх князёў літоўскіх адзін час быў Наваградак (Ноўгарадак, Новагародак, Навагрудак).

Ікона з Острабрамскай маткі боскай — згодна з легендай, абраз маляваўся з Барбары Радзівіл, жонкі польскага караля Жыгімонта Аўгуста. Зараз знаходзіцца ў капліцы пры царкве на вуліцы Острабрамскай.

С. 63. *Саламон* — цар Ізраільска-Іудзейскага царства (каля 960—935 да н. э.). Сын Давіда. Правёў адміністрацыйныя рэформы, дабіваўся цэнтралізацыі рэлігійнага культу. Згодна з біблейскай традыцыяй, славіўся незвычайнай мудрасцю; паводле падання, Саламон — аўтар некаторых кніг Бібліі.

Цыцэро (Цыцэрон) Марк Тулій (106—43 да н. э.) — старажытнарымскі дзяржаўны дзеяч, прамоўца, пісьменнік, філосаф.

Арыстоцель (384—322 да н. э.) — старажытнагрэчаскі філосаф і вучоны-энцыклапедыст.

Шаман

(с. 64)

Друкуецца па газ. «Наша ніва», 1914, № 26, 3 ліп., дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам подпіс: Максім Багдановіч.

Датуецца годам апублікавання.

Апавяданне «Шаман» напісана пад уражаннем ад падарожжа па Волзе.

Заслугоўвае ўвагі думка Аркадзя Бараховіча (г. Горкі) аб тым, што прататыпам спадарожніка ў апавяданні з'яўляецца Я. М. Свядлоў (гл. газ. «Літ. і мастацтва», 1988, № 18, 29 крас.).

У «Нашай ніве» былі зроблены зноскі: «Бакен—вялікі памаляваны паплавок, пастаўлены на вадзе, каб адзначаць глыбіню; ноччу на ім запальваюць агонь» і «шаман» — «чараўнік».

У зб. «Вянок паэтычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960 падаецца тэкст апавядання ў раздзеле «Мастацкія стылізацыі». Датуюецца 1914 г.

С. 66. *Нарымскі край* — у Расійскай імперыі назва паўночнай часткі Томскага павета па абодвух берагах Абі (да 1822 г.— Нарымская акруга, затым Тагаурскае аддзяленне). Лясіста-балоцістая мясцовасць з суровым кліматам. У Нарымскім краі знаходзілася Нарымская ссылка, у царскай Расіі месца палітычнай ссылкі (там знаходзіўся таксама Я. М. Свядлоў).

С. 69. «*Іліяда*» і «*Адысея*» — старажытнагрэчаскія эпічныя паэмы, якія прыпісваюцца Гамеру, помнікі сусветнага значэння (9—8 і 8—7 вв. да н. э.).

«*Адраджэнне*» (Рэнесанс) — эпоха станаўлення раннебуржуазнай культуры ў Заходняй і Цэнтральнай Еўропе XIV — XVI стст.

Адвечны Кон — г. зн. Рок.

Страшное

(с. 71)

Друкуецца па Творах, 1927, т. 1, дзе ўпершыню апублікавана з аўтографа.

Датуецца прыблізна другой паловай 1914 — 1916 гг.

У аўтографе жанр твора азначаны як мініяцюра, але можна меркаваць, што мініяцюра «Страшное» была першапачаткова задумана паэтам як апавяданне аб першай сусветнай вайне. Пацвярджэннем гэтай думкі можна лічыць тое, што ў вопісе рукапісаў М. Багдановіча (гл. дадзенае выданне, т. 3) пазначана, што сярод рукапісных урыўкаў (большай часткаю нечытальных) захаваўся і рукапіс (1 с.) няскончанага апавядання пра «Страшное».

У зб. «Вянок паэтычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960 падаецца беларускі тэкст мініяцюры «Страшное» ў раздзеле «Газетная белетрыстыка». Датуецца 1915—1916 гг. Дакладная крыніца, па якой друкуецца тэкст твора, не ўказваецца.

Именинница

(с. 72)

Друкуецца па «Северной газете», 1914, № 232, 21 верас., дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам подпіс: Эхо.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

Апавяданне прысвечана падзеям першай сусветнай вайны (уступленне Расіі ў першую сусветную вайну 19 ліп. (1 жн.) 1914 г.).

С. 73. ...начал наигрывать «Марсельезу». — «Марсельеза» — французская рэвалюцыйная песня, дзяржаўны гімн Францыі. Словы і музыка (1792) К. Ж. Ружэ дэ Ліля. Спачатку называлася «Боевой песней Рейнской армии», затым «Песней марсельцев», або «Марсельзой». У Расіі атрымала распаўсюджанне «Рабочая марсельеза» (мелодыя «Марсельезы» і тэкст П. Л. Лаўрова, які быў апублікаваны ў газ. «Вперед» за 1 ліп. 1875 г.).

Марына

(с. 75)

Друкуецца па Творах, 1927, т. 1, дзе ўпершыню апублікавана з аўтографа.

Пад тэкстам аўтографа рукою М. Багдановіча пастаўлена дата: 1914 г.

У зб. «Вянок паэтычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960

падаецца тэкст апавядання ў раздзеле «Белетрыстычныя фрагменты».

Датуецца 1914 г.

Апавяданне аўтабіяграфічнае.

С. 75. *Георгіеўскі праспект* — названы ў гонар святога велікамучаніка і перамаганосца Георгія, які, згодна з казаннямі Метафраста, паходзіў са знатнага кападакійскага роду, займаў высокае становішча ў войску. Калі пачалося ганенне на хрысціян, ён злажыў з сябе ваенны сан і стаў прапаведнікам хрысціянства, за што быў абезгалоўлены. Шанаванне мучаніка распаўсюдзілася скрозь. Тут знаходзіцца царква імя святога Георгія. Зараз праспект Гедыміна.

Бернардынскі сад — названы ў гонар бернардзінцаў. Бернардзінцы — у Польшчы, Літве і на Беларусі — манахі каталіцкага ордэна, які адгалінаваўся ад францысканцаў і меў больш строгі статут. Назву атрымалі ад імя рэфарматара францысканцаў Бернардзіна Сіенскага (1380—1444), у гонар якога названы першы ў Польшчы манастыр бернардзінцаў у Кракаве (1453). Зараз Маладзёжны сад.

С. 77. *«Вы чулі, Ганна Рафаілаўна выходзіць замуж за Яна? Шлюб прызначаны на заўтра»*. — Ганна Рафаілаўна Какуева сапраўды выйшла замуж за Івана Лілеева.

Чудо маленькага Петрыка

(с. 79)

Друкуецца па газ. «Голос», Яраслаўль, 1915, № 67, 22 сак. (4 крас.), дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам подпіс: Эхо.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

С. 86. *Риза* — металічны аклад на абразе, які пакаідае адкрытымі толькі твар і рукі абраза.

Экзамен

(с. 90)

Друкуецца па газ. «Голос», Яраслаўль, 1915, № 215, 25 студз., дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам подпіс: Ів. Февралев.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

Прыналежнасць псеўданіма «Ів. Февралев» М. Багдановічу даказаў М. П. Пазнякоў³. Ён выявіў у Цэнтральным Дзяржаўным архіве

³ Невядомыя раней публікацыі твораў М. Багдановіча «Экзамен», «Карлик и человек», «Нумизматы» былі выяўлены М. П. Пазняковым у яраслаўскай газ. «Голос» у 1984 г.

літаратуры і мастацтва (Масква; фонд № 218, адз. зах. 112) ліст супрацоўніка газеты «Голос», сябра М. Багдановіча М. Агурцова да А. Залатарова, карэспандэнта газеты, у якім М. Агурцоў паведамляў, што «Максим Адамович жарит фельетоны под псевдонимом Ив. Февралев».

Апавяданне, можна думаць, носіць аўтабіяграфічны характар — так яскрава і жыва напісаны сцэны з жыцця гімназістаў. Да ўспамінаў дзяцінства М. Багдановіч звяртаецца і ў апавяданнях «Катыш» і «Чудо маленького Петрика».

С. 90. ...*присяжный чтец*... — тут — заўсёдашні чытальнік.

С пономарской дикцией читает он «Поездку в Полесье»... — М. Багдановіч мае на ўвазе апавяданне І. Тургенева «Поездка в Полесье» (1857).

...*один читает «Гостиницу тринадцати повешенных»*... — М. Багдановіч мае на ўвазе раман у трох кнігах Генрыхы Кока.

С. 91. «*Vanitas vinitatum et omnia vanitas*». — «Суета сует и всяческая суета». У Бібліі: «Суета сует, сказал Экклесиаст, суета сует, — все суета!» (Экклесиаст, 1, 2).

«*Вкушая, вкусих мало меду и се аз умираю*»; — Адвольны пераказ тэксту з Бібліі. У Бібліі: «І расказаў яму Іонафан і сказаў: я отведал концом палки, которая в руке моей, немного меду; и вот, я должен умереть» (І Цар., 14, 44).

«*Веселися, юноша, во юности твоей*». — У Бібліі: «Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд.

И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность — суета» (Экклесиаст, 11, 9).

Дистих (грэч. distichon) — двухрадкоўе.

...*столпотворение вавилонское*. — тут — бязладдзе, мітусня.

С. 92. *Сажань* — старая адзінка меры даўжыні, роўная 3 аршынам, або 2,134 м, якая ўжывалася ў Расіі і Беларусі да ўвядзення метрычнай сістэмы мер.

...*у них в классе задана басня «Ларчик»*... — Маецца на ўвазе басня І. Крылова «Ларчик» (1807).

С. 94. ...*объявили себя ницшеанцами*... — Філасофія Ф. Ніцшэ — валюнтарызм; розуму ён супрацьпастаўляе волю. Універсальнай рухаючай сілай развіцця прызнаецца «борьба за существование», якая перарастае ў «волю к власти». Супраць навуковай тэорыі прагрэсу Ф. Ніцшэ выстаўляе міф аб «вечном возвращении всех вещей».

С. 96. *Мастодонты* — выкапнёвыя млекакормячыя. Жылі ў неагенавым перыядзе ў Еўропе, Азіі, Афрыцы і Амерыцы. Тут — у пераносным сэнсе.

Друкуецца па часоп. «Русский экскурсант», 1916, № 1—3, дзе ўпершыню апублікаваны.

Датуецца 1915 г.

Агульны загаловак «Из летних впечатлений» аб'ядноўвае тры самастойныя нарысы: «Феодосия», «Старый Крым», «Поездка в Коктебель». Падаюцца яны ў часопісе пад рубрыкай «Родиноведение», пад кожным нарысам подпіс: М. Богданович. Нарысы напісаны пад уражаннем паездкі паэта ў Стары Крым на лясчэнне. Так, бацька паэта А. Багдановіч сведчыць, што «в 1915 г. (Максім.— С. З.) ездил самостоятельно в Крым и очень удачно выбрал место для поселения в Старом Крыму: это одна из лучших климатических станций. И в письмах, и в рассказах он очень хвалил климатические условия этого места и дешевизну жизни. Даже написал статью по этому вопросу в «Русский экскурсант» П. А. Критского, которая, не знаю, напечатана или нет.

Поездка дала удзельствуючых вынікі: «он приехал бодрым и веселым»⁴.

Пад уражаннем паездкі М. Багдановіч напісаў верш «Забудется многое, Клава» (прыблізна 1915 г.).

У Творах, 1928, т. 2 «Из летних впечатлений» змешчаны ў раздзеле «Varia» ў другім падраздзеле пад рубрыкай «Крымскія ўражанні», а нарысы, якія ўвайшлі ў гэты твор («Феодосия», «Старый Крым», «Поездка в Коктебель»), падаюцца адпаведна пад нумарамі 1, 2, 3.

Феодосия — адзін са старажытнейшых гарадоў Крыма, які быў заснаваны ў VI ст. да н. э. Кліматычны прыморскі курорт.

«Ave, mare, morituri te salutant!» — «Прывітанне, мора, тыя, што ідуць на смерць, вітаюць цябе!» — Некалькі змененае М. Кацюбінскім прывітанне рымскіх глadyятараў імператару Цэзару: «Ave, Cesar, (imperator) morituri te salutant» — («Здравствуй, Цезарь, император, тыя, што ідуць на смерць, вітаюць цябе») ⁵.

М. Кацюбінскі — *Кацюбінскі Міхайла Міхайлавіч* (1864—1913) — украінскі пісьменнік. У 1892—1897 гг. працаваў у Адэскай камісіі па барацьбе са шкоднікамі вінаграду, спачатку ў Бесарабіі, а потым на паўднёвым узбярэжжы Крыма. У 1909 г. у Італіі пазнаёміўся і зблізіўся з М. Горкім.

⁴ Богданович А. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича // Шлях паэта: Зборнік успамінаў і біяграфічных матэрыялаў пра Максіма Багдановіча. Мн., 1975. С. 30.

⁵ Гл. апавяданне М. Кацюбінскага «На острове» (1912) (Кацюбінскі М. Повести и рассказы. М., 1968. С. 288).

С. 98. *В окна вагона синее море...*— Феодосія размяшчаецца на беразе шырокага Феадасійскага заліва.

...стиль, принимаемый ~ за мавританский...— маўрытанскі стыль — тэрмін, прыняты для адзначэння мастацтва, пераважна архітэктуры, краін, якія знаходзіліся пад уладай арабаў; характарызуецца каланадамі, аркамі, стракатай, чырвона-белай апрацоўкай будынкаў, мудрагелістымі арнаментамі.

Минарет (ад араб. манара, літаральна — маяк) — вежа (круглая, квадратная або шматгранная ў сячэнні).

...устремляюсь к историческому музею.— М. Багдановіч мае на ўвазе гісторыка-краязнаўчы музей. Гэта старэйшы музей Крыма. Заснаваны ў 1811 г.

С. 99. *...одна из них ~ (описана в чудесном рассказе В. Короленко).*— М. Багдановіч мае на ўвазе нарыс В. Караленкі «Рыбалка Нечипор» (1907). Гэта другі з двух крымскіх нарысаў В. Караленкі, аб'яднаных загаловак «В Крыму».

...По его подножию вдоль всего морского побережья лепится Феодосия...— Каля падножжа Мітрыдата размяшчаецца стары горад.

Демосфен — Дэмасфен (Dēmōsthēnēs; каля 384—322 да н. э.) — афінскі прамоўца, правадыр дэмакратычнай антымакедонскай групіроўкі.

Левкон — Ляўкон I — У 389 / 388—349 / 348 да н. э. цар Баспорскай дзяржавы. Пры ім Феодосія была далучана да Баспорскай дзяржавы і дасягнула значэння славутага порта.

С. 100. *Митридат — Мітрыдат VI Еўпатар* (греч. Mithridātes Eupator; 132—63 да н. э.) — цар Панційскай дзяржавы.

«Чайка» — вялікая, лёгкая лодка, якая па баках абшыта вязкамі трыснягу.

...обратимся за ними в музей.— Маецца на ўвазе гісторыка-краязнаўчы музей.

Каменный кратер — тут — вялікая чаша.

Амфора — вялікая звужаная ўніз круглая пасудзіна з дзвюма ручкамі і вузкім горлам. Была пашырана ў антычным свеце і ў Кіеўскай Русі.

С. 101. *...стоят храмы (армянские) еще 14 века...*— Чатыры старажытныя армянскія царквы на тэрыторыі Каранціна.

С. 102. *Волнорез* — загараджальная сценка або вал, якія ахоўваюць месца стаянкі суднаў ад дзеяння хваль.

С. 103. *Мальпост* (фр. malleposte) — паштовая карэта, якая перавозіла пасажыраў і пошту да правядзення чыгунак.

С. 104. *...«пламенной Колхиды»* — *Калхіда* — старажытнагрэчская назва Заходняй Грузіі.

С. 106. *Караимы* — народнасць цюркскай моўнай групы.

Бейбарс (1223—1277) — егіпецкі султан з 1260 па 1277 г.

Узбек, султан Мухамед (г. н. невід.— 1342) — хан Залатой

Арды ў 1313—1342 гг. Пры ім Залатая Арда дасягнула значнага развіцця, іслам прыняты дзяржаўнай рэлігіяй. Праводзіў палітыку міжусобнай барацьбы паміж рускімі князямі.

Мечеть Узбека — адна з самых старажытных мячэцей у Крыме, пастроена ў 1314 г.

Батый (Бату, Саін-хан; 1208—1255) — мангольскі хан, военачальнік, унук Чынгісхана. З 1243 г. хан Залатой Арды.

С. 107. *Сзади мечети — развалины, представляющие некогда продолжение ее.* — Верагодней за ўсё, маюцца на ўвазе разваліны духоўнага вучылішча, якое прымыкала да мячэці.

Легко совершить экскурсию и в старинный армянский монастырь... — У чатырох кіламетрах на паўднёвы захад ад Старога Крыма знаходзіцца былы Армянскі манастыр, які быў заснаваны ў XIV ст.

С. 109. *Пустыня* — тут — невялікі манастыр, які знаходзіцца ў пустынай, незаселенай мясцовасці.

Коктебель — курортны пасёлак, больш позняя назва — Планерскае. Як месца адпачынку стала вядома ў пачатку нашага стагоддзя. Пачынальнікамі развіцця курорта былі паэт і мастак М. Валашын і пісьменнік В. Верасаеў.

Линейка — шматмесны адкрыты экіпаж, у якім пасажыры сядзяць бокам да кірунку руху.

С. 112. *Арцыбашев — Арцыбашаў Міхаіл Пятровіч* (1878—1927) — рускі пісьменнік. Марксісцкая крытыка адмоўна ацэньвала творы М. Арцыбашава. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі М. Арцыбашаў эмігрыраваў за граніцу.

А. Н. Толстой — Талстой Аляксей Мікалаевіч (1882/83—1945) — рускі савецкі пісьменнік, грамадскі дзеяч, акадэмік АН СССР. Лаўрэат Дзяржаўных прэміяў СССР.

М. Волошин — Валашын Максіміліян Аляксандравіч (Кірыенка-Валашын; 1877—1932) — рускі паэт. У 1900 г. пасяліўся ў Кактэбелі. У 1924 г. зрабіў свой дом у Кактэбелі бясплатным домам творчасці.

Кандинский — Кандзінскі Васілій Васільевіч (1866—1944) — рускі жывапісец, адзін з заснавальнікаў абстрактнага мастацтва. З 1907 г. жыў у Берліне і Мюнхене, дзе стварыў аб'яднанне «Сіні коннік» (1911). У 1914 г. Кандзінскі вярнуўся ў Расію.

Лентулов — Лянтулаў Арыстарх Васільевіч (1882—1943) — савецкі жывапісец. Адзін з арганізатараў аб'яднання «Званковы валет» (1910).

С. 112. *...участники ультрамодернистической выставки «Бубновый валет»...* — «Званковы валет» — аб'яднанне маскоўскіх жывапісцаў. Бярэ пачатак ад аднайменнай выстаўкі, арганізаванай ў 1910 г. У 1912 г. група мастакоў, якая адкалолася ад аб'яднання «Званковы валет», арганізавала выстаўку пад назвай «Асліны хвост».

Канкан (франц. cancan) — французскі бальны танец, які

пазней увайшоў у аперэту. Характэрнае па — высокае ўскідванне нагі.

Дункан (*Duncan*) *Айседора* (1877—1927) — амерыканская танцоўшчыца. Адна з заснавальніц школы танца мадэрн. Арганізавала асабістую студию ў Маскве.

С. 113. *Баркас* — тут — невялікая вёславая шлюпка.

...«*совсем аквамаринového цвета...*» — *аквамарын* — каштоўны камень зеленавата-блакітнага колеру.

Катыш

(с. 116)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 83, 10 крас., дзе ўпершыню апублікавана.

Пад тэкстам подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам апублікавання.

Тэма апавядання наваейна, відаць, успамінамі дзяцінства, аб чым сведчыць і памета пад загаловак: (Из детской жизни). Аўтар унёс у апавяданне аўтабіяграфічныя рысы, асабліва ў апісанні перажыванняў і сумненняў хлопчыка Васі, яго ўзаемаадносін з дзецьмі.

С. 116. ...у *Кирилла и Мефодия...* — *Кірыла і Мяфодзій* — браты, славянскія асветнікі, прапаведнікі хрысціянства, стваральнікі славянскай азбукі.

Кірыла (свецкае імя Канстанцін; каля 827—869) і Мяфодзій (каля 815—885) у 863 г. былі запрошаны з Візантыі мараўскім князем Расціславам у Маравію, дзе стварылі незалежную ад германскага епіскапата славянскую царкву.

С. 117. *Лампюион* — ліхтар з каляровай паперы або шкла для асвятлення або ілюмінацыі.

Ватажок — тут — завадатая гульні.

У зб. «Вянок паэтычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960 падаецца тэкст апавядання на беларускай мове ў раздзеле «Газетная белетрыстыка» пад загаловак «Качулка», без паметы (Из детской жизни). Дакладная крыніца, па якой друкуецца беларускі тэкст твора, не ўказваецца. Датуецца 1916 г.

Около театра миниатюр

(с. 122)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 137, 17 чэрв., дзе ўпершыню апублікавана. Падпісана: Ів. Ф.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

Кэк-узк (кекуэк) — танец, які быў пераняты ад неграў, узезены ў Еўропу з Амерыкі ў 1900 г.

Волгари

(с. 124)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 141, 22 чэрв., дзе ўпершыню апублікавана. Падпісана: Ів. Ф.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

На углу

(с. 126)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 156, 10 (23) ліп., дзе ўпершыню апублікавана пад псеўданімам: Ів. Ф.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

Около билетов

(с. 128)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 160, 15 (28) ліп., дзе ўпершыню апублікавана пад псеўданімам: Ів. Ф.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

Гарадок

(с. 130)

Друкуецца па Творах, 1927, т. 1, дзе ўпершыню апублікавана з аўтографа.

Датуецца 1916 г.

Літкамісія першага збору твораў паведамляла, што «Гарадок» напісаны быў у канцы 1916 г. для беларускай хрэстаматыі (са слоў А. Смоліча).

У зб. «Вянок пазычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960 падаецца тэкст апавядання ў раздзеле «Хрэстаматыійныя ўрыўкі». Датуецца 1916 г.

У гэтым і наступным апавяданні аўтар дае мастацка апрацаваны малюнак старажытнага быту: «гарадок» і «вёсачка».

«Сярод глухой пушчы...»

(с. 132)

Друкуецца па Творах, 1927, т. 1, дзе ўпершыню апублікавана з аўтографа.

Апавяданне няскончана.

У зб. «Вянок пазычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960 падаецца тэкст апавядання ў раздзеле «Хрэстаматыійныя ўрыўкі» пад загалоўкам «Вёсачка». Датуецца 1916 г.

Вясной

(с. 134)

Друкуецца па Творах, 1927, т. 1, дзе ўпершыню апублікавана з аўтографа.

Апавяданне складаецца з двух няскончаных урыўкаў «Вясной» і «Вясёла шагаў акрэпшы Яныш», якія звязаны паміж сабой адзіным сюжэтам, з'яўляюцца працягам адзін другога і таму аб'яднаны пад агульным загалоўкам.

У зб. «Вянок пазычнай спадчыны», Нью-Йорк; Мюнхен, 1960 падаецца тэкст апавядання ў раздзеле «Белетрыстычныя фрагменты». Датуецца 1914 г.

КАЗКА

Башня мира

(с. 136)

Друкуецца па газ. «Заря» (яраслаўская), 1915, № 1 і 2, 21 і 22 студз., дзе ўпершыню апублікавана. Падпісана: Эхо.

Датуецца годам апублікавання.

Зварот М. Багдановіча да жанравай формы казкі можна было прадбачыць, паколькі схільнасць да шырокай метафары, алегорыі з'яўляецца адметнай рысай яго мастацкага мыслення. Гэта сцэжка масцілася і папярэднімі развагамі аўтара над казкай і казачным тыпам мадонны (апавяданне «Мадонна»), роздумам пра тое, «як павяліся казачнікі на Русі» («Сон-травя»). У дадзеным выпадку зварот да жанра казкі абумоўлены, відаць, і яшчэ адной прычынай. Менавіта арыгінальная мастацкая форма казкі давала магчымасць больш поўна выказаць уласны погляд на падзеі вайны, якая вялася ўжо амаль паўгода, негатыўнае стаўленне да войнаў наогул.

Па стылі — гэта літаратурная казка. У аснову твора, відаць, пакладзены жувальвернаўскі матыў акеаніды.

МАЛЕНЬКІЯ ФЕЛЬЕТОНЫ

После концерта Яна Кубеліка

(с. 145)

Друкуецца па газ. «Голос», 1909, № 230, 6(19) снеж. («Прибавление к № 230 газ. «Голос» пад рубрыкай «Маленький фельетон»), дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам подпіс: Эхо.

Датуецца годам апублікавання.

С. 145. *Ян Кубелік* — *Кубелік Ян* (1880—1940) — чэшскі скрыпач, кампазітар. Віртуоз-выканаўца. Паспяхова гастралюваў у той час у Пецярбурзе і іншых гарадах Расіі.

Бетховен — *Бетховен Людвіг ван* (1770—1827) — нямецкі кампазітар, піяніст і дырыжор.

Паганіні — *Паганіні Нікало* (1782—1840) — італьянскі скрыпач і кампазітар.

Калейдоскоп жизни

(с. 148)

Друкуецца па газ. «Голос», 1913, № 100, 2(15) мая, пад рубрыкай «Маленький фельетон», дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам подпіс: Эхо.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

Карлик и человек

(с. 152)

Друкуецца па газ. «Голос», Яраслаўль, 1916, № 37, 16(29) лют., дзе ўпершыню апублікаваны. Змешчаны пад рубрыкай «Маленький фельетон». Пад тэкстам подпіс: Ив. Февралев.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

Нумизматы

(с. 154)

Друкуецца па газ. «Голос», Яраслаўль, 1916, № 57, 10(23) марта, дзе ўпершыню апублікаваны. Змешчаны пад рубрыкай «Маленький фельетон», пад тэкстам подпіс: Ив. Февралев.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

Державин — Дзяржавін Гаўрыла Раманавіч (1743—1816) — рускі паэт. У 1799 г. і 1800 г. быў на Беларусі (Віцебск, Шклоў, Лёзна), у Запісках (выд. 1859) пісаў пра нацыянальную самабытнасць беларускага народа.

«Надо бы ~ черный день». — 3 верша Г. Р. Дзяржавіна «Стралок» (1799). У Г. Р. Дзяржавіна:

«Хвать в колчан, ан стрел уж нету,
Лук опущен; стал я в пень.
Ах! беречь было монету
Белую на черный день».

Кредитка — крэдытны білет.

С. 154. *В Крыму, на Коктебельском побережье, где попадаютя ~ видел я несколько дам...* — Маецца на ўвазе паездка М. Багдановіча летам 1915 г. на лячэнне ў Стары Крым. Паездку ў Кактэбель паэт апісаў у нарысе «Из летних впечатлений» («Поездка в Коктебель»).

Яшма (ад араб. яшм) — крамяністая слабаметамарфізаваная асадкавая горная парода.

Сердолик (грэч. sardion) — мінерал, разнавіднасць халцэдону. Каштоўны вырабны камень.

Ванька-встанька

(с. 156)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 129, 8(21) чэрв. пад рубрыкай «Маленький фельетон», дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам подпіс: *Ив. Февралев*.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

С. 157. *Марков второй* — *Маркаў Мікалай Яўгенавіч* (1866 — год смерці невяд.) — рускі палітычны дзеяч, рэакцыянер і манархіст. Заснавальнік «Парты народнага парадку» (1905) у Курску, якая аб'ядналася ў 1907 г. з «Саюзам рускага народа». Затым выйшаў з «Саюза» і прыкнуў да «Саюза Міхаіла Архангела».

Пуришкевич — *Пурышкевіч Уладзімір Мітрафанавіч* (1870—1920) — рускі палітычны дзеяч, манархіст, чарнасоценец. Адзін з заснавальнікаў чарнасоцэннага «Саюза рускага народа», узначальваў «Саюз Міхаіла Архангела». Дэпутат Дзяржаўнай думы 2—4-га склікання.

Жаль книгу

(с. 159)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 143, 24 чэрв. (7 ліп.) пад рубрыкай «Маленький фельетон», дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам подпіс: *Ив. Февралев*.

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

С. 159. *Достоевский* — *Дастаеўскі Фёдар Міхайлавіч* (1821—1881) — рускі пісьменнік.

Чехов — *Чэхаў Антон Паўлавіч* (1860—1904) — рускі пісьменнік.

Мопассан — *Мапасан Гі дэ* (1850—1893) — французскі пісьменнік.

Эжен Сю — *Сю Эжэн* (1804—1857) — французскі пісьменнік.

С. 160. ...в книге Штрауса «Жизнь Иисуса Христа»... — *Штраус Давід Фрыдрых* (1808—1874) — нямецкі філосаф, гісторык, тэолаг і публіцыст. У кнізе «Жизнь Иисуса» (1835—1836. Т. 1—2) адмаўляў верагоднасць евангелляў, лічыў Ісуса гістарычнай асобай. У далейшым схіляўся к пантэізму (*пантэізм* — ад грэч. *παν* — усё і *θεος* — бог) —

рэлігійнаму і філасофскаму вучэнню, якое атаясамлівала бога і міравое цэлае.

...журнал «*Мир Искусства*»...— штомесячны ілюстраваны літаратурна-мастацкі часопіс. Орган аднайменнага рускага мастацкага аб'яднання, рэдактары С. П. Дзягілеў, у 1904 г.— А. Н. Бенуа. Выходзіў у Пецярбурзе ў 1899—1904 гг. Першыя два гады двухтыднёвы, затым штомесячны. Часопіс выступаў за «свабоду мастацтва», супраць акадэмізму і пазнейшага перадзвіжніцтва. Друкаваў таксама творы пісьменнікаў-сімвалістаў і артыкулы рэлігійна-філасофскага характару.

О взятке

(с. 162)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 46, 26 лют., дзе ўпершыню апублікаваны. Падпісаны: Ів. Февралев. Жанравае пазначэнне твора ў газеце: «Маленький фельетон».

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

С. 162 р. 1 *Некогда принц датский Гамлет...* — Галоўны персанаж трагеды Уільяма Шэкспіра «Гамлет, прынец Дацкі» (1600).

р. 13 *...привычный эпитет «гомерических»...* — Вялізных, незвычайных памераў. Найчасцей ужываецца словаспалучэнне «гамерычны смех», што азначае грамавы смех, падобны на той, якім, паводле «Іліяды» Гамера, смяяліся на сваіх гуляннях алімпійскія багі.

р. 14 *...хитроумный Одиссей...* — Міфічны цар вострава Ітака, герой старажытнагрэчаскага эпасу — паэм Гамера «Іліяда» і «Адысея».

р. 15 *...о меднолобых и меднолапых Аяксах...* — У грэчаскай міфалогіі Аяксы — імя двух удзельнікаў Траянскай вайны, моцных сілай і духам, якія змагаліся побач. Былі ўзброены сямікуранымі шчытамі, пакрытымі меддзю, і звычайна параўноўваюцца з двума магутнымі ільвамі або быкамі.

р. 24—25 *...не только Брокгауз, но даже сам Эфрон...*—Размова ідзе пра «Энцыклапедычны слоўнік» (Пецярбург, 1890—1907; 86 тамоў) у так званым выданні Ф. А. Бракгауза і І. А. Эфрона. Упершыню выдадзены ў 1811 г. нямецкай выдавецкай фірмай, купленай кнігагандляром Бракгаузам у 1808 г. Рускае яе выданне здзейснена рускім друкаром-прадпрыемцам Эфронам. У ім частка артыкулаў была проста перакладзена з «Энцыклапедыі» Бракгауза, а частка — была самастойнай.

р. 27 — С. 163 р. 1 *...еще Каин давал взятку Адаму ∞ споры с Авелем.* — У старазапаветным аповядзе Каін і Авель — сыны прабацькоў людзей Адама і Евы. Паводле адной са шматлікіх версій, спрэчкі паміж сынамі ўзніклі з-за няўдалай спробы Адама падзяліць паміж імі свет.

С. 163 р. 8—9 *...содрать кожу с одного взяточника ∞ его преемника.* — Старажытнагрэчаскі гісторык Герадот (паміж 490 і 480— каля 426 да н.

э.), вядомы сваёй «Гісторыяй» (у 9 кнігах), дзе апавядаецца пра гісторыю ўсходніх дзяржаў (законы, норавы, быт мясцовых жыхароў), грэка-персідскія войны. М. Багдановіч згадвае апавяданне з пятай кнігі «Гісторыі» (урывак 25). Толькі не Кір, а сын Кіра — Камбіс II, цар персаў (529—522 да н. э.), загадаў садраць скуру з царскага суддзі, які за грошы вынес несправядлівы прыговор. Са скуры было загадана зрабіць рамяні і абцягнуць імі судзейскае крэсла. Камбіс, прызначыўшы суддзю сына таго хабарніка-суддзі, загадаў яму памятаць седзячы на якім крэсле ён судзіць.

р. 11—12 *...еще в былинах упоминаются «посулы великие».*— У такіх былінах, як «Салавей Будзіміравіч», «Чурыла і князь Уладзімір», «Чурыла і Кацярына», «Садко» і інш.

р. 16 *...и буколические...*— Букалічная паэзія, булака ў перакладзе з грэчаскай мовы азначае «пастухоўскі», жанр антычнай паэзіі (3 ст. да н. э.— 5 ст. н. э.).

р. 18 *...сиречь...*— Гэта значыць, а іменна (нар.).

р. 30—37 *«Бери! Не много в том науки ∞ брать!»*— Недакладная цытата з камеды «Ябеда» (1798). Хватайка ж паяе: «Бери, большой тут нет науки; // Бери, что только можно взять, // На что ж привешены нам руки, // Как не на то, чтоб брать?»

Капіст Васіль Васільевіч (1758—1823) — рускі паэт, драматург.

р. 34—С. 164 р. 1 *За сим Гоголь вывел ∞ в пятьсот рублей.*— Маецца на ўвазе наступны дыялог паміж персанажамі камеды М. В. Гогаля «Рэвізор»:

«Ляпкин-Тяпкин. ...Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Сквозник-Дмухановский. Ну, щенками или чем другим, всё взятки.

Ляпкин-Тяпкин. Ну, нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль».

На месцы ўзятага ў дужкі слова «шубой» у газетнай публікацыі стаіць незразумелае «...льк...» — відаць, друкарская памылка. Узноўлена паводле тэксту п'есы.

«Деяния Иоанна Масона» — кніга містычнага зместу англійскага пісьменніка Дж. Масона (1705—1763) «Пазнанне самога сябе...», пашыраная ў Расіі ў канцы XVIII — пачатку XIX ст.

Гоголь Мікалай Васільевіч (1809—1852) — рускі пісьменнік, заснавальнік крытычнага рэалізму ў рускай літаратуры.

Шчарбіна Мікалай Фёдаравіч (1821—1869) — рускі паэт. Аўтар зборніка палітычнай сатыры «Альбом іпахондрыка» (1841—1861) і інш.

С. 164 р. 6—7 *...на сцену выступил новый герой взятки — интендант.*— Маецца на ўвазе герой рамана М. Я. Салтыкова — Шчадрына «Пашахонская старадаўнасць» (1887—1889).

Салтыкоў-Шчадрын Міхаіл Яўграфавіч (сапр.— Салтыкоў, псеўд.— Шчадрын; 1826—1889) — рускі пісьменнік.

р. 8 *«Искра»* — Рускі штотыднёвы сатырычны часопіс з карыка-

турамі, выдаваўся ў 1859—1873 гг. у Пецяярбурзе В. С. Курачкіным і мастаком Н. А. Сцяпанавым.

С. 164 р. 8 «Свисток» — Сатырычны адзел часопіса «Современник». У 1859—1863 гг. усяго выйшла 9 нумароў. Арганізатарам і асноўным аўтарам яго быў М. А. Дабралубаў.

р. 13—16 ...*Некая чеховская девица ~ интендантство.*— Прыблізна ўзноўленая цытата з апавядання А. П. Чэхава «У бані». У апавяданні: «Я, говорит, папаша, понимаю, это не военный, но все же из духовного ведомства, а это все равно, что интендантство...»

ПЕРАКЛАДЫ

Из **Ив. Франко.**

Каменщик

(с. 165)

Друкуецца па газ. «Нижегородский листок», 1915, № 94, 98, 9. 13 крас., дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам: С украінскаго перавел М. Богдановіч.

Датуецца годам апублікавання.

Пераклад апавядання І. Франко «Муляр» і ўступнае слова да перакладу. У 1916 г. М. Багдановіч напісаў артыкул на смерць пісьменніка «Иван Франко» (Жизнь для всех, 1916, № 7).

У аснову артыкула было пакладзена дадзенае ўступнае слова да перакладу з Франка.

С. 165. *Ив. Як. Франко — Франко Иван Якаўлевіч (1856—1916) —* украінскі пісьменнік, вучоны і грамадскі дзеяч.

Драгоманов — Драгаманай Міхаіл Пятровіч (1841—1895) — украінскі гісторык, этнограф, публіцыст і грамадскі дзеяч.

...но увлекся социалистическими идеями Драгоманова, был арестован и посажен в тюрьму.— У 1877 г. І. Франко быў абвінавачаны ў прыналежнасці да тайнай арганізацыі сацыялістаў і быў пасаджаны ў турму на 9 месяцаў.

...в 1894 г. окончил университет...— І. Франко закончыў універсітэт у 1891 г.

...а через три года, защитив докторскую диссертацию...— Не зусім дакладна: І. Франко бліскача абараніў доктарскую дысертацыю ў 1893 г.

...но был не утверждён намесником Галиции...— Намеснікам Галіцыі ў той час (1888—1895) быў граф Бадэні Казімір Фелікс (1846—1909), які жорстка падаўляў украінскі дэмакратычны рух.

...он сделался редактором лучшего украинского журнала «Литературно-научковий вісник»...— «Літаратурна-навуковий вісник»— украінскі літаратурна-мастацкі і грамадска-палітычны часопіс, орган навуковага таварыства імя Т. Р. Шаўчэнкі, заснаваны ў Львове ў 1898 г. Найбольш

шую значнасць меў у перыяд 1898—1907 гг., калі яго фактычным рэдактарам і ідэйным натхніцелем быў І. Франко.

...и работал в нем до последних лет...— Не зусім дакладна 3 1911 г. І. Франко канчаткова парваў сувязі з рэдакцыяй часоп. «Літаратурно-навуковий вісник». На працягу 1911 і 1912 гг. І. Франко супрацоўнічаў у львоўскім штотыднёвіку «Неделя».

При праздновании 25-летнего юбилея ее была составлена книга в несколько сот страниц...— Да юбілею І. Франко М. Паўлік склаў першую бібліяграфію твораў пісьменніка.

С. 166. Из его научных трудов следует отметить монографию «Иван Вишенский, исследование «Йоасаф и Варлаам», историю украинской литературы...— М. Багдановіч мае на ўвазе, відаць, манаграфію І. Франко «Іван Вишенський і яго творы» (Львів, 1895), доктарскую дысертацыю «Варлаам и Йоасаф, старохрысціянскі духоўны роман и его литературная история», «Нарис історіі украінска-рускай літаратуры до 1890 р.» (Львів, 1910).

«3 вершин і низин», Льв., 1893, «Зів'яле лісце», Льв., 1896, «Мій Измарагд», Льв., 1898, «Semper tiro», Льв., 1906.

...массу рассказов, собранных в книжках «В поті чола» (2 т.), «Бориславські оповідання»...— Кніга «В поті чола» (1903, 2 т.) змяшчае 20 апавяданняў, а «Бориславські оповідання» (1905) — 5.

Повесть «Воа constrictor» («Удав», 1879), історычныя повесці «Захар Беркут» (1883), «Великий шум» (1907), «Лис Микита» (1890), «Абу-Каземові капці» (1895).

С. 169. Холоп — тут — мужик.

С. 172. Нарядчик слушал ~ сказал: — Гэты тэкст надрукаваны толькі ў першай публікацыі перакладу апавядання, ва ўсіх наступных — апушчаны.

3 В. Стэфаніка

Из рассказа «Кленовые листочки»

(с. 174)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 129, 8(21) чэрв., дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам: С украінскага перавел М. Б.

Датауецца годам апублікавання.

Пераклад апавядання В. Стэфаніка «Кленові лісткі» паэт зрабіў у скарачаным выглядзе (апушчаны першы невялікі раздзел апавядання).

Стэфанік Васіль (1871—1936) — украінскі пісьменнік-рэфарматар, майстра псіхалагічнай навелы.

Смерть

(с. 179)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 137, 17(30) чэрв., дзе ўпершыню апублікавана. Пад тэкстам: С украинского перевел М. Б.

Датуецца годам апублікавання.

Пераклад апавядання В. Стэфаніка «Скін».

Акрамя апавяданняў В. Стэфаніка «Кленові лісткі», «Скін» М. Багдановіч пачаў перакладаць яшчэ адно апавяданне ўкраінскага пісьменніка — «Синія книжечка». Аб гэтым сведчыць тое, што ў вопісе рукапісаў М. Багдановіча (гл. дадзенае выданне, т. 3) значыцца, што сярод аўтографаў з праязічнымі накідамі і артыкуламі М. Багдановіча захаваліся і вельмі нечытальны рукапіс (2 с. памерам прыблізна 22×18 см) пачатку перакладу на рускую мову апавядання «Синія книжечка».

М. Багдановіч падрыхтаваў таксама ў перакладзе на рускую мову зборнік праязічных твораў беларускіх пісьменнікаў (С. Палуяна, Ядвігіна Ш., Т. Гушчы, З. Бядулі, Я. Журбы, А. Гаруна, Ф. Багушэвіча) для выдання на Украіне. (Ліст М. Багдановіча ў рэдакцыю газ. «Наша ніва» ад 14.XI.1912). Зборнік не быў выдадзены, рукапісы перакладаў да гэтага часу не знойдзены.

ЛІТАРАТУРНА-КРЫТЫЧНЫЯ АРТЫКУЛЫ

I. Неслухоўскі

(с. 183)

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, дзе ўпершыню апублікаваны з аўтографа. Артыкул няскончаны.

Укладальнікі згаданага тома Твораў, с. 352 адносяць артыкул да 1910 г., паводле ліста М. Багдановіча да В. Ластоўскага (ліст не захаваліся), у якім паведамлялася, што «...пачаў крытычную стацыйку аб Неслухоўскім». Ліст не меў даты, а аргумент яго датавання 1910-м г. быў наступны: відаць, ліст пісаўся да паездкі паэта ў Вільню. Вільню Багдановіч наведаў летам 1911 г., таму, мажліва, ліст быў напісаны ў першай палове гэтага ж года. Тым больш што ў ліпені 1911 г. Неслухоўскаму спаўнялася 60 гадоў з дня нараджэння і артыкул хутчэй за ўсё прывярнуўся да гэтай даты. Таму лічым правамерным датаваць артыкул двойной умоўнай датай: 1910 ці 1911 гг.

¹ Відаць, размова ідзе пра творы І. Неслухоўскага, напісаныя на беларускай мове. Бо на польскай мове ён выдаў кнігу «З крываваых дзён. Эпізод з паўстання 1863 года на Міншчыне» (Кракаў, 1889), падрыхтаваў да друку зборнік «Паэзія», які выйшаў на наступны

год пасля яго смерці. Як беларускі паэт ён дэбютаваў у друку ў 1889 г. вершам «Вясновай парой» (газ. «Минский листок», 14 сак.). Друкаваўся ў беларускіх календарых этнографа А. Слупскага, якія выходзілі ў Мінску ў 1892 і 1893 гг., і ў газ. «Минский листок» за 1889—1891 гг. Гэтыя творы склалі яго пасмяротную кнігу «Вязанка» (Пецярбург, 1903).

² У аўтографі: перадрукаваўся.

³ Відаць, маецца на ўвазе публікацыя (амаль цалкам) паэмы «Гапон» В. Дуціна-Марцінкевіча ў артыкуле М. Доўнара-Запольскага «Гапон» — повесть в стихах на белорусском языке» («Календарь Северо-Западного края» на 1889 г.). Першая песня з «Гапона» друкавалася ў «Витебских губернских ведомостях», 1896, 28 студз.

⁴ «Сынок! Расказ з праўдзівлага здарэння» (1895), «Выбіраймася ў прочкі! Скарэй у Томск» (1896), «Слова аб праклятай гарэліцы» (1900) і іншыя. Усе надрукаваны ў Пецярбурзе. У 1892 г. у Львове выйшла перакладзеная Ельскім на беларускую мову першая кніга паэмы А. Міцкевіча «Пан Тадэвуш».

⁵ «Сігнал, альбо Расказ аб тым, як дабро перамагло зло ў чалавека» выйшаў у Маскве ў 1891 г. Паводле рэдактарскай памяты на кнізе: «Пераложана з малымі пераменамі з расказа Усевалада Гаршына (Ядвігіным Ш.)». У 1914 г. пераклад апавядання быў перавыдадзены. З яго прадмовы: «Выдала «Сігнал» група студэнтаў, каторыя ў тым часе сядзелі ў Маскоўскай так званай Бутырскай турме за палітычныя справы. Сядзела 400 чалавек з лішнім, і там некаторыя з іх завязалі беларускі гурток. Пераклад першага выдання зрабіў адзін з добра ўжо вядомых сягоння нашых літаратараў».

⁶ Псеўданім Ф. Багушэвіча. У 1891 г. у Кракаве выйшла кніга паэзіі Багушэвіча «Дудка беларуская», у 1894 г. у Познані з'явіўся другі вершаваны зборнік паэта — «Смык беларускі», затым у 1896 г. паўтарылася ў Кракаве выданне яго «Дудкі беларускай». Паводле іншых меркаванняў, «Смык беларускі» друкаваўся не ў Познані, а недзе ў іншым месцы.

⁷ Творы К. Каганца пачалі з'яўляцца ў друку з 1893 г., асобныя артыкулы і легенды ён апублікаваў у газеце «Минский листок» і «Северо-Западный край» за 1902—1903 гг.

⁸ Вершаванае апавяданне «Сцяпан і Тацяна», надрукаванае ў газ. «Минский листок», 1889, № 18.

⁹ Радкі з верша «Надта салодкія думкі» Л. Кандратовіча, перакладзенага І. Неслухоўскім.

¹⁰ «Тарас на Парнасе» — ананімная сатырычна-гумарыстычная паэма, напісаная ў 1850-х гг. Найбольш доказная версія яе аўтарства даследчыкамі звязваецца з імем К. Вераніцына. Упершыню паэма была надрукавана ў газ. «Минский листок», 1899, 16 мая. Затым выдавалася паасобнікамі ў 1896, 1898, 1904 гг. у Віцебску, у 1896 і 1899 гг. — у Гродне, у 1900 і 1902 гг. — у Магілёве.

ЛІТАРАТУРНА-КРЫТЫЧНЫЯ АРТЫКУЛЫ

Глыбы і слаі

(с. 185)

Друкуецца па газ. «Наша ніва» (у кірылічнай графіцы), 1911, № 3—5, 20 і 27 студз., 3 лют., дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: Яраслаўль. М. Б.

У ніжэй змешчанай рэдакцыйнай нататцы паведамлялася: «Пасля стацей аб нашых пісьменніках, друкаваных у № 38, 40 і 43 «Нашай нівы» ў тым гаду, мы даем месца працы аб іх нашага пастаяннага супрацоўніка М. Б., каторы, узіраючыся на іх з боку літаратурнай вартасці іх твораў, выказвае некалькі новых індывідуальных поглядаў на нашу красную літаратуру».

Датуецца годам апублікавання.

Розначытанні нашаніўскага тэксту артыкула, надрукаванага ў дзвюх графіках,— кірыліцай (1) і лацініцай (2).

Асноўны тэкст

	1	2
	С. 185 р. 6	
	сцясянца	сціскацца
	28 Я. Купала	Я. Купала
	28 велічынёй	мерай
186	18 прападаючай	заміраючай
187	19 яго	мо
	26 «Гусляр»	«Гус.»
	28 і змест іх	змест і іх
	33 ўжо павявае	вее
188	17 рыфмаў	размоў
	18 «Гусляр» —	«Гусляр» — «Гус.»
	33 развіацца	развіцца
189	14 апісаннях	апісаннях
	24 пачуцця	жыцця
192	16—17 перакладную «Па рэвізіі» і «Не розумам паняў, а сэрцам»	«Не розумам паняў, а сэрцам» і перакладную «Па рэвізіі»
	30 наша	хаця наша

¹ Маюцца на ўвазе зборнікі вершаў: Я. Купалы «Гусляр», Я. Кола-са «Песні жальбы», А. Паўловіча «Снапок».

² Псеўданім Ф. Багушэвіча.

³ З верша «Каму вас, песні?..» (1905—1907).

⁴ Першы зборнік Я. Купалы, які быў выдадзены ў 1908 г. у Пецярбурзе ў выдавецкай суполцы «Загляне сонца і ў наша аконца».

Змест зборніка склалі лірычныя вершы і паэма «Адплата каханьня».

⁵ З верша «Гэта крык, што жыве Беларусь!» (1905—1907).

⁶ Сучасная крытыка справядліва лічыць, што ацэнка Багдановічам названых твораў Купалы, як і наогул многіх вершаў «Жалейкі», заніжана. А прычына ў тым, як сцвярджае М. І. Мушыньскі, што «Багдановіч-крытык ацэньваў вершы Я. Купалы з іншых метадалагічных пазіцый, чым аўтар іх (...)» У аснове крытэрыяў яго эстэтычных ацэнак ляжалі іншыя творчыя прынцыпы». Як прыхільнік культурна-гістарычнай школы М. Багдановіч «браў на ўзбраенне і асобныя пастулаты, якія ўступалі ў супярэчнасць з жывым вопытам літаратуры і таму не вытрымалі праверку часам. Гэта перш за ўсё вядомая ўжо нам недаацэнка нерэалістычных форм творчасці (...)». Як крытык ён аддае перавагу рэалістычна-канкрэтнай, рэалістычна-бытавой форме адлюстравання». А рамантычныя творы Купалы «канкрэтна-бытавымі меркамі (...)» вымераць немагчыма» (Каардынаты пошуку. 1989. С. 165, 180—181).

⁷ Пра «Адвечную песню» пісалі Ц. Гартны, І. Замоцін, М. Арочка, Р. Бярозкін, М. Грынчык, А. Лойка, М. Лазарук, М. Ярош і інш. Іх ацэнка паэмы — адназначна высокая.

⁸ Вось што пісаў польскі крытык С. Руднянскі (псеўд. Рубер), не пагаджаючыся з такой ацэнкай М. Багдановіча: «Панурай і безнадзейнай можа здавацца канцоўка паэмы, аднак тут укладзена спадзяванне на лепшы дзень, і грамадскае пачуццё выступае ў паэме як сіла, якую не можа перамагчы нават смерць...» (Nowe Zycie. 1911. № 35).

⁹ Негатыўнае стаўленне М. Багдановіча да сімвалізму звязана з асаблівасцямі яго мастакоўскага светаадчування: «...Грубы сімвалізм сутнасцю сваёй варожы патрабаванням паэтыкі рэалістычнага мастацтва» (Мушыньскі М. Каардынаты пошуку. С. 181).

Меў рацыю і Р. Бярозкін, калі сцвярджаў, што такі погляд Багдановіча на Купалу памылковы: «Не, не ў бок сімвалізму скіроўваў сваю хаду Купала ў часы рэакцыі, а ў бок літаратурнай школы, якая з'яўлялася больш чым напрамак,— цэлай эпохай у мастацкім развіцці чалавецтва» (Бярозкін Р. Свет Купалы. Звенні. Мн., 1981. С. 66).

¹⁰ Санет напісаны Я. Купалам у чэрвені 1910 г. у Пецярбурзе.

¹¹ Штотыднёвая грамадска-палітычная і літаратурная газета, якая выдавалася легальна ў Вільні з 10.XI.1906 г. да 7.VIII.1915 г. на беларускай мове. Першы рэдактар і выдавец С. Вольскі, са снежня 1906 г.— А. Уласаў, з мая 1914 г.— Я. Купала.

¹² Верш напісаны 23 кастрычніка 1910 г. у Пецярбурзе.

¹³ У Я. Купалы: «Адгукніся, душа!» Датуецца 1908—1910 гг.

¹⁴ Другі зборнік паэзіі Я. Купалы, выдадзены А. Грыневічам у кастрычніку 1910 г. у Пецярбурзе (рукапіс быў пасланы ў 1908 г.).

¹⁵ Верш напісаны ў 1909 г. і «тэматычна ўзыходзіць да вуснапаэтычных твораў аб сялянскай нядолі, да вершаў «Доля» У. Сыракомлі, «Гора» Ф. Багушэвіча, «Шмат у нашым жыцці ёсць дарог»

і «Над магілай мужыка» М. Багдановіча» (Янка Купала. Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1986. С. 24. Далей: ЭД і старонка).

¹⁶ Датуецца 1908—1910 гг. Верш па сваёй кампазіцыі нагадвае малюнак-настрой, малюнак-перажыванне. Па агульнай настраёвасці блізка прыродаапісальнай лірыцы Ф. Цютчова і М. Някрасава.

¹⁷ Напісаны ў красавіку 1910 г. у Пецяярбурзе як водгук на смерць С. Палуяна.

¹⁸ Найбольш аддзяяслоўныя назоўнікі, якім Я. Купала аддаваў перавагу ў працэсе ўласнай словатворчасці. Часам прыдумваў і зусім новыя словы, як, напрыклад, «зязюлька-аздабулька», «зелле-калатуха». Але пры гэтым паэт заўсёды ўлічваў багатую народную практыку.

В. Ластоўскі ў «Маіх успамінах аб М. Багдановічу» (Крывіч, 1926. № 1. С. 65) пісаў, што ў 1911 г. Багдановіч працаваў над стварэннем праекта ацэнкі мастацкіх твораў матэматычным спосабам. Самае каштоўнае ён бачыў у незапазычаных словах, вобразах і зваротах, у іх арыгінальнасці. Сам паэт выказаў гэта ў «Апавяданні аб іконніку і залатару» (1914).

¹⁹ Датуецца 1908—1910 гг. Верш напісаны амаль аднымі назоўнікамі, адзіны спараны дзеяслоў «ідзе-брыдзе» паўтараецца 5 разоў. Але менавіта гэта і дапамагло паэту, лічаць крытыкі, выразна паказаць рух матэрыі, ажывіць, адухавіць яе. А. Лойка, напрыклад, падкрэслівае, што гэты верш «узбагаціў дарэвалюцыйную беларускую лірыку не толькі тэматычна, жанрава, але і структурна-семантычнымі наватарскімі адкрыццямі» (ЭД. С. 233).

²⁰ Датуецца 1908—1910 гг. Верш пабудаваны на сістэме эмацыянальных паўтараў і алітэрацый.

²¹ Датуецца 1908—1910 гг. Тут яркая выявілася мастацкае мысленне Я. Купалы-рамантыка. Сучасныя даследчыкі лічаць, што вялікасныя, касмічныя вобразы якраз і выкліканы да жыцця маштабнасцю мыслення Я. Купалы, рамантычнай «абагульненасцю» паэтычнага бачання (ЭД. С. 253).

²² Відаць, маюцца на ўвазе тыя вершы, што былі напісаны Гарадзецкім-акмеістам, калі ён знаходзіўся пад уплывам аднаго з мадэрнісцкіх кірункаў у рускай паэзіі пачатку стагоддзя. А «мадэрнізм як нерэалістычнае мастацтва адкідаецца ў гэты перыяд Багдановічам без ніякіх вытлумачэнняў» (Мушынскі М. Каардынаты пошуку. С. 181—182).

²³ Першы зборнік паэзіі Я. Коласа. Выйшаў у Вільні ў 1910 г., калі аўтар знаходзіўся за кратамі царскага астрога.

²⁴ У мінскай турме Я. Колас знаходзіўся тры гады (1908—1911). Яму інкрымінаваліся ўдзел у нелегальным настаўніцкім з'ездзе ў Мікалаеўшчыне (1906, ліп.), аўтарства адозвы пад загалоўкам «Ко всем учителям и учительницам народных ц. (ерковно) приходских и других училищ», «призывавшей народных учителей к созыву делегатов от

всех учителей губернии на съезд», і інш. (Гл. кн.: Мушыньскі М. І. Якуб Колас. Летапіс жыцця і творчасці. Мн., 1982. С. 80—81.)

²⁵ Не пазбаўленая суб'ектывізму ацэнка. Творы зборніка «Песні жалыбы» якраз вельмі высока ацэнены сучаснай крытыкай. Даследчыкі падкрэсліваюць, што карціны прыроды тут сталі яшчэ больш маляўнічымі і пластычнымі, а «філасофская змястоўнасць і эпічнасць у адлюстраванні падзей і з'яў у жыцці і маральна-этычных уяўленнях людзей становяцца асноўнымі рысамі паэзіі Я. Коласа» (История белорусской дооктябрьской литературы. Мн., 1977. С. 564). І крытыкі — сучаснікі Багдановіча, як І. Свянціцкі, Рубер, У. Вегняровіч, А. Чэрны і інш., былі высокай думкі пра мастацкую вартасць паэзіі зборніка. Так, А. Пагодзін, прафесар Харкаўскага ўніверсітэта, пісаў у «Вестнике Европы», 1911, № 1: «...Здесь преобладают картины природы, иногда такие изящные и поэтические, что невольно останавливаешься над ними».

У пазнейшым аглядзе беларускай літаратуры «За тры гады» М. Багдановіч унёс пэўныя карэктывы ў сваю ацэнку твораў Я. Коласа.

²⁶ Першая легальная газета на беларускай мове. Выдавалася кірыліцай і лацінкай групай членаў Беларускай сацыялістычнай грамады ў Вільні з 1 верасня да 1 снежня 1906 г. Выйшла ўсяго 6 нумароў, з іх 5 было канфіскавана (паводле іншых крыніц — 4).

²⁷ З верша Я. Коласа «Асенні вечар», які быў надрукаваны не ў № 3 «Нашай долі», як піша Багдановіч, а ў № 2.

²⁸ Відаць, маецца на ўвазе радок з верша «Маці»: «На камінку гарыць корчык». Верш датуецца 1908 г.

²⁹ Размова ідзе пра верш «У школку», напісаны Я. Коласам у 1909 г.

³⁰ У Я. Коласа: «Песня няволі».

³¹ Відаць, тут маецца на ўвазе верш Я. Коласа «У турме». Магчыма, Багдановіч механічна пераблытаў назву верша з назвай аднаго з раздзелаў зборніка, а магчыма, гэта проста друкарская памылка.

³² Існуе думка, што радкі пра Багдановіча маглі быць дапісаны кімсьці з супрацоўнікаў рэдакцыі «Нашай нівы» (Творы, 1928, т. 2, с. 353; Зб. тв., 1968, т. 2, с. 518—519). Але аналагічны тэкст у артыкулах «За тры гады» і «Белорусское возрождение» з'яўляецца аўтарскай самахарактарыстыкай. Так, напрыклад, у апошнім з названых артыкулаў Багдановіч пісаў: «...С моей стороны уместна лишь характеристика, но не оценка их (уласных твораў.—Л. М.)». Зусім верагодна, што і ў першым выпадку згаданы тэкст належыць Багдановічу. Што ж да ацэнкі яго творчасці сучаснікамі, то Я. Купала і С. Палуян яе ацэньвалі высока. В. Ластоўскі ж лічыў, што Багдановічава паэзія, як незвычайная матывамі, формай, мастацкай манерай, успрымаецца з цяжкасцю. Некаторыя беларускія паэты адмоўна ставіліся да яго паэзіі, як, напрыклад, А. Паўловіч.

³³ Такое меркаванне пра творчасць згаданых паэтаў склалася ў М. Багдановіча паводле іх нашаніўскіх твораў, надрукаваных у 1910 г.

А. Гарун надрукаваў вершы: «Мае думкі» (21 студз.), «Вясна» (29 крас.), «Вецер» (10 чэрв.), «Шчасце Мацея» (17 чэрв.), «Каму што...» (30 верас.), «Беларусам у чатырохлеце «Нашай нівы» (18 лістап.); Г. Леўчык — «*** Смешна часам баеш, дзядзька» (18 сак.), «Шэрая гадзіна» (10 чэрв.), «Зламайце дудку» (8 ліп.); Стары Улас — «Прыгавор» (20 мая), «*** Слоўца адно, а часам другое» (8 ліп.), «Год беларуса» (23 снеж.); Ц. Гартны — «Роднай краіне» (1 ліп.), «*** Не хістайся, дуб зялёны» (22 ліп.), «Начныя чары» (2 верас.), «*** Як гляджу я на сіняе неба» (23 верас.), «Восень» (21 кастр.), «Ахвярую «Нашай ніве» ў чатырохлетнюю яе гадаўшчыну» (18 лістап.), «3 песень гарбара» (2 снеж.); Ф. Чарнышэвіч — «Зорка» (4 сак.), «Вечар» (5 жн.), «Песня каваля» (2 верас.), «Ястраб» (7 кастр.), «*** Жыві, наша родная мова!» (11 лістап.); Піліпаў — «Хрыстос уваскрос!» (15 крас.), «Ноч» (6 мая), «Слёзы» (5 жн.), «Восенню над магілай» (26 жн.), «Ведзьма» (16 верас.).

³⁴ У «Беларускім календары «Нашай нівы» на 1911 г. Ц. Гартны надрукаваў верш «Песня гарбара», а Г. Леўчык «*** Усё пераходзе, ў далі знікае», «*** Як чайка слабая і тонкая».

³⁵ Ацэнка дадзена Багдановічам на падставе нашаніўскай паззіі К. Буйло за 1910 г. — вершаў «На чужыне» (28 студз.), «Вясной» (6 мая), «Мне сніўся сон» (27 мая), «Дзеўчына» (17 чэрв.), «У бяссонную ноч» (15 ліп.), «Курган» (19 жн.), «Каб я мела...» (14 кастр.).

³⁶ К. Каганец надрукаваў вершы «Кабзар» (14 студз.) і «Прамова» (11 лют.); Мацей Крапіўка (Цётка) — «Гаданне» (11 лістап.); Э. Будзька — верш «3 туры» (1 крас.).

³⁷ Маецца на ўвазе серыя «Беларускія песняры» (7 выпускаў, 1907—1910 гг.), якую выдала суполка «Загляне сонца і ў наша аконца». Туды ўвайшлі творы Ф. Багушэвіча, В. Дуніна-Марцінкевіча, а таксама пераклад паэмы А. Міцкевіча «Пан Тадэвуш», зроблены В. Дуніным-Марцінкевічам, і інш.

³⁸ Вядомы пад назвай «Беларускія песні з нотамі», т. 1 (Пецярбург, 1910).

³⁹ Размова ідзе пра творы Влоста (В. Ластоўскага), надрукаваныя ў «Нашай ніве» за 1910 г. Гэта — «Мары» (6, 13 і 27 мая), «Лебядзіная песня» (5 жн.), «Панас гуляе» (19 жн.), «Краскі» (2 верас.), «Мост у Кутах» (9 верас.), «Апаўшыя лісты» (30 верас.), а таксама апавяданне «Есць боль...», што друкавалася ў «Першым беларускім календары «Нашай нівы» на 1910 г.

⁴⁰ Размова ідзе пра нашаніўскія апавяданні 1910 г.: «Бязрозка» (21 студз.), «Казка» (25 сак.), «Казка» (29 крас.), «Лісты з дарогі» (10 чэрв. — 30 верас.), «Думкі з падарожжа» (21 кастр.), «Сакатушка» (9 снеж.), «Сіло» (16 снеж.).

⁴¹ Надрукаванае ў «Нашай ніве», 1910, 14 студз. і «Беларускім календары «Нашай нівы» на 1911 г.

⁴² Наша ніва. 1910. 14 студз.

⁴³ Дакладная назва: «Праўда — не праўда, казка — не казка» (Наша ніва. 1910. 1 ліп.).

⁴⁴ Вадэвіль датуецца 1910 г. У гэтым жа годзе ён быў пастаўлены ў Вільні і ў Полацку Першай беларускай трупай І. Буйніцкага.

⁴⁵ Камедыя М. Крапіўніцкага. У 1902 г. была пастаўлена ў Радашковічах, у 1906 г. — у Карэлічах і маёнтку Пятроўшчына пад Мінскам, у 1910 г. — Гродзенскім гуртком беларускай моладзі, Першай беларускай трупай І. Буйніцкага (Полацк), Беларускім драматычным гуртком (Пецяярбург), у 1912 г. — Беларускім музычна-драматычным гуртком у Вільні і інш. У 1911 г. п'еса была выдадзена ў перакладзе на беларускую мову суполкай «Загляне сонца і ў наша аконца».

⁴⁶ Чатырохактная п'еса Касьяна Вясёлага (Вінцука Аўдзея), надрукаваная ў час. «Крестьянин», 1909, № 42—44. Пазней публікавалася пад назвай «Не розумам сцяміў, а сэрцам».

⁴⁷ М. Багдановіч высока цаніў паэтычную творчасць С. Палуяна і цяжка перажываў яго смерць. Пазней ён прысвяціў Палуяну два вершы. І адзіны зборнік пазіі Багдановіча «Вянок» адкрываецца прысвячэннем: «Вянок на магілу С. А. Палуяна († 8 красавіка 1910 г.)».

⁴⁸ Наша ніва. 1910. 21 кастр.

⁴⁹ Наша ніва. 1910. 15 крас.

⁵⁰ Лічыцца новатворам М. Багдановіча, ад дзеяслова «абдолец».

Санет

(с. 193)

Друкуецца па аўтографе (фотакопія чарнавога рукапісу, змешчаная ў Творах, 1928, т. 2, пасля старонкі 252), акрамя тэксту: «апошняя канцоўка першага з іх і пачатковая другога павінны быць аднолькавымі» (с. 194 р. 3—5) і «un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme» (с. 194 р. 30—31), які ўзноўлены паводле першадруку (Крывічанін, 1918, № 1). Для выразу Буало ў чарнавіку было пакінута месца (пропуск у дужках). Відаць, аўтар у той момант не быў гатовы яго ўзнавіць па памяці. Таму з поўным правам запаўняем аўтарскі пропуск паводле «Крывічаніна». Што ж датычыць замены ў асноўным тэксце фразы «канец першага з іх і пачатак другога маюць адзінаковыя рыфмы» на ўжо адзначанае: «апошняя ~ аднолькавымі», то менавіта ў другім выпадку адлюстраваны канчатковы этап працы аўтара. Розначытанню паміж тэкстамі аўтографа і надрукаваным у «Крывічаніне» багата. Няма пэўнасці, што часопісны варыянт артыкула не створаны ў нейкай ступені і рэдактарска-карэктарскай рукой. Бо, як сведчаць розначытання, надрукаванае «рытмы» замест «рыфмаў», што ў аўтографе, або «падкарацаца» замест «падкапацаца» і інш. не ўласціва мове Багдановіча.

Таму за асноўны тэкст нельга было ўзяць тэкст «Крывічаніна». Дакладна вядома, што сярод розначытанняў належыць аўтару радок «апошняя ~ аднолькавымі». Яго мы і ўключылі ў асноўны тэкст. Ён сустракаецца яшчэ ў чарнавым аўтографі, але запісаны асобна ад звязанага тэксту ў самым версе на палях з левага боку, магчыма, запіс зроблены ў працэсе стварэння чыставіка.

Прыводзім розначытання згаданых крыніц.

Асноўны тэкст	Аўтограф	«Крывічанін»
С. 193 р.	3 дасюль	дагэтуль
	3 яшчэ астаецца	астаецца яшчэ
	4 дасюль	дагэтуль
	5 З аднаго боку	З адной стараны
	6 па няведзенню	па няведанню
	6 альбо	або
	6 нядбаласці	нядбайлівасці
	7 болі	болеі
	9 адзінакавыя	аднакавыя
	10 бакі	староны
	10 краснай	мастацкай
	11—12 падкапацца	падкарасацца
	16 рыфмы	рытмы
	17 abbaabba ccdede	a—b—b—a—a—b—b—a,
	17 для	у
	17 рыфм	рытмах
	18 дапускаецца якое ўгодна	дапускаюцца рознаякае
	19 альбо	або
	20 гэткія	такія
	20—21 Адзначанага ж	Апісанага тут
	21 і такія	такія
	27 і моцна ўвайшлі	ўвайшлі
	29 адзінакавых рыфм	адзінакіх рытм
С. 194 р.	5—6 рыфмы павінны зрабіць	рытмы робяць
	7 астатнім	апошнім
	8—9 « <i>вымагае і ад зместу</i> », « <i>скончанаасці</i> », « <i>незалеж-</i> <i>насці</i> »	« <i>вымагае</i> » і ад зместу « <i>скончанаасці</i> », « <i>незалежнаасці</i> »
	9 кожнай	кождай
	10—11 яе гаць	гаць
	12—13 зрабіліся б чужымі, непрыстасаванымі	зрабіліся б непрыстасаванымі
	13 змагаючыміся	збіваючыміся
	14—15 увесь час шкодзілі б	; звычайна, гэта шкодзіла б

яны адзін аднаму збудзіць у чытача пачуццё красы і нават забівалі б яго.	прабуджэнню ў чытача пачування красы і нават забівала б яе.
17 асобныя,	асобныя, аддзельныя
18 сціснутыя між сабой	прылягаючыя адно да аднаго
22 ў астатнім	ў апошніх
23 выкладаецца	даецца
25—26 ні адна нітка з яго тканіны, ні адна цагліна	ні адна цагліна
27 болі	болеі
29 тая высокая краса	тая краса
31 («пэўна напісаны санет варт цэлай паэмы»).	адсутнічае

Датуецца прыблізна 1911 г., паводле ліста М. Багдановіча ў рэдакцыю альманаха «Малая Беларусь» ад 27.XI.1911 г. У лісце паэт прасіў змясціць разам з вершамі-санетамі «і прысылаемы цяпер мною сціснуты нарыс санетнай формы».

У Творах, т. 2, с. 374 дата напісання артыкула аргументуецца наступным чынам: «Рукапіс нарысу захаваўся на старонцы паўаркуша, на другой старонцы якога знаходзіцца чарнавы накід верша «Добрай ночы, зара-зараніца», задатаваны 1911-м г. Абодва накіды (нарыса і верша) напісаны адным почыркам і, як відаць, у адзін і той жа час (уласна ў 1911-м г.). Падтрыманне гэтае думкі можна знайсці таксама і ў тым, што якраз у гэтым жа годзе М. Б-ч з асаблівым захваленнем пісаў санеты (гл., напрыклад, «Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі» і «На цёмнай гладзі сонных луж балота...»).

Часопісны варыянт артыкула быў перадрукаваны ў манаграфіі А. І. Барычэўскага «Тэорыя санета» (1927). Але скапіраваны не зусім дакладна. Сустрэкаюцца розначытанні такога тыпу: замест «па дзве якія» надрукавана «на некаторыя» і г. д.

Цытату Буало, якая ў артыкуле Багдановіча гучыць на мове арыгінала і на беларускай, Барычэўскі па-беларуску перадае яе змест інакш: «Санет нас недахопаў адзін варты доўгай паэмы».

¹ Паэтычнымі вольнасцямі (Сенека).

² Выраз Буало быў выкарыстаны паэтам і ў якасці эпіграфа да санета «*** Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі».

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, дзе ўпершыню апублікаваны з аўтографа. Артыкул няскончаны.

Паводле каментарыяў да Твораў, т. 2, с. 360, пра аўтограф вядома наступнае: «Напісаны быў чытэльна, на паасобных старонках гэткага выгляду, як звычайна паэта пісаў для рэдакцый. Апошнія старонкі рукапісу загубіліся і сярод аўтографаў паэты не знайшліся».

Датуецца прыблізна 1911 г. Як зазначана ў каментарыях да вышэй згаданага тома Твораў, рукапіс прымыкае да аўтографаў, якія датуюцца 1911 г. Магчыма, артыкул меркаваўся да 200-годдзя з дня нараджэння М. В. Ламаносава (н. 8.XI.1711).

¹ Заснавальнікам і тэарэтыкам гэтай школы з'яўляўся французскі паэт Рэнэ Гіль (1862—1925). Некаторы час ён супрацоўнічаў у рускім часопісе сімвалістаў «Весы», быў добра вядомы рускаму чытачу.

² «Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» — першая ода Ламаносава, напісаная ў 1739 г.

³ Пасланне куратару Маскоўскага універсітэта І. І. Шувалаву, напісанае ў 1752 г. Лічыцца выдатным помнікам рускай навуковай паэзіі. Стварэнне новых гатункаў бясколернага і каляровага шкла — адна з галоўных тэм навуковай і навукова-тэхнічнай дзейнасці Ламаносава.

⁴ Паэма няскончаная. Часткова была надрукавана ў 1760—1761 гг.

⁵ «Таміра і Сялім» (1750) і «Дэмафон» (1752).

⁶ Сцвярджэнне суб'ектыўнае. Паводле адзінадушнай думкі даследчыкаў паэтычнай творчасці Ламаносава, справа тут не ў «казённым, полуслужэбным характэре» яго паэзіі, а ў асаблівасцях разумення Ламаносавым задач нацыянальнага паэта. Паэт, сцвярджае Ламаносаў, абавязаны апяваць не інтымныя рухі чалавечага сэрца, а агульнанацыянальныя падзеі, якія маюць важлівае значэнне для ўсёй дзяржавы, усёй краіны. Менавіта адсюль у творах Ламаносава патрыятычны пафас «пользы общества» (В. Каровін).

⁷ Што ж датычыць такіх узораў натурфіласофскай паэзіі, як «Ранішні роздум пра Божую вялікасць» (1743) і «Вячэрні роздум пра Божую вялікасць на выпадак вялікага паўночнага ззяння» (1743), то гэта творы, народжаныя моцнымі пачуццямі захаплення вялікасцю прыроды і космасу.

⁸ З духоўнай оды «Вячэрні роздум пра Божую вялікасць на выпадак вялікага паўночнага ззяння».

⁹ Урывак з «Ранішняга роздуму пра Божую вялікасць».

¹⁰ Касмічныя пачуцці выяўлены Цютчавым у многіх вершах, прысвечаных прыродзе.

¹¹ Урывак з «Вячэрняга роздуму пра Божую вялікасць на выпадак вялікага паўночнага ззяння».

(с. 200)

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, дзе ўпершыню апублікаваны з аўтографа.

Датуецца прыблізна, паводле наступных радкоў з ліста Багдановіча, напісанага ім у «Нашу ніву» ў 1911 г.: «Пишу нарыс даўнейшай беларускай пісьменнасці па Карскаму, як рэферат да нашага будучага яраслаўскага гуртка, можа, у сакрашчэнні падыдзе і для «Нашае нівы». (Ліст не захаваўся. Цытата ўзята з Твораў, 1928, т. 2, с. 354.) Прымаем пад увагу згаданы ліст, дапускаючы, што ў ім размова ішла менавіта пра гэты артыкул.

¹ Маюцца на ўвазе велікарусы, беларусы, украінцы.

² У сэнсе: усходнеславянскага.

³ У сэнсе: народнасці.

⁴ Паводле большасці сучасных крыніц, лічыцца, што этнічнай асновай беларускай народнасці з'яўляюцца плямёны дрыгавічоў, крывічоў і радзімічаў, якія займалі частку тэрыторыі цяперашняй Беларусі (История белорусской дооктябрьской литературы. Мн., 1977. С. 42; БелСЭ. Т. 12. С. 93). Аднак М. Ермаловіч зазначае, што Багдановічавы думка таксама вартая ўвагі, паколькі ёсць звесткі, што на тэрыторыю Беларусі ў даўнія часы выселілася шмат дулебаў, славенаў і севяранаў (Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1981. № 4. С. 21).

⁵ Сцвярджэнне Багдановіча мела пад сабой глебу, хоць яно разыходзіцца з агульнавядомай думкай: наўгародцы не з'яўляліся нейкім асобным народам. Да IX ст. землі, занятыя ўсходнімі, рускімі славянамі, падзяляліся на чатыры тэрыторыі: Растова-Суздальскую, Дняпроўскую (з цэнтрам у Кіеве), сучасныя землі Беларусі з цэнтрам у Полацку і на поўначы — Наўгародскую. У XII ст. Наўгародская Русь ператварылася ў эканамічна моцную, самастойную дзяржаву — Наўгародскую феадальную рэспубліку, якую насялялі так званыя наўгародскія славяне.

⁶ Сёння ёсць іншая думка (у прыватнасці, яе трымаецца М. Ермаловіч), што ўтварэнне Вялікага княства Літоўскага пачыналася з заваявання Новагародкам Літвы. Вялікае значэнне ў гэтым мела «аб'яднанне Войшалкам Новагародскай, Літоўскай, Нальшанскай, Дзевалтоўскай і Полацка-Віцебскай земляў у адзіную дзяржаву» (Ермаловіч М. Старажытная Беларусь // Маладосць. 1989. № 8. С. 139).

⁷ Пасля «мове» ў аўтографе ішоў закрэслены тэкст: «а яна, мёртвая, як магільны камень над пісьменніцкай творчасцю, ціснула яе, не давала ёй выпрастацца, развіцца і ўшыр і ўглыб; таму ўзрост даўняй расійскай пісьменнасці,— гэта ўзрост перш за ўсё перапіскі розных старэйшых твораў, гэта, далей, узрост перапрабкі іх і толькі

на апошнім месцы — узрост творчаскага труда». Гэты фрагмент з некаторымі зменамі быў перанесены аўтарам у іншае месца артыкула.

⁸ Шэдэўр сусветнай літаратуры эпохі сярэднявечча. Паэма створана ў 1185—1187 гг. Значная ўвага ў ёй скіравана і на гісторыю Полацкай зямлі. У адным з раздзелаў аўтар апавядае пра цяжкую барацьбу палачанаў з літоўскімі плямёнамі. Згадваецца князь Ізяслаў Васількавіч (паводле сцвярджэння Д. С. Ліхачова, гэты князь па летпісах невядомы). Асобнае месца тут займае вобраз нескаронага Усяслава (XI ст.), які за рашучасць, розум і энергію быў прызваны Чарадзеям. Аўтар «Слова пра паход Ігаравы» паказаў князя як легендарнага героя, стварыў яго вобраз у духу вуснапаэтычных традыцый.

Упершыню ўрываек са «Слова» пра смерць полацкага князя Ізяслава пераклаў М. Багдановіч у 1910 г. Першыя поўныя высокамастацкія праязныя пераклады на беларускую мову належаць Я. Купалу (1919) і М. Гарэцкаму (каля 1920 г.). У 1921 г. Купалам быў зроблены вершаваны пераклад — адзін з найлепшых вольных вершаваных перакладаў «Слова». Сярод апошніх — паэтычны пераклад Р. Барадуліна (1984—1985).

⁹ У 1066 г. Усяслаў захапіў Ноўгарад, затым быў разбіты на р. Нямізе братамі Яраславічамі, захоплены імі ў палон у час перагавораў каля Оршы. У 1068 г. у час паўстання ў Кіеве вызвалены народам з цямніцы і сем месяцаў быў там вялікім князем.

¹⁰ Гандлёвае і палітычнае пагадненне паміж Смаленскім, Віцебскім і Полацкім княствамі, з аднаго боку, Рыгай і Готландам — з другога. Дагавор замацаваў прававыя нормы, якія гарантавалі і забяспечвалі развіццё гандлёвых адносін на падставе ўзаемнасці і раўнапраўя.

¹¹ Паводле гісторыка-літаратурных крыніц нядаўняга часу, помнікаў старажытнай беларускай пісьменнасці налічваецца значна больш. Дакладнага падліку няма.

¹² У аўтографіе ў гэтым сказе былі закрэслены словы (у нашай ілюстрацыі яны ўзяты ў квадратныя дужкі): «...мога здавацца добрым [нават] тое [усё ж ткі сумнае] палажэнне, у якім я знаходзілася на працягу XV сталецця, [калі беларуская народная культура ўжо адстаялася і пачала ацвердзяваць]» (Творы. 1928. Т. 2. С. 17—18).

¹³ У аўтографіе перад словам «кніг» ішло закрэсленае «гэтых».

¹⁴ Вялікі князь літоўскі, заснавальнік дынастыі Ягелонаў (каля 1348—1434). Ажانیўшыся на польскай каралеве Ядвізе, прыняў каталіцтва, стаў польскім каралём пад імем Уладзіслава II і яго статут, перакладзены з лацінскай мовы, быў шырока вядомы ў Вялікім княстве Літоўскім.

¹⁵ Гаворка ідзе пра выдадзены польскім каралём Казімірам IV Ягелончыкам Судзебнік, які быў першай спрабай кадэфікацыі феадаль-

нага права ў Вялікім княстве Літоўскім. Ен паклаў пачатак юрыдычнаму афармленню залежнасці сялян ад феодалаў.

¹⁶ Псалтыр — кніга псалмаў, першая кніга трэцяга раздзела Старога завета. Тлумачальны Псалтыр адрозніваецца кароткімі каментарыямі на асобныя псалмы царкоўных пісьменнікаў Златавуста і Аўгусціна. Нельга зараз з пэўнасцю сказаць, якія два спіскі тлумачальнага Псалтыра меў на ўвазе М. Багдановіч, бо іх вядома значна больш. Што ж датычыць Евангелля, то яно бытвала на Беларусі з часоў хрысціянства. Самыя старыя з яго рукапісаў, якія дайшлі да нас, — Тураўскае Евангелле (XI ст.), Полацкае Евангелле (XIII—XIV стст.), Друцкае Евангелле, Лаўрышаўскае Евангелле, Мсціжскае Евангелле (XV ст.), Жыровіцкае Евангелле (канец XV ст., паводле іншых звестак, сярэдзіна XVI ст.).

¹⁷ Адносяцца да патрыстычнай (павучальнай) літаратуры. Іх асноўны змест звязаны з філасофскім абгрунтаваннем рэлігійных догматаў, барацьбой за чысціню хрысціянскай веры, пропаведдзю хрысціянскай маралі.

¹⁸ «Мінеі-чэці» (штомесячныя чытанні) — царкоўна-рэлігійныя зборнікі твораў павучальнага зместу. Уключалі жыцці «святых», павучанні, словы, казанні, легенды, складзеныя па месяцах у адпаведнасці з днямі ўшанавання царквою памяці кожнага «святога». На Беларусі вядомыя «Мінеі-чэці» камянецкая і жыровіцкая (XV ст.), слущкая (XVI ст.), супрасльская і віленская (XVII ст.).

¹⁹ Іаан Златавуст — прадстаўнік урачыстага красамоўства. У сваіх прамовах закранаў пытанні грамадскага і сямейнага жыцця, заступаўся за правы ніжэйшых саслоўяў, патрабаваў духоўнай свабоды для чалавечай асобы. Яго творы былі аб'яднаныя ў зборнікі «Златавуст», «Златаструй», «Маргарыт» і інш., у якія на Русі часам уключаліся і сачыненні мясцовых аўтараў.

²⁰ Маецца на ўвазе апокрыф «Хаджэнне багародзіцы па пакутах» (у беларускай апрацоўцы XV—XVI стст. — «Аб дванаццаці пакутах»).

²¹ Размова ідзе пра старажытнабеларускія аповесці — помнікі беларускай перакладной літаратуры XV ст. — «Страсці Хрыстовы», «Аповесць пра трох каралёў», «Жыцце Аляксея, чалавека Богага».

²² Візантыйская «Хроніка Іаана Малалы» (VI ст.) была вядомая на Русі ў XI—XIII стст. Асноўны яе змест — апісанне старажытнай гісторыі Егіпта, Грэцыі, Рыма, Антыяхіі і Візантыйскай імперыі.

²³ Вядомы і пад назвай «Летапісец Пераяслаўля-Суздальскага», быў састаўлены паміж 1216—1219 гг. Адлюстроўвае гісторыю рускіх земляў 852—1214 гг. Крыніцамі для напісання «Летапісца...» паслужылі «Уладзімірскі паліхрон 14 ст.», «Кіеўскі Выдубецкі звод» і «Пераяслаўскі летапіс».

²⁴ Вядомы пад назвай «Летапісец вялікіх князёў літоўскіх», найбольш даўні помнік беларуска-літоўскага летапісання, які пры-

свечаны палітычнай гісторыі Літвы, Беларусі і Украіны. Напісаны невядомым аўтарам у канцы 1420 г. у Смаленску. Храналагічна ахоплівае падзеі ад смерці князя Гедыміна (1341) да канца XIV ст.

Згадваючы пра дакладзеныя да «Летапісца...» «гістарычныя стацыі», М. Багдановіч меў на ўвазе, на думку даследчыка гісторыі беларускай старажытнай літаратуры В. А. Чамярыцкага, «Аповесць пра Падолле», «Пахвалу Вітаўта» і «Смаленскую хроніку», якія былі ўзяты з іншых летапісаў, паколькі ў іх апавядаецца пра гісторыю літоўскіх князёў.

²⁵ Летапісны звод, складзены ў апошняй чвэрці XV ст. у Пскове або ў Ноўгарадзе на аснове больш старажытных рускіх летапісных крыніц. Ахоплівае падзеі да 1469 г. У ім адлюстравана гісторыя Кіеўскай і Маскоўскай Русі, Ноўгарада, часткова Вялікага княства Літоўскага і барацьба ўсіх славян супраць іншаземных захопнікаў. У 1495 г. гэты летапісны звод быў перапісаны ў Смаленску Аўрамкам.

За сто лет

(с. 208)

Друкуецца па тэксце, які змешчаны ў Творах, 1928, т. 2 у раздзеле «Узоры прозы М. Багдановіча ў дакладных копіях».

Артыкул няскончаны. Відаць, гэта адна з частак вялікай працы па гісторыі беларускай пісьменнасці, якую збіраўся пісаць М. Багдановіч.

Датуецца прыблізна 1911 г., паводле зместу і часу напісання папярэдняга артыкула «Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI сталецця».

У аўтографе, змешчаным ва «Узорах...», квадратнымі дужкамі быў пазначаны закрэслены аўтарам тэкст, які прыводзім ніжэй.

С. 208	р. 17	Пасля: для	праяснення развіцця і
209	2	Пасля: умовам	нашага
	16	Пасля: Гэты	правінцыяльны
	17	Пасля: іншым	у так званай польска-беларускай пісьменнасці, маляваўшы ў польскай мове жыццё сялян і дробнай шляхты нашага краю, гэтаму спрыяў з'явіўшыся ў тагочаснай пісьменнасці рамантычны кірунак
	24	Пасля: Ліндэ	Хадакоўскага
210	1	Пасля: шляхты	Асабліва часта сталі з'яўляцца
	3	Пасля: каторага	вельмі
	12	Пасля: асоб	ужо меўшых

¹ Азначэнне паняцця «інтэлігенцыя» дадзена Багдановічам у народніцкім духу, відаць, пад уплывам Лаўрова і Міхайлоўскага. Больш дакладнае разуменне гэтага паняцця аўтар выказаў у артыкуле «Новая інтэлігенцыя».

² Быў заснаваны ў 1579 г. як Віленская акадэмія. З 1773 г. называўся Галоўнай школай Вялікага княства Літоўскага, з 1796 г.— Галоўнай Віленскай школай, з 1803 г.— імператарскім Віленскім універсітэтам. Адыграў важную ролю ў фарміраванні нацыянальнай свядомасці беларускага і літоўскага народаў, у абуджэнні інтарэсу да навукі і асветы, гісторыі Беларусі і Літвы, роднай мовы.

³ Буржуазна-дэмакратычная рэвалюцыя 1789—1794 гг., якая нанесла вырашалны ўдар па феадальным абсалютысцкім ладзе і пралажыла шлях развіццю капіталізму.

⁴ Пасля падпісання Расіяй і Прусіяй у 1793 і 1795 гг. канвенцый аб 2-м і 3-м падзелам Рэчы Паспалітай да Расіі адышла Беларусь. Пачалася барацьба царскага самаўладства супраць мясцовага народа, які выступаў у абарону сваіх сацыяльных і нацыянальных правоў. У выніку канвенцый насельніцтва Беларусі прыводзілася да прысягі. Хто не прымаў яе, павінен быў выехаць. Але большасць дваран, каб не страціць маёмкаў, прынесла прысягу і карысталася ўсімі правамі і прывілеямі, што і дваранства Расійскай імперыі. Беларусы ж аказаліся пад двойным прыгнётам. З аднаго боку, іх імкнулася апалячыць і акаталічыць буйная польская шляхта, якой належала эканамічная ўлада ў Беларусі, з другога боку — прыгнятала царскае самадзяржаўе.

⁵ Відаць, гаворка ідзе ў першую чаргу пра Я. Чачота, Я. Баршчэўскага, А. Рыпінскага.

⁶ Відаць, меліся на ўвазе паэма «Жонка» Вінцука Рэута, якая друкавалася з падзагалоўкам «Белорусская повесть по простонародному преданию» (Рочнік. 1844. Т. 2.), твор Ігнація Легатовіча «Скажы, вяльможны пане...» (віленскі альманах «Баян»), «Слова два о языке и грамотности Белой Руси» (час. «Маяк», 1843), верш «Савасцеева віншаванне» (час. «Иллюстрация», 1848). У час. «Рочнік літэрацкі» (1843) друкаваліся беларускія вершы Я. Баршчэўскага. У гэтым жа годзе ў час. «Москвитянин» П. Кушын змясціў апавяданне «Гецькі» — з жыцця паўночнай Віцебшчыны — і даў некалькі беларускіх песень і інш.

⁷ Так пісаў А. Рыпінскі ў даследаванні «Беларусь», выдадзеным у Парыжы ў 1840 г. Ён сцвярджаў таксама, што беларуская зямля «складае неад'емную частку Польшчы» і што беларускае дзіця павінна навучыцца гаварыць слова «Польшча» раней, чым «маці».

⁸ «Энеіда наываварат» з'яўляецца арыгінальным беларускім творам, лічыцца бліжэйшай па змесце да трагедыінай «Энеіды» аўстрыйца Алоіса Блумауэра. Была напісана паміж 1812 і 1830 гг.

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, дзе ўпершыню апублікаваны з чарнавога аўтографа.

Артыкул не меў раздзел вялікай працы па гісторыі беларускай літаратуры для рускага чытача. У гэтым пераконвае і наступны ўрывак: «Вспомнив, с каким страстным нетерпением ~ Мы решимся предложить нашу книгу вниманию [массового] читателя...» (с. 214).

Загалавак артыкула быў дадзены ў час вопісу творчай спадчыны паэта, які рабіўся з удзелам бацькі пісьменніка А. Я. Багдановіча (Творы. Т. 2. С. 355).

Датуецца прыблізна 1912 г. паводле наступнага ўрыўка з артыкула: «Эти лица вынесли на своих плечах тяжесть шестилетнего издания газеты». Размова ідзе пра «Нашу ніву», якая пачала выходзіць у 1906 г. Некаторыя лічбы для артыкула былі ўзяты яго аўтарам з «Нашай нівы» за 1910 г.; канкрэтызуючы гэты тэкст, Багдановіч падкрэсліваў: «А ведь это было 2 года назад».

Паводле каментарыяў да Твораў, т. 2, с. 356, чарнавы аўтограф артыкула быў вельмі нечытэльны. Словы, радкі, якія цяжка было расчытаць, узяты ў тэксце ў квадратныя дужкі, бо, магчыма, прачытаны недакладна. Нерасчытаны тэкст пазначаны: [—].

¹ Гл. каментарый да артыкула «Глыбы і слаі», пазіцыю 26.

² Гл. каментарый да артыкула «Глыбы і слаі», пазіцыю 11.

³ Гэта— А. і І. Луцкевічы, А. Уласаў, Цётка, Я. Купала, Я. Колас, З. Бядуля, Ядвігін Ш., В. Ластоўскі, Ц. Гартны і інш.

⁴ Гаворка ідзе пра штогоднік «Беларускі каляндар «Нашай нівы», пачаў выдавацца ў Вільні з канца 1909 г. У ім змяшчаліся гаспадарчы каляндар па месяцах, фальклорныя творы, творы Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча, Цёткі, Ц. Гартнага, Ядвігіна Ш., Г. Леўчыка, З. Бядулі, А. Гурло, У. Галубка і інш. Каляндар быў адзначаны сярэбраным медалём на Быхаўскай сельскагаспадарчай выстаўцы ў 1911 г. і дыпламам на Лепельскай сельскагаспадарчай выстаўцы ў 1912 г., на выстаўках у Гарадку і Глыбокім у 1913 г.

⁵ Штомесячны сельскагаспадарчы часопіс, выдаваўся на беларускай мове ў 1912—1915 гг. Выйшла ўсяго 27 нумароў.

⁶ Літаратурна-мастацкі альманах, выдаваўся беларускай суполкай «Загляне сонца і ў наша аконца» ў Пецяярбурзе на беларускай мове. У 1912 г. выйшлі № 1 і № 2, у 1913 — № 3. Быў трыбунай маладой беларускай літаратуры дэмакратычнага і рэвалюцыйна-дэмакратычнага кірункаў. Змясціў драматычную паэму Я. Купалы «Сон на кургане», апавяданні Цёткі, падборкі вершаваных твораў

Я. Коласа, Ц. Гартнага, А. Гурло, Ф. Чарнышэвіча, К. Буйло, Я. Журбы, навелы У. Галубка, апавяданні і лірычныя замалёўкі З. Бядулі і інш.

⁷ У беларускім выдавецтве «Загляне сонца і ў наша аконца» выйшла ўсяго 38 кніг. Сярод іх — «Беларускі лемантар, або Першая навука чытання» К. Каганца; «Першае чытанне для дзетак беларусаў» Цёткі; «Другое чытанне для дзяцей беларусаў» Я. Коласа (выдадзенае разам з віленскім выдавецтвам «Наша хата»); серыя «Беларускія песняры» (Д.-Марцінкевіч, Ф. Багушэвіч); першыя кнігі Я. Купалы, З. Бядулі, Ц. Гартнага.

⁸ Сярод кніг, выдадзеных выдавецтвам «Нашай нівы», — «Вянок» М. Багдановіча, «Песні жальбы» Я. Коласа, «Праграма для збірання матэрыялаў аб батлейках на Беларусі» Цёткі, «Курганная кветка» К. Буйло і інш.

⁹ Такі музей быў заснаваны ў Вільні ў 1921 г. на базе прыватнай калекцыі беларускага этнографа і археолага І. Луцкевіча. Узначаліў яго А. Луцкевіч. Гісторыка-этнаграфічны музей імя Івана Луцкевіча праіснаваў да 1945 г., затым быў падзелены паміж Літвой і Беларуссю. «Гэта ёсць фундамент нашага адраджэння! Гэта і за тысячу гадоў будзе сведчыць аб нас!» — казаў Максім Багдановіч, калі аглядаў калекцыі, будучы праездом у Вільні ў 1911 годзе» (Луцкевіч Л. Скарбніца Беларускага нацыянальнага музея ў Вільні: 1921—1945 // Літ. і мастацтва, 1991. 15 сак.).

¹⁰ Відаць, гаворка ідзе пра так званую Першую беларускую трупу Ігната Буйніцкага, якая стварылася ў 1907 г., а ў 1910 г. набыла статус прафесійнага тэатра (у 1913 г. спыніў існаванне). У яго рэпертуары былі наступныя пастаноўкі: «Модны шляхцюк» К. Каганца, «У зімовы вечар» паводле Э. Ажэшкі, «Па рэвізіі» і «Пашыліся ў дурні» М. Крапіўніцкага і інш. А таксама ў Вільні ў 1910 г. быў арганізаваны Беларускі музычна-драматычны гурток, які адыграў вялікую ролю ў развіцці беларускага прафесійнага тэатра.

¹¹ Усе яны пражылі кароткае жыццё. Веневіцінаў — 22 гады, Станкевіч — 27, Палуян — няпоўных 20.

¹² Апавяданне С. Палуяна «Хрыстос уваскрос!», надрукаванае ў «Нашай ніве» (1910. 15 крас.).

¹³ З лацінскай: «Тыя, каму наканавана памерці, вітаюць цябе».

¹⁴ У 1890 г. за ўдзел у студэнцкіх хваляваннях.

¹⁵ Гл. каментарый да артыкула «І. Неслухоўскі», пазіцыю 5.

¹⁶ У 1904—1905 гг. у газ. «Виленьскі вестник», «Белорусский вестник» і інш. змешчаны допісы Ядвігіна Ш., у якіх ён апавядаў пра побыт беларускага селяніна, знаёміў з беларускім фальклорам, уздымаў пытанні нацыянальнага жыцця.

¹⁷ Напісана ў 1898 г. Рыхтаваў яе да пастаноўкі самадзейны

гурток беларусаў-інтэлігентаў у Радашковічах. Пастаноўка была забаронена паліцыяй, а рукапіс загінуў.

¹⁸ Гаворка ідзе пра публікацыю апавядання «Суд» у «Нашай долі» (1906, № 3, 20 верас.).

¹⁹ Маюцца на ўвазе выступленні Ядвігіна Ш. у «Нашай ніве» — «Жывы нябожчык» (20 лют.), «Дзед Завальня» (26 сак.), «З бальнічнага жыцця» (12 лістап.), «Сабачая служба» (26 лістап.) і інш.

²⁰ Выйшла ў Вільні (выд-ва «Наша хата») у 1910 г.

²¹ «Бярозка» (Вільня, 1912).

С. Д. Дрожжин

(с. 218)

Друкуецца па газ. «Голос», 1913, № 284, 12 снеж., дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: М. Богдановіч.

Датуецца годам апублікавання.

¹ Дэбютаваў вершам «Песня про горе добра молодца» ў час. «Грамотей».

² У часопісах «Дело», «Слово», «Свет», «Семейные вечера», «Родина», «Русское богатство» і інш.

³ Пад назвай «Стихотворения 1866—1888 гг.» Адкрываецца зборнік аўтарскім уступным словам «Записки-автобиография».

⁴ «Стихотворения 1866—1888 гг.» (1894), «Поэзия труда и горя» (1901), «Год крестьянина» (1906), «Заветные песни» (1907) і інш.

⁵ «Песни старого пахаря» (1913).

⁶ У артыкуле цытуюцца такія вершы С. Дрожжина, як «Под черёмухой», «Возвращение с поля», «После работы», «Весеннее царство», «*** Догорает день зарею...», «Песня» (1890), «Песня» (1894), «Жница».

За тры гады

(с. 223)

Друкуецца па тэксце «Каляднай пісанкі» (Вільня, 1913), дзе ўпершыню апублікаваны (пад тэкстам: М. Б-віч, за выключэннем «P. S.» («Postscriptum»), які друкуецца па аўтографе (захоўваецца ў Цэнтральнай навуковай бібліятэцы АН Літвы, F 21—38. Падпісаны: М. Б.).

Упершыню «P. S.» — «Гадавік Беларускага навуковага таварыства», Вільня, 1933, кн. 1, с. 168. Тут, у публікацыі А. Луцкевіча «З ненадрукаванай спадчыны па М. Багдановічу», сцвярджаецца, што «P. S.» з'яўляецца працягам артыкула М. Багдановіча «Глыбы

і слаі». Даследчык пісаў: «У заключэнне — канцавы лісток агляду беларускага пісьменства за 1910 г. Стацыя гэтая пад назовам «Глыбы і слаі» была надрукавана ў «Н. н.» у пачатку 1911 г. (№ 3, 4, 5), але — без гэтага «Postscriptum», відаць, рэдакцыя «Н. н.» не хацела зрабіць прыкрасці пісьменнікам, якіх паэт закрануў у даволі вострай форме. Цяпер, калі і сам ён, і той, аб кім ён найбольш востра гаворыць (А. Зязюла — кс. Астрадавіч), — у магіле, можна падаць гэты лісток да агульнага ведама, як гістарычны матэрыял» (с. 168).

Гэтай жа думкі пазней трымалася і Н. Б. Ватацы. Але такое свярджэнне памылковае. «Глыбы і слаі» напісаны ў 1911 г. як «Агляд беларускай краснай пісьменнасці 1910 г.» У «Р. С.» жа размова ідзе пра альманах «Маладая Беларусь» і газету «Bielarus» — выданні, якія пачалі выходзіць пасля 1911 г. Па змесце і стылёвых асаблівасцях «Р. С.» з'яўляецца арганічнай часткай артыкула «За тры гады. Агляд беларускай краснай пісьменнасці 1911—1913 гг.» Змястоўная сувязь паміж імі бачыцца вельмі выразна. Для прыкладу параўнаем урывкі тэксту з артыкула і «Р. С.». З артыкула: «Жартаўлівыя творы А. Паўловіча [...] бадай што зусім не друкаваліся. Некалькі яго твораў, з'явіўшыся ў «Bielarusie» і «Маладой Беларусі» [...] Дзе-што было памешчана і ў «Нашай ніве». З «Р. С.»: «Мы казалі толькі аб тых творах, якія (калі не лічыць кнігі ды 2—3 вершы Паўловіча) з'яўляліся або ў «Нашай ніве» або ў «Маладой Беларусі». Але апроч іх выдаецца яшчэ газетка «Bielarus» ...».

У 1958 г. у «Польмі», № 3 М. Смолкін надрукаваў «Р. С.» як урывак з невядомага артыкула Багдановіча. У другім томе Збору твораў паэта 1968 года выдання ён друкаваўся ў раздзеле «З чарнавых накідаў» і меў загаловак «Урывак з невядомага крытычнага артыкула».

¹ Гл. каментарый да артыкула «Глыбы і слаі», пазіцыю 11.

² Гл. каментарый да артыкула «〈Новый период в истории белорусской литературы〉», пазіцыю 5.

³ Літаратурны і навукова-папулярны часопіс для моладзі. Выдаваўся ў Мінску ў 1914 г. Выйшла шэсць нумароў. На яго старонках выступілі Цётка, Я. Купала, Я. Колас, К. Буйло, Ц. Гартны, Я. Журба, А. Гурло, А. Паўловіч, М. Арал і інш.

⁴ Штотыднёвая газета рэлігійнага напрамку для беларусаў-католікаў, выдавалася ў 1913—1915 гг. (лацінкай) у Вільні. Першыя месяцы выходзіла раз у 2 тыдні.

⁵ Гл. каментарый да артыкула «〈Новый период в истории белорусской литературы〉», пазіцыю 6.

⁶ Гл. каментарый да артыкула «〈Новый период в истории белорусской литературы〉», пазіцыю 4.

⁷ Гаворка ідзе пра Беларускае выдавецкае таварыства, якое было заснавана ў Вільні 1.VII.1913 г. Б. Даніловічам, І. Луцкевічам, К. Шапакоўскім і іншымі на базе выдавецтва «Нашай нівы». За першы перыяд яго існавання (1913—1915) выйшла 15 кніг агульным ты-

ражом 50 тысяч экземпляраў. Сярод іх: «Родныя з'явы» Я. Коласа, «Рунь» М. Гарэцкага, «Васількі» Ядвігіна Ш., «Курганная кветка» К. Буйло і інш. У 1919 г. таварыства не толькі аднавіла работу, але і здзейсніла першапачатковую мэту: друкаваць кніжкі для навучання. Былі выдадзены падручнікі Л. Гарэцкай, Б. Тарашкевіча, А. Трэпкі і інш.

⁸ У Вільні па вул. Завальная, 7.

⁹ Трэці зборнік вершаў Я. Купалы, які выйшаў у Пецярбурзе ў 1913 г. Зборнік быў прысвечаны А. П. Ярэмічу. З'яўляецца этапным у творчасці Я. Купалы і беларускай літаратуры пачатку XX ст.

¹⁰ Драматычная паэма «Сон на кургане» з'яўляецца своеасаблівым працягам паэмы «Адвечная песня», але шырэйшая за яе зместам і значна ўзбагачаная сімвалічна-алегарычнымі карцінамі, вобразамі. Праца над паэмай была завершана Я. Купалам 8 жніўня 1910 г. Упершыню надрукавана ў альманаху «Маладая Беларусь» за 1912 г., серыя 1, сшытак 1. Паасобнікам выйшла ў 1913 г. у Пецярбурзе.

¹¹ Камедыя ў двух актах. Была завершана 3 чэрвеня 1912 г. у Акопах. Выйшла паасобнікам упершыню ў 1913 г. у Пецярбурзе. Упершыню была пастаўлена 27 студзеня 1913 г. у Вільні на вечарынцы Беларускам музычна-драматычным гуртком. Тады ж Я. Купалу быў падараваны залаты гадзіннік з надпісам: «Аўтару «Паўлінкі» віленскія беларусы 27 студзеня 1913 г.»

¹² Размова ідзе пра раздзел з паэмы «Новая зямля», які быў апублікаваны ў «Нашай ніве», 1912, 19 ліп.

¹³ Маецца на ўвазе апавяданне вершам Я. Коласа «Батрак», надрукаванае ў «Маладой Беларусі», 1912, серыя 1, сшытак 2.

¹⁴ Вершы «На шляху» (1913, 14 сак.), «Змрокам» (28 сак.), «Парахвія» (21 лістап.).

¹⁵ У «Маладой Беларусі», 1912, серыя 1, сшытак 1 друкаваўся верш А. Паўловіча «Родны край».

¹⁶ А. Паўловіч змясціў у «Нашай ніве» ў 1911 г. такія вершы, як «Смешны закон» (24 сак.), «Кісель» (18 жн.), «3 успамінкаў аб 1812 годзе» (8 верас.), «У фельчара» (6 кастр.); у 1912 г.— «На сходцы» (15 сак.), «Да скрыўджанага брата» (31 мая), «Спагадны сыноч» (13 верас.); у 1913 г.— «Трывога жонкі» (18 студз.).

¹⁷ Вершы Ц. Гартнага, надрукаваныя ў «Нашай ніве» ў 1911 г.: «***Эх, баліць жа дужа» (13 студз.), «Лясун» (3 лют.), «Надзея» (31 сак.), «Любоў» (28 крас.), «***Дружна з ахвотай» (9 чэрв.), «Загудзі ты, вецер» (7 ліп.), «Песня жнія» (28 ліп.), «Пахаванне» (25 жн.), «Я — асобны свет» (27 кастр.); у 1912 г.— «3 чужыны» (26 студз.), «***Калі ў полі ветрык павее» (9 лют.), «***Не шумі, не гудзі» (23 лют.), «***Мець бы жыццё бяссмертнае мне» (3 мая), «Вецер — паду» (31 мая), «Касьба» (16 жн.), «***Свеціць месяц серабраны» (18 кастр.); у 1913 г. — «Многа сіл маладых...» (7 лют.), «Там, дзе неба налягае» (15 сак.), «Не пакінь мяне, надзея» (2 жн.),

«***Ля цыбе я садзіла лілею» (17 кастр.). Ф. Чарнышэвіч надрукаваў у 1911 г. вершы: «3 Новым годам» (6 студз.), «***Цёмная, сумная ночка» (13 студз.), «Хрыстос уваскрос» (7 крас.), «Сонца ўстае» (28 крас.), «Самагудка» (8 верас.), «Заданне» (15 снеж.); у 1912 г.— «У турме» (23 лют.), «Лета» (26 ліп.), «***Край мой родны, беларускі» (4 кастр.); у 1913 г.— «Ахвярую Галубку» (16 мая), «Дзе вы, сныя дні» (19 ліп.), «Песень мне!» (2 жн.), «Вясенняя мелодыя» (19 верас.).

¹⁸ У «Маладой Беларусі», 1912, серыя 1, сшытак 2 былі надрукаваны чатыры цыклы вершаў Ц. Гартнага — «Песні працы», «Песні каханья», «Жальбы і жаданні», «Уцёкі капыльскага князя Сымона» і вершы Ф. Чарнышэвіча — «Роднай краіне», «Жыве Беларусь», «Беларусам», «Навагодняя песня», «***Сонца чырвонае...» і інш.

¹⁹ Выйшаў у Вільні ў 1912 г.

²⁰ Вывады зроблены на аснове вершаў А. Гаруна, надрукаваных у «Нашай ніве»: за 1911 г.— «Восень» (22 верас.), «Роднаму краю» (6 кастр.); за 1912 г.— «Журба» (1 сак.), «Ноч» (24 мая), «Думы ў чужыне» (5 ліп.), «Песня-звон» (11 кастр.), «Малітва» (21 снеж.); за 1913 г.— «Ідуць гады» (1 лют.), «*** Нічога на небе» (15 лют.), «Матчын дар» (12 ліп.), «Муляру» (5 верас.), «Вяселле» (7 лістап.), «Казка» (28 лістап.).

²¹ Размова ідзе пра нашаніўскія творы М. Багдановіча, надрукаваныя ў 1911—1913 гг., і тыя, што былі надрукаваны ў «Беларускім календары «Нашай нівы» за 1911 і 1912 гг. (гл. т. 1 дадзенага Збору твораў і каментары да яго).

²² Ацэнка паводле вершаў К. Буйло, надрукаваных у «Нашай ніве»: 1911 г.— «Не глядзі на мяне» (17 лют.), «Я люблю» (16 чэрв.), «Ці помніш ты?» (11 жн.), «На магілках» (25 жн.), «Восень» (10 лістап.), «Ноч» (22 снеж.); 1912 г.— «***Люлі, люлі, маё сэрца» (16 лют.), «Пралеска» (8 сак.), «Ляці, думка...» (7 чэрв.), «***Не хачу я нічога казаці» (26 ліп.); 1913 г.— «Лебядзіная песня» (1 лют.), «3 выраю» (10 мая), «Адна» (12 ліп.), «Рана» (2 жн.), «Увосень» (19 верас.), «Звон» (17 кастр.). А таксама — у «Беларускім календары «Нашай нівы»: «Дзяўчына» (1912) і «На магілках» (1913).

²³ Маюцца на ўвазе творы Л. Лобіка, надрукаваныя ў «Нашай ніве»: «Залом у жыцце» (1911, 2 чэрв.), «Калядны вечар» (1912, 13 студз.) і апавяданне вершам «Лекар-вядзьмар» (1912, 23 жн.). А таксама — вершы Старога Уласа, апублікаваныя там жа ў 1911 г.— «Сватаўство» (10 лют.), «Вясна» (21 крас.), «Кумоўскія магілкі» (28 крас.), «Курган» (21 ліп.), «Не спанатрыў» (17 лістап.); у 1912 г.— «Рабочы час» (24 мая), «Тры зладзеі» (3 жн.); у 1913 г.— «Цікавы» (3 мая). У «Беларускім календары «Нашай нівы» Стары Улас надрукаваў вершы «Пажар» у 1911 г. і «3 кутка праўды» ў 1912 г.

²⁴ Гаворка ідзе пра такія нашаніўскія вершы Я. Журбы, як «У прыпар» (1911, 28 ліп.); 1912 г.— «Ўюга завывае» (16 лют.), «Нада мною хмары...» (15 сак.), «Вечар на беразе возера» (10 мая),

«За працу!» (14 чэрв.), «У летні вечар» (26 ліп.), «Окліч» (16 жн.), «Пльвудз песні...» (18 кастр.), «Не плач, сэрца» (23 лістap.); 1913 г.— «3 Новым годам!» (4 студз.), «Да роднай краіны» (1 лют.), «Гімн вясне» (20 лют.), «3а Айчызну» (1 сак.), «Адрадзілася прырода...» (22 сак.), «Голас з вёскі» (5 крас.), «Хрыстос уваскрос!» (12 крас.), «Біся, сэрца...» (26 крас.), «У маёвы дзень» (10 мая), «У маёвую ноч» (23 мая), «Песня» (7 чэрв.), «У летнюю ноч» (20 чэрв.), «3 летніх малюнкаў» (26 ліп.), «Маладая жняя» (2 жн.), «***Як надарыцца мінута» (16 жн.), «Ноктурно» (3 кастр.), «Зоры і раны» (5 снеж.).

²⁵ У «Нашай ніве» і «Беларускім календары...» друкаваўся не К. Арал, а М. Арал. У 1911 г. М. Арал апублікаваў у «Нашай ніве» наступныя вершы: «Доля жабрака» (12 мая), «Смерць мужыка» (1 верас.), «Калі сэрца...» (13 кастр.), «Думкі» (20 кастр.); у 1912 г.— «Сяўцам» (5 студз.), «Досвіта» (9 лют.); у 1913 г.— «Ахвяра» (10 студз.), «Надзея» (7 лют.), «Сычам і совам» (8 сак.), «У дарозе» (22 сак.), «Агляд жыцця» (5 крас.), «На чужыне» (29 сак.), «Агляд жыцця» (15 крас.), «Смерць і жыццё» (23 мая), «Вясною» (7 чэрв.), «Харашо на свеце Божым» (19 ліп.), «Дзед» (9 жн.), «Пясняр» (14 лістap.), «Арфа» (21 снеж.). У «Беларускім календары «Нашай нівы» — вершы «Песня» (1912) і «Смерць мужыка» (1913).

²⁶ Вершы Янука Д., надрукаваныя ў «Нашай ніве»: за 1911 г.— «Ганя» (27 студз.), «***Гляджу я журліва ўперад і ўзад» (13 кастр.), «Доля» (3 лістap.); за 1912 г.— «Стогн» (8 сак.), «3 родных абразкоў» (19 крас.); за 1913 г.— «Псалм СXXXVI» (26 крас.), «К***» (7 лістap.).

²⁷ У «Беларускім календары «Нашай нівы» на 1912 г. Піліпаў надрукаваў верш «Ноч». У «Нашай ніве»: за 1911 г.— «Путніку» (20 студз.), «Працуй, наш таварыш» (26 мая); за 1912 г.— «***Сумна мне між вамі» (19 студз.), «Окліч» (23 лют.), «І дзень за дзянёчкам...» (31 мая), «Шэраю гадзінай» (9 жн.); за 1913 г.— «Стогне пушча» (12 верас.), «Пакахала дзяўчынанька» (12 снеж.).

²⁸ У «Нашай ніве» К. Каганец надрукаваў верш «Святы камень» (7 ліп.). У «Беларускім календары...» на 1911 г.— «Наш сімвал», на 1912 г.— «Кабзар». Цётка апублікавала ў «Беларускім календары...» на 1911 г. верш «Я хацела б...», на 1912 г.— «3 чужыны».

²⁹ Маюцца на ўвазе такія апавяданні Ядвігіна Ш., надрукаваныя ў «Нашай ніве» за 1911 г., як «Гаротная» (20 студз.), «Васількі» (17 лют.), «Вяселле» (26 мая), «Чалавек» (21 ліп.), «Павук» (18 жн.), «Зарабіў» (8 снеж.); за 1912 г.— «Шчаслівая» (16 лют.), «Рабы» (22 сак.), «Дачэсныя» (31 мая); за 1913 г.— «Цырк» (1 лют.). У «Беларускім календары...» на 1911 г. змешчана апавяданне «Важная фіга».

³⁰ Размова ідзе пра нашаніўскія апавяданні Т. Гушчы (Я. Кола-са), надрукаваныя ў 1911 г.— «Дзяліцьба» (7 ліп.); у 1912 г.—

«Трывога» (2 лют.), «Недаступны» (23 лют.), «Старасць — не радасць» (5 крас.), «Зло не заўсёды — зло» (14 чэрв.), «Родныя з'явы» (9 жн., 20 верас.); у 1913 г.— «Злавіў!» (1 сак.), «3 днеўніка пана Жылака» (22 сак.), «Адгукнуўся» (26 крас.), «Старыя падызнікі» (7 чэрв.), «Выстагнаўся» (5 ліп.); «Кажух старога Анісіма» (12 ліп.), «Родныя з'явы» (26 ліп.).

³¹ Власт (В. Ластоўскі) надрукаваў у «Нашай ніве» ў 1911 г. апавяданні «Сож і Няпро» (13 студз.), «Голад» (17 сак.), «Купалле» (1 ліп.); у 1912 г.— «Дзень рожавай кветкі» (22 сак.); у 1913 г.— «Разбойнік» (28 лістап.). У «Беларускім календары...» — «Лебядзіную песню» (1912) і «Панас гуляе» (1913).

³² Маецца на ўвазе апавяданне «Сябра з каўбасай». Бо ў гэтым жа нумары «Маладой Беларусі» надрукавана яшчэ адно апавяданне Влста — «Прывід».

³³ Вывады зроблены паводле наступных твораў Галубка, якія былі надрукаваны ў «Нашай ніве» ў 1911 г.— «Марымонавы сабакі» (10 сак.), «Навальніца» (21 крас.), «Мінуўшчына» (9 чэрв.), «Як Сымон у воласці выкруціўся» (11 жн.), «Адвага» (8 верас.), «Бор» (6 кастр.), «Адвакат» (22 снеж.); у 1912 г.— «Вясковыя астраномы» (8 сак.), «Абразок» (21 снеж.); у 1913 г.— «Горкі агрэст» (1 лют.), «Гонар» (15 лют.), «Посная гусяціна» (8 сак.), «Голад» (23 мая), «Абмылка вучонага» (20 чэрв.).

³⁴ Маецца на ўвазе апавяданне А. Новіча «Амерыканец», надрукаванае ў «Маладой Беларусі», 1912, серыя 1, сшытак 2.

³⁵ Размова ідзе пра нашаніўскія апавяданні З. Бядулі, надрукаваныя ў 1912 г.— «Малітв малога Габруска» (1 сак.), «Шалёны» (15 сак.), «Тулягі» (24 мая), «Гармонік плакаў» (7 чэрв.), «Сон старога Анупрэя» (5 ліп.), «Пяць лыжак заціркі» (26 ліп.), «Гора ўдавы Сымоніхі» (16 жн.), «Мініяцюры» (30 жн.), «Злодзей» (6 верас.), «Вялікі пост» (18 кастр.); у 1913 г.— «Ралля» (10 студз.), «Сцёпка» (12 крас.), «Ліст» (3 мая), «Купальская ноч» (20 чэрв.), «Ашчаслівіла» (12 ліп.), «Сымон» (19 верас.), «Два слова» (10 кастр.), «Ратай» (31 кастр.), «Паўночная містэрыя» (5 снеж.).

³⁶ Псеўданім Максіма Гарэцкага. Агульная станоўчая ацэнка творчасці Гарэцкага была дадзена паводле яго апавяданняў, што друкаваліся ў «Нашай ніве» ў 1913 г. Гэта — «У лазні» (25 студз.), «Атрута» (20 лют. і 1 сак.), «Стогны душы» (16 мая), «Родныя карэнні» (2, 9, 16 жн. і 5 верас.), «У панскім лесе» (12 верас.), «Красаваў язмін» (28 верас.), «Страхаццё» (24 кастр.).

³⁷ Размова ідзе пра апавяданне «Прасонкі Змітрака», надрукаванае ў «Нашай ніве», 1912, 7 чэрв.

³⁸ Герой аднайменнага апавядання І. Жывіцы (А. Гаруна), надрукаванага ў «Нашай ніве», 1913, 7 лют.

³⁹ Я. Лёсік надрукаваў у «Нашай ніве» за 1912 г. апавяданне «Не ўсе ж разам, ягумосці!» (2, 9 лістап.), у зборніку «Нашай нівы», 1912, № 2 — «Геркулес і сялянін».

⁴⁰ Апавяданні «Асеннія лісты» і «Лішняя».

⁴¹ Гаворка ідзе пра апавяданне «Рабы Міхась Крэчка, што быў за суддзю» («Наша ніва», 1912, 19 ліп.).

⁴² К. Лейка змясціў у «Нашай ніве» ў 1911 г. апавяданне «Успамін»; у 1912 г.— «Кульгавы дзядзька Раман» (19 крас.), «Таклюся-сухотніца» (28 чэрв.); у 1913 г.— «Лес шуміць» (3 кастр.), «Панас Крэнт» (7 і 14 лістап.); Я. Журба ў 1912 г. надрукаваў апавяданне «Прыгонная душа» (31 мая); А. Язмен у 1913 г.— «Суд» (20 чэрв.), «Летнім днём» (12 верас.), «Здарэнне» (31 кастр.); Я. Шпэт у 1913 г.— «На чужым хлебе» (15 лют.), «Элегант» (31 мая), «Выбары старшыні» (12 верас.).

⁴³ Вершы «Да працы!» (1913, 1 сак.), «***Адвечная мова» (14 сак.) і інш.

⁴⁴ «Лес у маі» (1913, 25 мая), «Жыта красуе» (6 чэрв.), «Касьба» (18 ліп.), «Асенні адвячорак» (12 верас.) і інш.

⁴⁵ Верш «Каляда» (1913, 19 снеж.) і апавяданне «Каб я быў бы пясняр...» (1913, 25 мая).

Краса и сила

(с. 230)

Друкуецца па аўтографе (рукапіс з рэдактарскімі паметамі, з якога рабіўся друкарскі набор артыкула для часоп. «Украинская жизнь»), які захоўваецца ў Цэнтральнай навуковай бібліятэцы АН Украіны (Ки-еў), ф. І, адз. зах. 11226. Пад тэкстам: М. Богданович. Адрес мой: Ярославль, Любимская ул., 57, кв. 1. Максиму Адамовичу Богдановичу.

Аўтограф напісаны чорным чарнілам на трынаццаці доўгіх лістах у лінейку. З правага боку пакінуты шырокія палі. Напісаны дробным акуратным почыркам. Ёсць некалькі паправак, як, напрыклад: (с. 231 р. 25) «пушкинского» замест закрэсленага: «утвержденного Пушкиным в русской поэзии»; (с. 235 р. 15) «народны» замест закрэсленага: «близкие по духу народной поэзии»; (с. 240 р. 15) «мелодичным и изящным» замест — «необыкновенно изящным». На тытульнай старонцы, магчыма, рэдактарам часопіса для наборшчыкаў зроблена памета: 2 кніжка. «Украинской жизни» і пазначана разметка шрыфтоў: «Широкий корпус», «мелкий корпус» (насупраць падзагалюўка і вершаваных цытат).

Упершыню — часоп. «Украинская жизнь», 1914, № 2.

Датуецца годам апублікавання.

Часопісны тэкст не ва ўсім супадае з аўтографам. У часопіснай публікацыі, напрыклад, знікла падоўжаная форма канчаткаў назоўнікаў «судьба», «красота» ў творным склоне, а таксама уніфікавана багатае шрыфтавое выдзяленне літар, складоў, цэзур, слоў. Маюцца лексічныя і іншыя адрозненні тэкстаў.

Асноўны тэкст	Аўтограф	«Украинская жизнь»
С. 230	р. 23	т. с.
232	10	метрамі
237	27	т. с.
238	15	назначалі
238	25	стр. 148
		так сказаць
		методамі
		т. е.
		назначылі
		(148)

У Музеі М. Багдановіча захоўваецца «Отдельный оттиск с «Украинской жизни» артыкула з дарчым надпісам аўтара: «Старой тетке Магдаліне любящий ее автор. М. Богданович».

¹ З артыкула М. І. Кастамарава «Воспоминание о двух малярах» (часоп. «Основа», 1861, крас.).

² Зборнік паэзіі Т. Шаўчэнка, які ўпершыню выйшаў у 1840 г. у Пецярбурзе.

³ Радкі з верша «Думка» (1838). Далей цытуюцца такія вершы, як «*** А як бы мне, мама, да ўборы», «*** А як бы мне чаравікі», «*** Палюбілася я», «*** Ой маю я вочкі роднае маці», «Хусціна», «Русалка», «*** У пералеску хадзіла», «*** Ой пайшла я ў яр за вадою», «Гамалія», «*** У нядзеленьку ды ранюсенька», «Утоплена», «*** Не наракаю я на Бога».

⁴ Маецца на ўвазе праца Гюйо «Мастацтва з пункту погляду сацыялогіі» (на рус. мове выйшла ў 1891 г. у С.-Пецярбурзе), у якой даследчык пісаў таксама пра ролю і значэнне рыфмы ў мастацкіх творах.

⁵ Стылістычная фігура, сэнс якой заключаецца ў спалучэнні шэрагу слоў, блізкіх па гучанні, але не аднолькавых па значэнні.

⁶ У кнізе К. І. Чукоўскага «Лица и маски», Пецярбург, 1914 (год у выданні не пазначаны).

⁷ Шаўковая тканіна з разводамі, якія пераліваюцца рознымі адценнямі.

Памяти Т. Г. Шевченко

(с. 242)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 46, 25 лют., дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: М. Богданович.

Датуецца годам апублікавання.

¹ Гэтымі ж радкамі Катула Багдановіч пачынае і верш «Успамін» (1913).

² «Тарас Шевченко». — Время, 1861, т. 2, № 4, отд. 1.

³ З артыкула М. І. Кастамарава «Воспоминание о двух малярах» (часоп. «Основа», 1861, крас.).

⁴ «Шевченко среди поэтов славянства» — у кн.: «На спомін 50-х роковин смерці Тараса Шевченка» (М., 1912).

⁵ Удзельнікі народна-вызваленчай антыфеадальнай барацьбы XVIII ст. на Правабярэжнай Украіне і поўдні Беларусі супраць шляхецкай Польшчы. Сярод гайдамакаў былі ўкраінскія, рускія, беларускія, малдаўскія, польскія сяляне, беглыя салдаты, казакі і інш.

⁶ Запарожскае казацтва склалася ў XV ст. з украінскіх і беларускіх сялян, якія ўцяклі ад феадальнага прыгнёту на поўдзень Украіны, за дняпроўскія парогі. У сярэдзіне XVI ст. узнікла Запарожская Сеч.

⁷ Радкі з верша «Свята ў Чыгірыне». Далей цытуюцца такія вершы, як «Іван Падкова», «Да Аснаўяненкі», «*** А мне ўсё роўна, а ці буду», «Ісаія. Раздзел 35» (перайманне), «Псалм II» (перайманне), «Осія. Раздзел XIV».

⁸ У Кірыла-Мяфодзіўскае таварыства Шаўчэнка ўступіў у красавіку 1846 г. Гэта была тайная палітычная арганізацыя ў Кіеве, якая існавала ў 1846—1847 гг. Арганізатары яе — М. І. Кастамараў, М. І. Гулак і В. М. Белазерскі. Галоўнай мэтай таварыства было стварэнне славянскай дэмакратычнай рэспублікі — 14 штатаў, аб'яднаных на федэратыўных прынцыпах у адзіны Славянскі Саюз са сталіцай у Кіеве. Беларусь складала асобны штат.

⁹ Шаўчэнка арыштаваны ў 1847 г., затым сасланы ў салдаты на 10 гадоў (Арэнбург, Орск, Новапятроўскае ўмацаванне). У гэтым жа годзе напісаў цыкл вершаў «У каземаце», паэмы «Князеўна», «Маскалёва крыніца»; у 1848 г. — «Варнак», «Марына», «Цары», «Кітарыўна» і інш.

¹⁰ З верша «Доля», у перакладзе на рускую мову Багдановіча.

Одинокий

(с. 249)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 226, 2 кастр., дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: М. Богданович.

Датуецца годам апублікавання.

¹ Першы радок з верша Багдановіча «С. Палуяну» (1913), перакладзены на рускую мову аўтарам.

² З верша «И скучно, и грустно» (1840).

³ З верша «*** Есть речи — значение» (1840).

⁴ З верша «К*» («Прости! — мы не встретимся боле») (1832).

⁵ З верша «К. Д.» (1831).

⁶ З верша «*** Он был рожден для счастья, для надежд» (1832).

⁷ З верша «*** Как в ночь звезды падучей пламень» (1832).

⁸ З верша «(Из альбома С. Н. Карамзиной)» (1841).

(с. 254)

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, дзе ўпершыню апублікаваны з аўтографу.

Паводле каментарыя да артыкула (Творы, т. 2, с. 357), аўтограф з'яўляўся чыставіком, відаць, падрыхтаваным для адсылкі ў рэдакцыю. Пад тэкстам рукою аўтара напісаны адрас: Яраслаўль, рэдакцыя газ. «Голос». «Часам супрацоўніцтва М. Б-ча ў рэдакцыі памянёнае газеты, — сцвярджае аўтар згаданага каментарыя, — і вызначаецца дата напісання дадзенага артыкула. Першыя рэцэнзіі і нататкі М. Багдановіча пачалі з'яўляцца ў «Голосе» ў 1913-м г. (цяпер вядома, што значна раней. — Л. М.), а таму і гэты артыкул мог быць напісаны не раней 1913-га года; характарам пісьма ён нагадвае аўтографы 1914-га года». Паводле апошняй заўвагі і датуецца артыкул прыблізна 1914 г.

¹ У рукапісах А. Рypiнскага, звесткі аб якіх захаваліся ў архіўных матэрыялах В. Мачульскага, выяўленых В. У. Скалабанам, паэма мела загаловак «Узьлезши на Парнас, што видзну там Тарас?»

² Гл. каментарый да артыкула «І. Неслухоўскі», пазіцыю 10.

³ Афіцыйныя ўлады стараліся ўсялякім чынам задушыць імкненні беларусаў да нацыянальнага самавызначэння. Забаранялася не толькі друкаваць творы на беларускай мове, але і ўжываць слова «беларускі» ў адносінах да беларускіх губерняў (загад Мікалая I ад 18 чэрв. 1840 г.).

⁴ Збор законаў феадальнага права, які дзейнічаў у Вялікім княстве Літоўскім, вядомы ў трох рэдакцыях. Першы статут створаны ў 1529 г. Напісаны на старабеларускай мове. Другую рэдакцыю статута ўяўляе кодэкс 1566 г. У гэтую яго рэдакцыю ўнесена пастанова пра тое, што ўсё справаводства ў судах літоўскай дзяржавы павінна весціся на рускай мове (г. зн. па-беларуску): «Пісарь земски маеть по-руску литерами и словы рускими вси выписы, листы и поэвы писати, а не иншимъ языкомъ и словы». Трэцяя рэдакцыя кодэкса выдадзена ў 1588 г.

Беларуская мова як дзяржаўная мова Вялікага княства Літоўскага была скасавана дэкрэтам 1697 г., у якім было пастаноўлена, што пісар земскі павінен па-польску, а не па-руску пісаць усе выпісы і поэвы.

⁵ Упершыню паэма надрукавана ў «Минском листке», 1889, 16 мая (№ 37).

⁶ У міфалогіі Парнас значыцца як горны хрыбет у Грэцыі, дзе знаходзіўся Апалон, апякун паэзіі.

⁷ Натхніцелі псеўдапатрыятычнай, рэакцыйнай плыні тагачаснай рускай літаратуры. Булгарын выдаваў рэакцыйную газету «Северная пчела», але вядомы таксама як агент III аддзялення. У 1830-я гады імя Булгарына стала неаддзельна ад імя Грэча, які зблізіўся з ім і стаў яго саюзнікам.

⁸ Паводле даследаванняў Г. В. Кісялёва, аўтарам паэмы з'яўляецца К. Вераніцын. І ў матэрыялах А. Рыпінскага ёсць звесткі, што паэма напісана К. Вераніцыным, прычым выказваецца здагадка, што гэта — псеўданім.

⁹ Раман Булгарына (1829).

Белорусское возрождение

(с. 257)

Друкуецца па брашуры «Белорусское возрождение», М., 1916. Пад асноўным тэкстам: М. Богданович, «Postscriptum» падпісаны: М. Б. Упершыню — часоп. «Украинская жизнь», 1915, № 1 и 2, дзе «Postscriptum» падпісаны: М. Н.

Датуецца паводле зместу: «Очерк мой, написанный в июле 1914 г. ...» «Postscriptum», відаць, напісаны пазней, магчыма, у снежні г. г., бо ў ім размова ідзе пра пазнейшыя падзеі ў жыцці Беларусі.

Нягледзячы на тое што брашура пазначана як «Отдельный оттиск из журнала «Украинская жизнь», № 1—2, 1915 г.», тэкст яе не з'яўляецца дакладным адбіткам тэксту, надрукаванага ва «Украинской жизни», перабіраўся па-новаму, ёсць розначытання. Некаторыя з іх прыводзім ніжэй.

Асноўны тэкст

С. 258 р. 24—25. Видное место в этом грандиозном сдвиге занимает процесс размежевания родственных культур.

С. 258 р. 29 слабые

С. 258 р. 32—36. Не следует забывать и развития литератур на местных языках, не являющихся, однако, органами отдельных культур. Т. к. в Италии возникают художественные произведения на всех ее 15-ти языках, в Испании растет каталонская литература, во Франции — провансальская и т. д.

С. 259 р. 2 польской — кашубская, от русской

Тэкст «Украинской жизни»

Параллельно этому идет второй, столь же оживленный процесс, а именно дробления культур.

мелкие

Особенно ярко и ощутительно ознаменовал себя этот факт, разумеется, в области словесного творчества. В Италии возникают художественные произведения на всех ее пятнадцати языках; от французской литературы откальвается провансальская, от испанской — каталонская

от польской — кашубская, от голландской — фризская, от русской

С. 262 р. 19—22. Адсутнічае патлумачэнне выразу: «Пограничным камнем ∞ польским».

У зносы: «Оформлено это было законом 1696 г.»

С. 265 р. 10—11 народа

края

С. 269 р. 36 некогда

очень

Відавочныя апіскі, што сустракаюцца ў тэксце брашуры, выпраўлены паводле часопіснай публікацыі артыкула. Напрыклад, «выгнанные» папраўлена на «вызванные» (с. 268 р. 14).

¹ Як вядома, ад агульнаўсходнеславянскай адначасна ўтварыліся тры мовы — руская, украінская і беларуская (гл. таксама арт. Д. С. Ліхачова. Народ павінен мець свае святыні // Лит. газ. 1990. 11 крас.).

² Гл. каментарый да артыкула «Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI сталецця», пазіцыю 6.

³ Гэта замацавана было ў Статуце 1566 г. Гл. каментарый да артыкула «Булгарин в белорусской шуточной поэме», пазіцыю 4.

⁴ Магдэбургскае права ўзнікла ў XIII ст. у Магдэбургу. Жыхары гарадоў, якія атрымалі магдэбургскае права, вызваліліся ад феадальных павіннасцей, ад суда і ўлады ваяводаў, старостаў і іншых дзяржаўных службовых асоб.

⁵ Назва эпохі ранняга буржуазнага грамадства ў краінах Заходняй і Цэнтральнай Еўропы XIV—XVI стст., якая характарызуецца высокім уздымам навукі, літаратуры і мастацтва. З гэтай эпохай звязаны імёны вялікіх Ф. Пятраркі, Дж. Бакачыо, У. Шэкспіра, М. Сервантэса, Леанарда да Вінчы, Рафаэля, Мікеланджэла, Тыцыяна і інш. У Беларусі эпоха Адраджэння прыпадае на XVI—XVII стст. (ёсць думка, што толькі XVI ст.). У гэты час гарады сталі цэнтрамі развітога рамяства і ажыўленага гандлю, заканчваецца працэс утварэння беларускай народнасці.

⁶ Юрыдычная школа існавала ў Вільні ў сярэдзіне XVI ст.

⁷ Езуіцкая акадэмія існавала ў Полацку ў 1812—1820 гг. Была заснавана на базе Полацкага езуіцкага калегіума (1581—1812).

⁸ Размова ідзе пра першую на сучаснай тэрыторыі Беларусі друкарню, заснаваную ў Брэсце ў 1550 г., дзейнічала да 1570 г. Было выдадзена ў ёй больш за 40 палемічных, гістарычных, літаратурных, прававых і рэлігійных кніг на польскай і лацінскай мовах.

⁹ Бакалаўр — у старажытны час першая навуковая ступень. «Сем свабодных навук» або «сем вольных мастацтваў» — прадметы свецкага навучання ў сярэднявечнай школе: граматыка, рыторыка, дыялектыка, арыфметыка, геаметрыя, астраномія і музыка.

¹⁰ Паводле пазнейшых крыніц, Скарына вярнуўся ў Вільню каля 1520 г., дзе ў пачатку 1520 г. абсталяваў друкарню і ў камяніцы Якуба

Бабіча пракаменціраваў, адаптаваў і выдаў на царкоўнаславянскай мове «Малую падарожную кніжыцу» (1522) і «Апостала» (1525).

¹¹ Акрамя Брэсцкай друкарні (гл. пазіцыю 8) у 1562 г. у Нясвіжы С. Будны надрукаваў «Катэхізіс» і «Пра апраўданне грэшнага чалавека перад Богам». Кнігі на старабеларускай, царкоўнаславянскай, польскай і лацінскай мовах выдаваліся ў Заблудаве (1568—1570), Лоску (1574—1589), Цяпіне (каля 1580), Любчы (1612—каля 1656), Магілёве (1636—1638), Куцейне (1630—1632, 1637—1654), Буйнічах (1635), Бялынічах, Ашмянах Мураваных (1615) і інш. На старабеларускай мове кнігі выдаваліся і ў Вільні: у друкарні Мамонічаў (1574—1623), у брацкай друкарні (1596—1610).

¹² Помнік беларускай перакладной літаратуры XVI ст., перакладзены з сербскай крыніцы. У аснове твора ляжыць паэтычная кельцкая легенда пра ўзнёслае і адначасна трагічнае каханне рыцара Трышчана і каралевы Іжоты.

¹³ «Аповесць пра Таўдала» («Кніга о Таудале-рыцери») — помнік беларускай перакладной літаратуры XVI ст. Арыгінал аповесці пад назваю «Прывіды Тундала» ўзнік у XII ст. на лацінскай мове ў Ірландыі. Аснову сюжэта аповесці складае апісанне незвычайнага падарожжа па замагільным свеце душы рыцара Таўдала.

¹⁴ Гістарычная перакладная аповесць, помнік беларускай літаратуры XV ст., вядомая пад назвамі «Троя», «Гісторыя траянскай вайны», «Аповесць пра Трою». Першым беларускім перакладам твораў траянскага цыкла была «Прытча пра каралёў».

¹⁵ Помнік сусветнай літаратуры прысвечаны апісанню подзвігаў і прыгод Аляксандра Македонскага. Арыгінал рамана напісаны ў II—III стст. у Егіпце на грэчаскай мове. Першыя беларускія пераклады з'явіліся ў XV ст., вядомы ў сербскай і лацінскай рэдакцыях.

¹⁶ Паводле слоў гісторыка беларускага мастацтва М. Шчакаціхіна: «Памінаючы аб насценных роспісах працы Сальватора Розы ў Полацку, Багдановіч робіць памылку. Гэткіх роспісаў у Полацку не было» (Творы. 1928. Т. 2. С. 362).

¹⁷ У сваіх вывадах М. Багдановіч абапіраўся ў асноўным на працы Я. Карскага, які, вядома, вельмі шмат зрабіў для развіцця беларусазнаўства, але меркаванні яго не заўсёды адпавядалі сапраўднасці. Паводле сучасных даследаванняў, руская культура ў XVI ст. знаходзілася ў шэрагу перадавых культур славянства і краін Захаду.

¹⁸ У 1697 г. польскім сеймам была прынята пастанова, у якой абвешчалася, што з гэтага часу пісар павінен па-польску, а не па-руску пісаць усе выпісы і позы.

¹⁹ Паводле сучасных даследаванняў беларускіх гісторыкаў, у XVII ст. беларускае нацыянальнае жыццё было далёка ад поўнай «летаргіі».

²⁰ Размова ідзе пра так званую Люблінскую унію — аб'яднанне Вялікага княства Літоўскага з Польшчай у федэратыўную дзяржаву — Рэч Паспалітую.

²¹ Мае форму прамовы на сейме, прыпісваецца смаленскаму кашталюну Івану Мялешку. Вядома пад назвай «Прамова Мялешкі» (XVII ст.).

²² Інтэрпрэтацыя М. Цяцёрскім камедыі Мальера «Лекар паняволі», якая была пастаўлена ў Забелах у 1787 г. Замест мальераўскіх Цібо і Перэна ўведзены Хведар і Апанас, якія гаварылі вобразнай беларускай мовай.

²³ Паставіў у мясцовым школьным тэатры ўласныя беларуска-польскую «Камедыю» і польскую трагедыю «Свабода ў няволі».

²⁴ Сучаснай крытыкай «Энеіда навыварат» ацэньваецца значна вышэй (А. Мальдзіс, Г. Кісялёў, М. Лазарук, А. Лойка і інш.) Гл. таксама каментарый да артыкула «За сто лет», пазіцыю 8.

²⁵ Гаворка ідзе пра Паўлюка Багрыма, аўтара адзінага дайшоўшага да нас верша «Зайграй, зайграй, хлопча малы».

²⁶ Статут Вялікага княства Літоўскага дзейнічаў у Віцебскай і Магілёўскай губернях да 1831 г., у Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губернях — да 1840 г.

²⁷ Размова ідзе пра скасаванне Полацкім царкоўным саборам 1839 г. Брэсцкай уніі 1596 г. Сход вышэйшай царкоўнай іерархіі уніяцкай царквы Расіі прыняў рашэнне аб яе далучэнні да рускай праваслаўнай царквы.

²⁸ Гл. каментарый да артыкула «За сто лет», пазіцыю 2.

²⁹ З 1838 г. выходзяць на рускай мове афіцыйныя газеты: «Минские губернские ведомости», «Витебские губернские ведомости», «Виленские губернские ведомости», «Могилевские губернские ведомости» і «Гродненские губернские ведомости».

³⁰ Напісаны А. Міцкевічам у 1834 г.

³¹ Навукова-літаратурны часопіс «Маяк современного просвещения и образованности» выдаваўся ў Пецяярбурзе ў 1840—1845 гг. З беларускіх матэрыялаў у ім былі надрукаваны: артыкул Цытовіча «Словы два аб мове і пісьменнасці Беларусі» з віншавальным вершам «Чалом, чалом, ацец, татулька!» (1843, т. 9). Л. А. Кавелін у артыкуле «Помнікі беларускай пісьменнасці» (1845, т. 23, прысвечаны беларускаму гісторыку і этнографу І. П. Барычэўскаму, супрацоўніку «Маяка») упершыню надрукаваў паэму «Энеіда навыварат» і вольны пераклад на рускую мову прадмовы Р. Падбярэскага да 1-й кнігі Я. Баршчэўскага «Шляхціц Завальня...» А таксама друкаваліся «Беларускія павер'і» Барычэўскага, Эгілеўскага, «Беларускія прымаўкі» А. Васільева.

³² Руская палітычная і літаратурная газета, заснаваная Ф. Булгарыным. Выдавалася ў Пецяярбурзе ў 1825—1864 гг. На старонках «Северной пчелы» (1837, № 228) з беларускіх твораў надрукавана прымітыўна-саладжавая песенька пра Анікейку, дзе гэты Анікейка выглядае пакорлівым і проста недарэкам.

³³ У альманаху «Rocznik Literacki» за 1843 г. змешчаны вершы Я. Баршчэўскага «Дзеванька» і «Гарэліца». Паводле іншых крыніц —

гэта народныя творы. Іх запісаў, амузычыў і надрукаваў А. Абрамовіч (гл.: Шляхам гадоў. Мн., 1990. С. 331).

³⁴ Кніга А. Рыпінскага «Białoruś. Kilka słow o poezii prostego ludu tej naszej polskiej prowincji, o jego muzyce, śpiewie, tańcach etc.». (Парыж, 1840), напісаная на аснове ўласных лекцый па беларускай этнаграфіі і фальклору, якія ён чытаў у 1839 г. у Францыі для Польскага літаратурнага таварыства.

³⁵ Чатырохтомная «беларуская Адысея», выдадзеная ў Пецярбурзе ў 1844—1846 гг. Твор напісаны на польскай мове, але, як заўважыў польскі крытык М. Грабоўскі, у кожным слове яго «чуецца беларус».

³⁶ Тайнае студэнцкае таварыства ў Віленскім універсітэце ў 1817—1823 гг., якое аб'ядноўвала моладзь з Беларусі, Літвы і Польшчы. Адным з кіраўнікоў таварыства быў Я. Чачот. Праграма дзейнасці філаматаў была звязана з палітычнай барацьбой за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне. У 1823 г. царскім уладам удалося натрапіць на след згуртавання і многіх арыштаваць, у тым ліку Міцкевіча, Чачота, Зана.

³⁷ Разам з беларускімі народнымі песнямі змясціў тут 28 уласных вершаў.

³⁸ Гл. каментарый да артыкула «І. Неслухоўскі», пазіцыю 10 і артыкул «Булгарин в белорусской шуточной поэме».

³⁹ Царскія ўлады вымушаны былі скіраваць асноўную ўвагу на падзеі Крымскай вайны (1853—1856), дзе была слаўная старонка 349-дзённай абароны Севастопаля. У гэты час рэвалюцыйны рух на тэрыторыі Беларусі і Літвы дасягае свайго новага ўздыму, што выявіўся ў далейшай кансалідацыі сіл дэмакратычнага лагера.

⁴⁰ У 1855 г. В. Дунін-Марцінкевіч выдаў вершаваную аповесць «Вечарніцы» і напісаў вершаванае апавяданне «Гапон».

⁴¹ Паводле іншых звестак, Дунін-Марцінкевіч нарадзіўся ў 1807 г., а памёр у 1884 г.

⁴² Паасобнікам выйшла ў 1846 г. у Вільні.

⁴³ Па ўказанні цензара Віленскага цензурнага камітэта пераклад паэмы «Пан Тадэвуш» (1859), падрыхтаваны паасобнікам да друку, быў канфіскаваны. Надрукаваныя на беларускай мове першыя часткі перакладу ўцалелі толькі ў некалькіх экзэмплярах.

⁴⁴ Ананімны верш, які вядомы таксама і пад назвай «Вясна гола перапала». Знойдзены ў архіве Дуніна-Марцінкевіча, перапісаны яго рукамі, але, як сцвярджаюць даследчыкі, у прыватнасці М. А. Лазарук, аўтарства яму не належыць. Упершыню верш апублікаваны ў брашуры М. Доўнара-Запольскага «Дунін-Марцінкевіч і яго паэма «Тарас на Парнасе» (Віцебск, 1896).

⁴⁵ Вядомыя з іх «Пінская шляхта» (1866, надрукаваная ў 1918 г.) і «Залёты» (1870, надрукаваная ў 1918 г.). Астатнія не захаваліся.

⁴⁶ Прасодыя — сістэма вымаўлення націскных і ненаціскных доўгіх і кароткіх складоў у мове.

⁴⁷ Верш «Пашталёў» Сыракомлі быў перакладзены на рускую мову Л. Трэфалевым і, адаптаваны, стаў надзвычай папулярнай у Расіі песняй «Когда я на почте служил ямщиком...»

⁴⁸ Лібрэта для задуманай Лапацінскім оперы не было напісана (гл.: Мархель У. І. Лірнік вясковы. Мн., 1983. С. 97).

⁴⁹ Размова ідзе пра верш «Добрыя весці» (1848) (Багдановіч называе яго па першаму радку). Друкаваўся ў брашуры «Гутарка старога дзеда» (1862). З яго беларускіх твораў вядома яшчэ лірычная мініяцюра «Ужо птушкі пяюць усюды...», якая друкавалася пад назвай «Беларускі верш» у газ. «Kurjer Litewski», 1912, 15 верас.

⁵⁰ А. Кіркор падкрэсліваў, што беларускі народ добра ведае і любіць песні Сыракомлі. «Іх спяваюць усюды, хоць мала каму ўжо вядома, хто быў іх аўтарам» (Живописная Россия. 1882. Т. 3. Ч. 2. С. 327).

⁵¹ Вядомы як беларуска-польскі паэт.

⁵² З беларускай спадчыны Каратынскага зберагліся вершы «Уставайма, братцы, да дзела, да дзела», «Далібог-то, Арцім...» (прысвечаны А. Вярыгі-Дарэўскаму), элегія «Туга на чужой старане». Яму прыпісваецца аўтарства «Гутаркі старога дзеда» і «Гутаркі двух суседаў». Першая — двойчы, у 1861 і 1862 гг., выйшла паасобнікам у Беластоку. Магчыма, гэта і меў на ўвазе М. Багдановіч, гаворачы пра адзіны надрукаваны верш Каратынскага.

⁵³ Пры жыцці аўтара былі апублікаваны маналог-думка «Салдатка» (урывак з камедыі «Грэх 4-ы — гнеў») і верш-гімн «Бяльніцка наша маці!..»

⁵⁴ Вось што пісаў, напрыклад, пра некаторыя з гэтых твораў Вярыгі-Дарэўскага А. Кіркор: «Другім з выдатнейшых беларускіх народных паэтаў і празаікаў з'яўляецца Арцём Дарэўскі-Вярыга...» І далей пра пераклад Міцкевічавага «Конрада Валенрода»: «...пераклаў так чудоўна, што сілай і ўзнёсласцю радка здзівіў бы самога неўміручага песняра» (цыт. па кн. А. Мальдзіса «Падарожжа ў XIX стагоддзе». Мн., 1969. С. 83).

⁵⁵ З названых паэтаў толькі Ю. Ляскоўскі з'яўляецца аўтарам зборніка «Беларускі бандурыст» (Вільна, 1861). Пра творы Ю. Мрочака звестак няма. З вершаў Ф. Вуля, М. Караткевіча, Якуба Т-кі вядома тое, што было запісана імі ў «Альбом» Вярыгі-Дарэўскага («Дудару Арцёму ад наддзвінскага мужыка», «Беларускія дудары...» і «Слоўна з неба Божы дар...»).

⁵⁶ Нелегальная рэвалюцыйна-дэмакратычная першая на беларускай мове газета (друкавалася лацінкаю), якую выдавалі ў 1862—1863 гг. К. Каліноўскі з Ф. Ражанскім і В. Урублёўскім, паводле некаторых звестак, у яе выданні прымаў удзел і С. Сонгін. Выйшла 7 нумароў, кожны падпісваўся «Яська-гаспадар з-пад Вільні».

⁵⁷ Ананімны вершаваны твор, напісаны ў пачатку 1861 г., апублікаваны ў львоўскай газ. «Літаратурны дзённік», 1861, № 89.

У навуковай літаратуры яго аўтарам называлі В. Каратынскага, У. Сыракомлю, В. Дуніна-Марцінкевіча.

⁵⁸ «Перэдсмертны розговор Пустэльніка Петра, который жыў у пушчы дзевеьдзсят лет, а памёр, маючы сто сорок лет» уяўляе сабой праязічную гутарку — зварот выдуманнага пустэльніка Пятра да шляхты і мужыкоў падтрымаць паўстанне «палякаў» супраць царызму. Надрукавана на 16 старонках напярэдадні паўстання 1863—1864 гг.

⁵⁹ Пра газету вядома толькі тое, што яна згадваецца ў кнізе Л. Васілеўскага «Літва і Беларусь» (Кракаў, 1912). Есць таксама думка (яе, у прыватнасці, прытрымліваўся С. Х. Александровіч), што гэта — «Гутарка двух суседаў», якая выдавалася ў Беластоку ў 1861—1862 гг. Выйшла 4 нумары. Дакладных звестак пра тое, што ў яе выданні прымаў удзел К. Каліноўскі, няма. Гл. таксама: Кісялёў Г. Ці было такое выданне? // Спадчына. 1991. № 1.

⁶⁰ Штотыднёвая грамадска-палітычная і літаратурная газета славянафільскага кірунку. Выдавалася І. С. Аксавым у Маскве ў 1861—1865 гг. У 1862 г. «День» надрукаваў рэакцыйны маніфест, у якім рэдкалегія газеты і яе спачуваючыя выступілі ў ролі «першаадкрывальнікаў Беларусі», лічылі сябе адзінымі «абаронцамі» беларускага народа. На сваіх старонках газета змяшчала шматлікія матэрыялы пра Беларусь, выступала за яе русіфікацыю, але прапаноўвала вучыць селяніна грамаце спачатку на роднай мове, бо «адразу вылепіць з яго велікарускага мужыка немагчыма» (1863, № 25).

⁶¹ Відаць, маюцца на ўвазе «Прамова Старавойта да сялян аб свабодзе (для народнага чытання)» і «Прамова Старавойта (для чытання маім землякам)», у якіх Блус усяляў цара і сялянскую рэформу 1861 г. Былі надрукаваны не ў 1861 г., як сцвярджае Багдановіч, а ў 1862 г.

⁶² Выходзіў у Маскве ў 1889—1890 гг. пад рэдакцыяй М. В. Доўнара-Запольскага. У «Календары...» на 1889 г. Доўнар-Запольскі змясціў артыкул пра «Гапона» В. Дуніна-Марцінкевіча, у якім амаль поўнацю быў надрукаваны тэкст паэмы.

⁶³ Гл. каментарый да артыкула «І. Неслухоўскі», пазіцыю 10.

⁶⁴ Друкавалася ў газ. «Минский листок», 1889, № 18.

⁶⁵ Гл. каментарый да артыкула «І. Неслухоўскі», пазіцыю 5.

⁶⁶ Нелегальны часопіс «Гомон» выдаваў у 1884 г. адзін з беларускіх студэнцкіх гурткоў у Пецярбурзе — народніцкая група «Гоман».

⁶⁷ У Кракаве.

⁶⁸ Паводле меркаванняў сучасных даследчыкаў, «Смык беларускі» Ф. Багушэвіча друкаваўся не ў Познані, а недзе ў іншым месцы.

⁶⁹ Юрыдычны ліцэй — у 1868 г.

⁷⁰ Памёр Ф. Багушэвіч у 1900 г.

⁷¹ Паэма «На перасяленне. Расказ цёткі Домны з Палесся» выйшла ў Чарнігаве ў 1903 г.

⁷² «Слова аб праклятай гарэліцы і аб жыцці і смерці п'яніцы» (1900), «Гутарка аб том, якая мае быць «Зямля і Воля» сельскаму народу» (1906) і інш.

⁷³ Вядома як студэнцкая культурна-асветніцкая арганізацыя «Круг беларускай народнай прасветы і культуры» (Пецяярбург, 1902—1904).

⁷⁴ У канцы 1902 г. на базе беларускіх культурна-асветніцкіх гуртоў утварылася Беларуска-рэвалюцыйная грамада. У снежні 1903 г. на сваім першым з'ездзе яна прыняла назву Беларуска-сацыялістычная грамада.

⁷⁵ Відаць, гаворка ідзе пра літаратурна-мастацкі альманах «Калядная пісанка», які быў выдадзены ў Пецяярбурзе ў канцы 1903 г.

⁷⁶ Літаратурна-мастацкі зборнік, які выйшаў у Пецяярбурзе ў 1904 г.

⁷⁷ Выйшаў у Пецяярбурзе ў 1903 г.

⁷⁸ Польская партыя сацыялістаў.

⁷⁹ Зборнікі вершаў Цёткі, выдадзеныя ў Жоўкве (пад Львовам) у друкарні базыльянскага манастыра ў 1906 г.

⁸⁰ Гл. каментарый да артыкула «Глыбы і слаі», пазіцыю 26.

⁸¹ Гл. каментарый да артыкула «Глыбы і слаі», пазіцыю 11.

⁸² Існавала з 1906 г. па 1914 г., заснаваная па ініцыятыве Б. І. Эпімах-Шыпілы. Ставіла перад сабой асветніцкія мэты. (Гл. таксама каментарый да артыкула «Новы перыод в истории белорусской литературы»), пазіцыю 7.)

⁸³ Гл. каментарый да артыкула «Новый период в истории белорусской литературы», пазіцыю 5.

⁸⁴ Гл. каментарый да артыкула «За тры гады», пазіцыю 4.

⁸⁵ Гл. каментарый да артыкула «За тры гады», пазіцыю 3.

⁸⁶ Гл. каментарый да артыкула «Новый период в истории белорусской литературы», пазіцыю 6.

⁸⁷ Гл. каментарый да артыкула «Новый период в истории белорусской литературы», пазіцыю 4.

⁸⁸ Кнігавыдавецкае таварыства, заснаванае ў Вільні ў самым канцы 1908 г. Выдавала беларускія падручнікі і дзіцячую літаратуру. Яго арганізатарамі з'яўляліся В. Бонч-Асмалоўскі, Б. Даніловіч, І. Манькоўскі, А. Уласаў і інш. У 1909—1911 гг. таварыства выпусціла шэсць назваў кніг агульным тыражом 15 тысяч экзэмпляраў, у тым ліку «Другое чытанне для дзіцей беларусаў» Я. Коласа (разам з суполкай «Загляне сонца і ў наша аконца»), паэму «Тарас на Парнасе» і інш.

⁸⁹ Выдавецкае таварыства, якое існавала ў Вільні ў 10-я гады. Вядома, што тут быў выдадзены зборнік гумарыстычных вершаў А. Паўловіча «Снапок» (1910) і паэма «Кацярына» Т. Шаўчэнкі ў перакладзе Ф. Чарнышэвіча.

⁹⁰ Гл. каментарый да артыкула «За тры гады», пазіцыю 7.

⁹¹ Дзейнічаў у 1910—1916 гг. Адыграў значную ролю ў развіцці

беларускага прафесійнага тэатра. Наладжаў вечары нацыянальнай культуры, так званыя беларускія вечарынкi, ставіў спектаклі. Арганізатарам і рэжысёрам быў А. Бурбіс. Сярод пастановак гуртка: «Парэвізіі» (1910) і «Пашыліся ў дурні» (1912) М. Крапіўніцкага, «Залёты» (1915) В. Дуніна-Марцінкевіча, «Модны шляхцюк» (1910) К. Каганца. Упершыню тут была пастаўлена п'еса Я. Купалы «Паўлінка» (27 студзеня 1913 г.).

⁹² Беларускі навукова-літаратурны гурток студэнтаў Санкт-Пецярбургскага ўніверсітэта, які ўзнік у 1912 г. Арганізатарам яго быў Я. І. Хлябцэвіч, у гурток уваходзіла 16 чалавек.

⁹³ Гурток у Новаалександрыі (цяпер г. Пулавы Люблінскага ваяводства Польшчы) быў арганізаваны студэнтамі сельскагаспадарчага інстытута.

⁹⁴ Гл. каментарый да артыкула «〈Новый период в истории белорусской литературы〉», пазіцыю 9.

⁹⁵ Гл. каментарый да артыкула «Глыбы і слаі», пазіцыю 4.

⁹⁶ Гл. каментарый да артыкула «Глыбы і слаі», пазіцыю 6.

⁹⁷ Гл. каментарый да артыкула «Глыбы і слаі», пазіцыю 14.

⁹⁸ Гл. каментарый да артыкула «За тры гады», пазіцыю 9.

⁹⁹ Гл. каментарый да артыкула «За тры гады», пазіцыю 11.

¹⁰⁰ Гл. каментарый да артыкула «За тры гады», пазіцыю 10.

¹⁰¹ Гл. каментарый да артыкула «Глыбы і слаі», пазіцыю 23.

¹⁰² Псеўданім З. Бядулі.

¹⁰³ Зборнік выйшаў у Вільні ў 1914 г.

¹⁰⁴ Відаць, апіска. У той час друкаваўся М. Арол (сапр. Пяцельскі С.).

¹⁰⁵ Выдадзена ў 1910 г.

¹⁰⁶ М. Багдановіч тут недакладны. Апаবাদанне «Якім Бяздолны» (Вільня, 1914) выдаў П. Беларус (сапр. Яленскі Пётр). П. Просты (сапр. Бобіч Ільдэфанс) у 1914 г. надрукаваў брашуру «Нашто беларусам газеты».

¹⁰⁷ Маецца на ўвазе «Кароткая гісторыя Беларусі», выдадзеная ў Вільні ў 1910 г.

¹⁰⁸ Як паведамляла «Наша ніва» за 12 снежня 1914 г., у Вільні 8 лістап. адбыўся «дзень штукарства» «на карысць раненых ваякаў і пацярпеўшых ад вайны жыхароў Віленскай губерні. На вуліцах прадаваліся маркі і «аднаднёўка», надрукаваная ў пяці мовах...» Магчыма, гэта і меў на ўвазе М. Багдановіч, згадваючы пра дабрачынны збор і беларускую газету-аднаднёўку.

¹⁰⁹ Літаральна з лац.: чыстая дошка.

Забыты шлях

(с. 286)

Друкуецца па тэксе, які змешчаны ў Творах, 1928, т. 2, с. 382—385 у раздзеле «Узоры прозы М. Багдановіча ў дакладных копіях».

Упершыню — газ. «Вольная Беларусь», 1918, 28 крас. Тут жа былі змешчаны вершы Багдановіча народнапесеннага складу «Бяседная», «*** Як прыйшла я на ток малаціць», «*** Хоць і зорачка — ды не вячэрняя», «*** У Максіма на кашулі вышыты галубкі», «*** А як смерцю Максіма скаралі», якія, відаць, былі своеасаблівай ілюстрацыяй да тэарэтычных разваг паэта, выкладзеных у артыкуле.

Датуецца 1915 г. паводле Багдановічавага ліста ў «Беларускую кнігарню» ад 14 лістапада 1915 г. (ліст не захаваўся) (Творы. 1928. Т. 2. С. 358). Тое, што артыкул напісаны ў 1915 г., пацвярджае і наступны ўрывац з тэксту артыкула: «Аб сваёй паэмцы «Мушка-зелянуска» ды некалькіх дробных вершах, надрукаваных улетку, я тут не гавару...» (с. 288). Паэма «Мушка-зелянуска і камарык — насаты тварык» была надрукавана ў 1915 г.

Тэксты аўтографа і надрукаванага ў «Вольнай Беларусі» не ва ўсім супадаюць. Як сведчаць розначытання, яны — вынік рэдактарска-карэктарскай праўкі.

¹ Другі год працягвалася Першая сусветная вайна (1914—1918), значная частка Літвы і Беларусі была захоплена ворагам.

² Маецца на ўвазе адзін з шасці сабраных і выдадзеных Я. Чачотам фальклорных зборнікаў «Piośniki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotownych w mowie sławiano-krewickiej» (Wilno, 1844).

³ П. Багрым.

⁴ Верш друкаваўся 14 студз. 1910 г.

⁵ Рэмінісцэнцыя паводле пушкінскага: «...у нас еше нет ни словесности, ни книг» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977. Т. 7. С. 14).

⁶ Рэмінісцэнцыя паводле пушкінскага: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию — которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, и поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» (Там жа. С. 28—29).

⁷ Шнуроўка — кароткая жаночая адзежка без рукавоў на шнурках, нагадвае камізэльку.

Забутий шлях

(с. 292)

Пачатак артыкула на ўкраінскай мове. Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, дзе ўпершыню апублікаваны з аўтографа.

Датуецца прыблізна па аналогіі са зместам і назвай артыкула «Забуты шлях», які быў напісаны ў 1915 г.

¹ З лацінскай мовы. Тут у сэнсе: у таямніцах мастацтва, паэзіі. Гэты выраз сустракаецца і ў вершы Багдановіча — «Ліст...» (1913).

² Назва ад французскай паэмы пра Аляксандра Македонскага, XII ст. У французскім вершаскладанні гэта 12-складовы верш з націскам на 6-м, 12-м і цэзурай пасля 6-га склада, звычайна з парнай рыфмоўкай. У нямецкім і рускім вершаскладанні перадаецца 6-стопным ямбама з цэзурай пасля 3-й стапы. Да яго звяртаўся і Багдановіч у творах, стылізаваных пад старыну («Перапісчык», «Летапісец»).

³ Як вядома, «Энеіда» напісана штрафой у дзесяць радкоў.

К генеалогии одного стихотворения

(с. 294)

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, дзе ўпершыню апублікаваны з аўтографа. Паводле каментарыя да згаданага тома Твораў, пад тэкстам рукапісу была памета: Адрес мой: Ярославль, редакции газ. «Голос».

Датуецца прыблізна 1915 г. паводле сувязі са зместам артыкула «Забуты шлях».

¹ З верша «*** Источник за вишневым садом» (1858).

Иван Франко

(с. 297)

Друкуецца па часоп. «Жизнь для всех», 1916, № 7, дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: М. Богданович.

Датуецца годам апублікавання.

У аснову дадзенага артыкула была пакладзена некалькі раней напісаная Багдановічам нататка, што друкавалася ў «Нижегородском листке», 1915, № 94 як уступнае слова да ўласнага перакладу з Франка (апав. «Каменщик»).

¹ І тут таксама, як і ў іншых артыкулах, тэрмін «рускі» Багдановіч ужывае ў сэнсе «агульнаўсходнеславянскі».

² У ліпені 1875 г. на філасофскі факультэт.

³ Асноўны пафас грамадзянскай і творчай дзейнасці вядомага ўкраінскага фалькларыста, публіцыста, гісторыка, літаратурнага крытыка М. П. Драгаманава быў скіраваны супраць царскага ўрада. Меў вялікі ўплыў на прагрэсіўна настроеную моладзь. Пад яго ўплывам І. Франко стаў членам студэнцкага дэмакратычнага гуртка, які займаўся антыўрадавай дзейнасцю, выступаў за нацыянальнае самавызначэнне ўкраінскага народа.

⁴ Прабыў там восем месяцаў.

⁵ Гэта адзін і той жа часопіс, спачатку меў назву «Громадський друг» (1878), затым «Дзвін» і «Молот».

⁶ Маецца на ўвазе прапагандысцкая работа Франка ў гуртках самаадукацыі, для якіх ён стварыў папулярны падручнік на аснове прац К. Маркса, а таксама Чарнышэўскага і Міля, пераклаў на ўкраінскую мову 24-ты раздзел з «Капіталу» К. Маркса, асобныя раздзелы з «Анты-Дзюрынга» Ф. Энгельса і хацеў выдаць іх паасобнікамі з уласнымі прадмовамі.

⁷ У 1880 г. быў арыштаваны ў сувязі з працэсам сялян, якія абвінавчваліся ў выступленнях супраць царскага самадзяржаўя. Праз тры месяцы турэмнага зняволення па этапах быў адпраўлены ў с. Нагуэвічы пад нагляд паліцыі. У 1889 г. быў зноў арыштаваны.

⁸ З 1893 г. і на працягу наступных дзевяці гадоў.

⁹ Поўная назва — «Варлаам і Йоасаф, старохрысціянскі духовны роман і яго літаратурна історыя». Упершыню аповесць друкавалася па частках у 1895—1897 гг.

¹⁰ Маецца на ўвазе праца «Іван Вишнеський і яго творы» (Львоў, 1895).

В. Самійленко

(с. 300)

Друкуецца па часоп. «Украинская жизнь», 1916, № 7—8, дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: М. Богданович.

Датуецца годам апублікавання.

¹ Анталогія ўкраінскай паэзіі (укладальнік А. Каваленка), выйшла ў Кіеве ў 1908 г.

² На ранні зборнік паэта «3 поезій Володимира Самійленка» (Кіеў, 1890) вядомы тры рэцэнзіі. Іх надрукавалі ў час. «Зоря» за 1891 г. В. Лукіч — у № 1, М. Камароў — у № 2 і В. Чайчэнка — у № 3. Першы зборнік паэзіі Самійленка падрыхтаваў яшчэ ў 1888 г. Складаўся ён з 28 вершаў, але 11 з іх цензура не дазволіла надрукаваць. І ўжо з дазволенах вершаў Самійленка скампанаваў новы зборнік.

³ Зборнік «Україні» па парадзе і з дапамогай І. Франка сабраў і выдаў М. Мачульскі ў 1906 г.

⁴ Песні «Ада» вийшли ў Львові ў 1902 г.

⁵ Радкі з верша А. Фета «На книжке стихотворений Тютчева» (1883).

⁶ Верш «Грішниця».

⁷ У час вучобы на гісторыка-філалагічным факультэце Кіеўскага ўніверсітэта.

⁸ Налёт зеленавата-карычневага колеру, што ўтвараецца на паверхні прадметаў з медзі і бронзы ў выніку акіслення, якое адбываецца пад уздзеяннем часу або ствараецца штучна.

⁹ За гэты час у друку з'явіліся вершы «Хімчынні співы», «До поета», «Сон», «Катам», «Людзьскість», «Пам'яті Л. І. Глібова» і пераклад раздзела з «Боскай камедыі» Дантэ.

¹⁰ «Днямі свабоды» аўтар называе час канца 90-х гадоў і пачатку ХХ ст. У гэты перыяд абмежаванні 1876 г. былі паслаблены, а затым у 1906 г. фармальна згубілі сваю сілу, і ўкраінцам адкрыліся магчымасці для нацыянальнага развіцця.

¹¹ Аналагічны вобраз крыніцы сустракаецца ў «Санетах» Багдановіча «*** Замёрзла ноччу шпаркая крыніца» і «*** Паміж пясцоў Егіпецкай зямлі».

¹² Нямецкі філосаф Лацары Морыц, якому належыць распрацоўка тэорыі псіхалогіі народаў.

¹³ Маецца на ўвазе верш «Пісня про вішого Василя» (1888), галоўным героем якога аўтар зрабіў кіеўскага цензара Василя Рафальскага, лютага ўкраінафоба.

¹⁴ Пераклад аповядання І. Нікіціна «Ранак».

¹⁵ Вершаваны памер антычнай (метрычнай) сістэмы вершаскладання.

¹⁶ Акрамя таго, што называлася ў артыкуле, «Тарцюф» і «Шлюб пад прымусам», «Скнара», «Жорж Дандэн» і інш.

¹⁷ «Мій дух як річ...», «О, плачце над тымі, што плачуть край рік Вавилону...»

¹⁸ «Школяр і рязкі», «Господар і віл», «Ліхтар», «Дим від кадила і дим із кузні», «Метелик і капуста».

¹⁹ У зб. «Україні» з ямбаў Барбье друкуецца верш пад назвай «Поступ».

²⁰ «Цар Горох», «Пташкі», «Сенатор».

²¹ Асобная штучная форма пабудовы верша, калі апошняя рыфма кожнай строфы дае пазту адказ у форме эха на яго запытанні ў вершы.

²² Гл. каментарый да артыкула «Забутый шлях», пазіцыю 2.

²³ Дыметрам (літаральна — падвойны памер) у антычным верша-складанні называўся верш, які складаўся з дзвюх падвойных стоп, у якіх адзін націск быў асноўным, другі — другазначным. У гэтым сэнсе, напрыклад, чатырохстопны харэй ці яmb часам называецца харэічным ці яmbічным дыметрам. Багдановіч, як відаць, меў на ўвазе тут назваць не дыметр, а элегічны дысціх, г. зн. двуверш, які складаецца з аднаго гекзаметра і аднаго пентаметра, — памер для антычнай элегіі абавязковы.

²⁴ Гаворка ідзе пра секстыну «Опять, опять звучит в душе моей унылой».

²⁵ З нізкі пад назвай «Сонети».

Грицько Чупрынка

(с. 316)

Друкуецца па часоп. «Украинская жизнь», 1916, № 11 і 12, дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: М. Богданович.

Датуецца годам апублікавання.

¹ У сэнсе: агульнаўсходнеславянскіх.

² Выраз Я. А. Баратынскага.

³ З верша М. М. Языкава «К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву».

⁴ З верша «Звуки небесні». Акрамя гэтага, у артыкуле цытуюцца вершы «Гей, на весла!», «Ноктюрн», «Вальс», «Давнін образ», «Глянь ій вочі!..», «Царь-огонь», «Цвіт травневый», «*** Чоловіче! Хоч би жмінька», «Праця поэта», «Кладовище», «Батькові».

⁵ «Да творчасці Г. Чупрынкi М. Багдановіч падыходзіць з сацыяльна-эстэтычных пазіцый [...] Трэба ўлічыць, што да часу напісання артыкула яго аўтар як паэт і крытык «перахварэў» ужо на пэўнае захапленне некаторымі «ізмамі» (мадэрнізм, сімвалізм) і прыйшоў да пушкінскай няпростай прастаты, арганічнай еднасці зместу і формы [...] Аўтар «Вянка» ў апошні перыяд сваёй творчасці ўжо не мог прыняць у прадстаўнікоў паэтычнага авангарда іх негатыўнага стаўлення да надзённых грамадскіх праблем і з'яў, да сацыяльнасці ў самым шырокім сэнсе. Адсюль — такая завельмі суровая, як на сённяшняе наша разуменне, ацэнка творчасці Г. Чупрынкi [...] Сёння, з вышыні часу, відаць: Г. Чупрынка не быў «чыстым» авангардыстам, як гэта тады здавалася М. Багдановічу. Ён не раз зазірнуў і ў свет рэальных праблем, сацыяльных і нацыянальных, і не толькі ў першы, найбольш заземлены, перыяд сваёй творчасці». (Рагойша В. Вяртанне метэора // Польша. 1988. № 12. С. 190.)

⁶ Пачаў друкавацца з 1907 г. Дэбютаваў вершам «Мая кобза» ў газ. «Рада» за 13 мая.

⁷ Нізка з сямі вершаў, упершыню надрукаваная ў зборніку «Сон-трава» (Кіеў, 1914).

⁸ Замест слоў, узятых у дужкі, у часоп. «Украинская жизнь» друкавалася: «не безусловно, не бесплатно». Упершыню выпраўлена ў Творах, 1928, т. 2, с. 96 у поўнай адпаведнасці са зместам. Мы лічым праўку правамернай.

РЭЦЭНЗІІ І НАТАТКІ

Крестьянин-поэт С. Д. Дрожжин

(с. 336)

Друкуецца па «Северной газете», 1913, № 42, 13 снеж., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Б.

Датуецца годам надрукавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца з 1968 г.

¹ Гл. каментарый да артыкула «С. Д. Дрожжин», пазіцыю 1.

² Гл. каментарый да артыкула «С. Д. Дрожжин», пазіцыю 2.

³ Зб. «Поэзия труда и горя» (М., 1901).

⁴ С. Д. Дрожжын вершы-пяціскладовікі напоўніў больш дэмакратычным зместам, увёў у іх новыя паэтычныя малюнкi і зусім новае ідэйна-тэматычнае гучанне, большую рытмічную разнастайнасць (у прыватнасці, зліццё пяціскладовікаў па два ў няцотных вершах, чым уводзілася чаргаванне радкоў, якія змяшчалі выразна выяўленую цэзuru з вершамі бесцэзурнымі).

Дадзеная нататка і артыкул «С. Д. Дрожжин», які быў надрукаваны ў газ. «Голос», 1913, 12 снеж. (подпіс: М. Богданович), маюць бябібліяграфічныя супадзенні.

Роман Трыстана и Изольды в изложении Ж. Бедье

(с. 337)

Друкуецца па газ. «Голос», 1913, № 292, 21 снеж., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Героі серыі помнікаў заходнеўрапейскай літаратуры сярэдніх вякоў. Легенда аб іх — кельтскага паходжання. Сюжэт — трагічнае каханне жонкі карнуэльскага караля Изольды да пляменніка свайго мужа. Упершыню апрацаваны французскімі паэтамі, у тым ліку Берулем і Тома (70-я гг. XII ст.). У апошняга ўзмоцнена псіхалагічная распрацоўка характараў, падкрэслены канфлікт пачуццяў герояў і феадальнага і маральнага абавязку, што гняце іх. Кнігу Тома ў пачатку XIII ст. перапрацаваў эльзасец Готфрыд Страсбургскі, у якога ўзнікненне любоўнага пачуцця Трыстана і Изольды тлумачыцца менш фаталістычна ў параўнанні з ранейшымі варыянтамі. Вядомы больш познія апрацоўкі легенды — англійская, іспанская, італьянская (усе — XIII ст.), чэшская (XIV ст.), сербская (XV ст.) і інш. У перыяд рамантызму на сюжэт «Трыстана і Изольды» з'явіліся паэмы А. В. Шлегеля, В. Скота, К. Імермана, опера Р. Вагнера.

² Ж. Бедзье належыць рэканструкцыя першапачатковага тэксту рамана аб Трыстане і Ізольдзе.

³ На Беларусі сярод перакладной рыцарскай літаратуры раман аб Трыстане і Ізольдзе быў распаўсюджаны ў XV—XVI стст.

Н. М. Никольский. Древний Вавилон

(с. 339)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 3, 4 студз., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца з 1968 г.

¹ Шумер, Сумер, гістарычная вобл. у Паўднёвым Двухрэччы (паміж рр. Тыгр і Еўфрат, на тэрыторыі паўднёвай часткі сучаснага Ірака).

² Старажытны горад у Месапатаміі, у 19—6 стст. да н. э. сталіца Вавілоніі. На мяжы 7—6 стст. да н. э. меў найбольшы росквіт. Да 2 ст. н. э. заняпаў. З 1899 г. вядуцца археалагічныя раскопкі.

³ Асур, Ашур, ядро Асірыі — старажытнай дзяржавы на тэрыторыі сучаснага Ірака.

⁴ Двухрэчча, прыродная вобл. у Пярэдняй Азіі, у басейне сярэдняга і ніжняга цячэння Тыгра і Еўфрата, адзін з цэнтраў старажытнай цывілізацыі. Насельніцтва Месапатаміі дасягнула высокага ўзроўню культуры: стварыла клінапіснае пісьмо, велічныя архітэктурныя пабудовы, развівала навукі — астраномію, медыцыну і інш.

«Ежемесячный журнал», 1914 г. № 1.

(с. 341)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 8, 11 студз., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

Пасля 1928 г. у выданні твораў М. Багдановіча не ўключаўся.

¹ Штомесячны часопіс, які выдаваўся ў Пецярбурзе з 1914 па 1918 г. Меў загаловкі: «Ежемесячный журнал», «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни», «Ежемесячный журнал («Журнал для всех»)». У часопісе за 1916 г. № 6 быў змешчаны артыкул М. Багдановіча «Николай Дмитриевич Ножин», а ў № 3 за 1914 г. — верш Т. Шаўчэнкі «А. О. Козачковскому», перакладзены М. Багдановічам на рускую мову.

² Маюцца на ўвазе І. Бунін, А. Чапыгін, В. Шышкоў, Ул. Віннічэнка і інш.

³ Маюцца на ўвазе А. Блок, М. Ключоў, А. Ахматава і інш., якія ў пачатку творчага шляху належалі да сімвалізму, акмеізму і іншых напрамкаў у літаратуры.

⁴ У № 1 змешчаны вершы П. Салаўёвай, І. Буніна, М. Ключева, Б. Верхаўсцінскага, С. Астрова, А. Ліпецкага, Л. А.

⁵ У № 1 змешчаны апавяданні і аповесці С. Гусева-Арэнбургскага («Голиаф»), Яўг. Замяціна («Непутевый»), А. Рамізава («Весеннее порошье»), Г. Грабеншчыкова («Лесные короли»), Улад. Табурына («Портрет знаменитости», «Меценат»), К. Транёва («В станице»), Б. Верхаўсцінскага («Страдатель»), С. Пад'ячава («Свое взяли»), В. З. («Святки»).

⁶ У нумары змешчана апавяданне Уладз. Віннічанкі «Терень».

⁷ У № 1 апавяданняў І. Шмялёва няма.

⁸ У нумары змешчаны артыкулы па гісторыі (В. Бачкароў. «Из истории подготовки земской реформы»), філасофіі (А. Мейер. «Геро-клит»), прыродазнаўству (А. Паладзін. «Пищеварение») і г. д.

Собрание сочинений К. Рылеева и Одоевского

(с. 343)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 14, 19 студз., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Літаратурны, мастацкі, навукова-папулярны і грамадскі часопіс. Выдаваўся ў Пецярбурзе (1909—1916 гг.). Выдавец: У. А. Пасэ.

² Маюцца на ўвазе «Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева», выданыя яго дачкою пад рэдакцыяй П. А. Яфрэмава ў 1872 г.

³ Маюцца на ўвазе, відаць, «Сочинения кн. Одоевского А. И.», 1893.

⁴ У 1912 г. у Кіеве было апублікавана даследаванне В. І. Маслава «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева» з дадаткам неапублікаваных вершаў, артыкулаў, лістоў Рылеева, дакументаў, а таксама твораў, якія яму прыпісваюцца.

⁵ Экспромт А. І. Адоеўскага «Куда несетесь вы, крылатые станицы» напісаны ў 1837 г. Паводле ўспамінаў дзекабрыстаў М. А. Азімава і А. Я. Розена, гэты верш напісаны пры пераездзе з Сібіры на Каўказ, недалёка ад Стаўрапаля, пры відзе чарады жураўлёў, якая ляцела на поўдзень.

⁶ У гэксце фактычная недакладнасць. Кнігу адкрывае нарыс «Жизнь и творчество Рылеева и Одоевского в связи с общественными и литературными течениями начала XX века», напісаны Т. У. Пасэ, дачкой вядомага публіцыста У. А. Пасэ (1854—1930).

Безумец

(с. 345)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 29, 5 лют., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Б.

Аб прыналежнасці гэтага артыкула М. Багдановічу паведамляў бацька паэта А. Я. Багдановіч, спасылаючыся на С. Каныгіна (гл. Багдановіч М. Творы. Мн., 1928. С. 376).

Датуецца годам надрукавання.

Артыкул напісаны ў сувязі з 350-годдзем з дня нараджэння Галілея Галілеа (15.ІІ.1564—8.І.1642).

¹ Апошняя страфа верша «Безумцы» («Les fous») французскага паэта П'ера Жана Беранжэ.

«Ежегодник Вологодской губернии»

Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г.

(с. 347)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 32, 8 лют., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ Штогоднік, выходзіў у Волагдзе з 1910 па 1914 г. У 1911 г. выйшаў пад назвай «Ежегодник (календарь-справочник) Вологодской губернии иллюстрированный». У штогодніку друкаваліся артыкулы і статыстычныя матэрыялы па фабрычна-заводскай прамысловасці, саматужным промыслам, масларобству, чыгуначнаму і воднаму транспарту і інш.

² Штодзённая газета з дадаткамі, цэнтральны орган партыі кадэтаў. Выходзіла ў Пецярбурзе з лютага 1906 г. пад фактычнай рэдакцыяй П. М. Мілюкова, І. У. Гессена; выдаўцы: Ю. Б. Бак, У. Д. Набокаў, І. І. Петрункевіч і інш. Была папулярнай ў асяроддзі ліберальна-буржуазнай інтэлігенцыі. Пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. выступала супраць бальшавікоў. Закрыта Петраградскім ВРК 26/Х/8/ХІ/1917 г., пасля чаго выходзіла пад назвамі «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век». Канчаткова закрыта ў жніўні 1918 г. Вынесены ў загаловак рэцэнзіі дадатак да газ. «Речь» выходзіў у 1912—1916 гг.

³ П. Мілюкоў. Внешняя политика России.

⁴ І. Гессен. Внутренняя жизнь.

⁵ Е. Эпштэйн. Денежный рынок, банки и биржа; А. Шынгароў. Бюджет 1914 г.

⁶ П. Мілюкоў. Финляндия; І. Clemens. Польша; М. Магілянскі. Украинский вопрос; Б. Ландаў. Еврейский вопрос.

⁷ С. Адрыянаў. Русская литература; П. Коган. Европейская литература; Я. Тугендхольд. Русское искусство; П. Ярмаў. Драматический театр; Р. Цімафееў. Музыка.

⁸ У артыкуле С. Адрыянава «Русская литература» разглядаюцца раманы В. Версаева «К жизни» і п'еса А. Блока «Крест и Роза».

Желтые цветы

(с. 349)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 35, 12 лют., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

У народзе жоўтыя кветкі абазначаюць здрадлівасць, прадажнасць, нявернасць. Здрадніцкай, прадажнай, нявернай была і дзейнасць часоп. «Микроскоп». Таму артыкул, прысвечаны дзейнасці часоп. «Микроскоп», названы М. Багдановічам «Желтые цветы».

¹ Штотыднёвы сатырычны часопіс, з № 4 дабаўлена: Ярославский... Друкаваўся ў 1913—1914 гг. у Яраслаўлі, а з № 46 — у Рыбінску. Рэдактар-выдавец Н. Д. Семанюўскі. Бацька паэта А. Я. Багдановіч у лісце ад 20 верасня 1928 г. пра часопіс «Микроскоп» пісаў наступнае: «Гэты як бы сатырычны, а па сутнасці шантажны штотыднёвы невялічкі часопіс выдаваўся ў 1913 і 14 гг. у Яраслаўлі, а потым быў перанесены ў Рыбінск. Друкаваўся ён на паковачнай каляровай паперы ў адзін аркуш з дрэнна намалёванымі карыкатурамі — часопіс самага «нікчэмнага» характару. Досціпам, адкасю сатыры ён не вызначаўся, а адзначаўся грубымі выпадкамі супроць грамадскіх дзеячоў ці гандлёвых фірм і прадпрыемстваў, прычэпліваўся да якіх-небудзь паасобных выпадкаў — груба, з нацяжкамі, гвалтоўна. Ад яго кпін можна было адкупляцца змяшчаючы абвестку ў гэтым брудным часопісе. Пачаўшы выходзіць зусім без абвестак, ён развіў такімі прыёмамі кліентуру, якая падтрымоўвала часопіс, змяшчаючы ў ім свае абвесткі» (Творы. 1928. С. 376).

² Яраслаўскі драматычны тэатр імя Ф. Р. Волкава, першы рускі агульнадаступны прафесійны тэатр. Заснаваны ў 1750 г. Ф. Р. Волкавым. Імя Ф. Р. Волкава тэатр носіць з 1911 г. Ацэнка М. Багдановічам дзейнасці тэатра не пазбаўлена суб'ектыўнасці.

А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды

(с. 356)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 50, 1 сак., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

Рэцэнзія напісана на перавыданне зб. А. М. Афанасьева «Русские народные легенды» (М., 1914; першае выданне 1859 г. адразу было забаронена царскай цензурай).

¹ С. К. Шамбінага належыць прадмова, навуковая рэдакцыя і каментарый да кнігі А. М. Афанасьева «Русские народные легенды» (1914).

² «История русской этнографии» А. М. Пыпіна ў 4-х тамах выйшла ў 1890—1892 гг. У ёй даваўся водгук на першае выданне кнігі А. М. Афанасьева «Русские народные легенды» (1859).

Рабиндранат Тагор. Гитанджали (Жертвопесни)

(с. 358)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 62, 15 сак., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Толькі ў 1914 г. у Расіі выйшла 4 выданні зб. «Гитанджали» Р. Тагора.

² Нобелеўская прэмія прысуджана Р. Тагору ў 1913 г.

³ М. Багдановіч прыводзіць вытрымку з прадмовы В. Б. Іейтса да названага зборніка Р. Тагора.

⁴ Дзіянео належыць прадмова да вершаў Р. Тагора, змешчаных у зб. «Слово», І. М., 1913 у перакладзе аўтара прадмовы.

Теофиль Гетье. Эмали и камни

(с. 360)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 79, 5 крас., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

У каментарыях Зб. тв., 1968 недакладна дадзены подпіс да гэтай рэцэнзіі: М. Б-ч.

Датуецца годам надрукавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца з 1968 г.

¹ Н. Грэкаў пераклаў зб. Т. Гацье «Новые стихотворения» (М., 1866).

Пераклады вершаў Т. Гацье, зробленыя В. Брусавым, змешчаны ў зб. «Французские лирики XIX в.» (СПб, 1909; усе пераклады зроблены В. Брусавым) і ў 21-м т. Зб. тв. В. Брусава (СПб, 1913).

² Акрамя Н. Грэкава і В. Брусава Т. Гацье перакладаў М. Валашын (Стихотворения, 1910); Н. Хвастоў (Огни и отражения, 1912).

Акрамя названых зборнікаў Т. Гацье былі перакладзены: Капітан Фракасс, СПб, 1895; Милитона, СПб, 1847 и СПб, 1872, Спирит; Двойная звезда і інш.

³ Пачатковая страфа верша «Искусство» («L'art») Т. Гацье. Гэты верш упершыню надрукаваны 13 верасня 1857 г. пад назвай: «A Monsieur Theodore de Banville; reponse a son Odelette». Т. дэ Банвіль (1823—1891), вучань Т. Гацье, блізкі да парнасцаў, надрукаваў у маі 1856 г. верш «A Th. Gautier» (пазней верш са зменамі ўвайшоў у зб. «Изгнанники», 1874). Развіваючы тэму, прапанаваную Банвілем, Т. Гацье адказаў яму, выкарыстаўшы той жа вершаваны метр.

⁴ Радок з верша «Кармен» Т. Гацье.

Крым

(с. 362)

Друкуецца па часоп. «Русский экскурсант», 1914, № 5—6, дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца з 1968 г.

¹ У I-м тысячагоддзі да н. э. Крым насялялі плямёны кімерыяцаў, скіфаў, таўраў. Ад імя апошніх і паходзіць старажытная назва горнай і прыбярэжнай часткі Крыма — Таўрыка, Таўрыя, Таўрыда.

² Так да 1944 г. называўся горад Белагорск у Крымскай вобл. У гэсце першай публікацыі ёсць невялікая памылка. Хутчэй за ўсё, яна носіць паліграфічны характар: словы «Ценны для этого рода читателей и главы» сустракаюцца і ў сказе «Здесь говорится о способах передвижения по Крыму и о пригодности их для той или иной цели...» перад словамі «...для пешеходных, так и экипажных экскурсий...»

Н. Снессарев. Мираж «Нового времени»

(с. 368)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 129, 7 чэрв., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Штодзённая рэакцыйная газета, якая выдавалася ў Пецярбурзе з 1868 да 1917 г. Першاپачаткова газета прытрымлівалася ліберальнай арыентацыі, а з 1876 г. (з пераходам выдання да А. С. Суворына) заняла кансерватыўныя, шавіністычныя пазіцыі.

² Прадстаўнік лонданскай кампаніі бяздротавага тэлеграфа Марконі прапанаваў газеце (за ўзнагароду ў 10 000 рублёў) «скласці статут рускага таварыства Марконі і праект канцэсіі на карысьць гэтага таварыства» (Ленін У. І. Творы. Мн., Т. 20. С. 144—145).

«Жатва»

(с. 370)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 141, 21 чэрв., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богдановіч.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Альманах, веснік літаратуры. Выходзіў на працягу 1911—1916 гг. у Маскве. Акрамя названых у рэцэнзіі пісьменнікаў, на яго старонках друкаваліся С. Гарадзецкі, Б. Лаўранёў, А. Ахматава, В. Брусаў і інш. Выйшла 8 нумароў.

² Маецца на ўвазе артыкул «Грааль печали», у якім Баратынскі ахарактарызаваны як паэт-сімваліст.

³ Маецца на ўвазе артыкул Н. Львовай «Холод утра».

Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского; Собрание сочинений Е. А. Баратынского и Д. В. Веневитинова

(с. 372)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 153, 5 ліп., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богдановіч.

Датуецца годам надрукавання.

У рэцэнзіі М. Багдановіч выказвае свой погляд на прынцыпы акадэмічных выданняў твораў пісьменнікаў.

¹ Поўны збор твораў Я. А. Баратынскага ў 2-х т. пад рэдакцыяй і з заўвагамі М. Л. Гофмана выйшаў у 1914—1915 гг. (т. 1—1914, т. 2—1915) у Пецярбурзе.

² А. Кальцоў. Поўны збор твораў пад рэдакцыяй і з заўвагамі А. І. Ляшчанка. 3 выд., Пецярбург, 1911.

М. Лермантаў. Поўны збор твораў, т. 1—5, пад рэдакцыяй і з заўвагамі Д. І. Абрамовіча. Пецярбург, 1910—13.

А. Грыбаедаў. Поўны збор твораў, т. 1—3, пад рэдакцыяй і з заўвагамі М. К. Піксанава. Пецярбург, 1911—1917.

³ Гл. каментарый да рэцэнзіі на зб. тв. К. Рылеева і А. Адоеўскага, пазіцыю 1.

Ю. Энгель. Музыкальный словарь

(с. 374)

Друкецца па газ. «Голос», 1914, № 264, 15 лістап., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Маецца на ўвазе слоўнік Рымана Гуго «Musik Lexikon» («Музыкальный словарь», 1882), які неаднаразова перавыдаваўся і перакладзены амаль на ўсе мовы. На рускай мове выдадзены ў 1901—1904 гг.

² Папярэдняе выданне «Краткого музыкального словаря» Ю. Энгеля было ў 1907 г.

³ Удзельнікі славутага балакіраўскага гуртка («Могучей кучки»), які існаваў з канца 50-х да сярэдзіны 70-х гадоў XIX ст. Гурток уяўляў сабой творчую садружнасць выдатных рускіх кампазітараў (М. А. Балакірава, А. П. Барадзіна, Ц. А. Кюі, М. П. Мусаргскага, М. А. Рымскага-Корсакава). Часовымі ўдзельнікамі «Могучей кучки» былі Н. В. Шчарбачоў і М. М. Ладыжанскі.

М. М. Путеводитель по Галиции и ее курортам

(с. 375)

Друкецца па часоп. «Русский экскурсант», 1915, № 1, с. 53, дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Б.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Восенню 1914 г. амаль што ўся Галіцыя, якая з'яўлялася калоніяй Аўстра-Венгрыі, была занята рускімі войскамі.

² Асноўную частку тэрыторыі Галіцыі складалі заходнія ўкраінскія землі (сучасныя Львоўская, Івана-Франкоўская, Цярнопальская вобл. Украіны). У канцы XVIII — пачатку XX ст. у склад Галіцыі ўваходзіла і частка польскіх зямель.

Об интересном мнении г. Глебова

(с. 377)

Друкецца па часоп. «Музыка». Еженедельник, М., 1915, № 211, 21 лют., с. 127—129, дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Б-ч.

Датуецца годам надрукавання.

У сваім артыкуле М. Багдановіч палемізуе з І. Глебавым у ацэнцы творчасці геніяльнага рускага кампазітара М. П. Мусаргскага. Глебаў (псеўданім Б. Асаф'ева) пад уплывам розных модных

у мастацтве ідэалістычных плыняў лічыў Мусаргскага рамантыкам (у далейшым погляды на творчасць Мусаргскага былі цалкам зменены). М. Багдановіч, уступаючы ў палеміку з І. Глебавым, даказвае, што Мусаргскі ў сваёй творчасці — рэаліст. Свае доказы М. Багдановіч падмацоўвае шматлікімі істотнымі аргументамі. Артыкулы М. Багдановіча і І. Глебава надрукаваны ў штотыднёвіку «Музыка», які выдаваўся ў Маскве з 1910 па 1916 г. пад рэдакцыяй музычнага крытыка У. У. Дзержаноўскага:

І. Глебаў. Петроградские куранты. Музыка, 1914, № 203, 23 снеж., с. 629—636.

І. Глебаў. О романтической сущности творчества Мусоргского, попутно вообще о романтизме, все — в пределах полемического ответа эпигону «передвижничества». Музыка, 1915, № 211, 21 лют., с. 121—127. Эпигонам перадзвіжніцтва І. Глебаў называў М. Багдановіча.

М. Багдановіч. Об интересном мнении г. Глебова. Музыка, 1915, № 211, 21 лют., с. 127—129.

¹ Перазічныя творы Марлінскага (А. А. Бястужава), напоўненыя рамантычнымі легендамі і экзотыкай, карысталіся вялікай папулярнасцю ў сучаснікаў, але ў хуткім часе былі забыты.

«Славянская библиотека», № 1.

В. И. Пичета. Исторический очерк славянства.

Ч. М. Иоксимович. Состав современного славянства.

Москва, 1914 г.

(с. 380)

Друкуецца па газ. «Голос», 1915, № 127, 6 чэрв., дзе ўпершыню апублікавана. Падпісана: М. Багдановіч.

Датуецца годам апублікавання.

Цікавасць у Багдановіча да першай кнігі «Славянскай бібліятэкі» была невыпадковай. Акрамя таго, што лёсы славянства на той час былі тэмай яго сталых роздумаў, публіцыстычных выступленняў у друку, ён асабіста ведаў аўтараў рэцэнзуемых артыкулаў. 31 жніўня 1914 г. Багдановіч прымаў удзел у славянскай лекцыі на тэму «Сусветная вайна і славянская федэрацыя», арганізаванай у Яраслаўлі сербскім каралеўскім агентам Ч. М. Іаксімовічам. З асноўным дакладам выступіў прыват-дацэнт Маскоўскага ўніверсітэта У. І. Пічэта. (Заўважым, што гэта было адно з першых публічных выступленняў М. Багдановіча.)

Калі меркаваць пра змест даклада Пічэты паводле газетнай інфармацыі, надрукаванай у «Голосе» за 2 верасня 1914 г., то бачна, што асноўныя пасылкі даклада былі замацаваны ў рэцэнзуемым «Гістарычным нарысе славянства». Не выключана магчымасць, што ўзяцца за пяро Багдановіча прымусіла і тая даўняя нязгода па тых жа пытаннях,

той унутраны палемічны настрой, што быў народжаны выступленнем Пічэты яшчэ на яраслаўскай лекцыі.

¹ Феадалная дзяржава на тэрыторыі Літвы, Беларусі (у XIII—XVIII стст.), Украіны (да 1569 г.) і часткі Расіі (да 30-х гадоў XVI ст.). (Гл. таксама каментарый да артыкула «Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI сталяцця», пазіцыю 6.)

«Национальные проблемы»

(с. 382)

Друкуецца па газ. «Голос», 1915, № 138, 19 чэрв., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Двухтыднёвы часопіс, выходзіў у Маскве ў 1915 г. замест зачыненай у адміністрацыйным парадку газ. «Наша жизнь».

² Артыкул «Что такое национализм» Б. Кісячкоўскага (вехавец).

³ Артыкул «Ложная идея» М. А. Грэдэскула (прафесар, кадэт).

⁴ Артыкул «Народное и всечеловеческое» Я. М. Трубяцкога (кадэт).

⁵ Артыкулы Л. Дароўскага «Польша и великая война» (№ 1), А. Джывелегава «К истории армянского вопроса» (№ 1, 3), М. Багдановіча «Белоруссы» (№ 2) і інш.

⁶ Акрамя названых аўтараў у часопісе друкаваліся таксама Н. Аганоўскі, С. Дубнаў, Р. Вешапелі, І. А. Бадун-дэ-Куртэнэ і інш.

А. Л. Погодин... Славянский мир

(с. 384)

Друкуецца па газ. «Голос», 1915, № 139, 21 чэрв., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

Да Вялікай Айчыннай вайны ў архіве АН Беларусі захоўваўся аўтограф гэтай рэцэнзіі. У аўтографе былі наступныя радкі: «Текущие события, всколыхнувшие весь мир, выдвинули целый ряд вопросов, находившихся до сих пор в тени, а между ними и вопрос о судьбе целого ряда славянских племен, входящих в состав Австрии и России». (Даюцца па дысертацыі Р. С. Жалезняка «Поэзия М. А. Богдановича». Л., 1941. С. 270. Выяўлены Н. Б. Ватацы.)

У каментарыях Зб. тв., 1968, т. 2 выказана меркаванне, што прыведзеныя радкі маглі адносіцца да пачатку артыкула.

¹ Да 1918 г. у склад Аўстра-Венгрыі ўваходзілі Галіцыя, тэрыторыі сучасных Аўстрыі, Венгрыі, Чэха-Славакіі, частка тэрыторый Югаславіі, Румыніі, Польшчы, Італіі. Пра Галіцыю гл. таксама каментарый да рэцэнзіі на «М. М. Путеводитель по Галиции и ее курортам».

² Па дадзеных перапісу 1910 г. працэнтны склад славянскага насельніцтва Аўстра-Венгрыі быў наступны: чэхі і славакі — 16,5; сербы і харваты — 10,5; палякі — 10; украінцы — 8; славенцы — 2,5.

³ Лужычане, лужыцкія сербы, сербалужычане, заходнеславянская народнасць. Жывуць на тэрыторыі ФРГ. Гавораць на лужыцкай, а таксама на нямецкай мовах.

⁴ Нашчадкі старажытных памаран, жывуць на ўзбярэжжы Балтыйскага мора, у паўночна-ўсходніх раёнах Польшчы. Гавораць на кашубскім дыялекце польскай мовы.

⁵ У рускай літаратуры XIX ст. так называліся славенцы, нацыя ў Югаславіі.

Н. А. Рубакін. Среда книг

(с. 386)

Друкуецца па газ. «Голос», 1915, № 139, 21 чэрв., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богдановіч.

Датуецца годам надрукавання.

Рэцэнзія М. Багдановіча напісана на 3-і, заключны том кнігі М. А. Рубакіна «Среди книг». Кніга М. А. Рубакіна «Среди книг» (гэта 2-е выд.) у 3-х т. выйшла ў Маскве на працягу 1911—1915 гг. (1-ы т.— 1911, 2-і т.— 1913, 3-і т.— 1915). 1-е выд. гэтай кнігі было ў 1906 г. у 1-м т. У 3-м т. (ч. 1) М. А. Рубакін змясціў артыкул «Белорусское национальное возрождение», у якім прыводзяцца біяграфічныя звесткі пра М. Багдановіча (с. 147).

«Русский экскурсант»

(с. 389)

Друкуецца па газ. «Голос», 1915, № 139, 21 чэрв., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богдановіч.

Датуецца годам надрукавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца з 1968 г.

¹ Штомесячны ілюстраваны часопіс, прысвечаны радзімазнаўству і экскурсійнай справе. Выходзіў у Яраслаўлі на працягу 1914—1917 гг. На вокладцы: Журнал родиноведения и экскурсионного дела. У часопісе былі надрукаваны некаторыя творы М. Багдановіча.

² У часоп. «Русский экскурсант» назва артыкула Д. Залатарова наступная: «Первый съезд преподавателей географии в Москве (26—29 марта 1915 года)».

³ У часоп. «Русский экскурсант» аўтарам артыкула «Что можно видеть на рыбинских мостовых» указаны Н. Розаў.

⁴ Матэрыялы аддзела «Крупинки опыта»: «Как облегчить организацию экскурсий», «Из практики экскурсий гимназии Шаффе» падрыхтаваны Н. Макаравай.

⁵ 5-ы нумар часоп. «Русский экскурсант» змяшчае канец артыкула Ул. Панчанкі «Крым» (пачатак у № 4).

⁶ Публікацыя нарыса Н. С. С. «На истоках великой русской реки» пачалася яшчэ ў 1914 г. (№ 1).

⁷ У 5-м нумары часоп. «Русский экскурсант» артыкул К. Студзіцкага мае назву «Пешком к Ипатию» (пачатак у № 4).

⁸ У часоп. «Русский экскурсант» Бярэзнікаў мае імя Кас.

⁹ У нумары змешчаны канец артыкула «Тверь» (пачатак у № 4).

¹⁰ Акрамя водгука на даведнік па Петраградзе змешчаны водгукі на «Отчет руководителя 5-й ученической экскурсии, преподавателя Шуйской Наследника Цесаревича Алексея мужской гимназии А. Н. Овсянникова» і на «Первую заграничную экскурсию союза сиб. (ирских) маслодельных артелей».

Новые письма Л. Н. Толстого

(с. 390)

Друкуецца па тэксце першай публікацыі — «Голос», 1915, 4 кастр. Датуецца годам апублікавання.

Рэцэнзія напісана ў сувязі з апублікаваннем у часоп. «Русская мысль» 5 лістоў Л. М. Талстога да М. А. Някрасава, якія ўвайшлі і ў зборнік «Архив села Карабиха» (М., 1916). Рэцэнзія надрукавана без подпісу. Аб прыналежнасці яе М. Багдановічу сведчыць былы супрацоўнік газеты «Голос» М. Р. Агурцоў у сваёй кнізе «Опыт местной библиографии. Ярославский край (1718—1924)», Ярославль, 1924, с. 318. Верагодна, подпіс пад рэцэнзіяй быў зняты з-за недахопу месца на паласе, прычым гэта рабілася, відаць, у самы апошні момант. Па гэтай жа прычыне быў скарочаны і сам тэкст рэцэнзіі, аб чым сведчаць пераблытаныя радкі ў перадапошнім абзацы.

¹ Навуковы, літаратурны і палітычны часопіс, выдаваўся ў Маскве ў 1880—1918 гг. У сёмым нумары «Русской мысли» за 1915 г. пад рубрыкай «Материалы по истории русской литературы и культуры» змешчаны лісты Л. М. Талстога, напісаныя да М. А. Някрасава 3 ліпеня, 15 верасня, у пачатку лістапада і 26 снежня 1852 г. і 11 студзеня 1855 г.

² Зборнік выйшаў у выдавецтве К. Ф. Някрасава, пляменніка паэта, у Маскве ў 1916 г. і змяшчае 17 лістоў Л. М. Талстога да М. А. Някрасава. Ён складаецца з матэрыялаў, якія знойшоў К. Ф. Някрасаў у памесці М. А. Някрасава Карабиха, дзе яны праляжалі 25 гадоў.

³ У рэцэнзіі на лісты Л. М. Талстога да М. А. Някрасава ў часоп. «Русская мысль». Рэцэнзія была надрукавана ў «Биржевых ведомостях», 1915, 7 жніўня (штотдзённая грамадска-палітычная і літаратурная газета, якая выдавалася ў Пецярбурзе з 1880 па 1911 г.).

⁴ Часопіс, які выдаваўся М. А. Някрасавым і І. І. Панаевым у 1847—1866 гг. у Пецярбурзе.

⁵ Апавяданне «Запіскі маркера» было напісана ў Жалезнаводску ў верасні 1853 г. за 4 дні. 13 верасня 1853 г. Л. М. Талстой адзначыў у сваім дзённіку: «...пришла мысль «З. (аписок) м. (аркера), удивительно хорошо, писал, ходил смотреть Собрание и опять писал «З. (аписки) м. (аркера)». Мне кажется, только теперь я пишу по вдохновению; от этого хорошо». 17 верасня 1853 г. Л. М. Талстой адаслаў рукапіс у рэдакцыю «Современника». Там апавяданне праляжала больш за год і з'явілася ў друку толькі ў першай кніжцы «Современника» за 1855 г.

⁶ Апovesць «Детство» («Современник», 1852, № 9) і апавяданне «Набег» («Современник», 1853, № 3) зведалі вялікія цензурныя купюры і змяненні. Вось што Л. М. Талстой пісаў у лісце да брата С. М. Талстога ў першай палавіне чэрвеня 1853 г.: «Детство» было испорчено, а «Набег» так и пропал от цензуры. Все, что было хорошо, все выкинуто или изуродовано».

⁷ Маецца на ўвазе ліст М. А. Някрасава ад 6 сакавіка 1853 г., у якім ён паведамляў: «Вероятно, Вы недовольны появлением Вашего рассказа («Набег». — заўв. С. Б.) в печати. Признаюсь, я долго думал над измаранными его корректурами — и, наконец, решился напечатать, сознавая по убеждению, что, хотя он и много испорчен, но в нем осталось еще много хорошего. Это признают и другие. Во всяком случае, это для Вас мерка, в какой степени позволительны такие вещи, и впредь я буду поступать уже сообразно с тем, что Вы мне скажете, перечитав Ваш рассказ в напечатанном виде».

⁸ У лісце ад 6 лютага 1854 г. М. А. Някрасаў пісаў Л. М. Талстому: «Зап. (иски) марк. (ера)» очень хороши по мысли и очень слабы по выражению; этому виной избранная Вами форма; язык Вашего маркера не имеет ничего характерного — это есть рутинный язык, тысячу раз употреблявшийся в наших повестях, когда автор выводит лицо из простого звания, избрав эту форму, Вы без всякой нужды только стеснили себя: рассказ вышел груб и лучшие вещи в нем пропали».

⁹ Паводле зборніка «Для легкого чтения» за 1856 г., апавяданне «Запіскі маркера» ў «Современнике» было скарачана. Пры параўнанні абодвух тэкстаў зразумела, што змяненні і скарачэнні ў тэксце першай рэдакцыі, як і прадсмяротны ліст Няхлюдава, цензурнага паходжання.

¹⁰ Адкрыты ў 1831 г. у Пецярбурзе. Аснову музея паклала калекцыя графа М. П. Румянцава (1754—1826). У 1861 г. ён быў перавезены ў Маскву і пераіменаваны ў Маскоўскі публічны Румянцаўскі музей. У склад яго ўвайшлі бібліятэка друкарскіх і рукапісных кніг, мінералагічны кабінет, збор каштоўнасцей і г. д. Пры музеі працавала бібліятэка. На пачатку XX стагоддзя ў ёй налічвалася больш за 300 000 тамоў.

¹¹ Ліст Л. М. Талстога ад 19 снежня 1854 г.

¹² У гурток «Современника» ўваходзілі: М. А. Някрасаў, І. І. Панаеў, І. С. Тургенеў, Д. В. Грыгаровіч, Л. М. Талстой, І. А. Ганчароў, А. В. Дружынін, А. М. Астроўскі, В. П. Боткін, А. А. Фет, П. В. Ане-

нкаў і інш. У пісьме І. С. Тургеневу ад 26 снежня 1856 г. А. В. Дружынін пісаў: «Круг наш сходится чаще, чем когда-либо, т. е. почти всякий день. Центральные персоны — Боткин, Толстой, Анненков, сверх того Ермил (Писемский), Гончаров, Толстой Алексей».

¹³ Навукова-літаратурны часопіс, які выдаваўся ў Пецяярбурзе з 1839 па 1884 г. У № 12 за 1856 г. тут было апублікавана апавяданне Л. М. Талстога «Утро помещика».

¹⁴ Выдаваўся ў Пецяярбурзе з 1834 па 1865 г. У 1856—1860 гг. яго рэдагаваў А. В. Дружынін. У № 12 за 1856 г. у ім пад загалоўкам «Встреча в отряде с московским знакомым. Из кавказских записок князя Нехлюдова» было змешчана апавяданне Л. М. Талстога «Разжалованный».

¹⁵ Крытыка неадназначна сустрэла апавяданне. Д. В. Грыгаровіч пісаў М. А. Някрасаву ў кастрычніку 1857 г.: «В Москве мне говорили, что Толстой не написал лучше, общее мнение, что повесть отличная».

Крытык часопіса «Сын Отечества» (1857, № 43, 27 кастр., с. 1051—1052) знайшоў у апавяданні «теплые страницы», «верные размышления», «благородную гуманную цель». Хаця ён лічыў, што не трэба было Л. М. Талстому называць Швейцарскую рэспубліку паршывай. Аднак не зразумела гэта апавяданне. Таму, за невялікім выключэннем, большасць перыядычных выданняў не выказала сваіх адносін да яго.

¹⁶ У «Санкт-Петербургских ведомостях» за 28 верасня 1857 г. у артыкуле «Русская литература, журналы» П. Б. (ацістаў) пісаў, што ўспамінае пра апавяданне толькі таму, што яно падпісана імем гр. Талстога; усё апавяданне «кажется выражением какой-нибудь болезненности». Крытык здзіўляецца, як Толстой мог убачыць «в этом ничтожном случае какой-то глубокий смысл и серьезное значение».

Пет. (ербургские) вед. (омости) — поўная назва «Санкт-Петербургские ведомости» — штодзённая газета, афіцыйны орган царскага ўрада. Выдавалася ў Пецяярбурзе як працяг першай рускай газеты «Ведомости». З 1914 г. газета пачала называцца «Петроградские ведомости». Выходзіла да канца 1917 г.

¹⁷ У лісце ад 16 лістапада 1857 г. П. В. Аценкаў пісаў І. С. Тургеневу: «Повесть Толстого ребячески-восторженная, мне не понравилась. Она походит на булавочную головку, которой даны размеры воздушного шара в три сажени длины».

¹⁸ З кнігі: П. І. Бірукоў. «Лев Николаевич Толстой. Биография». М., 1911, т. 1, с. 347—348.

¹⁹ У лісце ад 25 снежня 1857 г. М. А. Някрасаў пісаў: «О журнале скажу тебе, что серьезная часть в нем недурна и нравится, но с повестями беда! Нет их... Островский после долгого бездействия прислал слабую вещь, а Толстой такую, что пришлось ее вернуть». Ліст змешчаны ў кнізе А. М. Пыпіна «Н. А. Некрасов», СПб, 1905, с. 190—192.

²⁰ М. А. Някрасаў меў на ўвазе аповець «Альберт».

²¹ Маецца на ўвазе ліст ад 18 снежня 1857 г. У ім Л. М. Толстой не згаджаецца з М. А. Някрасавым, які ў сваім лісце ад 16 снежня

1857 г. писаў аб «Альберце», што «она нехороша и что печатать ее не должно». Ён просіць вярнуць яму рукапіс або карэктуры аповесці. У лютым 1858 г. Л. М. Талстой зноў прапанаваў М. А. Някрасаву гэтую, ужо перапрацаваную аповесць. «Альберт» быў надрукаваны ў восьмай кніжцы «Современника» за 1858 г.

²² Думка аб выключным і пастаянным удзеле ў «Современнике» Д. В. Грыгаровіча, А. М. Астроўскага, Л. М. Талстога, І. С. Тургенева належала М. А. Някрасаву. Вясной 1856 г. паміж рэдакцыяй часопіса і гэтымі пісьменнікамі было заключана абавязковае пагадненне, паводле якога іх новыя мастацкія творы павінны друкавацца толькі ў «Современнике». Рэдакцыя абавязвалася выплачваць ім не толькі ганарар, але і працэнты з прыбытку ад выдання часопіса. Адыход Л. М. Талстога, І. С. Тургенева, іх сяброў ад рэдакцыі «Современника» не дазволіў Някрасаву здзейсніць свой план. У 1858 г. абавязковае пагадненне было ўзаемна скасавана.

²³ Так у тэксце газеты.

²⁴ У гэтым месцы пры скарачэнні тэксту наборшчык пераблытаў адлітыя радкі і ў газеце прайшоў наступны тэкст: «впрочем, совершенно дружески расторгнуть

Тон писем Толстого — приятный, но довольно холодный, даже после петербургского сближения; это надо отметить, потому что вообще Толстой был склонен, как известно, к большой любви в переписке. Только одно письмо (январь этот договор, во-первых, потому что ему хочется печатать и в других журналах, во-вторых, потому что уже 1858 г. начинается несколько теплыми дивиденда строчками, кстати, очень характерными для Толстого, Некрасов, по-видимому, писал...»

²⁵ У лісце ад 21 студзеня 1858 г. Л. М. Талстой писаў М. А. Някрасаву: «Ася» Тургенева, по-моему мнению, самая слабая вещь из всего, что он написал...»

«Украинская жизнь», 1915 г., № 1—12

(с. 394)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 12, 16 студз., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ Штомесячны навукова-літаратурны і грамадска-палітычны часопіс, які выдаваўся ў Маскве на працягу 1912—1917 гг. Рэдактар-выдавец Я. А. Шэрамеценскі. У часопісе былі надрукаваны некаторыя творы М. Багдановіча.

² Адзін з артыкулаў С. Пятлюры, надрукаваных у час. «Украинская жизнь» у 1915 г., мае назву «О польской прессе» и «Сказание В. А. Маклакова об украинской интеллигенции» (№ 3—4).

³ «Докладная записка Министру Народного Просвещения об украинской школе» змешчана ў № 8—9 за 1915 г.

⁴ У адзеле «На Украине и вне ее» друкаваліся матэрыялы пра забарону ўкраінскіх выданняў, пра закрыццё час. «Світло», пра вечар у Маскве, прысвечаны Галіцыі, і г. д.

⁵ Былі надрукаваны водгукі Н. М. на кнігі А. Лысагорскага «Галицкая Русь», Н. Лагава «Галичина, ее история, природа, население, богатства и достопримечательности», А. В. Белгородскага «Галиция — исконное достояние России», В. Зубкоўскага «Галиция. Краткий обзор географии, этнографии, истории и экономической жизни страны» і інш.

«Архив села Карабихи»

(с. 396)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 24, 30 студз., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Яраслаўскі маёнтак М. А. Някрасава, куды ён прыязджаў на працягу 1861—1875 гг. Тут напісаны такія творы, як «Русские женщины», «Мороз — Красный нос», «Крестьянские дети». Карабиху не раз наведвалі Салтыкоў-Шчадрын, Астроўскі, Грыгаровіч. «Архив села Карабихи» складаецца з матэрыялаў, знойдзеных пляменнікамі паэта ў падвале дома, дзе гэтыя паперы былі схаваны братам Някрасава Фёдарам Аляксеевічам. Там яны праляжалі 25 год. Выданнем кнігі «Архив села Карабихи» займаўся, у прыватнасці, адзін з пляменнікаў М. А. Някрасава, выдавец яраслаўскай газеты «Голос», знаёмы М. Багдановіча Канстанцін Фёдаравіч Някрасаў. Кніга выйшла ў 1916 г. у Маскве. Аўтарам першай рэцэнзіі, якая з'явілася на старонках яраслаўскай газеты «Голос», быў М. Багдановіч.

² Маюцца на ўвазе часопісы «Современник», «Отечественные записки».

³ Маецца на ўвазе часопіс «Военный листок» (1854), які задумаў выдаваць Л. М. Талстой.

⁴ М. А. Някрасаў памёр ад раку.

Письма А. П. Чехова

(с. 398)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 65, 19 сак., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ У 1912—1916 гг. выйшла шасцітомнае выданне «Письма А. П. Чехова» пад рэд. М. П. Чэхай і з біяграфічнымі нарысамі М. П. Чэхава.

² З ліста А. П. Чэхава Ф. Д. Бацюшкаву ад 24 студзеня 1900 г.
³ З ліста А. П. Чэхава М. О. Меншыкаву ад 28 студзеня 1900 г.
М. Багдановіч пры цытаванні ліста дапусціў недакладнасць. У тэксе ліста: «Этот мужик называет свою бабу «ухватистой». Вот именно у Толстого перо ухватистое».

⁴ З ліста А. П. Чэхава І. М. Патапенку ад 26 лютага 1903 г.

⁵ З ліста А. П. Чэхава В. В. Верасаеву ад 5 чэрвеня 1903 г. У тэксце ліста: «Гусев будет пожиже, но тоже талантлив, хотя и наскучает скоро своим пьяным дьяконом. У него почти в каждом рассказе по пьяному дьякону».

⁶ З ліста А. П. Чэхава А. М. Горкаму ад 29 ліпеня 1902 г.

⁷ З ліста А. П. Чэхава У. А. Пасэ ад 29 лютага 1900 г.

⁸ У 1902 г. М. Горкі быў абраны ганаровым акадэмікам, але па распараджэнні Мікалая II выбары былі аб'яўлены несапраўднымі. У знак пратэсту А. П. Чэхаў, як і У. Г. Караленка, адмовіўся ад звання ганаровага акадэміка. Гл. лісты А. П. Чэхава Н. П. Кандакову ад 2/IV 1902; У. Г. Караленку ад 19/IV 1902, 20/IV 1902, 25/VIII 1902; А. М. Весялоўскаму ад 25/VIII 1902 г.

⁹ М. Багдановіч мае на ўвазе лісты А. П. Чэхава да О. Л. Кніпер-Чэхай, К. С. Станіслаўскага, У. І. Неміровіча-Данчанкі, асабліва ліст да апошняга ад 2 лістапада 1903 г., у якім даецца кароткая характарыстыка дзеючых асоб п'есы.

«Музыкальный современник», №№ 1—6

(с. 400)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 76, 2 крас., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Штомесячны часопіс, які выходзіў на працягу 1915—1917 гг. у Петраградзе пад рэд. А. М. Рымскага-Корсакава.

² № 4—5 за 1916 г. поўнасьцю прысвечаны Скрабіну.

³ Ю. Энгель. А. Н. Скрябин. Биографический очерк.

⁴ В. Каратыгін. Элемент формы у Скрябина.

⁵ Л. Сабанееў. А. Н. Скрябин, его творческий путь и принципы художественного воплощения.

⁶ А. Аўраамаў. «Ультрахроматизм» или «омнитональность»?

⁷ Л. Сабанееў. Скрябин и явление цветового слуха в связи со «световой симфонией» «Прометей», Б. Шлецер. Об экстазе и действенном искусстве, успаміны пра Скрабіна Н. Кашкіна і М. Неменавай-Луцц.

⁸ Публікацыя перапіскі М. А. Балакірава і М. А. Рымскага-Корсакава з прадмовай і з заўвагамі праф. С. М. Ляпунова пачалася з № 1 за 1915 г.

⁹ Публікацыя артыкула П. Сталпянскага «Музыка и музицирование в старом Петербурге» ажыццяўлялася ў часопісе на працягу 1915—1916 гг.

¹⁰ На старонках часопіса друкаваліся таксама А. Грачанінаў, А. Рымскі-Корсакаў, І. Глебаў (Б. Асаф'еў), М. Гнесін.

Любовь Столица. Елена Деева

(с. 402)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 92, 23 крас., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ У рамане ў вершах «Елена Деева» (1916) Л. Сталіца супрацьпастаўляе «разбэшчанаму» гораду патрыярхальную вёску.

² Для вершаў Л. Сталіцы характэрны бурная чулліваць, яркая адчувальнасць адлюстравання. Асноўная тэма творчасці Л. Сталіцы — стылізаваная язычніцкая Русь, ва ўяўленні паэтэсы гэта — неўтайманая стыхія. З любоўю Л. Сталіца апісвае язычніцкія абрады.

П. А. Кроткин о войне

(с. 404)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 110, дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ Палітычная і літаратурная газета, якая выдавалася ў Маскве ў 1863—1918 гг. Заснавальнік і першы рэдактар Мікалай Піліпавіч Паўлаў.

² Утапічныя ідэі Кроткіна пра братэрства і салідарнасць усіх працоўных, пра рэвалюцыйную барацьбу за «безуладны сацыялізм» (грамадства арганізаванае як вольная федэрацыя прамысловых і земляробскіх асацыяцый) мелі распаўсюджанне і поспех сярод адсталых слаёў рабочага класа, а таксама сярод дробнай буржуазіі (у краінах Еўропы і Лацінскай Амерыкі).

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 115, 21 мая, дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Пад рэдакцыяй праф. І. А. Бадуэна дэ Куртэне, праф. М. А. Грэдэскула, Б. А. Гурэвіча і інш. у 1916 г. у Петраградзе быў выдадзены зборнік «Отечество», т. 1. Зборнік складаўся з двух раздзелаў: першы — грамадска-палітычныя артыкулы, другі — гісторыка-літаратурныя. У другім раздзеле былі прадстаўлены ў перакладзе на рускую мову творы лепшых пісьменнікаў нацыянальных літаратур. Аднак творы беларускіх пісьменнікаў не ўвайшлі ў гэты том. У далейшым выданне зб. «Отечество» не ўзнаўлялася. У лісце да Эпімах-Шыпілы ад 26.IX.1916 г. Я. Купала пісаў: «Можна спадзявацца, што з часам зб. «Отечество» будучь служыць інфармацыйнай кніжкай нацыянальных рухаў у Расіі, і вельмі сумна будзе, калі аб беларусах там будзе мала або дрэнна напісана» (Купала Я. Зб. тв.: У 7 т. Мн., 1976. Т. 7. С. 449).

² Народ, які па паходжанню падобны на галандцаў. Большая частка фламандцаў жыве ў Бельгіі. Размаўляюць на фламандскай мове. Этнічнай асновай фламандцаў былі заходнегерманскія плямёны, якія змяшаліся з фрызамаі і саксамаі.

³ Народ, які складае каля паловы насельніцтва Бельгіі. Размаўляюць на валонскім дыялекце французскай мовы. Валоны з'яўляюцца нашчадкамі кельцкіх плямёнаў белгаў, якія зведалі моцную раманізацыю (пачынаючы з I ст.) і перанеслі таксама некаторы ўплыў германскіх плямёнаў, асабліва франкаў.

⁴ Гл. таксама каментарый да рэцэнзіі на час. «Национальные проблемы», пазіцыю 3.

В. Винниченко. Собрание сочинений, т. I—VIII

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 121, 28 мая, дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

Пасля 1928 г. у выданні твораў М. Багдановіча не ўключаўся. Да Вялікай Айчыннай вайны ў архіве АН Беларусі захоўваўся ўрывак аўтографа гэтай рэцэнзіі.

¹ Збор твораў Ул. Віннічанкі выйшаў у Маскве на працягу 1912—1917 гг.

² Былі шырока вядомы апавяданні і аповесці «Возле машины», «Голытьба», «Голод», «Кто враг» і інш., раманы «На весах жизни», «Заветы отцов», «Записки курногого Мефистофеля».

³ Серыя апавяданняў Ул. Віннічэнкі пра рэвалюцыйную інтэлігенцыю і інтэлігенцыю наогул: «Луч солнца», «Талисман», «Студент», «Зима», «Тайна» і г. д. Сялянскаму жыццю прысвечаны апавяданні «Возле машины», «Гольтьба», «На пристани», «Кто враг?», «Голод» і г. д. Апавяданні, у якіх адлюстравана салдацкае жыццё: «Боротьба», «Темная сила», «Мнимый господин» і г. д.

Г. В. Плеханов. Дневник социал-демократа

(с. 408)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 138, 18 чэрв., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ «Дневник социал-демократа» Г. В. Пляханава пачаў выходзіць у 1905 г. На працягу 1905—1912 гг. выйшла дванаццаць нумароў «Дзённіка». Пасля перапынку, у 1916 г.; аўтар зноў вярнуўся да свайго ранейшага выдання, пачаўшы нумарацыю яго спачатку.

С. М. Чевкин. Шестая держава

(с. 409)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 149, 2 ліп., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Штотыднёвы сатырычны часопіс з карыкатурамі; выходзіў у 1865—1871 гг. у Пецярбурзе, а з 1873 па 1917 г.— у Маскве. У 1881—1887 гг. у часопісе супрацоўнічаў А. П. Чэхаў.

² Герой кнігі «Шестая держава».

Валерий Брюсов. Семь цветов радуги

(с. 411)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 179, 6 жн., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Сучаснікі называлі В. Брусаву «поэтом мрамора и бронзы».

² Характэрныя рысы паэзіі В. Брусаву: скульптурная выпукласць і строгая завершанасць вобразаў, выразная кампазіцыя твораў, дэкламацыйны лад верша, красамоўніцкі пафас. Для В. Брусаву таксама

характэрны урбанізм, матывы навуковай паэзіі, зварот да гісторыі, тэма змены культур.

³ У зб. «Семь цветов радуги» (1916) нямала ўзораў жыццесцвярдзальнай паэзіі.

Иван Морозов. Красный звон

(с. 413)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 188, 20 жн., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ І. Марозаў — паэт-лірык, які ўвабраў народна-песенную традыцыю.

² І. Марозаў нарадзіўся ў сялянскай сям'і ў вёсцы Лухавіцы Рязанскай вобл.

³ Для дарэвалюцыйнай творчасці І. Марозава характэрна сцвярдзенне чалавека з народа, тэма любві да Радзімы, рэвалюцыйныя настроі адлюстраваны ў выглядзе абстрактных летуценняў пра свабоду. Цэнтральнае месца займаюць карціны рускай прыроды.

Michał Orzechki. Storczyki

(с. 414)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 200, 3 верас., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Пэўных звестак пра аўтара кнігі няма. У польскай энцыклапедыі (Wielka encyklopedia powszechna. Warszawa, 1966. Т. 8. С. 323) указваецца, што М. Аржэнкі нарадзіўся ў 1891 г. у Адэсе. Адвакат, выступаў як абаронца на палітычных працэсах у міжваенны перыяд. Арыштаваны фашыстамі ў ліпені 1940 г. Загінуў у Асвенціме. З прычыны таго, што ў энцыклапедыі нічога не сказана пра літаратурную дзейнасць М. Аржэнцага, нельга з упэўненасцю сцвярджаць, што гаворка ідзе іменна аб аўтары названай кнігі. Магчыма, што аўтар вучыўся ў Дзямідаўскім юрыдычным ліцэі ў Яраслаўлі, і таму ў рэцэнзіі вершы названы «ліцэйскімі».

² Архідзі.

³ Грэчаская багіня перамогі; статуі Ніке ўзводзіліся ў гонар перамогі на вайне, у спартыўных і мастацкіх спаборніцтвах.

⁴ Горад старажытнай Грэцыі, каля якога ў 338 г. да н. э. македонская армія разграміла афінскае войска. Гэта перамога прывяла да гегемоніі Македоніі ў Грэцыі.

Две заметки о стихотворениях Пушкина

(с. 415)

Друкецца па кн. «Пушкин и его современники. Материалы и исследования». Пг., 1917, вып. 28, с. 108—110, дзе ўпершыню апублікаваны разам з артыкуламі віднейшых пушкіністаў — Б. Л. Мадзалеўскага, Б. В. Тамашэўскага, Ю. Г. Оксмана і інш. Артыкул мае подпіс: М. Багдановіч.

Артыкул напісаны раней 1917 г. Падставай для такога сцвярджэння могуць служыць наяўнасць адбітка з артыкула, зробленага ў кастрычніку 1916 г. (адбітак (брашура) захоўваецца ў Дзяржаўнай бібліятэцы ў Маскве), і ліст да В. Я. Брусава ад 26.IV.1912 г. (упершыню ліст апублікаваны ў часоп. «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», 1975, № 1), у якім беларускі паэт піша, што, чытаючы зборнік прытчаў і навел «Гюлістан» Саадзі, ён сустрэў наступныя радкі: «Помню, у ранейшыя часы я і сябар мой жылі, быццам два міндальныя арэхі ў адной шкарлупіне». Такі ж вобраз ёсць і ў канцы верша А. С. Пушкіна «Подражание арабскому» («Мы якраз як дваіны арэшак пад адной шкарлупінай»). М. Багдановіч робіць вывад, што, прымаючы пад увагу знаёмства Пушкіна з творамі Саадзі (эпіграф «Бахчисарайского фонтана», паўтораны ў апошняй главе «Евгения Онегина»), можна меркаваць, што крыніца пушкінскага верша або, больш правільна, данага вобраза — Саадзі. Астатнія ж часткі параўноўваемых твораў не супадаюць. Усе гэтыя разважанні крыху пазней цалкам увайшлі ў першую частку артыкула «Две заметки о стихотворениях Пушкина». У другой частцы названага артыкула М. Багдановіч публікуе паралелі ў беларускай песеннай творчасці да пушкінскага верша «Узник», дзе спрабуе вызначыць, што было раней: пушкінскі верш, які стаў песняй, альбо чыста народная песня, якую як матэрыял для верша выкарыстаў паэт. Прычым ніякіх канкрэтных вывадаў М. Багдановіч не робіць, ён толькі канстатуе факт існавання такіх паралелей. Такім чынам, пытанне пра тое, хто на каго ўздзейнічаў — народная творчасць на Пушкіна ці наадварот — Багдановіч пакідае адкрытым.

На артыкул М. Багдановіча «Две заметки о стихотворениях Пушкина» спасылаецца ў сваёй кнізе «Стиль Пушкина» (1941) вядомы вучоны-філолаг, акадэмік В. Вінаградаў.

¹ У тэксце «Евгения Онегина» вядомы эпіграф да «Бахчисарайского фонтана»: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече (Саади)» — трансфарміраваны наступным чынам:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

(Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т., М., 1981. Т. 4. С. 162).

² Маецца на ўвазе наступнае выказванне А. С. Пушкіна ў артыкуле «Опровержение на критике» (1830): «Так и «Бахчисарайский фонтан» в рукописи назван был Харемом; но меланхолический эпитаф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня» (Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 6. С. 132).

³ «Смоленский этнографический сборник» Ул. Дабравольскага ў 4-х выпусках выйшаў у 1891—1903 гг.

ЧАРНАВЫЯ НАКІДЫ

〈Частушка〉

(с. 418)

Незакончаны артыкул.

Друкуецца па часоп. «Полымя», 1957, № 5, с. 158, дзе ўпершыню апублікаваны з дысертацыі Р. С. Жалезняка «Поэзия М. А. Богдановича». Л., 1941 (публікацыя Н. Б. Ватацы, Н. І. Лапідуса).

На думку Р. С. Жалезняка, напісаны ў 1913 г. у сувязі з апублікаваннем кнігі В. Сімакова «Сборник деревенских частушек» (Архангельской, Вологодской, Вятской и других губерний». Яраслаўль, 1913).

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца з 1968 г.

Да Вялікай Айчыннай вайны ў архіве АН Беларусі захоўваўся чарнавік артыкула.

¹ Гл.: «История русской литературы» пад рэд. прыв.-дац. Я. В. Анікава, праф. А. К. Барадзіна і праф. Д. К. Аўсяніка-Кулікоўскага. М., 1908, т. 1, с. 212—213.

² Частушкі, якія адносяцца да XVIII ст., змешчаны ў VII т. «Великорусских народных песен» А. І. Сабалеўскага, выдадзеных у 1902 г. (гл.: № 209, с. 207).

Вобразнасць апісанняў у вершах В. Марцінкевіча;

〈Черновой незаконченный набросок〉

(с. 420—421)

Друкуюцца па часоп. «Полымя», 1957, № 5, с. 158, дзе ўпершыню апублікаваны з дысертацыі Р. С. Жалезняка «Поэзия М. А. Богдановича», Л., 1941 (публікацыя Н. Б. Ватацы і Н. І. Лапідуса).

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаюцца з 1968 г.

〈Стремление найти метод научной критики...〉

(с. 422)

Чарнавы накід пачатку артыкула.

Друкуецца па 36. тв., 1968, т. 2, с. 459, дзе ўпершыню апублікаваны з дысертацыі Р. С. Жалезняка «Поэзия М. А. Богдановича». Л., 1941.

¹ *Modus operandi* (лац.) — мера майстэрства.

² *Ultima ratio* (лац.) — апошні, канчатковы, самы пераканаўчы аргумент.

Содержание лекции «Беларускае адраджэнне»

(с. 423)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў ЦДГА Беларусі (г. Мінск), ф. 295, воп. 1, адз. зах. 9187, л. 410.

План лекцыі належыць М. Багдановічу і напісаны ў 1916 г.

Падставай для такога сцвярджэння можа служыць прашэнне Мінскага аддзела Беларускага таварыства помачы пацярпелым ад вайны мінскаму губернатару ад 29/ХІ 1916 г. аб дазvole арганізаваць публічную лекцыю на беларускай мове «Беларускае адраджэнне». Лекцыю павінен быў прачытаць 4 снежня Максім Багдановіч. Прашэнне захоўваецца ў ЦДГА Беларусі, ф. 295, воп. 1, адз. зах. 9187, л. 409.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

DUBIA

Юдава поле

(с. 424)

Друкуецца па газ. «Наша ніва», 1909, № 39, 24 верас. (7 кастр.), дзе ўпершыню апублікавана.

Пасля загалоўка памета: (народнае апавяданне). Пад тэкстам: Па-славацку напісаў Светазар Гурбан Ваянскі. На нашу мову пераклаў Б-ч.

Датуецца годам апублікавання.

Ваянскі (Vajansky) (сапр.— Гурбан; Hurban) *Светазар* (1847—1916) — славацкі пісьменнік, літаратурны крытык, публіцыст.

Але ёсць меркаванне, што пераклад зроблены М. Бабровічам.

Цензурные мытарства Н. А. Некрасова

(с. 426)

Друкуецца па газ. «Голос», 1913, № 189, 20 жн. (2 верас.), дзе апублікаваны з подпісам: Б.

Датуецца годам надрукавання.

¹ Радкі з верша М. А. Някрасава «Поэзия».

² Радкі з твора Някрасава «Сказ о том, как царь Елисей хотел женить сына на луне, взять в приданое небо и двинуть рать на солнце, как все это не удалось и как царь Пантелей поправил и кончил дело благополучно».

³ Радкі з верша Някрасава «Экспромт Е. О. Лихачевой».

Але ёсць меркаванне, што напісаны М. Брагінскім.

АНАТАВАНЫ ПАКАЗАЛЬНІК ІМЁНАЎ ДА РАЗДЗЕЛАЎ «ЛІТАРАТУРНА-КРЫТЫЧНЫЯ АРТЫКУЛЫ», «РЭЦЭНЗІІ І НАТАТКІ»

Абуховіч Альгерд Рышардавіч (псеўд. Граф Бандзінелі; 1840—1898), беларускі пісьменнік. Адзін з пачынальнікаў жанру байкі ў беларускай літаратуры — 272.

Адоёўскі Аляксандр Іванавіч (1802—1839), рускі паэт, дэкабрыст — 252, 343.

Адрыянаў Сяргей Аляксандравіч (1871—1941), літаратуразнавец, крытык — 348.

Ажэшка Эліза (1841—1910), польская пісьменніца. Аўтар рамана «Над Нёманам» (1887) — 274.

Аксакаў Сяргей Цімафеевіч (1791—1859), рускі пісьменнік — 392.

Аленін Аляксандр Аляксеєвіч (1865—1944), рускі кампазітар. Аўтар оперы «Кудеяр». У 1880-я гг. жыў у Пецябурзе. У 1923—1924 гг. уваходзіў у Беларускаю песенную камісію, апрацоўваў беларускія народныя мелодыі — 400.

Аляхновіч Францішак (1883—1944), беларускі драматург, празаік, паэт, публіцыст, тэатразнавец, рэжысёр і актёр — 228.

Андрэў Леанід Мікалаевіч (1871—1919), рускі пісьменнік, прыхільнік сімвалізму. Прыжыццёвы Збор твораў выйшаў у 17 т. (1910—1916) — 187, 399.

Андэрсен (псеўд. Нексё) Марцін (1869—1954), дацкі пісьменнік. Аўтар шматлікіх раманаў і вядомых зборнікаў апавяданняў «Чорныя пушкі», «Сонечныя дні» і інш. — 227.

Аненкаў Павел Васільевіч (1812—1887), рускі крытык, мемуарыст. Аўтар работ аб І. С. Тургеневу, Л. М. Талстоў і іншых пісьменніках і паэтах — 391.

Аненскі Інакенцій Фёдаравіч (1856—1909), рускі паэт — 371.

Анічкаў Яўген Васільевіч (1866—1937), рускі літаратуразнавец — 418.

Антон Б. (Антон Бычкоўскі), беларускі паэт пач. XX ст., друкаваўся ў газ. «Bielarus» — 229.

Арол М. (сапр. Пяцельскі Сцяпан Язэпавіч; каля 1890—канец 1917 ці пачатак 1918), беларускі паэт, публіцыст, перакладчык. У 1909—1914 г. друкаваў лірычныя вершы, карэспандэнцыі ў «Нашай ніве», у «Беларускім календары» і інш.— 226, 281.

Архіпаў Яўген Якаўлевіч (1882—1950), рускі паэт, бібліёграф. Аўтар кнігі «Библиография И. Анненского» (М., 1914) — 371.

Арцямоўскі-Гулак Пётр Пятровіч (1790—1865), украінскі паэт, гісторык — 293.

Асаф'еў Б. (Ігар Глебаў — псеўданім; 1884—1949), вядомы музыказнавец, кампазітар, народны артыст СССР, акадэмік АН СССР — 377, 378, 379.

Аўраамаў Арс. (1886—1944), музыказнавец і кампазітар—400, 401.

Афанасьеў Аляксандр Мікалаевіч (1826—1871), рускі гісторык і літаратуразнавец, даследчык і выдавец фальклору — 356, 357.

Ашукін Мікалай Сяргеевіч (1890—1972), рускі савецкі літаратуразнавец і бібліёграф. У 1916 г. надрукаваў «Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову» — 396, 397.

Багдановіч М. А.—190, 225, 249, 280, 281, 288.

Багрым Паўлюк (Павел Восіпавіч; 1812—1891(?)), беларускі паэт. Захаваўся адзіны яго верш «Зайграй, хлопча малы...», які быў упершыню надрукаваны ва ўспамінах навагрудскага адваката І. Яцкоўскага «Аповесць з майго часу» (Лондан, 1854) — 265, 287.

Багушэвіч Францішак Бенядзікт Казіміравіч (псеўд. Мацей Бурачок, Сымон Рэўка з-пад Барысава; 1840—1900), беларускі паэт, празаік, публіцыст і перакладчык. З'яўляецца пачынальнікам крытычнага рэалізму ў беларускай літаратуры. Мастак народніцкага складу. Выдаў зборнікі вершаў «Дудка беларуская» (1891) і «Смык беларускі» (1894), апавяданне «Тралялёначка» (1892) — 183, 185—186, 273, 275.

Бадэні Казімір Фелікс (1846—1909), аўстрыйскі дзяржаўны дзеяч. У 1888—1895 гг. быў намеснікам Галіцыі, дзе жорстка падаўляў украінскі дэмакратычны рух — 298.

Байран Джордж Ноэл Гардон (1788—1824), англійскі паэт, прадстаўнік рэвалюцыйнага дэмакратызму — 252, 298, 308.

Балакіраў Мілій Аляксеевіч (1836—1910), рускі кампазітар, педагог, кіраўнік гуртка «Могучая кучка»—374, 401.

Балінскі Міхаіл Ігнатавіч (1794—1863), гісторык і публіцыст. У яго творах багаты фактычны матэрыял з гісторыі Беларусі і Літвы эпохі феадалізму — 209.

Бальмонт Канстанцін Дзмітрыевіч (1867—1942), рускі паэт, адзін з ранніх прадстаўнікоў сімвалізму ў рускай паэзіі—317, 370, 419.

Бандтке Георгій-Самуіл (1769—1835), польскі гісторык і бібліёграф — 209.

Баравікоўскі Ляўко Іванавіч (1806—1889), украінскі пісьменнік — 293.

Баратынскі Яўген Абрамавіч (1800—1844), рускі паэт. Пісаў у асноўным элегіі і пасланні — 371, 372, 373.

Барбье Агюст (1805—1882), французскі паэт, аўтар зборніка сатырычных паэм «Ямбы», прысвечаных ліпеньскай рэвалюцыі 1830 г. — 309.

Баршчэўскі Ян (1794, паводле іншых крыніц 1790 ці 1796—1851), беларускі і польскі пісьменнік, адзін з пачынальнікаў новай беларускай літаратуры — 266, 287.

Бедзье Жазеф Шарль Мары (1864—1938), французскі філолаг-медывіст, якому належыць рэканструкцыя першапачатковага тэксту рамана аб Трыстане і Ізольдзе — 337.

Беранжэ П'ер Жан (1780—1857), французскі паэт — 309.

Бернер Мікалай Фёдаравіч, паэт — 370, 371.

Бетховен Людвіг ван (1770—1827), нямецкі кампазітар — 374.

Бёрнс Роберт (1759—1796), шатландскі паэт — 243.

Бжастоўскі Павел Ксаверы (1739—1827), рэфэрэнт Вялікага княства Літоўскага — 208, 265.

Бірукоў Павел Іванавіч (1860—1931), біёграф Л. М. Толстага, паслядоўнік і прапагандыст яго вучэння, аўтар 4-томнай «Біяграфіі Л. Н. Толстага» — 391.

Блок Аляксандр Аляксандравіч (1880—1921), рускі паэт — 317.

Блус Франц Феліксавіч (Ілья Піліпавіч), аўтар беларускіх вершаваных твораў кансерватыўнага кірунку. Выступіў у газ. «Могилевские губернские ведомости» (1862, № 50, 60—61) з гутаркамі «Прамова Старавойта да сялян аб свабодзе (для народнага чытання)» і «Прамова Старавойта (для чытання маім землякам)» — 271.

Брусаў Валерый Якаўлевіч (1873—1924), рускі паэт. Ганаровы член Інстытута беларускай культуры (1921) — 237, 360, 411, 412.

Буало Нікола (1636—1711), французскі паэт, крытык, тэарэтык класіцызму — 194.

Будзька Эдзюк (Эдуард Адамавіч; 1882—1958), беларускі паэт і выдавец — 191, 281.

Буйло (сапр. Калечыц) Канстанцыя Антонаўна (1899—1986), беларуская паэтэса. Першы зборнік паэзіі «Курганная кветка» (1914) — 190, 225, 281.

Булгарын Фадзей Венядзіктавіч (1789—1859), рускі журналіст — 254 — 256, 266, 268.

Бульба Альгерд (Яленскі Ян, Гідальго; сапр. Чыж Вітаўт), беларускі крытык і публіцыст пачатку ХХ ст. Найбольш актыўна выступаў з рэцэнзіямі і артыкуламі ў газ. «Наша ніва» ў 1910—1911 гг. — 283.

Бурцаў Уладзімір Львовіч (1862—1936), рускі палітычны дзеяч, спачатку падтрымліваў эсэраў, потым кадэтаў, выдавец. Пасля 1917 г. у эміграцыі — 404.

Бядуля Змітрок (Плаўнік Самуіл Яфімавіч; 1886—1941), беларускі пісьменнік — 227, 229, 281, 283.

Бяссонаў Пётр Аляксеевіч (1828—1898), рускі гісторык літаратуры, фалькларыст-славіст, публіцыст. Сярод яго шматлікіх выданняў народнай творчасці ёсць асобнае выданне «Беларускіх песень» — 272.

Бястужаў Аляксандр Аляксандравіч (Марлінскі — псеўданім; 1797—1837), рускі пісьменнік, дэкабрыст, выступіў як прадстаўнік прагрэсіўнага рамантызму — 379.

Вагнер Вільгельм Рыхард (1813—1883), нямецкі кампазітар, дырыжор, музычны пісьменнік — 374.

Венецінаў Дзмітрый Уладзіміравіч (1805—1827), паэт, крытык, філосаф, адзін з арганізатараў філасофскага гуртка «любабудраў». Вялікі надзея, якія ўскладаліся на яго, і ранняя смерць — усё гэта садзейнічала таму, што імя яго ў гісторыі літаратуры акружана рамантычным арэалам — 215, 372, 373.

Верхаўсцінскі Барыс Аляксеевіч (1889—1919), рускі пісьменнік. Друкаваўся ў часопісах «Современный мир», «Новый журнал для всех» і інш. У рэцэнзіі на зб. «Жатва» памылкова названы С. Верхаўсцінскі — 370.

Віннічэнка Уладзімір Кірылавіч (1880—1951), украінскі пісьменнік, палітычны дзеяч. З 1920 г. у эміграцыі — 342, 407.

Вішанскі Іван (паміж 1545 і 1550—1620), украінскі пісьменнік. Прадстаўнік палемічнай літаратуры — 299.

Власт, Верашчака Ю., гл. Ластоўскі В. Ю.

Вуль Ялегі Пранціш (сапр. Карафа-Корбут Элегі Францішак Маўрыквіч (1835—1880-я гг.), беларускі паэт. За ўдзел у паўстанні 1863—1864 гг. быў сасланы ў Сібір. Апошнія гады жыў у Варшаве, дзе разам з В. Каратынскім і А. Плугам стварыў беларускі гурток. У 1859 г. упісаў у «Альбом» Вярыгі-Дарэўскага свой адзіны вядомы на беларускай мове верш «К дудару Арцёму ад наддзвінскага мужыка» — 270.

Вяземскі Пётр Андрэевіч (1792—1878), рускі паэт — 415.

Вярстоўскі Аляксей Мікалаевіч (1799—1862), рускі кампазітар і тэатральны дзеяч. Прадстаўнік рамантызму ў рускай музыцы. Адзін з заснавальнікаў рускай оперы-вадэвіля — 374.

Вярыга-Дарэўскі Арцём Ігнатавіч (1816—1884), беларускі пісьменнік-дэмакрат. У 1863 г. быў арыштаваны і сасланы ў Сібір, дзе і памёр — 270.

Вясёлы Касьян (Вінцук Іосіфавіч Аўдзей; 1886—1916), беларускі драматург. Аўтар драмы «Не розумам сцяміў, а сэрцам». Загінуў на аўстрыйскім фронце — 192.

Галамбёўскі Лукаш (1773—1849), польскі гісторык, архіваст, этнограф — 209.

Галілей Галілео (1564—1642), італьянскі фізік, механік, астраном. Абгрунтаваў геліяцэнтрычную сістэму свету — 345, 346.

Галіна (псеўданім Глафіры Адольфаўны Эйнерлінг; 1873—1942?), руская паэтэса і белетрыстка — 409.

Галубок (Голуб Уладзіслаў Іосіфавіч; 1882—1937), беларускі пісьменнік, рэжысёр, акцёр, тэатральны дзеяч, мастак. Адзін з заснавальнікаў беларускага савецкага тэатра — 227, 283.

Гарадзецкі Сяргей Міграфанавіч (1884—1967), рускі паэт. Аўтар вядомых зборнікаў вершаў «Яр», «Пярун», «Тры сыны», рамана «Сады Семіраміды», многіх перакладаў, у тым ліку твораў Я. Купалы і Я. Коласа — 188, 317.

Гарбуноў-Пасадаў Іван Іванавіч (1864—1940), рускі пісьменнік і педагог, выдавец кніг для народнага і дзіцячага чытання — 218, 336.

Гартны Цішка (Жылуновіч Зміцер Хведаравіч; 1887—1937), беларускі пісьменнік і грамадскі дзеяч — 190, 225, 281.

Гарун Аляксандр (Жывіца А., сапр. Прушынскі Аляксандр Уладзіміравіч; 1887—1920), беларускі паэт, празаік, драматург, публіцыст — 190, 225, 228, 229, 281, 283.

Гаршын Усевалад Міхайлавіч (1855—1888), рускі пісьменнік — 183, 215, 273.

Гарэцкі Максім Іванавіч (псеўд. М. Б., Беларус, Максім Беларус, М. Г., А. Мсціслаўскі, Дзед Кузьма, Мацей Мышка, Мізэрыус Монуc; 1893—1938), беларускі пісьменнік, адзін з пачынальнікаў нацыянальнай мастацкай прозы, літаратуразнавец, крытык, фалькларыст, лексікограф — 228, 283.

Гацье Тэафіль (1811—1872), французскі пісьменнік і крытык, які адстойваў тэорыю «мастацтва для мастацтва» — 360, 361.

Гейне Генрых (сапр. імя Хары; 1797—1856), нямецкі паэт, публіцыст, крытык — 298, 309.

Геккель Эрнст (1834—1919), нямецкі біёлаг — 298.

Герастрат, грэк з г. Эфес, які спаліў у 356 г. да н. э. храм Артэміды Эфескай (лічыўся адным з сямі цудаў свету), каб абяссмерціць сваё імя — 310, 313.

Гершэнзон Міхаіл Восіпавіч (1869—1925), гісторык літаратуры, публіцыст — 390.

Гессен Іосіф Уладзіміравіч (1866—1943), рускі буржуазны публіцыст, юрыст, адзін з заснавальнікаў і лідэраў партыі кадэтаў. З 1920 г. у эміграцыі — 347.

Гётэ Іаган Вольфганг (1749—1832), нямецкі паэт і мысліцель, заснавальнік новай нямецкай літаратуры. Пакінуў таксама багатую навуковую спадчыну ў медыцыне, анатоміі, мінералогіі, фізіцы, сацыялогіі, мовазнаўстве і інш. Іншаземны ганаровы член Пецяярбургскай Акадэміі навук (з 1826 г.) — 196, 298.

Гільфердзінг Аляксандр Фёдаравіч (1831—1872), рускі славяназнавец, гісторык і збіральнік рускіх былін, цікавіўся беларускім фальклорам — 272.

Глаголь Сяргей (псеўд.; сапр. прозвішча Галаўшаў Сяргей Сяргеевіч; 1855—1920), рускі мастак, мастацкі і тэатральны крытык — 371.

Глебаў, гл. Асафёў Б.

Гмырак Лявон (З. Б., Барыс Заяц; сапр. Бабровіч Мечыслаў; 1891—1915), беларускі крытык, публіцыст і пражайк. Друкаваўся ў газ. «Наша ніва» і зб. «Велікодная пісанка»—283.

Гогаль Мікалай Васільевіч (1809—1852), рускі пісьменнік, заснавальнік крытычнага рэалізму ў рускай літаратуры — 255, 256, 298.

Горкі Максім (Пешкаў Аляксей Максімавіч; 1868—1936), рускі пісьменнік і грамадскі дзеяч — 226, 399.

Готфрыд Страсбургскі, сярэднявекавы нямецкі паэт, дзейнасць якога адносіцца да 1205—1220 гг.— 337.

Гофман Мадэст Людвігавіч (1887—1959), рускі гісторык літаратуры — 372.

Грабінка Яўген Паўлавіч (1812—1848), украінскі і рускі пісьменнік — 293.

Грушэўскі Міхаіл Сяргеевіч (1866—1934), украінскі гісторык і гісторык украінскай літаратуры, адзін з лідэраў украінскага нацыянальнага руху — 395.

Грыбаедаў Аляксандр Сяргеевіч (1795—1829), рускі пісьменнік, дыпламат — 372.

Грыгор'еў Апалон Аляксандравіч (1822—1864), рускі крытык, паэт, белетрыст — 242.

Грыневіч Антон Антонавіч (1877—1937), збіральнік і папулярнызатар беларускага музычнага фальклору, выдавец, педагог, кампазітар. У 1910 г. заснаваў у Пецярбурзе сваё выдавецтва, якое выпускала творы беларускай літаратуры і музыкі. З 1925 г. жыў у Мінску і працаваў у Ін-белкульце сакратаром музычнай падсекцыі — 191.

Грэкаў Мікалай Парфіравіч, рускі паэт XIX ст.—360.

Грэх Мікалай Іванавіч (1787—1867), рускі філолаг, журналіст, пісьменнік — 255, 256, 268.

Гумілёў Мікалай Сцяпанавіч (1886—1921), рускі паэт, тэарэтык акмеізму — 360.

Гурло Алесь (Аляксандр Кандратавіч; 1892—1938), беларускі паэт — 192, 281.

Гурыновіч Адам Гіляры Калікставіч (1869—1894), беларускі паэт-дэмакрат, фалькларыст, рэвалюцыянер — 272.

Гусеў-Арэнбургскі (псеўд.; сапр. прозвішча Гусеў) Сяргей Іванавіч (1867—1963), рускі пісьменнік, які ў сваіх творах адлюстравваў жыццё правінцыяльнага духавенства і сялянскай беднаты — 398.

Гучкоў Аляксандр Іванавіч (1862—1936), заснавальнік і лідэр марнархічнай партыі акцябрыстаў, адзін з кіраўнікоў расійскай контррэвалюцыйнай буржуазіі. Буйны маскоўскі домаўладальнік і прамысловец — 368, 369.

Гушча Т., гл. Колас Я.

Гюго Віктор Мары (1802—1885), французскі пісьменнік — 298.

Гюйо Жан Мары (1854—1888), французскі філосаф і сацыёлаг. Займаўся праблемамі этыкі, эстэтыкі і рэлігіі — 236.

Дабравольскі Уладзімір Мікалаевіч (1856—1920), беларускі і рускі краязнавец, этнограф, фалькларыст — 416.

Даль Уладзімір Іванавіч (1801—1872), рускі пісьменнік, лексікограф, этнограф, ганаровы член Пецябургскай АН — 356.

Дамбавецкі Аляксандр Станіслававіч (1840— пасля 1914), краязнавец і грамадскі дзеяч, з'яўляўся ініцыятарам выдання і рэдактарам калектыўнай працы «Вопыт апісання Магілёўскай губерні ў гістарычных, фізіка-геаграфічных, этнаграфічных, прамысловых, сельскагаспадарчых, лясных, вучэбных, медыцынскіх і статыстычных адносінах» (1882—1884). У ёй змешчана толькі каля 500 калядных (зімовых), веснавых, летніх, вясельных і рэлігійных песень — 272.

Даніловіч Ігнат Мікалаевіч (1788—1843), гісторык, адзін з першых даследчыкаў заканадаўчых і летапісных помнікаў Беларусі. Даследаваў і пераклаў на беларускую мову статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. — 209.

Дантэ Аліг'еры (1265—1321), італьянскі паэт, пачынальнік італьянскай літаратурнай мовы — 258, 301, 308, 422.

Дарашкевіч Іван Канстанцінавіч (1890—1943), беларускі паэт. З 1909 г. пад псеўданімамі Янук Д. і Каршун друкаваў у газ. «Наша ніва» вершы і допісы — 226, 281.

Даргамыжскі Аляксандр Сяргеевіч (1813—1869), рускі кампазітар, пачынальнік крытычнага рэалізму ў музыцы — 374.

Дастаеўскі Фёдар Міхайлавіч (1821—1881), рускі пісьменнік — 298.

Дзіянео (псеўд.; сапр. прозвішча Шклоўскі Ісаак Уладзіміравіч; 1865—1935), рускі журналіст, нарысіст, этнограф. З 1896 г. у Англіі. Першы перакладчык Р. Тагора ў Расіі — 359.

Дзмітрыеў Міхаіл Аляксеевіч (1832—1873), рускі і беларускі этнограф і фалькларыст. Выдаў зборнік беларускай народнай паэзіі і «Збор песень, казак, абрадаў і звычайў сялян Паўночна-Заходняга краю» (1869) — 272, 356.

Драгаманаў Міхаіл Пятровіч (1841—1895), украінскі фалькларыст, публіцыст, гісторык і літаратурны крытык — 297.

Дрожын Спірыдон Дзмітрыевіч (1848—1930), рускі паэт-сялян — 218—222, 336, 413.

Дружынін Аляксандр Васільевіч (1824—1864), рускі крытык, белетрыст, рэдактар часопіса «Библиотека для чтения» — 391.

Дунін-Марцінкевіч Вінцэнт (Вікенцій Іванавіч; псеўд. Навум Прыгаворка; 1808—1884), беларускі паэт, драматург, тэатральны дзеяч — 183, 267—269, 272, 275, 420.

Егалкоўскі, аўтар твора «Лятэстат» (паводле Я. Карскага) — 272.

Ельскі Аляксандр Карлавіч (1834—1916), беларускі пісьменнік, гісторык, этнограф, краязнаўца, перакладчык, публіцыст буржуазна-ліберальнага кірунку. У публіцыстычных творах і пісьмах 1880—1890 гг. адстойваў права беларускага народа на развіццё сваёй культуры і літара-

туры. Паступова перайшоў на кансерватыўныя пазіцыі — 183, 273.

Есаулаў А. П. (памёр у 50-х гг. XIX ст.), рускі кампазітар, дырыжор і скрыпач — 374.

Жукоўскі Васіль Андрэвіч (1783—1852), рускі паэт — 256.

Журба Янка (сапр. Івашын Іван Якаўлевіч; 1881—1964), беларускі паэт. З 1902 г. друкаваў этнаграфічныя нарысы ў газ. «Витебские губернские ведомости». Друкаваў у «Нашай ніве» з 1909 г. — 226, 228, 281.

Жывіца А., гл. Гарун А.

Завіша, маршалак Віленскага шляхоцкага сейма пачатку XIX ст. — 208, 265.

Златавусны Іаан (Іаан Хрызастом; 347—407), візантыйскі пісьменнік-прапаведнік, царкоўны дзеяч, майстар аўтарскай прозы. Аўтар каля тысячы павучальных пропаведзяў, багаслоўска-палемічных, панегірычных і выкрывальных «слоў», гамілетычных твораў (казанне, слова, павучанне, гутарка), лістоў і інш. — 206.

Зязюля Андрэй (сапр. Астравіч Аляксандр Сцяпанавіч; 1878—1921), беларускі паэт — 229.

Зямкевіч Рамуальд Аляксандравіч (1881—1943 ці 1944), гісторык беларускай літаратуры, публіцыст, бібліяграф, перакладчык — 283.

Зянькевіч Рамуальд Сымонавіч (1811—1868), даследчык беларускага фальклору і этнаграфіі, педагог. Аўтар працы «Пра ўрочышчы і звычай пінскага людю, а таксама пра характар яго песні» (1852), зб. вершаў «Вершаваныя спробы» (1856) і інш. — 209.

Іерусалімскі Кірыла (315—386), іерусалімскі епіскап, аўтар шматлікіх слоў і пасланняў — 206.

Каганец Карусь (сапр. Кастравіцкі Казімір Карлавіч; 1868—1918), беларускі пісьменнік, перакладчык, мастак. Друкаваўся з 1893 г. — 183, 191, 192, 226, 281, 287, 288, 290.

Каліноўскі Кастусь (Канстанцін Вікенцій Сямёнавіч; 1838—1864), беларускі рэвалюцыянер-дэмакрат, мысліцель і публіцыст, кіраўнік паўстання 1863—1864 гг. на Беларусі і ў Літве. Адзін з выдаўцоў беларускай нелегальнай рэвалюцыйна-дэмакратычнай газ. «Мужыцкая праўда» — 271.

Калумб Хрыстафор (1451(?) — 1506), мараплавец. Вялікі адкрывальнік Амерыкі, Кубы, Гаіці, Ямайка і інш. — 198.

Кальцоў Аляксей Васільевіч (1809—1842), рускі паэт — 222, 243, 336, 372.

Канапніцкая Марыя (1842—1910), польская пісьменніца — 274.

Караленка Уладзімір Галакціёнавіч (1853—1921), рускі пісьменнік, публіцыст, грамадскі дзеяч дэмакратычнага напрамку — 228, 305, 341.

Караткевіч Мікалай, паэт XIX ст. з Мінска, які пакінуў у «Альбоме» Вярыгі-Дарэўскага верш «***Беларускі дудару» — 270.

Кандрашовіч, гл. Сыракомля У.

Каратыгін В. Г. (1875—1925), музычны крытык, кампазітар, аўтар артыкулаў пра Мусаргскага і іншых рускіх кампазітараў — 400, 401.

Каратынскі Вінцэс (1831—1891), беларуска-польскі паэт і журналіст. Выдаў 7 паэтычных зборнікаў. Яго пяру належыць мноства літаратуразнаўчых і гістарычных прац — 270.

Карскі Яўхім Фёдаравіч (1860 ці 1861—1931), рускі і беларускі філолаг-славіст, этнограф, палеограф, фалькларыст. Аўтар вядомай шматтомнай працы «Беларусы» — 259.

Кастальскі Аляксандр Дзмітрыевіч (1856—1926), кампазітар, буйны дзеяч рускай харавой культуры, даследчык народнай музыкі, унёс значны ўклад у развіццё савецкай музыкі — 401.

Кастамараў Мікалай Іванавіч (1817—1885), украінскі і рускі гісторык, крытык, пісьменнік, адзін з арганізатараў Кірыла-Мяфодзіёўскага таварыства — 230, 242.

Катлярэўскі Іван Пятровіч (1769—1838), украінскі пісьменнік, пачынальнік новай украінскай паэзіі — 264, 293.

Катул Гай Валеры (каля 87—каля 54 да н. э.), рымскі паэт — 242.

Кепскі М., беларускі паэт пачатку ХХ ст., друкаваўся ў газ. «Biellagus» — 228.

Кіркор Адам Ганоры Карлавіч (псеўд. Ян са Слівіна, Ян Валігурскі, Сабары і інш.; 1818—1886), беларускі, польскі і рускі грамадскі дзеяч ліберальнага кірунку, публіцыст, выдавец, гісторык, археолаг, літаратуразнавец, этнограф — 209, 270.

Кісель Апанас, беларускі пісьменнік сярэдзіны ХІХ ст. Біяграфія не высветлена. Паводле некаторых звестак, пісаў вершы і аповяданні на магілёўскіх гаворках. З яго імем звязваюць беларускую брашуру «Бяседа старога вольніка з новымі пра іхняе дзела», выдадзеную ананімна ў 1861 г. у Магілёве паводле распараджэння губернатара — 272.

Clemens I., звесткі не знойдзены. — 348.

Колас Якуб (Гушча Тарас, Агарак, Адзінокі і інш.; сапр. Міцкевіч Канстанцін Міхайлавіч; 1882—1956), беларускі народны паэт, прэзаік, драматург, крытык, публіцыст, грамадскі дзеяч, вучоны, адзін з заснавальнікаў сучаснай беларускай літаратуры і мовы — 188—190, 224, 227, 280, 283.

Корш Фёдар Яўгенавіч (1843—1915), рускі вучоны, філолаг-лінгвіст і літаратуразнавец — 243.

Косіч Марыя Мікалаеўна (1850 — ?), беларуская фалькларыстка, этнограф і пісьменніца. Аўтар паэмы «На перасяленне. Расказ цёткі Домны з Палесся», перакладала з Крылова і Л. Талстога. Апублікавала фальклорную працу «Ліцвіны-беларусы Чарнігаўскай губерні, іх побыт і песні» — 273.

Краеўскі Андрэй Аляксандравіч (1810—1889), рускі публіцыст, журналіст, рэдактар-выдавец часопіса «Отечественные записки» — 391.

Крапіўка, гл. Цётка.

Крапіўніцкі Марка Лукіч (1840—1910), украінскі драматург, акцёр,

рэжысёр, адзін з заснавальнікаў украінскага прафесійнага тэатра — 192.
Крапоткін Пётр Аляксеевіч (1842—1921), князь, рускі рэвалюцыянер, тэарэтык анархізму, географ і геолог. Аўтар успамінаў «Записки революционера» — 404.

Крылоў Іван Андрэевіч (1768 ці 1769—1844), рускі пісьменнік — 216, 273.

Кульжынскі Іван Рыгоравіч (1803—1884), рускі пісьменнік, літаратуразнавец, этнограф — 271.

Купала Янка (сапр. Луцэвіч Іван Дамінікавіч, 1882—1942), беларускі народны паэт, драматург, публіцыст, грамадскі дзеяч. Адзін з заснавальнікаў сучаснай беларускай літаратуры і мовы — 185—188, 223, 224, 229, 275, 279, 280, 288, 317.

Курлоў Е., рускі паэт і празаік. Вершы з яго зб. «Стихи» (М., 1910) разглядаў у сваім артыкуле «Стихи 1911 года» В. Брусаў — 371.

Ладыжанскі Мікалай Мікалаевіч (1842—1916), рускі кампазітар. У 1866—1867 г. уваходзіў у гурток «Могучая кучка» — 374.

Ламаносаў Міхаіл Васільевіч (1711—1765), рускі вучоны-энцыклапедыст, мысліцель-матэрыяліст, паэт, заснавальнік рускай літаратурнай мовы. Паводле яго праекта ў 1755 г. створаны маскоўскі ўніверсітэт — 196—199.

Лапацінскі Яраслаў Восіпавіч (1871—1936), украінскі кампазітар. Аўтар опер «Аксана», «Казка скал» і інш. — 270.

Ластоўскі Вацлаў Юсцінавіч, 1883—1938), беларускі гісторык, публіцыст, літаратуразнавец. Узначальваў Радз міністраў БНР (1919—1923). Быў у эміграцыі (г. Коўна), затым вярнуўся на Беларусь, прызнаўшы савецкую ўладу. Працаваў сакратаром Прэзідыума АН Беларусі. Акадэмік АН Беларусі. Быў рэпрэсаваны. Выдаў «Расійска-крыўскі слоўнік» (1924) і «Гісторыю беларускай (крыўскай) кнігі» (1926) — 191, 227, 229, 282, 283.

Лацарус (сапр. Лацары Морыц; 1824—1903), нямецкі філосаф, якому належыч распрацоўка тэорыі псіхалогіі народаў — 304.

Лейка Кандрат Тодаравіч (1860—1921), беларускі пісьменнік. Аўтар першай п'есы для дзіцячага тэатра «Снатворны мак» — 228.

Лермантаў Міхаіл Юр'евіч (1814—1841), рускі пісьменнік — 249—253, 256, 272, 308, 372.

Леўчык Гальяш (сапр. Ляўковіч Ілья Міхайлавіч; 1880—1944), беларускі паэт. З 1904 г. жыў у Варшаве. Друкаваўся ў «Нашай ніве» з 1908 г. Аўтар зборніка вершаў «Чыжык беларускі» — 190, 225.

Лёсік Язэп (Іосіф Юр'евіч; 1884—1940), беларускі мовазнавец і пісьменнік. Акадэмік АН Беларусі (1928). Быў рэпрэсаваны. Аўтар вядомых «Пачатковай граматыкі» і «Школьнай граматыкі беларускай мовы» — 228, 283.

Ліндэ Самуэль Базуміл (1771—1847), польскі лінгвіст, лексікограф. Галоўная праца «Слоўнік польскай мовы». Даследаваў мову Літоўскага статута — 209.

Ліпінскі Марыян Аляксандравіч (1850 — ?), рускі юрыст і статыстyk — 209.

Лобік Лявон Сцяпанавіч (1871—1918), беларускі паэт і публіцыст. У «Нашай ніве» друкаваўся ў 1910 г. Аўтар вершаваных аповяданняў «Залом у жыцце», «Лекар-вядзьмар», «Калядны вечар» і іншых твораў — 225, 281.

Лукашэвіч Платон Акімавіч (? — 1887), украінскі этнограф — 209.

Луцкевіч Антон Іванавіч (псеўд. Навіна А.; 1884—1946 ці 1942), беларускі публіцыст, літаратурны крытык і грамадскі дзеяч, супрацоўнік рэдакцыі «Нашай нівы» — 283.

Луцкевіч Іван Іванавіч (1881—1919), беларускі археолаг, этнограф і публіцыст, грамадскі дзеяч. Адзін з арганізатараў Беларускай сацыялістычнай грамады і выдання газет «Наша доля» і «Наша ніва» — 283.

Лучына Янка, гл. Неслухоўскі І.

Лысенка Мікалай Вітальевіч (1842—1912), украінскі кампазітар, дырыжор, педагог, фалькларыст, заснавальнік нацыянальнай музыкальнай школы — 374.

Львова Надзея Рыгораўна (1891—1913), руская паэтэса, супрацоўнічала ў альманаху «Жатва». У 1913 г. выйшаў адзіны яе зборнік «Старая сказка» з прадмовай В. Брусава — 371.

Ляконт дэ Ліль Шарль (1818—1894), французскі паэт і грамадскі дзеяч-рэспубліканец, кіраўнік Парнаскай групы паэтаў, якая адстойвала ідэі «чыстага мастацтва» — 193.

Ляманьскі Ян (1866—1933), польскі паэт, сатырык, байкапісец — 226.

Ляпуноў Сяргей Міхайлавіч (1859—1924), рускі кампазітар, піяніст, дырыжёр, прафесар — 401.

Ляскоўскі Юльян (псеўд. Ю. Карабіч, Бандурыст Карабіч, Марцін Мізэра), пісьменнік і этнограф 2-й паловы XIX ст. Аўтар паэтычнага зборніка «Беларускі бандурыст» (1861)—270.

Ляшамбодзі П'ер (1807—1872), французскі байкапісец, паэт-песеннік — 309.

Македонскі Аляксандр (912—913), візантыйскі імператар — 262.

Малала Іаан (2-я палова VI ст.), родам з Антыёхіі. Аўтар хронікі — 206.

Малерб Франсуа (каля 1555—1628), французскі паэт і крытык, адзін з тэарэтыкаў класіцызму — 193.

Мальер (сапр. Жан Баціст Паклен; 1622—1673), французскі драматург, актёр, тэатральны дзеяч — 303, 308.

Мамін-Сібірак (псеўд.; сапр. прозвішча Мамін) Дзмітрый Наркісавіч (1852—1912), рускі пісьменнік. «Черты из жизни Пепко» — аўтабіяграфічны раман, у якім апісваецца цяжкае, поўнае нягод жыццё літаратараў-разначынцаў — 409.

Манькоўскі І., гл. Окліч Я.

Манюшка Станіслаў (1819—1872), польскі кампазітар, дырыжор

і педагог. Стваральнік нацыянальнай класічнай оперы, класік польскай вакальнай лірыкі — 268.

Марашэўскі Каятан, беларускі і польскі драматург канца XVIII ст. Прафесар рыторыкі і паэтыкі Забельскай дамініканскай калегіі (в. Вальныцы, Верхнядзвінскі раён). Аўтар беларуска-польскай «Камедыі» і польскай трагедыі «Свабода ў няволі» — 264.

Марлінскі, гл. Бястужаў А. А.

Марозаў Іван Ігнацьевіч (1883—1942), рускі савецкі паэт. Друкавацца пачаў у 1902 г. Першы зборнік яго «Разрыв-трава» выйшаў у 1914 г. пры падтрымцы А. М. Горкага і з яго прадмовай — 413.

Маслаў Васіль Іванавіч (1885—1959), украінскі і рускі літаратуразнавец і педагог — 343.

• Мей Леў Аляксандравіч (1822—1862), рускі паэт — 314.

Меншыкаў М. О. (1859—1919), супрацоўнік «Новаго времени», рэакцыйны публіцыст — 368.

Мілюкоў Павел Мікалаевіч (1859—1943), рускі палітычны дзеяч, гісторык, публіцыст. Адзін з арганізатараў партыі кадэтаў. З 1917 г. у эміграцыі — 347, 348.

Міхайлоўскі Мікалай Канстанцінавіч (1842—1904), рускі літаратурны крытык, публіцыст, сацыёлаг — 252.

Міцкевіч Адам (1798—1855), польскі паэт, дзеяч нацыянальна-вызваленчага руху — 243, 266, 269, 270, 272.

Мрочак Юліян, паэт XIX ст. Звестак не захавалася — 270.

Мусаргскі Мадэст Пятровіч (1839—1881), рускі кампазітар, удзельнік «Могучей кучки» — 377, 378, 379.

Мухлінскі Антон Восіпавіч (1808—1877), этнограф, усходазнавец. Аўтар шматлікіх прац па арыенталістыцы — 209.

Мялешка Іван (?—1622), смаленскі кашталян, яму прыпісваецца прамова на сямейна-вядомая як «Прамова Мялешкі» — 264.

Мятлінскі Амвросій Лук'янавіч (1814—1870), украінскі паэт, фалькларыст, літаратуразнаўца — 296.

Навіна А., гл. Луцкевіч А. І.

Нарбут Тэадор (Фёдар Яўхімавіч; 1784—1864), гісторык, археолаг. Аўтар «Гісторыі літоўскага народа» ў 9 т. Даследчыкі зазначаюць, што яго «Гісторыя...» напісана з феадальна-манархічных пазіцый. Мае месца некрытычнае стаўленне да гістарычных крыніц — 209.

Насовіч Іван Іванавіч (1788—1877), беларускі мовазнавец-лексікограф, фалькларыст, этнограф. Асноўнае месца ў яго навуковай спадчыне займае тлумачальнаперакладны «Слоўнік беларускай мовы» (1870) — 272.

Навумаў Е., звесткі не знойдзены — 371.

Неміровіч-Данчанка Васіль Іванавіч (1844—1936), рускі пісьменнік, аўтар дарожных нарысаў аб аддаленых ускраінах Расіі. Брат У. І. Неміровіча-Данчанкі — 409.

Неміровіч-Данчанка Уладзімір Іванавіч (1858—1943), выдатны дзеяч савецкага тэатра, рэжысёр, драматург, вядомы і як аўтар твораў аб жыцці рускай інтэлігенцыі — 409.

Неслухоўскі Іван Люцыянавіч (псеўд. Янка Лучына; 1851—1897), беларускі паэт-дэмакрат, перакладчык — 183, 184, 272, 274.

Нікіцін Іван Савіч (1824—1861), рускі паэт. Пісаў аповяданні ў вершах з народнага жыцця, у тым ліку «Бурлак», «Русь», «Мёртвае цела», «Сустрэча зімы» і інш. — 222, 280, 308, 336.

Нікольскі Мікалай Міхайлавіч (1877—1959), вядомы гісторык, усходазнавец. Акадэмік АН Беларусі, член-карэспандэнт АН СССР — 339.

Новіч А. (Ціхановіч А., сустракаецца як А. Цехановіч), беларускі пісьменнік пачатку XX ст. Друкаваўся ў «Нашай ніве» ў 1911—1913 гг. і «Маладой Беларусі» (1912) — 227, 283.

Някрасаў Мікалай Аляксеевіч (1821—1878), рускі паэт — 222, 298, 336, 390—393, 396, 426—429.

Окліч Янка (сапр. Манькоўскі Язэп; 1880-я — 1940-я гг.), беларускі публіцыст, перакладчык, адзін з заснавальнікаў кнігавыдавецкага таварыства «Наша хата» — 192, 283.

Пагодзін Аляксандр Львовіч (1872—1947), рускі гісторык і філолаг-славіст. Рэзка крытыкаваў погляды славянафілаў — 384, 385.

Палуян Сяргей Епіфанавіч (1890—1910), беларускі публіцыст, празаік і літаратуразнавец, адзін з пачынальнікаў беларускай прафесійнай крытыкі — 187, 192, 215, 283.

Патапенка Ігнацій Мікалаевіч (1856—1929), рускі пісьменнік, аўтар твораў з быту духавенства, рускай інтэлігенцыі, літаратурнай багемы — 409.

Паўловіч Альберт Францавіч (1875—1951), беларускі паэт-гумарыст, драматург — 189, 190, 224, 225, 229, 281.

Піліпаў (сапр. Нялепка Язэп), беларускі паэт і празаік. Друкаваўся ў «Нашай ніве» з 1910 г. — 190, 226.

Пічэта Уладзімір Іванавіч (1878—1947), рускі і беларускі гісторык. Акадэмік АН Беларусі (1928). Акадэмік АН СССР (1946) — 380, 381.

Пляханаў Георгій Валянцінавіч (1856—1918), дзеяч расійскага і міжнароднага сацыял-дэмакратычнага руху, філосаф, прапагандыст марксізму — 408.

Пржэздзецкі Аляксандр Нарцыс Карол (1814—1871), гісторык, пісьменнік, выдавец — 209.

Просты Пётра (сапр. Бабіч Гльдэфанс; 1890—1944), беларускі пісьменнік. Друкаваўся ў «Нашай ніве» з 1907 г. Аўтар брашуры «Нашто беларусам газеты» (1914). П'еса «Свякроўка» засталася ў рукапісе — 229, 283.

Пушкін Аляксандр Сяргеевіч (1799—1837), рускі пісьменнік, пачынальнік новай рускай літаратуры — 231, 243, 252, 256, 372, 373, 415, 416, 417, 422.

Пшчолка Аляксандр Раманавіч (1869—1943), беларускі пісьменнік, публіцыст, этнограф — 273.

Пыпін Аляксандр Мікалаевіч (1833—1904), рускі літаратуразнавец, акадэмік Пецябургскай акадэміі АН, буйнейшы прадстаўнік культурна-гістарычнай школы ў літаратуразнаўстве — 356, 392.

Пятлюра Сымон Васільевіч (1879—1926), лідэр Украінскай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі. Адзін з арганізатараў Цэнтральнай Рады (1917) і Дырэктарыі (1918), яе старшыня з лютага 1919 г. У савецка-польскай вайне выступіў на баку буржуазнай Польшчы; у 1920 г. эмігрыраваў. Забіты ў Парыжы — 395.

Равінскі Вікенцій Паўлавіч (1786—1855), паэт і драматург. Верагодны аўтар беларускай паэмы «Энеіда навыварат» — 264.

Радчанка Зінаіда Фёдараўна (1839—1916), беларускі фалькларыст і этнограф. Склала некалькі зборнікаў народных песень. Самы багаты па колькасці твораў (676 песень) — зборнік «Гомельскія народныя песні (беларускія і маларускія...)» (1888) — 296.

Райніс Ян (сапр. Пліекшан Яніс Крыш'янавіч; 1865—1929), латышскі паэт, драматург, грамадскі дзеяч; перакладчык беларускіх народных песень — 406.

Раманаў Еўдакім Раманавіч (1855—1922), беларускі этнограф, фалькларыст і археолаг. Апублікаваў каля 200 прац па этнаграфіі, фальклору, гісторыі, археалогіі і мове беларусаў, больш за 10 тысяч фальклорных твораў — 272.

Роза Сальватор (1615—1673), італьянскі жывапісец і афартыст. Быў таксама музыкантам, пісьменнікам, акцёрам, ставіў уласныя п'есы. Аўтар вядомых палотнаў «Саул у Эндорскай чараўніцы», «Бітва», «Дэмакрыт і Пратагор» — 262.

Рубакін Мікалай Аляксандравіч (1862—1946), рускі пісьменнік і бібліёграф, энтузіяст бібліятэчнай справы і народнай асветы — 386.

Рылееў Кандрацій Фёдаравіч (1795—1826), рускі паэт, дэкабрыст — 343.

Рыман Гуго (1849—1919), нямецкі тэарэтык і гісторык музыкі — 374.

Рымскі-Корсакаў Мікалай Андрэевіч (1844—1908), рускі кампазітар, дырыжор, музычны пісьменнік і музычны дзеяч — 400, 401.

Рыпінскі Аляксандр Феліксавіч (каля 1811 — каля 1900), беларускі і польскі паэт, фалькларыст, мастак, кнігавыдавец. Рыхтаваў працу па гісторыі беларускай літаратуры — 209, 210, 266.

Саадзі Мусліхідзін (паміж 1203 і 1210—1292), персідскі паэт, класік персідскай і таджыкскай літаратуры, аўтар дыдактычнай паэмы «Бустан», зборніка прытч і навел пад назвай «Гулістан». Вядомы ў Расіі з пач. XIX ст. — 415, 416.

Сабалеўскі Аляксей Іванавіч (1857—1929), рускі філолаг, акадэмік — 418.

Сабанееў Л. Л., музычны крытык — 400, 401.

Салдаценкаў Казьма Цярэнцьевіч (1818—1901), рускі кнігавыдавец, збіральнік карцін, скульптур, кніжных выданняў — 415.

Салтыкоў-Шчадрын Міхаіл Яўграфавіч (сапр. Салтыкоў; псеўд. Н. Шчадрын; 1826—1889), рускі пісьменнік — 226, 298, 396.

Самійленка Уладзімір Іванавіч (1864—1925), украінскі пісьменнік, перакладчык — 300—315.

Сафокл (каля 496—406 да н. э.), старажытнагрэчаскі драматург — 298.

Сахноўскі Васіль Рыгоравіч (1886—1945), савецкі рэжысёр, педагог, тэатразнавец. Сцэнічную дзейнасць пачаў у 1912 г. З 1907 г. выступаў у друку — 371.

Сент-Бёў Шарль Агюстэн (1804—1869), французскі крытык і паэт — 193.

Сірын Яфрэм (пачатак IV ст.—373), нарадзіўся ў Нізібіі (Месапатамія), аўтар шматлікіх рэлігійных твораў — 206.

Скарына Францыск (1490 ?—1551 ?), беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар, мысліцель-асветнік і гуманіст эпохі Адраджэння — 261, 264.

Скіталец (псеўд.; сапр. прозвішча Пятроў) Сцяпан Гаўрылавіч (1869—1941), рускі савецкі пісьменнік. Літаратурную дзейнасць пачаў да Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі як прадстаўнік рэвалюцыйна-дэмакратычнай паэзіі канца XIX — пач. XX ст.—399.

Скрабін Аляксандр Мікалаевіч (1872—1915), рускі кампазітар і піяніст — 400, 401.

Снесараў Н. В., журналіст і публіцыст. Спачатку супрацоўнічаў у газ. «Сын Отчества», а з 1887 па 1913 г.— супрацоўнік і сакратар рэдакцыі «Нового Времени». Пасля скандальнага звальнення з газеты напісаў кнігу «Мираж «Нового Времени» — 368, 369.

Собалеў Юрый Васільевіч (1887—1940), рускі літаратуразнавец, літаратурны крытык, тэатразнавец — 371.

Сталіца (народжаная Яршова) Любоў Мікітаўна (1884—1934), руская паэтэса. У 1920 г. эмігрыравала — 402, 403.

Сталпянскі П. Н., музыказнавец. Аўтар вядомай кнігі «Старый Петербург. Музыка и музицирование в старом Петербурге» (Л., 1926) — 401.

Станкевіч Мікалай Уладзіміравіч (1813—1840), рускі філосаф, паэт, арганізатар і ідэйны кіраўнік літаратурна-філасофскага гуртка, вядомага пад назвай «гуртка Станкевіча», удзельнікамі якога былі В. Бялінскі, М. Бакунін, В. Боткін, К. Аксакаў — 215.

Стары Ёлас (сапр. Сівы-Сівіцкі Уладзіслаў Пятровіч; 1865—1939), беларускі паэт і публіцыст — 190, 225.

Сыракомля Уладзіслаў (Кандратовіч Людвік; 1823—1862), польска-беларускі паэт. Аўтар шырока вядомага верша «Пашталён», які быў пакладзены на музыку і ў перакладзе на рускую мову Л. Трэфелева вядомы як песня «Когда я на почте служил ямщиком» — 269, 270, 272.

Сянкевіч Генрык (1846—1916), польскі пісьменнік. Лаўрэат Нобе-

леўскай прэміі (1905) за трылогію з гісторыі Польшчы XVII ст. — «Агнём і мячом», «Патоп» і «Пан Валадыёўскі» — 274.

Тагор Рабіндранат (1861—1941), індыйскі пісьменнік, кампазітар, мастак, грамадскі дзеяч. Лаўрэат Нобелеўскай прэміі за зб. «Гітанджалі» — 358, 359.

Талстой Аляксей Канстанцінавіч (1817—1875), рускі пісьменнік — 189, 294—296, 308.

Талстой Леў Мікалаевіч (1828—1910), рускі пісьменнік — 390, 391, 392, 393, 396, 398, 399.

Тапчэўскі Фелікс Феліксавіч (псеўд. Хвэлька з Рукшэніц; 1838—1892), беларускі паэт-дэмакрат. Творы яго распаўсюджваліся ў рукапісах. Зберагліся ў рукапіснай «Беларускай хрэстаматыі» Б. І. Эпімах-Шыпылы — 272.

Т-кі Якуб, беларускі паэт XIX ст. Адзін з аўтараў, што ўпісалі свае вершы ў «Альбом» Вярыгі-Дарэўскага — 270.

Тургенеў Іван Сяргеевіч (1818—1883), рускі пісьменнік — 392, 393.

Тышкевіч Канстанцін Піевіч (1806—1868), беларускі археолаг, гісторык, этнограф, адзін з заснавальнікаў беларускай навуковай археалогіі — 209.

Тышкевіч Яўстафій Піевіч (1814—1873), беларускі археолаг, гісторык, этнограф і краязнавец, адзін з заснавальнікаў беларускай навуковай археалогіі. У 1847 г. — член камісіі па збору і выданню старажытных актаў, граматаў і прывілеяў гарадоў Мінскай губерні — 209.

Тэкэрэй Уільям Мейкпіс (1811—1863), англійскі пісьменнік — 305.

Уласаў Аляксандр Мікітавіч (1874—1941), беларускі выдавец і грамадскі дзеяч. З'яўляўся рэдактарам-выдаўцом «Нашай нівы» (1906—1914), рэдактарам часоп. «Саха» і «Лучынка», адным з арганізатараў віленскага выдавецкага таварыства «Наша хата» — 283.

Фалютынскі Казімір, этнограф, аўтар беларусазнаўчага артыкула ў часоп. «Вестник Европы» (1828) — 209.

Фет (Шаншын) Апанас Апанасавіч (1820—1892), рускі паэт — 301.

Франке Куно (1847—1934), аўтар даследавання «История немецкой литературы в связи с развитием общественных сил» (СПб, 1904). У рэцэнзіі на раман аб Трыстане і Ізольдзе названы М. Багдановічам Куно Франко — 337.

Франко Іван Якаўлевіч (1856—1916), украінскі пісьменнік, публіцыст, вучоны, крытык і грамадскі дзеяч — 297—299, 300, 307, 315.

Халмагораў Іван Мікалаевіч, рускі вучоны-усходазнавец. Перакладаў Саадзі на рускую мову — 415.

Храптовіч Іахім (1729—1812), асветнік і рэфарматар, падканцлер і канцлер Вялікага княства Літоўскага. У сталым узросце пісаў вершы і трактаты па паэтыцы на польскай і лацінскай мовах. У Шчор-

сах на Навагрудчыне ім была заснавана багацейшая бібліятэка — 208, 265, 267.

Цётка (Мацей Крапіўка; сапр. Пашкевіч Алаіза Сцяпанаўна; 1876—1916), беларуская паэтэса-рэвалюцыянерка. Была рэдактарам часоп. «Лучынка» — 191, 226, 228, 275, 281, 288.

Цютчаў Фёдар Іванавіч (1803—1873), рускі паэт — 199, 301, 326.

Цяцёрскі Міхаіл (?—1797), выкладчык рыторыкі Забельскай калегіі — 264.

Чарноўская Марыя, беларуская фалькларыстка і этнограф пачатку XIX ст. Аўтар працы «Элементы славянскай міфалогіі, што захаваліся ў звычаях вясковага люду на Белай Русі» — 209.

Чарнышэвіч Фёдар Іосіфавіч, беларускі паэт і перакладчык пачатку XX ст. Друкаваўся ў «Нашай ніве», у альманаху «Малаяя Беларусь» — 190, 225, 281.

Чарнышэўскі Мікалай Гаўрылавіч (1828—1889), рускі пісьменнік, рэвалюцыянер, мысліцель — 298.

Чачот Ян (1796—1847), беларускі і польскі паэт і фалькларыст. Сабраў і надрукаваў у 6 зборніках каля 1000 беларускіх народных песень — 209, 210, 266, 267, 287.

Чукоўскі Карней Іванавіч (сапр. Карнейчукоў Мікалай Васільевіч; 1882—1969), рускі пісьменнік, літаратуразнавец — 239.

Чулкоў Георгій Іванавіч (1879—1939), рускі пісьменнік — 370.

Чупрынка Грыцька Аўрамавіч (1879—1921), украінскі паэт — 316—334.

Чхеідзе Мікалай Сямёнавіч (1864—1926), адзін з лідэраў меншавікоў — 408.

Чэўкін С. М., аўтар твораў «Шестая держава», «Фабриканты нации. Истории уездной глуши» (СПб, 1915) — 409.

Чэхаў Антон Паўлавіч (1860—1904), рускі пісьменнік — 371, 398, 399.

Шамбінага Сяргей Канстанцінавіч (1871—1948), рускі савецкі літаратуразнавец — 356.

Шаўчэнка Тарас Рыгоравіч (1814—1861), украінскі паэт, мастак, рэвалюцыянер-дэмакрат — 230—248.

Шмялёў Іван Сяргеевіч (1873—1950), рускі пісьменнік. З 1922 г. у эміграцыі — 342.

Шпэт Язэп Геркуланавіч (1891—1955), беларускі пісьменнік. У «Нашай ніве» друкаваўся з 1913 г., дзе змясціў больш за 20 апавяданняў — 228.

Шубінскі Н. П., акцябрыст, член Дзяржаўнай думы — 368.

Шункевіч Аляксандр (сапр. Марозік Мікалай Фёдаравіч), беларускі і рускі паэт другой палавіны XIX—пачатку XX ст. — 183.

Шчадрын, гл. Салтыкоў-Шчадрын М. Я.

Шчарбачоў Н. В., рускі кампазітар XIX ст. Часовы ўдзельнік гуртка «Могучая кучка»—374.

Шыдлоўскі Ігнат Іосіфавіч (1793—1846), беларускі паэт, перакладчык, выдавец, фалькларыст — 209.

Шылер Іаган Крыстоф Фрыдрых (1759—1805), нямецкі паэт, драматург, тэарэтык мастацтва — 298.

Шынгароў Андрэй Іванавіч (1869—1918), рускі палітычны дзеяч, кадэт. Забіты ў Марыінскай бальніцы матросамі-анархістамі —347.

Шэлі Персі Біш (1792—1822), англійскі паэт — 298.

Шэмет-Палачанскі Ян (1826—1905), беларускі паэт. Аўтар паэм «Даўгінаўскі пагром», «Барысаў камень» і інш. Творы яго не знойдзены — 272.

Шэйна Павел Васільевіч (1826—1900), беларускі і рускі фалькларыст і этнограф. Найбольш шырока беларускія матэрыялы прадстаўлены ў кн. «Матэрыялы для вывучэння побыту і мовы рускага насельніцтва Паўночна-Заходняга краю» (1887—1902, т. 1—3) — 272.

Энгель Ю. Д. (1868—1927), рускі музычны крытык, перакладчык і кампазітар, які адыграў значную ролю ў музычным жыцці Масквы ў пачатку XX ст. — 374, 400.

Эпштэйн П., звесткі не знойдзены — 347.

Ядвігін Ш. (Лявіцкі Антон Іванавіч; 1868—1922), беларускі пісьменнік, адзін з пачынальнікаў беларускай нацыянальнай прозы — 191, 192, 215, 216, 217, 226, 227, 229, 281, 282.

Язмен А., друкаваўся ў «Нашай ніве» ў 1913 г. — 228.

Языкаў Мікалай Міхайлавіч (1803—1846), рускі паэт — 316.

Янук Д., гл. Дарашкевіч І.

Ярашэвіч Юзаф (1793—1860), польскі гісторык і юрыст. Даследаваў гісторыю Вялікага княства Літоўскага — 209.

Яфрэмаў Пётр Аляксандравіч (1830—1908), рускі бібліяграф і літаратуразнавец. Пад рэдакцыяй Яфрэмава выйшлі зборы твораў многіх рускіх пісьменнікаў: В. А. Жукоўскага (6 т., СПб, 1878 і інш. выд.), К. Ф. Рылеева (СПб, 1872), А. С. Пушкіна (6 т., СПб, 1880—1881 і інш. выд.) і інш.—343.

АЛФАВІТНЫ ДАВЕДНІК*

	С. тэксту	С. камент.
А.Л. Погодин проф. Харьк. унів. Славянскі мир	384	561
А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды	356	555
Апавяданне аб іконніку і залатару	60	491
Апокрыф	50	486
Архив села Карабихи	396	567
Башня мира	136	502
Безумец	345	554
Белорусскае возрождение	257	537
Булгарин в белорусской шуточной поэме	254	536
Валерий Брюсов. Семь цветов радуги	411	571
Ванька-встанька	156	504
В. Винниченко. Собрание сочинений, т. I—VIII	407	570
Вобразнасць апісанняў у вершах В. Марцінкевіча	420	574
Волгари	124	500
В. Самойленко	300	548
Вясной	134	501
Гарадок	130	501
Г. В. Пдеханов. Дневник социал-демократа	408	571
Глыбы і слаі	185	511
Грыцко Чупрынка	316	550
Две заметки о стихотворениях Пушкина	415	573
«Ежегодник Вологодской губернии»; Ежегодник газ. «Речь» на 1914 г.	347	554
«Ежемесячный журнал» 1914 г. № 1	341	552
Жаль книгу	159	504
«Жатва»	370	558
Желтые цветы	349	555
За сто лет	208	523
За три гады	223	527
Забутый шлях	292	547
Забыты шлях	286	546
Иван Морозов. Красный звон	413	572
Иван Франко	297	547
Из Ив. Франко. Каменщик	165	507
Из летних впечатлений	98	496
Из рассказа «Кленовые листочки» (З. В. Стэфаніка)	174	508
Именинница	72	493
І. Неслухоўскі	183	509
К генеалогии одного стихотворения	294	547
Калейдоскоп жизни	148	503
Карлик и человек	152	503
Короткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI стагоддзя	200	520
Катыш	116	499
Колька	20	484
Краса и сила	230	533

* У першай калонцы лічбаў указаны старонкі тэкстаў, у другой — каментарыяў.

Крестьянин-поэт С. Д. Дрожжин	336	551
Крым	362	557
Любовь Столица. Елена Деева	402	569
Мадонна	42	485
Марына	75	493
Michał Orzęcki. Storzcyki	414	572
М. М. Путеводитель по Галиции и ее курортам	375	559
Музыка	6	483
«Музыкальный современник» № 1—6	400	568
На углу	126	500
Н. А. Рубакин. Среди книголюбителей	386	562
ациональные проблемы»	382	561
Несчастный случай	8	483
Н. М. Никольский. Древний Вавилон	339	552
Новые письма Л. Н. Толстого	390	563
(Новый период в истории белорусской литературы)	211	525
Н. Снегсарев. Мираж «Нового времени»	368	557
Нумизматы	154	503
О взятке	162	505
Об интересном мнении г. Глебова	377	559
Одинокий	249	535
Около билетов	128	500
Около театра миниатюр	122	500
«Отечество»	405	570
П. А. Кропоткин о войне	404	569
Памяти Т. Г. Шевченко	242	534
Письма А. П. Чехова	398	567
Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского...	372	558
После концерта Яна Кубелика	145	502
Поэзия гениального ученого	195	519
Преступление	25	484
Притча о васильках	57	490
Рабиндранат Тагор. Гитанджали (Жертвопесни)	358	556
Роман Тристана и Изольды в изложении Ж. Бедье	337	551
«Русский экскурсант»	389	562
Санет	193	516
С. Д. Дрожжин	218	527
«Славянская библиотека», № 1	380	560
Смерть (З. В. Стэфаніка)	179	509
С. М. Чевкин. Шестая держава	409	571
Собрание сочинений К. Рыдеева и Одоевского	343	553
Содержание лекции «Беларускае адраджэньне»	423	575
Сон-трава	53	489
Сталецце руху беларускага народа		
Страшное	71	493
(Стремление найти метод научной критики...)	422	575
«Сярод глухой пушчы...»		
Теофиль Готье. Эмали и камни	360	556
«Украинская жизнь», 1915 г. № 1—12	394	566
Цензурные мятарства Н. А. Некрасова	426	576
(Частушка)	418	574
(Черновой незаконченный набросок)	421	574
Чудо маленького Петрика	79	494
Шаман	64	492
Экзамен	90	494
Юдава поле	424	575
Ю. Энгель. Музыкальный словарь	374	559

ЗМЕСТ

МАСТАЦКАЯ ПРОЗА

С. тэксту С. камент.

Музыка	6	483
Несчастный случай	8	483
Колька	20	484
Преступление	25	484
Мадонна	42	485
Апокрыф	50	486
Сон-трава	53	489
Притча о васильках	57	490
Апавяданне аб іконніку і залатару...	60	491
Шаман	64	492
Страшное	71	493
Именинница	72	493
Марына	75	493
Чудо маленького Петрика	79	494
Экзамен	90	494
Из летних впечатлений	98	496
Катыш	116	499
Около театра миниатюр	122	500
Волгари	124	500
На углу	126	500
Около билетов	128	500
Гарадок	130	501
«Сярод глухой пушчы...»	132	501
Вясной	134	501

КАЗКА

Башня мира	136	502
------------	-----	-----

МАЛЕНЬКІЯ ФЕЛЬЕТОНЫ

После концерта Яна Кубелика	145	502
Калейдоскоп жыцці	148	503
Карлік і чалавек	152	503
Нумізматы	154	503
Ванька-встанька	156	504
Жаль кнігу	159	504
О взятке	162	505

ПЕРАКЛАДЫ

Из Ив. Франко		
Каменщик	165	507
З В. Стэфаніка		
Из рассказа «Кленовые листочки»	174	508
Смерть	179	509

ЛІТАРАТУРНА-КРЫТЫЧНЫЯ АРТЫКУЛЫ

1. Неслухоўскі	183	509
Глыбы і слаі	185	511
Санет	193	516
Поэзия гениального ученого	195	519
Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI стагоддзя	200	520
За сто лет	208	523
(Новый период в истории белорусской литературы)		
С. Д. Дрожжин	218	527
За тры гады	223	527
Краса і сіла	230	533
Памяти Т. Г. Шевченко	242	534
Одинокий	249	535
Булгарин в белорусской шуточной поэме	254	536
Белорусское возрождение	257	537
Забыты шлях	286	546
Забутый шлях	292	547
К генеалогии одного стихотворения	294	547
Иван Франко	297	547
В. Самийленко	300	548
Грицько Чупринка	316	550

РЭЦЭНЗІІ І НАТАТКІ

Крестьянин-поэт С. Д. Дрожжин	336	551
Роман Тристана и Изольды в изложении Ж. Бедье	337	551
Н. М. Никольский. Древний Вавилон	339	552

«Ежемесячный журнал» 1914 г., № 1	341	552
Собрание сочинений К. Рылеева и Одоевского	343	553
Безумец	345	554
«Ежегодник Вологодской губернии»; Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г.	347	554
Желтые цветы	349	555
А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды	356	555
Рабиндранат Тагор. Гитанджали (Жертвопесни)	358	556
Теофиль Готье. Эмали и камни	360	556
Крым	362	557
Н. Снесарев. Мираж «Нового времени»	368	557
«Жатва»	370	558
Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского; Собрание сочинений Е. А. Баратынского и Д. В. Ве- невитинова	372	558
Ю. Энгель. Музыкальный словарь	374	559
М. М. Путеводитель по Галиции и ее курортам	375	559
Об интересном мнении г. Глебова	377	559
«Славянская библиотека», № 1...	380	560
«Национальные проблемы»	382	561
А. Л. Погодин проф. Харьк. унив. Славянский мир	384	561
Н. А. Рубакин. Среди книг	386	562
«Русский экскурсант»	389	562
Новые письма Л. Н. Толстого	390	563
«Украинская жизнь» 1915 г., № 1—12	394	566
«Архив села Карабахи»	396	567
Письма А. П. Чехова	398	567
«Музыкальный современник» №№ 1—6	400	568
Любовь. Столица. Елена Деева	402	569
П. А. Кропоткин о войне	404	569
«Отечество»	405	570
В. Винниченко. Собрание сочинений, т. I—VIII	407	570
Г. В. Плеханов. Дневник социал-демократа	408	571
С. М. Чевкин. Шестая держава	409	571
Валерий Брюсов. Семь цветов радуги	411	571
Иван Морозов. Красный звон	413	572
Michał Orzęcki. Storezyki	414	572
Две заметки о стихотворениях Пушкина	415	573

ЧАРНАВЫЯ НАКІДЫ

{Частушка}	418	574
Вобразнасць апісанняў у вершах В. Марцінкевіча	420	574
{Черновой незаконченный набросок}	421	574
{Стремление найти метод научной критики...}	422	575
Содержание лекции «Беларускае адраджэнне»	423	575

DUBIA

Юдава поле	424	575
Цензурныя мытарства Н. А. Некрасова	426	576
Мушыньскі М. І. Спадчына Багдановіча-празаіка	430	
Мушыньскі М. І. Навуковая і літаратурна-кры- тычная спадчына М. Багдановіча	446	
Каментарыі	481	
Анатаваны паказальнік імёнаў	577	
Алфавітны даведнік	595	

Літаратурна-художественное издание

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

т. II

В ТРЕХ ТОМАХ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА
ПЕРЕВОДЫ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ
РЕЦЕНЗИИ И ЗАМЕТКИ
ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

Минск. Издательство «Наука і тэхніка»

на беларуском языке

Літаратурна-мастацкае выданне

МАКСІМ БАГДАНОВІЧ

ПОЎНЫ ЗБОР ТВОРАЎ

У ТРОХ ТАМАХ

т. II

МАСТАЦКАЯ ПРОЗА
ПЕРАКЛАДЫ, ЛІТАРАТУРНЫЯ АРТЫКУЛЫ
РЭЦЭНЗІІ І НАТАТКІ
ЧАРНАВЫЯ НАКІДЫ

Загадчык рэдакцыі *Л. І. Пятрова*. Рэдактар *Л. В. Пятроўская*. Мастак *В. В. Сайчанка*.
Мастацкі рэдактар *В. А. Жахавец*. Тэхнічны рэдактар *С. А. Курган*. Карэктар *В. М. Кі-
верва*.

ІБ № 4119

Здадзена ў набор 14.10.91. Падпісана ў друк 08.10.92. Фармац 70×108^{1/32}. Папера друк.
№ 1. Гарнітура літаратурная. Афсетны друк. Ум. друк. арк. 26,25+укл. на мял. пап. 0,35.
Ум. фарб.-адб. 38,69. Ул.-выд. арк. 27,91. Тыраж 15 000 экз. Зак. № 997. Цана 50 р.

Выдавецтва «Наука і тэхніка» Акадэміі навук Беларусі і Міністэрства інфармацыі
Рэспублікі Беларусь. 220067. Мінск. Жодзінская, 18. Друкарня імя Францыска Скарыны
выдавецтва «Наука і тэхніка». 220067. Мінск. Жодзінская, 18.

